

В.А.Колосов, Н.С.Мироненко

ГЕОПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

*Допущено Министерством образования РФ
в качестве учебника для студентов
высших учебных заведений,
обучающихся по географическим специальностям*

АСПЕНТ ПРЕСС

Москва

2001

УДК 327
ББК 66.4(0)
К 61

Р е ц е н з е н т ы :

кафедра географии мирового хозяйства МГУ им. М. В. Ломоносова;
доктор географических наук, проф. *А. И. Алексеев*;
доктор географических наук, проф. *Ю. Г. Линец*

Колосов В. А., Мироненко Н. С.

К 61 Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. — М.: Аспект Пресс, 2001,— 479 с.
ISBN 5-7567-0143-5.

В учебнике впервые представлена общая картина развития двух генетически взаимосвязанных дисциплин — геополитики и политической географии. Авторы анализируют их проблемы, направления, теории, концепции, модели и гипотезы, включая новейшие достижения мировой географической мысли, почти неизвестные в нашей стране. Учебник отличается сочетанием глубокого теоретического анализа с богатым и тщательно подобранным историческим материалом. История идей раскрыта в их проявлении в системе международных отношений и политической жизни многих стран мира. Особое внимание уделено проблемам геополитики и политической географии России.

Для студентов вузов, обучающихся по географическим специальностям.

УДК 327
ББК 66.4(0)

ISBN 5-7567-0143-5

© «Аспект Пресс», 2001.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга выходит в самом начале нового, XXI в. Минувшее столетие ознаменовалось блестящими научно-техническими и экономическими достижениями, прорывами в искусстве, широким распространением образования и здравоохранения, расширением участия граждан в управлении государственными и местными делами на основе демократических принципов. В то же время закончившийся век вошел в историю трагедиями мировых войн. Появилась ядерная угроза, до глобальных масштабов возросло воздействие человеческой деятельности на природную среду, что вызвало необходимость эффективного международного сотрудничества и отказа государств от части суверенитета над своей территорией во имя разрешения экологических проблем.

Реализация самых фантастических научных и военных проектов не гарантировала ни одной стране безопасности и мира. По-прежнему сохраняется риск перерастания локальных вооруженных конфликтов «низкой и средней интенсивности» в полномасштабные войны. Волны международного терроризма грозят поколебать политическую стабильность даже самых благополучных государств. Нарастает драматический разрыв в уровне жизни между группой богатых стран («золотым миллиардом») и большинством человечества, проживающего в так называемых развивающихся странах. После десятилетий «холодной войны» Европа вновь стоит перед опасностью политического раскола. Таким образом, несмотря на обнадеживающие тенденции, политические контрасты в мире в целом не ослабевают, а лишь модифицируются и в ряде регионов остаются критически острыми.

В этих условиях международное академическое сообщество стремится по-новому определить понятия «прогресс» и «демократия» и обсуждает основные черты «постбиполярного» мирового геополитического порядка, складывающегося после распада СССР и мировой социалистической системы. Дискутируется возможность появления незападных цивилизационных моделей, которые бы учитывали экологические и социокультурные пределы западной «цивилизации потребления».

Революционные изменения в обществе и радикальная трансформация геополитической структуры мира потребовали переоткрытия двух дисциплин — **геополитики** и **политической географии**. На фоне многих других общественных наук они имеют уже довольно солидную, хотя подчас и весьма противоречивую историю. Термин «геополитика» был надолго скомпрометирован нацистскими идеологами и оставался фактически под запретом не только в бывшем Советском Союзе и в восточноевропейских странах, но и в самой Германии и ряде других стран. Политическая география также ассоциировалась с экспансионистской довоенной геополитикой. В то же время ощущалась настоятельная общественная потребность

в анализе соотношения политических сил в мировом масштабе и в крупных регионах с учетом складывающегося взаимобмена ресурсами, капиталами, товарами, социокультурных контактов, внутривнутриполитического положения и т.д. Все более актуальными становились задачи изучения взаимосвязи глобальных и региональных политических проблем, воздействия политической деятельности на сдвиги в социально-экономической географии стран и районов.

Возникла необходимость конструктивного анализа теоретического наследия традиционной геополитики и политической географии и создания новой методологии объяснения территориально-политических процессов. Вот уже более четверти века эти дисциплины вызывают растущий интерес в западных странах и за их пределами. Открываются новые академические журналы, выходят капитальные теоретические монографии и учебники, создаются научные ассоциации. Специалисты по геополитике и политической географии выступают в роли консультантов законодательных и исполнительных органов власти, политических деятелей.

В последнее десятилетие и в России обе дисциплины заняли заметное место в научной и общественной жизни. Вполне закономерно расширяется их преподавание в системе высшего образования, в частности географического. Авторы настоящего учебника начали читать курс политической географии на географическом факультете Московского университета еще в начале 1980-х годов. В 1990-х годах он трансформировался в курс геополитики и политической географии.

Особенность этого учебника в том, что авторы стремились дать представление не только о зарождении и истории обеих дисциплин, но и в особенности об их *современном состоянии* в мире и России, *наиболее значимых теоретических представлениях и концепциях*. В последние годы в нашей стране вышло уже несколько книг и учебных пособий по геополитике. Однако почти во всех из них подробно характеризуются лишь концепции традиционной «геополитики силы», большинство из которых было разработано еще до Второй мировой войны, словно развитие геополитической мысли в мире застыло в эпоху Х.Маккиндера и К.Хаусхоффера. В лучшем случае рассматриваются лишь отдельные более поздние теории, прямо или косвенно касающиеся вопросов геополитики, предложенные политологами или специалистами по международным отношениям, что создает весьма превратные представления о современной геополитике. Такой подход чаще всего обусловлен субъективными идеологическими позициями авторов — им просто удобны именно старые концепции (об этом пойдет речь ниже).

Политической географии «повезло» несколько меньше, чем модной ныне геополитике: учебников в 1990-е годы по этой дисциплине, насколько нам известно, издано только два. При всех достоинствах этих пособий, развитию теории мировой политической географии в них также уделено сравнительно мало внимания.

Поэтому мы стремились по возможности более полно дать критичес-

кий и аналитический обзор зарубежных теоретических источников последних двадцати лет — тем более что именно с этого времени и геополитика, и политическая география переживают период бурного обновления. Один из авторов имел для решения этой задачи благоприятные возможности, являясь председателем Комиссии Международного Географического Союза по политической географии и участвуя в большинстве научных мероприятий, организуемых Комиссией.

Не ставя целью конкретный более или менее исчерпывающий анализ современной геополитической картины мира или политико-географических проблем в зарубежных странах и в России, делая акцент прежде всего на теорию как ключ к их пониманию, авторы тем не менее пытались «попутно» охарактеризовать многие из них. Во всяком случае, мы стремились проиллюстрировать теоретические положения примерами из политической практики зарубежья и особенно России и других стран—наследников бывшего СССР.

Специфика настоящего учебника состоит также в том, что в нем **сопряженно** рассматриваются теоретические основания и содержание — геополитики и политической географии — генетически взаимосвязанных, но различающихся по объекту, предмету и масштабу исследования дисциплин.

В первом разделе освещаются проблемы **геополитики**, ее предмет и основные категории, излагается *историография* классической и состояние современной геополитической мысли на Западе и в России. В учебнике развивается концепция геополитики как *геополитики взаимодействия*, а не конфронтации.

Специальная глава посвящена процессам и результатам *формирования геополитического пространства мира* со времени Великих географических открытий до конца XX в. Впервые в нашей учебной литературе излагается «теория Четвертого мира», цель которой заключается в коренном изменении политической географии мира путем предоставления широкого спектра прав многочисленным малым народам, проживающим в пределах современных государств.

Теоретические проблемы *мировых геополитических циклов* раскрываются на материалах, характеризующих взлеты и падения великих держав.

Синтезирующей частью данного раздела является характеристика проблем *современного геополитического положения России*. Здесь анализируются как внешние, так и внутренние условия формирования геополитических кодов страны. Рассматривается положение России в системе Больших пространств и в пределах окружающих ее концентров (оболочек) и секторов.

Второй раздел посвящен **политической географии**. В первой главе речь идет об *этапах развития* этой дисциплины, связанных с эволюцией потребностей общества и изменениями на политической карте мира. Особое внимание уделено теории так называемой «новой» *политической географии*, возникшей примерно в середине 1970-х годов. В конце главы раскры-

Предисловие

вается концепция территориально-политической организации общества (ТПОО) и приводится типология направлений современных политико-географических исследований.

Последующие главы посвящены важнейшим элементам ТПОО на уровне государства, испытывающего все более сильные воздействия глобальных и макрорегиональных факторов.

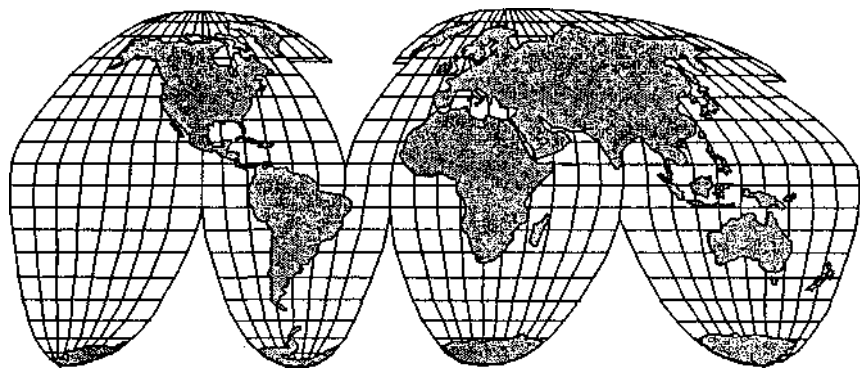
Вторая глава касается центральной проблемы политической географии — *политических и административных границ*. Рассмотрены теоретические подходы к их изучению, место в исследовании триады «территория — государство — самосознание населения», взаимосвязь системы границ *де-факто* (социально-культурных рубежей) и *де-юре* (государственных и политико-административных).

В третьей главе дано определение *федерализма*, который становится всеобщим принципом политико-административного устройства на всех территориальных уровнях, особенно на районном, субгосударственном. Приведены отличительные признаки федеративного, конфедеративного и унитарного государственного устройства, приводится сравнение государств мира, которые по конституции считают себя федерациями, показаны некоторые специфические элементы российского федерализма.

Четвертая глава касается политико-географических проблем локального уровня — *местного самоуправления, муниципального хозяйства и административно-территориального деления*.

Авторы не рассматривают в учебнике вопросы электоральной географии, политического регионализма и территориальных аспектов формирования партийно-политической системы, отсылая читателя к недавно вышедшему учебному пособию Р. Ф. Туровского «Политическая география» (М.; Смоленск, 1999), в которой им уделено много места, в том числе с использованием материалов недавних выборов в России.

Первый раздел написан Н. С. Мироненко, второй — В. А. Колосовым.

Раздел I

ГЕОПОЛИТИКА.

Модели и процессы формирования
геополитического пространства мира

Введение

О ПОНЯТИИ «ГЕОПОЛИТИКА»*

В настоящее время в постсоциалистических странах проявляется повышенный интерес к геополитике, что связано, во-первых, с необходимостью оценки нового международного статуса этих государств и, во-вторых, легализацией в них этого течения научной и общественной мысли.

В социалистических странах о геополитике было принято говорить в негативно-критическом смысле. В «Кратком политическом словаре» (1989) можно прочесть, что геополитика — это «направление буржуазной политической мысли, основанное на крайнем преувеличении роли географических факторов в жизни общества», что это идеологическое обоснование «агрессивной внешней политики империализма». Во многих публикациях послевоенного времени геополитика определялась как американско-фашистская доктрина, которая якобы обосновывала стремление американских монополий к установлению прямого экономического господства над всем миром путем агрессивной войны. В определениях не был обойден и реваншизм западногерманских империалистов. Геополитика связывалась только с негативными ассоциациями читателей: неомальтузианством в его марксистской трактовке, расизмом, социал-дарвинизмом.

Впервые более «лояльным» к геополитике в 1989 г. оказался «Советский энциклопедический словарь», определивший геополитику как западную политологическую концепцию, согласно которой «политика государств, в особенности внешняя, в основном предопределена различными географическими факторами: пространственным расположением, наличием либо отсутствием определенных природных ресурсов, климатом, плотностью населения и темпами его прироста и т.п.».

Понимая, что реальный мир устроен сложнее всех моделей и теорий о нем, в том числе геополитических, следовало бы объективно подойти и разобраться в таком неоднозначно понимаемом яв-

лении, как геополитика. Это тем более необходимо, потому что как термин это слово широко употребляется в популярном контексте, в частности в средствах массовой информации, где он нередко используется произвольно и неадекватно сущности этого понятия. При этом необходимо понимать, что предмет исследования геополитики, как и многих других общественных наук и научных течений, находится в постоянной динамике, вбирая в себя изменения реального мира.

Перестройка второй половины 1980-х годов, крушение двух-полюсного мира («США — СССР»), распад социалистического лагеря и Советского Союза, антисоциалистические революции в странах Центрально-Восточной Европы, распад Югославии и Чехословакии, объединение Германии — все эти события, часто обозначаемые как «Ялта-2» (по аналогии с Ялтинской конференцией глав правительств трех союзных держав во Второй мировой войне в феврале 1945 г., на которой были определены принципы и согласованы планы послевоенной системы международной безопасности: Европа была расколота на две части, включая произошедший позже (1949 г.) раскол Германии на Западную и Восточную), революционно изменили структуру международных отношений. В связи с перечисленными и внутригосударственными проблемами в России, а также в мире в целом произошел всплеск геополитической мысли.

Этимологически термин «**геополитика**» состоит из двух греческих слов: *гео* — земля, *политикос* — все, что связано с городом: государство, гражданин и т.п.

Термин «геополитика» в научном смысле имеет, по крайней мере, два аспекта: **культурно-психологический** и **концептуальный**.

- **Культурно-психологический аспект** как геополитическая идея отражает исторический опыт субъектов международных отношений, т.е. империй, национальных государств, народов, и подпирается определенной идеологией как системой взглядов на существующий мир и принципы его переустройства. Точнее было бы сказать, что культурно-психологический геополитический стереотип (и народа и элиты) жизнеспособен только в рамках определенной идеологии или даже мистики. Этот стереотип способствует сплочению людей, поддержанию веры в будущее, причем даже в тех случаях, когда идеология сама по себе химерична или даже антинациональна (как, например, чрезвычайно упрощен-

ная идеология расового превосходства в фашистской Германии — этом «тысячелетнем рейхе», просуществовавшем на самом деле при постоянном ведении внутренних и внешних идеологических и горячих войн всего 12 лет).

Можно утверждать, что

формирование геополитического пространства обусловлено не только строго объективными условиями и факторами (размер территории государств, особенности их географического положения, природно-ресурсный, демографический, экономический, военные потенциалы и т.п.), но и состоянием духа народов и наций, населяющих пространство определенных государств.

До определенного момента, а именно до крушения идеологии, господствующая в сознании населения геополитическая доктрина обеспечивает цельность и сохранение геополитических субъектов — империй, государств-наций (*Etat-Nation*). Не случайно государственный аппарат и заинтересованные политические группы стремятся мифологизировать необходимую для их самосохранения геополитическую доктрину, выработать «национальную идею» и прочие коды самосохранения. Когда происходит крушение идеологии, наступает слом в геополитических доктринах и национальных мифах, за которые люди до этого готовы были умирать (возьмем хотя бы классический случай крестоносцев; истовых большевиков, верящих в мировую пролетарскую революцию, классовую теорию, абстрактное равенство и прочие идеи, получившие свое практическое завершение в ГУЛАГе, «культурной революции» и т.п.).

Более того, исторический опыт показывает, что во всех известных империях всегда наступает трагический момент в геополитическом самосознании их населения. Например, после падения Австро-Венгерской империи произошло крушение идеологии австрославизма (программа переустройства Австро-Венгрии в федеративное государство, выдвигавшаяся чешскими политиками и культурными деятелями с 1840-х годов до начала Первой мировой войны) в Чехословакии, а затем логично последовал роковой для этой страны 1938 год (Мюнхенский стовор западных стран с Гитлером против Чехословакии) и далее произошла известная цепочка событий, приведшая к многомасштабным завоеваниям германских фашистов как на Западе, так и на Востоке.

В результате крушения геополитического статуса возникает проблема выработки новой геополитической идеи, которая в другой

уже внутренней и внешней среде государства служила бы кристаллизации общества. В такие моменты само общество естественным образом поляризуется (обычно на «консерваторов» и «новаторов» и представителей неопределенного, нередко коварного с общественной точки зрения «третьего пути»), и не исключено, что в ходе неизбежной общественной борьбы в основу геополитической идеи будут поставлены иллюзорные и очень опасные для нации и государства идеи.

В современном мире для ряда стран характерна поляризация идей **почвенничества**, с одной стороны, и **космополитизма** — с другой.

На примере Ирана можно видеть, как после прерванных в конце 1970-х годов достаточно радикальных реформ «сверху» (по инициативе и при содействии шаха) восторжествовала одна из упрощенных форм почвенничества — фундаментализм с исламской окраской (ислаимизм). И это привело к негативным последствиям, характерным для закрытого общества. В то же время Испания, где были традиционны (как и в России) споры между «почвенниками» и «западниками», в период позднего франкизма и после него, избежала противопоставления «универсальных законов» развития и национальной самобытности, что способствовало успешной модернизации общества и возрождению национальной духовной сферы. Некоторые исследователи считают, что Испания излечилась от «невроза самобытности». Опыт многих стран показывает, что инстинкт самосохранения вовсе не заключается в фундаментализме или ложно понимаемом величии патриотизма, нередко связываемого с интересами того или иного идеологического течения в ущерб подлинных интересов государства. Напротив, они являются сдерживающим фактором обновления общества.

Проблема неустойчивости геополитических идей относится и к имперской державности. Американский исследователь Ричард Нибур подметил, что все империи имели в себе довольно глубокие «духовные опоры» (по Нибуру — «идеи благодати»). Однако эти «духовные опоры» никогда не существовали сами по себе, они базировались на военно-государственном могуществе империй, образно говоря — на штыках. Эта связка, в конечном счете, была предпосылкой самораспада и истощения духовного кода и внутренней легитимности имперской системы [Нибур, 1996].

Культурно-психологический подход к геополитике разрабатывается и для планетарного уровня. Например, американский геополитик, директор Института стратегических исследований при Гарвардском университете **Сэмюэл Хантингтон** выдвинул и обосновал *гипотезу мировых конфликтов между различными цивилизациями*.

После того как в системе международных отношений последовательно сменились конфликты:

Введение

- преимущественно между властелинами (династические конфликты до Вестфальского мира 1648 г., завершившего Тридцатилетнюю войну в Европе между Габсбургским блоком и антигабсбургской коалицией в пользу последней);
- между нациями (после Великой Французской революции 1789-1794 гг.);
- между идеологиями (после Октябрьской социалистической революции 1917 г.) —

линии раскола между различными цивилизациями стали главными линиями геополитических фронтов¹.

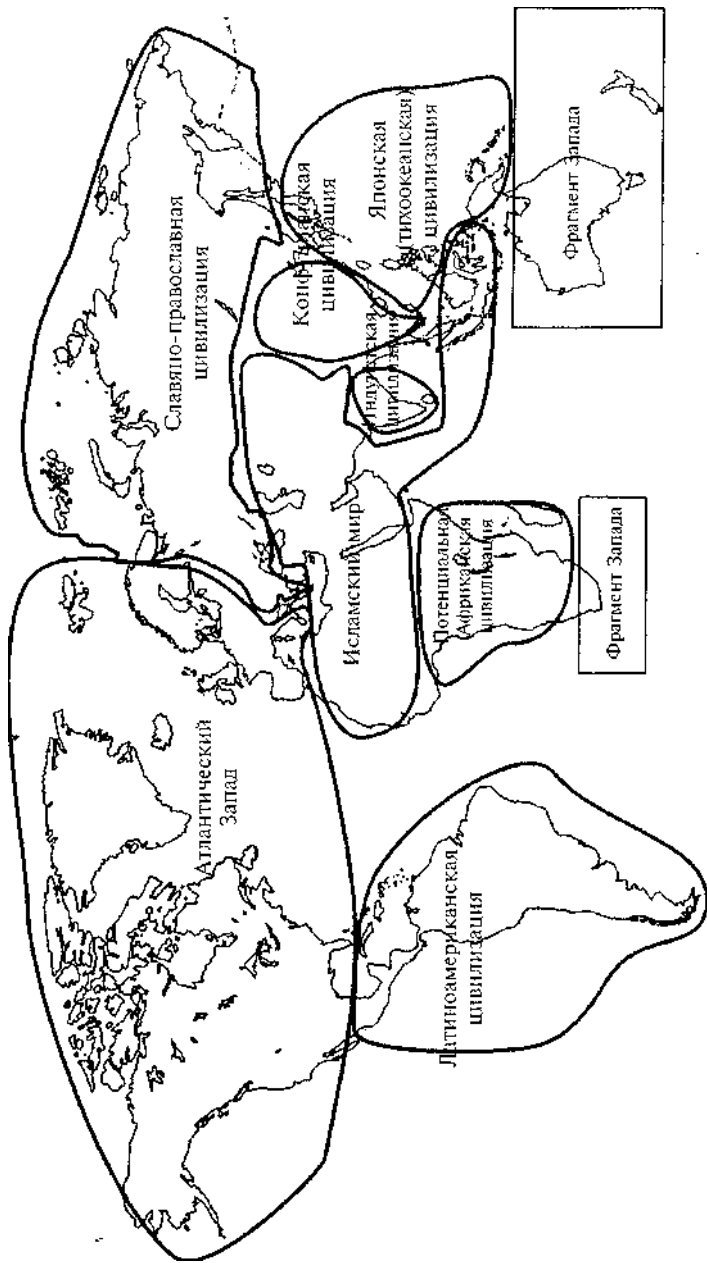
Цивилизация — это наивысшая форма культурной общности людей, или мегакультура, имеющая широчайший спектр признаков, определяющих культурную самобытность народов.

Цивилизации могут включать субцивилизации. Например, западная цивилизация имеет два основных варианта, две главные субцивилизации — европейскую и североамериканскую, а исламская подразделяется на арабскую, иранскую, тюркскую и малайскую субцивилизации (рис. 1).

Иногда, как видно на рис. 1, пространства цивилизаций перекрываются. Ученые сходятся в идентификации исторических цивилизаций, но нередко расходятся в том, что касается общего их числа. Американский социолог М. Мелко предлагает «разумное согласие» относительно 12 важнейших цивилизаций, из которых семь уже исчезли (месопотамская, египетская, критская, классическая (греко-римская), византийская, центральноамериканская, андская), а пять продолжают существовать (китайская, японская, индуистская, исламская и западная). Несколько ученых, в том числе и Хантингтон, добавляют еще русскую православную цивилизацию как отдельную, отличающуюся от ее родительской византийской цивилизации и от западнохристианской. Относительно существования латиноамериканской и африканской цивилизаций нет единого положительного согласия.

На Западе, по Хантингтону, многие геополитики склонны считать главными действующими лицами глобальных геополитичес-

¹ Правда, другой американский исследователь — Л. Страус считает, что «первой идеологической войной была война Наполеона», когда Франция воевала «против консервативных империй Востока» [Страус, 1997, с. 30].

ел
X

o

X
U
O
C
O.

s

O.
e

ких процессов национальные государства. Однако сам Хантингтон считает, что они были таковыми на протяжении нескольких столетий (со времени Вестфальского договора). *В целом же всемирная история являла собой историю цивилизаций.* Последние как понятие включают в себя ценности, институты и способы мышления, которым сменяющие друг друга поколения придают первостепенное значение. Роль цивилизаций в силу роста их самобытности в мировой истории будет приобретать все большее значение, и судьбы мира все в большей мере будут определяться взаимодействием семи или восьми цивилизаций — западной, конфуцианской, японской, исламской, индуистской, славяно-православной, латиноамериканской и, возможно, африканской.

Обоснование этой точки зрения сводится в основном к следующему.

- После «холодной войны» деление на первый, второй и третий миры устарело.
- Противостояние «холодной войны» в форме противоречия между двумя суперсилами закончилось победой одной из них — США.
- Будущие мировые кровопролитные конфликты — это конфликты между цивилизациями.

Ученым приводятся следующие аргументы в защиту своей концепции:

Во-первых, различия между цивилизациями являются базовыми, они складывались на протяжении столетий, а то и тысячелетий и скоро не исчезнут.

Во-вторых, процессы модернизации и глобализации ослабляют национальные государства с позиции их единства, сплоченности. И в подавляющем большинстве стран вперед выдвинулись религии, зачастую в виде фундаменталистских движений, особенно в исламской цивилизации.

В-третьих, рост самосознания цивилизаций усиливается двоякой ролью Запада. Запад находится сейчас в зените могущества, а среди незападных цивилизаций усиливается стремление «возврата к корням». Это разнонаправленные тенденции, способные порождать серьезные противоречия, связанные с антизападными силами в определенных цивилизациях и субцивилизациях. «Экспансия Запада» кончилась и начался «бунт против Запада», считает автор гипотезы. Незападные общества далеки оттого, чтобы быть простыми объектами истории западного типа. Они все

больше превращаются в мотор и творца как собственной, так и западной истории.

В-четвертых, цивилизационные (культурные) различия гораздо более консервативны, меньше способны к изменениям, чем политические и экономические. Русские не станут эстонцами, а азербайджанцы армянами. Еще более универсальны религиозные различия. Можно быть полуарабом, полуфранцузом и даже одновременно гражданином двух стран, но невозможно быть полукатоликом или полумусульманином.

В-пятых, усиливается экономический регионализм как в Европе, так и в Азии и Северной Америке. Значение региональных экономических группировок (Больших пространств, объединяющих несколько государств в единый экономический или политический блок), вероятно, будет расти в будущем на базе общности цивилизаций и субцивилизаций.

Хантингтон уверяет, что

государства-нации будут играть по-прежнему главную роль в международных делах, но решающие мировые политические конфликты будут происходить между нациями и группами, принадлежащими разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций будет доминировать в мировой политике.

Хантингтон считает, что уже сейчас многие конфликты носят цивилизационный характер. Причем они проявляются на микро- и макроуровнях. На микроуровне группы, находящиеся на границах цивилизаций и приходящие в соприкосновение, часто вступают в яростную борьбу, стремясь установить контроль над территорией (территория бывшей Югославии, левое Приднестровье, Курдистан, война красных кхмеров с социалистическим Вьетнамом за контроль над бассейном р. Меконг и т.п.). На макроуровне государства, принадлежащие к различным цивилизациям, стремятся утвердить свои особые ценности в зонах конфликтов (Турция поддерживает Азербайджан в его конфликте с Арменией, в бывшей Югославии мусульманские страны поддерживают боснийцев и косоваров, а Германия — Хорватию).

По Хантингтону, наиболее вероятными являются следующие разломы.

Главный разлом — это **разлом между Западом** (Атлантическая цивилизация и Япония, которая после 1945 г. тесно свя-

зана с Западом) и остальными цивилизациями. Другие серьезные линии противостояния: Запад — **исламская цивилизация**; западное христианство — **православное христианство**.

Внутри Запада военные конфликты маловероятны. На склоне XX в. Запад как цивилизация вышел из фазы своего развития, которую можно обозначить как фазу «воюющих стран», и начал движение к другой фазе — «универсального государства». Эта фаза еще не завершилась. Государства Запада объединяются в два полууниверсальных государства в Европе и Северной Америке. Тем не менее это две целостности и их составные части связаны между собой сложной сетью формальных и неформальных институциональных связей. Как известно, универсальными государствами предшествующих цивилизаций были империи. Поскольку политической формой рассматриваемой цивилизации является демократия, формирующееся универсальное государство оказывается не империей, а сочетанием конфедераций, федераций, международных режимов и организаций. Вопросы политической безопасности всемирного масштаба, считает Хантингтон, эффективно решаются геополитическим «директоратом» в составе США, Великобритании и Франции, а мировые экономические вопросы — экономическим «директоратом» в составе США, Германии и Японии.

Безусловно, те проблемы, о которых пишет Хантингтон, имеют место и влияют на мировую геополитическую обстановку. Но такой культурологический взгляд на систему международной безопасности представляется несколько узким. Культурные, цивилизационные противоречия, под которыми понимаются противоречия этнические и религиозные, имеют огромное значение, но не являются главным, как утверждает Хантингтон, источником современных конфликтов. Если следовать логике Хантингтона, противостоящие стороны в конфликтах будут сражаться за цивилизационные связи и верность цивилизации. На самом деле они предпочтут борьбу за свои геополитические интересы и свою долю в так называемом переделе мирового продукта. Конфликтующие стороны будут поддерживать своих «братьев по цивилизации» до тех пор, пока не затрагиваются их собственные коренные геополитические и геоэкономические интересы.

Таким образом, *гипотеза Хантингтона, на наш взгляд, отражает лишь частный, хотя и фундаментальный случай геополитических конфликтов. К сожалению, цивилизационная геополитика замыкается на противостоянии цивилизаций и не развивает идеи геополитики*

Раздел I. Геополитика

взаимодействия каждой цивилизации с прилегающими и отдаленными цивилизациями.

• Понимание геополитики как определенной научной концепции колеблется от размытых либо недосказанных геополитических идей, например, геополитических идей евразийцев, во многих положениях напоминающих собой национал-социалистические построения, до достаточно жестко детерминированных моделей, например, германских геополитиков накануне Второй мировой войны.

Если попытаться вынести за скобки различных геополитических построений общее, то геополитику можно определить как некую **проблемную научную область**, основной задачей которой выступает *фиксация и прогноз пространственных границ силовых полей*¹ разного характера (военных, экономических, политических, цивилизационных, экологических) преимущественно на глобальном уровне. В качестве генераторов этих полей выступают государства, межгосударственные группировки и ряд негосударственных субъектов³, в частности транснационального значения, а в качестве механизма взаимодействия силовых полей — так или иначе понимаемые геополитические интересы (имперские устремления, обеспечение безопасности государства, сохранение самобытности культуры, а также, как отмечал известный российский историк и географ Л. Н. Гумилев, амбиции пассионарных личностей и т.п.).

¹ Понятие силового поля нередко ассоциируется с пространством, контролируемым государством. Исходя из такого понимания, российский политолог К. В. Плешаков дает следующую заслуживающую внимания классификацию геополитических полей: 1) эндемичное поле — пространство, контролируемое государством длительное время, достаточное для признания другими государствами как несомненно принадлежащее данному государству; 2) пограничное поле — это пространство, находящееся под контролем государства, однако не освоенное им в достаточной степени, чтобы слиться с эндемичным полем, поэтому право контроля данного государства над этим полем может оспариваться; 3) перекрестное поле — это пространство, на которое претендуют два или более государств; 4) тотальное поле — это все непрерывное пространство, находящееся под контролем государства. Для СССР на конец 1980-х годов, например, таким полем была континентальная Евразия в пределах территории СССР, стран Варшавского договора, Монголии, а в 1978—1988 гг. Афганистана [Плешаков, 1994].

³ В системе международных отношений выделяются субъекты и акторы. В качестве субъектов могут выступать государства, а также любой орган, на который распространяется действие международного права. Актор — более широкое понятие, чем субъект, поскольку включает все действующие лица международных отношений вне зависимости от распространения на них международного права. Например, к ним могут относиться транснациональные корпорации, политические движения и организации, крупнейшие лидеры и т.д.

В результате формируется геополитическая структура мира, отличная от простой политической карты мира и выявляемая методами геополитического районирования целостного планетарного пространства. **Геополитическая структура мира — это основной объект исследования геополитики.** Она представлена множеством пространственных моделей: противостояние континентальной (теллурической) и морской (талассократической) Сил; модель Сердцевинной земли (хартленда), концепция «континентального блока», модель «хартленд-римленд», модель мирового «униполю» и т.д. (см. ниже).

Определим содержание ряда важных научных понятий, связанных с основным объектом исследования геополитики.

Геополитические модели общепланетарного уровня направлены на обоснование представлений о **мировом порядке**, т.е. о геополитической структуре мира, которая отражает баланс соотношения указанных силовых полей. Понятие мирового порядка отражает сравнительно стабильные геополитические структуры в определенные периоды международных отношений. Серьезные количественные и структурные изменения в геополитических потенциалах отдельных стран, особенно великих держав, как, например, в настоящее время в России (точнее, в бывшем СССР), и регионов мира ведут к изменениям на геополитическом глобусе, подчас революционным. Формирование объективных представлений о мировом порядке как пространственном соотношении силовых полей — это область задач со многими неизвестными, для познания которой привлекается широкий круг общественных наук.

С понятием геополитических полей тесно связаны другие фундаментальные понятия геополитики — **геопространство** (пространство Земли) и **контроль над ним**.

Рассмотрим подробнее процесс складывания современного геопространства.

Первым толчком к формированию современного геопространства стало **развитие мореплавания**, основанного на комплексе знаний в области судостроения, географии, астрономии, навигации и т.д. Благодаря скачку в мореплавании стали возможны Великие географические открытия, которые привели к «**закрытию**» мирового пространства.

Великие географические открытия определили тенденцию формирования целостного европоцентрического мира, превращения локальных и региональных исторических процессов во всемирный исторический процесс. Мореплавание впервые связало мир в еди-

Раздел I. Геополитика

ную систему, но при этом дало превосходство ведущим морским державам над континентальными.

Следующая крупнейшая трансформация геопространства была связана с последствиями *первой промышленной революции*. Мощным фактором этой трансформации стало развитие сухопутных, вначале железнодорожных, а затем автомобильных коммуникаций, что ликвидировало преимущество морских держав, сделав возможным быстрое освоение континентальных территорий. Проведение трансконтинентальных железнодорожных магистралей и разветвленной железнодорожной сети внутри государств в конце XIX в. способствовало росту геополитического значения России, Германии и США⁴.

В дальнейшем *открытия и изобретения конца XIX в.* (телефон, электрический телеграф, радиосвязь) революционизировали коммуникации по всему земному шару, что резко «сжало» геопространство (сократило время преодоления расстояний) и задало траекторию развития мировых коммуникаций.

Далее последовало *развитие авиации*, что в очередной раз изменило геопространство и геополитические представления о нем.

Как заметил А. Тойнби: «В век воздуха местонахождение центра тяжести человеческой деятельности может быть определено не физической, а человеческой географией: не расположением океанов и морей, степей и пустынь, рек и горных хребтов, дорог и троп, по распределением численности человечества, его энергии, способностей, мастерства и нравов» [Тойнби, 1995, с. 67].

Новые радикальные сдвиги в освоении геопространства, особенно в военно-стратегических целях, произошли после Второй мировой войны. *Появление ядерного оружия, межконтинентальных средств его доставки*, возможное использование космоса в военных целях привели к потере былой геополитической неуязвимости *укрытых* регионов, в частности таких узловых на геополитическом глобусе, как центр Евразии и территория США. Последние утратили возможность придерживаться стратегии изоляции от европейских дел. Появление и распространение ракетно-ядерного оружия уравнивало стратегические силы владеющих им государств независимо от их географического положения.

⁴ Германия в начале XX в. строила Багдадскую железную дорогу, которая должна была пересечь Турцию с северо-запада на юго-восток и выйти к Персидскому заливу.

На протяжении сорокалетней «холодной войны», с 1949 г. (образование НАТО и организации Варшавского договора) до 1989 г. (падение Берлинской стены), геополитическое пространство делось в основных чертах по идеологическому принципу на *три суперблока*, перекрывающих региональные и локальные политические процессы. *Западный блок* боролся с коммунизмом, *восточный* — с империализмом, а *Третий мир*, пройдя деколонизацию и строя свои национальные государства, примыкал к одной из двух суперсил, нередко меняя свои геополитические ориентации, бросаясь из крайности в крайность, т.е. от ориентации на США к ориентации на СССР и наоборот.

В результате распада СССР и социалистической системы США оказались в уникальном положении. Как отмечает известный американский политолог З. Бжезинский, США стали первой и единственной в мире действительно мировой державой. Пространственный аргумент справедливости этого положения автор видит, в частности, в том, что даже обширнейшее «мировое господство Европы не являлось результатом господства в Европе какой-либо одной европейской державы» [Бжезинский, 1998, с. 31], тогда как США это удалось сделать (имеется в виду господство США в Западной Европе).

Исследование механизмов и форм контроля над геопространством — одна из основных задач геополитики. Как механизмы, так и формы контроля над пространством изменяются со временем.

Во-первых, концепция сплошного контроля над пространством, свойственная для системы «метрополия—колония», сменилась концепцией контроля над «линиями» — коммуникациями, материально-вещественными и информационными потоками, а также над геополитическими базами.

Во-вторых, военный контроль все более отодвигается на второй план в пользу экономического. Экономический потенциал практически всегда играл роль локомотива в историческом развитии, смене влияний великих держав и изменении силовых полей.

С конца XX в. ряд исследователей развивает идею об окончательном переходе международных отношений с геополитической на гсэкономическую парадигму. Такие исследователи, как Э. Люттвак (США), К. Жак и П. Савона (Италия), Э. Г. Кочетов (Россия), считают, что мир в принципе живет по новым — гсэкономическим, а не геополитическим законам. Э. Люттвак, специалист по римской военной стратегии, определил переход от геополитики к гсэкономике как перемещение конфликтной логики в сферу бизнеса и коммерции: «Старое соперничество между государ-

ствами приняло новую форму, которую я называю «гсоекопомнкой» [цит. по: Фуше, 1999, с. 143]. Безусловно, экономические процессы играют роль ведущего фактора, но в то же время па расстановку сил в международных отношениях оказывают влияние и многие другие параметры как естественно-исторического, так общественно-исторического характера. Все их необходимо рассматривать в комплексе, как об этом говорится к энциклопедии *Americana*, с позиции стратегических интересов *Etat-Nation*.

Российский геополитик К. Э. Сорокин считает, что «одна из главных и характерных категорий геополитики как науки — это **категория экспансии**, являющаяся производной от категории государственных интересов» [Сорокин, 1996, с. 31— 32]. Под экспансией автор понимает не только имевшие место в истории военные агрессии, но и другие ее измерения: информационное, культурно-цивилизационное, религиозное и этнорелигиозное, политическое и особенно экономическое, которое и является стержнем современной экспансии.

Современное геополитическое и геоэкономическое пространство отличается сложным переплетением конфликтов и противоречий, с одной стороны, и сотрудничеством и кооперацией — с другой. Широкомасштабную региональную и глобальную экономическую экспансию осуществляют транснациональные корпорации, однако при этом современное поколение ТНК стремится учитывать культурно-цивилизационные особенности стран, ТНК вступают друг с другом в стратегические альянсы, повышая тем самым свою эффективность, и способствуют модернизации экономических структур стран и регионов с помощью прямых зарубежных инвестиций. Однако при этом возникает немало противоречий между национальным и транснациональным секторами экономики отдельных стран и их районов. В частности, они связаны с распределением ресурсов между ТНК и местным производством, углублением социального размежевания общества и т.п.

Как экспансию можно расценить и продвижение НАТО в Центрально-Восточную Европу и в пределы пространства отдельных стран СНГ.

Одна из разновидностей экспансии получила название «гуманитарная интервенция», осуществленная НАТО в Косово без мандата Совета Безопасности ООН и несмотря на протесты России и Китая. Позиция стран НАТО предполагает, что гуманитарная интервенция может быть законной только в случае экстремальной ситуации, угрожающей жизни людей, при этом наличие экстремальной ситуации должно получить авторитетное подтверждение.

Кроме того, если действия Совета Безопасности блокируются вето или угрозой применения вето. События в Косово и Восточном Тиморе дают основания предположить, что гуманитарная интервенция становится важной характерной чертой международных отношений. Имеется риск, что она может приводить к эскалации конфронтации.

Одна из основных категорий геополитики — **интересы: национальные, государственные, коалиционные** (межгосударственные). Основу государственных интересов традиционно составляют физическое выживание и политическая независимость страны, сохранение государственной территории и границ в военно-политической неприкосновенности, обеспечение безопасности и благосостояния граждан. Результирующая всей совокупности государственных интересов состоит в целенаправленном укреплении геополитической и геоэкономической мощи страны. Понятие государственных интересов практически совпадает с формулировкой национальных интересов и понятием национальной безопасности. Тем не менее это равенство возможно только в гражданском обществе, в котором соблюдаются права человека.

Известны слова премьер-министра Великобритании Генри Пальмерстона (1784—1865), что государство не может иметь ни постоянных друзей, ни постоянных врагов, но одни лишь постоянные интересы. Объективность этого положения может подтвердить такой пример. После сталинских репрессий 1930-х годов, пакта Молотова—Риббентропа 1939 г., вполне реальных секретных переговоров между Гитлером и Сталиным в 1940 г. об удалении США из Евразии для Запада союз со Сталиным против Гитлера казался невозможным, однако баланс геополитических интересов привел к неизбежному союзу, который оказался, правда, недолговечным.

Категория «интересы» делает геополитические исследования ангажированными, национально или идеологически окрашенными. Поскольку географы и политологи, занимающиеся геополитикой, слишком явно проявляли свои национальные или идеологические предубеждения, постольку в геополитике возникла проблема, связанная с субъективностью суждений. Встает вопрос, *возможна ли вообще объективная оценка места одного государства или группы стран с позиции их безопасности.*

В связи с этой проблемой интересно привести слова американского сенатора У. Дж. Фулбрайта: «Возможно, в абстрактном смысле существует объективная категория, которую называют «национальными интересами». Но человеческая деятельность связана не с абстракциями... В недавнем аме-

рикаиском лексиконе существовало по крайней мере три концепции национальных интересов: идеологическая — с антикоммунистическим подходом «холодной войны»; геополитическая, которая рассматривает международные отношения как бесконечную борьбу за власть, как ее последнюю цель; и институционально-правовая — подход, в соответствии с которым международные дела, так же как и внутренние, должны совершаться на основе законов. В зависимости оттого, какой подход вы признаете или не признаете, ваша концепция национальных интересов будет отличаться или конфликтовать с другими» [см.: Арин, 1997. С. 216].

Историческим ядром геополитики выступает география, ставящая во главу угла исследование прямых и обратных связей между свойствами пространства Земли и балансом (соперничеством или сотрудничеством) мировых силовых полей. **Методологическим ядром** геополитики при этом является «моделирование» на общепланетарном уровне, хотя в составе этой научной дисциплины существуют и региональные и локальные разделы, например, исследование границ, проблем спорных территорий, межгосударственных конфликтов и т.п. Тем не менее региональные и локальные проблемы могут успешно исследоваться только в контексте указанного методологического ядра, т.е. следуя от общего к частному.

Геополитика выявляет *объективно существующие пространственные целостности, имеющие политический смысл*. Как правило, она имеет дело с Большими пространствами (по мировым меркам). В связи с этим геополитику можно определить как политическую географию, которая имеет дело с глобальным масштабом. В этом состоит коренное отличие геополитики от политической географии при тесной их взаимосвязи. Политическая география — скорее страноведческая наука, изучающая закономерности территориально-политической организации общества на уровне государства и его районов.

Правда, сын известного немецкого геополитика Карла Хаусхофера Альбрехт считал, что политическая география — это академическая наука, изучающая объективные закономерности, а геополитика — прикладная дисциплина, которая занимается своеобразным «проектированием» мира. Однако геополитические исследования корифеев—географов XX в. показали, что граница между «философствованием» и «проектированием» в данной области весьма условна. Геополитика является и концепцией, и образом действий, а в ее интересы входит объяснение и прогнозирование геополитической расстановки сил.

Против принадлежности геополитики к географии возражают те политологи, у которых отсутствует понимание сущности современ-

ной географии. Как правило, география для них — это «постоянный фактор», а географическое пространство — неизменяющаяся сцена мировой политики. При этом понимается учет воздействия на геополитические структуры таких традиционных «переменных», как рельеф, особенности климата, гидрографической сети, физико-географического положения, размер и конфигурация территории, характер естественных рубежей государств, регионов, континентов. Роль этих «переменных» для геополитического анализа со времени первых геополитических работ существенно снизилась, хотя они не утратили полностью своего значения. Поэтому нельзя сводить роль географии к учету относительно стабильных естественно-географических условий в пространственном протекании исторических процессов. *Метод современной географии вообще не сводится к покомпонентному анализу.* География как система естественных и общественных дисциплин нацелена на *исследование пространственных взаимодействий естественных и общественных компонентов на различных иерархических территориальных уровнях — от локальных до глобальных.*

Современная географическая наука обладает также существенным методологическим интеграционным потенциалом и может выступать в качестве лидера в геополитических исследованиях.

Ни одна из наук, по сравнению с географией, не накопила столь значительных знаний о свойствах геопространства в историческом разрезе. Географии близко определение геополитики, данное в энциклопедии *Americana*.

Геополитика - это наука, изучающая в единстве географические, исторические, политические и другие взаимодействующие факторы, оказывающие влияние на стратегический потенциал государства.

Эта формулировка нуждается, на наш взгляд, в расширении влияния перечисленных факторов также на геополитическое районообразование как размежевание силовых полей между странами и их коалициями.

Следует отметить, что вопрос о роли географии в связи с геополитическими исследованиями поднимался давно. Еще в начале XX в. американский геополитик-географ И. Боумен отмечал, что часто говорят, что география не меняется. На самом деле география меняется так же быстро, как меняются идеи и технологии. Это, по Боумену, и является смыслом изменений географических условий. Практически все географы XX в. подходили исторически к значению «географического фактора» в геополитике, что и позволяет определить геополитику как географическую дисциплину.

Различаются два вида геополитических исследований: **практические** и **академические**. Большинство работ посвящено практической геополитике. В этом причина, почему в геополитике так сильно выражен мировоззренческий подход.

Так, в книге известного геополитика А. Г. Дугина «Основы геополитики» четко проводится мысль о разделении мира на «своих» и «врагов-атлаптистов» (мондиалистов). В ряде публикаций он определяет русско-православную судьбу через ее срединное положение между двумя вражескими лагерями: между европейской агрессией либерализма и азиатской агрессией фундаментализма. В качестве наставления исследователю-геополитику Дугин в упомянутой книге приводит следующие слова: «Геополитик, приступая к научным исследованиям, обязательно должен определить свое собственное место на карте геополитических полюсов; от этого будет зависеть тот угол зрения, под которым он станет анализировать все мировые процессы» [Дугин, 1997, с. 92]. Более того, этот исследователь стремится к внедрению геополитики как собственного мировоззрения в сознание русского народа: «Следует внушить всем русским основную идею, что личная самоидентификация есть второстепенная, производная величина от национальной. Русские должны осознать, что в первую очередь они являются православными, во вторую русскими и лишь в третью — людьми» [там же, с. 255]. «Русский ребенок должен пониматься вначале именно как *русский*, а потом как ребенок». «В конечном счете, должен быть выдвинут радикальный лозунг: «нация — все, индивидуум — ничто» [там же, с. 257].

Национал-социалистические идеи Дугина не отличаются новизной, они прошли испытания через практику в ряде государств, приведя к огромным человеческим жертвам.

Заметим, признание приоритета прав и интересов личности, общечеловеческих ценностей над национальными и националистическими интересами может привести к созданию пемилитаристской геополитики в русле развивающейся гуманистической географии.

Практическая геополитика, согласно другому автору, Джону Гэдису [Gaddis, 1982], служит в конечном счете созданию **геополитических кодов**. В своей книге «Стратегия сдерживания» он дал следующее определение: геополитические коды (кодексы) — это оперативные своды законов, состоящие из набора политико-географических предположений, которые лежат в основе внешней политики страны. Такие кодексы включают: определение государственных интересов, идентификацию внешних угроз этим интересам, планируемое реагирование на такие угрозы, обоснование такого реагирования. Количество кодексов соответствует количеству государств. Хотя каждый кодекс будет уникальным для конкретной страны, все же создание кодексов находится в зависимости один от другого. Дело в том, что международные отношения построены иерар-

тически в том смысле, что более сильные государства теми или иными способами навязывают свои идеи и предложения менее сильным.

Академическая геополитика предполагает суждения, свободные от национальных предубеждений. Очевидно, академическая геополитика должна пытаться извлечь разумное из прошлого и представить геополитическую аргументацию в виде всеобщих закономерностей и тенденций геополитических отношений, как это пытались сделать некоторые классики геополитики, хотя, надо признать, далеко не всегда успешно и не без предвзятой субъективности. И хотя унифицированного геополитического учения на сегодняшний день не сложилось, все же некоторые установленные геополитиками категории и причинно-следственные связи следует признать научными. Например, корреляция устойчивости геополитических структур с фундаментальными особенностями строения поверхности земного шара; зависимость геополитического баланса сил от характера взаимодействия силовых полей великих держав; * зависимость геополитической структуры мира от уровня развития и структуры транспортных средств, особенно средств доставки оружия массового поражения; причины взлета и падения великих держав; цикличность геополитических процессов и т.д.

Известный английский геополитик Д. Паркер развил научное представление о геополитическом процессе не как стихийном взаимодействии множества факторов, а как об эволюционном процессе, обусловленном объективными закономерностями формирования геополитического пространства, осложненного многофакторностью человеческой истории | Parker, 1998, p. 155-1671.

Для геополитического **районирования** планеты в геополитике успешно используется *центро-периферический подход*. Если классическая геополитика описывала дихотомию «центр—периферия» как военно-политический конфликт между континентальным центром и морской периферией, то новая геополитика — прежде всего как экономический конфликт и взаимодействие между ядром и периферией.

Контрольные вопросы

1. Назовите основные причины возможности и необходимости геополитических исследований в современной России.
2. В чем состоят различия двух аспектов понятия «геополитика»: культурно-психологического и концептуального?

Раздел I. Геополитика

3. Охарактеризуйте доводы и «слабые места» гипотезы С. Хантингтона о цивилизационных разломах и их возможных геополитических последствиях.
4. Назовите и охарактеризуйте основные вехи становления современного гсopocтpaпcтвa.
5. Что является предметом исследования геополитики?
6. Охарактеризуйте соотношение между геополитикой и идеологией в позитивистском и мировоззренческом аспектах.
7. Проведите сравнение предмета и методов геополитики и гcoэkoнoмики.

Использованная литература

1. *Арин А.* Азиатско-Тихоокеанский регион: мифы, ИЛЛЮЗИИ И реальность. М., 1997.
2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998.
3. *Дугин А. Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.
4. *Жан К., Савона П.* Геоэкономика. Господство экономического пространства. М., 1997.
5. *Кочетов Э. Г.* Геоэкономика (Освоение мирового экономического пространства). М., 1999.
6. Краткий политический словарь. М, 1989.
7. *Нибура Р.* Избранные труды Х. Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. М., 1996.
8. *Плешаков К. В.* Геоидеологическая парадигма (взаимодействие геополитики и идеологии на примере отношений между СССР, США и КНР в континентальной Восточной Азии. 1949—1991 гг.). М., 1994.
9. Советский энциклопедический словарь. М., 1989.
10. *Сорокин К. Э.* Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996.
11. *Страус А. Л.* Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России//Полис. 1997. № 2.
12. *Тойнби А.* Цивилизация перед лицом истории. СПб., 1995.
13. *Фуше М.* Европейская республика. Исторические и географические контуры. Эссе. М, 1999.
14. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций?//Полис. 1994. № 1.
15. *Gaddis J.* Strategies of Containment: a critical appraisal of postwar American national security policy. N. Y., 1982.
16. *Huntington S.* The Clash of Civilizations and Remaking the World Order. Simon & Schuster. N. Y., 1996.
17. *Luttwak E.* From Geopolitics to Gcoeconomics//Logic of Conflict, Grammar of Commerce. The National Interest, Summer, 1990.
18. *Parker G.* Geopolitics. Past, Present and Future. London and Washington, 1998.

ИСТОРИОГРАФИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Задача данной главы заключается в раскрытии формирования представлений о геополитическом пространстве мира, теоретические модели которого находятся в постоянной динамике. В ней не приводится исчерпывающий анализ биографий и научных трудов юополитиков, а дан сжатый обзор наиболее представительных с научной точки зрения геополитических идей и концепций, оказавших определяющее влияние на развитие геополитики прежде Г.сего позитивистского толка.

Изучение основных вех эволюции геополитических взглядов позволит познакомиться с методом геополитики и ее понятийным инпаратом.

1.1. Реалистическая и идеалистическая традиции В геополитике

В истории геополитической мысли существуют две основные традиции — реализм и идеализм. Причем первый является доминирующим. Реализм базируется на классических работах по управлению государством и межгосударственным отношениям. К наиболее известным из основополагающих работ этого направления • пносятся труды XVI в. Н. Макиавелли и XIX в. К. Клаузевица. Оба развивали идею необходимости выхода государства из опасного положения с позиции силы. *Угроза войны*, по мнению обоих мыслителей, — *основа реалистической рекомендации для международных отношений*. Именно из-за этого идеалисты обвиняют реалистическую традицию в аморальности. Идеализм же пытается поставить международные отношения на прочную «конституционную основу».

Сначала рассмотрим основные идеи и положения реалистической традиции. Большинство геополитиков стоит на позициях

Раздел I. Геополитика

реализма. Они создали *позитивистскую геополитику*. В начале XX в. реалисты стремились к формулированию законов международных отношений, к всеобъемлющим геополитическим объяснениям мировой истории как замкнутой в рамках земного шара целостности.

Так, германский географ Ф. Ратисль в конце XIX в. поставил проблему поиска всеобщих законов политического развития государства. «Подчеркнутый позитивизм всегда оттенял уверенность в том, что это понимание должно быть достигнуто через открытие повторяющихся моделей и процессов, испытывающих мощное воздействие географических различий» [Паркер, 1993, с. 25]. На основе позитивизма сложилась «реальная политика» как одно из главных направлений теории международных отношений.

Реальные политики в своих представлениях исходят из тезиса о неизбежности столкновения интересов государств на международной арене в борьбе за *ограниченные ресурсы, контроль над коммуникациями* и т.п.

В отличие от внутригосударственных конфликтов, которые имеют сдерживающие средства в виде законодательной, исполнительной и судебной систем власти, конфликты между государствами не имеют таких значительных ограничений либо ограничения находятся в зачаточном состоянии. Поэтому межгосударственные отношения происходят в условиях преимущественного использования дипломатии. Угроза насилием превращается в основной инструмент межгосударственных отношений.

Реально-политические подходы нашли отражение в таких теориях и понятиях, как «стратегия быстрого реагирования», теория «взаимно гарантированного уничтожения», «восточная политика», «железный занавес», доктрина «массированного возмездия», программа «новых рубежей», политика «блестящей изоляции», доктрина «устрашения», «холодная война».

Основные современные теоретические разработки в области реальной политики относятся к 1950—1960-м годам. Однако и в настоящее время многие государства и политики придерживаются принципов «политического реализма». При этом от *реальных политиков* следует отделять *диктаторов*, для которых характерна узурпация политической власти и распространение неограниченного господства на все стороны жизнедеятельности общества. Ряд диктаторов, обладая безграничной жадностью власти, стремятся к мировому господству, не учитывая реальной расстановки сил и тра-

1. Историография зарубежной геополитической мысли

гических последствий для себя и человечества. Диктаторов скорее можно отнести к идеалистам, нежели к реалистам. Например, Гитлер руководствовался в своих устремлениях идеалистической концепцией расизма.

Перейдем к рассмотрению идеалистической традиции в геополитике. Идеалистическая проблема обеспечения мира и безопасности без войны и господства великих держав поднималась на протяжении столетий. Так, философы времен Просвещения воспринимали систему международных отношений как шестеренки гигантского часового механизма Вселенной и считали, что время поистине работает на этот механизм, неумолимо везя человечество к всеобщему благу. В 1751 г. Вольтер описывал «христианскую Европу» как «нечто вроде огромной республики, разделенной на ряд государств, часть которых монархические, часть же — смешанные по устройству, но все они обладают одними и теми же принципами общественно-политического права, неизвестными в других частях света. Эти государства превыше всего следуют воедино премудрой политике поддержания сил друг перед другом, насколько это возможно, эквивалентного равновесия сил».

Эту же самую тему разрабатывал Монтескье. Для него равновесие сил представлялось средством превращения разнообразия в единство [Киссинджер, 1997, с. 56].

Известный американский дипломат Г. Киссинджер отмечает, что философы подменяли намерения результатом: «В продолжение всего XVIII в. государи Европы вели бесчисленные войны и не помышляли о теоретическом обосновании принципов построения мирового порядка. В тот самый конкретный момент, когда международные отношения начинали основываться на силе, возникало такое количество новых факторов, что расчеты становились все более и более невозможными» [там же].

Одним из виднейших политиков XX в., стоявшим на идеалистических позициях в геополитике, был 28-й президент США Вудро Томас Вильсон (1856—1924; президент с 1913 по 1921 г.), который хотя и инициировал вступление США в Первую мировую войну, но в то же время выдвинул программу либерального мирового порядка «Четырнадцать пунктов»⁵.

⁵ Из «Четырнадцати...» восемь были названы обязательными: открытая дипломатия, свобода мореплавания, всеобщее разоружение, устранение торговых барьеров, беспристрастное разрешение колониальных споров, воссоздание Бельгии, шмюд войск с российской территории, учреждение Лиги Наций. Остальные шесть

В. Вильсон лично участвовал в Парижской конференции (по итогам Первой мировой войны) и был «звездой мирной конференции» [там же]. Главное отличие от реализма в его идеалистической программе состояло в следующем. Реалисты считают, что ответственность за международные отношения несут сильные государства. Программа Вильсона потребовала, чтобы мировой контроль осуществлялся с помощью коллективной деятельности всех государств мира. «Вильсон отвергал мысль о существовании структурных причин международных конфликтов. Полагая, что гармония — вещь естественная, Вильсон жаждал учреждения институтов, которые устранили бы иллюзию конфликта интересов и позволили бы утвердиться подспудному чувству мировой общности» [там же, с. 206]. Главный результат этого типа мышления выразился в создании Лиги Наций по окончании Первой мировой войны.

Интересно, что современник Вильсона реалист Х. Маккиндер скептически относился к благим намерениям Вильсона, проводившего свои идеи в Версале. В своем труде «Демократические идеалы и реальность» (1919), вышедшем сразу же после окончания Первой мировой войны, он приводит пример, что один римский полководец-победитель, триумфально вступая в Рим, вез па своей колеснице раба, задача которого была нашептывать полководцу, что и он смертен. Надо бы, писал Маккиндер, «некоему воздушному херувиму» во время совещаний в Версале нашептывать в уши собравшихся государственных деятелей союзных стран забытые истины геополитики. Все это нужно для того, чтобы предупредить их о том, что *преследование идеалистических целей без предварительного должного учета географических реалий обречено на провал* [Паркер, 1993, с. 34—35]. Версальский мировой порядок просуществовал лишь два десятилетия, до Второй мировой войны, которая привела к еще более трагическим последствиям, чем Первая.

Говоря об идеалистическом направлении геополитической мысли, крупный американский исследователь Н. Спикмен утверждал, что величайшая ошибка состоит в наивной вере, что в мире силовой политики хорошие отношения складываются будто бы благодаря дружеским чувствам между лидерами или народами. За все пять тысяч лет истории международных отношений не было

пунктов, которые скорее «следует», чем «надлежит» достигнуть: возврат Франции Эльзас-Лотарингии, получение автономии для национальных меньшинств Австро-Венгерской и Османской империй, пересмотр границ Италии, вывод иностранных войск с Балкан, интернационализация Дарданелл и создание независимой Польши с выходом к морю.

ничего, что могло бы хоть как-то подкрепить эту веру. Союзы создаются, говорил Спикмен, не благодаря чувствам и эмоциям, а вследствие действия географических причин и баланса сил. Если при этом и возникают какие-то дружественные чувства по отношению к союзнику, то они обычно — следствие, а не причина политического сотрудничества [Spukmen, 1944].

А такие французские географы, как Видаль де ла Блаш, Альберт Деманжон, видели решение проблемы мировой безопасности в создании сообщества государств, действующих вместе в общих интересах. В истории дипломатии известно наименование «Бриановская Европа». Основываясь на идеях Руссо, Канта, Мадзини, Гюго и других западноевропейских мыслителей, французский министр иностранных дел Аристид Бриан в 1929 г. в своем выступлении в Лиге Наций заявил о необходимости экономического, политического и социального федерального союза европейских наций, что в наши дни претворилось в создании Европейского союза. Французские географы Ив Лакост и Мишель Фуше отмечают возможность распространения интегральной политики, оправдавшей себя в Западной Европе, на другие регионы мира. *Жизнеспособность модели новой Европы может в конечном счете привести к победе принципа интеграции над догматическим принципом господствования и контроля одних стран над другими.* «Идеализм, если он хочет сохранить место в геополитическом мышлении, нуждается в создании серьезной базы для внесения вклада в образование нового мирового порядка, прочного настолько, чтобы противостоять все еще существующим опасностям. Такая модель должна трансформироваться из рекомендательной в нормативную, если она может предоставить реальный выбор для человека в борьбе «против судьбы» [Паркер, 1993, с. 34].

Как научное направление идеалистические идеи постепенно оформились в **иренологию** (от греч. *eirunh* — мир). Противоположное по названию научное течение — **полемология** (от греч. *polemos* — война) как направление в зарубежной политологии, в рамках которого исследуются войны и вооруженные конфликты, тесно связано с исследованиями мира, т.е. иренологией. Ведущим иренологическим учреждением считается Международный институт исследований мира в Осло, созданный в 1959 г. Й. Галтунгом. влиятельным международным институтом является также Стокгольмский институт исследований мира (СИПРИ), а также Международный институт мира в Вене. В США среди иренологических

центров видное место принадлежит Институту мирового порядка, созданному С. Медловицем.

Полемология получила развитие после Второй мировой войны в работах французского социолога Г. Бутуля, нидерландского политолога Б. Реллинга, итальянского политолога Ф. Форнари. Полемологи руководствуются принципом: «Хочешь мира — осмысли войну». Их задача определена как междисциплинарное исследование войн, конфликтов и других форм коллективной агрессивности в целях их предотвращения.

1.2. Геополитические идеи первопроходческого значения

Выдающийся итальянский историк и политический мыслитель эпохи Возрождения **Никколо Макиавелли** (1469—1527) родился во Флоренции в семье юриста. Значительная часть его жизни была связана с государственной политической службой в правительстве Флорентийской республики. Его карьера прервалась в 1512 г. Отстраненный от государственной деятельности, Макиавелли в 1513—1520 гг. (период наибольшей творческой активности) написал три своих главных политических сочинения: «Государь», «О военном искусстве», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (Ливии — римский историк I в. до н.э. — I в. н.э., главным сочинением которого является «История Рима от основания города» в 142 книгах, из которых сохранилось 35).

Книги Макиавелли представляли собой анализ причин успешного управления государством и попытку вывести всеобщие закономерности политической жизни. Переворот, совершенный Макиавелли, заключался в его методе, коренным образом отличавшемся от теологической традиции оценки политических событий. Его метод опирался на изучение самой действительности, а не на отвлеченные теософские построения.

Трактат «Государь» по существу является руководством по созданию сильного централизованного государства, способного противостоять внутренним и внешним врагам. По Макиавелли, для блага государства следует пойти на все. Так, Манлий Торкват (римский полководец, консул — IV в. до н.э., спас Капитолий от галлов) предал смерти горячо любимого сына, нарушившего воинскую дисциплину. Для спасения и защиты родины, по Макиавелли, может оказаться приемлемым и обман, и жестокость. Государь

должен твердой рукой укреплять свою власть, не сковывая себя моральными нормами, если это диктует ситуация.

Благодаря такому жесткому реализму макиавеллизм стал синонимом оправдания самых коварных средств борьбы (обмана, веротомства, предательства, подкупа, даже убийства) ради государственной безопасности или достижения патриотической цели. Тем не менее, вчитываясь в работы Макиавелли, можно понять, что это во многом беспристрастный анализ в последующие столетия был абсолютизирован критиками, приводимые им примеры из политической истории трансформировались некоторыми специалистами по макиавеллизму в нормы политического поведения государственных деятелей.

В «*Рассуждениях...*» Макиавелли развивает, в частности, пропрессивные идеи о том, что республика является лучшей формой организации государства потому, что эта форма правления лучше других обеспечивает гарантии поддержания свободы и безопасности граждан. Тирании, авторитарные режимы всегда заканчиваются ослаблением, нищетой и упадком.

Во времена Макиавелли непрерывно велись захватнические войны. «Французы, испанцы, швейцарцы, немецкие ландскнехты — все побывали там (в Италии. — *Н. М.*), и мелкие династы не знали, чей сапог им целовать. Последовательно, кусок за куском разорялась итальянская земля. Чем дальше, тем становилось хуже. Создавалась угроза самостоятельному политическому бытию Италии, а с ней хозяйственной и политической свободе торгово-промышленной буржуазии» [Дживилегов, 1996, с. 588].

Оценивая ситуацию в Италии и реакцию на нее Макиавелли, известный российский историк А. К. Дживилегов отмечает: «Италия не могла обороняться. Почему? Этот вопрос задал себе Никколо. Мы знаем его ответ: во-первых, потому, что в Италии нет политического единства, во-вторых, потому, что в Италии нет своей, не наемной, национальной армии. Что же было делать? Ответ... был беспощадно ясен: создать единство и создать армию» там же, с. 589].

Карл Клаузевиц (1780—1831). Этот полководец и ученый — свидетель войн Французской революции — имел огромный боевой опыт, полученный в сражениях против Наполеона в составе русской и прусской армий. Главный труд Клаузевица «*О войне*» (1832—1834). Им было изучено более 180 войн и походов, начиная с событий нидерландской буржуазной революции. В работе он изложил свой взгляд на сущность войны, опираясь на формулу, что

война «есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами». Это положение о связи войны и политики считается выдающимся научным достижением. Войны выигрываются или проигрываются задолго до их начала. Исход войны всегда связан с предшествующей государственной жизнью. «Завтра делается «сегодня» [Клаузевиц, 1994, с. 41].

Клаузевица ценил В. И. Ленин. Российский генерал В. Н. Лобов в связи с этим замечает, что Ленину «принадлежит весьма симптоматичное искажение ключевой мысли Клаузевица о войне как продолжении политики государства иными средствами. Изъяв из этой формулы слово «государство», В.И. Ленин до чрезвычайности расширил понятие войны, подвел под ее определение борьбу классов. Тем самым он дал обоснование гражданской войне и оправдал сопутствующий ей террор» [Лобов, 1997, с. 20—21].

1.3. Основоположники геополитических представлений

Ф. Ратцель — предтеча современной геополитической мысли

Общепризнанно, что геополитическая мысль в собственном понимании этого явления начинается с немецкого географа **Фридриха Ратцеля** (1844—1904). Он родился в Карлсруэ. После раннего этапа его деятельности, связанной преимущественно с естественными науками, он стал заниматься географией сначала в качестве профессора географии в Мюнхенском, а позже в Лейпцигском университете (1876-1904) [Dictionary, 1994, p. 205].

В Мюнхене ученый вначале занимался развитием идей антропогеографии, а затем политическими аспектами географии. Активная научная деятельность исследователя проходила в период существования Германской империи, которой предшествовал конгломерат враждующих друг с другом мелких государств. Успешные реформы «железного канцлера» Отто Бисмарка конца XIX в. дали импульс экономическому и военно-политическому подъему Пруссии.

К главным трудам Ф. Ратцеля по политической географии относятся: *Законы пространственного роста государств* (1896); *Политическая география* (1897)⁶; *Море как источник могущества народов* (1900)

В конце XIX в. применение географических методов в понимании и объяснении политических и международных процессов было со-

⁶ «Политическая география» была опубликована на русском языке в изложении Л. Д. Сиинцкого в журнале «Землеведение».

исршеиио ново. Правда, географический подход играл значительную роль в европейской, в частности французской, стратегической мысли начиная с XVII в., а ко времени Великой французской революции он был одним из основных для систематизации взглядов на роль Франции в Европе. Тем не менее *география воспринималась в • aide сцены и декораций, где разыгрываются общественные драмы.*

Ратцель делает первую серьезную попытку создания пространственного подхода к объяснению смысла политических событий. Этому способствовала общенаучная среда конца века, в частности увлечение учеными-обществоведами эволюционной теорией. Очевидно, для становления Ратцеля-эволюциониста сыграл большую роль «дичай. Во время учебы в Гейдельберге он учился у Э. Геккеля, который был прямым учеником Ч. Дарвина.

Дарвинизм обладал огромным методологическим средством объяснения, но его применение в социальных науках оставалось «нормным вопросом. В результате возникает социал-дарвинизм, который включает человечество в окружающий мир, в том числе природный.

Однако проблема соединения социальных наук с дарвинизмом состояла в том, что

согласно дарвинизму приобретенные в онтогенезе (индивидуальном развитии организма) признаки не наследуются. В то же время ламаркизм и неоламаркизм признавали, что указанные признаки наследуются. Если это оказалось неверным для биологических организмов, то для социальных стало принципом исследования их эволюции в связи с тем, что культурные накопления и традиции в обществе наследуются последующими поколениями.

На основе эволюционной теории Ратцель развивает идеи государства. *Государство— одна из форм распространения жизни на земной поверхности.* Из симбиотического взаимодействия между ч'млей, почвой (*Boden*) и народом (*Volk*) государство приобретает свою организационную форму, свою органическую сущность. Государство есть организм, в составе которого известная часть :емной поверхности играет настолько существенную роль, что все > нойства государства определяются свойствами народа и его территории. Такими территориальными или естественными, природными свойствами являются величина, положение, формы поверхности, растительность и орошение, отношение к другим частям

Раздел I. Геополитика

земной поверхности. Но когда мы говорим о «нашей земле», мы связываем в своем представлении с этими природными свойствами также и все то, что создал из этой земли человек своим трудом: здесь проявляется уже известная духовная связь земли с нами, ее обитателями, и со всею нашей историей» [Политическая география, 1898, с. 53]. Свое учение Ратцель назвал *биогеографической концепцией*. От других она отличалась своей географической социальной сущностью. Важнейшими признаками географической сущности явились детально разработанные ученым понятия «пространство» и «географическое положение». От их взаимодействия, по Ратцелю, зависит состояние государства.

Процветание государства, утверждал Ратцель, полностью основывается на свойствах его территории. Для своего существования государство должно обеспечить себя достаточным жизненным пространством (*Lebensraum*). Только значительное пространство может обеспечить доминирующие позиции в мире, что и должно преследовать государство. Преследование власти среди других стран может сделать государство мировой державой (*Weltmacht*) и, в конце концов, привести его к мировому господству. Динамичный территориальный рост отличает процветающие государства от упадочных, утверждал Ратцель.

Каждый народ и каждое государство имеют свою «пространственную концепцию», заключающуюся прежде всего во взглядах на пределы *Lebensraum*. Упадок государства является результатом слабеющей пространственной концепции, «пространственного чувства» и «жизненной энергии». Экспансия государства, включая войну, рассматривалась им как естественная тенденция в развитии государства-организма.

Ратцель считал основной тенденцией «потребность человека в большом пространстве и способность его использовать». Ни один из примитивных, по Ратцелю, народов не создал большого по размерам государства. Глобальный вес, считал он, в будущем будут иметь крупные государства, занимающие большие континентальные территории, подобные Северной Америке, России, Южной Америке, Австралии. Если государство желает быть подлинной великой державой, говорил Ратцель, оно должно иметь в качестве своей пространственной основы около 5 млн кв. км. Действительно, смена гегемонических циклов государств с XV в. шла в

направлении передачи господства странами меньшего размера странам большего размера.

Ратцель сформулировал *семь основных законов* пространственного роста государства:

- Пространство растет вместе с ростом культуры нации.
- Рост государства сопровождается такими аспектами развития, как идеи, торговля, миссионерство и активность.
- Рост государства осуществляется путем присоединения и поглощения малых государств.
- Граница — это периферийный орган государства, в котором проявляются его рост, сила или слабость и все изменения в организме государства. Сильное государство — то, которое в состоянии поддерживать тесные связи между своими пограничными зонами и сердцевиной. Любая тенденция к ослаблению этого взаимодействия неизбежно ослабит государство и приведет к потере пограничной зоны, которая может провозгласить независимость от центра или присоединиться к соседнему государству.
- В своем росте государство стремится вобрать в себя наиболее ценные элементы физико-географической среды: береговые линии, русла рек, равнины, районы, богатые естественными ресурсами.
- Первый импульс к территориальному росту приходит к примитивным государствам извне, от более высоких цивилизаций.
- Общая тенденция к слиянию территорий, разветвляясь, переходит от государства к государству и набирает силу. По мнению Ратцеля, государства в своем пространственном расширении стремятся к естественно замкнутым конфигурациям. И это стремление к вращению в естественные границы может быть удовлетворено в границах континентов.

Приведенные Ратцелем «законы» отражали реальность международных отношений в конце XIX в. и тот тип мирового порядка, когда мощь и богатство государства отождествлялись с размерами контролируемой им территории.

Германия во времена Ратцеля только оформилась как единое национальное государство. Германская империя была провозглашена в 1871 г. после победы Пруссии во Франко-Прусской войне. Окрепшая Германия окончательно развалила (после аннексии ею Эльзаса и Лотарингии) систему геополитического равновесия в Европе, установленную Венским конгрессом 1815 г., завершившим Наполеоновские войны. Послеконгрессный период был уникален. В течение более восьмидесяти лет в Европе не было всеохватывающих войн, а периодически созываемые Международ-

Раздел I. Геополитика

ныс конгрессы разрешали межгосударственные споры, которые могли нарушить поддерживаемый порядок.

В общеевропейской системе баланса сил роль арбитра играла Великобритания, опередившая другие страны в промышленном развитии и приобретении колоний. Теперь же под давлением растущей экономической и военно-морской мощи Германии Великобритания стала терять роль арбитра. Эта страна была владычицей огромного внеевропейского пространства, но не владела Европой.

Постепенно Европа разделилась на два лагеря. Началась новая борьба за передел мира, за колонии, куда и было в основном перенесено соперничество между ведущими европейскими державами, включая Германию. Все это объясняет, почему главным содержанием политической географии конца XIX в. было обоснование борьбы за раздел мирового пространства.

Германия довольно поздно, лишь в 80-е годы XIX в. вступила на арену колониальной политики. К тому времени только внутренняя Африка в значительной мере не была поделена между колониальными державами. В 1876 г. в Африке 10,8% территории принадлежало метрополиям, а уже в 1900 г. — 90,4%. Однако Первая мировая война разбила мечты Германской империи, надеявшейся на расширение своих колоний. У Германии было отнято и то сравнительно малоценное, что у нее ранее было. К тому же она понесла потери в своей европейской территории, а ее политические границы претерпели деформацию.

Ратцель развил также идею о противостоянии между континентальными и морскими мировыми центрами. При этом он считал, что решающая схватка между этими противоположностями мирового политического процесса произойдет в зоне Тихого океана (по его определению, океана будущего), завершив собой в катастрофическом финале эволюцию человеческой истории [цит. по: Gyorgy, 1944, p. 159]. В бассейне Тихого океана, считал ученый, будет решаться соотношение пяти держав: Великобритании, США, России, Китая и Японии. В этом конфликте континентальные державы с их богатыми ресурсами будут иметь преимущество перед морскими державами, не обладающими ни достаточным пространством, ни достаточными ресурсами в качестве своей геополитической базы.

Р. Челлен — автор понятия «геополитика» Первым ученым, введшим понятие «геополитика» — «географическая политика», был шведский государственный вед и географ **Рудольф Челлен** (1864—1922). С 1901 по 1922 г. Челлен был профессором Гётеборгского, а затем Упсальского университета. В начале карьеры его основные научные работы были связаны с историческими и конституционными аспектами госу-

барственности. Поворотной точкой в творческой жизни Челлена > гало знакомство с идеями Ф. Ратцеля. Среди главных трудов Челлііа: *Великие державы: очерки из области современной большой политики* (1914)⁷, *Государство как форма жизни* (1916), *Основы системы политики* (1920).

Как и Ратцель, к государству Челлен подходил как к живому организму со сложной структурой, развивающемуся в пространстве. Чо Ратцеля и Челлена государству приписывалась лишь официальная и конституционная сущность. Считалось, что власть и законность являются прямым следствием совокупности различных соглашений, династических браков и альянсов с благословения церкви.

Государство как организм имеет не только «тело» в виде пространства, но и «душу», представленную нацией. Государство как биологический организм, стоящий над индивидуумами и одновременно включающий их, обладает особым видом «разума» и надеюно волей к власти. Ему как единичному существу приходится нести борьбу за существование, которая поглощает часть его сил и имечет за собой определенной силы трение с окружением.

Силу государства Челлен определял как функцию от пяти его свойств: территории, хозяйства, народа, общества, власти. В соответствии с этим наука о государстве должна состоять из пяти дисциплин: *геополитика, экополитика, демополитика, социополитика и кратополитика.*

Геополитика является наиболее важной из этих дисциплин, • Шя которых она служит базисным элементом. Это объясняется тем, что государство представляет собой пространственный организм и по поведение определяется этой сущностью.

Геополитика, по его определению, — это учение о государстве как географическом организме в пространстве (1910). В ее состав, по Челлену, входят:

• *Топополитика, которая изучает политическое окружение данного государства.* Центральный вопрос для нее — давление на государство, оказываемое со стороны внешнего окружения. Такое давление усиливается или облегчается политическими союзами и иными подобными соглашениями. Географическое положение, по Меллену, в известном смысле, может быть признанным «ключом ко всей политике». Он считал, что буферное или периферийное

⁷ Сокращенный вариант этой работы под названием «Современные державы» шлдержал 19 изданий в Германии.

положение государства всегда является привлекательным для политического давления.

• *Морфополитика*— учение о форме государственной территории. Пространство изучается как таковое без внимания к его материальному содержанию. За идеальную форму территории государства, по Челлену, принимается круг, а государства, форма территории которых удаляется от круга и имеет продолговатый вид (например, Норвегия), проигрывают с геополитической точки зрения. Размер государства составляет фундамент его мощи.

• *Физиополитика*— учение о государственной территории с позиции ее содержания или, как говорил Челлен, это учение о «доминимуме». Предметом физиополитики является физическое заполнение расположенной в пределах государственных границ территории. В этом случае приобретают важное значение все физико-географические свойства территории, оказывающие влияние на политику государства.

Представление о мощи государства, по Челлену, может быть выражено следующей записью:

$$\text{Мощь государства} = f(\text{естественно-географические свойства} + \text{хозяйство} + \text{народ} + \text{форма государственного правления}).$$

Под хозяйством он понимал способность государства существовать с помощью имеющихся на его территории собственных ресурсов, положение государства в мировом хозяйственном обороте и экономическую политику, включающую много проблем, среди которых проблема свободы торговли и протекционизма, а также колонизации, стремящейся к отысканию новых источников сырья и рынков сбыта. Челлен стоял на позициях автаркии, т.е. пытался создать концепцию экономически самодостаточного, закрытого государства — защищенного «народного дома» (*Folkhemmet*).

Народ он характеризовал в культурном, этническом и демографическом отношениях. Социальный состав населения понимался им как коммунальная организация населения и его классов, например организаций рабочих. Интересно введение им термина «биополитика», которая изучает «жизнь общества: дух, душу, систему».

Форму государственного правления он отождествлял с конституционной и административной структурой. Челлен говорил и о границах государственной власти в отношении свободы индивидуума. Речь шла, с одной стороны, о свободе совести, свободе печати, свободе собраний и других правах, а с другой — об обязанно-

стях платить налоги, о воинской повинности, обязательном школьном обучении и т.д.

I Сила государства, по Челлену, — более важный фактор для поддержания его существования, чем закон.

Он противопоставлял свой взгляд па государство либеральным концепциям. Он считал, что государство — это цель сама по себе, а не организация, которая служит целям улучшения благосостояния своих граждан. Другими словами, в отличие от либералов он не сводил роль государства к второстепенной служебной роли «ночного сторожа», «пассивного полицейского». Как активный член националистического правого крыла консервативной партии, он поддерживал Германию в течение Первой мировой войны, видя в ее лице единственного подлинного защитника от «разрушительных либерально-космополитических сил», представленных прежде всего Великобританией и Францией. Подобно Ратцелю, он считал, что великие державы запрограммированы стремиться к расширению жизненного пространства в целях поддержания численности своего населения, достижения автаркии в отношении продовольствия и природных ресурсов.

Нужно отметить, что Челлспу были чужды расистские и антиинтеллектуальные элементы фашистской идеологии, однако он в некоторой степени разделял се авторитарные идеи. Он также считал, что война является инструментом прогресса человечества, удаляя состарившиеся и больные нации и воспитывая жизнеспособность и силу внутри воюющих стран.

Безусловно, мировоззренческие взгляды Челлепа основывались на социал-дарвинизме, который рассматривал биологические принципы естественного отбора, борьбы за существование и выживание наиболее приспособленных как определяющие факторы общественной жизни. Взгляды Челлеиа были опровергнуты последующими накопленными человечеством фактами. Так, *автаркия* (идея *Volkhemme*) делает экономику невосприимчивой к научно-техническому прогрессу и, следовательно, обрекает страну на отставание. В войнах, как правило, гибнет наиболее продуктивная часть нации и никакой «санации», следовательно, не наблюдается.

Тем не менее ряд поднятых Челлепом проблем остается актуальным. Например, глобальные перемены ставят под сомнение традиционный суверенитет государств, особенно в экономическом аспекте. Фундаменталисты вновь сталкиваются с либералами. Даже в традиционно демократических странах набирают силу националистические круги, противоборствующие процессам глобализации.

Челленом предпринята **попытка создания теории великих держав**. Будучи самым активным геополитическим субъектом, великие державы должны, по Челлену, логично стать главным предметом изучения геополитики. Все великие державы он подразделил па мировые державы и великие державы. В качестве мировых дер-

жав до Первой мировой войны он рассматривал Великобританию, США, Россию и Германию. К обычным великим державам он относил Францию, Японию, Австро-Венгерскую империю и Италию.

В его работе «Современные великие державы» дается характеристика великих держав начала XX в. Приведем некоторые суждения Челлена о них.

- *Германия*, окруженная странами Антанты (союз Великобритании, Франции и России), имела два выбора: либо создать с помощью дипломатии искусное равновесие, либо перейти в наступление. Промышленный подъем привел ее к необходимости в колониях как источниках сырья. Поэтому, по Челлеу, она не могла пойти по пути создания системы равновесия. Германия вынуждена была вступить в конфликт с Великобританией — главной колониальной империей. В своей внешней политике Германия сделала ставку на Османскую империю, чтобы проникнуть на Ближний и Средний Восток, в Иран и Индонезию (в то время нидерландская колония). Возникла «идея диагонали», простирающейся от Исландии вплоть до Индонезии, т.е. через весь евразийский континент.

Р. Челлен во время Первой мировой войны открыто высказывался за то, чтобы на Дарданеллах утвердилось германское влияние и чтобы оно, согласно планам германских империалистов, распространилось в Азии до Персидского залива (*программа Эльба—Евфрат*) и в Африке до экватора (*программа Эльба—экватор*). Для этого он считал желательным, чтобы Египет (включая Суэцкий канал) и Судан были возвращены зависимой от Германии Турции и чтобы, сверх того, владения Германии в Африке получили значительное приращение за счет владений других колониальных держав [Ден, 1997].

- *Россия*, по Челлену, так же как и Германия, *чувствовала себя окруженной* из-за отсутствия выхода к теплым морям. При рассмотрении формирования России как великой державы он упоминал о поселениях викингов на русской земле в IX в. и монголо-татарском нашествии в XIII в. Он считал, что первая национальная задача России как великой державы была завершена к концу XV в., когда великий князь Иван III официально заявил о своем отказе подчиняться Орде («Стояние на Угре» в 1480 г.).

Сто лет спустя Россия начала экспансию в Азию, но вплоть до Петра I была отрезана от своих естественных ворот на Балтийском и Черном морях. В XVIII в. Россия получила выход в указанные моря.

Однако это были внутренние моря. Поэтому, считал Челлен, логическим продолжением стала борьба за выход в Мировой океан. XIX в. проходил для России под знаком наступления в направлениях борьбы за выход в Мировой океан. Интересно, что Челлен считал Россию действительно «центральной фигурой планетарной выставки», поскольку она является сферой пересечения двух больших культурных миров — Западной Европы и Восточной Азии. В силу этого она более других стран, чем даже США, подходит для посреднической роли в межгосударственных отношениях. США изолированы двумя океанами и стоят целиком на стороне Западной Европы.

- Главной задачей того времени для *США* Челлен считал контроль за противостоящими им блоками государств как в Европе, так и в Азии.

- *Великобритания* — основной противник Германии. Борьба между этими морскими державами — это борьба за господство над океаническими путями и над мировой торговлей. После Первой мировой войны, считал Челлен, в мире установится мировая «гегемония США — панамериканизм».

- *Франция* начала XX в. преследовала, по Челлену, две цели: провести границу по Рейну и вызвать хаос в Центральной Европе.

- *Япония* в то время уже вынашивала планы создания вокруг своего государства «пространства азиатского сопроцветания» в Тихоокеанском регионе, что привело к противоречиям с британскими интересами в Малайзии, американскими — на Филиппинах и в Китае, с Германией — в Микронезии.

Далее рассмотрим на примерах разных стран представление Челлена о «трех пространственных факторах», играющих значительную роль в геополитических процессах: *расширение, территориальная монолитность, свобода перемещения.*

Каждое из государств имеет свое соотношение пространственных факторов. Так, *Россия* обладала большой территорией (осуществила расширение), территориальной монолитностью, но не свободой перемещения, так как ее доступ к теплым морям ограничен. *Великобритания* же с избытком обладала свободой перемещения благодаря своему приокеаническому положению, мощному флоту и господству на океанических путях; огромным расширением, благодаря своим заморским доминионам и колониям, но не территориальной монолитностью. Британская империя разорвана и разбросана на 24% поверхности суши земного шара (в 1914 г. на британские колонии приходилось почти 70% населения колоний всех

Раздел I. Геополитика

стран). В отсутствии территориальной монолитности состояла слабость Британской империи. У *Германии*, согласно Челлену, нет ни протяженной территории, ни свободы перемещения (выход в открытые воды у нее был через Гамбург, Киль, однако Вестфальские договоры 1648 г. после Тридцатилетней войны закрепили за голландцами и шведами владение устьями рек), но она, однако, обладала территориальной монолитностью и единым этносом. У *США* все три пространственных фактора были благоприятны: и протяженное пространство, и свобода перемещения, и территориальная монолитность. У *Японии* имелась территориальная монолитность и свобода перемещения в зоне самого большого Тихого океана, но не было достаточной протяженности территории.

Развитие идей Ф. Ратцеля и Р. Челлена в концепции Центральной (Срединной) Европы

Идеи Ратцеля и Челлена породили в Германии начала XX в. поток геополитических публикаций. В конце XIX в. «родина географов»⁸ мыслила глобально и ее стремление к ми-

ровому господству было твердо основано на традициях географического и геополитического мышления. Сложилась континентальная и морская политика. Результатом этого стало разделение взглядов. Континентальная политика влекла за собой взгляд на Восток, а морскую политику формировали те, кто считал, что морские державы имеют большее преимущество, чем континентальные. Всех объединяла основная идея: государство — это социальный организм, ведущий борьбу за свое жизненное пространство.

В это время была сформулирована *идея мировой политики (Weltpolitik)*, включающая передел колониальных владений, а также преодоление отрицательных свойств континентальное™ Германии за счет создания флота по примеру Великобритании. Эти направления германской геополитики возглавляли кайзер Вильгельм II и адмирал Альфред фон Тирпиц. Последний сделал упор на развитие подводного флота, который активно действовал с самого начала Первой мировой войны по всей Атлантике.

Наряду с *Weltpolitik* появляется концепция Центральной (Срединной) Европы — *Mittleuropa*, отражавшая стремление Герма-

⁸ В связи с тем что в Германии начиная с XVIII в. уделялось серьезное внимание географическим исследованиям («географии как «глазам истории»), французский географ М. Кориман назвал Германию родиной географов [цит. по: Parker, 1998].

нии овладеть жизненным пространством прилегающих государств и обрести выход в Средиземное море и страны Азии.

Первые по времени концепции Центральной Европы сводятся к следующим определениям:

- Центральная Европа как местоположение в центре Европы.
- Центральная Европа как структурное образование, в основе которого поиск «немецкой народной и культурной почвы».
- Ф. Ратцель, основываясь на положении Германии в «сердце Европы», в 1901 г. выдвинул идею о создании под немецкой гегемонией экономического союза всех государств западнее Вислы [Schenk, 1995].

Немецкий географ Й. Парч (1904) разработал концепцию конгломерата государств, основываясь на центральнойности положения Германии. Он предложил «структурное образование», которое должно иметь границы, «пока что далекие от границ его отчизны» [Partsch, 1904].

Немецкий публицист Ф. Науманн издает понятные широким слоям населения книги о Центральной Европе. Цель ее образования в его работах предельно ясна: захват территории от Северного и Балтийского морей до Альп, Адриатики и южной части Нижнедунайской низменности и объединение ее под управлением Германии. Обеспечивать объединение должен союз Германии и Австро-Венгрии. Однако из-за поражения в Первой мировой войне эти планы не были реализованы.

В нацистской Германии теория Центральной Европы вновь была реанимирована и, более того, объединена с расистской и военно-политической доктринами. Однако и Вторая мировая война вновь закончилась поражением Германии. На Ялтинской конференции в 1945 г. Европа была поделена между Западом и СССР, позже Германия раскололась на две части. Геополитическое понятие Центральной Европы в период «холодной войны» перестало существовать.

Однако после падения Берлинской стены (объединения Германии, распада социалистического лагеря в Европе) начался **очередной виток дискуссии о смысле понятия Центральной Европы**. Проанализировав публикации по данной проблеме, российский географ П. Можаяев (2000) выделил следующие подходы к данному понятию после 1945 г.:

- Центральная Европа как структурная пространственная конструкция, выделяемая на основе анализа случайных признаков, в

Раздел I. Геополитика

частности на базе границ оледенения. Такой подход не является геополитическим.

- Центральная Европа как историко-географический процесс и результат тысячелетней аккумуляции⁹, двигающейся с Запада на Восток [Sziics, 1991].

- Центральная Европа как жизнеощущение. Это представление появилось в 1970-е годы не в Германии, а за ее пределами — в Польше, бывшей Чехословакии, Венгрии, Прибалтике, Австрии, Словении и итальянской области Фриули. Стали проходить симпозиумы и издаваться сборники, посвященные Центральной Европе.

- Важная идея была высказана австрийцем Ф. Кленнером, который предсказал даже «ренессанс Центральной Европы», которая, по его мнению, станет преемником Австро-Венгрии и должна противостоять германскому господству в этом регионе.

- Возможность интеграции бывших государств Варшавского договора в западноевропейские структуры (после 1989 г.). Обоснование этого подхода сводилось к тому, что культура, история, мировоззрение населения стран Центрально-Восточной Европы ближе к демократическим странам с рыночной экономикой. Происходит возвращение этих стран в Европу. По прогнозам, в ближайшие годы произойдет вхождение пяти наиболее развитых государств Центрально-Восточной Европы (Польши, Венгрии, Чешской Республики, Словении и Эстонии) в Европейский союз.

- Дерационализация Центральной Европы. Эту концепцию выдвинул В. Шенк [Schenk, 1995]. Она связана с «чувствами людей, которые считают себя центрально-европейцами». По его мнению, множество таких людей проживает в Австрии, Венгрии, Чешской Республике, Польше, Словении, итальянских областях Фриули и Южный Тироль (Большано), Германии и в государствах Балтии, а также в Хорватии, Западной Украине и, вероятно, в Швейцарии.

Философия А.Т. Мэхэна о преимуществе морской силы

С^Ре^ди основоположников геополитики выделяется американский историк и адмирал морского флота, в последние годы жизни преподаватель истории военного флота в Военно-морском колледже в Ньюпорте (США) **Альфред Тайер Мэхэн** (1840-1914).

⁹ *Аккумуляция* — процесс взаимовлияния культур, а также результат этого влияния, заключающийся в восприятии одной из них элементов другой культуры или возникновение новых культурных явлений [Современная западная социология, 1990, с. 12].

1. *Историография зарубежной геополитической мысли*

Мэхэн не использовал термин «геополитика», однако методы его анализа мировой расстановки сил строго соответствуют геополитическому подходу. Впервые Мэхэн детально проанализировал роль морских и континентальных держав в истории. Его взгляды изложены в двух основных трудах: *Влияние морской силы на историю (1660—1783)* (1890) и *Заинтересованность Америки в морской силе* (1897). «Влияние морской силы...» только в США и Великобритании выдержало более 30 изданий¹⁰. Германский кайзер Вильгельм II говорил, что старался наизусть выучить труды Мэхэна, и распорядился расослать их во все военные и судовые библиотеки страны.

Мэхэн выдвинул идею преимущества морской державы над континентальной, а также постоянства противостояния «латинской расы над славянской».

Мэхэн доказывал, что история Европы и США обусловлена в первую очередь их выходом к океану и развитием военно-морского и торгового флота, а главным инструментом их международной политики была торговля.

Военные действия должны обеспечить благоприятные условия для создания мировой торговой цивилизации, что и было сделано Великобританией и что предстояло сделать США. «Морская судьба» выведет США, по мнению Мэхэна, на уровень мирового господства. Для этого США необходимо положить конец изоляции, построить мощный флот, расширить участие в мировой политике. Это уже является, по Мэхэну, не возможностью, а необходимостью. Он предлагал создать американо-британский альянс, который бы управлял морями и океанами мира, что образовало бы противовес материковым державам, контролирующим большую часть Евразии. В результате образовался бы стабильный баланс мировой талассократической власти.

Мэхэн безоговорочно поддерживал захват США Филиппин, Гавайев, Карибского региона и Панамы в качестве новых жизненно важных баз и описывал это как «стратегию голубой воды», под которой понималось воздержание от ведения сухопутных боев и максимальное использование сил военно-морского флота. *Это было время, когда США вышли за рамки доктрины Монро и стали осуще-*

¹⁰ В бывшем СССР были изданы работы А. Т. Мэхэна: «Влияние морской силы на Французскую революцию и империю (1793—1812)» (М.; Л., 1940) и «Влияние морской силы на историю (1660-1783)» (М.; Л., 1941).

Раздел I. Геополитика

ствлять захваты новых территорий за пределами американских континентов. Как отмечал американский геополитик Э. Розенберг (1982), «геополитика Мэхэна выражала все экспансионистские импульсы конца XIX столетия: протестантский евангелизм, англо-саксонская судьба, страх перепроизводства, уверенность в превосходстве коммерции» [Rosenberg, 1982, p. 68].

Мэхэи выделял шесть критериев планетарного статуса государства:

- Географическое положение государства, его открытость морям, возможность морских коммуникаций с другими странами. Протяженность сухопутных границ, способность контролировать стратегически важные регионы. Способность флота государства к обороне и войне с противником.
- Конфигурация государства, прежде всего конфигурация морских побережий, и количество портов (фактическое и потенциальное), на них расположенных, от чего зависит процветание торговли и стратегическая защищенность страны.
- Протяженность береговой линии (чем больше, тем лучше).
- Численность населения страны, что важно для оценки способности государства строить флот и его обслуживать.
- Национальный характер, проявляющийся в способностях народа к занятию торговлей.
- Политический характер правления, от которого зависит ориентация лучших природных и человеческих ресурсов на создание морской силы.

Мэхэн объяснял победу Великобритании над Наполеоновской Францией ее островным положением и широкой сетью внутренних баз на острове, что позволяло контролировать ключевые морские коридоры в Европу, Азию, Африку.

Основные параметры морской силы государства, по Мэхэну, таковы:

$$SP = N + MM + NB,$$

где SP (*Sea Power*) — морская мощь, N — военный флот, MM — торговый флот, NB — военно-морские базы (обеспечение контроля над ключевыми отдаленными материковыми базами).

Безусловно, справедливость тезисов Мэхэна исторически ограничена. Воздушная мощь и атомная дипломатия во многом ограничили влияние морской мощи в мировой политике. Кроме того,

морская мощь может иметь доминирующее геополитическое значение до тех пор, пока коммерческий капитал доминирует над глобальным производственным и финансовым капиталом.

Рост глобального капитализма заставил Британскую империю открыть путь к международной индустриализации, мировой контроль над которой перешел в 1920—1930-е годы к США. В конечном счете, транснациональное производство привело к снижению роли национальных границ, на которых основывались построения традиционной геополитической мысли, к которым относятся и идеи Мэхэна. Кроме того, история развития геополитического пространства показала, что *только теоретически допустимо существуют «стерильные» морские и континентальные державы*. А если они и существовали, как показывает богатый эмпирический материал трудов самого Мэхэна, то их жизнь оказывалась исторически недолговечной.

Мэхэн был одним из первых, кто выделил планетарные геополитические структуры. В качестве ключевой в мировой политике и в борьбе за мировое влияние он считал «северную континентальную полусферу», южная граница которой маркируется Суэцким и Панамским каналами. Это граница наибольшей интенсивности мировой торговли и политической активности. Внутри данной полусферы в пределах Евразии наиболее важный пространственный элемент, по Мэхэну, — *Россия* как доминантная континентальная держава. Ее замкнутое положение имеет как достоинства, так и недостатки. *США* он рассматривал как продвинутый далеко на запад аванпост европейской цивилизации и силы, который станет преемником и наследником Великобритании, что и подтвердилось. Главную опасность для морской цивилизации Мэхэн видел в континентальных государствах Евразии, в первую очередь в лице России и Китая, во вторую — Германии. Борьба с Россией, с этой непрерывной континентальной массой, протянувшейся от Западной Малой Азии до японского меридиана на востоке, была для «морской силы» главной долговременной стратегической задачей.

Мэхэн перенес на планетарный уровень принцип «анаконды», который разработал американский генерал Мак-Клееллан в период Гражданской войны в США (1861 — 1865). Этот принцип заключается в блокировании вражеских территорий с моря и по береговым линиям, что приводит постепенно к стратегическому истощению и экономическому удушению противника. Строго говоря, происходит борьба с экономическими центрами, а не с армиями. На планетарном уровне это означало, во-первых, изоляцию континентальной части условного противника от морских берегов,

во-вторых, недопущение образования коалиций государств с той же целью.

Позже США и их союзники вводили также экономическую блокаду СССР и других социалистических стран в качестве одного из основных способов стратегических действий.

В период «холодной войны» в евразийской прибрежной зоне Соединенные Штаты Америки создали две линии военно-морских баз (система двусторонних военных союзов во главе с США): с запада вдоль евразийского побережья простирались военные блоки НАТО, СЕАТО и СЕНТО. Стремление США вовлечь в свою орбиту Индию не увенчалось успехом. Эта страна выработала самостоятельный геополитический код. Индия сумела сбалансировать свои отношения с обеими сверхдержавами путем отказа от геополитических действий за пределами Индостана.

Мэхэн еще при жизни оказал большое влияние на внешнюю политику американских президентов Мак-Кинли (1897—1901) и Теодора Рузвельта (1901 — 1909). Даже президент Вильсон принял его оправдания Испано-американской войны в 1898 г. А «Влияние морских держав на историю» распространилось на формирование военно-морской стратегии Третьего рейха.

Творческое наследие Мэхэна было направлено на превращение США в самую сильную военно-морскую державу. Причем если в Первой мировой войне его идеи не принесли США ощутимого успеха, то во Второй мировой войне роль этих идей резко возросла, а победа в «холодной войне» с СССР окончательно закрепила успех стратегии «морской силы». Еще в 1981 г. военно-политическое руководство США разработало, приняло, а затем реализовало концепцию «передовых рубежей». Ее основная цель заключалась в применении принципа «анаконды», т.е. изоляции континентальной мощи СССР, сковывании его вооруженных сил по периметру всей территории, а во внешнем кольце — в создании постоянной ракетно-ядерной угрозы.

Сердцевинная теория Х. Маккиндера

Теория британского географа **Хэлфорда Маккиндера (1861-1947)** — удивительное по долговечности достижение геополитической мысли. Хотя впервые эта теория была изложена в 1904 г., она продолжает и сейчас сопровождать споры по геополитике. Остановимся на феномене личности этого геополитика. Он родился в г. Гейнсбурге в Англии. Получил образование в Оксфордском университете. Ученый основал Оксфордскую школу географии в 1899 г. С 1903 по 1908 г. был директором Лондонской школы экономики, с 1910 по 1922 г. — консервативный член парламента от Шотландии, а с 1922 по 1947 г. возглавлял несколько комитетов Британской империи. Одна из вех его политической

биографии — работа в качестве британского комиссара по Югу России с 1919 по 1920 г. [Dictionary, 1994, p. 155].

Вся научная деятельность этого геополитика была посвящена объяснению взаимосвязи пространственных отношений и исторической причинности. Маккиндер был пионером новой географии в Великобритании в конце XIX в. Подобно Ратцелю он осознавал особую важность политической географии в мире, в котором доминируют великие державы. Его книга «Британия и Британские моря» (1902) была первой в серии работ по геополитике, где была сделана попытка оценить место Британии в геополитической структуре мира.

Двумя годами позже Маккиндер написал доклад в Королевское географическое общество под названием «Географическая ось истории» (1904). Впервые было сделано то, что не смогли Ратцель и Челлен: *был предложен геополитический сценарий мирового масштаба в то время, когда мир оставался европоцентричным* [Parker, 1998]. В традиции К. Риттера работа Маккиндера была основана на представлении о том, что *мир с географической точки зрения представляет собой единое функционирующее целое, имеющее рациональное объяснение*. Впервые ученый предложил представление о существовании повторяющихся взаимосвязей между государствами.

Маккиндер ввел понятие «Columbian Age» («Колумбова эра»), представляющее собой огромный по времени период европейского пространственного расширения и установления мирового господства. Он также осознал, что эта эра подходит к концу, и предполагал, что за этим последует рост других частей света, которые раньше находились в тени европейских морских держав. Центральным местом в его докладе было то, что время доминирования морских держав подходит к концу, в связи с чем континентальные страны нацеливаются на обретение нового (более высокого) геополитического статуса.

Исходным геополитическим положением Маккиндера было утверждение, что *мировую историю можно рассматривать как конфронтацию между континентальными и океаническими державами*, которую он проследил в пространственно-временном аспекте. Постоянные изменения в равновесии сил лежат в основе сложного комплекса межгосударственных отношений.

В 1904 г. Маккиндер применил данный подход к ситуации, сложившейся в начале XX в., определив в качестве двух основных объектов глобального противостояния Британскую и Российскую империи. В их про-

тивостоянии он видел кульминацию борьбы в «тесном» мировом пространстве. Он опасался, что окончательным исходом данной борьбы станет переход преимущества на сторону континентальных держав. Заметим, что если Ратцель сосредоточивал свое внимание на Германии, то Маккиндер мыслил шире, поскольку Британия была огромной империей. Он стал первым, кто представил исчерпывающую геополитическую картину мира того времени. Его теория, названная позже теорией *Heartland*, оказала наибольшее влияние на формирование геополитики в англоязычном мире, а вместе с трудами Ратцеля и Челлена — на последующее развитие немецкой геополитики.

Таким образом, **теория хартлевда** (Сердцевинной земли) была изложена Маккиндером в 1904 г. в докладе «Географическая ось истории». Тогда Маккиндер еще не использовал термин «хартленд». Он был введен в 1915 г. британским географом Дж. Фэйгривом, который, как считается, независимо от Маккиндера пришел к ряду основных сходных идей [Fairgrieve, 1915].

Затем теория хартленда пересматривалась Маккиндером в 1919 г., когда вышел в свет его труд «Демократические идеалы и реальность», а также в 1943 г., когда была им опубликована статья «Завершенность земного шара и обретение мира».

Как видно, ученый разрабатывал свою теорию в один из наиболее критических периодов мировой истории. За четыре десятилетия мир потрясли две мировые войны, Великобритания утратила свою экономическую и политическую гегемонию, уступив ее среди океанических держав США. Под влиянием радикального изменения мироустройства Маккиндер критически пересматривал свои взгляды. Вначале он был одним из ведущих членов Либеральной партии — партии свободной торговли, но в 1903 г. он перешел на протекционистскую позицию, что было вызвано желанием поддержать британскую промышленность перед лицом вызова со стороны Германии, в которой произошел резкий скачок роста тяжелой промышленности.

Считается, что на мировоззрение Маккиндера большое влияние оказала концепция Мэхэна о соотношении морской и континентальной силы. Возможно, однако, позиция Маккиндера была противоположной и основную потенциальную мировую силу он видел в лице Евразии. *Ключевое значение Маккиндер придает завершенности формирования геополитической целостности мира к концу XIX— началу XX в.* Тем самым он одним из первых заговорил о глобальном стиле мышления, т.е. о поиске причинности на уровне крупных генерализованных и взаимосвязанных структурных пространственных образований, а не только на уровне отношений

между суммой «атомов» международных отношений — государств. Действительно, географические открытия в мире к концу XIX в. были практически завершены. «Считается также, что географию следует свести исключительно к тщательному обзору и философскому синтезу» [Маккиндер, 1995, с. 162].

Земной шар, по Маккиндеру, превратился в замкнутую политическую систему глобального масштаба. «Всякий взрыв общественных сил, вместо того чтобы рассеяться в окружающем неизведанном пространстве и хаосе варварства, отзовется громким эхом на противоположной стороне земного шара, так что в итоге разрушению подвергнутся любые слабые элементы в политическом и экономическом организме Земли» [там же, с. 162]. Следует заметить, что *Маккиндер уже говорит об организме Земли, а не организме только отдельного государства*. Глобальная целостность, по Маккиндеру, привела к тому, что человечество впервые находится в ситуации, когда можно попытаться установить связь между широкими географическими и историческими обобщениями.

«Впервые мы можем ощущать некоторые реальные пропорции в отношении событий, происходящих на мировой арене, и выявить формулу, которая так или иначе выразит определенные аспекты географической причинности мировой истории. Если нам посчастливится, то эта формула обретет и практическую ценность — с ее помощью можно будет вычислить перспективу развития некоторых конкурирующих сил нынешней международной политической жизни» [там же, с. 163].

Говоря о впервые предоставившейся человечеству возможности генерализации связей между географией Земли и ее историей, Маккиндер отмечает, что он хочет показать историю человечества как часть жизни мирового организма, не впадая в географический детерминизм (материализм). «Инициативу проявляет человек, не природа, но именно природа в большей мере осуществляет регулирование. Мой интерес лежит скорее в области изучения всеобщего физического регулирования, нежели в сфере изучения причин всеобщей истории» [там же].

Согласно модели хартленда, мир делится на два геополитических полушария: континентальное и океаническое (рис. 2). Это бинарное деление мира в своей основе конфронтационное, в чем Маккиндер следует Мэхэну. Иными словами, в историческом плане центры силы в этих двух полушариях Земли могут меняться, однако противостояние неизбежно.

Соотношение сил между полушариями зависит от развития технологии, прежде всего транспортной, которая обладает спо-

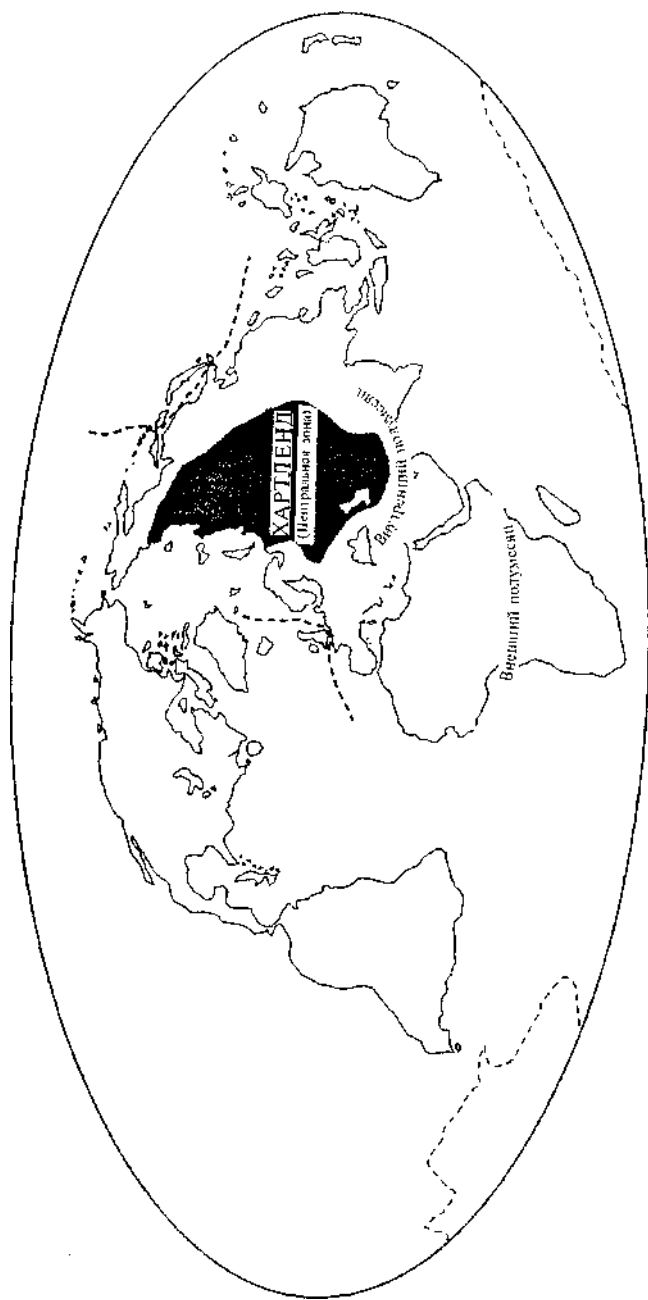

Рис. 2. Геополитическая модель Х. Маккиндера, 1904 г. (A Strategic Atlas, 1990).

У. Историография зарубежной геополитической мысли

собностью изменять физические свойства пространства Земли. В процессе смены транспортной технологии меняются «осевые области истории». Сначала выделяется Центральная Азия, откуда в свое время (с XIII в.) монголы распространили влияние на Азию и значительную часть Европы благодаря необычайной подвижности своей конницы. Затем, со времени Великих географических открытий (XV—XVI вв.), баланс геополитических сил решительно изменился в пользу приокеанических стран, в первую очередь Великобритании (с XVIII в.).

В начале XX в., считал Маккиндер, Колумбова эра превосходства океанического полушария подходит к концу, а новые транспортные технологии, прежде всего железные дороги, меняют вектор геополитических сил в пользу континентального полушария.

«Еще поколение назад, — пишет Маккиндер, — казалось, что пар и Суэцкий канал увеличили мобильность морских держав в сравнении с сухопутными. Железные дороги играли, главным образом, роль придатка океанической торговли. По теперь трансконтинентальные железные дороги изменяют положение сухопутных держав, и нигде они не работают с такой эффективностью, как в закрытых центральных районах Евро-Азии, где на обширных просторах не встретишь ни одного подходящего бревна или камня для их постройки. Железные дороги совершают в степи невиданные чудеса, потому что они непосредственно заменили лошадь и верблюда, так что необходимая стадия развития была пропущена.

Российские железные дороги протянулись на 6000 миль с востока на запад. Русская армия в Маньчжурии являет собой замечательное свидетельство мобильной сухопутной мощи, подобно тому как Британия являет в Южной Африке пример морской державы. Конечно, Транссибирская магистраль по-прежнему остается единственной и далеко не безопасной линией связи, однако не закончится еще это столетие, как вся Азия покроеется сетью железных дорог. Пространства па территории Российской империи и Монголии столь велики, а их потенциал в отношении населения, зерна, хлопка, топлива и металлов столь высок, что здесь несомненно разовьется свой, пусть несколько отдаленный, огромный экономический мир, недосягаемый для океанической торговли» [там же, с. 168].

Баланс геополитических сил качнулся в сторону сухопутного, континентального полушария.

«Просматривая столь беглым взглядом основные тенденции истории, не видим ли мы воочию нечто постоянное в плане географическом? Разве не является осевым регионом в мировой политике этот обширный район Евро-Азии, недоступный судам, но доступный в древности кочевникам,

который ныне должен быть покрыт сетью дорог? Здесь существовали и продолжают существовать условия многообещающие и тем не менее ограниченные для мобильности военных и промышленных держав. Россия заменяет Монгольскую империю. Ее давление на Финляндию, Скандинавию, Польшу, Турцию, Персию, Индию и Китай заменило собой исходившие из одного центра набеги степняков. В этом мире она занимает центральное стратегическое положение, которое в Европе принадлежит Германии. Она может по всем направлениям, за исключением севера, наносить, а одновременно и получать удары. Да и никакая социальная революция не изменит ее отношение к великим географическим границам ее существования. Трезво понимая пределы своего могущества, правители России расстались с Аляской, ибо для русской политики является фактическим правилом не владеть никакими заморскими территориями, точно так же как для Британии — править на океанских просторах» [там же, с. 169].

Таким образом, одна из главных идей Маккиндера — выделение осевого (сердцевинного) региона планеты, или хартленда. Его границы в принципе определялись зоной, недоступной судам морских держав. Точные границы хартленда им не проводились, более того, они менялись автором от работы к работе, но всегда в центре хартленда лежала значительная часть России от Белого и Балтийского морей до Каспия, Байкала и Северо-Восточной Сибири.

В работе «Демократические идеалы и реальность» (1919) территория хартленда была расширена за счет включения в него Тибета и Монголии на востоке и Центрально-Восточной Европы на западе. Новые границы хартленда, объяснял Маккиндер, проводились им с учетом прогресса в развитии сухопутного и воздушного транспорта, роста населения и индустриализации. Важно подчеркнуть, что ученый не давал определенного описания западных границ хартленда. В общих чертах он ссылался на то обстоятельство, что стратегически хартленд на западе включает Балтийское море, Дунай, Черное море, Малую Азию и Армению. Ученый не взял на себя смелость провести фиксированную границу в этом вечно конфликтующем регионе.

В статье 1943 г. он изъял из состава хартленда территорию Восточной Сибири, расположенную восточнее Енисея, назвав эту слабозаселенную территорию «Россией *Lenaland*» по названию реки Лены. Выделение *Lenalanda*, богатого природными ресурсами, предполагало включение его в зону берегового пространства, которое может быть использовано морскими державами против хартленда.

В работе «Демократические идеалы и реальность» Маккиндер, критикуя американского президента В. Вильсона и программу «Четырнадцать пунктов», предложил для предотвращения следующей мировой войны

создать блок независимых стран, расположенных между Германией и Россией. Практически это было продиктовано опасением объединения Веймарской Германии, которая просуществовала с февраля 1919 г. до начала 1933 г., с Россией, где победила большевистская революция. Однако этот зыбкий «средний ярус» — Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехословакия и Румыния, образованный в целях защиты Запада от «большой опасности», был полностью разрушен в 1938—1939 гг. Вторая мировая война, казалось бы, завершилась установлением «справедливых и нерушимых» границ между западной и восточной частями Европы, и се можно было бы принять за границу хартленда, но на рубеже 1989—1990 гг. эта разделительная линия также была разрушена.

В модели Маккиндера (см. рис. 2) *хартленд* окружает следующий планетарный пространственный элемент — *внутренний полумесяц*, который расположен на материковой Европе и в Азии (Германия, Австрия, Турция, Индия и Китай). Именно эти обширные территории как щит защищают хартленд, но могут быть объектом экспансии со стороны морских держав. За внутренним полумесяцем следует *внешний полумесяц*, включающий Британию, Южную Африку, обе Америки, Японию.

Маккиндер считал, что государства внутреннего и внешнего полумесяца совершают нечто вроде круговращения вокруг осевого государства, которое всегда так или иначе является великим, но имеющим ограниченную мобильность по сравнению с окружающими пограничными и островными державами.

Универсальность открытого закона Маккиндер подтверждал тем, что даже если владельцами хартленда будет не Россия, а, например, Китай, если он с помощью Японии разгромит Российскую империю и захватит ее территорию, за хартлендом останется преимущество местоположения в пределах осевого региона планеты.

Следующим очень важным структурным элементом в модели Маккиндера оказывается сплошной континентальный массив, состоящий из Европы, Азии и Африки и окруженный Мировым океаном. Этот Мировой остров, благодаря своему географическому положению, неизбежно должен был стать главным местом размещения человечества на планете. Отсюда вытекал вывод, что государство, которое занимает господствующее положение на Мировом острове, будет также господствовать и в мире.

Дорога же к господству над Мировым островом лежит через владение хартлендом. Хартленд, писал Маккиндер в 1919 г., — это

Раздел I. Геополитика

цитадель Мирового острова, а «шторм» начинается из пределов хартленда. Только хартленд имеет достаточно прочную основу для концентрации силы с целью угрожать свободе мира изнутри цитадели евразийского континента. Морские страны не могут вторгнуться в эту цитадель, а попытки окраинных стран всегда заканчивались неудачами (например, шведского короля Карла XII, Наполеона).

Маккиндер опасался создания в пределах Мирового острова универсального государства, которое бы правило миром. Очевидно, как у Гоббса — государства с абсолютной властью, уподобляемого библейскому чудовищу Левиафану, о котором в книге Иова говорится, что на свете нет ничего сильнее его.

Исходя из своих пространственно-структурных построений, Маккиндер вывел три максимы:

- Кто управляет Восточной Европой, тот управляет хартлендом.
- Кто управляет хартлендом, тот командует Мировым островом.
- Кто управляет Мировым островом, тот командует всем миром.

Исследования Маккиндера служили целям корректировки традиционной британской политики поддержания сил в Европе таким образом, чтобы ни одно континентальное государство не могло угрожать Великобритании. Он, в частности, писал, что Россия может захватить Дарданеллы, прибрать к рукам Османскую империю и выйти к «жемчужине» Британской империи Индии. Чрезвычайно опасно для морских держав допустить также союз России с арабскими странами.

Маккиндер предлагал политику идеологического, мессианского проникновения в пределы хартленда стран океанического полушария с идеями «океанической свободы». В качестве наиболее перспективных в стратегическом плане стран проникновения он называл Турцию и Палестину, обосновывая это возможностью развития транспортных коммуникаций из этих стран в остальную Евразию. Маккиндер видел в двух этих странах форпосты влияния океанического полушария на континентальное.

В статье 1943 г. ученый существенно переработал свою модель. Она отражала союз СССР, США, Великобритании и Франции (рис. 3). Хартленд теперь был тождествен с СССР и объединялся с Северной Атлантикой, включающей «Межконтинентальный океан» (северная часть Атлантического океана) и его «бассейн» в составе Западной Европы и Англо-Америки со странами Карибского бассейна (используется терминология Маккиндера). Это пространство

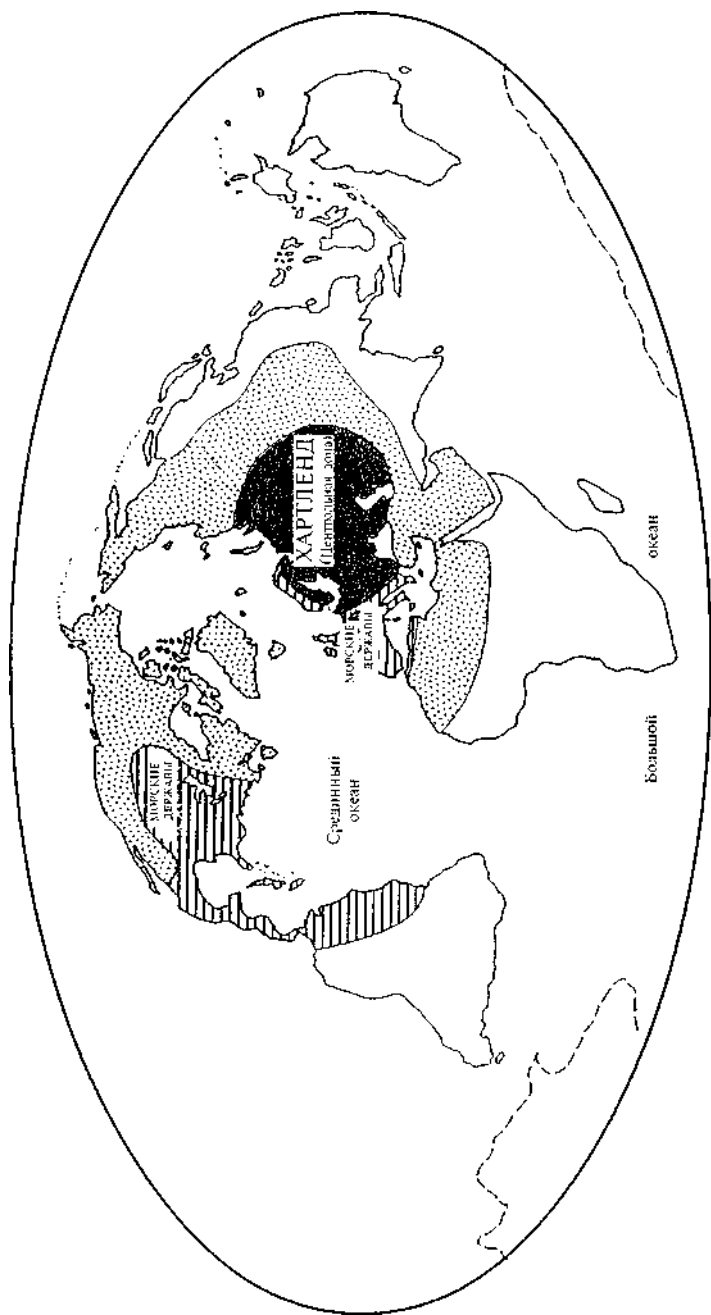

Рис. 3. Геополитическая модель Х. Маккиндера, 1943 г. (A Strategic Atlas, 1990).

он рассматривал как опорный элемент планеты, отделенный от другого опорного элемента и возможного в будущем противовеса первому в составе Индии и Китая. Интересно то, что Маккиндер в этой статье уже не противопоставлял континентальные и морские державы. Действительно, в обеих мировых войнах эти державы вступали во взаимные союзы¹¹, которые, правда, оказывались краткосрочными.

В 1943 г. ученым была впервые выдвинута также концепция северного атлантизма, связанная с недоверием к СССР. При этом он вновь возвращался к своей геополитической идее хартленда, т.е. исходил из детерминации последующих после Второй мировой войны геополитических процессов географическим положением СССР. Прибрежные страны Межконтинентального (Средиземного) океана, отмечал Маккиндер, объединившись, смогут сбалансировать могущество державы, занимающей господствующее положение в пределах хартленда (СССР). Несколько позже эта идея нашла воплощение в стратегии послевоенного периода, в частности в создании блока НАТО.

Несмотря на волну критики, теория хартленда продолжает играть центральную роль в многочисленных геостратегических исследованиях. Специальные работы анализу этой теории посвятили З. Бжезинский, К. Грей и Р. С. Клайн. Тезис Маккиндера о неуязвимости хартленда нередко критиковался в связи с появлением дальних баллистических средств доставки ядерного оружия.

Германская геополитика в 1924-1941 гг.

Германская геополитика представлена в первую очередь трудами крупнейшего ученого **Карла Хаусхофера (1869—1946)** и его соратников. Хаусхофер родился в Мюнхене в баварской консервативной аристократической семье. Его отец был профессором политической экономии в Мюнхенском техническом университете. После окончания гимназии (высшей академической школы) Хаусхофер посвятил себя военной карьере и стал офицером в 1899 г. С 1895 по 1897 г. он прослушал серию курсов в Баварской военной академии.

Большую роль в его становлении как географа и геополитика, считают биографы, сыграли различные дипломатические поручения в Юго-Восточной Азии и служба в Японии от Баварского военного министерства (1908—1910). Японский период закончился написанием его первой книги (1913) и докторской диссертации, которую он подготовил в Мюи-

¹¹ Эти и другие союзы в истории войн противоречили основным положениям теории хартленда, в связи с чем идеи Маккиндера подверглись жесткой критике и не были приняты большинством научной общественности при его жизни.

хнском университете под руководством профессора Эриха фон Дригальски. Оба труда раскрывали географические основы развития Японской империи — этой, по выражению Хаусхофсера, «Пруссии Востока» и обосновывали необходимость германо-японского союза. Это были исходные идеи хаусхоферского «евразийства» (гипотеза континентального блока). Он относил Японию к странам с континентальным типом мышления, рассматривая ее как полную противоположность другому островному государству — Великобритании, которая всегда стремилась отгородиться от континента и противопоставить себя ему. Япония же, по Хаусхоферу, напротив, обязана континенту культурой и письменностью.

В пятидесятилетнем возрасте Хаусхофсер получил ранг генерал-майора, во время Второй мировой войны — бригадного генерала. Тем не менее свое творчество он сфокусировал на академической и отчасти политической деятельности, стал читать лекции в Мюнхенском университете, плодотворно печататься, в результате чего вышло в свет около 400 научных и околонаучных книг и несколько сотен статей.

К. Хаусхофсер имел довольно широкие нацистские связи. В частности, поддерживал тесные отношения с Рудольфом Гессом («наци номер три»), имел контакты с Риббентропом, Геббельсом, Гиммлером и значительно реже с самим Гитлером. Имеются неточные свидетельства того, что он участвовал, наряду с Р. Гессом, в написании «Майн Кампф».

В 1923 г. после неудавшегося «пивного путча» Гесс вместе с Гитлером скрывались в Альпах в загородном доме Хаусхофсера, а затем, когда они отбывали наказание в мюнхенской тюрьме, Хаусхофсер часто навещал их. Во время их долгих бесед Гитлер и познакомился с геополитикой, а придя к власти, сделал геополитику частью германской идеологии.

В литературе встречается мнение, что в 1930-е годы основные связи Хаусхофсера с нацистской политической элитой осуществлялись через его старшего сына Альбрехта (тоже профессионального геополитика), который с 1934 г. работал внештатным исследователем в Министерстве иностранных дел.

Политическое влияние Хаусхофсера на нацистский режим прошло через два испытания, которые в конечном счете свели это влияние на нет. Во-первых, это неудавшаяся мирная миссия Р. Гесса в Англию (перелет в 1941 г. в Великобританию с миссией убедить две «нордические нации» слиться в одну, как утверждал Гесс, принадлежала Хаусхоферу¹²). Во-вторых, провал июльского (1944 г.) покушения на Гитлера, в котором участвовал сын К. Хаусхофсера Альбрехт (за несколько дней до окончания войны, 23 апреля 1945 г., Альбрехт был вывезен из тюрьмы Моабит и по

¹² Конформизм и подстраивание под политические установки проявляются у К. Хаусхофсера в смене его научных идей. Однако идея европейских «братских наций» развивалась задолго до 1941 г. Например, геополитик Эрих Обет пытался научно (но скорее расистски) обосновать броский лозунг «Anglosaxia contra mundum», трактуя Англосаксию как Германию, Великобританию и США [Ebeling, 1997, S. 108].

Раздел I. Геополитика

дороге убит). Сам Карл Хаусхофер после июльского заговора был арестован властями и некоторое время был заключенным концентрационного лагеря Дахау. После расстрела сына, полностью лишившись иллюзий относительно нацизма, а также допросов в связи с Нюрнбергским трибуналом Хаусхофер покончил с собой в марте 1946 г.

В учебниках и монографиях по геополитике принято безоговорочно осуждать данную геополитическую школу как отказавшуюся от объективной науки и занимавшуюся обоснованием и оправданием агрессивной внешней политики Третьего рейха. Этот подход правомерен, но абсолютно недостаточен для оценки идей, разработанных немецкими геополитиками.

Геополитика в Германии отражалась как теория главным образом в журнале «Zeitschrift für Geopolitik», основателем и редактором которого с 1924 по 1941 г. был К. Хаусхофер. Ключевыми понятиями для него были ратцелевское «жизненное пространство» (Lebensraum) и «пространство как фактор силы», согласно которым основные экономические и политические проблемы Германии вызваны несправедливыми и тесными границами, доставшими от Версальского договора. Хаусхофер, так же как и многие современники, придерживался социал-дарвинистской ориентации, а геополитику считал разумом государства.

Если же отойти от межличностных отношений этого геополитика с ведущими нацистскими политиками на определенном этапе его творчества, то можно обнаружить дополнительные причины для сомнений в решающей роли идей Хаусхофера в военной стратегии Третьего рейха.

Прежде всего следует подчеркнуть принципиальное различие между ратцелевским материализмом, которого придерживался Хаусхофер, и идеалистическим мировоззрением национал-социализма, исходившего из ложной идеи расового превосходства.

Исследователь жизни и творчества Хаусхофера Ф. Эбелинг отмечает, что Хаусхофер посвятил себя познанию и не стремился использовать полученные знания для покорения, войны и империализма. Но поскольку геополитика не может быть чистой наукой в силу того, что объекты ее изучения — это одновременно и элементы политики, борьбы за власть, постольку Хаусхофер не смог сохранить нужную дистанцию в отношениях с нацистскими властями [Ebeling, 1997, S. 243—244].

Английский геополитик Дж. Паркер приводит слова самого Хаусхофера о том, что границы между чистой и прикладной наукой легко перс-

скаются и что он изредка те границы переходил [Parker, 1998, p. 33]. Безусловно, основные положения, на которых были основаны идеи национал-социализма и геополитики, существенно различались, но несомненно то, что между ними существовали тесные взаимоотношения. Геополитика Хаусхофера использовалась нацистским режимом, особенно в пропагандистских целях. Эбелинг отмечает, что Гитлер до осени 1938 г. придерживался идей Хаусхофера, а затем полностью отошел от основ, разработанных ученым [там же, S. 243].

Охарактеризуем в общих чертах *объективные предпосылки идеологии Хаусхофера и его сподвижников*. Еще во Втором рейхе Пруссия в геополитическом отношении рассматривалась как своего рода вооруженный лагерь в центре враждебного окружения. О. Бисмарк говорил, что единственными эффективными рубежами Германии является ее армия. Сформировалась концепция обширной и могущественной Центральной (Срединной) Европы (*Mittleuropa*), руководимой Германией. Другим народам *Mittleuropa* предлагалась германская защита от внешней опасности. Исходя из принципа объединения «Малой Германии» (*Kleindeutschland*) в Германскую империю в 1871 г., важным элементом внешней политики страны стало усиление связей между территориями, которые германские власти хотели бы включить в состав «Большой Германии» (*Grossdeutschland*). Центром «Большой Германии» считались Германия и Австро-Венгрия. Геополитическая доктрина состояла в том, что Германия могла находиться в безопасности, только являясь центральной частью коалиции центрально-европейских государств.

Как известно, для Ратцеля и его последователей существовала определенная связь между национально-государственным развитием и обладанием достаточным пространством. Территориальная экспансия в Европе считалась единственным способом для достижения этой цели. В конечном счете эта доктрина претворилась в политику «*Drang nach Osten*».

Однако после поражения Германии в Первой мировой войне концепция Срединной Европы оказалась, с точки зрения Хаусхофера, недостаточной для осуществления задач Германской империи.

Оказалось, что Германия столкнулась не с конфликтом Суши и Моря, а с неожиданным их альянсом (СССР, США, Великобритания). Перед Германией встала невыполнимая в сущности задача достичь преимущества одновременно на Суше и на Море. Этого никогда не способны были достичь ни великие державы Моря, ни великие державы Суши, считал Хаусхофер.

«Пираты степи и пираты моря» достигали влияния лишь за счет только их собственных (внутренних) элементов. А германские геополитики искали путь к достижению в Срединной Европе одновременно и континентальной и морской мощи. В конечном счете стало ясно, что *Drangnach Osten* является единственной доктриной и что *Lebensraum* следует искать на востоке.

Однако в германской геополитике происходили смены идей, которые необходимо последовательно рассмотреть. Хаусхофер весьма чтил не региональные идеи Срединной Европы, а планетарные идеи Маккиндера и Мэхэна. В частности, доклад Маккиндера в Королевском географическом обществе «Географическая ось истории» (1904) он охарактеризовал как сжатое в несколько страниц грандиозное объяснение мировой политики.

Особое место в геополитике Хаусхофера занимает **идея Больших пространств**, в которой формирование геополитических макроструктур построено на преобладании или смене широтных и меридиональных тенденций экспансий мировых держав.

- В античном мире, считал он, географическая ориентация Средиземноморья, южных пустынь и горных хребтов способствовала развитию *Большого пространства* вдоль параллелей: Восток—Запад. Исключение составляли движения цивилизаций меридионально текущих рек, но и они испытывали на себе давление широтных экспансий.

- Затем возобладали сменявшие друг друга волны широтной экспансии — осуществили эти экспансии финикийцы, эллины, римляне, арабы, степные народы, франки, иберийцы. Тенденция глобального широтного геополитического развития достигла своего высшего размаха в результате широтной экспансии Португалии и Испании. По следам португальцев и испанцев последовала Великобритания, которая была предопределена к широтной экспансии своим присутствием в Средиземноморье и необходимостью охранять азиатские владения.

- Что касается Северной Евразии, то в ее пределах образовалась Империя (Россия) с широтным типом экспансии.

- В 40-х годах XX в. две геополитические макроструктуры, ориентированные по линии меридиана — Восточно-Азиатский блок и Панамериканский блок, — почти одновременно вторглись в геополитическое поле широтной динамики — в Евразию. Такой разворот геополитических сил предопределил полное изменение «силового поля» на земной поверхности [Haushofer, 1931]. В Евразии

стал реальным переход от своей традиционной широтной стратегии к меридиональной. Например, Хаусхофер считал реальным осуществление Евро-Африканского проекта, перехода СССР к «стратегии теплых морей», планов Индии по включению в сферу своего влияния тихоокеанских островов.

Это новое геополитическое деление мира коренным образом отличалось от модели Маккинндера и получило название **панрегионализма**. Мотивы этого подхода он объяснял американской широтной экспансией с возможным использованием методов «анаконды».

Так, если Большое пространство Восточной Азии уже оформилось и стремится к самоограничению в рамках своих континентальных границ, то США, которые завершили свои планы геополитического панамериканизма (т.е. включение Латинской Америки в сферу своего влияния), перешли в геополитическое поле широтной экспансии. Отсюда Хаусхофер делал вывод о необходимости поделить мир вдоль меридианов. В результате им был развит *панрегионализм как интерпретация понятия о глобальных экономических регионах*. Панрегионы Хаусхофера были не просто экономические блоки. Они основывались на так называемых панидеях, которые подразумевали объединения государств, исходя из общности социально-политических и экономических проблем, хотя на практике осуществлялось господство одних стран над другими¹³.

« В своей первой панрегионалистской модели Хаусхофер разделил мир на три с севера на юг ориентированных панрегиона, каждый из которых состоял из ядра (*core*) и периферии (*periphery*): Пан-Америка с ядром в США, Евро-Африка с ядром в Германии и Пан-Азия с ядром в Японии, в периферию включалась и Австралия (рис. 4А). Каждый панрегион потенциально обладал экономической самодостаточностью. Эта географическая структура была интересна тем, что она включала огромные функциональные регионы вокруг каждого центрального государства, крест-накрест пересекая регионы, богатые природными ресурсами, широко охватывающие земной шар. Каждый панрегион включал часть арктического пространства, зоны с умеренным и тропическим климатом. Из модели вовсе было неясно, какую роль в ней играет СССР.

¹³ Одной из первых геополитических панидей была доктрина пятого президента США Дж. Монро (1823), которая коротко формулируется как «Америка для американцев». Доктрина Монро была направлена на вытеснение европейских метрополий из Южной Америки.

А

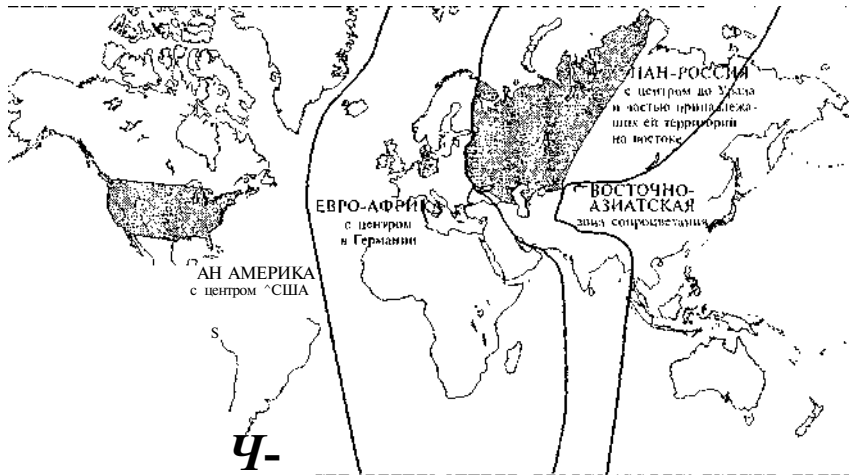
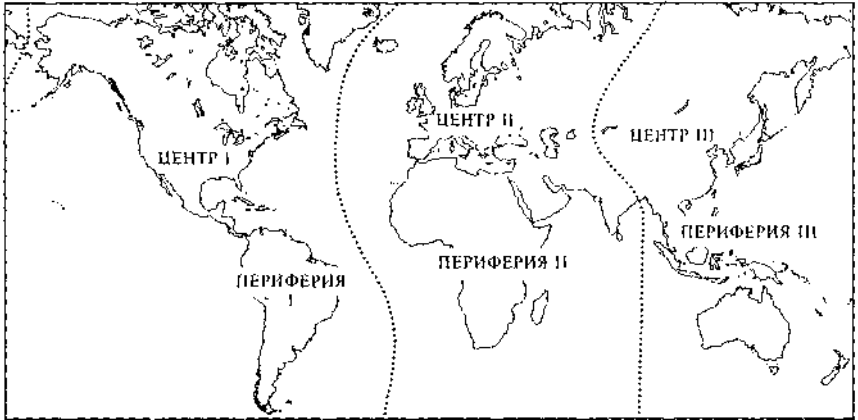

Рис. 4. Модели геополитических панрегионов К. Хаусхофера (A Strategic Atlas, 1990).

А — три мировых панрегиона, не учитывающих Россию (СССР); Б — четыре мировых панрегиона с разделенной Россией.

• Позже Хаусхофер предлагал как один из вариантов развития геополитических событий четырехчленное деление мира (рис. 4Б). Четвертым панрегионом стала Пан-Россия с ее сферой влияния в Иране, Афганистане и на Индостане. Значительная восточная часть СССР в этой схеме входила в состав Восточно-Азиатской сферы процветания.

Панрегионалистская идея была, собственно, противовесом действующей, но приходящей к тому времени в упадок модели «метрополия — колония». Выступая против Британской империи и присутствия США в Евразии, Хаусхофер поддерживал движение за независимость индуистских, арабских стран, персов и других народов.

Рост влияния в мировой экономике и геополитике США и СССР сделал понятие панрегионов временно несостоятельным. Однако с окончанием резкого доминирования США в мировой экономике, а затем распадом мировой социалистической системы вначале экономические блоки, а впоследствии даже панрегионы возвратились в мировую практику.

В зависимости от изменения конъюнктуры Хаусхофер подстраивал свои идеи под конкретную политику нацистского правительства. В конце 1930-х годов он оставил панрегионалистскую концепцию и перешел к другой.

Во время подготовки и после заключения Акта Молотова—Риббентропа Хаусхофер проводил в своих работах **линию «Ostorientierung»** (континентального блока), т.е. ориентацию Германии на Восток [Haushofer, 1941]. Он обосновывал идею оси Берлин — Москва—Токио, сторонником которой был также японский геополитик и государственный деятель периода Сева в Японии¹⁴ Коноэ Фумимаро.

Это была по существу идея большого континентального евроазиатского союза. Теоретически доказывалось, что культура Германии — это западное продолжение азиатской традиции. За всей этой риторикой, очевидно, стоял расчет на ресурсы России и другие необжитые районы Евразии.

В рамках Акта Молотова—Риббентропа Хаусхофер видел преодоление крайне неблагоприятного «зажатого» положения Германии между талассократическими державами и хартлендом. Для этого, согласно идее континентального блока, нужно было использо-

¹⁴ В Японии периоды называют по имени императоров, в данном случае по имени императора Сева (Хирохито) (годы жизни 1901 — 1989).

вать мировое геополитическое положение России. Союз Германии с Россией, согласно концепции Хаусхофера, называемой отдельными авторами «концепцией внутренней линии», обеспечил бы Германии трансконтинентальные коммуникации от Рейна до Амура и Янцзы, свободные от англосаксонского влияния. Германия получила бы выход к открытому океану и стала бы обладать мощью как континентальной, так и океанической державы.

Преодоление континентальное™ государства путем продвижения к морям и океанам Хаусхофер считал проявлением «воли к пространству» у нации. Чем труднее осуществляется этот выход, тем больше воли нужно проявить нации.

В качестве примера проявления такой воли он приводил Россию, которая, преодолевая жесткое сопротивление ряда государств, вышла к Балтийскому, Черному морям и к Тихому океану. При этом продвижение к морям Хаусхофер, как и Маккиндер, считал не самоцелью, а средством освоения континентов. Как раз слабость морских держав проявляется в том, что они осваивают главным образом береговую линию и не углубляются в материковую часть. Реализация концепции континентального блока обеспечила бы превосходство Германии над Великобританией, считал Хаусхофер. Более того, Германия имела бы превосходство в «третьем пространстве» (понятие Хаусхофера), т.е. в воздушном (авиационном) пространстве. Развитие авиации революционизировало возможности пространственных завоеваний. Этот новый военно-технологический фактор привел якобы к моральному устареванию «талассократических теорий», потере многими военно-морскими базами своего значения и открыл новые возможности для преобладания континентальных стран.

Исходя из концепции континентального объединения и роли «третьего пространства» в геополитике, германо-советский пакт о ненападении 1939 г. был воспринят Хаусхофером в качестве исторической вехи. Современный британский географ П. Тейлор пишет о том, что в рамках этого пакта Хаусхофер в 1940 г. разработал план создания большого континентального блока, который бы объединял гитлеровскую Германию, франкистскую Испанию, Францию Виши, фашистскую Италию, СССР, Японию против Британской империи и Соединенных Штатов [Taylor, 1989]. В таких размерах этот блок был близок к пространству Мирового острова в построениях Маккиндера. В рамках такого Большого пространства можно было бы осуществить идею универсального государства, вывести его из-под влияния «внешнего полумесяца» и установить мировое господство Германии.

Однако основной идее континентального блока Хаусхофера не суждено было осуществиться, поскольку Германия в 1941 г. напала

на СССР. Ряд авторов расценивает все эти события как подавление геополитического фактора технологическим превосходством, что якобы и привело к принятию решений, катастрофически сказавшихся на судьбе Германии. Кроме того, даже если бы произошло образование такого блока, то вряд ли бы он оказался жизнеспособным и долговременным по ряду причин, одна из которых заключалась в том, что СССР отводилась роль второстепенной державы.

Поняв, что войну с СССР предотвратить невозможно, Хаусхофер попытался предотвратить войну на два фронта. У Гитлера, напротив, созрело убеждение в том, что военно-технологическое превосходство Германии, в частности в авиации, преодолет ее геополитические ограничения и она сможет побеждать и на Западе, и на Востоке. Такого же мнения придерживались и некоторые сподвижники Хаусхофера, в частности Нибур, который считал, что авиация поможет преодолеть недостатки геополитического положения Германии. Однако практика показала, что значение авиационного пространства было, в конечном счете, переоценено. Технологическое превосходство Германии существенно увеличило ее экспансионистские возможности, и она временно завоевала огромную территорию Европы.

Геополитические идеи
**немецкого юриста-
государствоведа
и политолога К. Шмитта**

К немецким классикам государственного права и политологии относится **Карл Шмитт** (1887-1985). Он родился в небольшом городке Плеттенберге в Пруссии в семье католика. Его отец заведовал церковной кассой. Учился юриспруденции в Берлинском университете. Вступил в нацистскую партию 1 мая 1933 г. В годы фашистского режима высказывал одиозные антисемитские идеи. После поражения Германии ему инкриминировалось обоснование «легитимности военной агрессии», за что на Нюрнбергском процессе была предпринята попытка причислить Шмитта к военным преступникам. Он был под арестом в связи с Нюрнбергским трибуналом с 1945 по 1947 г. Однако обвинение было снято, но вплоть до 1970-х годов он как ученый оставался в неизвестности из-за его активного сотрудничества с нацистами [Филиппов, 2000].

Существует стойкая традиция причислять его к «консервативным революционерам», хотя это не соответствует его взглядам, пишет российский политолог Филиппов. В то же время причастность Шмитта к этому политическому течению обосновывает немецкий исследователь Ф. Эбелинг [Ebeling, 1997].

В работе «Понятие политического» Шмитт выступил с критикой либерального универсализма с его идеей «прав человека». Последние он противопоставлял «правам народов», чем вызвал недовольство у идеологов фашизма, которые отрицали вообще все права, не связанные с государством (Третьим рейхом) [Шмитт, 1992]. Неустранимость политического означает неустранимость и противостояние друзей и врагов, считал Шмитт.

Его работа «Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил» (1939), брошюра «Земля и море» (1942), статьи «Номос Земли» (1950), «Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря» (1959) и другие написаны очень ярко, доказательно, однако носят тенденциозный характер. Научность в них сочетается с мифологизмом, личной интуицией и публицистикой. Содержание его геополитических идей пунктирно может быть сведено к следующему.

Во - п е р в ы х , ему принадлежит **концепция «номоса» Земли** [Schmitt, 1950]. Под «номосом» автор понимает *закон взаимосвязи между организацией народом земного пространства и особенностями государства, всего его социального устройства и права.*

- *Первый «номос» Земли* существовал до Великих географических открытий, когда не были еще известны все океаны и Америка, и поэтому у людей не было глобального представления о планете. Каждый многочисленный народ считал себя центром мира и воевал с «чистой совестью» до тех пор, пока не наталкивался на границу, т.е. на организованное военное сопротивление по защите территории со стороны другого народа.

- Великие географические открытия разрушили первый «номос», а открывателями *второго «номоса» Земли* стали европейские народы, которые разделили планету между собой. Суша была поделена, но зато море было свободным. Самая богатая морская держава Англия постепенно захватила и мировые океаны (океанские транспортные пути) и установила равновесие между «землей и сушей». Особая расстановка сил была на европейской континентальной части, где равновесие не терпело гегемонии ни одной из континентальных держав. В результате гарантом стабильности и здесь была Англия. Европоцентрический второй «номос» был разрушен Первой мировой войной.

- Образовался *третий «номос» Земли*. Земля распалась на две половины: восточную и западную. Эти части пришли к состоянию «холодной войны», а при случае и «горячей».

«Но за географической противоположностью вырисовывается более глубокое и изначальное противопоставление. Достаточно посмотреть на глобус и увидеть, что называемое сегодня Востоком — это огромные континентальные массы суши. Для сравнения: огромные пространства западного полушария покрыты великими планетарными морями, Атлантическим и Тихим океанами. Так не скрывается ли за противостоянием Востока и Запада противостояние между континентальным и морским мирами, противоположности земного и морского начал?» [Шмитт, 1993, с. 29].

Во-вторых, Шмитт, конструируя «номос» Земли, пришел к выводу о **сущностной противоположности «номоса» Земли «номосу» Моря**. По его мнению, это противоположные и враждебные по отношению друг к другу носители цивилизаций, чему он дал свою философскую, юридическую и нравственную интерпретацию.

Применительно к «силам Суши» он использовал название Бегемот, а к «силам Моря» — Левиафан (два библейских чудовища, одно из которых воплощает в себе сухопутных тварей, другое — всех водных, морских). Этически он на стороне Моря. Это видно, например, из сравнения символов Моря и Суши — Корабля и Дома. «Корабль — основа морского существования людей, подобно тому как Дом — это основа их сухопутного существования. Корабль и Дом не являются антитезами в смысле статического полярного напряжения; они представляют собой различные ответы на различные вызовы истории. Итак, в центре сухопутного существования стоит Дом. В центре морского существования — Корабль. Дом (Суша) — это покой, Корабль (Море) — это движение. В силу движения Корабль обладает иной средой и иным горизонтом. Технические открытия, лежащие в основе промышленной революции, только там на самом деле приведут к индустриальной революции, где сделан шаг к морскому существованию, — отмечал Шмитт. — Только при освоении Океана Корабль становится настоящей антитезой Дома» [Шмитт, 1996/97, с. 54]. «Номос» Моря — это реальность, враждебная традиционному обществу. Совершенно очевидно, что в талантливых в литературном отношении размышлениях Шмитта нельзя не увидеть влияния на него идей прежде всего Мэхэна.

В-третьих, Шмитт предрекал **великую цивилизационную катастрофу**, связанную с переходом от «старого номоса» планеты к современному, когда нарушено равновесие между Морем и Землей. По его мнению, это связано с тем, что цивилизация все дальше уходит от Почвы (проведем параллель понятия Почвы с понятием «месторазвития» русских ученых П. Н. Савицкого и «кормящего ландшафта» Л. Н. Гумилева), с которой он прочно связывал

государство, социальную организацию и право. Человечество же, построившее летательные аппараты, космические корабли, все больше отрывается от Почвы. «Равновесие нарушено. Развитие современной техники отняло у Моря его изначальный характер. Третье измерение, воздушное пространство, добавилось как силовое поле человеческого господства и деятельности» [Шмитт, 1993, с. 29].

Шмитт видел три выхода из нарушенного равновесия между Почвой и состоянием цивилизации.

- Первый состоит в том, что в ходе противостояния между Землей и Морем останется победитель, который станет единственным хозяином мира.

- Второй выход — в попытке поддержать структуру равновесия «старого номоса», т.е. сохранить превосходство Моря, присовокупив к его морскому превосходству еще и сухопутное и воздушное. Однако при подобном развитии ситуации, по Шмитту, может появиться фигура «партизана» Суши как последнее действующее лицо истории, которое всеми средствами будет стремиться защитить «сухопутный порядок», сопротивляясь тотальному наступлению Моря.

- Третья возможность также основывается на идее равновесия, которое будет базироваться на основе нескольких блоков (Больших независимых пространств), которые установят между собой согласие в поддержании порядка на планете.

В - ч е т в е р т ы х , Шмитт разрабатывал **гипотезу Больших пространств**, считая принцип имперской интеграции выражением логического и естественного человеческого стремления к синтезу. Для каждой всемирной империи (по-немецки — рейх. — *И. М.*) характерен определенный релятивизм по отношению к многоцветью возможных воззрений, решительное превосходство над локальными своеобразиями, а одновременно — оппортунистическая терпимость в том, что не имеет центрального значения.

Большое пространство находится под господством государства, имеющего идею-силу. В качестве примера Большого пространства он рассматривал пространство двух Америк, объединенных идеей-силой — доктриной Монро.

Взаимоотношения между Большими пространствами Шмитт предлагал включить в международное право. Эти идеи перекликаются с пангерманистской идеей (по Шмитту — Немецкое Большое пространство) и особенно концепцией «новых правых», в частности разработкой бельгийского консервативного револю-

ционера Ж. Тириара «Европа от Владивостока до Дублина» (рис. 5). Из приведенного рисунка можно видеть, как идеи трансформируются в инструмент завоевания и агрессии.

Японские геополитические идеи После реставрации Мэйдзи¹⁵ (буквально означает «просвещенное правление») в 1868 г. Япония стала государством с открытой экономикой для промышленно развитых стран Запада. Это произошло после двухсот тридцати лет сакоку — периода ее насильственной изоляции со стороны сёгуната — управлявшей страной верхушкой крупных феодалов.

В конце XIX — начале XX в. формировался японский империализм, который выразился в стремительной экономической и военной экспансии на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и в так называемых Южных морях. В конце XIX в. во внешней полити-

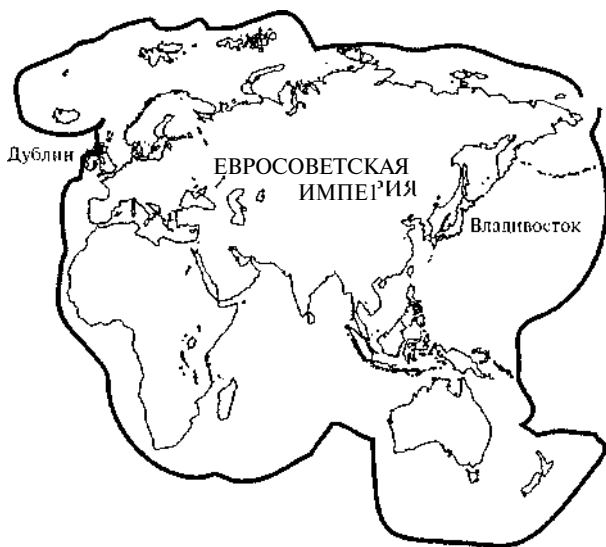

Рис. 5. Евросоветская империя в представлении Ж. Тириара (А. Дугии, 1997).

¹⁵ Фактическое имя императора Муцухито, но посмертным именем, под которым он вошел в историю, осталось Мэйдзи.

Раздел I. Геополитика

ке Японии, которую историки определяют как вступление ее в борьбу за империалистический раздел мира (1894—1904 гг.)¹⁶, обозначилось два основных направления:

О ликвидации неравноправных договоров с западными странами. В геополитике это направление оформилось как азиазизм;

О экспансия во внешние владения Азии, на которые пока еще не особенно претендовали другие государства.

В японской геополитике условно можно выделить независимое и зависимое от германской геополитики направления.

Главным центром «автохтонных» (независимых) геополитических исследований в Японии до Второй мировой войны был Императорский университет в Киото. Во главе *киотской школы геополитики* стоял руководитель первой организованной в стране в 1907 г. кафедры географии *С. Комаки*, который написал книгу «Манифест японской геополитики».

Киотская школа геополитики основывалась на «школе национальной науки» (кокугакуха), сформированной в конце периода Токугава¹⁷. В основе «национальной науки» лежал синтоизм как религиозное учение, которое стало тогда опорой антисёгунской идеологии. Идея почитания императора превратилась в программу борьбы за возвращение полноценной императорской власти. Реставрация Мэйдзи ознаменовала собой возвращение к правлению императора как древней, истинной традиции. Поскольку после 1868 г. модернизация стала приоритетом государственной политики, в обществе появилось опасение утратить свою национальную самобытность. Киотская школа геополитики была школой традиционалистов. Большое внимание уделялось мистификации более чем двухтысячелетиях японских духовных традиций. Возвеличивалась фигура первого императора, легендарного основателя японского государства великого Дзимму, потомка богини Солнца Аматэрасу, который якобы жил на рубеже III—IV вв. и от которого ведут свое происхождение все императоры Японии — тэнно (небесный государь), или микадо.

Геополитики из Киото утверждали, что тэнноистская особенность выделяет Японию как уникальную и единственную

¹⁶ В 1904—1905 г. Япония фактически была причислена к великим державам.

¹⁷ *Токугава* — династия сегунов и феодальной Японии, завершившая объединение страны и просуществовавшая с 1603 по 1867 г.

в мире страну, управляемую непрерываемой божественной фамилией тэнно. Через культ тэнно языческая синтоистская идеология (в основе лежит культ божеств природы и предков) объявлялась основой общего политического мировоззрения японского народа.

Культ тэнно символизировал высшее единство страны, ее далеко идущие притязания явно националистического характера. После реставрации 1868 г. синтоизм стал официальной государственной идеологией, нормой морали и кодексом чести. В официальной японской националистической пропаганде утверждалось, что великая Ямато (древнее название страны), согласно древним сакральным текстам, призвана создать «Великую Азию» и осуществить принцип «*Nakko Ichiu*» (собрать «восемь углов под одной крышей»), т.е. объединение мира под властью Японии и японского императора, потомка богини Амаэрасу [Dictionary, 1994, p. 131].

Одно из направлений, развиваемых в Киотском университете, касалось проблемы вестернизации. Изучалась история и перспективы западного империализма в Восточной Азии, в основном в негативной интерпретации. Географы из Киото не имели прямых связей с японскими политическими и административными кругами, их школа ограничивалась интеллектуальной сферой.

Германский тип геополитики (*German-type geopolitics*) развивался географами, учеными-политологами и крупными политическими деятелями. С конца 1920-х годов труды немецких геополитиков публиковались в Японии, а работа Челлена «Государство как форма жизни» стала известна здесь в 1925 г. В основе методологии японских геополитиков лежала интерпретация теории *Lebensraum* применительно к Японии. Развивались также принципы и методы *Raumordnung* (пространственное планирование) для внутренней Японии и ее колоний — Маньчжурии, Кореи и Формозы. Геополитики данного направления составляли костяк Японского геополитического общества, образованного в 1941 г. А ранее, в октябре 1940 г. был открыт Институт по изучению проблем тотальной войны. И все же в формировании и осуществлении государственной геополитики главную роль играли не ученые-интеллектуалы и общественность, а политики и государственные деятели.

В широком спектре их геополитических воззрений можно выделить **две господствовавшие тогда концепции: паназиатизм и японское «евразийство».**

Раздел I. Геополитика

В формулировке внешнеполитического курса Японии прослеживается влияние немецкого геополитика Хаусхофера, обосновавшего концепцию оси Берлин — Рим — Москва — Токио. Важным связующим звеном между Хаусхофером и Коноэ был *Рихард Зорге*, приехавший в Токио с рекомендательными письмами от Хаусхофера и бывший активным сотрудником его журнала «*Zeitschrift für Geopolitik*» [Молодяков, 1995, с. 34].

«Тройственный пакт» Германии, Италии и Японии закрепил раздел сфер влияния трех держав, признав за Японией право создания «нового порядка» в Восточно-Азиатском пространстве.

Интересна судьба этого геополитика и государственного деятеля. 16 октября 1941 г. (т.е. почти за два месяца до удара по Пёрл-Харбору) Коноэ, не в состоянии противостоять ультраимпериалистской фракции своего военного министра Тодзё Хидеки, ушел в отставку. В 1944 г. он и близкие к императору политики и военные сместили кабинет Тодзё Хидеки. В феврале 1945 г. Коноэ представил императору записку об опасности распространения коммунистического влияния. Император решает отправить его в СССР на переговоры о заключении мира, но план не был реализован, так как через месяц Япония признала капитуляцию. В новом кабинете министров Коноэ получил статус вице-премьера. Однако главнокомандующий оккупационными войсками (США) издал указ о его аресте как возможного военного преступника. За день до представления перед властями он принял яд и умер [Dictionary, 1994, p. 143—145].

Особенности французской геополитической мысли

П. Видаль де ла Блаш и Ж. Ансель — оппоненты экспансионизма и империализма в геополитике.

Классик французской школы географии человека **Поль Видаль де ла Блаш** (1845–1918) закончил Высшую школу (*Ecole Normale Supérieure*) в Париже и некоторое время обучался во Французской школе в Афинах. Затем преподавал в университете Нанси, а с 1898 г. и до конца жизни возглавлял кафедру географии в Сорбонне [Dictionary, 1994, p. 232].

Этот ученый — «очень большой, очень проникательный географ — чувствовал себя неуверенно и был несколько неуклюжим в области теоретических концепций» [Февр, 1991, с. 160]. После его смерти его коллега, зять и профессор Сорбонны *Эммануэль де Мартонн* подобрал из архивов выдающегося географа заметки и статьи по теоретическим и методическим проблемам географии, включая рассуждения о геополитике под заголовком «Принципы географии человека» (1922). Другая работа, по которой можно судить об основах геополитических подходов этого исследователя, называется «Восточная Франция» — его последний комплексный труд (1917).

Ситуация, в которой зарождалась современная геополитическая мысль во Франции, была обусловлена двумя общеевропейскими

1. Историография зарубежной геополитической мысли

поражениями этой страны: поражением Наполеона при Ватерлоо (18 июня 1815 г.) и поражением французских войск при Седане (1 сентября 1870 г.). Последнее происходило на фоне экономического и военного возвышения Германии. Провозглашение Германской империи императором Вильгельмом I из династии Гогенцоллернов произошло в 1871 г. в Версальском дворце под Парижем.

Соперничество Франции с Германией не могло не сказаться на направлении геополитической мысли французских геополитиков. Одним из основных развиваемых ими принципов был *принцип оппозиции немецкой геополитической мысли*.

Видаль де ла Блаш, в отличие от своего германского современника Ратцеля, в центр геополитических исследований поставил не пространство, географическое положение государства и пространственную идею, а человека. Человек для французского классика — это активный, в отличие от пассивного природного фактора территории, географический фактор.

Он резко критиковал Ратцеля за его переоценку природного и чисто пространственного фактора в развитии государства. В результате им был выработан новый подход к оценке геополитических процессов — *поссибилизм* (от франц. *possible* — возможный). Согласно *поссибилизму*, географическое положение может превратиться в реальность, стать действительно политическим фактором, но зависит это от человека, проживающего в пределах данного пространства.

Видаль де ла Блаш довольно в общих чертах предложил **концепцию цивилизационного процесса как мирового**. Его основу составляли взаимодействующие локальные и при соответствующих условиях расширяющиеся пространственные «ячейки», или очаги. В рамках этих пространственных ячеек в результате адаптации человека с окружающей природной средой складывались в течение определенного времени своеобразные «образы жизни» (*genres de vie*). Взаимодействуя между собой, «ячейки» пространственно расширялись. Взаимодействия происходили путем «революционных вспышек», которые вначале захватили часть северной полушария от Средиземноморья до Китая. Цивилизационный процесс почти непрерывно происходил в Западной и Центральной Европе, а в Восточной Европе и Азии нередко прерывался, возобновляясь позже и частично.

Раздел I. Геополитика

Специфика Европы, способствовавшая непрерывности цивилизационного процесса, заключается, по Блашу, в ее географической дифференциации и стимулирующем характере климата (не очень суровый, чтобы парализовать энергию человека; не расслабляющий, чтобы вести паразитический образ жизни), что привело к формированию здесь самого большого разнообразия очагов цивилизации, которые находились в постоянном взаимодействии. Коммуникации, естественно, играли главную роль в процессе цивилизационного становления. Теснота контактов вела к подражанию, заимствованию. *Способность к творческому восприятию и усвоению внешних влияний стала основой богатства и динамизма европейской цивилизации.* Расширение европейских контактов, в частности развитие торговли, стало предпосылкой установления политического контроля над колонизируемыми территориями.

Видал де ла Блаш, впрочем, как и Ратцель, считал возможным *создание в будущем мирового государства.* Однако основы взглядов обоих ученых были разными. Блаш считал, что *базисом взаимодействия государств должны быть интересы человека,* а в перспективе каждый из жителей Земли должен осознать себя «гражданином мира». Ратцель во главу угла ставил приоритет «великих держав». Позже идея о мировом государстве в интерпретации Блаша получила обоснование в подходах к объединению Европы Деманжона.

Для оценки геополитического положения великих держав Видал де ла Блаш использовал **позиционный принцип.** Уделяя особое внимание Германии как главному в то время политическому противовесу Франции, ученый находил, что Германия пространственно заблокирована другими великими державами Европы. Иное географическое положение занимают Великобритания и Франция, имеющие обширные колонии во всем мире и свободный выход к океану; США, которые могут осуществлять меридиональную экспансию, а также Россия, которая располагает азиатскими территориями. В сдавленности Германии со всех сторон и ненахождении ею пространственного выхода «своих энергий» французский географ видел главную угрозу миру в Европе.

Интересная особенность его геополитических взглядов состоит в том, что он считал

неизбежным постепенное преодоление противоречий между морскими и континентальными державами. В основе этого преодо-

ления лежат принципиально новые отношения между Сушей и Морем (Океаном). Континентальные территории по мере насыщения их сетью коммуникаций становятся все более пронизываемыми и ориентируются в своем развитии в сторону морских путей. Океан, в свою очередь, все больше становится зависимым от связей с континентальными районами. ***Взаимопроникновение Суши и Моря становится универсальным процессом.***

Более частная геополитическая проблема, которую поднимает Блаш в своей работе «Восточная Франция», касается установления границ между Францией и Германией. Во Франции традиционно считалось, что естественная граница между этими государствами должна быть установлена по Рейну. Однако Блаш касался конкретной узловой проблемы — принадлежности Эльзаса и Лотарингии. Весьма интересно, что он предложил неконфликтную идею превращения спорных территорий в зону взаимного сотрудничества между Францией и Германией, что в наше время нашло воплощение в идее «Европа регионов».

Жак Ансель (1882—1943) был учеником Блаша в Сорбонне. Он занимался политической географией в период растущей угрозы оккупации Франции и ее осуществления со стороны Германии. *Германскую геополитику он расценивал как «псевдогеографию»*, ставившую своей целью оправдание нового пангерманизма и экспансионистской доктрины *Lebensraum*. Его жесткая критика немецкой геополитики привлекла внимание германских оккупантов, и Ансель был помещен в концентрационный лагерь Компьень (*Compiègne*) в 1941 г. и умер вскоре после освобождения.

Ж. Ансель был *жестким оппонентом экспансионизма и империализма*. Сама идея доминирования одной нации над другой была для него анафемой. Его концепция в то время являлась франкоцентристской. Франция была для него страной с цивилизующей, а не с завоевательной миссией.

Согласно Анселю, путь к прогрессу лежит через создание гибких группировок, которые были бы признанием основных человеческих реалий и вкладом в общее благосостояние, как экономическое, так и культурное. Это обеспечивало бы существование порядка, при котором величие одной нации не было бы совместимо со свободой всех других наций.

В книге «География границ» (1938) Ансель предлагал в своей динамической политической географии рассматривать *изменение границ как ре-*

Раздел I. Геополитика

зультат необходимости и желательности. При этом границы между государствами он рассматривал в качестве временной периферии, а не строгих барьеров. Они трактовались как политические «изобары», отражающие баланс международной власти и способные к изменениям. Единственным естественным рубежом он считал рубеж ойкумены (отсутствия людей). Граница, по Анселю, — это результат равновесия между жизненными силами двух народов.

Обеспокоенность снижением геополитической роли Европы — лейтмотив творчества А. Деманжона. Альберт Деманжон (1872—1940) — ученик Блаша. Окончил Высшую школу (*Ecole Normale Supérieure*) в Париже. Как геополитика его интересовали геополитические изменения после Первой мировой войны.

В книге «Упадок Европы» (1920) он анализирует причины снижения роли Европы в международных делах. Он говорит о подъеме США до уровня мирового гегемона, о Японии как региональной доминанте в пределах «Нового Средиземноморья» — Тихоокеанского региона, называемого им «местом встречи Запада и Востока». Значительную опасность для Европы он видел в милитаризации исламского мира. Он был обеспокоен упадком Европы. В целом Деманжон видел мир триполярным: США, Япония и объединенная Европа, идея которой широко обсуждалась в 1920-е годы [Demangeon, 1920].

Упадок Европы можно было бы предупредить путем кооперации, объединения государств.

Создание столь большого количества государств в Европе после Первой мировой войны он считал шагом назад, ведущим к автаркии и будущим конфликтам. Английский геополитический словарь называет Деманжона «категорическим протагонистом европейской кооперации» [Dictionary, 1994, p. 62].

Рост интереса к геополитике в Германии Деманжон встретил со значительной тревогой. Высоко ценя Ратцеля, он имел очень низкое мнение о неоратцелистах, которые искаженно использовали многие идеи этого немецкого ученого, чтобы «научно» обосновать обновляющуюся германскую экспансию, в том числе в Европе. Его идейная привязанность к поссибилизму Блаша в корне противоречила географическому детерминизму немецкой геополитики.

Колонизация как национальная ревитализация (оживление) трактовалась им в рамках концепции «front de colonisation». В течение 1930-х годов проблемы упадка Европы и роста опасности со стороны Германии

как бы скомбинировались и резко ослабили положение Франции как великой державы. Деманжон призвал не только к более эффективному использованию национальных ресурсов, модернизации промышленности и сельского хозяйства в пределах самой метрополии, но и к проведению более рациональной колониальной политики. В дихотомии «суша — море» он сделал все же выбор «морской ориентации» Франции, которая в то время в отличие от Германии имела колонии и могла развивать с ними торговые отношения. Ученый считал необходимым вкладывать больше капиталов в колонии, поощрять эмиграцию в них.

Представления о принципах геополитики и иконография Ж. Готтманна. **Жан Готтманн** (1915—1994), уроженец Харькова, закончил Парижский университет. Он был учеником Деманжона и Зигфрида и находился под влиянием идей Блаша. Затем работал в Оксфордском университете на кафедре Маккиндера. После Второй мировой войны возвратился в Сорбонну, где работал под руководством Деманжона. В 1940 г. эмигрировал в США, где был географом Государственного департамента, а как ученый разрабатывал идею об иконографии [Dictionary, 1994, p. 101 — 102].

В книге «Политика государств и их география» (1952) Готтманн дал критический разбор идей Ратцеля, Хаусхофера, Маккиндера, Спикмена и других геополитиков. *В результате он пришел к выводу, что в их понимании геополитика представляет собой науку о войне.* Опыт Третьего рейха, по мнению Готтманна, может быть назван проверкой на практике идей Ратцеля и его последователей.

Считая пространство главной категорией геополитики, Готтманн пытался доказать, что размеры территории государства далеко не пропорциональны его мощи. *На первый план он ставил географическое положение государства и его организацию.* Подтверждением этому тезису был тот факт, что европейские державы с довольно ограниченной территорией в течение веков доминировали в мире и смогли создать империи, размеры которых многократно превышали территории метрополий. Такая оценка свойств территории была шагом вперед в ревизии отдельных положений классической геополитики.

Готтманн по-новому трактовал географическое положение государства, которое определяется отношением к основным коммуникационным линиям и потокам, приуроченным к ним: движение людей, армий, товаров, капиталов, идей. В связи с этим, по Готтманну, центральным понятием должно стать понятие «circulation» («communication»).

Раздел 1. Геополитика

Он также выразил свое отношение к проблеме морских и континентальных государств. Морским государствам, считал он, в отличие от континентальных, свойственна большая свобода, терпимость и меньшая склонность к автаркическим и абсолютистским формам организации. Многие в этих положительных свойствах морских стран определяется характером их коммуникационных связей. С зарождения цивилизации Морс было главной ареной связей, контактов. Море связывало самые различные географические районы, что расширяло кругозор жителей морских стран. Свобода мореплавания, подтвержденная Римским правом, давала большие преимущества морским государствам, способствуя использованию опыта других стран, заимствованиям и отбору, вариантности развития. Континентальные же государства имели в своей истории менее дифференцированные, менее интенсивные и менее разнообразные контакты и обмены, из чего вытекают характерные черты континентального развития.

Развитие иконографии

Самой большой заслугой Готтманна явилось *развитие иконографического направления* в политической географии в том понимании, которое было сформулировано Блашем. Буквально «iconographie» означает систему символов, используемых в иконописи, где символы передают смысл иконописного образа.

«Iconographie regionale», по Готтманну, — это выражение представлений о картине окружающего мира сообщества определенного самоорганизованного пространства, сформировавшееся под воздействием религиозной, национальной, культурной и социальной истории указанного пространства. Иконография пространства (территории) включает произведения искусства, архитектуры, а также все символы-формы общественной жизни и быта.

Как отмечал немецкий геополитик Шмигг, в понятие «иконаграфия пространства» можно включать, помимо различных форм общественной жизни, также и все прочие типические формы проявления человеческого бытия, системы характерных импликаций (вовлечений, причастностей), аллюзий (намёков), символический язык чувств и мыслей в том виде, в котором они характерны для определенных территорий с особой неповторимой культурой. Сюда же, по Шмитту, относятся образы прошлого, мифы, саги и легенды, точно так же как и все символы и табу, топографически локализованные в одном определенном пространстве и только в силу этого обретающие историческую действительность [Шмитт, 1996/97, с. 44].

Ж. Готтманн говорит о циркуляции иконографии, т.е. о взаимном влиянии региональных иконографии. Иконография со време-

1. Историография зарубежной геополитической мысли

нем может также отрываться от той реальной почвы, которая ее породила много веков или даже тысячелетий назад, и воспроизводиться инерционно.

Ученый приводит множество примеров «функционирования системы символов». Среди них пример англичан в Новой Зеландии, обустроивших страну по готовому образцу, а также русских, осваивавших Сибирь и Дальний Восток и принесших туда свой образ жизни, свою систему символов.

Сила иконографии как фактора, дифференцирующего пространство, заключается в том, что это духовное явление, обладающее большой психологической инертностью, очень слабо поддающееся трансформации. Поэтому, считает Готтманн, политическое единство или разобщенность уходят своими корнями в сферу духа, самосознания, что он называл «психосоматикой территории». Политические рубежи, говорил он, определяются в первую очередь действием духовных факторов, а не формами земной поверхности.

Центральная проблема политической географии и геополитики, по Готтманну, — это проблема взаимодействия между «circulation» и «iconographie».

Циркуляция развивается последовательно и инертно в соответствии с конфигурацией коммуникационной сети, которая достаточно стабильна и изменяется благодаря прогрессу на транспорте и в связи или в результате изменений в географии центров человеческой деятельности.

На коммуникационных перекрестках возникают центры контактов, обменов, трансформаций. Эти центры — города — вырабатывают из всего разнообразия влияний локальную иконографию. Затем город, превращаясь в политический или административный центр, притягивает и организует близлежащее пространство. Процесс расширяется и приводит к синтезу локальных иконографий в более широкие пространственные системы символов. В этом и заключается механизм формирования районов, государств, цивилизаций. Этот процесс не был линейным. Например, на смену большим империям приходила региональная обособленность.

1 А. Ревизионистские геополитические западные теории

В период и после Второй мировой войны развивалась преимущественно американская геополитическая мысль. Резкое доминиро-

Раздел I. Геополитика

вание США в мировой экономике означало, как предсказывал Хаусхофер, их экспансию за пределы Западного полушария. Нужно сказать, что геополитическая история США со времен Первой мировой войны — это история осознания и практического воплощения идеи гегемонии в Евразии. З. Бжезинский оценивает США как первого в мире полноценного гегемона, поскольку только США за всю историю удалось осуществить гегемонию над Европой. Теперь же, после «холодной войны», задача США состоит в контроле над всей Евразией как ключевой геополитической ареной. В книге «Великая шахматная доска» (1998) Бжезинский писал: «Сегодня геополитический вопрос более не сводится к тому, какая часть Евразии является отправной точкой для господства над континентом, или к тому, что важнее: власть на суше или на море. Геополитика продвинулась от регионального мышления к глобальному, при этом превосходство над всем Евразийским континентом служит центральной основой для глобального главенства» [Бжезинский, 1998, с. 53].

Либеральный интернационализм в сочетании с «*Realpolitik*» в работах И. Боумена

К первому ревизионисту в геополитике нашего столетия с некоторыми долей условности можно отнести американского географа **Исайю**

Боумена (1878—1950), у которого в книге «Новый мир» (1921), как пишет *П. Тейлор*, реализм старого стиля исключен из географии [Тейлор, 1993]. Эта книга создавалась под влиянием известных «Четырнадцати пунктов» Вильсона, которые внимательно изучил Боумен (хотя нельзя исключать обратного — влияния Боумена на Вильсона, что облегчалось его служебным положением — Боумен был директором Совета внешних сношений {*Council on Foreign Relations*) с 1917 по 1950 г.). Это было изложение представлений о философии власти в мировом геополитическом пространстве, вытекающее из идеи либерального интернационализма президента Вильсона.

Несмотря на кажущийся идеализм, Боумен относится к числу самых известных американских геополитиков с сильным практическим уклоном в своей деятельности. Боумен писал о необходимости распространения доминирования США после победы во Второй мировой войне на ключевые регионы мира.

По образованию географ, родился и получил образование в Онтарио, Канада. Он был в свое время Президентом Ассоциации Американских географов, преподавателем в ряде университетов, в том числе в Гарварде-

ком. Он активно участвовал в Парижской мирной конференции 1919 г. в качестве специалиста по границам. В этой роли он был задействован в проекте изменения границ, последовавшем после Версальского договора, на некоторых участках границ между Германией и Польшей, Италией и Югославией. Известно, что Боумен послал письмо президенту США Ф. Рузвельту с изложением своего сценария возможного развития событий после Мюнхенского сговора 1938 г., в котором он обосновал неизбежность нападения Германии на СССР.

Одна из идей Боумена **отказ США от концепции изоляционизма**, так как уникальное географическое положение, в частности отдаленность от европейского театра военных действий, — недостаточное условие для безопасности США. По существу, с методологической точки зрения это означало возвращение американских геополитиков и политиков к мэхэновскому и маккиндеровскому типу глобального мышления. После этого президент США Рузвельт постоянно доказывал Конгрессу США, что при современной технической инфраструктуре географическая отдаленность и создание сети морских и авиационных баз на Тихом и Атлантическом океанах — вовсе недостаточное условие для США, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Под влиянием Рузвельта в США начинает усиленно развиваться военная промышленность, выведшая к середине 1939 г. экономику США из депрессии. С началом Второй мировой войны США осуществляли военные заказы из Великобритании. Интересно, что уже Рузвельт понимал важность Евразии для США, причем в той интерпретации, которая была изложена Маккиндером.

Рузвельт, по существу, определил американскую геополитическую стратегию в период 1933—1945 гг. Во-первых, он отвергал традиционный американский изоляционизм. Во-вторых, он одним из первых политиков понял роль такого мощного технологического фактора, как авиация, которая делает очень уязвимой территорию «изолированной» Америки. Геополитические проблемы США в это время уже нельзя было решить, опираясь только на «морские» идеи Мэхэна. Развитие авиации, агрессивность германской геополитики, все большая вовлеченность США в европейские дела — все это требовало новых теорий. Среди разработчиков американской геополитики тогда, кроме Боумена, выделялись Г. Уайджерт, Р. Страус-Хюпе, В. Стефенссон, О. Латимор, Д. Уилси.

Германские геополитики воспринимали США не как гегемонную державу, а как одно из трех доминирующих государств. Действительно, если обратиться к такому важному геополитическому фактору, как технологическое превосходство, то накануне Вто-

рой мировой войны преимущество было на стороне Германии. Научный потенциал Германии намного превышал потенциал США. После поражения Германии США объективно стали самой сильной экономической державой. Их резкое доминирование в мировой экономике (почти 1/2 мирового валового внутреннего продукта) означало неизбежность выхода США за пределы Западного полушария, которое ей отводилось германским панрегионализмом.

Модель «хартленд-римленд»
Н. Спикмена

В 1930^{гг} 1940-е годы крупнейшим теоретиком новой американской геополитики стал географ **Николаас**

Спикмен (1893—1944), возглавлявший Институт международных отношений в Йельском университете. *Спикмен интегрировал идею Мэхэна о «морской мощи» и теорию хартленда Маккиндера с позиции интересов безопасности США.*

Геополитику он определил как научную дисциплину, разрабатывающую основы безопасности страны, тогда как немецкая геополитика, по его мнению, была агрессивной и метафизической по своей сути. В своих теоретических размышлениях он ставил в центр геополитики как науки проблему безопасности. Геополитика должна применяться к формированию практической политики безопасности страны с точки зрения географических факторов.

«География является самым фундаментальным фактором внешней политики государств, потому что этот фактор — самый постоянный. Министры приходят и уходят, умирают даже диктаторы, но цепи гор остаются непоколебимыми» [Sprykan, 1942, p. 41].

Спикмен был сторонником глобальной системы безопасности США, названной им «*интегрированным контролем над территорией*». Спикмен окончательно порвал с традиционным американским изоляционизмом и отстаивал идею активного вмешательства США в дела Евразии. Это, естественно, была чисто интервенционалистская позиция, какими бы благими побуждениями ее автор ни руководствовался.

Геополитический контроль США обосновывался над странством не только Западного полушария, но и вне его — в целях якобы обеспечения безопасности США.

1. Историография зарубежной геополитической мысли

В своем капитальном труде «Стратегия Америки в мировой политике: Соединенные Штаты и баланс силы» (1942) Спикмен дал оценку и прогноз развития событий в результате Второй мировой войны. К 1942 г. Германия и Япония осуществили захват значительных территорий. Их политический союз мог способствовать перенесению военного удара из Восточного полушария в Западное. США тем самым грозило окружение со стороны Германии и Японии. Более того, в этой книге Спикмен считал возможной войну США с СССР, так как США должны были, по его мнению, продолжить борьбу до тех пор, пока не победят не только врагов, но и союзников.

Спикмен так определял основные направления американской **геополитической деятельности**:

- Сохранить Германию и Японию как военные державы, не допустить советско-китайского союза, так как союз двух огромных континентальных держав не позволит будущему англо-американо-японскому союзу контролировать мир.
- Не допустить объединения Европы, так как эта мощная федерация государств ослабит в конце концов мировые позиции США.

Как видно из последующего развития событий, многие из рекомендаций Н. Спикмена не осуществились. Германия и Япония не сохранились как военные великие державы, а Европа, напротив, пошла по пути интеграции. Война США с СССР не состоялась, хотя конфронтация обеих стран переросла в «холодную войну» с ее огромными экономическими затратами и человеческими жертвами. Не получили США и «интегрированного контроля» над миром, поскольку он был поделен между двумя супердержавами — США и СССР. Прогноз в отношении раскола между СССР и Китаем оправдался (он произошел в 1960-е годы).

В 1944 г. посмертно была опубликована небольшая книга Н. Спикмена «География мира» [Spukman, 1944]. Основная исходная позиция этой работы заключалась в структурировании мира, а актуальность издания объяснялась резким усилением влияния СССР в ходе победоносного наступления на Германию. Основная идея книги сводилась к тому, что на евразийском континенте находится большое количество центров силы, которые активно влияют на глобальную безопасность, поэтому их объединение в любого рода коалиции недопустимо для США. Коалиция станет неизбежно враждебной Соединенным Штатам. Следовательно, над евразийским континентом должен быть установлен «интегрированный контроль».

Раздел I. Геополитика

Если Маккиндер считал ключевой зоной всего мира хартленд, то Спикмен, наоборот, к таковой в Евразии относил римленд (rim — дуга, обод). Эта зона соответствует по географическому местоположению «внутреннему полумесяцу» Маккиндера (рис. 6). Она включает прибрежные государства Евразии, которые, по мнению Спикмена, образовались в результате наступления кочевых племен из глубин материковой сердцевины. *Эта гигантская «материковая кайма» — «спорный пояс», «буферная зона конфликта между континентальными и морскими державами» — подлежала «интегрированному контролю», поскольку здесь осуществляется противостояние между океанической гегемонной державой (США) и владельцем хартленда (СССР).*

Модель Спикмена получила название «*хартленд-римленд*». От внутренних и окраинных морей Западной Европы в Балтийском и Северном морях через Средиземное, Красное моря, Индийский океан до Японии проходит и заканчивается в Охотском море Великий морской путь. Между центром евроазиатской континентальной массы и этим Великим морским путем лежит большая концентрическая зона. Она включает Западную и Центральную Европу, плоскогорные страны Ближнего Востока, Турцию, Иран, Афганистан, затем Тибет, Китай, Восточную Сибирь и три полуострова — Аравийский, Индийский и Бирманно-Сиамский [Спикман, 1944, р. 43].

Спикмен считал, что центральная часть материковой Сердцевинной области недостаточно индустриализована, в ней очень слабо развито сельское хозяйство, а суровые природно-климатические условия препятствуют становлению здесь центра мировых коммуникаций.

Еще не закончилась Вторая мировая война, а Спикмен, получивший прозвище «американский Хаусхофер», прогнозировал возможную войну между США и СССР. Война действительно произошла, но только «холодная».

В подражание Маккиндеру Спикмен выдвинул свою максиму:

- Кто контролирует римленд, тот контролирует Евразию,
- Кто контролирует Евразию, — контролирует мир.

Выводы американского геополитика опирались не только на теоретические концепции Мэхэна и Маккиндера, но и на практику войны германо-японского блока. Он считал, что в какой-то момент Второй мировой войны германо-японский блок был бли-

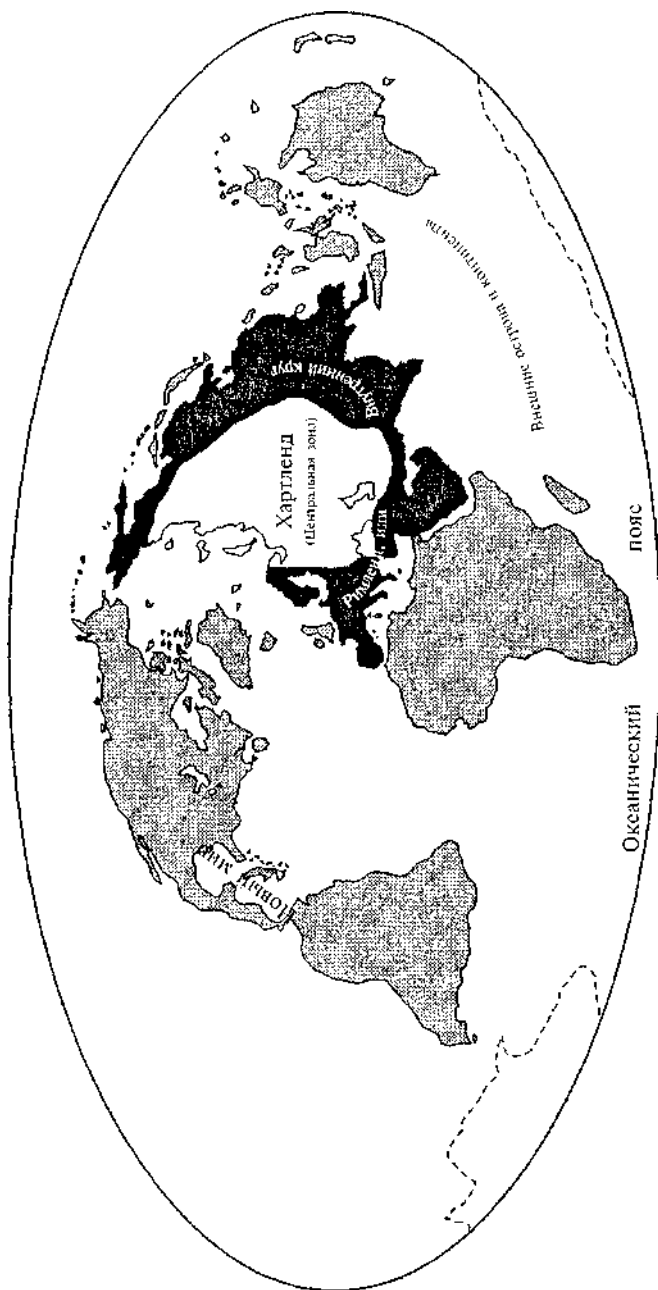

Рис. 6. Геополитическая модель Н. Сликмена (A Strategic Atlas, 1990).

зок к осуществлению контроля над римлендом с целью изолировать хартленд от морских держав Великобритании и США.

В действительности же, как известно, ситуация во время Второй мировой войны развивалась по Маккиндеру. Сильное давление из хартленда в западном, восточном и южном направлениях привело к еще большему его контролю над Евразией. Одним из геополитических итогов Второй мировой войны стало образование под контролем хартленда огромного блока континентальных держав, превышавших по площади империю Чингисхана.

Однако в геополитических моделях не всегда важно то, что эта модель точное или абсолютно неточное отражение реальности. Большую роль играет ментальный фактор. Достаточно большое число политиков верили в правоту модели хартленд-римленд, в результате чего она стала идеологическим инструментом творцов внешней политики.

В американском журнале «Foreign Affairs» в 1947 г. была опубликована статья дипломата Джорджа Кеннана под псевдонимом «Икс» [Kennan, 1947, p. 566—582]. Эту талантливую статью под названием «Истоки советского поведения» называют библией «политики сдерживания СССР». Как отмечает Киссинджер, «все различные направления американской послевоенной мысли были сведены воедино в этой исключительной по содержанию статье» [Киссинджер, 1997, с. 408]. Стоило бы подчеркнуть, что без работ Спикмепа вряд ли могла появиться эта статья. Кеннан объяснял природу неуступчивости СССР в послевоенных переговорах с западными державами.

Главную причину этого он видел в изначальном свойстве коммунистического мировоззрения и советской системы — враждебности к внешнему миру. А стратегию, выстроенную на такой основе, можно победить только при помощи «политики твердого сдерживания», предназначенной «для противодействия русским при помощи всегда имеющейся в наличии противостоящей силы в любой точке, где проявляются признаки покушения на интересы мирного и стабильного мира» [цит. по: Киссинджер, 1997, с. 409]¹⁹.

" Дж. Кеннан был одним из немногих, кто предсказал возможность фундаментальной трансформации СССР, проистекающей из-за незаконности передачи власти. В какой-то момент, писал он, различные соискатели власти «смогут спуститься в недра политически незрелых и неопытных масс, чтобы найти у них поддержку своим определенным требованиям. И если это когда-либо случится, то отсюда будут проистекать невероятные последствия для коммунистической партии: ибо членство в ней в широком плане основывается на железной дисциплине и повиновении, а не на искусстве компромисса и взаимного приспособления. Если вследствие указанного произойдет что-либо, что разрушит единство партии и эффективность ее как политического инструмента, Советская Россия за одну ночь из одного и! самых сильных национальных сообществ превратится в одно из самых слабых и жалких» (пит. по: Киссинджер, 1997, с. 409J.

В соответствии с моделью хартленд-римленд в США проводилась так называемая «политика сдерживания», на ней основывалась доктрина Трумэна как политика противостояния давлению СССР. Американский исследователь Г. Алперовиц ввел понятие «контрфактуальной истории». В свете такого подхода он писал, «что без принятия Соединенными Штатами политики сдерживания Советский Союз неизбежно распространил бы свою экспансию на всю Европу» [Алперовиц, 1994, с. 32].

Мировое геополитическое пространство после Второй мировой войны довольно быстро упростилось до бинарного строения, т.е. противостояния двух сверхдержав. В римленде образовывались военно-политические союзы, и здесь действительно шло серьезное противостояние между США и СССР, начиная с войны в Корее (1950—1953) и кончая войной в Афганистане (1979-1988).

В качестве «изоляторов» хартленда (СССР и его союзников) были образованы военные блоки:

НАТО — North Atlantic Treaty Organisation — в Европе (16 государств-членов: Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Исландия, Испания, Италия, Канада, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, США, Турция и Франция. При чем Франция в 1966 г. вышла из интегрированной военной структуры этой организации);

СЕНТО в Западной Азии (первоначально называлось Багдадским пактом и включало Турцию, Ирак, Иран, Пакистан и Великобританию; США были представлены наблюдателем);

СЕАТО в Восточной Азии (Австралия, Новая Зеландия, Пакистан, Таиланд, Филиппины, а также находящиеся вне этого региона страны — Великобритания и Франция). Таким образом, хартленд был почти полностью окружен поясом, находился в известных уже нам кольцах «анаконды».

Там, где изоляция нарушалась, происходили столкновения в форме больших и малых конфликтов или локальных войн в послевоенные годы, после 1945 г.: война в Корее с 1950 по 1953 г., восстание в Берлине 17 июня 1953 г., восстание в Польше и Венгрии в 1956 г., Берлинский кризис и возведение Берлинской стены 13 августа 1961 г., арабо-израильские войны в 1948/49, 1956 (Суэцкий кризис), 1967 и 1973 гг., ввод войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г., война Франции против Вьетнама (1946—1956) и война США против Вьетнама (1965—1974), постоянная военная помощь со стороны США Израилю, который еще Маккин-

Раздел I. Геополитика

дер называл форпостом англо-американского влияния в Азии; события в Камбодже с 1967 г., Лаосе с 1975 г. и т.д.

Вся американская политика в зоне римленда была направлена на предотвращение советского доминирования в Евразии и в Мире-Острове в целом. В настоящее время прием в НАТО стран Центрально-Восточной Европы многие геополитики расценивают как продвижение Запада в зону римлекда. Нужно заметить, что геополитика СССР была зеркальным отражением американской. Лишь идеологически она обосновывалась антиимпериализмом, а США объявили себя защитниками свободного мира. Сами понятия «Запад» и «Восток» приобрели идеологическое измерение. По этому принципу расположенная на Дальнем Востоке Япония стала частью Запада. СССР в противовес НАТО образовал военный блок Организации Варшавского Договора, распущенный 1 апреля 1991 г.

«Политика сдерживания» привела к созданию ограниченных, но простых пространственных моделей, с помощью которых объяснялась и прогнозировалась геополитическая ситуация в отдельных секторах римленда, а также распространялась и на другие районы Третьего мира. Классическая аналогия таких моделей была теория домино, названная так У. Ростом, М. Тейлором и Р. Макнамарой [Dictionary, 1994, p. 64]. По «теории домино» «падение» одной страны неизбежно приведет к ущербу интересам США в соседних странах: потеря Камбоджи привела к усилению риска в Таиланде, Малайзии и примыкающих странах.

В Западной Европе *теория домино* была заменена термином *финляндизация*, который был введен Р. Лёвенталем в 1966 г. [Dictionary, 1994, p. 80]. Суть его такова. Финляндия, как известно, была в коалиции с Германией против СССР. Однако в 1944 г. СССР обязал эту страну изменить курс и вступить в борьбу против Германии. Парижский мирный договор был мягок по отношению к Финляндии. Она должна была уступить некоторые территории СССР, ограничить численность своей армии и выплатить СССР репарации на сумму в 300 млн долл. товарами [Берге, 1998, с. 95]. Финляндией управляли правительственные коалиции, в которых коммунисты играли важную роль. Ради обеспечения полного суверенитета во внутренних делах Финляндия воздерживалась от антисоветских действий. Допускалась экстраполяция такой модели на другие страны Западной Европы. При этом исходили из того, что СССР не будет осуществлять захват стран военным путем, но советское влияние будет распространено с помощью навязанного контроля политики вовлеченных в сферу влияния СССР стран. Считалось, что Финляндия является образцом такого процесса.

Эта концепция была подвергнута острой критике со стороны Р. Лейбовитца [Leibowitz, 1983]. Он показал, что на самом деле Финляндия располагает значительной автономией по сравнению с дефиницией «теории финляндизации».

Исходя из «теории домино», политики США не раз «перегибали палку», ставив в достаточно унижительное положение даже своих значительных по влиянию партнеров по НАТО. Об этом красноречиво говорят действия президента **Шарля де Голля** во второй половине 1960-х годов, который вывел Францию из военной организации НАТО, не согласившись с положением Франции как плацдарма США для противостояния с СССР.

Концепция «динамического сдерживания» К. Грэй

Спикменовскую линию моделирования продолжил президент Национального института общественной

политики (Вашингтон) **Колин Грэй**, который внес в модель существенные поправки. Согласно Грэю, СССР, осуществляя мировую экспансию, «перепрыгнул» за кольцо сдерживания и утвердился по другую сторону римленда. Так, Киссинджер пишет: «...после Кубинского ракетного кризиса Советы сконцентрировали свои усилия на проникновении в мир развивающихся стран. Результатом стала биполярная стабильность в Европе, парадоксальный характер которой был резюмирован в 1958 году великим французским философом и ученым-политологом Раймоном Ароном» [Киссинджер, 1997, с. 537]. Грэй считал, что США следовало пересмотреть свою «политику сдерживания» в римленде и направить ее на те регионы, которые находятся и вне римленда, при этом ключевым регионом для США остается все же Евразия. Такую геополитику Грэй обозначил термином «динамическое сдерживание».

Он одним из первых геополитиков отметил тенденцию перехода от биполярного мира к мультиполярному.

По окончании «холодной войны» Грэй *предостерегал от демонтажа американской инфраструктуры* вследствие возможной внезапной смены демократической власти в России на тоталитарную.

Идея «Третьего мира» как альтернатива «Северу»

Идея биполярное™ мира времен «холодной войны» была нарушена идеей «Третьего мира», представ-

ляемого в качестве нового элемента мирового порядка. Отправной точкой идеи «Третьего мира» была Бандунгская конференция 1955 г.

Возникло движение, которое может быть названо альтернативой Юга Северу. Вначале его возглавила Индонезия, а затем Индия. Идеи, лежавшие в основе движения, были развиты индийскими политиками Кришной Меноном и Джавахарлалом Неру. Позже американский географ С. Коэн рассматривал Индию не как лидера развивающихся стран, а как потенциальный геостратегический регион.

Р. Уолтере обосновал деление мира на «Север» и «Юг», что противоречило устоявшемуся представлению о дихотомии «Восток—Запад» [Walters, 1974]. Мир стал восприниматься, по крайней мере, как триполярный (тринарный), т.е. на проблемы Юга стали смотреть как на проблемы планеты в целом.

Теоретически это ставит вопрос о природе мировой геополитической системы: не существует ли четвертый, пятый и так далее геополитический актер в мировой системе. Возникает проблема нового подхода к объяснению мирового порядка.

**«Атомная дипломатия»
Г. Алперовица**

Еще до Второй мировой войны Альберт Эйнштейн высказал предположение, что нацистская Германия попытается произвести бомбу с ядерным зарядом, обладающим огромной разрушительной силой. Перед лицом этой угрозы американское правительство Ф. Рузвельта запустило мощную военную программу «Проект Манхэттен», в который за период с 1942 по 1945 г. было инвестировано около 2 млрд долл. и для его осуществления были привлечены лучшие западные ученые [Soppelsa, 1994].

Испытание первой атомной бомбы США произошло 16 июля 1945 г., т.е. перед началом Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.), на которой главы правительств главных держав — победительниц во Второй мировой войне принимали решения о демилитаризации и денацификации Германии, уничтожении германских монополий, о репарациях, западной границе Польши и др. Интересно заметить, что президент США Г. Трумэн, отдавший несколько дней позже приказ об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки, ни словом не обмолвился об испытании в Аламагордо (штат Нью-Мексико) И. Сталину, который возглавлял советскую делегацию в Потсдаме.

Атомная бомба давала США огромную геополитическую власть и означала мировой контроль. В связи с этим американский поли-

Формирование «Атомного клуба»

Страны	Время испытания атомной бомбы	Время испытания водородной бомбы
США	июнь 1945	ноябрь 1952
СССР	август 1949	август 1953
Великобритания	октябрь 1952	май 1957
Франция	февраль 1960	август 1968
Китай	октябрь 1964	июль 1967
Индия	май 1974	

толог **Гар Алперовиц** в 1965 г. ввел термин *«атомная дипломатия»* [Alperoviz, 1965]. СССР испытал атомную бомбу в 1949 г. в Семипалатинске, а затем постепенно сформировался «Атомный клуб» (табл. 1).

Характерно, что в отличие от США *руководство СССР вплоть до 1962 г. не изменяло свою военную стратегию под влиянием такого фактора, как ядерное оружие.* «Новая стратегия» известна как доктрина Соколовского.

Доктрина Соколовского основывалась на трех принципах:

- Любой конфликт между двумя супердержавами будет ядерным с самого начала войны, следовательно, главным является фактор внезапности.
- Во время второй фазы результат ядерных ударов, нанесенных по целям, расположенным как в глубоком тылу, так и по тактическим формированиям, подкрепляется использованием всего комплекса средств ведения войны, в том числе морского флота, ударные подводные лодки которого имеют абсолютный приоритет.
- СССР прикладывает все возможные усилия, чтобы избежать внезапного первого удара; тактика состоит в том, чтобы атаковать противника при предположении, что он готовится нанести удар.

Таким образом, *согласно доктрине Соколовского ядерные силы имеют абсолютный приоритет, а их дополняет комплекс вооружений.* Эта доктрина оставалась основной до начала 1980-х годов.

II В то же время многими политиками и исследователями
 11 считается, что ядерное оружие (политика ядерного сдерживания)

Раздел I. Геополитика

вания) воспитало политическую психологию, исключаящую достижение политических целей противоборствующих идеологий военным путем.

В связи с испытанием США атомной бомбы имеется другой немаловажный аспект, связанный с развитием процесса «холодной войны» — отношением правящих кругов США к перевооружению побежденной Германии. У США в лице Рузвельта было глубокое беспокойство по поводу возможного возрождения германского военного потенциала. Рузвельт выступал за укрепление американо-советского сотрудничества в контроле над побежденной Германией. После овладения столь мощным оружием — аргументом, как атомная бомба, США в конце 1945-го и весной 1946 г. стали отходить от рузвельтовской стратегии контроля над Германией. Политика США эволюционировала от индустриального разоружения к восстановлению германской экономической мощи. «Американские лидеры понимали, что даже восстановление значительного германского экономического потенциала будет рассматриваться как угроза Советскому Союзу... Как только Германия была перевооружена, «подавление» Восточной Европы стало не только неизбежным, но и необратимым» [Алперовиц, 1994, с. 29].

Гонка вооружений происходила по линии военных технологий, связанных с повышением эффективности ядерного оружия (табл. 2).

Два противостоящих полюса не раз стояли на грани применения ядерного оружия (главным образом тактического) в условиях реального или потенциального кризиса. ***Пересечение ядерной черты было возможно:***

- Во время тройственной агрессии — Франции, Великобритании и Израиля после национализации президентом Египта Г. Насером Суэцкого канала, на Ближнем Востоке, когда СССР заявил о возможности использования ракетного оружия.
- Во время Карибского кризиса (октябрь 1962 г.)²⁰.
- В период обострения советско-китайских отношений в 1969 г.

²⁰ Как пишет И. Берге, «14 октября 1962 г. разведывательный самолет У-2 (самолет США. — Н. М.) совершал полет над Кубой. Когда на следующий день были проявлены снимки, выяснилось, что Советский Союз создает на Кубе пусковые установки, предназначенные для 48 ракет типа СС-4 (ближнего радиуса действия) и 18 ракет СС-5 (среднего радиуса действия)... Находились ли на Кубе когда-нибудь ядерные боеголовки, остается вопросом» [Берге, 1998, с. 152—153].

Гонка военных технологий во время «холодной войны»

Вид изобретения.	США	СССР
Межконтинентальные бомбардировщики	1945	1949
Термоядерная боеголовка	1954	1955
Подводная лодка на ядерном топливе	1954	1958
Первое испытание межконтинентальной баллистической ракеты (МБР)	1958	1957
Действующая МБР	1960	1959
Первое испытание межконтинентальной баллистической ракеты, запускаемой с подводных лодок (БРПЛ)	1960	1957
МБР на твердом топливе	1962	1968
Первое испытание ракет с разделяющимися боеголовками	1968	1973
Первое индивидуальное наведение ракет	1970	1974
Первое испытание ракет с разделяющимися боеголовками индивидуального наведения	1976	1979
Первое испытание стратегической крылатой ракеты (классов «земля—земля», «воздух—воздух»)	1976	1979
МБР высокой точности наведения	1980	1975
Противоспутниковое вооружение	1984	1984

- Осенью 1980 г. в американских верхах обсуждались планы нанесения ядерных ударов по советским войскам в случае их вторжения в Иран с территории оккупированного Афганистана.

Система взглядов на ядерное оружие и возможность его применения изменялась по мере его совершенствования и накопления.

- В первые десятилетия после его создания не отрицалась возможность победы, хотя признавалось, что победитель при этом понесет тяжелейшие потери.

- Затем проводимые исследования с 1960-х годов показали возможность разрушения при ядерной войне озонового слоя атмосферы.

ры и последующей биологической катастрофы. Последствия были названы феноменом «ядерной зимы».

- Ядерное оружие третьего поколения (нейтронная бомба) существенно менее опасно с позиции возможности возникновения «ядерной зимы». Тем не менее оно по-прежнему остается ведущим инструментом давления в геополитических спорах.

- В стратегии ядерного устрашения современной организации НАТО и в доктрине национальной безопасности России по-прежнему обосновывается необходимость сохранить «перспективу» использования атомного оружия первыми.

США, Россия, Великобритания, Франция и Китай входят в «Атомный клуб». ЮАР отказалась от обладания ядерным оружием и демонтировала созданные ядерные устройства. Все Южное полушарие объявлено безъядерной зоной планеты. После поражения в войне в Персидском заливе Ирак был принужден Советом Безопасности ООН к демонтажу промышленного потенциала для создания оружия массового уничтожения.

Вслед за безъядерными зонами в Латинской Америке и в южной части Тихого океана появились безъядерные зоны в Африке и в Юго-Восточной Азии. Более 100 стран стали участниками безъядерных зон [Давыдов, 1997, с. 52]. Главное внимание ядерных держав до недавнего времени было направлено на поиски путей отказа от ядерного оружия главных претендентов в «Атомный клуб» — Индии, Пакистана и Израиля.

Индия и Пакистан в мае 1998 г. провели ядерные испытания (Индия — 5 испытаний на полигоне Покхаран, а Пакистан — примерно столько же испытаний на полигоне в горах Чагай). Израиль вообще негативно относится к проблеме международного контроля над его ядерной программой, хотя в настоящее время никакой ядерной угрозы для Израиля практически не существует. Союзнические отношения с США и фактические гарантии основ его безопасности лишают дальнейшие работы над военной ядерной программой убедительной мотивировки.

Огромную угрозу миру составляет так называемое ядерное подполье. Как отмечает французский географ Жак Соппелса, от 25 до 30 государств мира обладают возможностями для создания ядерного оружия [Soppelsa, 1994, p. 11]. Угроза ядерного запугивания может также исходить от террористических организаций.

Американский политолог Г. Алперовиц высказывал свое мнение относительно *возможных сценариев развития геополитических событий после окончания Второй мировой войны*:

- Существование ядерных вооружений в некотором смысле помогло предотвратить большую войну, возможности их применения невелики — этот урок, усвоенный политиками в период «холодной войны», имеет большое значение для будущей геополитики.

- «Малые военные интервенции» (Вьетнам, Афганистан, Персидский залив) продемонстрировали ограниченную полезность ядерного оружия, исходя из финансовых, моральных и политических оценок.

- Поддержание массивированного военного потенциала западными великими державами ведет к снижению их международной конкурентоспособности по сравнению со странами, которые не несут существенного военного бремени. В то же время реальной и непосредственной угрозой национальной безопасности является, конечно, ядерное оружие в руках безрассудной державы [Алперовиц, 1994, с. 32–33].

«Два блока — две культуры»
Д. Майнинга

Американский геополитик **Дональд Майнинг** развил *культурологический аспект геополитики США: «два блока — две культуры»* [Meining, 1956].

В Третьем мире США натолкнулись на военное сопротивление национальных государств и их народов. В это время происходили активные процессы деколонизации. Росло идеологическое влияние СССР. В связи с этим Майнинг считал, что США должны ввести в свою практическую геополитику более привлекательную культурную компоненту. Геополитик подчеркивал, что

борьба за умы и души людей не менее, а, может быть, даже более важная составляющая геополитики, чем военная сила.

В плане моделирования Майнинг предпочитал различать **два римленда: морской и континентальный**. Последний нельзя выделять по формальному критерию выхода государства к океану. Более важной субстанцией является уклад общества. Так, например, Китай, Вьетнам (Северный), Бангладеш, Прибалтику, как выходящие к морю, он относил к пространствам континентальной культуры. Индия, Южная Корея, Бирма — геополитически нейтральны. В то же время страны Западной Европы, Турция, Пакистан и Таиланд склонны к талассократическому блоку.

По Майнингу, первый этап в становлении культур был связан с континентальным развитием, а морская ориентация — более поздняя стадия развития.

Эту идею до конца развил американский геополитик У. Кирк, который в 1965 г. выпустил книгу, воспроизводящую название доклада Маккиндера «Географическая ось истории». Доведя до совершенства классификацию «береговых» зон Майнинга, он выстроил

Раздел I. Геополитика

историческую модель, в которой главную роль играют «талассократически ориентированные» цивилизации, от которых культурные импульсы поступают с той или иной степенью интенсивности внутрь «теллурократических» стран.

Полицентричность и иерархичность геополитического устройства мира
С. Коэна

Известный американский географ²¹ разработал модель геостратегических зон и соответствующих им геополитических регионов. В одной из своих самых известных книг «География и политика в разделенном мире» (1963) **Саул Коэн** писал, что *взгляды Маккиндера в наше время утратили силу*. Он подвергал ревизии идеи Спикмена. «Политика сдерживания» в зоне римленда, говорил Коэн, похожа на запираание дверей конюшни, когда лошадь уже сбежала. Он имел в виду присутствие военно-морских сил СССР на Кубе, подводных лодок СССР с ядерным оружием на борту во всех океанах. Он был одним из первых ученых, обосновавших распад биполярного порядка и возрастание роли региональных геополитических структур. Коэном обоснован так называемый подход развития, в котором подчеркивается рост значения региональной геополитической составляющей и независимости между политическими, социальными и экономическими процессами в различных географических шкалах, что спорно и требует пояснения.

Предложенная Коэном модель полицентрична и иерархична. Нужно сказать, что некоторые структурные единицы в его модели идут от Маккиндера, хотя в этой модели нет жесткого противопоставления Суши и Моря и сделан шаг от геополитики войны к геополитике мира. Но тем не менее в моделировании используются классические конструирующие элементы, хотя они существенно дробятся, особенно римленд (рис. 7).

Итак, модель Коэна иерархична:

- **Первый уровень** представлен «геостратегическими сферами»: Морская (Зависимый от торговли мир морских государств), Евразийская (Евразийский континентальный мир). Это как бы два полушария, которые в принципе выделял еще Маккиндер.

- **Второй уровень** — геополитические регионы, входящие в первый иерархический уровень (сферы). В *Морскую сферу* входят четы-

²¹ С. Коэн был Президентом Ассоциации Американских географов в 1989—1990 гг.

ре региона: Англо-Америка и Карибы, Западная Европа и Магриб, Внеконтинентальная (Оффшорная) Азия и Океания, Южная Америка и Африка южнее Сахары. В *Евразийскую сферу* входит два геополитических региона — хартленд и Восточная Азия.

На втором иерархическом уровне вне геостратегических сфер выделены еще три дополнительных образования:

Южная Азия — независимый регион со своим геополитическим кодом;

Средний Восток — разделительный, точнее — разделенный пояс;

Центрально-Восточная Европа как регион-«ворота», способствующий потенциально связям между Западом и Континентальной (Евразийской) геостратегической сферой.

О важном стратегическом положении региона известно давно. Еще Маккиндер считал независимость и стабильность этого региона решающим фактором евразийского и даже мирового равновесия. Региональные конфликты в Центрально-Восточной Европе обнажают противоречия в позициях мировых держав, обостряя отношения между ними.

Таким образом, *геополитические регионы* — это крупные подразделения геополитических сфер и сравнительно однородные по экономическим, политическим и культурным признакам.

• **Третий уровень** представлен национальными государствами — пятью великими державами: США, Россия, Япония, Китай и группой государств — Европейским Союзом. *В пределах великих держав Коэн выделил ключевые территории: в США — Атлантическое побережье — район Великих озер, в Европейском Союзе — «Центральная ось развития» — акватория Северного моря, в Японии — конурбации Тихоокеанского пояса, в России — индустриально-аграрный треугольник Санкт-Петербург — Ростов-на-Дону — Кузбасс, в Китае — речные долины Центра и Северо-Восток.* Рост и взаимодействие сверхдержав обеспечивают преэминентность мировой геополитической системы.

• **Четвертый уровень** — это несколько держав второго порядка, которые оформились в 1970-е годы, доминировавших в рамках соответствующих регионов, но не обладавших при этом глобальным влиянием (прежде всего, вследствие ограниченного участия во внерегиональных экономических и политических отношениях).

• **Пятый уровень** — это субнациональные территории-«ворота» (фокусы связей), которые, по предположению Коэна, будут в будущем проводниками связей между государствами.

1. *Историография зарубежной геополитической мысли*

После гигантского геополитического слома 1980—1990-х годов, связанного с распадом социалистического лагеря, *мировая система вошла в состояние поиска нового равновесия*. Это не означает отсутствия противоречий и даже «возмущений» — межнациональные конфликты и терроризм в бывшем СССР, кровопролитные войны в бывшей Югославии, ситуация вокруг Ирака, исламский фундаментализм, борьба религиозных общин в Кашмире, межэтнические столкновения в Африке и т.д. Однако эти сепаратистские и деструктивные процессы компенсируются интеграционными тенденциями. Носителями глобальной интеграции выступают ТНК, осуществляющие прямые зарубежные инвестиции, трансферт технологии, подетальную специализацию производства.

Практически все геополитические регионы охвачены процессами региональной интеграции, что ведет к расширению экономического и политического сотрудничества в их пределах.

Геополитические регионы находятся на различных стадиях развития, поэтому их роли в межрегиональном взаимодействии не совпадают. Для анализа сбалансированности внутренних и внешних связей геополитических регионов Коэн предложил использовать понятие *энтропии* (от греч. *en* и *throno* — превращение). Понятие энтропии заимствовано из физики. Оно характеризует степень близости изолированной системы к состоянию равновесия. Статистическая физика рассматривает энтропию как меру вероятности пребывания системы в данном состоянии. Повышение уровня энтропии свидетельствует об исчерпании внутренней энергии, или производительной способности. В теории информации энтропия трактуется как мера неопределенности (*uncertainty*).

Неопределенность • — это ситуация, когда в системе возможны непредсказуемые события. Это неизбежный спутник сложных систем. Чем сложнее система, тем большее значение приобретает фактор неопределенности в ее развитии. Все закрытые системы обречены на коллапс, так как собственные человеческие и физические ресурсы истощаются, а уровень энтропии стремительно растет. Однако в современном мире практически все геополитические регионы представляют собой открытые системы, связанные потоками энергии, перемещением товаров, капиталов, людей и идей.

Обмен между странами и регионами автор считает ключевым элементом динамики мировой системы. Механизмом, обусловли-

вающим обмен, является внутреннее развитие территории через ее политическую организацию, экономическую структуру и социальное устройство или через влияние внешних сил. Коэн специально оговаривает, что наряду с такими стандартными показателями мощи государства, как площадь территории, обладание плодородными почвами, водными и минеральными ресурсами, развитость транспортной и других видов коммуникационной сети, численность населения, уровень образования и военный арсенал, должны также учитываться уровень взаимосвязанности наций, идеологическая сила (уровень влияния идеологии), национальные цели, менталитет, цели и стратегия для поддержания своего международного влияния и способности к обновлению.

Для определения уровня энтропии территории Коэн предлагает использовать такие показатели, как уровень накопления, урожай сельхозкультур, производительность труда, погашение задолженностей, сальдо платежного баланса, затраты на НИОКР, число патентов и ученых, снижение удельных затрат топлива и энергии.

Ориентировочно *по уровню энтропии им выделено четыре категории регионов:*

- С низким уровнем энтропии (Англо-Америка и Карибские страны; Западная Европа и Магриб; Внеконтинентальная Азия и Океания).
- Со средним уровнем энтропии (хартленд; Центрально-Восточная Европа; Средний Восток).
- С высоким уровнем энтропии (Южная Азия; Восточная Азия).
- С крайне высоким уровнем энтропии (Африка южнее Сахары; Южная Америка).

Геополитические регионы, в пределах которых находятся мировые сверхдержавы, а уровень энтропии характеризуется низкими и средними значениями, по Коэну, определяют равновесие и дальнейшее развитие мировой геополитической системы. Обладая существенными объемами потенциальной энергии, имеющими глобальное значение, они распространяют влияние за пределы собственных границ. Такого рода проникновение осуществляется через внешнюю торговлю. Важное значение имеет не столько соотношение экспорта и импорта, сколько удельный вес каждого из регионов во внешней торговле друг с другом, потоки зарубежных капиталовложений, дипломатические контакты. Эти регионы, нахо-

дающиеся между собой, как правило, в энтропийном балансе, имеют перевес над остальными.

Примером страны с повышенным уровнем энтропии, по Коэну, является Индия, где велика этнолингвистическая раздробленность, противоречие между политической системой, построенной по демократической западной модели, и экономической системой, близкой к социалистическому типу, открытые и непримиримые столкновения между индустристами и мусульманами, несостоятельность ограничительной демографической политики.

Заслуживает внимания **выделение Коэном типа переходных государств и поясов**, которые могут вносить существенные изменения в жизнь больших наций. Это прежде всего *пояса нестабильности* (Средний Восток), *маргинальные сферы*, как сфера, охватывающая Африку южнее Сахары и Южную Америку, которая может дестабилизировать мировую систему локальными и региональными конфликтами.

Интересно также выделение «асимметричных» территорий, служащих источником возмущения для крупных региональных структур путем введения нежелательной энтропии: Куба, Израиль, бывшая Югославия, Ливия, Ирак, Иран и некоторые другие страны.

На протяжении длительного периода времени полоса разграничения «океанической» и «континентальной» геостратегических сфер (римленд) была наиболее нестабильной и была фактором риска в мировой геополитической системе. В результате ее дробления, начавшегося в 1970-е годы, а также установления нового равновесного состояния в мире, как считает Коэн, после распада социалистической системы отдельные участки римленда оформились в относительно самостоятельные геополитические единицы. Так, страны Южной Азии образовали самостоятельную, потенциальную геополитическую сферу; Вьетнам, Лаос и Камбоджа вошли в состав Восточной Азии; Ближний Восток сохранился как «разделенный пояс», концентрирующий множество проблем международного геополитического порядка.

Радикальные изменения произошли в Центрально-Восточноевропейском секторе римленда. Как считает Коэн, Центрально-Восточная Европа может со временем превратиться из «яблока раздора» в путь-«ворота», призванные укрепить стабильность и ускорить становление связей в мировой системе, но главное — стимулировать взаимодействие между Западной Европой и хартлендом, т.е. геополитическими регионами, относящимися к противоположным геостратегическим сферам.

Раздел I. Геополитика

Центрально-Восточная Европа представляется в построениях Коэна уникальным образованием, так как это единственные «ворота», занимающие целый геополитический регион.

Отдельных же **«стран-районов и точек-ворот»** в мире автор считает более 20 (табл. 3).

«Ворота» локализованы, как правило, вдоль границ геостратегических сфер, регионов. Для них характерны малые размеры территории и населения, открытый доступ к внешним пространствам (по морю и/или суше). В социальном отношении — это самобытные культурно-исторические центры, особые этнолингвистические единицы; некоторые из них обладают давними торгово-посредническими традициями и предпринимательским потенциалом. Обладая бедными или узкоспециализированными природными ресурсами, «ворота» находятся в зависимости от внешних источников сырья и рынков сбыта готовой продукции.

Как отмечает Коэн, наиболее целесообразно здесь развивать сферу услуг (финансовые услуги, торговлю, туризм) либо располагать головные предприятия для сборки готовых изделий на экспорт. В военном отношении «ворота» не представляют угрозы для соседних держав, однако имеют для них важное стратегическое значение.

Основная *функция «ворот»* — *стабилизация мировой геополитической системы*, элементы которой становятся все более взаимозависимыми. Они призваны стимулировать глобальное экономическое, социальное и политическое взаимодействие. По идее автора, оформляясь как самостоятельные геополитические единицы, «ворота» во многих случаях трансформируются из полосы конфликтов в зону компромиссного развития, коэволюции смежных регионов и сфер, а значит — международного сотрудничества. Разумеется, что как оригинальная и практически значимая идея Коэна может развиваться. Исследователи могут обосновать и другие не менее важные точки и ареалы-«ворота».

Концепция униполярного мира американского политолога А. Страуса

Айр Страус с 1985 по 1991 г. был исполнительным директором «Ассоциации за объединение демократий» — атлантико-униполяристской

организации, среди первых членов которой в свое время были основные авторы плана Маршалла и разработчики проекта создания НАТО из числа сотрудников Госдепартамента США. В 1990-е годы он был координатором (от США) Комитета НАТО по Восточной

Перспективные «ворота» в мировом геополитическом пространстве

Пространства	«Ворота»
<i>Интерстратегические сферы</i>	
Центрально-Восточная Европа — Хартленд	Эстония, Латвия, Литва, Словения
Хартленд — Восточная Азия — Внеконтинентальная Азия	Российский Дальний Восток
Хартленд — Англо-Амрика	Аляска
Восточная Азия — Внеконтинентальная Азия	Гонконг/Шеньчжень/Гуаньдун, Тайвань
Восточная Азия — Южная Азия	Кашмир
<i>Интергеополитические региональные границы</i>	
Внеконтинентальная Азия — Юго-Восточная Азия	Западная Австралия
Южная Азия — Средний Восток	Пуштунистан, Пенджаб, Кипр (объединенный)
Средний Восток — Приморская Европа	
Субсахарская Африка — Приморская Европа — Англо-Америка	Эритрея, Азорские о-ва, о-в Мадейра
Англо-Америка/Карибы — Южная Америка	Пуэрто-Рико
Англо-Америка — Внеконтинентальная Азия	Гавайи
<i>Интрагеополитические регионы</i>	
Англо-Америка/Карибы — Британская Колумбия	Квебек
Англо-Америка/Карибы	Восточная Никарагуа, Северная Мексика
Приморская Европа	Северная Ирландия, Баскония, Каталония
Средний Восток	Газа/Западный берег/Горный Ливан
Южная Азия	Тамил-Илам

Источник: Cohen, 1994, p. 41.

Европе и России — организации, занимающейся вопросами адаптивирования НАТО к условиям после «холодной войны».

Страус выделил **глобальное униполюе**, представляющее собой баланс сил государств, у которых отсутствует малейшая мысль о войне друг против друга. Этапы развития мирового геополитического пространства проходят путь, по его мысли, от многополярности к биполярности, а затем к однополярности.

Глобальное униполюе имеет трехцентровое пространственное строение, т.е. в него входят такие три центра, как США, Европейский Союз и Япония. При этом трехсторонняя система военного и экономического союза сконцентрирована вокруг США.

Лидерство США, как отмечает Страус, носит характер первенства среди равных и друзей, а не господства одной державы над сопротивляющимися подчиненными партнерами.

Западное униполюе наращивало идентичность, способности и структуры в течение всего периода смены мировоззрения от многополярности к биполярности и униполярностиTM. Очень важным моментом в рассуждениях Страуса является то, что он практически отождествляет современные самые мощные демократии с униполюем. Он пишет, что *на протяжении XX в. демократии превратились в самую мощную силу в мире, перестав быть хрупким меньшинством, какое они составляли в начале века* [Страус, 1997, с. 30].

Затем западное униполюе прошло через испытания. После образования НАТО в 1949 г. Великобритания, Франция и США уже не составляли планов на случай войны друг с другом. Они стали рассматривать мощь друг друга как дополнение собственной. Германия и Япония были возрождены в рамках крепнувшего униполюя, реализуемого главным образом через НАТО и в меньшей степени через ОЭСР²². Страус отмечает, что для подрыва Британской империи США многое сделали в период военного альянса **1941—1945** гг. Такое отношение США сохранялось и во время «холодной войны». Оно достигло предельной точки во время Суэцкого кризиса.

По его мнению, восточные монархии ушли от полного идеологического разрыва с Западом, восприняв идеи постепенной эво-

²² *ОЭСР* (английская аббревиатура — *OECD*) — Организация Экономического Сотрудничества и Развития, которая включает более двух десятков экономически высокоразвитых стран мира. Ее главные цели: вклад в развитие мировой экономики; координация политики государств-членов и согласование помощи развивающимся странам.

люции в направлении современного либерального государства. Тем не менее идеи антизападной направленности упорно сохраняются. Даже в обеих мировых войнах автор видит поляризацию между Западом и Востоком. В период «холодной войны» устройство мира напоминало земляной орех (рис. 8).

А. Страус считает, что

для дальнейшего выживания мировой цивилизации очень важно, чтобы Россия вошла в состав униполю. Тогда огромные резервы униполю сохраняют коллективное глобальное лидерство на долгие времена. Если же Россия не войдет в униполе, то позиция глобального лидерства (очевидно, США. — *Н, М.*) сохранится на долгие времена. При этом униполярность Запада будет основной структурой глобального могущества, но уже без России, т.е. без достаточной широкой базы, чтобы обеспечить стабильность мира.

Что касается Китая, то его вхождение в униполе в лучшем случае видится автором в весьма долгосрочной перспективе.

Исходя из реальной политики России, определяемой ее Министерством иностранных дел (после министра А. Козырева), мировое сообщество относит Россию к странам-консерваторам, все более склоняющимся к национализму и поэтому усиленно пропагандирующим идею многополярного мира. Безусловно, это полностью противоречит представлениям о том, что Россия — это стратегический союзник США. Тем более что в реальной своей политике Россия все больше стремится к укреплению своих отношений с Китаем и Ираном, достаточно активно продает оружие стратегическим противникам США, считает Страус.

Критика униполярности может свестись к тому, что остается не совсем ясным, *куда отнести огромную периферию мира* с ее региональными центрами, скрыто или явно претендующими стать если не региональными, то глобальными центрами.

Гипотеза Й. Галпунга «о семи параллелях однополярного мирового пространства»

Известный скандинавский исследователь — политолог **Йоган Галпунг** оценивает мир после окончания «холодной войны» как менее предска-

зуемый и диагностируемый. «Холодная война» стимулировала работу политических элит государств по созданию определенных политических конструкций.

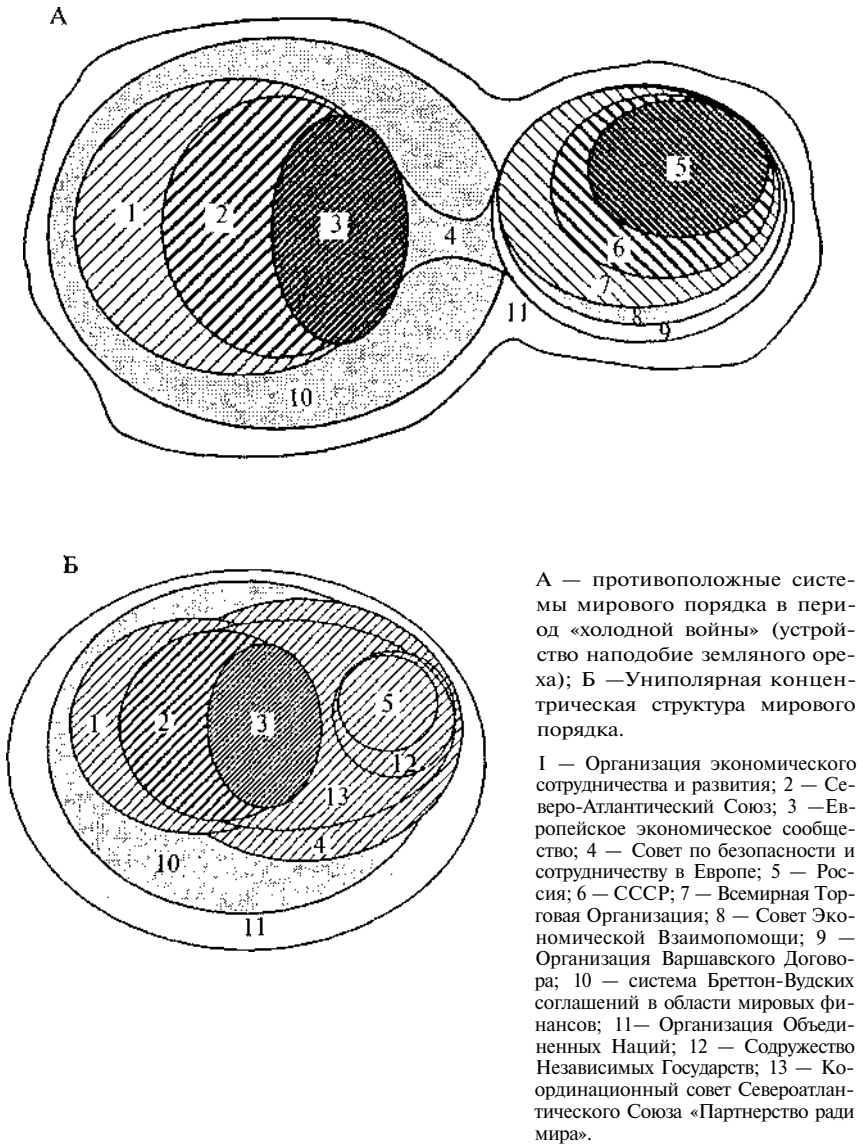

Рис. 8. Геополитическое устройство мира, по А. Страусу.

Существовало три суперполитики, которые перекрывали все другие политики мира, а также не очень сильно изменялись от страны к стране и от элиты к элите.

- Первая политика — *западная*, борющаяся с коммунизмом, опираясь на собственный блок, управляемый суперсилой — США. Западная политика подразумевала военное превосходство на всех театрах действий, основывалась на демократии и рыночной экономической системе.

- Вторая политика — *восточная*, борющаяся с империализмом, опираясь также на собственный блок во главе с СССР. Восточная политика, по Галтунгу, подразумевала военный паритет в самом широком смысле, основывалась на однопартийности, лежащей в основе управления системой, а в экономике опиралась на планирование.

- Третья политика — это *политика необъединенного Третьего мира*, т.е. тех развивающихся стран, которые не входили ни в какой блок и не были «клиентами» никакой суперсилы. В тот период в Третьем мире шло строительство национальных государств с различной «примесью» демократии. Страны Третьего мира нередко настраивали две мировые суперсилы друг против друга.

Такая ситуация продолжалась на протяжении 40 лет: с 1949 г. — образование НАТО и Организации Варшавского Договора в 1955 г. до 1989 г. — падение Берлинской стены. С падением социалистического блока и его символического выражения Берлинской стены в мире образовался геополитический вакуум. Если будущее развитие событий будет продолжением неоконченной политики прошлого, т.е. имитацией прошлого, то это будет политика войны и подготовки к ней. Однако это достаточно общая формула. Поэтому Галтунг предлагает более глубокий по смыслу сценарий поведения геополитических сил.

Политические проблемы после «холодной войны» выглядят поразному на Западе, Востоке и в Третьем мире.

- Общей и актуальной для всех трех «миров» проблемой является *обеспечение еще более высокого уровня синхронизации геополитики*. Асинхронизация мировой геополитики очень затратна даже для экономически сильных держав. Это была политика прошлого, но не исключено, что в будущем найдутся настолько сильные и влиятельные страны, которые готовы будут заплатить нужную цену.

В анализе Галтунга Запад за последние 50 лет отличался достаточно ясной геополитикой. Она была направлена на то, чтобы «оставить западный отпечаток на мировой культуре, включая религию, использовать мир экономически, управлять им политически и, последний довод, — держать мир под военным контролем в том случае, если все предыдущие цели провалятся» [Galtung, 1994, p. 199].

Вторая мировая война была очень важной для Запада с позиции разрешения противоречия с воинственной и достаточно закрытой Японией, которая находилась в одном лагере с нацистской Германией, фашистскими Италией, Испанией и Португалией. «Холодная» же война представляла конфронтацию Запада с огромным вызовом социалистического блока. Вся геополитика Запада после Второй мировой войны завершилась успешно, однако это не означает исключения новых претендентов на конфронтацию с Западом в будущем.

По мнению Галтунга, существует два таких претендента. На смену Второму миру (социалистическому лагерю) пришел Третий мир, так называемый развивающийся — Латинская Америка, Арабский мир, Западная Азия, Южная Азия, а также второй претендент — Четвертый мир в лице Юго-Восточной и Восточной Азии. Галтунг включает сюда наряду с другими такие огромные силы, как Китай, обе Кореи, Вьетнам и Японию, в состав которого входят буддистско-конфуцианские страны. Подчеркнем, что в этом подходе Япония потенциально противопоставляется Западу. Этот Четвертый мир, по Галтунгу, по своему экономическому росту и в настоящее время соревнуется с Западом — Первым миром.

Реальная *политика Запада* будет основана на западной культуре, но прежде всего на экономическом проникновении, включая использование неоклассической экономической теории как парадигмы, а также политическое управление посредством мировых организаций, контролируемых Западом, таких, как Мировой Валютный Фонд, Мировой Банк, Всемирная Торговая Организация. В крайнем случае эта политика будет поддерживаться военными действиями, основывающимися прежде всего на военном потенциале США: в начале 1980-х годов вооружение США составляло 25% от мирового, в 1990 г. достигло 30%, к 1997 г. предполагалось расширение до 47, а к концу века — до 50% от мирового [Galtung, 1994, p. 209].

• В рамках Запада автор выделяет *политику Европейского Союза*, ставящего перед собой задачу создания федеративного супергосударства без одной из частей (страны), доминирующей по всем показателям. Очевидно, уменьшение зависимости ЕС от США может привести к изменению геополитики объединенной Европы, которая может рано или поздно привести к конфликту между ЕС и

США, выражением чего может стать борьба за мировую гегемонию (кто будет гегемоном гегемонов).

• В отношении оценки *геополитики Японии* как части Запада, пишет Галтунг, часто совершается ошибка, заключающаяся в том, что считается, что эта страна идет по тому же (западному) геополитическому пути. На самом деле на протяжении всей истории существует два аспекта японской геополитики, которые состоят в следующем: 1) обеспечение превосходства над своими ближайшими соседями, 2) осуществление своих проектов в Азии. Последний аспект привел к двум войнам: против России в 1904—1905 гг. и против стран-метрополий Великобритании, Франции, Нидерландов, Португалии, а также США в 1941—1945 гг. Япония, считает автор, достигла целей в отношении всех указанных стран, кроме США, которые не были основной колониальной силой в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

• *На пространстве бывшего СССР*, по Галтунгу, «господствует политическая формула», напоминающая во многом вильсоновскую политику (названа по имени президента США В. Вильсона) или политику национального самоопределения в период развала Австро-Венгерской империи. Галтунг считает современную Россию «самой обыкновенной страной». Он не исключает, что ее геополитика в будущем может базироваться на славянской культуре и православной церкви в попытке построить новый Советский Союз, включающий Россию, Белоруссию, восточную Украину и северный Казахстан.

• *Геополитика стран Третьего мира*, большинство из которых бывшие колонии Первого мира, — это уже не политика игры на противоречиях между двумя суперсилами. Формирование современной геополитики здесь определяют эндогенные политические элементы. Определяющим элементом при этом выступает национальная либерализация экономики и политики.

Галтунг выделяет три основных геополитических центра в пределах Третьего мира: Западная Азия, Индия и Китай.

Не арабская часть Западной Азии, а именно Турция, шесть бывших советских мусульманских республик (во всех из них говорят на языках, сходных с турецким, за исключением Таджикистана, где говорят на фарси), Иран, Пакистан и Афганистан заполняют политический вакуум после «холодной войны» исламом, который Запад интерпретирует как фундаментализм. Правда, Турция проводит и вторую геополитику — стремится стать мусульманским

Раздел I. Геополитика

членом Европейского Союза. Если же это ей не удастся, то Турция может попытаться создать собственный союз на базе прежней Османской империи, располагавшейся вне арабского мира, но включавшей Балканы.

Арабский мир состоит из 22 стран (включая Палестину), некоторые из которых проводят двойную геополитику: исламистскую и панарабскую. Галтунг при этом делает такое замечание: «чем больше одной политике не удастся, тем другая все больше активизируется» [там же, р. 203].

Индия переживает трудные времена. В этой стране остается еще много западных влияний и элита, формирующая политику построения общества, основанного на свободном рынке. Неудачи на этом пути могут привести к лавине протестов населения. Но тогда может осуществляться другая и более сильная политика, уходящая корнями в культуру, — индуизм. Но и эта политика натолкнется на противостояние с религиозными меньшинствами, особенно такими, как мусульмане и сикхи.

Китайскую геополитику, считает Галтунг, будет определять «скрытый капитализм», который там создается. А капиталистическая страна должна расширяться, охраняя свою сырьевую базу и свои рынки, особенно те из них, которые находятся вне границ страны. «Как все капиталистические страны, Китай должен охранять свои экономические циклы, и если надо, то привлечь для этого и военную силу» [там же, р. 204].

В результате анализа геополитической ситуации после «холодной войны» Галтунг выделяет **семь центров, претендующих на глобальную или региональную гегемонию:**

- *США с гегемонией в Западном полушарии и на Среднем Востоке* (Израиль прежде всего), с прозрачными устремлениями быть *гегемоном гегемонов*. Однако совершенно очевидно, что США в современных условиях не в состоянии в одиночку определять правила и нормы мирового поведения.

- *Европейский Союз*, стремящийся стать супергосударством и пытающийся использовать прошлые противоречия между Российской и Османской империями. Не исключено, что ЕС начнет проводить единую международную политику. Безусловно Франция и Великобритания, обладающие ядерным оружием, будут защищать не только свои национальные и региональные, но и мировые интересы. Германия представляет мощную экономическую державу, и ее политическое влияние все время будет возрастать.

1. *Историография зарубежной геополитической мысли*

- *Россия и другие страны СНГ*, а также, возможно в будущем, та часть Центрально-Восточной Европы, которая имеет православные и славянские корни.
- *Турция и примерно 10 стран*, объединяемые под небольшим давлением ислама. Турция своей политикой содействует дроблению СНГ и, возможно, России.
- *Индия*, объединяющая ряд стран на основе индуизма, будет закреплять свое влияние в Южной Азии.
- *Китай* как дао-буддистско-конфуцианское государство-цивилизация со стремительно развивающимися производительными силами и растущим военным потенциалом будет стремиться к распространению своего геополитического влияния.
- *Япония* как синто-буддистско-конфуцианская страна, очевидно, не ограничится одним экономическим мировым влиянием.

Более профессионально говорить не о семиполярном мире, а о семи параллелях однополярного мира. Дело в том, что шесть из семи центров «в некотором смысле координируются гегемоном из гегемонов — США» [Galtung, 1994, p. 207]. Из семи гегемонов четыре уже признаны — США, Япония, Индия и Китай, а три еще нет, в том числе Россия. Все семь гегемонов имеют или могут иметь большие проблемы с их собственными перифериями. Примером тому могут служить события на Северном Кавказе, на окраинах Китая (Тибет, Синцзянь).

Галтунг прогнозирует возможные (иногда кажущиеся невероятными) **геополитические коалиции**. Например, *потенциальная коалиция США + Европейский Союз + бывшие страны Варшавского Договора, включая Россию, против объединенных Китая + Японии + Кореи + Вьетнама*.

Возможна и такая ситуация, что все семь центров выявят у других шестерых фундаментализм, потому что все они уходят корнями в древние цивилизации, все семь имеют капиталистические экономики и, следовательно, стоят на пути столкновений за рынки и сырье.

Геополитика и геополитики
в современной Европе

П о с л е окончания Второй мировой войны вплоть до 1960-х годов в Европе на дискредитировавшую себя геополитику в ее германском варианте было наложено интеллектуальное табу. Однако с 1960-х годов европейские геополитические исследования возрождаются в виде нескольких оригинальных

направлений. Наиболее ярко заявили о себе «новые правые», представленные философами, писателями и публицистами. Новым явлением стала также геополитическая школа журнала «Геродот». В 1982 г. в Париже и Вашингтоне был основан Международный институт геополитики, в штат которого вошли в основном специалисты НАТО, а возглавил его М.-Ф. Гаро. Институт издает журнал «Geopolitique». Заявили о себе и отдельные «независимые» геополитики крупного масштаба, среди которых выделяется Пьер Галлуа.

О «новых правых». «Новые правые» — это сравнительно разнородное движение, которое объединяют три подхода:

- сохранение связи с основополагающими идеями немецких геополитиков-континенталистов;
- противопоставление Европы, включая Россию, океаническому (атлантистскому) Западу, прежде всего в лице США;
- германо- и русофильство.

«Старые правые» в довоенной Европе представляли собой мозаичное собрание представителей разных наук и политиков. Современные исследователи объединяют их как теоретиков и практиков *«консервативной революции»*, синонимом чего является *«третий путь»*. Существовало несколько вариантов немецкого, итальянского, испанского, румынского и других вариантов этого движения.

Наибольшее развитие оно получило в Германии в работах Артура Мюллера ван ден Брука, Эрнста Юнгера, отчасти Карла Шмитта и даже такого мыслителя, как Освальд Шпенглер, и многих других [Пленков, 1997]. Их система доказательств включала не только «законы» Больших пространств, противопоставления Суши и Моря и другие, можно сказать, позитивистские представления, но также много изотерики, мистики. Огрубляя, можно вынести за скобки их размышлений следующее: немецкие консервативные революционеры выступали против правого и слабого монархического режима (вильгелизма), с одной стороны, и одновременно против хаотической демократии, связанной с образованием Баварской республики (1919), Веймарской республики (1919—1933), многочисленными путчами — с другой.

Одной из самых радикальных версий «третьего пути» в Германии был *национал-большевизм как сочетание антикапитализма с крайним национализмом*.

Этот экстремизм связан с такими именами, как Эрнст Никиш, Генрих Лауфенберг, а также другими представителями, включая русского эмигранта Николая Устрялова.

Н. Устрялов (1891 — 1938) был правоведом, доцентом Московского университета. В своих геополитических пристрастиях метался между белыми и красными, хотя по партийной принадлежности был кадетом. Эмигрировал за рубеж, а в 1935 г. возвратился в СССР. Погиб в заключении. Считал, что большевистский интернационализм является лучшим способом национальной интеграции русского государства. Широко известна его статья «Patriotica» в знаменитом сборнике «Смена веж» (Прага, 1921), в которой отчетливо прозвучала его принадлежность к национал-большевизму [Агурский, 1980].

«Новые правые» европейские геополитики не только сохранили преемственность идей «старых правых», но также разработали ряд новых подходов и проектов консервативной революции и национал-большевизма. Отдельные очень известные представители традиционалистской мысли были по своему возрасту связующим звеном между довоенными и послевоенными правыми. Это относится к итальянцу Юлиусу Эволе (1898—1974) и французу Рене Генону (1886-1951).

Одним из самых активных «новых правых» был бельгиец **Жан Тириар** (1922—1992). Еще в начале 1960-х годов он обнародовал проект «юной Европы» — «Европа до Владивостока», что означало создание Большого экономически автаркического пространства, противопоставленного США, атлантизму и мондиализму. В строительстве «Европейской империи», которая бы объединяла независимые этнические группы, он видел спасение от мондиализма США. Он объявлял СССР наследником Третьего рейха, которому ничего не остается, как, двигаясь с востока на запад, выполнить то, что Третий рейх не сумел проделать, двигаясь с запада на восток [Thiriart, 1988].

С 1960-х годов сходные идеи развивали французы философ *Ален де Бенуа*, ставший общепризнанным лидером «новых правых», и публицист *Жан Парвулеско*, бельгийский издатель двух консервативных журналов *Роберт Стойкерс*, австрийский генерал *Йордис фон Лохаузен*, итальянец *Марко Тарки* и другие «новые правые».

Группа «Геродота». Новая французская так называемая региональная геополитика возникла на основе журнала «Геродот», издателем и идейным руководителем которого стал известный французский географ **Ив Лакост**. Одним из толчков для формирования

направления журнала стали студенческие волнения в Париже в 1968 г.

На вооружение были взяты идеи анархистов Элизе Реклю и Петра Кропоткина. Работы Кропоткина по социальной географии сыграли первоначально едва ли не основную роль в идеологии журнала. Существенное влияние оказали также работы французских политологов П. Лоро Туаля, Ф. Туаля. В первых выпусках (журнал с 1876 до 1983 г. издавался с подзаголовком «Стратегия, география, идеология», а после — «Журнал географии и геополитики») Лакост обосновывал *необходимость разработки методологии, на основе которой география служила бы делу освобождения людей от всякой власти и создания общества «без всякой власти»*. Типичные номера «Геродота» 1970-х годов включали статьи по географии анархии, антиколониализма; материалы, посвященные латино-американским революциям; методические работы, направленные на трансформацию географии из «сервильной дисциплины» в объективную, но все же ангажированную (ответчающую на социальные запросы) науку [Parker, 1998, p. 52].

Лакост провел различие между современной американской и французской геополитической наукой. У геополитиков США преобладает мировой подход, а у французских — анализ регионов и локальных образований. Школа Лакоста много занимается «внутренней геополитикой» («la geopolitique»), считая, что территориальный конфликт, а не государство — главный объект ее анализа. Об этом ярко говорит название одной из книг в его трехтомном труде «Геополитика регионов Франции» (1986).

В 1980-е годы «Геродот» эволюционировал в сторону более уравновешенной идеологии. Журнал стал отличаться широким тематическим диапазоном публикаций: отставание в экономическом развитии, неравенство, расизм, проблемы свободы и безопасности, отношения между Западом и Востоком, раскол между Севером и Югом. Много статей по регионам: Юго-Восточной Азии, Латинской Америке, Среднему Востоку, европейскому Средиземноморью и т.п.

В теоретическом плане интересны мысли Лакоста по определению геополитики как науки. Для этого он использовал геологическую аналогию: сравнил геополитические структуры («ensembles politiques») с «большими плитами» («les grandes plaques») в тектонике. Предприняты попытки определения соотношения геополитики, геостратегии, экологии и идеологии. Лакост занимался воз-

возможностью использования в географии принципов манихейства²³ — дуалистического учения о борьбе добра и зла, света и тьмы как изначальных и равноправных принципов бытия.

Одно из методических нововведений Лакоста — *категория «геополитическое представление»*. Это инструмент анализа политических конфликтов. Использование метода предполагает начинать анализ с обсуждения результатов конфликта, а затем производить детальное изучение его предыстории и истории, выявление причин, включая особенности идеологии политических групп [Lacoste, 1993, p. 70-74].

Большое значение, по его мнению, *для развития современных геополитических процессов имеют информационные системы*. Широкие слои населения ориентируются не на рациональный подход к реальности, а на привлекательность создаваемых средствами массовой информации образов мира вещей и идей.

Мировоззрение населения все больше зависит от воздействия телекоммуникаций. Лакост придает огромное внимание качеству и комплексности информации о географических местах, в частности о ключевых («горячих») геополитических точках. Он проводит параллель между профессией географа и журналиста. Таким образом, средства массовой информации играют роль одного из самых значительных геополитических факторов.

«Геродот» способствовал объединению многих крупных географов, среди которых выделяется директор Европейской геополитической обсерватории **Мишель Фуше**. Среди его геополитических работ большую известность получили труды по границам [Foucher, 1991]. *Границы он определил как главный элемент геополитики*. Границы существуют не только между государствами, но и внутри них, пролегая между обществом и властью, различными социальными и культурными группами. Фуше обратил внимание на то, что комплексное геополитическое исследование предполагает конкретный анализ разных переменных в многообразных комбинациях, но значение той или иной переменной непостоянно и зависит от места и времени.

Среди известных географов, объединившихся вокруг «Геродота», швейцарец *Клод Раффестен* (книга «О географии власти» (1980), в которой ратцелевское понимание «Macht» (власть, дер-

²³ *Манихейство* — религиозное учение, основанное в III в. Мани. Было господствующей религией в VIII в. в Уйгурском царстве.

жава) оценивается как тоталитаристское); французы *Поль Ражо*, создавший «Стратегический атлас» (*Atlas strategique*, 1983) и *Пьер Жорж* («Геополитика меньшинств», 1984).

Одно из самых больших достижений французских геополитиков — выход в 1994 г. в Париже «Геополитического словаря» под редакцией Лакоста [*Dictionaire*, 1994]. Он содержит обширное введение в геополитику конфликтов. Анализируются преимущественно географические объекты, в том числе все государства, части национальных территорий, которые так или иначе связаны с геополитическими конфликтами. В справочнике большое внимание уделено геополитическим понятиям, концепциям, содержится большое количество карт.

Геополитические взгляды Галлуа. Пьер Галлуа (р. 1911) — генерал французских ВВС, специалист по ядерному оружию, профессор и автор ряда монографий по международным отношениям и геополитике. Он считает, что *современная фаза геополитической эволюции мира характеризуется ведущей ролью в ней ракетно-ядерного оружия*. Владение им как бы выравнивает силы ядерных государств независимо от их географического положения, численности населения и традиционных физико-географических условий территории.

Другой важной отличительной чертой является *«массовое поведение людей», чего не учитывала традиционная геополитика*. Теперь же она обязана это учитывать, потому что развитие средств массовой информации и связи, а также непосредственное вмешательство населения в политику способны привести человечество к последствиям разрушительного характера, сравнимым, отмечает Галлуа, лишь с последствиями ядерного катаклизма. Особенно опасна возможность доступа террористов к оружию массового уничтожения, их проникновения на атомные электростанции. Надо отметить, что некоторые правительства проводят политику поощрения и их страны становятся гнездами террористов.

Поле изучения традиционной геополитики было ограничено земным пространством — Сушей и Морем. *Современная же геополитическая ситуация во многом определяется настоящим и будущим освоением космического пространства*.

Совокупный эффект этих и ряда других новых факторов таков, что если субъектами и объектами традиционной геополитики были государства-нации, то в настоящее время необходимо мыслить в терминах коллективного, общего, совместного действия — в терминах человечества.

П. Галлуа выделил три исторические фазы в эволюции геополитики:

- От ранних этапов человеческого развития вплоть до первой промышленной революции — протогоеополитика отличалась географическим фатализмом.

- Новая фаза, исходной точкой которой явилась промышленная революция — хищническая эксплуатация человеком окружающей природной среды, преобразование природы, что в конце концов привело к обострению глобальных проблем, создавших угрозу самому существованию человечества.

- На третьей фазе бумеранг возвращается: природа «мстит за себя», заставляет государства и политиков «считаться с собой». Появляется необходимость согласованных действий всех формальных и неформальных членов международного сообщества в *выработке и реализации общепланетарной геополитики*, в основе которой лежали бы интересы спасения цивилизации для будущих поколений. Это *неконфронтационный тип геополитики*. При этом Галлуа замечает, что важно не утратить саму суть предмета геополитики. Поэтому, считает он, должно остаться старое определение этой дисциплины: «Изучение отношений, существующих между властной политикой в международном плане и теми географическими рамками, в которых она проводится» [Gallois, 1990, p. 37].

1.5. Представление о геополитических кодах

Геополитические коды (кодексы) — это набор стратегических предположений, которые правительство составляет о других государствах при формировании своей внешней политики (см. Введение).

Такие оперативные кодексы включают оценку районов за пределами границ государства с точки зрения их стратегической важности и в качестве потенциальных угроз. Геополитические кодексы не просто государственно центричны, они также включают особенный взгляд на мир. Одновременно кодексы воспринимаются как основные строительные блоки геополитических мировых порядков.

Геополитические кодексы действуют на трех уровнях — местном, региональном и мировом:

Раздел I. Геополитика

- Кодекс местного уровня состоит из оценок соседних государств. Правительства всех стран, даже небольших, должны иметь такой кодекс.
- Кодексы регионального уровня требуются для государств, которые стремятся распространить свое воздействие дальше своих соседей первого порядка. Правительствам всех региональных держав и потенциальным региональным державам необходимо планирование таких кодексов.
- Наконец, несколько государств планеты будут проводить глобальную политику, и их правительства должны иметь соответствующие всемирные геополитические коды. Следовательно, все страны имеют местные кодексы, многие страны имеют региональные кодексы и только некоторые страны — глобальные кодексы (мирового уровня).

Иногда региональный кодекс приходит в конфликт с местным. Хорошим примером могут служить отношения между Турцией и Грецией. Обе страны входят в НАТО, т.е. привержены одинаковому региональному кодексу, установленному этой организацией, но в то же время состоят в традиционно местной вражде.

Глобальные геополитические коды. Не будет преувеличением утверждать, что главное содержание кодов этого уровня определяется наличием ядерного оружия, особенно с «эры баллистических ракет», начавшейся в 1960-е годы. Дальность полета стратегических ракет — до 15 тыс. км, «евростратегических» — до 2 тыс. км, тактических — до 900 км, скорость полета до 25—30 тыс. км в час, очень большая точность попадания в избранные цели, а также мобильность размещения (шахты, подводные лодки, бомбардировщики) — все эти характеристики произвели переворот в иерархии стратегических сил.

Многие географические факторы (островное положение, геоморфологические особенности, метеорологические условия и т.п.) утратили для мировой геостратегии свой изначальный смысл. Эпоха «больших батальонов» как основных элементов традиционных стратегий с появлением «атома» и баллистических ракет полностью завершилась. Изменилась социальная структура занятых в стратегических сферах. Замена «синих» воротничков «белыми» сопровождается большей стабильностью, потому что «белый воротничок» редко вступает в профсоюзы и практически не бастует. В связи с такими радикальными изменениями мировые державы пересмотрели свои геополитические коды и доктрины, основанные на них.

Рассмотрим, как формировались *глобальные геополитические коды в ряде ключевых для мировой геополитики стран после Второй мировой войны* [Gaddis, 1982].

Геополитические коды США. Внешняя политика США после Второй мировой войны определяется понятием «сдерживание», подразумевавшим оборонительную позицию против противника — СССР. При переходе от «сдерживания» как общего термина на уровень оперативных кодексов обнаруживается, что в разное время содержание понятия довольно существенно изменялось. Образовалась целая «семья» кодексов, для которых применялся общий термин «сдерживание».

Одним из самых известных в литературе был **кодекс** известного американского дипломата **Дж. Кеннана**. Американский исследователь Гэддис отмечает, что в 1945 г. США придерживались политики «единого мира», пытаясь привлечь СССР в новый мировой порядок. Это «сдерживание путем интеграции» потерпело неудачу [Gaddis, 1982, с. 9]. СССР преследовал другие цели, и универсалистские идеи были бесполезны. Тогда в 1947 г. в отношении с СССР была взята более твердая линия — так называемая позиция «терпения и твердости», кульминацией которой стала доктрина американского президента Трумэна, преследующая частные цели — одобрение Конгрессом США предстоящего ввода британских войск в Грецию и Турцию. Трумэн провозгласил всемирное обещание по поддержке «свободных народов» повсюду, что естественно невозможно выполнить и воспринималось как элемент идеалистического мышления. Между 1945 и 1947 гг. вооруженные силы США были сокращены с 12 млн до 1,5 млн, что сопровождалось эквивалентным сокращением оборонного бюджета.

В 1947 г. госсекретарь США Дж. Маршалл назначил Кеннана, областью исследования которого был СССР, директором планирования политики Госдепартамента. Как нам уже известно, именно в это время в журнале «Форин Аффэарс» появилась его статья, анализировавшая советскую внешнюю политику и ее последствия для США.

Кодекс сдерживания Кеннана включал в себя геополитические важные позиции. Не все районы мира в равной степени важны с точки зрения безопасности США. *Он выделил четыре жизненно важных центра власти, имеющих промышленный потенциал, способный выдержать современную войну против США: Великобритания, Германия, Япония и СССР, которые вместе с США составляли, по Кеннану, пять центров власти.* В 1947 г. только один из этих центров

Раздел I. Геополитика

власти, СССР, был враждебен США. Проблема, по Кеннану, состояла в ограничении его враждебности и предотвращении повторения ситуации во время Второй мировой войны, когда два из этих силовых центров, Германия и Япония, вместе угрожали безопасности США. Средством достижения этой цели была традиционная *стратегия равновесия сил*. Это означало, что нельзя было допустить вакуума власти в Германии и Японии. Их необходимо было превратить в дружественные государства, аналогичные Великобритании.

Однако как только эти жизненно важные вакуумы власти были бы заполнены, кодекс Кеннана не предусматривал какого-либо дальнейшего вмешательства во внутренние дела этих или любых других государств. Это должно было стать классической гегемонной политикой баланса сил, при которой США, находясь в стороне, используют дипломатические и другие средства для предотвращения враждебной им коалиции: «Следует отметить, что выделенные Кеннаном территории не входили в американскую сферу влияния в Европе или Азии, а лишь фиксировались как фактические центры власти в регионах, независимых как от СССР, так и от контроля США» [Gaddis, 1982, p. 31].

Следовательно, *политика США заключалась в экономическом, а не военном поддержании дружественных государств*. Кеннан был твердым сторонником плана Маршалла для Западной Европы и настаивал на том, чтобы экономическая помощь распределялась самими европейцами, а не американцами. В его геополитическом коде советская угроза рассматривалась скорее как политическая, чем военная. *План Маршалла* был направлен на предотвращение экономического краха Европы, от которого получил бы политические выгоды только СССР. Кеннан обращал внимание на психологическую советскую угрозу. Речь шла о том, что если бы СССР взял контроль над соседними странами (за пределами пяти центров мировой власти), то США пришлось бы распространить свои геополитические интересы и на другие регионы мира.

Гэддис выделяет четыре различных глобальных геополитических кодекса между 1949 и 1979гг. Все четыре кодекса основывались на положении о соперничестве между США и СССР, однако они имели различные толкования природы этого конфликта и, следовательно, предлагали различные политические решения. Все эти кодексы принципиально отличались от кодекса Кеннана тем, что предлагали вместо изолирования врага либо его окружение, либо преследование.

• После 1949 г. центр мировой политики сместился в Азию. Кодекс Кеннана не выдержал союзнических отношений социалистического Китая с СССР и начала Корейской войны. Эти события неизбежно привели к переосмысливанию геополитической концепции, что породило известный документ «Доктрина Совета Национальной Безопасности США — 68». Теоретически концепция разнообразия мира Кеннана сменилась концепцией единообразия, чтобы создать более предсказуемый мир. Результатом стала *модель всеобщего сдерживания вдоль периметра границ СССР*. Вместо защиты избранных пунктов новая доктрина (кодекс) утверждала, что «поражение свободных институтов в любом месте является поражением везде» [Gaddis, 1982, p. 91]. В политический лексикон США вошло понятие «отбрасывание». Угроза ядерного возмездия стала основным средством предотвращения коммунистической угрозы. Ключевым стало расширение тайной деятельности ЦРУ, что включало прямое вмешательство во внутренние дела других государств.

• С избранием в 1960 г. президентом США Джона Кеннеди появились первые признаки возврата к понятиям баланса сил и разнообразия. Это выразилось в известной *доктрине «гибкого реагирования»*. Однако в силу ряда причин, в частности влияния политолога Уолтера Ростоу на президента, событий на Кубе, соревнование между коммунизмом и капитализмом вышло снова вперед, на этот раз как альтернативная идея для развивающихся стран. Вьетнам стал символом сопротивления США коммунизму. Заметим, что на самом деле это очень легковесная оценка по существу империалистической агрессии США. Выдающийся французский социолог Раймон Арон справедливо назвал итог вьетнамской кампании детонатором, приводящим США к «освобождению от иллюзии всемогущества».

• После поражения США во Вьетнаме главным стратегом в администрации президента Ричарда Никсона, окончательно выведшего войска США из Вьетнама, стал Генри Киссинджер — историк, специализировавшийся на политике европейских государств XIX столетия. Моральный крестовый поход против коммунизма был заменен *прагматичной практикой силовой политики*. Основное понимание такого похода состояло в том, что общие геополитические интересы могут трансформировать философию и историю [Киссинджер, 1997], что было расценено как аморальная позиция. Исходя из такого подхода, конкретная задача была поставлена как раздробление коммунистического блока. Действительно, коммунистический монолит стал дробиться с раскола между титовской Югославией и СССР в 1948 г., Китаем и СССР, с нача-

Раздел I. Геополитика

лом критики культа личности Сталина в СССР. США заключили соглашение с Китаем за счет интересов СССР. Результатом стала фаза «детанта» (разрядки напряженности) в годы «холодной войны» в 1970-е годы.

• В конце 1970-х — начале 1980-х годов почти повторились результаты «политики сдерживания». Идеологическая трактовка возрождается вновь, но уже представляет СССР в виде «империи зла», так что «политика отбрасывания» возвратилась. Доктрина 40-го президента Рональда Рейгана предусматривала поддержку повстанческих групп, воюющих с коммунистическими режимами на трех континентах, особенно в таких странах, как Ангола, Афганистан, и государствах Центральной Америки. Последний регион занимал в американской политике наиболее важное место.

Наконец, к концу 1980-х годов «кодексы сдерживания» США завершили полный оборот, достигнув дружественных отношений с СССР.

С учетом того, что США определяли геополитический мировой порядок во время «холодной войны», во всяком случае на Западе, геополитические коды других стран подстраивались или противоречили взглядам США на мир. Даже СССР вынужден был учитывать изменения в кодах США.

Геополитические коды СССР после Второй мировой войны.

• В *сталинский период*, несмотря на огромные человеческие и материальные жертвы, понесенные в период Второй мировой войны, СССР, направив подавляющую часть ресурсов в военный комплекс, сохранил статус сверхдержавы. Зачатки геополитического кодекса появляются после испытания в 1949 г. атомной бомбы и в 1953 г. водородной бомбы. *До начала 1960-х годов СССР можно расценивать как державу регионального уровня.* С 1960-х годов начинается новая эпоха. СССР впервые после Второй мировой войны появляется на мировой арене. Он расширяет связи с Африкой, в частности с Египтом, идеологически внедряется в Гвинею, Мали, поддерживает режим Сукарно в Индонезии, принимает участие в политическом кризисе в Конго и поддерживает Фиделя Кастро на Кубе. В марте 1960 г. создаются войска стратегического назначения. Доктрина Соколовского, учитывающая первостепенное значение ядерных сил в военных конфликтах между СССР и США, остается основой советской стратегии фактически до начала 1980-х годов. Ни вьетнамский кризис, ни американское поражение в нем, ни «детант» не изменили геополитический кодекс Соколовского.

- Только в конце 1960-х годов в СССР происходит пересмотр геополитического кода. *В доктрине Брежнева речь идет не только об обороне СССР, но и защите всех социалистических стран.* Доктрина Брежнева фактически была провозглашена после вторжения в Чехословакию в августе 1968 г. По существу в этой доктрине заключено *ограничение суверенитета зарубежных социалистических стран.* Кроме того, СССР был объявлен естественным союзником стран Третьего мира, без поддержки которого невозможна освободительная антиимпериалистическая война в этих странах.

Стратегия и военная доктрина подчинялись политическому курсу Коммунистической партии Советского Союза. Вероятность ядерной войны никоим образом не исключала возможность обычной войны. Констатировалось, что ядерная война может начаться классическим образом, т.е. с использования неядерных видов вооружений. В доктрине Брежнева театром военных действий не оборонительной, а наступательной стратегии объявлялись целые континенты и даже планета в целом.

- В октябре 1989 г. *первый президент СССР М. С. Горбачев безоговорочно отверг доктрину Брежнева.* В 1991 г. Организация Варшавского Договора, созданная как военная коалиция в 1955 г., была распущена, в этом же году произошло объединение Германии, вывод советских войск из Афганистана, возвращение в СССР более 600 тыс. военнослужащих из бывших социалистических стран, произошла деполитизация армии, был объявлен принцип одностороннего уничтожения танков и ракет.

Доктрина Горбачева предполагала переход от биполярного мира к «бесплюсному», в котором ни одно из государств не стремится к мировому господству и который базируется на гармонии и международном согласии. Ключевыми терминами, вокруг которых строилась политика, стали, например, такие: «всеобъемлющая система международной безопасности», «общеευропейский дом», «деидеологизация международных отношений», «право на собственный путь развития».

Рассмотрим французский и индийский геополитические коды в соответствующие периоды, чтобы можно было сравнить их с кодами сверхдержав.

Голлистский геополитический кодекс Франции (Шарль де Голль был президентом Франции с 1958 по 1969 г.) исходил из традиционных геополитических кодексов Франции, сфокусированных на германской угрозе на Рейне на местном уровне, а также на маневрировании против России на региональном (европейском)

уровне и соперничестве с Великобританией на глобальном уровне. Во взглядах де Голля на мир США заняли место Великобритании на глобальном уровне.

Универсальной заботой Франции в XX в. была угроза безопасности со стороны Германии, но к 1960-м годам, с успехами развития Европейского Сообщества, с подписанием в 1963 г. договора о дружбе между Францией и Германией, проблема безопасности была решена окончательно. Это предоставило де Голлю возможность сконцентрировать усилия на решении проблем безопасности на региональном и глобальном уровнях, т.е. на отношениях с США и СССР.

В 1960 г. Франция испытала свою атомную бомбу, подтвердив тем самым статус мировой державы, присоединившись к США, СССР и Великобритании как ядерным державам. Тем не менее впервые в истории современного мира основные центры мировой власти находились за пределами Западной Европы. Выбор НАТО, которая связывала страны Западной Европы с одной из сверхдержав, был неприемлем для мировоззрения де Голля.

Де Голль считал, что Франция должна возглавить блок западно-европейских государств в противовес США. Следовательно, членство в НАТО было несовместимо с этой позицией де Голля. В 1966 г. Франция вышла из интегрированной военной структуры НАТО. Позитивным политическим последствием голлистского геополитического кодекса было развитие «детанта». Однако попытка де Голля открыть «железный занавес» внезапно была прервана вторжением СССР и его военных союзников в Чехословакию в 1968 г. Несмотря на то что и сейчас Франция остается официально вне НАТО, геополитический кодекс де Голля не получил дальнейшего развития после ухода его в 1969 г. Тем не менее сохраняется идея голлистского подхода к независимому от США европейскому развитию.

Авторство *индийского кодекса неприсоединения* принадлежит премьер-министру Индии со дня ее Независимости до его смерти Джавахарлалу Неру (1947-1964). В эти годы Неру рассматривался как основной миротворец в мире. Он предложил своей стране своеобразный геополитический кодекс, имеющий три уровня:

- На местном уровне Индия предложила неофициальный протекторат над небольшими гималайскими королевствами Непалом и Бутаном и отеческое отношение к Шри Ланке.
- На региональном уровне констатировалось острое соперничество с Пакистаном в Южной Азии и с Китаем в более широком азиатском масштабе.

/ . Историография зарубежной геополитической мысли

• Глобально Индия претендовала быть мировой державой. Эта претензия базировалась на нетрадиционном для геополитики критерии — статусе президента Неру как мирового государственного деятеля и его роли в создании *движения неприсоединения*.

Неру также предложил *Пять принципов мирного сосуществования* (на хинди «Панча Ши́ла»):

- Взаимное уважение территориальной целостности.
- Ненападение.
- Невмешательство во внутренние дела друг друга.
- Равенство и взаимная выгода.
- Мирное сосуществование.

При жизни Неру Индия сумела организовать широкое международное движение в рамках «Панча Ши́ла», но после его смерти страна перестала играть важную роль на мировой сцене. Однако для Индии наследие Неру до сих пор значимо как принцип неприсоединения. Поэтому геополитики выделяют Южную Азию как особый геополитический регион мира.

Как *голландский кодекс*, так и *кодекс неприсоединения* Неру вызвали большую критику со стороны США. Ведь в кодексах сдерживания США не было место для неприсоединения, для распада НАТО. Индийский и французский коды не соответствовали ортодоксальному мышлению большинства реальных политиков периода «холодной войны».

Контрольные вопросы

1. Назовите основные принципиальные различия между реалистической и идеалистической традициями в геополитике.
2. Охарактеризуйте подходы к решению мировой безопасности на основе интеграции государств.
3. Назовите основные работы Н. Макиавелли и К. Клаузевица и осветите суть поднимаемых в них геополитических проблем.
4. Какую роль сыграл социал-дарвинизм в появлении геополитики?
5. Охарактеризуйте содержание понятия «Lebensraum» и основные «законы» пространственного роста Ф. Ратцеля.
6. Каково представление Р. Челлена о научных дисциплинах, изучающих государство?
7. В чем состоит концепция «народного дома» («Folkhemmet») Р. Челлена?
8. Охарактеризуйте на конкретных примерах «три пространственных фактора», выделенных Р. Челленом.
9. В чем смысл концепции Срединной Европы? Как происходила эволюция понимания Срединной (Центральной) Европы и ее геополитической роли?

Раздел I. Геополитика

10. Каков был объект исследования А.Т. Мэхэна, как он понимал мировой контроль и каким видел будущее США?
11. Изложите основные принципы построения, понятия и механизмы геополитического осуществления на практике теории хартленда Х. Маккиндера.
12. Назовите три основные работы Х. Маккиндера и проследите изменение идей в связи с конкретной геополитической ситуацией в мире.
13. Как вы думаете, устарела ли концепция Х. Маккиндера в наши дни? Приведите доводы своего мнения при ответе на этот вопрос.
14. Охарактеризуйте основное содержание следующих концепций К. Хаусхофера: концепция континентального блока; панрегионализм; идеи Больших пространств.
15. Опишите и оцените построения К. Шмитта о «номосе» Земли.
16. В чем состояли особенности Киотской геополитической школы?
17. Что такое «Великая Восточно-Азиатская сфера сопроцветания»?
18. Охарактеризуйте японское «евразийство», которого придерживался Коноэ Фумиморо.
19. Каковы аргументы классиков французской геополитической мысли против экспансионизма и империализма в геополитике?
20. Раскройте смысл учения Ж. Готтманна об иконографии территории.
21. Опишите модель Н. Спикмена хартленд-римленд. Какое влияние оказала данная модель на американскую внешнюю политику?
22. Назовите особенности концепции «динамического сдерживания» К. Грэя.
23. Сопоставьте основные идеи «атомной дипломатии» Г. Алперовица и доктрины Соколовского.
24. Раскройте принципы и схему геополитического районирования мира С. Коэна.
25. В чем состоит концепция геополитического униполюса А. Страуса?
26. Охарактеризуйте представления Й. Галтуига о геополитической расстановке сил после окончания «холодной войны».
27. Каковы идеи и их первоначальные источники «новых правых» в области геополитики?
28. В чем состоят особенности новой французской геополитики, сформировавшейся на базе журнала «Геродот»?
29. В чем видит обновление геополитики П. Галлуа?
30. Дайте определение геополитических кодов (кодексов) государств и приведите примеры глобальных геополитических кодов.

Использованная литература

1. *Аеурский М.* Идеология национал-большевизма. Paris, 1980.
2. *Алперовиц Г.* Ядерное оружие и политика//США: экономика, политика, идеология. 1994. № 2.
3. *Берге И.* История недоразумения? Холодная война. 1917—1991 гг. М., 1998.

/ . Историография зарубежной геополитической мысли

4. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998.
5. *Давыдов В. Ф.* 2007: Прогноз распространения ядерного оружия//США: экономика, политика, идеология. 1997. № 1.
6. *Ден В. Э.* Учение Рудольфа Челлена о предмете и задачах геополитики// Известия Русского географического общества. 1997. Т. 129. Вып. 1; 1997. Вып. 2.
7. *Дживилегов А. К.* Никколо Макиавелли//Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996.
8. *История Японии.* 1868-1998. М., 1999. Т. 2.
9. *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.
10. *Клаузевиц К.* О войне. М., 1994.
11. *Лобов В. Н.* Карл Клаузевиц. Жизнь. Идеи. Современное значение// Клаузевиц К. О войне. М., 1994.
12. *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996.
13. *Маккиндер Х.* Географическая ось истории//Полис. 1995. № 4.
14. *Можаев П.* Дискуссии о понятии «Центральная Европа» в Германии (географический подход). 2000. 12 с. (рукопись).
15. *Молодяков В. Э.* Ось Берлин — Москва — Токио: возможность невозможного//Знакомьтесь — Япония. 1995. № 7.
16. *Паркер Дж.* Преемственность и изменения в геополитической мысли Запада в XX столетии//Международный журнал социальных наук. 1993. № 3.
17. *Пленное О. Ю.* Мифы нации против мифов демократии: Немецкая политическая традиция и национализм. СПб., 1997.
18. *Политическая география по Ратцелю (Politische Geographic Von Dr. Friedrich Ratzel, Professor der Geographic an der Universitat zu Leipzig. Miinchen und Leipzig, 1897.715 S.y/Землеведение. 1898. № 1-2; 1899. № 3. Изложил Л. Сеницкий.*
19. *Современная западная социология.* М., 1990.
20. *Страус А. Л.* Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России//Полис. 1997. № 2.
21. *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991.
22. *Шмитт К.* Понятие политического//Вопросы социологии. 1992. № 1.
23. *Шмитт К.* Новый «помос» Земли//Элементы. 1993. № 3.
24. *Шмитт К.* Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря//Элементы. 1996/97. № 8.
25. *Энциклопедия Третьего рейха.* М., 1996.
26. *Alperovitz S* Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. The Use Atomic Bomb and the Amcrian Confrontation with Soviet Power. N. Y., 1965.
27. *Ancel J.* Geographie des Frontiers. Paris, Librairie Gallimard, 1938.
28. *Bowmen I.* The New World: Problems in Political Geography. London, Harrap, 1922.
29. *Cohen S. B.* Geopolitics in the New World Era: A New Perspective on an Old Discipline//Reordering the World. Geopolitical Perspectives on the Twenty-first Century. Ed. By J. Demko & W. Wood. Oxford, 1994.

Раздел I. Геополитика

30. *Demangeon A.* Le Declin de l'Europe. Paris, 1920.
31. *Dictionnaire* de geopolitique. Sous la direction de Ives Lacoste. Paris, 1994.
32. *Dictionary* of Geopolitics. Edited by John O'Loughlin. Greenwood Press, Westport, 1994.
33. *Ebeling F.* Geopolitik. Karl Haushofer und seine Raumwissenschaft. 1919—1945. Akademie Verlag, 1997.
34. *Fairgrieve J.* Geography and World Power. London, 1915.
35. *Foucher M.* Fronts et frontieres. Un tour du monde geopolitique. Paris, 1991.
36. *Gaddis J.* Strategies of Containment: a critical appraisal of postwar American national security policy. N. Y., 1982.
37. *Gallois P. M.* Geopolitique. Les voies de la puissance. Paris, 1990.
38. *Galtung J.* Geopolitics after the Cold War: an Essay in Agenda Theory//The International System after the Collapse of East-West Order. Luxembourg Institute for European and International Studies. Nijhoff, 1994.
39. *Gottmann J.* La Politique des Etats et leur Geographic. Paris, 1952.
40. *Gyorgy F.* Geopolitics: The New German Science. Berkeley, 1944.
41. *Haushofer K.* Geopolitik der Panidecn. Berlin, 1931.
42. *Haushofer K.* Kontinentalblock. Mitteleuropa — Eurasien — Japan. Kriegsschriften der Reichsstudentenführung. München, 1941.
43. *Kennan G. F.* The Source of Soviet Conduct//Foreign Affairs. (July 1947). V. 25, № 4.
44. *Kjellen R.* Der Staat als Lebensform. Berlin, 1924.
45. *Lacoste Y.* Une mode qui n'est pas futile//V.-F., Durand, J. Levy, D. Retaile. Le monde: espaces et systemas. Paris, 1993.
46. *Leibowitz R D.* Finlandization: An Analysis of the Soviet Union's «domination» of Finland//Political Geography Quarterly. 1983. № 2.
47. *Le monde:* espaces et systemes. Paris, Presses de la fondation nationale des sciences politiques, 1993.
48. *Mackinder H. J.* Britain and the British Seas. Oxford, Clarendon Press, 1902.
49. *Mackinder H. J.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. London, 1919.
50. *Mackinder H. J.* The round World and the winning Peace//Foreign Affairs. 1943. № 4.
51. *Meining D. W.* Heartland and Rimland in Eurasien History//Western Humanities Quarterly. 1956. № 9.
52. *Naumann F.* Mitteleuropa. Berlin, 1915.
53. *Parker G.* Geopolitics. Past, Present and Future. London and Washington, 1998.
54. *Partsch J.* Mitteleuropa. Die Länder und Völker von den Westalpen und dem Balkan bis an den Kanal und das Kurische Haff. Gotha, 1904.
55. *Rosenberg E.* Spreading the American Dream: American Economic and Cultural Expansion, 1890-1945. New York University Press, 1982.
56. *Schenk W.* Mitteleuropa— tipologische Annäherungen an einen schwierigen Begriff aus der Sicht der Geographie//Europa Regional. 1995. № 4.
57. *Schmitt C* Der Nomos der Erde. Köln, 1950.

/. Историография зарубежной геополитической мысли

58. *Soppelsa J.* Geopolitique de 1945 a nos jours. Mementos de geographic serie. Paris, 1994.
59. *Spykman N.* America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. N. Y., 1942.
60. *Spykman N.* The Geography of the Peace. Harcourt Brace, N. Y., 1944.
61. *Taylor P.* Political Geography: World-Economy, Nation-State and Locality. London, 1993.
62. *Thiriart J.* L'Empire Eurosovietique de Vladivostok jusque Dublin. Brussel, 1988.
63. *Vidal de la Blache P.* La France de l'Est. Paris, 1917.
64. *Walters R. E.* The Nuclear Trap. Harmondsworth, 1974.

ОБЗОР РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

2.1. Основные вехи гражданской и геополитической российской истории: между Западом и Востоком

Киевский период

Первое единое восточнославянское государство — *Киевская Русь* — сложилось в IX в. Его возникновение по одной версии связано с легендарным призванием на княжение в Новгород в 862 г. варягов *Рюрика* с братьями *Синеусом* и *Трувором* («наемные охранители превратились во властителей», — писал *В. О. Ключевский*). Подругой версии — с походом князя **Олега**, который в 882 г. захватил Киев и объединил киевские и новгородские земли.

В 988—989 гг. произошло Крещение Руси *Владимиром Святым*. Расцвет Киевской Руси приходится на княжение *Ярослава Мудрого* (1019—1054). В середине XII в., после смерти *Владимира Мономаха* (1113—1125), начался процесс феодальной раздробленности на враждующие друг с другом княжества. На территории Киевской Руси сформировалось три наиболее влиятельных государства: центральное Владимиро-Суздальское княжество (смещение центра на северо-запад), Галицкое и Волынское, то объединенные, то разъединенные княжества и Новгородская земля.

Киевская Русь была частью Европы, с которой она поддерживала интенсивные торговые, культурные и династические связи. Основной экономической осью Киевской Руси был путь из «варяг в греки», соединявший балтийские страны с Черным и Средиземным морями. Великий Новгород и Киев были узлами связи на этом пути. Страна опиралась на два морских берега. «Первых князей она взяла от варягов. Кто бы они ни были этнически, но по зову легендарного новгородца *Гостомысла* явились с Балтики. А веру — от греков» [Трейвиш, 1995, с. 7].

2. Обзор российской геополитической мысли

Русь к концу X в. имела почти 1 млн кв. км и около 5 млн жителей. Наиболее опасными соседями, не дававшими покоя Руси, были кочевые азиатские пароды на юго-востоке и юге, которых удавалось сдерживать. В самом конце киевского периода на северо-западных рубежах появился воинственный, предприимчивый новый сосед — немцы, начавшие систематическое покорение и германизацию Прибалтики.

Время от смерти Ярослава Мудрого (1054) до татарского нашествия было временем заката эпохи процветания и политического единства Киевской Руси. Среди причин упадка страны были мировые события, связанные с перемещением путей мировой торговли и образованием новых центров мировой торговли, особенно таких, как Венеция и Генуя.

Период татаро-монгольского ита (с начала 40-х годов XIII в. до второй половины XV в.)

В начёте 20-х годов XIII в. произошло вторжение татаро-монголов. Первое поражение русского войска в сражении с ними произошло на реке Калке в 1223 г. В 1240 г. был захвачен Киев. Татаро-монгольское иго продолжалось более 200 лет, до второй половины XV в. Это было геополитической катастрофой. В это же время на северо-западных рубежах появились и другие противники — в 1240 г. шведы, в 1240—1242 гг. немецкие крестоносцы. *Русь оказалась в изоляции от Европы Балто-Понтийским барьером.*

Великий Новгород и отделившийся от него Псков как самостоятельная торговая республика продолжали торговые связи с Европой через северные порты в рамках Ганзейского союза. Галицкое и Волынское княжества, поддерживая связи с Европой, испытывали западное влияние, что позже наложило отпечаток на различия между разными ветвями восточных славян. Новгородской земле пришлось отстаивать свою независимость от шведов и ливонских рыцарей.

Утрата полноценных связей с Европой на два с половиной века существенно задержала социально-экономическое, политическое и духовное развитие русского государства, изменило характер государственности, придав ей форму отношений, характерных для восточных деспотий [История России, 1998, с. 72].

«Отсюда восточно-авторитарная, коварная и тайная московская политика — антипод вечевой новгородской гласности. С помощью Орды Москва собрала (прибрала к рукам) Русь, а там и ослабевшую Орду» [Трейвиш, 1995, с. 8].

Раздел I. Геополитика

В XIV в. начался *новый процесс объединения русских земель* — теперь уже вокруг Москвы. Куликовская битва в 1380 г. под водительством великого князя московского *Дмитрия Донского*, закончившаяся полной победой над татарами, была одним из главных переломных моментов в собирании Руси. Хотя через два года новый хан Золотой Орды *Тохтамыш* взял и опустошил Москву, победа на Куликовом поле имела огромное политическое и национальное значение.

Следующая вежа в обретении независимости Московского государства (произошло освобождение Руси от уплаты дани Золотой Орде) и росте национального самосознания русского народа — Великое противостояние на Угре (1480), состоявшееся при князе *Иване III* (1462—1505). В период его княжения великий князь московский становится верховным правителем всей Русской земли. А брак Ивана III с племянницей последнего византийского императора *Софьей (Зоей) Палеолог* позволил русским царям после падения Константинополя считать себя наследниками византийских императоров.

Формирование централизованного русского государства, начало колонизации восточных земель и борьбы за восстановление выхода к морям Особое усиление царской власти произошло при великом князе *Иване IV Грозном (1530-1584)*. в 1552 г. происходит взятие Казани, а в 1556 г. - Астрахани. С 1582 г. атаманом *Ермаком* начинается покорение Сибири. Ведутся войны в Ливонии, но выход к Балтийскому морю Россия получила только при Петре I.

Значительные территориальные приобретения Московского государства за счет восточных земель по времени почти совпали с колониальными захватами западноевропейских стран. В XVI в. страна расширилась в пять раз, до 14 млн кв. км. Население выросло вдвое, до 6—7 млн (за Уралом до 200 тыс.) [Тревиш, 1995, с. 9].

После смерти сына Ивана Грозного — Федора (1584—1598) династия Рюриков прекращается. С 1593 по 1613 г. в Смутное время Московского государства происходит длительная борьба между боярскими родами за власть. Поляки, вторгшиеся на территорию Руси, поддерживали в борьбе за престол Дмитрия Самозванца, выдаваемого за сына Ивана Грозного.

В 1613 г. Земский собор избрал царем России *Михаила Федоровича Романова* (1596—1645). При царе Алексее Михайловиче (отце Петра I) происходит воссоединение Левобережной Украины с

2. Обзор российской геополитической мысли

Россией (1654). *Представители династии Романовых царствовали вплоть до Февральской революции 1917 г.*

Становление России как великой европейской державы с царствования Петра Великого до поражения ее в Крымской войне

С начала XVII в. начались серьезные изменения в русской культуре, произошло новое сближение с Западной Европой и социально-экономические преобразования, подготовившие реформы

Петра I. В результате реформ и военных кампаний Петра I Россия окончательно утвердилась как балтийская держава, присоединила не вошедшие в ее состав при Алексее Михайловиче значительные земли Украины и Белоруссии, ранее входившие в Киевскую Русь.

В период Русской империи (с 1721 г.) после «эпохи дворцовых переворотов» (1725—1741) выделяются правления:

Дочери Петра I императрицы **Елизаветы** (1741—1761), при которой Россия участвовала в Семилетней войне (1756—1763) против Пруссии, Великобритании и Португалии.

Екатерины II (1762—1796), которая закрепила статус России как великой державы, завоевав Крым и получив доступ к Черному морю, присоединив к России после раздела Речи Посполитой Литву и Белоруссию, обширные территории в низовьях Днепра.

Итак, XVIII в., век Петра и Екатерины Великих, создал новое геополитическое положение России. Основаны два окна в Европу — Петербург и Одесса.

Царствование **Павла** (1796—1801) «прославилось», в частности, тем, что он предпринял попытку завоевания Индии. «Подзадориваемый Наполеоном и не довольствуясь рядом враждебных действий против Англии, Павел I решил, наконец, уязвить ее в самое больное место: он решил завоевать Индию, полагая, что сделает это, отправив туда одних казаков. И вот по его приказанию 40 полков донских казаков внезапно отправились на завоевание Индии, взяв с собой двойной комплект лошадей, но без фуража, зимой, без верных карт, через непроходимые степи. Разумеется, это войско было обречено на гибель» [Корнилов, 1993, с. 43].

Правление **Александра** (1801—1825), при котором Россия дала мощный отпор Наполеону, способствовало распаду наполеоновской империи и созданию нового порядка в Европе после Венского конгресса.

Раздел I. Геополитика

Правление *Николая I* (1825—1855) началось с восстания декабристов. Во внешней политике — войны на востоке (с Персией и Турцией) перерастают в войну и с европейскими странами, заключившими союзы с Османской империей. Россия остается в изоляции и терпит поражение в Крымской войне.

Происходит закат России как великой европейской державы. Коалиция европейских держав неожиданно становится на сторону Турции. В ответ родилась концепция панславизма, который быстро сходит на нет.

Тем не менее нужно отметить огромную роль России в борьбе с Османской империей, которая после антигатарской реконкисты осталась единственной серьезно угрожающей христианской Европе внешней силой. Центрально-Восточная Европа испытывала сильное давление со стороны турок, начиная с XIV в. В результате завоеваний к началу XVI в. в состав Османской империи вошли Турция, Болгария, Сербия, Босния и Герцеговина, Черногория, Албания. Вассалами Турции стали Молдавия и Валахия.

В течение XVI—XVII вв. под власть этой империи перешли почти все острова и часть побережья Адриатического моря. Она распространила свою власть на Крымское ханство (с XV в.), почти на все арабские страны — Сирию, Египет, Алжир, Тунис, Триполитанию. Турки вторглись в Иран, Армению, Курдистан, Западную Грузию, овладели прибрежной Аравией, вышли к Персидскому заливу. Они рвались к центру Европы, осаждали несколько раз Вену, но последняя стала на пути Османской империи. Борьба с Портой была общеевропейским делом.

Огромный вклад в это дело внесла Россия, начиная с XVII в. С 1735 по 1878 г. Россия воевала с Османской империей шесть раз, не считая Крымской войны, потеснив Турцию в Причерноморье и на Балканах. Все это требовало от России огромного напряжения экономики и общественных сил.

Разочарование интеллигенции после поражения в Крымской войне приводит к обострению дискуссии между славянофилами и западниками о прошлом и будущем России, о путях ее развития.

Период усиленной колонизации восточных районов и империализма Быстрое индустриальное развитие вызвало новое геополитическое развитие страны. Развитие индустрии стимулировало интенсификацию использования природного потенциала Сибири и Дальнего Востока. Ставилась задача завершения колонизации Кавказа, завоевания Средней Азии и утверждения в Закавказье. Интенсивно строя железные дороги, Россия

2. Обзор российской геополитической мысли

быстро расширяет сферу своего влияния («железнодорожный империализм»), заключая разнообразные военные союзы. При колонизации и завоевании новых территорий правительством проводилась русификация окраин в попытке превратить Российскую империю в европейское государство.

В этот период резко выделяется эпоха реформ при императоре *Александре* //(1855—1881). В 1861 г. было отменено крепостное право. Проводя успешную внешнюю политику, Александр II заставляет Европу забыть об унижительном Парижском мирном договоре, связанным с поражением России в Крымской войне. Россия предстает освободительницей Болгарии и защитницей православных балканских народов. Одновременно она утверждается в Закавказье, продвигается в глубь Средней Азии и Дальнего Востока. В 1881 г. народовольцы убили Царя-Освободителя — Александра II. После него правили императоры *Александр* //(1881—1894) и *Николай* //(1894—1917), старший сын Александра III.

Правление последнего российского императора Николая II совпало с быстрым развитием капитализма в стране. Россия вошла в первую пятерку экономически развитых государств. Однако ведение войн ослабляло ее позиции. Так, поражение в русско-японской войне 1904—1905 гг. явилось одной из причин Первой русской революции 1905—1907 гг., в ходе которой был принят Манифест 17 октября 1905 г., разрешающий создание политических партий и учредивший Государственную Думу.

Первая Дума созывалась в 1906 г., Вторая Дума — в 1907 г., Третья Дума — в 1907—1912 гг. В России начала осуществляться Столыпинская аграрная реформа, основная цель которой — освобождение крестьян от пут сельской общины и создание класса крестьян-собственников.

На политическом фронте в 1905 г. партия социал-демократов потерпела поражение и приступила к выработке новой стратегии революции.

В ходе Февральской революции 1917 г. император Николай II отрекся от престола; в России было сформировано Временное правительство.

В 1914—1918 гг. Россия участвовала в Первой мировой войне в коалиции со странами Антанты. Изначально — это Россия, Великобритания и Франция, а в ходе войны этот блок объединил более 20 государств, среди которых — США, Япония и переметнувшаяся Италия против Тройственного соглашения — военно-политического блока Германии, Австро-Венгрии и Италии.

Война вызвала быстрое ухудшение положения в экономике и обществе, перебои с продовольствием и т.д. В конечном счете это привело к череде кризисов и подорвало всякое доверие к Временному правитель-

Раздел I. Геополитика

тельству. 7 ноября 1917 г. Военно-революционный комитет большевиков объявляет о свержении Временного правительства. В результате переворота происходит полный разрыв с историческим прошлым России. Большевики во главе с В. И. Лениным начинают ожесточенную борьбу с целью установления своего безраздельного господства сначала в России, а затем во всем мире на идеологической основе — вождельная мировая революция.

Период от 7 ноября 1917 г. до падения Берлинской стены и развала СССР

В этот период была уничтожена рыночная экономика. Страна сохранила мессианскую сущность своей внешней политики, но с другим вектором. Дооктябрьский российский империализм соединился вначале с идеей мировой революции, затем с экспансией вплоть до поражения в Афганистане.

Итак, в начале послереволюционного периода речь шла о всемирной пролетарской революции, а затем, когда коммунисты явно осознали иллюзорность этой идеи, они во главу угла поставили «борьбу с империализмом», насаждая среди населения психологию «СССР — это осажденная крепость», психоз вражеского окружения и проводя беспрецедентный в мировой истории государственный терроризм против своих граждан.

В период Второй мировой войны СССР пошел на союзнические отношения с «империалистами» — США и Великобританией, но после ее окончания создал пояс стран-сателлитов, военно-мобилизационную экономику, позволившую поддерживать «железный занавес», названный так *У. Черчиллем* режим изоляции социалистического лагеря.

В 1989 г. происходят антисоциалистические революции в странах Центрально-Восточной Европы, а в 1991 г. — отстранение от власти Коммунистической партии Советского Союза и распад СССР. По своим геополитическим, социально-экономическим, идеологическим и прочим последствиям данные события оказали большее потрясение на международную ситуацию, чем поражение нацистского Рейха во Второй мировой войне, ибо повлекло за собой коренное изменение прежнего равновесия сил, считает французский геополитик *П. Галлуа* [Gallois, 1990].

2.2. Идеология «Москва — Третий Рим» как выражение русского мессианства

Принятие Киевской Русью христианства оказало большое влияние на ее культуру и геополитическое развитие. Русь через христианство оказалась приобщенной к культуре античного мира и Византии²⁴.

Объединительный процесс русских земель вокруг Москвы в XIV—XVI вв. привел к интенсивному экономическому, политическому и культурному развитию, формированию национального самосознания. Московское государство стало своими границами выходить непосредственно в Западную Европу. Как писал В.О. Ключевский, «почувствовав себя в новом положении, но еще не отдавая себе ясного отчета в своем новом значении, московская государственная власть ощупью искала дома и на стороне форм, которые бы соответствовали этому положению, и, уже облекшись в эти формы, старалась с помощью их уяснить себе свое новое значение» [Ключевский, 1993, с. 113].

На рубеже XV—XVI вв. возникает *мессианская панправославная идея «Москва — Третий Рим»*. Эта идейно-политическая мысль связана с Русской Православной Церковью, которая первоначально находилась в подчинении Константинопольской. В 1439 г. Константинопольская церковь, надеясь на помощь стран Западной Европы в борьбе с турками, заключила с римско-католической церковью *Флорентийскую унию*, по которой признавалось главенство Папы Римского над всей христианской церковью. Однако вскоре Флорентийская уния была разорвана. Русская Православная Церковь стала автокефальной — самостоятельно избирающей своего главу.

После взятия Константинополя турками (1453) и падения Византийской империи не осталось ни одного православного незави-

²⁴ Русский философ в эмиграции (после Октябрьской революции) *Г. П. Федотов* видел большой минус в переводе греческой Библии на славянский язык. В этом он усматривал зародыш всех будущих расколов. Это облегчило христианизацию народа, но привело к «отрыву от классической традиции». За богатством религиозной и материальной культуры Киева XI—XII вв. Федотов усматривает нищету научной и философской мысли. Совершился роковой разрыв славянской речи со вселенской мыслью. Культура, история которой началась с перевода, была обречена снова стать «переводной» при Петре I. Пути Запада и Руси разошлись [Федотов, 1995, с. 275].

Раздел I. Геополитика

симого государства, кроме Московского. Брат последнего византийского императора Константина Фома Палеолог нашел со своей семьей убежище в Риме. Великий князь Иван III в 1467 г. овдовел. Папа Римский Павел II предложил дочь Фомы Палолога Софью в супружество Ивану III, надеясь посредством этого брака вновь присоединить Москву к Флорентийской унии. Брак состоялся в 1472 г., но он не оправдал надежд Папы Римского и в то же время сыграл большую роль в возвышении монархической власти в Москве благодаря родству великого князя с византийской царевной и ее личным властным качествам.

Великий князь стал как бы преемником византийского императора, почитавшегося главою всего православного мира. *В сношениях с малыми соседними землями был узаконен титул царя всея Руси.* С конца XV в. на печатях Московского государства появился византийский герб — двуглавый орел, который комбинировался с прежним московским гербом — изображением Георгия Победоносца. Распространилось сказание о том, что «шапка Мономаха», хранящаяся в настоящее время в Московском Кремле, была прислана в Киев императором Константином Мономахом для венчания на царство великого князя киевского Владимира Мономаха, от которого якобы ведут свой род московские государи. Как отмечал В. О. Ключевский: «Софья ценилась в Москве и сама себя ценила не столько как великая княгиня московская, сколько как царевна византийская» [там же, с. 114].

Итак, логика объективного процесса возвышения и собирательной роли Московского государства вместе с заключением брака Ивана III с Софьей Палеолог привела к «политической демонстрации» (выражение Ключевского) Москвы наследницей Константинополя (Второго Рима).

Москва провозглашается Третьим Римом — последним и вечным царством всего православного мира.

Панправославное мессианство, покровительство единоверным народам получило яркое выражение в послании игумена псковского Елеазарова монастыря Филофея, в котором он писал, что «два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать». В своих посланиях Филофей «подчеркивает ту мысль, что политическое падение православных царств связано с их религиозною изменою и что политическое господство Москвы есть следствие ее религиозной непоколебимости» [Лосский, 1990, кн. 2, с. 41].

2. Обзор российской геополитической мысли

Филофей писал, что прежде существовало два мировых христианских центра: сначала Древний Рим, который пал ввиду отхода от «истинного христианства», затем Византия. Но византийские правители тоже изменили христианству, пойдя в 1439 г. па унию с католической церковью. Следствием этого, по Филофею, было падение Византии, завоеванной турками. Москва же, не признавшая Флорентийской унии, стала мировым христианским центром.

Безусловно, в этой идее содержится геополитический элемент, заключающийся в обосновании панправославного значения Русского государства. В то же время в посланиях Филофея «воплотилось враждебное отношение ко всему иноземному, проповедь религиозной нетерпимости, стремление к безусловной незыблемости существующих порядков, освящаемых тезисом о «богоизбранном» царстве, принципиальное неприятие чего-либо в идеологии и общественной жизни. Этот тезис был одним из наиболее законченных проявлений церковного консерватизма и реакционности» [Русское православие, 1989, с. 104].

В XIX в., когда многие православные народы — сербы, болгары, греки, румыны — начали активное освобождение от Османской империи, в России вновь значительно распространилась мессианская панправославная идея, связанная с внешней политикой России по поддержке и прямому освобождению православных на Балканах.

2.3. Западничество и славянофильство

В последующей истории России зарождались и развивались идейно-философские течения, так или иначе связанные с геополитическими интересами России. Философ и богослов *В. В. Зеньковский* считал, что после Великой Французской революции и войны 1812 г. в России началось осмысление ее взаимоотношений с Европой. Эти два события он считал главной причиной возникновения западничества и славянофильства — двух противостоящих течений русской мысли. Крымская война, поразившая, по словам Зеньковского, русское самосознание глубокой ненавистью Запада к славянству, ознаменовала собой разрыв русского духа с буржуазной Европой. Резкая борьба между двумя лагерями началась с 1840-х годов. В. В. Зеньковский отмечал, что с этого времени «славянофилы стали, если угодно, антизападниками» [Зеньковский, 1997, с. 38].

Ядро западников составляли преимущественно петербуржцы: А. И. Герцен, К. Д. Кавелин, Н. В. Станкевич, Н. П. Огарев, П. В. Анненков, к ним также примыкали В. Г. Белинский, И. С. Тургенев, переводчик Шекспира Н. Х. Кетчер и др. Русский философ Н. Лосский

относил к западникам и *П. Я. Чаадаева*, призывавшего сменить православие в России на католичество.

Славянофилы — движение патриотическое и наследующее идеи декабристов, жили преимущественно в Москве. Среди них выделялись *А. С. Хомяков*, братья *И. В.* и *П. В. Киреевские*, братья *К. С.* и *И. С. Аксаковы*, *Ю. Ф. Самарин*.

И у западников и у славянофилов во главе угла стояла проблема *российской идентичности и путей развития страны*.

Западники считали, что развитие России необходимо рассматривать в контексте развития общечеловеческой цивилизации, передовым рубежом которой является Западная Европа, где наиболее полно и успешно осуществляются принципы прогресса и свободы.

Российская история, считали западники, — это история преодоления отсталости от европейского Запада, которая началась со времени Петра Великого, включившего страну в общечеловеческий цивилизационный процесс.

Задача России состоит в скорейшем изживании патриархальщины, косности и азиатчины, в частности общинноеTM. Западники мало интересовались религией [см.: Лосский, 1992, с. 67].

Славянофилы прежде всего исключали наличие общечеловеческого развития и признавали самобытность жизни каждого народа или сообщества близких народов. Они считали, что преобразования Петра I нанесли удар по российской самобытности.

У России, согласно славянофилам, собственный путь развития, не нуждающийся в интеграции в европейскую систему.

Особый путь России предопределен коллективистским, а не индивидуалистским началом русского народа, его соборностью, общинным характером деревенской жизни, артельностью ремесленников, а также тем православием, которое выработал русский народ. Неприятие Европы стало основой объединения, которое впоследствии переродилось в национализм.

В. С. Соловьев покинул вследствие этого славянофильство. По мнению славянофилов, Россия призвана оздоровить Западную Европу духом православия и русских общественных идеалов, а также помочь Европе в разрешении ее внутренних и внешних политических проблем в соответствии с христианскими принципами.

Славянофилы считали, что жизнь в России строится по «правде внут-

2. Обзор российской геополитической мысли

ренпсй», тогда как у европейцев по «правде внешней», т.е. по нормам писаного права. В то же время отношение к Западу не у всех славянофилов было одинаковым. Это были довольно расплывчатые рассуждения. «Ненависть Аксакова (Константина. — // М.) к Западной Европе была такой же сильной, как и любовь к России. Киреевский и Хомяков, указывая пороки западной цивилизации, в то же время признавали ее достоинства. Они любили западную цивилизацию и настаивали на необходимости синтеза ценных элементов западного и русского духа. К. Аксаков видел только темные стороны западной цивилизации: насилие, враждебность, ошибочную веру (католицизм и протестантизм), склонность к театральным эффектам, «слабость». Аксаков полагал, что основы высокой нравственности русской жизни следует искать в крестьянстве, которое еще не испорчено цивилизацией» [там же, с. 62].

Интересно отметить, что отечественный философ начала XX в. М. О. Гершензон в статье «Славянофильство» подчеркивает, что основой их учения было гегельянство, что они «не хуже германофилов отыскали для своего племени и народа почетное место в мировом прогрессе» [Гершензон, 1997, с. 69]. Весьма любопытен и тот факт, что виднейший славянофил И. В. Киреевский, вернувшись из Европы на родину, начал издавать (1829) журнал под названием «Европеец» (справедливости ради отметим, что это было до 1840-х годов, когда еще славянофильство не очень отходило от западничества). В период Великой реформы второй половины XIX в. славянофилы неожиданно отошли от ряда своих коренных взглядов, «возненавидели» европейский путь развития и обратились к идеалам средневековья Русского государства. Отказ от прогрессивных преобразований в российском обществе привел славянофилов к национализму.

Великий философ В. С. Соловьев подметил это превращение патриотизма славянофилов в мракобесие и безыдейный национализм, опасные для развития российского общества.

Новый виток спора об идентичности России повторился в конце XIX в. между народниками и марксистами, «сменовеховцами»²⁵ и евразийцами, а в наше время — между западниками и антизападниками. Но эти споры чаще всего были вариациями или простыми узкополитически окрашенными интерпретациями старых идей. Антизападники повторяли уже прежде сказанное об особом пути России.

Когда славянофильство вступило в упадок, отмечал Н. О. Лос-

²⁵ «Сменовеховство» — общественно-политическое течение русской эмиграции, совершившее (после объявления Лениным НЭПа) поворот от борьбы с советской властью к ее фактическому признанию. Название течения идет от сборника «Смена вех» (Прага, 1921) и еженедельников с таким же названием, издававшихся при финансировании Москвы в Париже в 1920-х годах.

ский, его эпигонами стали // *Я. Данилевский* (наиболее известный его труд «Россия и Европа», 1869), *Н. Н. Страхов*, *К. П. Леонтьев*.

Последующая история показала, что почвенники-славянофилы исходили из патриархального строя жизни, руководствовались утопическими, оторванными от российской действительности представлениями и мало уделяли внимания социальному и экономическому развитию России, а западники недостаточно осознавали национально-государственные интересы и особенности народов России, без учета которых страна не может успешно модернизироваться.

О споре западников и славянофилов А. И. Герцен говорил, что они были противниками, но очень странными. У них была одна любовь, но не одинаковая. Как Янус или двуглавый орел они смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно. Западников и славянофилов объединяло отрицательное отношение к крепостному праву, российскому полицейскому и бюрократическому государству.

В российском обществе были противники этих обоих направлений. Они считали, что все эти дискуссии раскалывали российское общество XIX в. Активными противниками были **«державники»**, для которых государственные интересы были определяющими.

К наиболее известным державникам того времени относится талантливый дипломат *Л. М. Горчаков*, который «не был европеистом в классическом смысле слова», но «ясно видел место России в Европе, понимал органическую взаимосвязь России и Европы, русской и европейской культуры» [Чубарьян, 1998, с. 21].

Следует отметить, что в ряде публикаций по другому течению философской мысли — «евразийству» исследователи неправильно ведут родовую линию от славянофилов к евразийцам. У последних своя, существенно отличающаяся от почвенников-славянофилов исходная позиция. *Если славянофилы видели главный источник развития России в самобытных качествах народа России, то евразийцы — в особенностях ее «месторазвития»*. Термин «месторазвитие» подчеркивает самобытность «почвы» России, отличную от того, как ее понимали славянофилы. Россия у евразийцев трактовалась как евразийская страна, в которой осуществлен синтез европейского и азиатского начал, как плавильный тигель для славяно-тюркских народов, сформировавший органический сплав особого суперэтноса.

Интересны взгляды упоминавшегося ранее философа первой половины XX в. *Г. П. Федотова*. Он рассматривал историю России, которая определялась утратой ею своего лучшего этапа — Киевской Руси. Федотов был европеистом, но не западником. Он поклонялся не «латинству», а греческой традиции, эллинизму [Федотов, 1995, с. 64].

2. Об'юр российской геополитической мысли

Приведенный краткий анализ взглядов русских философов достаточно убедительно показывает, насколько широк был спектр взглядов на выбор России. В спорах определенное зерно истины имела каждая из противоположных сторон, но ни одно из течений не являлось единственно верным и возможным для России. Обобщая, можно сделать вывод о том, что, несмотря на широту взглядов, *спектр их располагался на оси «Восток— Запад»*.

Разброс мнений относительно пути развития России располагался между отнесением России к Востоку с его азиатским способом производства, традиционализмом и тотальным государством или к Западу с его рыночным способом хозяйствования, рационализмом, развитием науки, открытым обществом и движением к соблюдению прав человека. Претворение в жизнь этих моделей развития приводило к противоречивому синтезу.

Так, при Петре Великом Россия сделала самый существенный за свою историю шаг в европейскую систему. Однако при этом усилились и элементы восточного типа цивилизации. Произошло огосударствление общественной жизни, государственный аппарат и бюрократия подмяли под себя все сословия и социальные группы, перекрыв пути для формирования зачатков гражданского общества. В экономике государственный сектор стал главным препятствием для формирования рыночных отношений в промышленности.

2.4. Панславизм

Панславизм — течение идейно-политической мысли в славянских странах, включая Россию (в лице, например, Н. Я. Данилевского), в котором обосновывается единство славянских народов и необходимость их союза для решения острых международных проблем, возникающих в определенные исторические периоды. Это недостаточно философски и идеологически оформленное общественно-политическое движение, то вспыхивающее, то затухающее на долгие годы.

В конце XVIII — начале XIX в. панславизм возник из стремления к независимости славян, поработенных Турцией и Австро-

Венгрией. Его родиной были первоначально Чехия, Хорватия, Сербия и Черногория.

Идеи «славянской взаимности» распространял известный деятель чешского национального движения и ученый *Павел Шафарик* (1795—1861). Его поддерживал один из основателей славяноведения чех *Йосеф Добровский* (1753—1829). Он был противником габсбургской политики германизации славян. Особым направлением панславизма был «иллиризм», который развивался югославянскими политическими деятелями: поэтом *Людевитом Гаем* (1809—1872), историком *Иваном Кукулевичем-Сащинским* (1816—1889). Эти хорватские мыслители обосновывали создание Великой Иллирии, охватывающей все южнославянские и часть неславянских территорий. Их население они рассматривали как один народ, происшедший от коренных жителей Древней Иллирии. В 1840 г. «иллирийцы» выступили за автономию Хорватии, но с победой в 1849 г. контрреволюции в Габсбургской империи иллиризм потерпело поражение.

В панславизме развивалась и *русофильская линия*. Наиболее четко она проявилась у сербского просветителя *Бука Караджича* (1787—1864) и черногорского правителя и просветителя *Петра Негоша* (1813—1851). Их объединительная идея была обращена к единственной независимой славянской державе — великой России.

В России идеи панславизма поддерживались рядом славянофилов, особенно на этапе «вырождения славянофильства» (выражение Н. О. Лосского), в частности в труде // *Я. Данилевского* (1822—1885) «Россия и Европа». Данилевский писал, что «всеславянский союз есть единственная твердая почва, на которой может возрасти славянская культура...», что «Россия не может считаться составной частью Европы ни по происхождению, ни по усыновлению; что ей предстоят только две возможности: или вместе с прочими славянами образовать особую самостоятельную культурную единицу, или лишиться всякого культурно-исторического значения — быть ничем» [Данилевский, 1991, с. 397].

Противоположной точки зрения придерживался философ и публицист того времени *К. Н. Леонтьев*, который в статье «Панславизм и греки» (1873) писал, что «образование *одного сплошного и всеславянского государства* было бы началом падения царства русского. Слияние славян в одно государство было бы кануном разложения России. Россия не была и не будет чисто славянской державой. Чисто славянское содержание слишком бедно для ее

2. Обзор российской геополитической мысли

всемирного духа» [Леонтьев, 1993, с. 300]. Как показывает история, К. Леонтьев объективно смотрел на «романтику» панславизма. Очень обоснованный анализ этого движения мысли им дан в книге «Византизм и Славянство», в частности в главах «Что такое славизм?», «Что такое славянство?» и «Положение о славянах» [там же, с. 2—68]. Польские восстания окончательно уничтожат идею панславизма.

Крымская война (1853—1856) показала, что, собственно, феодальная отсталость России — это и есть главное в ее историческом состоянии, а не ее противоположность «дряхлой» (позже использовался термин «загнивающей») Европе. Известно, что в Крымской войне Россия потерпела поражение. Эта война показала, что лишь отмена крепостного права и всесторонняя реформа общества способны решить насущные проблемы России. А «выродившиеся славянофилы» (выражение Н. О. Лосского) продолжали надеяться на эфемерную идею панславизма, на Всеславянский Союз.

Интересно, что и знаменитый министр иностранных дел Российской империи А. М. Горчаков многие годы посвятил проблеме реванша за Крым, которую выразил геополитической, по своей сути, фразой — «Россия сосредоточивается». Однако А. Горчаков, как известно, в «сосредоточении России» отдавал приоритет связям с Турцией, а не с балканскими славянами.

Славянофильское направление в русском варианте ярко было выражено в труде слависта В. И. Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» (1916). Ламанский — это представитель ученых, признающих общеславянское самосознание в противовес, например, германскому. Он считал, что на основании ознакомления с воззрениями западных европейцев нужно совершить поворот в истории, заставив признать славянство «как принцип и идею». В своей монографии, исходя из идеи физико-географического единства Европы и Азии, он выделял «Три мира» Европейско-Азиатского материка:

- Собственно Европа (современный романо-германский мир, «самый развитый и образованный отдел человечества»).
- Средний мир, включающий в себя Российскую империю, а также, согласно его панславистским воззрениям, славянские земли Центральной Европы.
- Собственно Азия — мир по преимуществу увядшего и необновимого прошлого, мир дряхлого старчества [Ламанский, 1916, с. 42].

2.5. Основные геополитические идеи

В. П. Семенова-Тян-Шанского

В 1915 г. был издан труд **В. П. Семенова-Тян-Шанского** (1870—1942) «О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии». Одним из основных методологических достоинств книги является отход от достаточно упрощенного тезиса британских географов о дихотомии и извечном противостоянии Суши и Моря (талассократий и теллурукратий). Семенов-Тян-Шанский считал, что историческое развитие шло по пути синтеза морских и континентальных частей земного шара. Односторонняя геополитическая идея приводила к недолговечности существования и упадку держав (государств).

Ученый выделил три существовавшие в истории формы «территориальных систем политического могущества»:

- кольцеобразная система;
- клочкообразная система;
- система «от моря до моря».

Как образцовый пример *кольцеобразной системы могущества* Семенов-Тян-Шанский приводит Средиземноморье. При этом он объясняет формирование системы не природными, а естественно-историческими причинами. Он говорил, что к Европейскому Средиземноморью вполне применимо изречение «ex oriente lux» (с Востока (идет) свет). Параллельно тому как на Востоке зарождались могучие религиозные представления и затем продвигались к Западу, тем же путем двигались и политические господства.

С испанцев и португальцев в средние века началось испытание новой системы могущественного владения — *система разбросанных по морям и океанам отдельных островов и кусками материков*. Однако и эта система была разрушена. «Могучие вначале силы разбросались, энергия населения была окончательно истощена и сломлена, ...сами метрополии пришли в глубокий упадок» [там же, с. 13]. Среди других стран, применивших клочкообразную систему политической экспансии (Голландия, Франция), только одной Англии, ставшей во главе всей мореходной техники, удалось выдержать без ущерба для себя в течение более ста лет эту клочкообразную систему.

Россия и США, а также Англия в Канаде применили систему Александра Македонского «от моря до моря». Анализу этой систе-

2. Обзор российской геополитической мысли

мы в применении к России и посвящена значительная часть работы автора.

Главным недостатком данного типа системы является следующий: «При громадной протяженности такой системы в широтном направлении всегда с того конца, откуда началась колонизация, находится гораздо более густо населенная и экономически более развитая территория, чем на противоположном конце» [там же, с. 15]. В случае с Россией ослабленный восточный конец, вклинивающийся между суровыми в климатическом отношении территориями севера Азии и исконными землями обширного государства многомиллионной желтой расы, создаст угрозы для существования самой системы «от моря до моря* в случае попытки желтой расы обрубить восточный конец (конец восточного меча России).

Выходом для России Семенов-Тянь-Шанский считал *увеличение численности населения и уровня экономического развития географического центра территории*. «Тогда крайняя восточная часть приблизится сама собой на несколько тысяч верст к сильной количеством населения и культурной средней части государства и, опираясь на такого своего непосредственного соседа, гораздо успешнее сможет выдержать борьбу с внешним врагом» [там же, с. 16]. При отсутствии подобного выравнивания вполне понятна, пишет автор, психология местных русских обитателей, нередко считавших себя там «временными жителями».

Целостность российского государства предполагает также изменение обычного географического представления, когда государство искусственно делят Уральским хребтом на совершенно неравные по площади Европейскую и Азиатскую части. Географ считал, что

следует выделить на пространстве между Волгой и Енисеем от Ледовитого океана до самых южных граней государства культурно-экономическую единицу в виде Русской Евразии, не считать ее никоим образом за окраину, а говорить о ней уже как о коренной и равноправной во всем русской земле, как мы привыкли говорить о Европейской России.

Сдвинуть культурно-экономический центр к истинному географическому центру можно двумя способами: 1) воспользоваться методом Петра Великого и перенести столицу, в данном случае в Екатеринбург; 2) образовать новые культурно-колониционные базы. Перенесение столицы пригодно, как отмечает автор, для примитивных времен государства, когда подобные эксперименты обходятся сравнительно дешево, но совершенно не пригоден «в

наш сложный век дороговизны». Образование культурно-экономических очагов, которые, «посылая свои лучи во все стороны, поддерживают настоящим образом прочность государственной территории и способствуют более равномерному ее заселению и культурно-экономическому развитию» [там же, с. 17—18].

Высказываясь о возможности федеративного устройства России, Семенов-Тянь-Шанский считал, что оно «было бы для нее безусловно гибелью в смысле могущественного владения» [там же, с. 23]. Нужно сказать, что речь шла о сохранении империи, в то время как демократические государства предполагают, как правило, федерацию как форму государственного административно-территориального деления.

2.6. Геополитическая концепция евразийства

Евразийство — это идейно-философское движение, возникшее в определенном слое русских эмигрантов в начале 1920-х годов и существовавшее до начала Второй мировой войны.

Среди наиболее известных евразийцев географ *П. Н. Савицкий* (1859-1968), филолог князь *К. С. Трубецкой* (1890-1938), историк *Г. В. Вернадский*, богослов *Г. В. Флоровский* (1893—1979) и др. Наиболее яркой фигурой среди евразийцев был П. Н. Савицкий.

На протяжении 1920—1930-х годов в Софии, Праге, Берлине и Париже были опубликованы многочисленные труды евразийцев, которые широко обсуждались в кругах русской эмиграции. В наше время интерес к их идеям возродился и стал определенным мировоззренческим водоразделом в спорах о целях и задачах российской государственности и геополитической доктрины страны.

Опираясь на программную работу евразийцев «Евразийство. Опыт систематического изложения», изданную в 1926 г., и работы П. Н. Савицкого, вычленим и охарактеризуем их *геополитический аспект*.

Основной геополитический тезис евразийцев: Россия — исключительная страна, непохожая на Европу и имеющая большое родство с Азией. Россия — это не Европа и не Азия, а отдельный, своеобразный, целостный и органичный мир.

Это самодостаточный мир, именуемый Россия-Евразия, географические и политические границы которого исторически со-

2. Обзор российской геополитической мысли

впали с границами Российской империи. Первопричина самодостаточности России-Евразии кроется в ее географическом положении и особенностях «месторазвития»²⁶.

Географическое положение России можно понять, если представить ее как часть Старого Света — некоего целостного единства, в котором противостоят окраинно-приморские области, простирающиеся от Китая до Западной Европы включительно, с одной стороны, и его внутренние районы — с другой. «Противоположение это поясняет механизм истории Старого Света в течение тысячелетия: помогает постичь соотношение между вступающим в определенную территорию творчеством «окраинно-приморских сфер» и передаточной в своем значении, усваивающей результат этого творчества и в движении кочевий и завоеваний сообщающей другим, столько же территориально «неподвижным» миром, «степной культурой» [Савицкий, 1997, с. 332].

Отрыв России-Евразии от Мирового океана породил особый уклад хозяйствования. Огромные размеры территории и наличие природных богатств постоянно подталкивают Евразию к осознанию своей экономической самодостаточности, превращению ее в автономный «континент-океан»²⁷.

Евразия в старом смысле слова, отмечают евразийцы, подразделяется уже не на Европу и Азию, а на:

- срединный континент, или собственно Евразию,
- два периферических мира:
 - азиатский (Китай, Индия, Иран);
 - европейский, граничащий с Евразией примерно по линии: реки Неман—Западный Буг—Сан—устье Дуная [Евразийство..., 1992, с. 41].

Последняя граница является водоразделом двух колониционных волн с Востока и Запада. Такое географическое положение России-Евразии способствовало объединению и синтезу двух начал Старого Света — Востока и Запада. Образовался новый тип культуры

²⁶ Концепция «месторазвития» Савицкого — одна из ключевых в евразийстве. Она очень близка к «органицистской» школе немецких геополитиков (Ратцель, Хаусхофер). Социально-политическая среда и ее территория, по Савицкому, представляют собой единое целое, «географический индивидуум или ландшафт». Это объединяющее начало России-Евразии при всей ее национальной, расовой, религиозной, культурной, языковой, идеологической мозаике.

²⁷ Заметим сходство данной центрально-периферической модели евразийцев с моделью хартленда Маккиндера.

с чертами материковой (континентальной) культуры в противовес океанической, а точнее, атлантической культуре Европы, Америки и, вообще, британо-атлантической модели развития. В России-Евразии осуществлен *синтез европейского и азиатского начал*.

Срединный континент стал плавильным тиглем для славяно-тюркских народов, сформировавших в результате органический сплав российского суперэтноса, его культуру. Следовательно, евразийская культура — синтетическая. «Надо осознать факт: мы не славяне и не туранцы (хотя в ряду наших биологических предков есть и те, и другие), а русские» [там же, с. 39].

Позднее *Л. И. Гумилев* назвал исторически складывавшийся в Евразии тип культуры скифско-сибирским «степным» стилем [Гумилев, 1990, с. 38].

Самобытность евразийской культуры состоит не только в том, что это особый этнический тип, но и в том, что Россия оказалась едва ли не единственной хранительницей православия по восточному, греческому образцу. *Н. Трубецкой* считал *православие стержнем евразийской культуры*. Оно силою своего горения переплавало татарское иго во власть православного русского царя и превратило улус Батыея в православное Московское государство.

Русскую культуру отличает от других культур соборность, народность, ее цель состоит в исторической миссии сохранить и множить духовные основы человечества.

Следует отметить, что евразийцы выступали против панславизма, говоря, что он был создан поборниками российской великодержавности по подобию пангерманизма. Они поддержали «формулу» Леонтьева: славянство есть, славизма нет. В «Опыте систематического изложения» евразийцы писали: «Только К. Леонтьев решился формулировать выводы своего богатого и непредвзятого опыта и мужественно выступить против растворения русской культуры в отвлеченном и романтическом панславизме. На его слова также никто не обращал внимания, как и на — пускай часто даже поверхностные, но все же непредвзятые — впечатления иностранцев. А иностранцы не смешивают русскую культуру ни с европейской, ни со славянством. Они воспринимают Москву, русский быт, русское искусство, русский психический уклад как «Азию», хотя, конечно, и отличают эту «Азию» от Индии или Китая. Для иранцев же русские — преемники Турана» [Евразийство..., 1992, с. 38].

Самобытность русской культуры, подчеркивали евразийцы, не в панславистской идее, а прежде всего в уравнивании двух антагонистических векторов — Европы и Азии.

2. Обзор российской геополитической мысли

Тем не менее из этих двух векторов Европа — это явный враг, бич человечества, главный источник кризиса, а Азия — родственник России. «Надо не уставать подчеркивать родство азиатских культур с евразийской и их давнее интимное взаимообщение» [там же, с. 66]. Не случайно, не ошибочно, что Россия отворачивается от Европы и поворачивается лицом к Азии, отмечали евразийцы.

Почему Европа в евразийстве выступала врагом России? Но ряду причин:

- Европа — враг потому, что ее общественное устройство базируется на индивидуализме и личных правах (т.е. эгоизме), а не на соборности и братской любви.

- Европейские понятия эволюционной лестницы и прогресса, применяемые к истории общества, — понятия глубоко эгоцентрические. В романо-германском мышлении исторический процесс предстает как единая линия, тогда как евразийцы представляют его в виде «пучка лучей и не связкой параллелей». Предшественник евразийцев Леонтьев понимал прогресс не как движение от простого к сложному, а как движение, исходящее от устойчивости и стабильности и направленное к их упрочению.

- Неприемлемы для евразийцев и формы европейской собственности. «В России собственность всегда рассматривалась с точки зрения государства, к тому же религиозно-этической... Мы говорим о «функциональной» собственности или о собственности, обусловленной государством, т.е. проистекающей от него и связанной с обязанностью по отношению к нему» [там же, с. 73].

- Евразийцы выступали против европейской парламентской демократии, выродившейся, по их мнению, в олигархию, против слабости государства и европейского либерализма в целом. Савицкий считал, что евразийское государство должно строиться как идеократия, т.е. отправляясь от изначально духовного импульса, сверху вниз. Во главе этой структуры должен стоять особый класс «духовных вождей». В связи с этим он ввел понятие «географическая личность». Достоинство такой личности состоит в способности подниматься над материальной необходимостью, органически включая физический мир в единый духовно-созидательный импульс глобального исторического процесса (делания)²⁸.

²⁸ П. Н. Савицкий не уточняет понятие «идеократия». Вполне возможно ее воплощение в самых различных формах: теократии, «народной монархии», национал-диктатуре, партийном государстве.

- Все попытки европеизации России, особенно связанные с реформами Петра I, оценивались евразийцами негативно. Считалось, что лишь по недоразумению Россия примкнула к Европе. «Покидая» Европу после 1917 г., революций и гражданской войны, страна возвращается к самой себе. Первый сборник евразийцев так и назывался — «Исход к Востоку» (София, 192J). Его главная идея: будущее России в том, чтобы возглавить всемирное антиевропейское движение.

Что касается Азии, то представления о ней у евразийцев были скорее романтико-символическими, абстрактными, чем конкретными и объективными. Они возлагали большие надежды на плодотворность «исхода к Востоку», т.е. на взаимодействие России с азиатскими культурами.

Азицентризм евразийцев особенно явно проявился в объяснении корней русской государственности и русского этноса. Савицкий писал, что без «татарщины» не было бы России, что неверно вести отсчет развития России от Киевской Руси, что якобы татарское нашествие прервало развитие последней.

Несмотря на достижения Древней Руси в XI—XII вв., в ней происходил процесс культурного и политического измельчания. К первой половине XIII в. относительное политическое единство сменилось удельным хаосом. *В геополитическом плане Киевская Русь расценивалась провинциальной.* Поэтому она может рассматриваться лишь как колыбель России-Евразии. «Великое счастье России, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам и никому другому. Татары — «нейтральная» культурная среда, принимавшая «всяческих богов» и терпевшая «любые культуры», пали на Русь как наказание Божис, но не замутили чистоты национального творчества. Если бы Русь досталась туркам, заразившимся «иранским фанатизмом и экзальтацией», ее испытание было бы намного труднее, а доля горше» [там же, с. 333—334J. Савицкий отмечал, что благодаря татаро-монгольскому нашествию Россия обрела свою геополитическую самостоятельность и сохранила свою духовную независимость от агрессивного романо-германского мира.

Евразийцы считали, что «впервые евразийский культурный мир предстал как целое в империи Чингисхана» [там же, с. 45].

Подъем Русского государства с середины XV в. и до середины XVIII в. характеризуется восхождением Московского государства в качестве преемника и наследника Золотой Орды. Чингисхан, считали евразийцы, стоит у истоков грандиозной идеи единства и суверенитета Евразии, тогда как киевская идея провинциальна.

2. Обзор российской геополитической мысли

Таким образом, в работах евразийцев явно проводится ключевой их тезис о том, что *азиатский фактор играл более существенную роль, чем славянский, в формировании и государственности, и российской концепции культуры.*

Рост и укрепление Российской империи завершили территориальное объединение Евразии. Включение Туркестана в состав России и строительство транссибирской железной дороги соединили всю территорию «континента-океана». Этого объединения, считали евразийцы, хотел народ, навязавший свою волю большевикам, которые и обеспечили единство Евразии. То, что раньше называлось Российской империей, стало называться СССР. Совокупность народов, населяющих это государство, нужно рассматривать в качестве особой многонародной нации. Эту нацию Трубецкой называл евразийской, а национализм — евразийством.

Идеи евразийцев подвергались серьезной критике по многим направлениям. В его отношении к Востоку и Западу имеется сходство со спорами западников и славянофилов. В конце XIX в. дискуссия возобновилась. Многие философы, политики, люди искусства и литературы были настроены антиевропейски. Так, *Ф. М. Достоевский* писал: «Россия, положим, в Европе, а главное — в Азии. В Азию! В Азию!!!» [см.: Зеньковский, 1997, с. 116]. Тогда же оживились дискуссии, которые продолжали спор между славянофилами и западниками.

На наш взгляд, современник этих полемик известнейший русский философ *В. С. Соловьев* поднялся над крайними полюсами этого спора. Этот выдающийся мыслитель развивает глобально-исторический подход к содержанию и прояснению модного тогда понятия «русская идея». Он стремится к познанию «русской идеи» в контексте трех «мировых идей», которые выделил Достоевский: «идея католицизма», «старого протестантизма» и «русская идея».

Среди отвергаемых Соловьевым суждений — мнение тех, для кого идеалом была старая, допетровская Русь. Критической оценке подвергается также «национальный партикуляризм», видящий благо России в ее изоляции от других народов, а точнее — от Запада. Соловьев понимал, что идеи изоляционизма далеки от реальной истории России. Он говорил, что если бы новгородцы в IX в. придерживались антиевропейских или любых изоляционистских идей, то не было бы российского государства. Если бы изоляционистские идеи разделял Владимир Киевский, то Русь не стала бы христианской. И если бы Петр Первый не проводил западнически ориентированных преобразований, то не было бы теперешней России и ее культуры. Национализм, изоляционизм, мессианство Соловьев не принимал не только из философских, но прежде всего морально-религиозных соображений.

Таким образом, еще задолго до трудов евразийцев была предопределена отрицательная оценка их основных положений. Нужно отметить, что в евразийстве, направленном против Европы (европейского общественного уклада), было много искусственных конструкций.

По крайней мере основа евразийства — идея о существовании целостной евразийской нации, развивающейся на почве объединяющей идеи православия, так же как и более позднее учение о советском народе, оказалась не более чем идеальным (желаемым) образом.

Эта идея перекликалась, как это может быть неприятно евразийцам, с фашистской идеей национальной исключительности. Однако, как показала историческая практика, цивилизационные различия внутри имперской России не только не были синтезированы, но, наоборот, оказались инерционными и обратимыми.

Характерной чертой современного развития России стало стремление значительных слоев населения войти в семью европейских народов Запада. Европейская идентичность рассматривается как условие демократических ценностей и всесторонней модернизации России.

2.7. Краткий обзор тенденций в современных геополитических исследованиях в России

После снятия в демократической России политического табу на геополитику с конца 1980-х годов начался бум исследований в этой области знания. Появилось огромное количество работ политологов, историков, географов и экономистов чрезвычайно разнообразной тематики, близких к геополитическому и военно-стратегическому анализу.

Однако в первых работах практически не использовались геополитическая теория и терминологический аппарат этой области знания, потому что теоретические работы зарубежных авторов оставались неизвестными.

До этого на русский язык были переведены немногие работы западных геополитиков: Ф. Ратцеля «Политическая география» (1898; 1899); А. Т. Мэхэна «Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю (1793—1812)»; «Влияние морской силы на историю (1660-1783)».

В первой половине 1990-х годов появились *обзоры трудов за-*

2. Обзор российской геополитической мысли

надных ученых в области преимущественно довоенной геополитики. Это, например, работы: «Геополитика: теория и практика» (1993); Т. В. Адрианова «Геополитические теории XX в. (социально-философское исследование)» (1996); К. С. Гаджиев «Геополитика» (1997) и другие работы.

Геополитика неонационал-большевиков

По числу издательской активности даже на фоне громадной геополитической литературы 1990-х

годов резко выделяются работы **А. Г. Дугина** и авторов, тяготеющих к редактируемому им геополитическому журналу «Элементы. Евразийское обозрение» и к издательству «Арктогея». Работы этого направления широко распространяются в сети Интернет.

По существу Дугин создал *идеологию крайне правых для России*, а геополитику использовал как *один из основных своих методов (наряду с другими) обоснования крайне правого политического сознания*. В книге Дугина «Консервативная революция» (1994) наиболее ясно изложены основы его мировоззрения. В ней он называет немецких «консервативных революционеров» духовными отцами Третьего пути, разрабатываемого им для современной России. Особенно адекватны российским условиям, считает Дугин, представления национал-большевистского толка Эрнста Никиша и уроки Карла Шмитта. Дугин выделяет *пять уроков для России* (изложим их в адаптированном виде):

- Шмиттовское понимание истории — «почвенное», «укорененное», «органическое»; наличие «воли единого народа».
- Определенность поляризации российского общества на «друзей» и «врагов», включая «врагов народа».
- Признание «исключительных обстоятельств» и необходимости принятия Решения.
- Ясное осознание, что «врагом» для России являются США и Англия.
- Необходимость «партизанских действий» («только фигура русского Партизана показывает нам путь к русскому будущему через крайнюю форму сопротивления, через переступание искусственных юридических норм, не соответствующих истинным канонам Русского права» [Дугин, 1994, с. 67—68]). Автор пишет: «Но наиболее полным и тотальным воплощением (хотя надо признать, что и не самым ортодоксальным) Третьего пути был германский национал-социализм» [там же, с. 14].

Раздел I. Геополитика

В работах национал-большевиков предпринята попытка синтеза, по крайней мере, трех представлений: идей «консервативной революции» о Третьем пути, теории континентального блока (ось Берлин—Москва—Токио) и неоевразийства. И это не случайно, потому что евразийская «диаспора» была чрезвычайно близка к консервативным немецким революционерам по способу мышления и концепциям.

В работах дугинского направления антизападничество носит абсолютный характер и не подлежит преодолению. Объяснение этого рокового противостояния достаточно односложно основано на неснимаемом конфликтном противоречии, существующем во все эпохи и на всех уровнях, между цивилизацией Моря и цивилизацией Суши, между талассократией (современный атлантизм) и теллуократией (современная Евразия).

Неснимаемый фундаментальный дуализм опирается на тексты и «законы» отцов — основателей геополитики, которые, как это ни парадоксально звучит в контексте национал-большевистского построения, происходили из атлантистских стран начала и середины XX в., а отнюдь не из среды германского национал-большевизма.

Геополитик *Р. Ф. Туровский*, на наш взгляд, правильно замечает: «В то же время тезис об извечной борьбе между талассократией и теллуократией несостоятелен, так же как практически невозможны идеальные типы этих государств. Талассократия все равно старается прирастать сушей (можно вспомнить борьбу Венеции за *Terra Firma* — «твердую землю» в начале XV в. в соперничестве с внутриконтинентальным Миланом), поскольку она нуждается в суше как источнике ресурсов. Теллуократия тем временем пытается обрести выход к морю, который дает ей возможность свободно общаться с внешним миром (пример России). История показала: в чистом виде морские и континентальные державы недолговечны и неконкурентоспособны» [Туровский, 1999, с. 36].

Еще в начале XX в. *Видаль де ла Блаш* обоснованно считал неизбежным преодоление противоречий между морскими и континентальными державами, доводы которого приводились нами при обзоре идей французской геополитики. Не менее убедительны факты сотрудничества цивилизаций Суши и Моря в самые критические моменты новейшей истории. Это — *блок Антанты* (Тройственное согласие), который оформился в 1904—1907 гг. и объединил в ходе Первой мировой войны против германской коалиции более 20 государств. Он включал Великобританию (талассократия),

2. Обзор российской геополитической мысли

Францию (в большей степени талассократия, чем теллурократия), Россию (теллурократия), позже и США (талассократия). *Антигитлеровская коалиция* включала СССР (теллурократия), США (талассократия), Великобританию (талассократия), Францию (в большей степени талассократия, чем теллурократия), Китай (теллурократия) и другие страны.

Прекрасный *пример неуниверсальности конфликтологической ветви* (а это лишь одна ветвь, хотя и наиболее развитая) геополитики — единая Европа в рамках Европейского Союза. *Мишель Фуше* называет Европу геополитической лабораторией. «Это первая и наиболее прогрессивная из многогосударственных систем, основанная на добровольном союзе древних государств-наций, совокупность которых представляет собой нечто большее, чем составляющие ее части. Беглый взгляд на Азию показывает, что в этой части мира, все еще привязанной к силовым играм, присущим Европе XIX в., хрупкое равновесие поддерживается лишь благодаря присутствию иностранного арбитра, располагающего мощным вооружением, — Соединенных Штатов Америки» [Фуше, 1999, с. 151].

Один из важнейших краеугольных камней в пользу неоевразийства — существование евразийской цивилизации — не более чем миф. Не состоялась эта цивилизация даже в условиях большевизма, не было никакой евразийской «сверхкультуры» и никакого славяно-тюркского суперэтноса. Развал империй, как показали исследователи (А. Тойнби, Г. П. Федотов и др.), — это прежде всего результат внутреннего надлома и антагонистических противоречий внутри империи, а не проявления внешнего контроля.

Конфликтологическая идеология национал-большевиков²⁹ делает невозможным искреннее сотрудничество с западными странами, что явно противоречит намерениям как на Западе, так и в СССР в деловом сотрудничестве, в развитии России по демократическому пути, в недопущении анархии и создания террористических гнезд и утверждения наркомафии и других антисистемных сил, угрожающих существованию открытого общества, прогрессу и правам человека.

Неоевразийство Л. Н. Гумилева и его последователей Первая волна интереса к евразийству, как нам уже известно, поднялась в Русском зарубежье в 1920—1930-е годы. Тогда в центре внимания адептов этой концепции были не глобальные геополитические проблемы, а судьба России, «русская идея». Повторимся, что евразийцы исходили из того, что Евро-

па и Запад в целом исчерпали свои духовно-исторические потенции. На смену им шла мессианская Россия как самобытная евразийская цивилизация. Основателем геополитической части евразийства был Савицкий, идеи которого оказали огромное влияние на крупнейшего российского географа и историка **Л. Н. Гумилева**.

Хотя сам Гумилев в своих работах геополитические темы непосредственно не затрагивал, его теория этногенеза и этнических циклов имеет глубокий геополитический смысл для формирования российской геополитической науки.

Гумилев довел до предела идею старых евразийцев (того же Савицкого) о том, что *русские — это не просто ветвь восточных славян, а особый этнос, сложившийся на основе тюрко-славянского слияния*. Татаро-монголы в его концепции выступают не в качестве поработителей, а в роли хранителей русского государства от католической агрессии Европы.

Эта идея продолжает оставаться аксиомой для ряда современных Санкт-Петербургских географов, основываясь на которой они повторяют многократно опубликованные мысли об азиатском компоненте, придерживаются тюркофилии в своих геополитических построениях, забывая иногда, что Азия — это не только «Туран» старых евразийцев, но и Китай, который имеет очень серьезные внутрисполитические проблемы с «тюркским» компонентом, Япония и т.д.

В свое время публицист и историк *П. Н. Миллюков* в дискуссии с евразийцами писал, что Россия, несмотря на свое положение в Европе и Азии, по своим глубинным корням византийско-греческое, славянское и европейское государство. Европеизация России — это не продукт заимствования, а результат внутренней эволюции, одинаковой с Европой, но лишь задержанной по условиям среды. Эти тормозящие «условия среды» были обусловлены азиатчиной, поскольку Россия брала далеко не лучшее, чем была богата Азия [Вехи, 1991].

В качестве *причин этногенеза* как естественного процесса, т.е. рождения народа или государства, Гумилев выдвинул

²⁴ Декларация о создании национал-большевистской партии, в которой говорится о том, что в России «период сопротивления закончился, начинается период национального восстания», «установление нового порядка, основанного на национальных и социальных традициях русского народа», была подписана Э. Лимоновым и А. Дугиным в 1993 г.

2. Обзор российской геополитической мысли

«пассионарный толчок» как результат извержения «избыточной биохимической энергии биосферы», не поддающегося никакой периодизации [Гумилев, 1989, с. 755]. Это необъяснимый синхронный всплеск биологической и духовной энергии. По мере убывания уровня пассионарности этнос деградирует.

Великороссы, по утверждению Гумилева, являются относительно «молодым» этносом, сплотившим вокруг себя суперэтнос евразийской империи. В то же время западная цивилизация находится в последней стадии этногенеза, является конгломератом «химических» этносов. Центр тяжести неизбежно должен переместиться к более молодым этносам.

В этой «стройной» теории *недостает одного и самого важного научного критерия — критерия возраста этноса*. Если, например, вести отсчет возникновения этноса, формирующегося на территории США, с момента всплеска его пассионарности, породившей войну за Независимость (1775—1783), а новый французский этнос с Великой Французской революции, то эти два этноса будут гораздо моложе евразийского.

Таким образом, и неоевразийцы, не входящие непосредственно в дугинскую геополитику, опираются на географический детерминизм и противопоставление «торгашеской» атлантистской и находящейся по своему возрасту в стадии загнивания (в «зоне обскурации») цивилизации, с одной стороны, и более молодой евразийской цивилизации — с другой. Следовательно, и здесь мы сталкиваемся с возведением в абсолют противоречий России (а в будущем воссозданной евразийской империи) с Западом и ее лидером в лице США. Неоевразийцы тем не менее признают возможность геополитического компромисса с Западной Европой при условии ее переориентации на антиамериканские позиции.

Русско-националистические геополитические идеи

Те из антизападников, которые не примкнули к неоевразийству (публикации в журналах «Третий Рим»,

«Русский геополитический сборник», «Наш современник»), исходят из того, что союз с тюрками и мусульманами опасен для России хотя бы в связи с различиями демографических тенденций между ними. Из-за резко превышающего естественного прироста тюрков и мусульман в сравнении с Россией последняя просто растворится в евразийском котле. Авторы-антизападники, не примкнувшие к неоевразийству, наиболее всего почитают труды Дани-

левского, в которых проповедовались глубокие культурные различия между Западной Европой и Россией, «научно» обосновывалось, что Россия — это особый мир, естественными союзниками которого являются все православные народы. Известно, что Данилевский выступал за создание православно-славянского геополитического союза, противостоящего и Западу, и Востоку.

Современный автор-публицист *И. Кузьменко* сформулировал геополитику русского национализма следующим образом: «Собрать Русь, исходя из принципа «максимум Русских на максимуме территории», но безоговорочно исключить все пограничные нерусские области, особенно на Северном Кавказе, воссоединить исконно Русские (украинские, белорусские) и освоенные Русскими земли. Установить Русские границы. К началу следующего века Русский народ может закрепиться примерно на такой линии: Пруссия — Белосток — Люблин — Михайловцы — р. Тисса — Сороки — Бендеры — р. Дунай — Зеленчукская — р. Кубань — Эльбрус — Прохладный — р. Терек — Шевченко — о. Арал — Аральск — о. Тенгиз — о. Алаколь — китайская граница. Что касается пожеланий восстановить «империю» в границах 1917 года, то эта фантазия испаряется уже из умов самых твердокаменных «империалистов» [Кузьменко, 1994, с. 11].

Другие представители этой «школы» видят в верных союзниках России Китай. Так, *А. В. Бедрицкий* пишет: «Не исключено, что скоро мы будем свидетелями возрождения германского национального духа, и кто только знает, хватит ли ему мудрости отказаться от необоснованных восточных амбиций. Китай и Россия — крупнейшие государства Евразии, и, как ни странно, им практически нечего делить. Существует, конечно, известная опасность демографической экспансии в Русскую Сибирь или же Казахские степи, но будем помнить, что за весь более чем длительный период истории, когда русских еще и не было на берегах Амура, Китай не стремился к экспансии на север. Естественный противник и у России, и у Китая один» [Бедрицкий, 1998, с. 6].

Националистические представления преимущественно эмоционально-публицистического оттенка в российской геополитике формируются в широчайшем диапазоне иногда в очень причудливых мотивировках доводов своей правоты, но практически всегда имеют антизападную направленность, иногда даже истерического характера. Эту их черту и подчеркивание русской исключительности среди народов мира можно (в мягкой форме) объяснить обидой в связи с резким понижением экономического, геополитического и идеологического статуса России в мире. Их проск-

2. Обзор российской геополитической мысли

ты нередко оторваны от реальностей: в результате кризиса социалистической системы и последующих трансформаций доля валового внутреннего продукта России составляет около 1,7—1,8% от суммарного продукта мира. Только вследствие одного этого «громадь» геополитических планов объективно замещается геоэкономическими проблемами, в решении которых немислим разрыв России с Западом. Последний существенно трансформировался со времен «анаконды» Мэхэна, сэра Маккиндера, Спикмена и даже вовсе не отражает ретроградские, хотя и очень «научные» взгляды Бжезинского, известного русофоба.

Незападники в российской геополитике пока не проявились. Они занимались публицистикой, подчас очень хлесткой, поддерживали *западническую внешнюю политику* России в начале 1990-х годов, или доктрину Козырева (по фамилии министра иностранных дел того времени), ориентированную на всестороннее укрепление отношений с Западом.

Успешность российских реформ и сейчас во многом определяется не конфронтацией, а поисками путей сотрудничества с Западом, с его триадой: на дальнем западе — с США, на ближнем западе — с Европой, на дальнем востоке — с Японией. При этом ни в коем случае не игнорируются другие страны, особенно могучие соседи — Китай, Индия, Новые индустриальные страны.

Скорее не геополитическая ситуация, а риторика в России с 1990-х годов менялась достаточно динамично, которая недостаточно учитывала потребности формирующегося гражданского общества и провозглашенного *М. С. Горбачевым* и *Б. Н. Ельциным* демократического государства. Появилось такое разнообразие концепций и проектов, что восприятие их в реальном социальном универсуме России затруднялось, не говоря уже об их реализации. Тем не менее имеются *работы и рекомендации, направленные не на идеологическое противостояние, а на научное объяснение геополитического положения России в мире.*

Так, **В. Л. Цымбурский** предложил концепцию «острова России», предлагающую определенное дистанцирование от международной геополитики. Автор отмечает неудачу российского «напора на Европу», который продолжался на протяжении трех столетий и закончился, по мнению Цымбурского, геополитической маргинализацией страны. Он предлагает уйти от прозападных, евразийских и «третьемировских» искушений. Благие пожелания налицо, по при этом очень дискуссионным вопросом остаются истинные причины маргинализации России. Конечно, если прививку марксизма в форме ленинизма-сталинизма внести на равных основаниях с другими «напорами на Европу», то маргинализация России была неизбежна, но Цымбурский «объективен», «внеидеологичен».

Раздел I. Геополитика

Но не только этот пункт уязвим. По Цымбурскому, главной задачей считается интенсивное саморазвитие на «острове» и освоение восточных — зауральских территорий. Автор выступает за признание нынешних границ России, отказ от внешней экспансии (очевидно, автор против стремления к возвращению к границам бывшего СССР) и «глобальной миссии» России, а приоритет в решении внутренних геополитических проблем отдает освоению существующей территории (Цымбурский, 1993, 1994).

Согласно этому предложению определенное дистанцирование России от международных дел якобы позволит ей интенсивно саморазвиваться на «острове». Конечно, это утопическая и нарочито дискуссионная схема. Если даже в геополитической сфере теоретически это допустимо, то во внешнеэкономической сфере изоляция просто губительна, поскольку, во-первых, потеря времени на «обдумывание» стратегии в условиях ускоренного мирового экономического развития обрекает Россию на вечное догоняющее развитие.

Во-вторых, для решения масштабных задач нашей страны необходимы огромные инвестиции, значительная часть которых может быть привлечена только за счет частных инвесторов зарубежных государств. Но главное (принципиальное), в-третьих, заключается в том, что изолированная страна лишается механизма социально-экономического развития в форме жесткой международной конкуренции. Одной из задач плана Маршалла было создание Европы как конкурента США. Это глубокое понимание основного механизма прогресса современной экономики.

Итак, в данном изложении приведены некоторые наиболее значимые геополитические российские концепции 1990-х годов. В последнее время стали говорить о необходимости *консенсусной, умеренно-патриотической (государственной)*, «новой?» (поставим знак вопроса) *геополитической модели развития России, избегающей крайностей национал-большевизма, неоевразийства, русского национализма западничества. В научной литературе практически отсутствует.*

Геополитика взаимодействия

Один из авторов данного учебника суть новой геополитики видит

как *геополитики взаимодействия* [Колосов, 1992].

Система категорий геополитики с переходом от оценки главным образом соотношения политических и военных сил государств и их коалиций к более широкому исследованию взаимозависимости быстро расширяется. Помимо старых понятий — *сферы влияния, баланс сил, страны-сателлиты, буферная зона, маргинальный пояс* — теперь используются такие, как *динамическое равновесие, равновесие интересов, интеграция-дизинтеграция*, и другие термины и понятия. Более того, изменилось и содержание старых геополитичес-

2. Обзор российской геополитической мысли

ких категорий (географическое положение, расстояние, свойства геопространства и т.п.). Однако это вовсе не означает уменьшения влияния географических факторов в целом на международные отношения: падение роли одних сопровождается модификацией или усилением других, возникновением новых.

Геополитика взаимодействия субъектов международных отношений отличается следующими коренными чертами:

- Акцент на взаимодействие между территориальными системами (государствами, их коалициями, регионами и т.д), а не только на различия и конфликты между ними.

- «Многомерность», несводимость только к политическим, военным, экономическим аспектам, необходимость новых культурологических и иных подходов.

- Изучение новых субъектов политической деятельности на мировой арене: транснационального бизнеса, правительственных и неправительственных международных организаций, националистических, сепаратистских движений, а также политических движений народов, не имеющих государственности и расселенных по территории нескольких стран, влиятельных диаспор, партизанских и подпольных движений, террористических организаций. Нынешняя национально-государственная система организации общества испытывает серьезный вызов со стороны процессов транснационализации и глобализации, заставляющий искать новые институциональные рамки, соответствующие новым условиям и задачам, что включает, разумеется, и территориальный аспект.

- Анализ предпосылок и результатов деятельности международных и наднациональных организаций и группировок, нового геополитического положения государств в их рамках, поиск оптимальных пространственных уровней и рамок для реализации политических решений.

- Изучение взаимозависимости между геополитическими факторами, проявлениями социально-экономических и экологических кризисов, особенно в странах мировой «периферии» (в странах Африки, Латинской Америки, Южной Азии и т.д.).

- Внимание к «новым измерениям», которые приобрела в последние годы проблема территориально-государственного размежевания, в частности, в связи с распадом многонациональных государств и разграничением акваторий Мирового океана и Антарктиды.

- Разработка геополитических сценариев будущего, прежде всего нового глобального геополитического порядка, переход к которо-

Раздел I. Геополитика

му начался в 1989 г. в результате революций в бывших социалистических странах.

Контрольные вопросы

1. Назовите геополитические периоды развития России от Киевской Руси до наших дней в контексте преимущественных связей с Европой и Азией.
2. Назовите причины периодов оторванности геополитического развития России от Европы.
3. Каковы предпосылки и смысл идеологии «Москва — Третий Рим»?
4. Охарактеризуйте принципиальные расхождения во взглядах на развитие России западников и славянофилов XIX в.
5. Каковы история и участь панславизма?
6. Раскройте основное содержание труда В.П. Сменов-Тянь-Шанского «О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии».
7. Какое место в концепции евразийства занимает понятие «месторазвитие»?
8. Каковы представления евразийцев о синтезе европейского и азиатского начал в России-Евразии?
9. Охарактеризуйте отношение евразийцев к татаро-монгольскому нашествию и покорению России.
10. В чем состоят основные антиевропейские (антизападные) доводы евразийцев?
11. Дайте собственную оценку геополитическим взглядам евразийцев.
12. Определите ваше отношение к национал-большевистской геополитике А. Г. Дугина и его единомышленников.
13. В чем состоят основные идеи теории этногенеза Л. Н. Гумилева? Как вы относитесь к подходу Л. Н. Гумилева в определении возраста этносов?
14. В чем отличие национал-большевистских от русско-националистических геополитических идей?
15. Назовите основные черты геополитики взаимодействия. Могли бы вы дополнить эту концепцию новыми формами взаимодействия между субъектами геополитических отношений?

Использованная литература

1. *Бедрицкий А. В.* Империи и цивилизации//Русский геополитический сборник. 1998. № 3.
2. *Вехи.* Интеллигенция в России//Сб. статей (1909-1910). М., 1991.
3. *Гершензон М. О.* Славянофильство//Вопросы философии. 1997. № 12.
4. *Гумилев Л. И.* Этногенез биосферы Земли. Л., 1990.
5. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 1991.

2. Обзор российской геополитической мысли

- в. Дугина А. Г. Консервативная революция. М., 1994.
7. *Евразийство*. Опыт систематического изложения//Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992.
 8. *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа. М., 1997.
 9. *История России*. Россия в мировой цивилизации/Ред. А. А. Радугин. М., 1998.
 10. *Ключевский В. О.* Русская история//Полный курс лекций: В 3 кн. М., 1993. Кн. 2.
 11. *Колосов В. А.* Территориально-политическая организация общества (автореферат докт. дисс.). М., 1992.
 12. *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М., 1993.
 13. *Кузьменко И.* Геополитика Святой Руси//Третий Мир. 1994. № 1.
 14. *Ламанский В. И.* Три мира Азийско-Европейского материка/Под ред. Г. М. Князева. Пг., 1916.
 15. *Леонтьев К. Н.* Панславизм и греки//В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М., 1997.
 16. *Лосский Н. О.* Характер русского народа. М., 1990. Кн. 2.
 17. *Лосский Н. О.* История русской философии. М., 1992.
 18. *Русское православие*. Вехи истории. М., 1989.
 19. *Савицкий П. Н.* Континент Евразия. М., 1997.
 20. *Семенов-Тянь-Шанский В.* О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии. Пг., 1915.
 21. *Соловьев В. С.* Собр. соч. СПб., 1911. Т. 11. С. 89-118.
 22. *Трейвиш А. И.* Российская геополитика от Гостомысла до наших дней: Краткий обзор идей и фактов//Знание—сила. 1995. № 8.
 23. *Трубецкой Н. С.* Исход к Востоку //Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992.
 24. *Туровский Р. Ф.* Политическая география. М.; Смоленск, 1999.
 25. *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. СПб.; София, 1995. Т. 1.
 26. *Фуше М.* Европейская республика. Исторические и географические контуры: Эссе. М., 1999.
 27. *Хронология российской истории*. Энциклопедический справочник (Larousse). М., 1994.
 28. *Цымбурский В. Л.* Остров Россия//Полис. 1993. № 3, 5.
 29. *Цымбурский В. Л.* Метаморфоза России: новые вызовы и старые искушения//Вестник Московского университета. Сер. «Социально-политические исследования». 1994. № 4.
 30. *Цымбурский В. Л.* Геополитика для «евразийской Атлантиды»//Pro et Contra. 1999. Т. 2. № 3.
 31. *Цымбурский В. Л.* Народы между цивилизациями//Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4.
 32. *Чубарьян А. О. А. М.* Горчаков и Европа//Канцлер А. М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998.
 33. *Gallois P. V.* Geopolitique. Les voies de la paissance. Paris, 1990.

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА МИРА С ЭПОХИ ВЕЛИКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

3.1. Геополитика и понятие империализма

Современная геополитическая структура мира имеет глубокие исторические корни. Положение стран в нынешней мировой системе формировалось на протяжении почти пяти столетий, начиная с первого передела мира в 1494 г. (Тордесильяский договор и его «продолжение» — Сарагосский договор, 1529 г.) между Испанией и Португалией. Европейская глобальная экспансия заложила основы центрo-периферического строения мира, в основе которого лежит механизм территориального расширения и подчинения. Этот общий мировой политический процесс колонизации достиг своего апогея в эпоху империализма (от лат. *imperium* — имеющий власть, сильный, могущественный).

Как научное понятие империализм означает политическую систему, объединяющую под началом жесткой централизованной власти этно-национальные и административно-территориальные образования на основе отношений «метрополия—колония», центр—провинции, центр—национальные политические образования.

Классическая теория империализма изложена *В. И. Лениным* в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916). В своем анализе эпохи империализма Ленин опирался на два источника: на труды австрийского марксиста *Р. Гильфердинга* и британского писателя-либерала *Дж. Гобсона*. У первого он заимствовал и развил идею о роли финансового капитала в новой, империалистической эре, когда промышленный и финансовый капиталы объединились в одну систему, которая нуждалась в государствен-

3. Формирование геополитического пространства мира...

ной поддержке и получении территорий как мест дешевой рабочей силы, инвестирования и рынков сбыта. Для Гобсона «стержень» империализма был избыточный капитал в странах-метрополиях, ищущий инвестиционные выходы на окраины империй.

Европейские страны с небольшим населением, занимавшие небольшие территории, «распустили щупальца» по всему земному шару. *Формы влияния метрополий в колониях и доминионах выражались:*

- в формальной политической зависимости последних;
- в использовании дешевой рабочей силы на отсталых территориях;
- во внедрении таможенной и налоговой политики, в результате которой на колониальных рынках создавались преимущества для товаров господствующей страны и тормозилось промышленное развитие подчиненных стран;
- в сильной зависимости периферии от внешних рынков, в частности в связи с создававшейся в ней монокультурной специализацией;
- во внедрении иностранного капитала в различные сферы хозяйства колоний.

«Это был заокеанский империализм» западноевропейских стран. Так его с пространственной точки зрения оценивает Бжезинский (1998). Небольшое число западноевропейских стран завладело почти всем миром, исключая Россию, Китай, Оттоманскую империю, Японию, Эфиопию и некоторые другие менее значительные с геополитической точки зрения территории.

Однако, как отмечают многие исследователи, а Бжезинский на этом акцентирует внимание, на протяжении всей мировой империалистической истории ни для одного из европейских государств оказалось невозможным покорить все другие европейские государства, хотя такие попытки предпринимались. Поэтому, замечает Бжезинский, ни одна из западноевропейских метрополий не может называться мировой державой. «Даже Великобритания не была настоящей мировой державой. Она не контролировала Европу, а лишь поддерживала в ней равновесие сил» [Бжезинский, 1998, с. 32]. И только США, как пытается доказать этот известный американский геополитик, контролируя не только все мировые океаны и моря, но и Западную Европу, стали первой на-

стоящей мировой державой³⁰. О современных притязаниях США на роль единственной мировой державы в интерпретации геополитиков мы остановимся позже. Просто это немаловажное замечание об истинности мировой гегемонии полезно для понимания некоторой ее условности.

Некоторые империи не были заморскими, они распространили свое влияние в пределах Мира-Острова (в понимании Маккиндера) или незначительной его части: Российская, Оттоманская, Австро-Венгерская.

Говоря об империализме, следует подчеркнуть, что

неевропейский колониальный мир не смог бы существовать, если бы его элиты не сотрудничали с государствами-метрополиями, помогая им воспроизводить империалистические отношения. Незначительная по населению и территории Европа не смогла бы без такого сотрудничества контролировать такую огромную периферию с относительно небольшим привлечением военных сил. Ясно, что британский контроль над Индией был невозможен без обоюдного сотрудничества.

Известный уже нам исследователь *Й. Галтунг* разработал «структурную теорию империализма», в основе которой лежит анализ отношений, воспроизводящих империализм. Выделены два типа государств: «ядро» — С (метрополия) и «периферия» — Р (колониально зависимые территории), а также два основных класса-антагониста в каждом из типов государств: доминирующий — Аи подчиненный — В. Эти простые представления позволяют выделить в мировой системе четыре сочетания: 1) «ядро» — доминирующий класс (Са); 2) «периферия» — доминирующий класс (Ра); 3) «ядро» — подчиненный класс (Св); 4) «периферия» — подчиненный класс (Рв).

В результате взаимодействия данных пар можно получить **четыре определяющих отношения в системе «метрополия — колония»:**

- *Сотрудничество (Са—Ра)*, посредством которого господствующие классы обоих типов государств объединяются, чтобы организовать и закрепить господство над «периферией».
- *Социальный империализм (Са—Св)*, в котором господствующий класс «ядра» подавляет собственный подчиненный класс в «собственном доме».

³⁰ Абсолютно безусловно, в этом допущении имеется явная передержка. США никогда не контролировали Россию как европейскую страну.

3. Формирование геополитического пространства мира...

• *Репрессионный империализм (Pa—Pв)*, в процессе которого доминирующий класс «периферии» подавляет подчиненный класс той же «периферии» для поддержания ее эксплуатации.

• *Разделенный империализм (Св~Pв)*, при котором подчиненный класс «ядра» заинтересован в эксплуатации подчиненного класса «периферии».

Процессы, которые создавали и продолжают создавать «периферию», изучены пока недостаточно, что было сковано ордоксальными марксистскими догмами. Многие вопросы остаются открытыми, в частности, они связаны с объяснением изменений в таких государствах и на территориях, как Республика Корея, Сингапур, Тайвань, Гонконг, Таиланд, которые перешли из состояния колониально подчиненной «периферии» и выступают в роли центров мировой экономики, хотя достаточно слабы в геополитическом отношении.

3.2. Четыре эры империалистической заокеанской экспансии

За всю историю геополитических отношений типа «метрополия — колония» после Великих географических открытий существовало 12 империалистических государств, владеющих заморскими колониями, при этом только пять из них были главными колонизаторами (длительно владели существенными по размерам колониями). В течение почти 400 лет незначительная группа государств мирового «ядра» обладала политическим контролем над «периферией», составляющей большую часть суши земного шара.

В работах Тейлора рассмотрена динамика процесса колонизации-деколонизации Испании, Португалии, Нидерландов, Франции, Великобритании, стран Балтики (Дания, Швеция, Пруссия), а также стран, вошедших в число заморских колонизаторов гораздо позднее всех предыдущих (Бельгия, Германия, Италия, Япония и США).

В результате выделено **четыре основных** (генерализованных) **периода** (эры) **колониальной активности**. Рассмотрим их последовательно.

Первая неконкурентная эра колонизации

В эту эру, длившуюся около столетия (с начала Великих географических открытий до примерно 1600 г.), единственными метрополиями в мире были *Испания* и *Португалия*. В качестве главнейшего объекта колонизации выступает *Иберийская Америка*. В 1494 г. при посредстве Папы Римского

Александра VI был осуществлен первый раздел мира — договор в Тордесильясе. Неевропейский мир был поделен между двумя метрополиями: Испании принадлежали территории, расположенные западнее 46° з.д., а Португалии — восточнее разделительной линии.

В отличие от Испании Португалия захватила колонии не только в Иберийской Америке, но и в Восточном полушарии. Молуккские острова, захваченные португальцами в начале XVI в., становятся основным ядром их колониальных владений. Португалия действовала на западном побережье Индии, на Цейлоне, на южной оконечности Малакки, основала факторию Макао на южном побережье Китая, утвердилась в ряде опорных пунктов Африки (Зеленый мыс, Гвинейский залив, Мозамбик), контролировала Персидский залив, где ею был захвачен Ормуз.

Характерной чертой стратегии португальской экспансии было овладение опорными пунктами, важными в стратегическом и торговом отношениях.

Наибольшего могущества португальская метрополия достигла во второй половине XVI в. Однако в 1581 г. испанский король Филипп II присоединил Португалию, в результате чего Испания стала обладательницей и португальских колоний. Кроме того, сама Испания овладела Филиппинскими и Марианскими островами в Тихом океане. Но с конца XVI в. начался упадок испанского могущества.

Таким образом, вплоть до аннексии Португалии данную эру колонизации можно с полным правом считать неконкурентной. Захваты Португалии и Испании шли параллельно без существенных противоречий.

Первая конкурентная эра колонизации

В орбиту экспансии в эту эру (примерно с 1600 по 1800 г.) вовлекается восемь европейских государств: *Испания, Португалия* (с 1640 г. стала вновь свободным государством), *Нидерланды, Великобритания, Франция*, гораздо слабее *Дания, Швеция и Пруссия*. Происходит резкое снижение колониальной активности Испании и Португалии, которые подчинили обширные территории, но слабо их хозяйственно осваивали. Тем не менее в эту эру две метрополии сохраняли большую часть своих колоний вплоть до начала XIX в. включительно.

Самой важной геополитической тенденцией рассматриваемой эры было изменение вектора гегемонии в северном направлении, в те страны Европы, которые быстрее, чем Испания и Португалия

3. Формирование геополитического пространства мира...

с их пережитками феодальных отношений, развивали рыночное хозяйство. В XVI—XVII вв. наблюдался стремительный экономический подъем Нидерландов, Великобритании и Франции. Нидерландский и английский экспорт был направлен не только в европейские страны, но и в их колонии других государств.

Уже во второй половине XVI в. около 90% товаров, доставляемых из Европы в испанские колонии, были неиспанского происхождения (заметим, что это очень важный показатель упадка Испании как метрополии). По существу происходила перекачка испанских и португальских богатств в Великобританию и Нидерланды.

Назовем *самые главные районы экспансии перечисленных выше восьми государств в эту эру колонизации. Прежде всего это были так называемые «Великие Карибы» — территория от юго-восточной части Америки до берегов Бразилии; Северная Америка до завоевания Независимости*⁴; *африканские порты, которые активно участвовали в атлантической торговле, включая работорговлю; индийские порты и значительная часть Восточной Индии.*

Между метрополиями шла борьба за колонии, причем с переменным успехом. Вначале выдвинулись Нидерланды. В течение первой половины XVII в. они отнимают у испано-португальской метрополии большую часть колоний, принадлежавших до аннексии Португалии (Цейлон, ряд пунктов на побережье Индии, Молуккские острова и ряд других Зондских островов). Остров Ява становится главным центром голландских колоний. Нидерланды получают право торговли с Японией через порт Нагасаки. Овладев португальскими позициями в Азии и обосновавшись в Африке, в частности в важнейшем стратегическом пункте у мыса Доброй Надежды, Нидерланды к середине XVII в. становятся главной колониальной и торговой державой мира. К этому времени они обладали флотом, который превосходил флоты Великобритании и Франции вместе взятые.

В эту же эру, с конца XVII в. по начало XIX в. разгораются англо-французские войны, которые заканчиваются крушением империи На-

⁴ 4 июля 1776 I. конгресс делегатов от колоний провозгласил Независимость. В результате войны, длившейся 7 лет, Великобритании пришлось признать Независимость США. 3 сентября 1783 г. в Версале был окончательно подписан договор между США, Великобританией, Францией, Испанией и Нидерландами о предоставлении Независимости США. Так Великобритания фактически потеряла Северную Америку в рамках США, а принятие Декларации о Независимости стало поворотным пунктом в существовании старого империализма. В последующие десятилетия начался распад Испанской и Португальской империй в Западном полушарии, Франция потеряла Гаити и т.д.

Раздел I. Геополитика

полеона. Историки выделяют два важнейших этапа англо-французской конкуренции за колонии:

- война за испанское наследство (1701 — 1713 гг.);
- борьба за территорию Индии и Канады, совпадающая хронологически с Семилетней войной (1756—1763).

Главными аренами борьбы между Великобританией и Францией за колонии были «Великие Карибы» (преимущественно Вест-Индия), Северная Америка, а в Старом Свете — Индия. С 1757 г. вся долина Ганга, индийские порты Сурат, Бомбей, Мадрас, Калькутта и несколько других были британскими. Французам принадлежала только фактория Пондишери. В результате англо-французских войн Франция в основном была вытеснена из Индии и Северной Америки.

Вторая неконкурентная эра колонизации

Эта эра открывается двумя радикальными мировыми событиями — Первой промышленной революцией в Великобритании и Французской буржуазной революцией конца XVIII в., а заканчивается в 1870-х годах, когда, согласно ленинской теории, наступает перерастание капитализма в его завершающую стадию — империализм.

В течение этой эры захват колоний продолжают только две метрополии — Великобритания и Франция. В это время колониальная активность уменьшилась, однако в середине XIX в. с новой силой началась преимущественно британская колонизация огромных по площади и населению территорий. К новым аренам колонизации в это время относятся Внутренняя Индия, острова Индийского океана, Австралия и Новая Зеландия с прилегающими островами, Индокитай и ряд портов Китая. Против Китая велись опиумные войны со стороны Великобритании в 1840—1842 гг. и со стороны Франции и Великобритании совместно в 1856—1860 гг.

Между двумя метрополиями по существу не было конкуренции. Ряд территорий был поделен между двумя государствами. Например, некоторые острова Индийского океана, в том числе Мадагаскар, а также Индокитай Великобритания предоставила в правление Франции, а последняя в свою очередь оставила Индию и Австралию.

Именно в эту вторую неконкурентную эру Индия становится опорой британского колониального могущества. Англичане овладевают южным побережьем Малакки, проникают в Малайзию,

3. Формирование геополитического пространства мира...

Индонезию, превращая последнюю в свою полуколонию. Они захватывают ряд стратегических пунктов в Индии, например остров Маврикий, район у мыса Доброй Надежды. К моменту окончания строительства Суэцкого канала Великобритания имела уже ряд опорных пунктов на морском пути из Европы в Азию: Гибралтар, Мальта и Аден. Она также закрепила свое господство в других концах света: Сингапур, Гонконг, Ямайка, Фолклендские острова.

В Канаде, Австралии и Новой Зеландии были созданы английские переселенческие колонии. В 1876 г. площадь колоний Великобритании составила 22,5 млн кв. км, а население — более 250 млн человек.

Вторая конкурентная эра колонизации

К концу XIX в. британская гегемония находилась в своем зените.

В общей сложности на все британские колонии в 1914 г. приходилось почти 70% населения колоний всего мира. В это время к Великобритании и Франции присоединились *пять «опоздавших» к разделу мира стран: Бельгия, Германия, Италия, Япония и США.* Заметим, что старейшие метрополии Испания и Португалия несколько расширили свои владения в Африке.

Итак, в передел мира на этом этапе активно включились семь стран. *Основными аренами колонизации стали территории внутренней Африки, Средиземноморье, острова Океании, китайские порты и их хинтерланды.* В 1897—1898 гг. четыре европейские державы — Германия, Россия, Великобритания и Франция — заставили китайское правительство отдать им ряд пунктов на побережье в форме долгосрочной аренды. После Первой мировой войны вследствие краха Оттоманской империи был поделен Аравийский полуостров.

- Самые важные приобретения в Африке в эпоху расцвета империализма сделала Великобритания. Она подчинила Египет, Восточный Судан (совладение Великобритании и Египта), многочисленные территории на восточном побережье Африки (Кения, Уганда, Британское Сомали, остров Сокотра). На юге континента в результате победы Великобритании в англо-бурской войне был образован (1910 г.) Южно-Африканский Союз, которому было предоставлено самоуправление. На западе Африки британские колониальные территории были расширены (Нигерия, Золотой Берег, Сьерра-Леоне, Гамбия).

В Индии Великобритания расширила свои владения на северо-западе, присоединив Белуджистан и отняв у Афганистана пограничные территории.

Раздел I. Геополитика

В начале XX в. англичане вторглись в Тибет и заключили с его автономным правительством (в составе Китая) договор, который поставил Тибет в зависимость от Великобритании.

В Индонезии создалось тесное переплетение британских и нидерландских интересов.

При разделе Океании между Великобританией, Францией, Германией и США в состав Британской империи вошли острова Фиджи, часть Соломоновых островов и ряд других.

- Французские захваты в Африке привели к созданию огромного колониального массива, охватывающего треть материка. В этот период ее владения распространялись от Алжира до северной Сахары, от Сенегала далее на восток в бассейн Нигера, а также на западный и центральный Судан (район озера Чад). Всего французский массив в северной и западной Африке в 1914 г. занимал около 9 млн кв. км. Кроме того, Франция окончательно захватила Мадагаскар и присоединила к своей империи Французское Сомали. Французская империя расширила свое присутствие в Индокитае. В Океании она, ранее захватившая Таити и Новую Каледонию, присоединила несколько мелких архипелагов в восточной части.

- Германия вступила в борьбу за колонии гораздо позже других метрополий — в 1880-е годы. Однако в короткие сроки она сумела создать крупные колониальные владения площадью около 2,9 млн кв. км и с населением более 12 млн человек. Ей принадлежали четыре крупные колонии в Африке: Юго-Западная Африка, Восточная Африка (Танганьика), Камерун, Того. В Океании Германия захватила северо-восточную часть острова Новая Гвинея (другие части этого острова принадлежали Нидерландам и Великобритании), группу островов к востоку от Новой Гвинеи (острова Бисмарка, часть Соломоновых островов) и Маршалловы острова. После испано-американской войны Германия выкупила у Испании Марианские и Каролинские острова. Тогда же она получила по разделу с США западную часть острова Самоа.

- Небольшая Бельгия стала обладательницей обширной колонии — Бельгийского Конго.

- Италия получила часть сомалийского побережья, Триполитанию и Киренаику — современная Ливия, ряд островов у побережья Малой Азии (группа Додеканес и остров Родос).

- В Африке формально самостоятельными остались только две страны — Абиссиния (Эфиопия) и Либерия. Фактически же Абис-

3. Формирование геополитического пространства мира...

синия была разделена на сферы влияния между Великобританией, Францией и Италией (1906 г.). Либерия как государство было образовано американским колонизационным обществом, поставившим цель возвращения в Африку американских негров. Переселенцы из США, составляющие незначительную часть населения республики (с 1847 г.), взяли на себя организацию вооруженных сил и установили финансовый контроль над страной.

- США в эту эру осуществляли как формальный, так и неформальный (преимущественно) империализм. В 1889 г. они присоединили Гавайские острова, в 1917 г. выкупили у Дании принадлежавшую ей часть Виргинских островов. После испано-американской войны 1898 г. США распространили свое влияние на Кубу, заняли Гуам в Тихом океане и Пуэрто-Рико в Карибском море. В районе Панамского канала и на Кубе (Гуантанамо) США создали свои военно-морские базы. В дальнейшем контроль США распространялся и на другие республики Карибского бассейна, в частности Центрально-Американские. Но большая часть Латинской Америки в эту эру экономически была еще в значительной зависимости от Великобритании.

- Япония в 1870-х годах присоединила несколько групп небольших островов, в том числе Рюкю и Курильские (последние до этого принадлежали России). В результате японо-китайской войны (1894—1895 гг.) Япония отняла у Китая остров Тайвань и группу Пескадорских островов. После русско-японской войны (1904—1905 гг.), очень неудачной для России, Япония получила южную часть Сахалина, часть китайской территории, принадлежавшей России на правах долгосрочной аренды — полуостров Квантун с Порт-Артуром и Дальним. В это же время Япония фактически захватила и Корею (формальная аннексия произошла в 1910 г.).

Произошло размежевание российского и японского влияния в Маньчжурии. Сферой российского влияния была установлена Северная Маньчжурия с основной железной дорогой КВЖД; сферой японского влияния — Южная Маньчжурия, где в японскую концессию перешла большая часть южной ветки КВЖД. Одновременно Россия проникла во Внешнюю Монголию и Туву (Урянхайский край). В 1914 г. был объявлен протекторат России над этим краем.

Расширение британских владений в Индии происходило одновременно с расширением владений России в Средней Азии. В 1884 г. русские войска вышли к границе Афганистана. Англо-

Итоги раздела мира

Метрополии	Колонии						Всего	
	1876		1914		1914		1914	
	млн кв. км	млн жит.	млн кв. км	млн жит.	млн кв. км	млн жит.	млн кв. км	млн жит.
Англия	22,5	251,9	33,5	393,5	0,3	46,5	33,8	440,0
Россия	17,0	15,9	17,4	33,2	5,4	136,2	22,8	169,4
Франция	0,9	6,0	10,6	55,5	0,5	39,6	11,1	95,1
Германия	—	—	2,9	12,3	0,5	64,9	3,4	77,2
США	—	—	0,3	9,7	9,4	97,0	9,7	106,7
Япония	—	—	0,3	19,2	0,4	53,0	0,7	72,2
Итого 6 великих держав	40,4	273,8	65,0	523,4	16,5	437,2	81,5	960,6
Колонии остальных держав (Бельгия, Нидерланды и др.)							9Т9 ⁴	45,3
Полуколонии (Персия, Китай, Турция)							14,5	361,2
Остальные страны							28,0	289,9
Вся Земля							133,9	1657,0

Источник: Ленин В. И. Соч., 4-е изд., т. 22, с. 241—242.

русское соглашение 1907 г. подвело итог размежеванию сфер влияния в этом регионе. Россия отказалась от притязаний на Афганистан, признав его сферой британского влияния. В Иране северо-восточная часть его была признана сферой российского влияния, а юго-восточная — британского. Между ними находилась «ничейная» полоса.

Формальный империализм был в расцвете сил. *Семь стран «ядра» господствовали над подавляющей частью мира.* Ниже приводится таблица из работы В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (табл. 4).

3.3. Деколонизация

Параллельно с основанием новых колоний шел процесс деколонизации, который начался, по существу, с обретением Независимости США. Процесс деколонизации в основном определялся восхождением и падением экономического и военного положения

3. Формирование геополитического пространства мира...

европейских стран-метрополий, пока не приобрел самодовлеющего характера в 1960-е годы. В истории обнаруживается два пика деколонизации.

Первый пик деколонизации

Первый пик по времени связан с установлением британской гегемонии и освобождением сначала США от господства Великобритании, а затем стран Латинской Америки от влияния Испании и Португалии. В 1800 г. в Америке произошел взрыв суверенизации: к единственному независимому государству добавилось 18 республик и один доминион (Канада). Что касается Африки, то в это время был апофеоз империалистических приобретений: число государств сократилось с 42 до шести (1900 г.). Аналогичный процесс колонизации происходил в Азии, в которой число суверенных стран сократилось с 42 до шести [см.: Большая Советская Энциклопедия, 3-е изд.].

Первый этап деколонизации после обретения Независимости США определялся в основном установлением британской чисто экономической гегемонии. Дело в том, что изменился характер зависимости колоний от империй, были созданы условия для неформального империализма.

В середине XIX в. Великобритания использовала механизм «эры свободной торговли» и внедряла свой капитал и товары в латиноамериканские колонии, подрывая тем самым формальное влияние Испании и Португалии. Не обладая формальным господством над этими основными колониальными владениями метрополий Иберийского полуострова, Великобритания внедряла свой капитал в эти территории и безраздельно господствовала здесь вплоть до того времени, когда на мировую арену вышли геополитически окрепшие США. В 1917 г. за доминионами Великобритании был признан статус государственной автономии. *Первый пик деколонизации не распространился на колонии Старого Света.*

Второй пик интенсивной деколонизации

Он начался после окончания Второй мировой войны. Поворотным пунктом стало обретение независимости Индией. Это уже означало географический переход деколонизации в Старый Свет, включая значительную часть Африки.

Раздел I. Геополитика

На второй волне деколонизации доминионы (Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз и др.) расширили рамки своей автономии. В 1923 г. Великобритания вынуждена была признать за доминионами право заключать договоры с иностранными государствами, а также определять в каждом конкретном случае свое участие или неучастие в международных договорах, заключаемых Великобританией. Но это касается доминионов, или переселенческих колоний, куда были перенесены капиталистические порядки и буржуазно-демократический строй.

Колонии же в полном смысле этого слова имели следующие характерные черты:

- Безраздельное господство страны-метрополии в экономической и политической жизни колонии.
- Наличие сильных рабовладельческих и феодальных пережитков в форме прежде всего принудительного труда.
- Однобокость («монокультурность») экономического развития. Развитие колоний было направлено прежде всего на производство сырья.

Типы колониальной зависимости Однако и среди колоний были свои различия. Выделялись относительно более развитые колонии, имевшие некоторую промышленность, относительно густую сеть железных дорог. Таковой, например, была Индия. С другой стороны, многие колонии находились на очень низкой ступени развития — почти не имели промышленности и современных путей сообщения. К этому типу, например, принадлежит большая часть Африки.

Работорговля европейских государств в свое время укрепила ряд портов на западном побережье этого континента в первую конкурентную эру колонизации (1600—1800 гг.). Внутренние районы в международном аспекте выполняли первоначально роль поставщиков рабов. После колонизации внутренней Африки (период второй конкурентной эры — эпоха империализма) континент был полностью включен в мировое хозяйство как «периферия».

Следует отметить наличие в системе «метрополия—колония» полуколоний и различных промежуточных форм зависимости. В данном случае речь идет о неформальных формах зависимости. Если формальный империализм можно расценивать как прямой политический метод создания зависимых экономических про-

3. Формирование геополитического пространства мира...

странств, то *неформальный империализм*— это такая форма колониализма, когда политическая независимость регулируется экономической зависимостью. Механизм такой зависимости состоит в неэквивалентном обмене между метрополией и колонией. Неравный обмен поддерживает центр-периферическое строение мира. Сегодня, конечно, эта схема сложнее, но в целом механизм зависимости центр-периферического соподчинения остается.

К полукOLONIALНЫМ странам в начале XX в. причислялись Китай, Иран, Турция, Афганистан, Сиам, Абиссиния, Либерия, которые тогда находились в такой сильной зависимости от империалистических держав, что их положение было близко к положению колоний. Зависимость многих стран Латинской Америки носила весьма замаскированный характер, в отличие, например, от Китая и Ирана начала XX в., и выражалась в их огромной финансовой зависимости от ведущих держав мира, которые оказывали давление на их внешнюю и внутреннюю политику.

Типы стран-метрополий

Промежуточные формы зависимости были характерны даже для

ряда государств Европы. Например, отношения Нидерландов, Бельгии, Испании и Португалии, каждая из которых владела колониями, содержали элементы зависимости этих стран с более продвинувшимися в мировом влиянии государствами.

Ставшая классической в нашей зарубежной географии схема распределения стран-метрополий по промышленному потенциалу далеко не всегда совпадает с оценками других специалистов (табл. 5). Так, современный французский географ-геополитик **Ж Соппелса** дает следующую геополитическую классификацию ведущих государств мира [Soppelsa, 1994].

Накануне Первой мировой войны Великобритания и Франция с их колоссальными империями занимали господствующее положение в мире. Они опережали Германию (Второй рейх) и царскую Россию по промышленному и военному потенциалу. В это время США, вышедшие из Гражданской войны, Япония, Австро-Венгрия и Османская империя находились в упадке.

После Первой мировой войны, согласно Соппелсу, происходят радикальные геополитические изменения: Австро-Венгрия распалась, Германия побеждена, Россия резко изменила общественный строй. Выдвинулись США, но все же в это время и Великобритания, и Франция несколько опережают США по промышленному потенциалу, хотя, как считает Соппелса, США больше других выиграли

Смена государств по промышленному потенциалу
в течение XIX — начала XX в.

Место по размеру промышленного производства	1860 г.	1870 г.	1880 г.	1900-1913 гг.
1	Великобритания	Великобритания	США	США
2	Франция	США	Великобритания	Германия
3	США	Франция	Германия	Великобритания
4	Германия	Германия	Франция	Франция

Источник: *Витеер*, 1963, с. 292.

материально от Первой мировой войны. Вслед за США по потенциалу шла Япония, а затем молодая объединившаяся Италия.

Накануне Второй мировой войны (в 1939 г.) Германия, по мнению Соппелса, по промышленному потенциалу превосходила Великобританию и США (каждую в отдельности). Япония и Италия, набравшие силу, выдвинулись в число великих держав. Они опережали Россию и Францию, тем более что обе эти страны сильно уступали другим державам из-за технической отсталости во всех основных областях.

После Второй мировой войны два гиганта — США и СССР — занимают два первых места, а затем следуют средние державы из лагеря победителей — Великобритания и Франция. Япония, Италия и тем более разделенная Германия существенно уступали США и СССР.

Накануне мирового нефтяного кризиса 1973—1974 гг. ФРГ и Япония за счет впечатляющего экономического подъема вновь возрождают свои экономики. Их промышленный потенциал, правда, сильно демилитаризованный, занимал первые места вслед за двумя сверхдержавами (США и СССР).

Великобритания и Франция были серьезно затронуты процессами и последствиями деколонизации.

К началу 1990-х годов Соппелса выстраивает следующий геополитический ряд государств (в порядке убывания их роли на мировой геополитической арене): США, Россия в союзе со странами

3. Формирование геополитического пространства мира...

СНГ, Китай, Великобритания, Франция, ФРГ, Япония, Италия, Канада, Бразилия, Индия.

Входе перестройки в 1990-х годах в СССР и вызванных ею революционных изменений в геополитике, экономике и духовной жизни всего мира, которые по своим последствиям не уступают переворотам двух мировых войн (не случайно перестройку по геополитическим последствиям многие исследователи и серьезные публицисты называют «Ялтой-2»), произошло резкое изменение структуры экономики и неизбежное падение доли СССР в мировом валовом продукте, связанное прежде всего с демилитаризацией хозяйства.

После перестройки и последовавших геополитических изменений сумма всех государственных и стремящихся к самоопределению образований составила 27 единиц.

Декolonизация в XX в. шла неравномерно. Э. Б. Алаев выделил «импульсы», приводившие к «взрыву» суверенизации. Эти импульсы: Первая мировая война (30 новых государственных образований); Вторая мировая война (25 образований), деколонизация (90 образований) и тут же — в результате перестройки — 27 образований [Алаев, 1997, с. 160—165].

3.4. О теории Четвертого мира

Процесс деколонизации в 1980-е годы дал толчок к выдвижению новых проблем коренного населения мира. Эти проблемы не ограничиваются лишь американским, австралийским и циркумполярным «клише». В той или иной степени данные проблемы существуют во всем мире. В некоторых странах коренные жители, даже составляя большинство населения, остаются бесправными, их образ жизни вызывает пренебрежение или даже подвергается остракизму. Транснациональные корпорации предпочитают не вникать в проблемы аборигенов, когда осуществляемые ими проекты по строительству дорог, плотин, добычи полезных ископаемых, строительству промышленных предприятий имеют необратимые отрицательные последствия для коренного населения, попадающего в их сферу.

Теория Четвертого мира — это теория, созданная учеными и юристами из среды в основном угнетенных этносов, народов и наций, затрагивающая глобальные проблемы этноцида и экоцида со стороны примерно 200 государств по отношению к более чем 5000 этносов, народов и наций.

Раздел I. Геополитика

Эти древние, говорит теория, но непризнанные международным правом народы продолжают во многих точках планеты противостоять современным государствам.

Цель теории Четвертого мира Политическая география мира в теории интерпретируется не как география примерно 200 государств, а как география более 5000 народов. Фиксированная сеть государств, согласно теории Четвертого мира, — это своеобразная совокупность империй, оккупировавших большинство народов и стремящихся понизить уровень биологического и культурного разнообразия мира.

Народ сам определяет, отличаться ли ему от других народов, являющихся соседними или расположенных на том или ином удалении от него.

Народ характеризуется общей историей, территорией и связан между собой расовыми, языковыми, культурными и религиозными узами, нередко общей экономической базой и имеет достаточную для создания отдельной территориальной общности численность.

Согласно теории Четвертого мира, *современные государства представляют собой две разновидности*: 1) это бывшие европейские метрополии; 2) их колонии и отделившиеся при деколонизации «сателлиты». Термин «государство» употребляется для того, чтобы охарактеризовать централизованную политическую систему внутри международных легальных границ, устанавливаемых самим государством. *Государство использует военно-гражданский и бюрократический аппарат, который учреждает единое правительство и единую систему законов*. Государство нередко имеет единый язык, централизованное управление всеми ресурсами, единые денежные знаки, единые атрибуты государственной символики, а иногда и единую религию. В рамках государственных границ вся эта система навязывается другим народам.

Главная цель многонационального государства состоит в том, чтобы создать видимость, что любая нация является неотделимой частью государства, хотя две трети всех государств используют армию для подчинения своих граждан. Наиболее распространенные правонарушения государств против наций — запугивание и коллаборационизм (формирование через систему государственного образования ученых, журналистов, чиновников, которые бы думали и писали корректно о централизованном государстве). Это свое-

3. Формирование геополитического пространства мира...

образная система принуждения, система стирания истории и географии присоединенных народов. Еще более эффективным методом борьбы с аборигенным «национализмом» является заселение территории аборигенной нации представителями так называемой титульной нации. Агитационные методы практически везде едины: людям внушается, что в рамках государства они теперь «единый народ», живущий в «единой нации».

Реально около 95% современных государств являются многонациональными, часто включая территории различных наций без их волеизъявления. Например, Индонезия, которая занимает четвертое место в мире по численности населения и включает 250 народов на свыше 3 тыс. островов [Nietschmann, 1994]. Однонациональные государства встречаются редко, менее 5% (например, Исландия, Португалия). Большинство же государств многонациональны (например, Нигерия включает 450 народов, Индия — 380).

Когда государство говорит об образовании новой единой нации в пределах его границ, в большинстве случаев это означает образование государства путем уничтожения, если не физического, то морального, уже существующих народов. Этому сопутствует *создание понятий, которые описывают одновременно граждан государства и людей, принадлежащих к отдельным нациям*. Под давлением центральных правительственных учреждений понятия искусственно объединяют людей, принадлежащих к разным нациям. На практике же ни одна нация мира не применяет к себе термины, которые используют правительство, ангажированные им ученые и журналисты: такие, как «этнические группы», «меньшинства», «группа населения», «популяция» и т.п.

С точки зрения теории Четвертого мира у каждой нации (народа) и занимающей ею территории существует свое название, которое она пытается сохранить и поэтому сопротивляется присоединению к какому-либо государству. Это связано с тем, что при таком присоединении государства вырабатывают терминологию, по которой ранее независимые и автономные народы становятся, наряду с остальными, всего лишь его подчиненными гражданами с совершенно другой историей, географией и проблемами.

В том случае, если народ пытается организовать сопротивление против вторжения и оккупации государства, то он уже будет рассматриваться в качестве повстанцев, террористов, экстремистов, фанатиков и т.п., а не определенного народа и определенной территории.

Раздел I. Геополитика

Публикации и политические карты авторов теории Четвертого мира пытаются восстановить географию, историю и особенности мировых народов, составляющих скрытую «оборотную сторону» вторжений и завоеваний, в результате которых произошло и происходит большинство локальных войн, потоков беженцев, явления геноцида и нарушения прав человека.

Термин «этнический» первоначально означал «языческий» и применялся к неевропейским и нехристианским народам. Сегодня это понятие используют более широко, применяя его к любой нации, не имеющей власти. Обычно под этнической группой понимают народ, который находится не на территории своего происхождения, а в пределах территории проживания другого народа, сохраняет свою обособленность и название или же является группой внутри государства, к управлению которым он не допущен. Например, тибетцев-беженцев в Индии или Непале можно назвать этнической группой, но в самом Тибете они являются народом, а не этнической группой. *Таким образом, народ в пределах своей родины — это народ.* Не существует также этнической группы в пределах своей нации [Nietschmann, 1994, p. 230].

Итак, *этнические группы — это не имеющие территории меньшинства внутри государства.* Согласно определению Комиссии ООН по правам человека, меньшинство означает группу, численность которой меньше численности коренного населения государства и чьи представители, будучи его гражданами, обладают этническими, религиозными и языковыми особенностями, а также чувством солидарности, направленным на сохранение своей культуры, религии, традиций и образа жизни. Однако *в этом общепринятом определении меньшинств ничего не сказано об их существовавшей ранее независимости, самоуправлении, желании сохранить контроль над своей территорией, ресурсами, свободу.* Права сохранять свой фольклор на фоне присвоения государством территории, ресурсов и свободы меньшинств явно недостаточно.

Типология народов

Современная география и политология занимаются исследованием, в частности типологией, государств.

Теория же Четвертого мира стремится создать типологию народов, критериями которой были бы культурные, политические и экономические особенности, а также геополитическое значение их ре-

3. Формирование геополитического пространства мира...

сурсов и стратегического положения на планете. Одна из таких попыток представлена в табл. 6.

Т а б л и ц а 6

Типы наций (народов) согласно теории Четвертого мира

Типы наций	Определение
Автономные нации	Нации, выдержавшие притязания государства на их территорию и культуру, автономия их признана государством (пример — Каталония)
Стойкие нации	Нации, выдержавшие притязания на их территорию и культуру, автономия их частична и ограничена (пример — саамы в Финляндии)
Возрожденные нации	Исторические нации, которые укрепляются благодаря культурному возрождению и политическому движению (примеры — Шотландия, Уэльс)
Остаточные нации	Долго бездействовавшие нации, т.е. с низким уровнем культурной и политической активности, имеющие слабые национальные движения; находятся в стадии возрождения, следуя примерам соседних наций (много примеров в Африке)
Нации, составляющие ядра государств	Большинство государств формируются вокруг национальных ядер, становящихся центром экспансии; культура этой нации становится для государства основой формирования единого государства-нации (примеры — Англия для Великобритании; Кастилия для Испании; Ява для Индонезии; Хань для Китая)
Ирредентные (неосвобожденные) нации	Части национальных ядер государств, отделенных от них в результате войны или договора. Нации считают, что они управляются не тем государством (пример — Северная Ирландия)
Признанные нации	Нации, выстоявшие оккупацию со стороны государства или силой отстаившие независимость (пример — Эритрея)

Типы наций	Определение
Разделенные нации	Нации, оккупированные двумя или более государствами, препятствующими политической мобилизации и территориальной реконсолидации (пример — Курдистан оккупирован пятью государствами)
Оккупированные военными методами нации	Нации, территория которых полностью или частично оккупирована вооруженными силами одного или нескольких государств (пример — одна треть территории мискито оккупирована Гондурасом, остальные две трети имеют частичную автономию)
Сопrotивляющиеся нации	Нации, противостоящие вооруженным силам государств (пример — Восточный Тимор и Западное Папуа — Индонезии)

Источник: *Nietschmann*, 1994.

Концепция подавляющего государства

В составе теории Четвертого мира развивается *теория подавляющего государства*. Основное ее содержание сводится к следующему.

Большинство наций существовало до образования государств. Последние расширялись за счет прилегающих наций. *Образование государства базировалось на трех стратегиях:*

- убеждение наций добровольно пожертвовать своей независимостью и подчиниться правлению извне;
- вторжение, оккупация и последующее уничтожение культуры наций;
- вторжение, оккупация и подавление сопротивления с помощью геноцида, этноцида, экоцида или насильственного выселения [*Nietschmann*, 1994].

Образование государств — это часть мирового процесса, который проходит определенные хронологические стадии. Этот процесс начинается в разное время и имеет различную скорость и особенности для каждого государства. Таким образом, в любое время множество стадий будут существовать одновременно.

3. Формирование геополитического пространства мира...

Так как основной стратегией большинства государств является применение силы, то большинство из них подавлено и постепенно разрушается. Данная теория предполагает, что до тех пор, пока нации добровольно не откажутся от своей независимости, образование государств будет проходить через стадии военных действий и насилия. Следовательно, если глубоко исследовать взаимоотношения между государствами и нациями в любое время, то происходящие сегодня явления могут быть рассмотрены в качестве этапов единого историко-географического процесса. Данный подход предоставляет большие возможности для наций в деле их обороны, сопротивления³².

Количество конфликтов между государствами и нациями после окончания «холодной войны» в связи со снижением уровня жесткого контроля, под которым находилось большинство регионов мира, может значительно увеличиться. **Б. Нитшманн** приводит следующие подсчеты и оценки всех произошедших с 1945 по 1993 г. продолжительных войн в мире. Из 122 таких войн 97 велись государствами против народов.

В результате всех видов вооруженных конфликтов (по данным официальной статистики и не учтенных ею) насчитывалось около 36 млн беженцев, из которых около 20 млн приходилось на долю народов. В результате геноцида государства против народов за тот же период погибло 73,5 млн человек [Nietschmann, 1994, p. 237]. Попытки внести изменения в Женевскую конвенцию от 12 августа 1949 г. (отражает «правила войны»; принятие вызвано зверствами по отношению к мирному населению захваченных территорий и военнопленным в годы Второй мировой войны), которые бы защищали народы от государств, были отклонены. Государства настаивали на том, что им сопротивляются террористы.

Согласно теории Четвертого мира, *государства, уничтожая народы, закладывают фундамент своего будущего распада*. А. Тойнби утверждал, что коллапс неизменно наступает в результате насильственной политической унификации народов в единое государ-

³² Например, для сопротивления государству Никарагуа в 1981 — 1989 гг. руководство вооруженных сил мискито изучило несколько войн государства против наций: Эритрея—Эфиопия (1961 — 1991); Карен—Бирма (с 1948 г.); Западное Папуа—Индонезия (с 1962 г.); Восточный Тимор—Индонезия (с 1975 г.). На основе исследования была построена хронологическая и пространственная модель, описывающая общую стратегию вторжения и оккупации государством наций. Данный анализ помог мискито предсказать и подготовиться к вторжению Никарагуа. В 1987 г. государство Никарагуа признало автономию мискито [Nietschmann, 1994].

ство. *Прервать разрушающий цикл может лишь создание небольших автономных демократических районов*, пишет Б. Нитшманн, ссылаясь на исследования Кора (Kohr). Кор предлагал во Франции, Германии, России, Италии выделить по 40—50 или больше «Венеции», «Ломбардии», «Бургундии» и т.п.

**Теория природных сред
Четвертого мира**

Теория Четвертого мира тесно связана с такой глобальной проблемой, как *сохранение культурного и биологического разнообразия*. Карта, опубликованная Национальным Географическим обществом (США) и названная «Сосуществование коренных народов и природной среды в Центральной Америке», показывает, что регионы сохранившихся тропических лесов практически все находятся в пределах территории коренных народов: 40% всей площади Центральной Америки и 25% ее населения. Большинство из около 5000 мировых коренных народов являются центрами сохранения биоразнообразия и экологической дифференциации. Поскольку большинство коренных народов непосредственно зависят от биологических ресурсов, находящихся на территории их родины, то их эволюция происходила в направлении поддержания экосистем и сохранения биологического разнообразия. Этот подход получил название *теории природных сред Четвертого мира*.

История и география экспансии государств и противостояния наций сформировали *два абсолютно различных типа природной среды*.

Во-первых, это среда государства, характеризующаяся большой численностью и плотной заселенностью, разрушительной экономикой, биологической обедненностью и истощенным ландшафтом.

Во-вторых, это среда коренных народов, исторически заселенная народами, которые имеют экологически адаптированную культуру и экономику, сохраняющие биологическое богатство и дифференцированный здоровый ландшафт.

Биологи выделяют 12 государств мира, в которых сосредоточено 60—70% всех известных видов растений и животных. Однако теория Четвертого мира требует пересмотра этого выделения, поскольку биоразнообразие поддерживается в пределах проживания коренных народов. И если биоразнообразие окажется под контролем государства, то оно постепенно исчезнет. Высокое культурное и биологическое разнообразие в этих 12

Государства с наибольшим биоразнообразием

Государства	Количество оккупированных (согласно теории Четвертого мира) народов
Австралия	250
Бразилия	210
Китай	150
Колумбия	60
Эквадор	35
Индия	380
Индонезия	670
Мадагаскар	20
Малайзия	20
Мексика	240
Перу	65
Заир	210
Всего	2310

Источник: А. Т. Думинг, 1992 (см.: *Nietschmann*, 1994).

государствах существует не благодаря, а вопреки их законам. Они поддерживаются примерно 2310 коренными народами, проживающими на их территории (табл. 7).

Таким образом, теория Четвертого мира становится значительным геополитическим явлением, коренное требование которого состоит в том, чтобы политическое строение мира складывалось из культурных границ народов, поскольку государства появляются и исчезают, а народы остаются.

Контрольные вопросы

1. Дайте определение понятию «империализм».
2. Назовите четыре эры империалистической заокеанской экспансии европейских метрополий, по П. Тейлору.
3. Охарактеризуйте каждую из эр империалистической заокеанской экспансии по следующей схеме: 1) главные метрополии; 2) главные арены колонизации; 3) особенности колонизации отдельными метрополиями.
4. Назовите этапы колонизации и охарактеризуйте их географическое распространение.

Раздел I. Геополитика

5. В чем состоят предмет и цель теории Четвертого мира?
6. Опишите типы народов согласно теории Четвертого мира.
7. В чем состоит теория подавляющего государства, сформулированная в рамках теории Четвертого мира?

Использованная литература

1. *Алаев Э. Б.* Страны, народы и государства//Федерализм. 1997. № 2.
2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998.
3. *Бродель Ф.* Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. М., 1992. Т. 2.
4. *Витвер А. И.* Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира. М., 1963.
5. *Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма//Полп. собр. соч. М, 1982. Т. 22.
6. *Darning A. T.* Guardians of Land: Indigenous Peoples and the Health of the Earth//Worldwatch Paper no. 112, Washington, WorldWatch Institute, 1992.
7. *Nietschmann B.* The Fourth World: Nations Versus States//Recording the World. Geopolitical Perspectives on the Twenty-first Century/Edited by G. J. Demko and W. B. Wood. Westview, 1994.
8. *Soppelsa J.* Geopolitique de 1945 a nos jours. Mementos de geographic serie. Paris, 1994.
9. *Taylor P. J.* Political Geography: World-Economy, Nation-State and Locality. London: Longmann, 1993a.
10. *Taylor P. J.* Political Geography of the Twentieth Century. London: Belhaven, 1993b.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ

После открытия российским экономистом // *Д. Кондратьевым* долгосрочных циклов развития мирового хозяйства многие исследователи принялись по аналогии разрабатывать тему циклов мирового политического развития.

В последние десятилетия научное сообщество вообще увлечено занималось созданием циклической парадигмы развития природы и общества. Известнейший исследователь цивилизаций англичанин *А. Тойнби* выделял в своей «*A Study of History*» [Toynbee, 1954, p. 255, 326] 115—120-летний цикл «великих войн», члена его на: 1 — прелюдию войны; 2 — саму великую войну; 3 — передышку после нее; 4 — ее эпилог; 5 — всеобщий мир. Этот цикл, как видно, охватывает жизнь четырех поколений людей, что, по мнению ряда исследователей войн, является достаточным сроком, чтобы, подзабыв опыт великой войны, люди этот опыт повторили вновь [Цымбурский, 1996, с. 28].

Известнейший в данной области научных разработок *Дж. Голдстейн* выделял, привлекая богатейший эмпирический материал, 40—50-летние циклы «больших войн» с XVII в. по первую половину XX в. В отличие от А. Тойнби он разбивает XVII—XX вв. на «эры» от завершения одной «великой войны» до конца следующей, объединяя их в одном восходящем движении (это означает, что от одного поколения к последующим передаются страдания предыдущей «великой войны») [Goldstein, 1988].

Известный современный геоисторик и социолог *И. Валлерстайн* определяет три цикла гегемонии, для каждого из которых обязательно прохождение через *три фазы: мировая война, гегемония одной из великих держав и, наконец, упадок*. Первый — нидерландский — цикл гегемонии продолжался, по Валлерстайну, с 1618 по 1672 г.; второй — британский — с 1792 по 1896 г.; третий — американский — начался с 1914 г.

Очень большую известность в свое время получила книга американского историка *П. Кеннеди* «Подъем и упадок великих держав», в которой анализировались причины подъемов и упадков ведущих государств мира. Интересна идея Кеннеди о причине упадка как «об имперском перенапряжении» великих держав, которые сталкиваются с недостаточностью разного вида стратегических ресурсов, необходимых для поддержания своего глобального превосходства [Kennedy, 1988].

При этом многие исследователи данной проблемы пытались установить, имеется ли зависимость между мирохозяйственными и геополитическими процессами развития. Очевидно, эта зависимость имеет коррелятивный характер: на определенных исторических отрезках неравновесное состояние можно объяснить то перевесом влияния мирохозяйственных, то всемирно-политических факторов.

Российский исследователь *В. Л. Цымбурский* считает, что до XIX в. главенствующие европейские государства не были хозяйственным авангардом, а утверждали свои преимущественные позиции в мире военным путем. Эволюция этих государств, по Цымбурскому, в основном была подчинена сверхдлинным военным циклам.

«Склеивание этих ролей (военных и хозяйственных. — *Н.М.*) намечается с тех пор, как достижение Англией высшего мирохозяйственного положения совмещается с ее интеграцией в сверхдлинные военные циклы» [Цымбурский, 1996, с. 52]. Следовательно, проблема циклов геополитического развития требует системного подхода.

Таким образом, многие исследователи склоняются к тому, что **геополитическая система мира развивается циклически**, постоянно видоизменяясь, постоянно переходя от одного к другому «мировому порядку», в котором коренным образом меняется баланс сил между великими державами, возникают новые зоны конфликтов, меняется институциональная структура глобальной системы, которая включает систему межгосударственных договоров, коалиций, ключевых институтов, поддерживающих мировой порядок (например, Лига Наций, ООН).

Обратимся к ряду известных моделей цикличности геополитического развития.

4. Теоретические проблемы мировых геополитических циклов

4.1. Длинные циклы развития мировой геополитики Дж. Модельского и В. Томпсона

Взлет и падение великих держав В своих работах известные американские политологи Дж. **Модельски** и **В. Томпсон** утверждают, что глобальные экономические процессы по времени сопряжены с длинными мировыми политическими циклами, называемыми «циклами лидерства». Смена таких циклов периодически изменяет структуру мирового политического устройства, способствуя выдвигению новых великих держав и географических зон их влияния. В табл. 8 и 9 приводятся данные о динамике доли ведущих стран в промышленном производстве мира примерно с начала первой промышленной революции до окончания «Великой депрессии» XX в.

Анализ приведенных данных свидетельствует о неравномерности развития, подъемах и спадах великих держав, о цикличности «географического отбора» тех или иных держав на роль хозяйственных лидеров в мире.

Таблица 8

Государства	Доля ряда стран в мировом промышленном производстве (%)							
	1750	1800	1830	Годы		1890	1900	1913
Европа в целом	23,2	28,1	34,2	53,2	61,3			
Великобритания	1,9	4,3	9,5	19,9	22,9	21,5	18,5	13,6
Германия	2,9	3,5	3,5	4,9	8,5	10,1	13,2	14,8
Франция	4,0	4,2	5,2	7,9	7,8	7,3	6,8	6,1
Россия	5,0	5,6	5,6	7,0	7,6	7,9	8,8	8,3
Австро-Венгрия	2,9	3,2	3,2	4,2	4,4	4,5	4,7	4,7
Италия	2,4	2,5	2,3	2,5	2,5	2,5	2,5	2,4
США	0,1	0,8	2,4	7,2	14,7	17,0	23,6	32,0
Китай	32,8	33,3	29,8	19,7	12,5			
Индия	24,5	19,7	17,6	8,6	2,8			
Япония	3,8	3,5	2,8	2,6	2,4			

Источник: Kennedy P.M. The Rise and Fall of the great Powers. Economic Changes and military Conflicts from 1500 to 2000. London, 1988. P. 149, 200-201.

Доля великих держав в мировом промышленном производстве в начале и конце «Великой депрессии» (%)

Государства	Годы				
	1920	1929	1932	1937	1938
США	45,0	43,3	31,8	35,1	28,7
СССР	3,0	5,0	11,5	14,1	17,6
Германия	4,4	11,1	10,6	11,4	13,2
Великобритания	8,0	9,4	10,9	9,4	9,2
Франция	5,2	6,6	6,9	4,5	4,5
Япония	2,0	2,5	3,5	3,5	3,8

Источник: Kennedy P.M. The Rise and Fall of the great Powers. Economic Changes and military Conflicts from 1500 to 2000. London, 1988. P. 330.

Итак, *длинные мировые политические циклы определяются как последовательность подъема и упадка великих держав*. Подъем великой державы назван Модельским и Томпсоном этапом обучения, а упадок — этапом лидерства. Каждый из двух этапов авторы подразделяют на четыре фазы.

Первый этап (обучение) включает в себя:

- Определение основных мировых проблем, требующих решения.
- Создание коалиций союзников.
- Принятие решений на мировом уровне.
- Проведение их в жизнь.

Второй этап (упадок) состоит из следующих фаз:

- Мировая война.
- Поражение великой державы.
- Утрата мировой легитимности.
- Распад.

Согласно авторам данной теории, в *основе глобального лидерства* лежат такие факторы, как мобильные военные силы, передовая экономика, открытое общество, реагирование на мировые проблемы при помощи нововведений.

При этом под нововведениями понимаются не только новые продукты и методы производства, но и открытие новых рынков и

4. Теоретические проблемы мировых геополитических циклов

источников сырья, а также создание пионерных форм организации бизнеса, пишут авторы, ссылаясь на видного австрийского экономиста XX в. *Й. Шумпетера*.

Интересно, что Модельски и Томпсон отмечают, что *длинные циклы можно представить как процесс обучения*, фазы которого последовательно оптимизируют использование каждого из указанных факторов, хотя все они действуют одновременно. По мнению авторов, в фазовой цепи «принятие решений на макроуровне—мировая война» упор следует делать на развитие мобильных военных сил. В фазовой цепи «проведение решений в жизнь—положение великой державы» главное — передовая экономика и ее место в международном разделении труда. «Определению основных проблем—утрате легитимности» соответствуют наращивание инновационного потенциала и гибкость в подходе к новым проблемам. Фаза «создание коалиций союзников—распад» требует ресурсов открытого общества.

Взаимосвязь геополитических циклов с экономическими

Авторы освещаемой проблемы считают, что *циклы Кондратьева и длинные циклы мировой политики*

имеют много общего. Чтобы разобраться в этом принципиальном вопросе, дадим пояснение сущности циклов Кондратьева. Эта система циклов описывает в первую очередь экономическую и технологическую стороны развития, хотя автор ее, а затем и последователи учитывают политическую, социальную, культурную и военную стороны динамики мирового развития. Например, сам Кондратьев в 1920-х годах считал закономерностью возникновение больших военных конфликтов и революций на так называемых повышательных фазах кондратьевских циклов [Кондратьев, 1993, с. 203—205]. Тем не менее все же циклы Кондратьева отражают преимущественно подъем и упадок ведущих отраслей экономики мира. При этом цикличность затрагивает не только хозяйство высокоразвитых стран, входящих в «центр» мировой системы, но и хозяйство многих других государств, не входящих в это мировое ядро, но связанных с ним через международное разделение труда. Продолжительность одного цикла Кондратьева составляет около 40—60 лет. Примерная датировка циклов Кондратьева отражена в табл. 10.

Модельски и Томпсон считают, что между циклами Кондратьева и выделенными ими длинными циклами мировой политики, насколько изучена скоординированность хозяйственного развития и политики вообще и на мировом уровне в том числе, должна

Примерная датировка циклов мировой конъюнктуры Кондратьева

Порядковый номер циклов	Повышательная фаза	Понижательная фаза
I	с конца 1780-х годов до периода 1810-1817 гг.	с периода 1810-1817 гг. до периода 1844— 1855 гг.
II	с периода 1844-1851 гг. до периода 1870—1875 гг.	с периода 1870-1875 гг. до периода 1890-1896 гг.
III	с периода 1891-1896 гг. до периода 1914-1921 гг.	с периода 1914—1921 гг. до середины 1940-х годов
IV	с середины 1940-х годов до конца 1960-х годов	с конца 1960-х годов до середины 1980-х годов

существовать глубокая внутренняя связь. Они не говорят о жесткой детерминации, например, политики от экономики, а только о вероятности существования самоорганизующихся механизмов приспособления двух характеризуемых здесь типов циклов мирового развития.

Авторы, во-первых, обращают внимание на то, что циклы Кондратьева — это результат инновационной деятельности в мировом хозяйстве и циклы мировой политики сопровождаются также инновацией — созданием такой политической структуры, которая представляет собой крупное институциональное нововведение.

Во-вторых, поскольку в большинстве стран мира правительства поглощают значительную часть национального продукта (в среднем до одной трети), а во время войны — и половину, то благодаря этому экономика и политика тесно взаимосвязаны. Отсутствие координации между ними ведет к неизбежному нарушению нормального функционирования государства.

Авторы приводят в пользу своей теории следующие аргументы: новые отрасли хозяйства обеспечивают финансирование глобальных политических операций. Последние создают условия безопасности, при которых возможно процветание пропульсивных отраслей — мировых лидеров. Растущие экономические потребности способствуют формированию новых мировых рынков.

Исследователи длинных циклов мировой политики считают, что *продолжительность одного длинного цикла мировой политики*

4. Теоретические проблемы мировых геополитических циклов

составляет около 100 лет. Продолжительность же кондратьевского мирохозяйственного цикла, как нам известно, составляет в среднем 50 лет. С учетом этих эмпирических данных получается, что *каждый длинный цикл мировой политики скоординирован с двумя последовательно проходящими циклами Кондратьева.*

Геополитический процесс разворачивается следующим образом. В течение первого (по очереди) цикла Кондратьева (К-I) происходят такие фазы цикла Модельского—Томпсона (этап подъема): «определение основных мировых проблем» и «создание коалиции союзников». На втором по очереди цикле К-II происходят фазы «принятия решений на макроуровне» и «проведение решений в жизнь».

Мировые войны, по мнению Модельского и Томпсона, «играют определяющую роль с точки зрения взаимодействия циклов Кондратьева и длинных циклов мирового развития, национальная же принадлежность отраслей-лидеров является не исторической случайностью, а результатом указанного взаимодействия» [Модельски, Томпсон, 1992, с. 52].

Это означает, что *государства, играющие роль мирового лидера, служат главными и первоначальными источниками волн Кондратьева, т.е. мировое политическое лидерство тесно связано с лидерством экономическим.* Мировые державы на этапе подъема длинного политического цикла являются источником большинства всестороннего характера нововведений.

В табл. 11 представлены предположительные взаимосвязи между длинными циклами мировой политики и отраслями — мировыми лидерами. Заметим, что при этом понятие кондратьевского цикла авторы условно распространили и на доиндустриальные общества, называя их «ранними».

Из табл. 11 видно, что среди великих держав отсутствует Испания. Модельски и Томпсон признают большое влияние Испанской империи, но считают, что она действовала в отличие от Португалии на окраинах тогдашней мировой системы.

Известно, что Португалия нашла путь в Индию через южную оконечность Африки. Эта империя стала полноправным хозяином на путях из Европы в Индию. Молуккские острова — основной источник пряностей — становятся ядром португальских колониальных владений.

Предположительные взаимосвязи между длинным циклом мировой политики и экономическими факторами лидерства стран

Длинный цикл мировой политики	Экономические факторы лидерства	Предположительная стартовая фаза цикла Кондратьева (годы)	Предположительная фаза быстрого развития цикла Кондратьева (годы)
<i>Португалия</i>			
К-I	Заморское золото	1430-1460	1460-1494
К-II	Индийские пряности	1492-1516	1516-1540
<i>Нидерланды</i>			
К-I	Балтийская и атлантическая торговля	1540-1560	1560-1580
К-II	Восточная торговля	1580-1609	1609-1640
<i>Британия-I</i>			
К-I	Торговля Америки с Азией (сахар)	1640-1660	1660-1688
К-II	Торговля Америки с Азией	1688-1713	1713-1740
<i>Британия-II</i>			
К-I	Хлопок, железо	1740-1763	1763-1792
К-II	Железные дороги, паровой двигатель	1792-1815	1815-1850
<i>США-I</i>			
К-I	Сталь, химия, электроэнергия	1850-1873	1873-1914
К-II	Автомобилестроение и авиастроение	1914-1945	1945-1973
<i>США-II</i>			
К-I	Переработка информации	1973-2000	2000-2026
К-II		2026-2050	2050-2080

Характеристика длинных циклов **мировой политики**

Столетние циклы (№, век)	Мировые державы-гегемоны (другие великие державы)	«Великие (мировые) войны»	Договора, признающие законность мировой державы	Основные институты Мирового Господства	Поворотный момент к спаду
1/XVI в.	Португалия (Испания, Англия, Франция)	Итальянские войны Священной Римской империи (1494-1517 гг.; 1559 г.)	Тордесильянский договор 1494 г. и Сарагосский договор 1529 г.	Точечная глобальная сеть баз (военных опорных пунктов, факторий, контор, отделений)	Испанская аннексия Португалии с 1581 до 1640 г.
2/XVII в.	Нидерланды (Англия, Франция, Испания)	Голландские и испанские войны (1579-1609 гг.)	Перемирие с Испанией (1609 г.)	Глобальная сеть военных и торговых баз	Английская революция (1642-1660 гг.)
3/XVIII в.	Британия (Нидерланды, Франция, Испания, Россия)	Французские войны Людовика XIV (1688-1713 гг.)	Утрехтский мир как исход войны между Францией и Британией за испанское наследство (1713 г.)	Морское превосходство (командование)	Независимость США (1783 г.)
4/XIX в.	Британия (Россия, Франция, Нидерланды, Испания)	Французские войны Наполеона (1792-1815 гг.)	Парижский и Венский конгрессы (1814, 1815 гг.)	Эра свободной торговли	Империализм как окончание передела мира между метрополиями
5/XXв.	США (Великобритания, Франция, Россия, Германия, Япония)	Две мировые войны (с 1914 и с 1939 г.)	Версальский (1919 г.), Потсдамский (1945 г.) договоры	ООН	Вьетнамская война

Источник: *Modelski G., Thompson W. Seapower in Global Politics, 1494—1993. London: Macmillan, 1988. P. 97-132.*

С конца XV в. Португалия проникает и в Америку. Испания же, поначалу разочарованная открытиями Колумба, начинает осваивать новые обширные земли в Америке. Португалия выбирает путь «великой державы» — не освоения территорий, а путь обладания как можно большим мировым пространством и использует для этой цели метод овладения опорными пунктами, важными в торговом и стратегическом отношениях, в мировом пространстве в целом. Наибольшего могущества Португалия достигла во второй половине XVI в.

В табл. 12 приведены основные характеристики длинных циклов мировой политики, по Модельскому [Modelsky, Thompson, 1987].

4.2. Циклы гегемонии П. Тейлора

Три мировые гегемонии Соглашаясь с наличием цикличности в геополитическом мировом процессе, британский географ **П. Тейлор** считает, что *мировая гегемония какой-либо страны — это очень редкий феномен* [Taylor, 1993a]. По Тейлору, она случалась только три раза:

- Гегемония Нидерландов в середине XVII в.
- Британская гегемония в середине XIX в. (через 200 лет после нидерландской гегемонии).
- Гегемония США в середине XX в. (через 100 лет после британской гегемонии).

Геополитические гегемонии, по Тейлору, заключаются в практически абсолютном доминировании одного из государств в международной системе отношений в трех сферах жизни: *экономической, политической и идеологической*.

11 Гегемонии твердо основываются на достижении великой
11 державой прежде всего экономического превосходства.

Достижение этого включает три стадии.

Первая: государство-гегемон добивается преимуществ в эффективности производства над своими соперниками. Как правило, это происходит за счет создания новых монопольных продуктов посредством нововведений, а также за счет расширения спроса.

Вторая стадия позволяет торговым представителям страны-гегемона создавать торговые преимущества в мире.

Третья: банкиры этого государства имеют возможность добиваться финансового доминирования в мировой экономике.

4. Теоретические проблемы мировых геополитических циклов

Когда производственная, торговая и финансовая деятельность одного государства более эффективны, чем у всех его соперников, тогда государство становится мировым гегемоном.

Такие государства, по Тейлору, имеют возможности доминировать в межгосударственной системе без угрозы превращения их в империи, путем создания баланса сил таким образом, что предотвращается создание враждебной коалиции, которая могла бы угрожать геополитическому лидерству государства-гегемона. Кроме того, *государство-гегемон распространяет либеральные идеи*, которые широко воспринимаются во всей мировой системе. Следовательно, государства-лидеры — это значительно больше, чем мировые политические лидеры.

Вслед за подъемом и становлением гегемонного государства следует его постепенное падение. Либерализм государства-гегемона позволяет соперникам копировать технические достижения и стремиться превзойти эффективность его производства. Вскоре лидерство государства-гегемона над его соперниками уменьшается сначала в производстве, а затем последовательно в торговле и финансах. Таким образом, по Тейлору, *истинная гегемония основывается не на завоеваниях колониальных пространств, а на мировой монополии в производстве, торговле и финансовой сфере*.

Динамика в смене
мировых порядков

Подъем и падение государства-гегемона определяет продолжительность «гегемонистского цикла».

Американский исследователь мировых систем И. Валлерстайн в середине 1980-х годов экспериментально увязал такие циклы с кондратьевскими циклами мировой экономики. *Гегемонистские циклы включают длительный контроль за капиталовложениями на мировом рынке, который во многом поддерживает существование власти гегемона*. Эти капиталовложения создают миро-системную (в данном случае гегемонную) инфраструктуру. Широкая система транспортных, других коммуникационных и финансовых сетей является необходимым требованием гегемонии. Существует также необходимость в разветвленной сети дипломатических представительств и военных баз по всему миру.

В другой работе П. Тейлор [Taylor, 1993b] ввел понятие *геополитической динамики в смене мировых порядков*. Он выделил два ми-

ровых порядка, каждый из которых дробится на последовательные фазы. Тейлор выделил всего два мировых порядка:

- мировой порядок борьбы за британское наследство с 1907 по 1945 г.;
- мировой порядок «холодной войны» с 1947 по 1989 г.

После очередного переходного периода происходит формирование нового мирового порядка.

Очень сходный подход к смене циклов гегемонии великих держав проявляют в своих исследованиях *Дж. Агню* и *С. Кобридж* [Agnew, Cobridge, 1995]. Эти авторы считают определяющим фактором в международных отношениях — экономический. Авторы ввели понятие о *геополитической экономике*, в которой определяющую роль играют современные тенденции глобализации, усиления взаимозависимости в мире. Авторы выделяют *три геополитических порядка*:

- британский (1815—1875 гг.);
- порядок межимперского соперничества (1875—1945 гг.);
- мировой порядок «холодной войны» (1945—1990 гг.).

4.3. Сдвоенная модель Кондратьева—Валлерстайна для анализа геополитических гегемоний

Связь между мировой экономикой и геополитикой

Данная модель представляет собой серьезную попытку связать взлет и падение геополитических гегемоний

с основными процессами, происходящими в недрах мировой экономики и отражающимися в циклах Кондратьева. Модель показывает, что политические механизмы являются неотъемлемой частью всеобщей переструктуризации мирового хозяйства, которая осуществляется в повышательных и понижательных фазах указанных циклов.

Оказалось, что политические процессы не являются ни независимыми процессами, ни простым отражением экономических потребностей. Основной вывод состоит в том, что *не существует жестко детерминированных связей между экономикой и политикой.* Если бы все жестко определялось друг другом, то не было бы необходимости в таком институте, как государство. Государство, а также другие хозяйственные и общественные институты корректируют рынок в пользу определенных частных групп.

4. Теоретические проблемы мировых геополитических циклов

Никогда не существовало чистой мировой экономики, даже в те периоды, когда доминировали принципы свободной торговли. Способность организовать мировой рынок зависит от силы тех государств, которые поддерживают правила этого рынка, а также, разумеется, от их материальных ресурсов.

Сильные в этих отношениях государства, как правило, способствуют развитию «свободного рынка», в то время как менее сильные могут благосклонно относиться к определенной корректировке рынка, отгораживая себя в определенные моменты с помощью протекционизма.

Поскольку в мире запасы материальных ресурсов по сравнению с потребностями в них ограничены, то всегда существует напряженность из-за недостаточности всеобщих мировых ресурсов, доступных для перераспределения через государственные органы. Для полупериферийных и периферийных государств невозможно одновременно стать в равное положение с Центром.

Анализ модели
Кондратьева—Валлерстайна

В табл. 13 приводится двоякая модель Кондратьева—Валлерстайна. Из таблицы следует, что в по-

вышательной (первой по хронологии) фазе А обнаруживается *геополитическое противоборство*, когда основные великие державы соревнуются за право наследования лидерства. Ретроспективный анализ показывает, что новые технологические достижения концентрируются в одной из стран, поэтому повышение эффективности производства предоставляет этой стране долгосрочное экономическое преимущество.

Фаза А совпадает со стадией «восходящей гегемонии». В фазе В происходит общий спад в мировой экономике. Он оставляет меньше возможностей для экспансии (стадия выражается словами «всем плохо»). Однако восходящая держава в это время располагает торговым преимуществом и способна защитить свои интересы. *В этой фазе (В) ясно, какое государство должно достичь гегемонной зрелости.*

К этому времени финансовый центр мировой экономики перемещается в государство-гегемон, которое занимает лидирующие позиции в производстве, торговле и финансах (наступает «истинная гегемония»). Поскольку гегемонная держава может успешно конкурировать со своими соперниками, она выступает за откры-

Динамическая модель гегемонии и соперничества
(анализ британского и американского столетий)

Стадии гегемонии	Великобритания	США
Восходящая гегемония	<p>Первый цикл Кондратьева <i>Фаза А</i></p> <p>Соперничество с Францией (наполеоновские войны). Производственная эффективность: промышленная революция</p>	<p>Третий цикл Кондратьева <i>Фаза А</i></p> <p>Соперничество с Германией. Производственная эффективность: фордизм, массовое производство техники; «Прекрасная эпоха»</p>
Победа гегемонии	<p>Первый цикл Кондратьева <i>Фаза В</i></p> <p>Торговая победа в Латинской Америке и контроль над Индией; мастерская мира; «Тяжелые времена»</p>	<p>Третий цикл Кондратьева <i>Фаза В</i></p> <p>Коммерческая победа в окончательном крушении британской системы свободной торговли; военное поражение Германии; «Великая депрессия»</p>
Гегемонная зрелость	<p>Второй цикл Кондратьева <i>Фаза А</i></p> <p>Эра свободной торговли; Лондон становится центром мирового хозяйства; «Викторианское процветание»</p>	<p>Четвертый цикл Кондратьева <i>Фаза А</i></p> <p>Бреттон-Вудская либеральная экономическая система, основанная на долларе; Нью-Йорк — новый мировой финансовый центр; «Золотой век роста» (прежде всего для США)</p>
Падение гегемонии	<p>Второй цикл Кондратьева <i>Фаза В</i></p> <p>Классическая стадия империализма; европейские государства и США противоборствуют Великобритании. Новая промышленная революция, протекающая за пределами Великобритании; «Великая депрессия»</p>	<p>Четвертый цикл Кондратьева <i>Фаза В</i></p> <p>Возврат к элементам протекционизма в противостоянии японскому и европейскому соперничеству</p>

4. Теоретические проблемы мировых геополитических циклов

гость мировой экономики. Это период свободной торговли. И наконец, *стадия «падения гегемонии»* относится к фазе В, когда снизившаяся эффективность производства больше не позволяет доминировать над соперником. Это выливается в острое соперничество, при котором новые государства стремятся получить большую долю мирового рынка. Наступает политика официального империализма, когда каждый соперник пытается сохранить собственную часть «периферии».

Обобщая основные идеи геополитиков о цикличности развития международных конфликтов, мировых порядков, борьбы за гегемонию, можно сделать следующие **выводы**.

- Очевидно, существуют определенные пространственно-временные матрицы проявления замкнутых циклов развития от восхождения к упадку главных мировых государств, одно из которых выполняет функцию «мирового полицейского», с чем связаны его преимущества в перераспределении в свою пользу мировых ресурсов (в широком, а не только в естественно-историческом их понимании), с огромным бременем ответственности перед поддержанием мирового порядка, что ведет к огромному расходу указанных выше ресурсов.

- Совершенно очевидно, что геополитические процессы находятся в неразрывной, хотя и не строго детерминированной связи с мирохозяйственными процессами.

- Циклическое развитие глобальной геополитической системы в настоящее время может претерпеть радикальные изменения в связи с процессами глобализации, когда мировыми акторами все в большей степени выступают транснациональные корпорации, как вирусы в клетке проникающие через национальные границы и определяющие новые, так называемые геоэкономические стратегии развития мирового хозяйства как целостно развивающейся системы.

Контрольные вопросы

1. Дайте определение «длинным мировым политическим циклам» и охарактеризуйте четыре фазы их развертывания во времени.
2. Какие факторы лежат в основе глобального лидерства?
3. Опишите предположительные взаимосвязи между длинными циклами мировой политики и циклами Кондратьева.
4. Назовите три мировых геополитических гегемона в трактовке П. Тейлора и охарактеризуйте три стадии достижения гегемонии.

Раздел I. Геополитика

5. Каковы основные механизмы сочетания стадий гегемонии Великобритании и США с циклами Кондратьева?
6. Выскажите свое мнение о цикличности в мировых политических процессах, прежде всего на предмет возможности их существования.

Использованная литература

1. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры//Избр. соч. М., 1993.
2. *Модельски Дж., Томпсон У.* Волны Кондратьева, развитие мировой экономики и мировая политика//Вопросы экономики. 1992. № 10.
3. *Цымбурский В. Л.* Военные циклы: проблема, гипотеза, модель//Полис. 1996. № 3.
4. *Agnew J., Cobridge S.* Mastering Space. Hegemony, Territory and International political Economy. London; New York, 1995.
5. *Goldstein J.* Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age. Yale, 1988.
6. *Kennedy P. M.* The Rise and the Fall of the Great Powers. Economic Changes and militarist Conflicts from 1500 to 2000. London, 1988.
7. *Modelsky G.* Long Cycles in World Politics. Seattle; London, 1987.
8. *Modelsky G, Thompson W. R.* Seapower in Global Politics 1494-1993. Seattle, 1987.
9. *Taylor P. J.* Political Geography: World-Economy, Nation-State and Locality. London: Longman, 1993a.
10. *Taylor P. J.* Political Geography of the Twentieth Century. London: Belhafen, 1993b.
11. *Toynbee A.* A Study of History. London, 1954.
12. *Wallerstein I.* The Politics of the World-Economy//Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

5.1. Мир после «холодной войны»: однополюсный или многополюсный?

От геополитических
к геоэкономическим
стратегиям

От мелели Маккиндсра до геои-
литического районирования Коэ-
на Россия всегда указывалась на
геополитических картах в составе
осевой области планеты (хартленд)-: Характерной чертой сегодняш-
ней России как бывшей супердержавы стало ее резкое ослабление
практически во всех областях политики, экономики, социальной¹
сферы и культуры, но одновременно Россия остается второй в мире
страной после США ядерной державой, переживая труднейший пе-
риод реформ в направлении к демократии, рыночной экономике,
открытому обществу с его приоритетом прав человека над правами
государственной бюрократии и над геополитическими кодами по-
ведения государств, по крайней мере в мирное время.

В геополитическом плане *текущая ситуация напоминает пере-
дел мира*, хотя в отличие от предыдущих его проявлений нынеш-
нее положение отличается иной основой взаимодействия силовых
полей. Известно, что вплоть до середины XX в. одним из главных
стремлений мировых держав было сохранение их влияния на об-
ширных территориях в целях обеспечения контроля над ресурсами.
Это поддерживало существование колониальных империй.

Начиная с середины XX в., по мере развития процесса
деколонизации поведение и стратегия великих держав нача-
ли меняться. В этот период развитие государства стали боль-
ше стремиться установить контроль над потоками информа-

ции (включая знания, технологию), товаров, услуг, капиталов и рабочей силой, нежели над территориями. *Борьба за сферы влияния начала вестись в основном с помощью геоэкономических стратегий*³³.

Ключевым фактором экономического роста стран мира стало рациональное использование собственных и внешних ограниченных ресурсов через механизмы международного разделения труда, что предполагало концентрацию на своих экономических, финансовых, торговых и прочих преимуществах.

Однако и при этой парадигме мирового развития военная мощь не утратила своего значения (так, Япония является односторонней сверхдержавой, поскольку не имеет крупных вооруженных сил, хотя и располагает некоторой мощью на море и в воздухе; в своей оборонительной политике она опирается на Американско-Японский союз).

Тем не менее военный критерий, хотя и значимый, как показывает опыт экономически процветающего Кувейта по сравнению с Ираком, все же не является главным в глобальном его проявлении. К тому же военная мощь при прочих равных условиях сама все больше и больше зависит от экономического могущества государства.

Долгое противостояние двух сверхдержав привело к формированию иерархической пирамиды международной безопасности. Вершина этой пирамиды в наиболее полном виде была сцементирована *установлением в 1970-е годы военно-стратегического паритета двух сверхдержав*. Следующий уровень еще раньше образовали два крупнейших в мире военных блока: НАТО (1949) и Варшавский договор (1955). Ниже лежали уровни региональной и субрегиональной и, наконец, национальной безопасности. Эта система, взятая в целом, гарантировала глобальную безопасность, что было доказано самой историей. Сверхдержавы терпимо относились к возникновению некоторой нестабильности и конфликтов на нижних уровнях пирамиды, возникали критические отношения и между ними, но применение ядерного оружия не допускалось.

³³ Под геоэкономическими стратегиями понимаются методы контроля над разного рода ресурсными потоками и управления международными воспроизводственными цепями в пределах планеты, целью которых является участие субъектов международных экономических отношений в создании и переделе мирового валового продукта.

5. Геополитическое положение современной России

В России-СССР в составе стратегических сил доминировали межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования, затем шли морские стратегические силы (в настоящее время — это прежде всего Северный и Тихоокеанский флоты, Балтийская передовая база и Каспийская военно-морская база).

Многоуровневая зависимость
между **странами**

После окончания «холодной войны» прежняя пирамида не рухнула из-за того, что в основе ее лежат военно-стратегические потенциалы США и России. Однако она существенно трансформировалась. *Произошло усиление некоторых региональных центров* (Турция, Индия, Бразилия и др.). Правда, некоторые американские эксперты и политики, представители школы «регионализма», полагают, что и в новых условиях США вместе с Западной Европой могут и должны играть роль третейского судьи в региональных конфликтах, что и произошло в Сербии в 1999 г. в ответ на политику геноцида правительства Милошевича в отношении косоваров.

Кроме США, в операции «Союзническая сила», длившейся 78 дней, участвовали Великобритания, Франция, Германия, Бельгия, Канада, Дания, Греция, Италия, Нидерланды, Норвегия, Португалия и Турция. Япония сделала большой финансовый вклад. А граничащие с Сербией страны дали согласие на использование своего воздушного пространства. Венгрия выделила столичный аэропорт для самолетов-заправщиков НАТО.

Относительно установления многополюсного мира характерно высказывание директора Гарвардского центра по международным делам **Джозефа Ная**. «Многополюсный мир. Это клише довольно популярно у авторов редакционных статей, но крайне обманчиво, если используется в качестве исторической аналогии с XIX в., потому что тот старый порядок основывался на равновесии пяти приблизительно равных великих держав, в то время как силы современных великих держав далеки от равновесия.

Россия будет и дальше испытывать экономические трудности, и ее реформы — это вопрос десятилетий, а не лет. Китай — развивающаяся страна и, несмотря на быстрый рост, останется таковой еще долго и в следующем столетии. Европа равна Соединенным Штатам по населению, экономическому уровню и человеческим ресурсам... Европе по-прежнему не хватает политического единства, чтобы действовать в качестве самостоятельной глобальной

силы. Япония обладает значительной экономической и технологической мощью, однако ее набор силовых ресурсов в военной области невелик... Чтобы серьезно потягаться с Соединенными Штатами, Японии пришлось бы значительно изменить свое отношение к военной силе и к своему этноцентризму» [Най, 1992, с. 5].

Исходя из этого высказывания, мир стал однополюсным и его сверхдержава — США. Най утверждает, что не следует говорить и о гегемонизме, поскольку *в мировой экономике еще в 1970-е годы сложилось три полюса*. На США, Европу и Японию приходится две трети мирового производства. По крайней мере в экономике США неспособны к гегемонии. Она также вряд ли возможна из-за диффузии в условиях транснациональной взаимозависимости.

Най характеризует современную геополитическую зависимость между странами как «многоуровневую зависимость»: «Для адекватного описания многоуровневой структуры мировой политики не подходит ни одна иерархическая модель. Расстановка сил в мировой политике стала напоминать слоеный пирог. Верхний, военный слой — в основном однополюшен, поскольку нет других сравнимых с США военных держав. Средний, экономический слой — уже в течение двух десятилетий трехполюсный. Нижний слой транснациональной взаимозависимости характеризуется диффузией силы. Все эти сложности не имели бы значения, если бы военная сила была столь же универсальна, как деньги, и могла бы определять исход дела во всех сферах... Однако военная доблесть отнюдь не гарантирует благоприятных результатов в экономическом и транснациональном слоях современной мировой политики. Имея более диверсифицированный набор силовых возможностей, Соединенные Штаты обладают преимуществами перед другими странами, но новый мировой порядок не будет эрой американской гегемонии» [там же, с. 7].

5.2. Внутренние условия формирования геополитического кода России

Последствия распада СССР для России

После окончания «холодной войны» и распада СССР геополитическое положение России суще-

ственно изменилось. Российский географ **А. И. Трейвиш** видит в произошедших сдвигах не только минусы, но и плюсы.

5. Геополитическое положение современной России

Оценим вначале минусы.

- Россия вернулась к границам примерно XVII—XVIII вв. От России откололась четвертая часть территории бывшего СССР с почти половиной населения.

- Россия лишилась значительной части портов. Она имеет теперь ограниченный выход в Черное и Балтийское моря, хотя на Севере и Дальнем Востоке сохранила широкий выход к морям открытого океана.

- Россия лишилась ряда житниц, курортных районов.

- Россия стала более северной страной и удалась от ряда мировых транспортных путей.

- Она потеряла практически все свои геополитические зоны влияния, так называемые «защитные оболочки», в которых происходит геополитическая переориентация, большими темпами идет процесс дезинтеграции в СНГ.

- Ее границы не обустроены, к тому же появился эксклав — Калининградская область.

- За пределами России остались этнически русские меньшинства; не решены проблемы беженцев и выведенных из-за рубежа войск.

- На границах и на периферии России появились «горячие точки».

- Россия слаба экономически, ее армия не отвечает современным требованиям. А как перед обладателем мощных стратегических ядерных систем, при недостатке средств перед Россией стоит вопрос полноценности контроля над ними. Проблема усугубляется надежностью хранения ядерных материалов из-за деятельности в местах сосредоточения ядерных арсеналов криминальных групп.

- Как полноправный наследник бывшего СССР Россия, взяв на себя его внешние требования и обязательства, не может избавиться от старых геополитических проблем. Подписанный Россией 15 мая 1992 г. Договор о коллективной безопасности СНГ привел, например, к погружению России в этнические, религиозные и политические проблемы Центральной Азии. Дело не только в обязательствах по указанному в скобках Договору, проблема сложнее. Россия стала страной без настоящих государственных границ на большом протяжении. Она вынуждена соблюдать свои территориальные интересы, оставаясь на так называемых «имперских» границах и попадая в «ловушки» в Таджикистане, на Кавказе, в Крыму и Приднестровье.

Кроме того, Россия расплачивается за волонтеризм в международных делах, в размещении производительных сил и т.п. Что касается размещения производства, то вопреки утверждениям о том,

Раздел I. Геополитика

что, будучи «центром», Россия де эксплуатировала периферийные республики, это неверно. Характерной чертой прежней роли России как центра, наоборот, был ее огромный безвозмездный вклад в развитие окраин, причем зачастую в ущерб себе (достаточно сопоставить депопулирующую деревню Нечерноземной России и относительно процветающую сельскую местность периферийных республик). Россия прилагала огромные усилия, чтобы вывести на столбовую дорожку европейской цивилизации все среднеазиатские республики. В противном случае они остались бы, возможно, на уровне Афганистана.

К плюсам потери империи можно отнести:

- В пределах России остались лучшие по качеству, составу и конкурентоспособности на мировом рынке естественные ресурсы.
- Здесь сконцентрированы самые мощные научные силы бывшего СССР.
- Хотя континентальность территории России увеличилась, все же сохранились выходы в Черное и Балтийское моря (хотя бы по одному современному порту, причем в пределах областей, а не автономий Российской Федерации). На 20,3 тыс. кв. км сухопутных границ России приходится 38,2 тыс. кв. км морских границ. Соотношение, таким образом, два к одному в пользу морских границ. В то же время, располагая значительным ледокольным флотом, Россия до сих пор не использует в интересах международной торговли Северный морской путь — кратчайшую водную трассу между Европой и Японией.
- Россия сохранила контакты со всеми соседями из числа развитых стран.
- Страна остается уникальным транзитным коридором через Евразию.

«Итак, Россия остается обширнейшей трансконтинентальной державой с мощным поясом стран-соседей и с переходным, контактным положением между Европой и Азией» [Трейвиш, 1995, с. 16].

Процесс формирования современной государственности

° ^{на} ^{из} ^{сам} ^{ых} трудных внутренних проблем России, определяющих выбор ее поведения на мировой геополитической арене, заключается в *незавершенности формирования современной государственной системы*. Продолжается борьба по определению приоритетов национальных интересов.

5. Геополитическое положение современной России

В этой борьбе отражаются противоречия нынешнего «революционного» периода, прежде всего между традиционалистами и демократами.

Вариация взглядов огромна, что уже было охарактеризовано в главе 2, параграфе 7: от необходимости восстановления СССР, возможно, даже в более широких пространственных масштабах, до создания чисто однопационального русского государства, пусть даже за счет отказа от восточных регионов, где русские живут уже около четырех столетий. Более того, под лозунгом защиты отечества российские фундаменталисты, прежде всего, разумеется, коммунисты борются за сохранение коммунистической общественной системы, которая отождествляется ими с отечеством.

Гипотетически существуют *три внутренних варианта трансформации России*: 1) авторитарная империя, базу под которую подводят национал-большевики, с одной стороны, и коммунисты — с другой; 2) раскол России³⁴ на конфликтующие друг с другом части; 3) строительство федеративного демократического (а не авторитарного, практически имперского) государства с параллельным созданием условий для открытого гражданского общества.

Имперский вариант неизбежно натолкнется на антироссийские движения и блоки у наших границ. Минимум, что ждет в этом случае Россию, — это многолетняя ее изоляция от мирового сообщества. Этот вариант, кстати, широко пропагандируется в системе *Internet* группой А. Г. Дугина и др. Вряд ли он осуществим мирным путем. Новые независимые государства стремятся стать участниками исторического процесса.

Любое силовое давление на них будет вести к бойкоту России в мировом сообществе и к изоляции ее в мировом хозяйстве. Это связано с ее дальнейшим технологическим отставанием и с истощением ресурсов, так как ни одно государство в мире не может развиваться, опираясь только на свои внутренние источники роста. Время местных и даже региональных факторов развития уже давно прошло. Кроме того, мировое сообщество в случае имперского вектора развития России не сможет не учитывать большую угрозу со стороны России как источника распространения страте-

³⁴ И. Г. Яковенко в книге «Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы» (1999) пишет, что пора спясть табу на обсуждение возможности выхода из государства каких-либо территорий [с. 156]. По его мнению, Сибирь — это «малозаселенная колония»; «не Европа по очень многим характеристикам», а также тысячелетняя «провинция Китая» [Яковенко, 1999, с. 61, 136].

Раздел I. Геополитика

гических технологий, особенно ядерных (даже в демократической России это происходит во взаимоотношениях с Ираном, Китаем).

Второй вариант трансформации России (раскол на отдельные части) *означает распад хартленда в его классическом понимании. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что от интеллигентской безответственности может произойти ценная реакция нарушения стабильности мирового масштаба.*

В недопущении раскола России в существующей ситуации как раз и состоит ответственность перед мировым сообществом. К этому надо добавить неизбежную активизацию дуги нестабильности (подбрюшья России) Бжезинского, окружающей Россию с юга, где США и СССР ранее оказывали необдуманную с нынешних позиций поддержку некоторым режимам. И теперь здесь имеются безответственные этнократии, создающие потенциальную взрывоопасность для геополитического равновесия.

Укрепление интегрированное™ российского государственного пространства является императивом. Однако эта задача сложна, поскольку «государственная масса» России очень неоднородна — в пределах России можно найти широкий набор социально-экономических регионов разного уровня развития и различного этнокультурного состава. В то же время тот естественный механизм рыночных сил, который способен спаять это пространство в единый экономический организм, на основе которого мог бы сложиться и интегрированный внутренний геополитический потенциал, не заработал пока в полную силу, и на формирование цивилизованно-рынка уйдут многие годы.

Оптимальным для России является третий вариант государственности, который позволит ей не потерять свою целостность и создать такой геополитический код, который вернет России авторитет в рамках бывшего СССР и в мире. *Федеративное устройство с сильными горизонтальными связями, демократия и открытость экономики и общества* должны рассматриваться как необходимые условия нового геополитического кода России, учитывающего международный баланс сил.

Одна из важнейших задач в ближней перспективе — экономическая, культурная, коммуникационная интеграция в рамках СНГ на добровольных началах. *Демократический вариант отвечает принципам геополитики взаимодействия, а такая геополитика — чаяниям народов этого обширного региона, веками живших вместе.*

5.3. Модель геополитического положения России

Россия в системе Больших пространств

Мировую геополитическую ситуацию относительно России достаточно обобщенно можно представить в системе Больших пространств (сфер), геополитических районов и великих держав, для чего можно использовать схему районирования мира Коэна и представления о внешних оболочках страны [Геополитическое положение, 2000].

При этом необходимо разделять *два аспекта: военный* (военно-стратегический) и *геоэкономический* (мирохозяйственный).

В военном аспекте геополитическое окружение России таково:

1. На западе НАТО, продвигающееся к границам России, практически взявшее контроль над Балканами и Центрально-Восточной Европой, т.е. над бывшей сферой влияния СССР.

2. На востоке пограничный Китай, располагающий значительным военно-техническим потенциалом, а также Япония, которая хотя и не является военной державой, но опирается на военный Американско-Японский союз.

Геоэкономическое «давление» на Россию:

1. Россия находится в окружении экономической Триады мира — на западе Европейский Союз (более 20% от суммарного ВВП мира); на востоке Япония (около 9% ВВП мира) и тесно связанные с ней Новые индустриальные страны Азиатско-Тихоокеанского региона; на крайнем северо-востоке к малообжитой части страны примыкает НАФТА.

2. К юго-восточной границе примыкает Китай с динамично развивающейся экономикой (доля его экономики в суммарном ВВП мира составит в 2015 г. около 18%, а США — 16,5, России — более 3%) [Болотин, 1998].

Суммируя два вида потенциалов, *получаем следующую панорамную картину Больших пространств. Ведущим* по военной и геоэкономической мощи выступает Северо-Атлантический сектор. **Второе Большое пространство** представляет Китай со значительным военно-стратегическим комплексом, динамично развивающейся экономикой, самым значительным в мире демографическим потенциалом (около 1,2 млрд человек, или более 1/5 человечества), со стремлением доминирования в АТР или хотя бы в пределах так

Раздел I. Геополитика

называемой *Большой Китайской экономикой*, включающей, помимо Китая, все страны с большими китайскими диаспорами.

Третье Большое пространство представляет АТР, рассматриваемый как огромное тихоокеанское кольцо, в которое входят и Соединенные Штаты. Россия также принята в организацию АТЭС, которая стремится превратить АТР в свободную торговую зону.

Следует подчеркнуть, что обозначенные Большие пространства не объединяются по канонам классической геополитики. К концу XX в. *они трансформируются и взаимодействуют под влиянием всеобщего процесса глобализации*. Геополитика взаимодействия в сочетании с процессами глобализации финансов, транснационализации самых различных секторов экономики, создания переплетающихся в пределах всего геопространства стратегических альянсов между ТНК и т.п. превращается в геοэкономику.

В связи с этим для России актуальна не только реформа армии для повышения ее дееспособности, но прежде всего *принятие серьезных решений в области геοэкономики*. Нельзя согласиться с концепцией автаркического развития, как это предлагают, например, геополитики неоевразийцы, ссылаясь на устаревшие представления Р. Челлена о «народном доме». Это означает обречь Россию на вечное «догоняющее развитие». Геοэкономика означает в первую очередь переход на обдуманную преимущественно *экспортно-ориентированную модель развития внешнеэкономических связей*, которая со временем даст России рычаги влияния на мировые тенденции и процессы.

Экспортно-ориентированная модель развития страны предполагает, что страна-экспортер ориентируется в экспорте и импорте на страны-лидеры. Высокоразвитые страны должны сыграть роль «повышающего трансформатора» для России при подключении к мировому хозяйству.

Страна-последователь обеспечивает страну-лидера товарами, которые она производит дешевле, но на уровне мировых стандартов, причем нередко с помощью инвестиций, поступивших из стран-лидеров. Этот путь прошла Япония, проходят Новые индустриальные страны и Китай.

Параллельно России *предстоит решить проблему перевода внешнеэкономических связей на геοэкономические стратегии*, основным содержанием

5. Геополитическое положение современной России

ем которых является транснационализация экономики. Это одна из главных национальных целей. Для обеспечения своей глобальной устойчивости и перераспределения в свою пользу мирового продукта ТНК исходят из представления о мире как едином внутреннем рынке, в рамках которого они создают мировые воспроизводственные циклы и вступают друг с другом в стратегические альянсы. Таким образом, современное мировое хозяйство — это не только совокупность экономик национальных государств, связанных между собой обменом товарами и факторами производства, но и воспроизводственные цепи открытого типа в рамках многих государств и межгосударственных группировок. У многих высокоразвитых стран, использующих геоэкономические стратегии, все больше стираются грани между внутренней и внешней (или так называемой «второй») экономикой. В какие геоэкономические пространства может вписаться Россия, в Объединенную Европу, Большое пространство Тихого океана или НАФТА (существует же идея соединения России с Аляской железной дорогой), зависит от многих факторов, включая волю и аналитические способности российских политиков.

Внешние геополитические концентры и сектора

^{Б о л е е} Детальная, но все же край-
^{н е} *обобщенная картина геополитического положения России* может

быть показана на диаграмме (рис. 9), на которой ее геополитические интересы и проблемы распределены по концентрикам (оболочкам) и секторам.

Первый пояс — новое зарубежье, в котором условно выделены сектора.

- *Государства Прибалтики (Балтии)*. Основные противоречия России с ними касаются дискриминации живущих в них этнических русских, особенно в Эстонии и Латвии. Эти государства опасаются, что их русское население может сыграть на каком-то этапе роль «пятой колонны», а также возможной ассимиляции национального населения русскими. Все три страны стремятся к вступлению в НАТО, что им обещает эта организация в первом пятилетии XXI в.

- *Белоруссия*. С ней образовано Союзное государство России и Белоруссии, которое идеологически поддерживают российские коммунисты. Однако многие решения, принятые в рамках Союза, не реализуются на практике или постоянно откладываются на будущее.

- *В западном Черноморском секторе* главные спорные вопросы:
 1. Кому все же должен принадлежать Крымский полуостров (все более важную роль здесь играют крымские татары)?

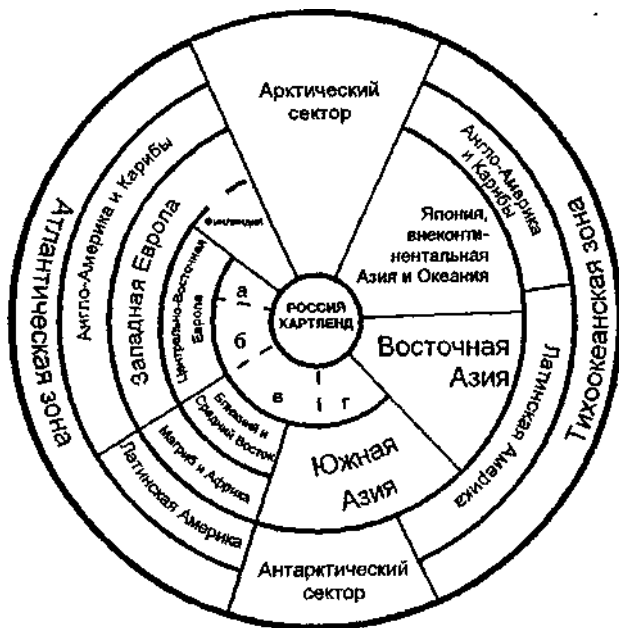

Рис. 9. Пояса (оболочки) и секторы в геополитическом положении России. Строчными буквами выделено новое зарубежье: а) Балтия и Белоруссия; б) Западно-Черноморский сектор; в) Кавказ; г) Центральная Азия.

2. Кто будет доминировать на Черном море (это также касается и других черноморских стран)?

3. Каков будет статус Приднестровья?

4. Каков будет статус Севастополя и какова участь российской части Черноморского флота?

5. Как изменятся отношения России с Украиной при условии ее сближения с НАТО?

Вновь для России возникла проблема пользования проливами между Черным и Средиземным морями. Определенные политические круги Турции вновь возвратились к доктрине «Черное море — турецкое море», используя экологический фактор риска прохода российских танкеров. Запреты для России пользоваться проливами — это нарушение международной конвенции, принятой в Монтрё (Швейцария), согласно которой черноморские страны проводят через проливы корабли без ограничений при соблюде-

5. Геополитическое положение современной России

пни установленных условий; проход военных кораблей нечерноморских стран ограничен по классу, тоннажу и сроку пребывания в Черном море.

• *В Кавказском секторе* можно выделить две главные и взаимосвязанные проблемы. Останутся ли северокавказские автономии, особенно из-за войны в Чечне, в составе России? Какую роль играют новые кавказские государства вместе взятые и порознь (православная Грузия, шиитский Азербайджан, монофизитская Армения) в геополитической стратегии России?

Руководство НАТО объявило Закавказье и Среднюю Азию сферой ее ответственности. Грузия заявила о желании вступить в НАТО. США провозгласили Каспийский регион зоной своих национальных интересов. Азербайджан заявил о возможности создания на его территории американских и турецких военных баз.

Не соответствуют российским интересам, особенно ее урало-сибирским нефтеносным районам, некоторые конкретные проекты. Например, проект ТРАСЕКА, который должен соединить Среднюю Азию с Центрально-Восточной Европой и далее с Европейским Союзом и НАТО. Этот проект увязывают с освоением нефтяных месторождений Каспия и Прикаспия и с предполагаемыми нефтепроводами, альтернативными нефтепроводу Баку—Новороссийск. Проект ТРАСЕКА имеет явный геополитический вызов России, поскольку экономически он вряд ли целесообразен из-за множества таможенных рубежей, необходимости многократных перегрузок с наземного транспорта и наоборот. Другой проект нефтепровода Баку—Джейхан через Турцию во многом также имеет геополитический характер, хотя экономически он целесообразен.

Откровенно антироссийский характер имеет объединение ГУАМ (Грузия—Украина—Азербайджан—Молдова), постепенно трансформирующееся в оборонное соглашение. В 1999 г. к этой оси присоединился Узбекистан.

Как известно, России небезразлична судьба Абхазии, куда она направила своих миротворцев. Однако правительство Грузии стремится заменить их международным контингентом, приводя очень слабую аргументацию этого шага.

• *В Средней Азии и Казахстане* (с 1993 г. здесь существует сообщество республик Центральной Азии), как и на Кавказе, растет национальное самосознание в самых разных формах. Регион после перестройки был охвачен острыми этническими конфликтами. Затем возникли проблемы внутривосточного и межгосударственного характера, проявляемые часто как приграничные столкновения, потому что оппозиция, а также террористы и наркодельцы

«квартируют» в Афганистане — стране, где два десятилетия идет война, начавшаяся с экспансии СССР в 1989 г.

В 1999 г. таджикские исламисты вторглись в киргизскую и узбекскую части Ферганской долины, летом 2000 г. объектами фундаменталистов вновь стали границы Киргизии и Узбекистана. На Ташкентской конференции президентов Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана в апреле 2000 г. Афганистан был назван «дамокловым мечом Центральной Азии». Успехи афганских талибов могут способствовать продвижению на север к Каспию. Они могут привлечь и геэкономику. Так, имеется проект прокладки трубопроводов из Туркмении к Индийскому океану. Тогда неприокеанические Афганистан и Туркменистан могут избавиться от статуса «медвежьего угла» мировой экономики и обеспечить себе доступ к ресурсам со стороны Мирового океана. Однако это может угрожать государственности Таджикистана, с которым талибы с помощью таджикской оппозиции ведут вооруженную и геополитическую войну. Нельзя забывать и о возможных претензиях исламистов на внутренний восток России — на Поволжье, Приуралье, Северный Кавказ.

Как было отмечено, Турция проявляет большую геополитическую активность в регионе Закавказья и Средней Азии. Утверждение здесь Турции вовсе неприемлемо для России. Однако геополитика взаимодействия диктует в этом случае развивать сотрудничество и взаимопонимание с Турцией как черноморской державой. Эта линия уже сейчас согласуется с проектами российско-турецких газопроводов: уже прокладываемого «Голубого потока» и проектируемого через Западную Грузию и Армению.

Второй, третий и четвертый пояса — концентры (оболочки) включают государства дальнего зарубежья, где Россия просто не в состоянии вернуться к осуществлению глобальной политики. Для дальнего зарубежья предлагались различные концепции, одна из которых названа стратегией сбалансированной равноудаленности-равноприближенности, что означало, очевидно, поскольку концепция не разъяснялась, некоторую аморфную политику, следующую за событиями.

Рассмотрим некоторые проблемы общего и частного характера геополитического положения России во внешних оболочках.

• *Арктический сектор.*

К Арктике прилегают территории пяти государств: России, США, Канады, Дании (Гренландия) и Норвегии. Здесь имеются неразрешенные проблемы. Россия и Норвегия оспаривают несколько десятков тысяч кв. км в Баренцевом море, потенциально богатых залежами газа и нефти. На участке шельфа, именуемого российскими геологами «поднятием Федынского», по прогнозам,

5. Геополитическое положение современной России

имеются запасы природного газа, равные крупнейшему Штокмаповскому месторождению, а нефти — равные запасам Тимано-Печорского месторождения.

Россия ратифицировала Морскую конвенцию ООН (1982 г., вступила в силу в 1994 г.) в 1997 г. В силу этого она должна отменить Постановление Президиума ЦИК СССР «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов» от 15 апреля 1926 г., в котором было установлено, что территорией СССР являются все земли и острова, как уже открытые, так и могущие быть открытыми впоследствии, расположенные в секторе, образующем треугольник между побережьем СССР на Северном Ледовитом океане, Северным полюсом и меридианами: 32° 4' 35" в.д. и 168° 49' 30" з.д. по Гринвичу. Эта проблема решается в Государственной Думе путем обсуждения проекта Федерального закона «Об арктической зоне Российской Федерации». Проблема состоит в том, что Морская конвенция ООН не имеет секторального принципа определения статуса.

- *В Центрально-Восточной Европе* Россия потерпела наибольший геополитический и геоэкономический урон. На всем протяжении истории государства Центрально-Восточной Европы, имея промежуточное положение, сильно зависели от изменчивого баланса европейских сил. (Теоретическое допущение: если бы вопрос о «восточных землях» начал бы серьезно обсуждаться в Германии, то Польша и Чешская Республика неизбежно вновь бы потянулись к России.) Сейчас же за счет стран Центрально-Восточной Европы происходит расширение НАТО.

- *Китай.* С этой страной Россия имеет наиболее протяженную границу (около 2500 км). Некоторые эксперты полагают, что прогресс Китая в экономике может представлять угрозу для России в форме постепенной китаизации редко заселенных областей Сибири и Дальнего Востока. Разрыв демографического потенциала между двумя государствами — на порядок: в 2000 г. в России насчитывалось 145 млн человек, а в Китае около 1,3 млрд (следует заметить, что ряд западных исследователей оценивают численность населения современного Китая вплоть до 2,2 млрд).

Процесс демографического проникновения в Сибирь и Дальний Восток происходит, но статистические данные о нем настолько противоречивы, что трудно привести взвешенные оценки. На проблему китаизации существует две противоположные точки зрения. Одна из них практически паническая. Известно, что В. С. Соловьев в «Краткой повести об Антихристе» описывает XX в. как эпоху последних великих войн, в которую все европейские государства признают вассальную зависимость от богдыхана. «В практических областях жизни становятся три явления: ши-

Раздел I. Геополитика

рокий наплыв в Европу китайских и японских рабочих и сильное обострение вследствие этого социально-экономического вопроса» [Соловьев, 1991, с. 154].

Правда, затем «следуют» события, в результате которых Европа становится свободной и превращается в европейские соединенные штаты [там же]. Но это потребовало больших жертв. Многие современные политики предостерегают Россию с ее постоянно снижающимся демографическим потенциалом и очень слабой заселенностью восточных регионов от демографической экспансии китайцев, которая происходит уже в настоящее время.

Другие авторы призывают смотреть на эту угрозу более оптимистически. А. В. Бедрицкий [1998, с. 6] пишет о том, что история Китая на протяжении трех последних тысячелетий показывает, что присоединение к Китаю новых территорий происходило преимущественно путем медленного распространения ареала китайской цивилизации по сопредельные территории, а не путем военной экспансии.

Это высказывание заставляет вспомнить геополитику Мао Дзэдуна, который откровенно искал пути территориального расширения. Наибольшие территориальные претензии были выдвинуты в отношении СССР (Дальний Восток, значительная часть Сибири до Урала, значительная часть Казахстана и Средней Азии). При Мао Дзэдуне были сломлены буддистский Тибет, Внутренняя Монголия, мусульманский Синьцзян, которые стали интенсивно заселяться этническими китайцами.

В то же время известный политолог М. В. Ильин не видит более опасного для России поворота событий, чем возникновение какого-то подобия оси «Пекин—Астана» [цит. по: Цымбурский, 1999, с. 157]. Такая ось могла бы давить одновременно и на дальневосточный фланг России, и на ее урало-сибирское ядро (земли между Екатеринбургом, Оренбургом и Кемерово, названные Ильиным «второй Великороссией») [Ильин, 1998, с. 91], «причем уязвимыми оказались бы как линия Транссиба, пересекаемая в нескольких местах казахстанской границей, так и Оренбургский коридор, отделяющий Казахстан от Башкирии — тюркского анклава внутри России» [Цымбурский, 1999, с. 157], под вопросом стали бы связи с Центральной Азией и Ираном (через Казахстан проходит до 3/4 транзита российских товаров в Центральную Азию и Иран). Но тогда можно судить и от противного: Казахстану опасна ось «Москва—Пекин», особенно если к ней примкнет Узбекистан.

При военной слабости Казахстана вряд ли подобные гипотезы имеют отношение к реальной политике. Вопрос достаточно сложный. В одном аргументированном геополитическом труде «Геополитический треугольник. Казахстан—Китай—Россия. Прошлое и настоящее пограничной проблемы» автор считает, что движение на Запад входит в планы Китая и осуществляется сознательно и целенаправленно. «Казахстанское руководство, не замечая проблем и подыгрывая Великому восточному соседу, ведет опасную геополитическую игру. Пытаясь уклониться от душающих

5. Геополитическое положение современной России

объятий бывшей Империи—России, попадает в карман гораздо более опасному «союзнику» [Хлюпин, 1999, с. 132].

Тем не менее принципиальные геополитические интересы Китая пока преимущественно направлены не в сторону России и Казахстана, а в Азиатско-Тихоокеанский регион, страны Юго-Восточной Азии, где он пытается закрепить свои прочные позиции государства-лидера, используя такой благоприятный фактор, как широкое распространение здесь хуацяо — многочисленных и предприимчивых китайских диаспор.

В перспективе с ростом индустрии КНР потребуются огромные ресурсы промышленного сырья, результатом чего будет осуществляться поворот в сторону сырьевых ресурсов близлежащих районов России — Сибири, Дальнего Востока, а также Казахстана и Центральной Азии, потому что другие ресурсные районы мира уже геоэкономически поделены.

- *Отношения России с Японией* упираются в проблему Курильских островов (конкретно — Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хибомай), на присоединение которых к своей территории претендует Япония. Россия в процессе сложных переговоров уступила Японии группу островов на юге Курильской гряды в 1875 г. — остальные Курильские острова в обмен на право полностью владеть островом Сахалин, который до того был под совместной юрисдикцией.

Однако в результате русско-японской войны 1904—1905 гг. Япония получила половину Сахалина (южнее 50° с.ш.). В 1945 г. СССР по договору с союзниками в Ялте (1943) вступил в войну с Японией и занял ее «северные территории».

В настоящее время Россией не отрицается наличие территориальной проблемы между двумя государствами, но возвращение Южных Курил не расценивается как удовлетворение законных претензий японской стороны, а как возможный акт доброй воли ради упреждения добрососедских отношений и заключения мирного договора [История Японии, 1999, т. 2].

- *Российско-американские отношения* — это обширнейшая тема с множеством неисследованных аспектов. После распада СССР они характеризовались прежде всего неустойчивостью, хотя произошел основной структурный сдвиг, о котором в свое время писал А. Д. Сахаров: «Я убежден, что единственным путем кардинального и окончательного устранения термоядерной и экологической гибели человечества, решения других глобальных проблем является глубокое встречное сближение мировых систем капитализма и социализма, охватывающее экономические, политические и идеологические отношения, то есть, в моем понимании, конвергенция. Именно разделение мира придало глобальным проблемам такую трагическую остроту. Поэтому только устранение этого разде-

ления может их разрешить» [Сахаров, 1989, с. 15]. Оказались неоправданными ожидания с российской стороны американской помощи для укрепления рыночной системы и демократии в России, что сейчас некоторые американские политики расценивают как невосполнимую ошибку США. В геополитическом плане всеми своими действиями США последовательно действуют в русле разрушения геополитических основ положения России как великой державы. При этом нельзя забывать, что политика перестройки М. С. Горбачева и далее политика Б. Н. Ельцина привела к значительной асимметрии в потерях США и России. США и Запад в целом практически ничего не потеряли, а в России и бывших союзных республиках разразился экономический кризис, распад системы союзнических связей и вывод больших контингентов войск из Европы и Афганистана, потребовавший огромных средств. Все это не коснулось США.

Теперь же Евразия становится (да и раньше была) центром геополитических и геоэкономических интересов США. Россия в этих планах теперь не выступает как равноправная держава, как это было во времена сотрудничества Рейгана, Буша с Горбачевым, а как «нормальная» страна, какими для США являются Великобритания, Германия, Япония, не помышляющие об отходе от американского геополитического кода.

Россия нужна Соединенным Штатам по ряду причин, но в первую очередь как противовес Китаю. «Никогда за всю эпоху новой и новейшей истории модели обеспечения стабильности Евразии в целом не строились американцами на презумпции «сильного Китая» [Богатуров, Кременюк, 1997, с. 137]. Как свидетельствуют публикации, Россия в немалой степени способствует модернизации военно-промышленного комплекса Китая: контракт на организацию лицензионного производства в КНР истребителя СУ-27; работа русских специалистов-«ядерщиков» в КНР, помощь в сооружении трубопроводов, ряда железных и автодорог и т.п.

Расширение НАТО, означающее приближение к непосредственным границам России, — это, безусловно, давление на нее. Поэтому все предложения о партнерстве не могут восприниматься Россией только как, по крайней мере, паллиативные. В то же время взаимодействие России с НАТО по ряду проблем не прерывалось даже в период Косовского кризиса.

В целом же *США, судя по публикациям и конкретным действиям, занялись перестройкой структуры безопасности в Евразии и в Европе* в частности. Такие действия в России воспринимаются как ущемление ее государственных интересов. Необходимо время для восприятия американской политики: разумны ли они, связаны ли с соблюдением государственного суверенитета, правом этнических групп на самоопределение, демократией и т.п.

5. Геополитическое положение современной России

Основное же требование к партнерским отношениям, к которым призывают США, заключается в том, чтобы действия США и НАТО не были направлены на разрушительные процессы относительно территориальной целостности России и ее интегративных тенденций в рамках СНГ.

• *Европейский Союз.* В этом случае речь идет преимущественно об экономическом сотрудничестве. С 1994 г. Россия осуществляет связи с Европейским Союзом в рамках «Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Россией».

На первый взгляд, Европейский Союз установил для России значительные торговые льготы: около 80% российского экспорта (главным образом энергоносители) ввозятся беспошлинно, еще 10% попадает под Общую систему преференций. При этом России предоставлено право защищать свой рынок от импорта некоторых товаров до момента вступления в ВТО. Как следствие, средневзвешенный тариф Европейского Союза в отношении России не превышает 1 %, тогда как в России этот показатель остается на уровне 16–18% [Шишаев, 1999, с. 102]. В действительности же, рынок Европейского Союза широко открыт для экспорта топливно-сырьевых товаров из России, а меры по «индустриализации» российского экспорта продолжают наталкиваться на дискриминационные ограничения.

Геополитическое влияние России в мире в значительной мере определяется ходом ее экономического развития, стратегией в выборе геоэкономических сфер и четко сформулированным геополитическим кодом, соответствующим реальному экономическому, социальному, политическому и культурному потенциалу страны.

Контрольные вопросы

1. Почему период после «холодной войны» называют очередным переделом мира?
2. Чем отличается отношение к пространственному фактору у великих держав в период классического империализма от современного?
3. Какова роль военного потенциала и военного критерия развития наиболее геополитически значимых держав в современном развитии?
4. В чем заключался механизм действия пирамиды противостояния двух сверхдержав в период «холодной войны»?
5. Назовите страны, входящие в состав НАТО. Какие последствия для России может иметь продвижение к ее границам НАТО путем приема новых стран-членов?

Раздел I. Геополитика

6. Возможно и целесообразно ли партнерское сотрудничество России с НАТО?
7. Какие региональные геополитические центры усилили свое влияние после «холодной войны»?
8. Приведите доводы относительно возможности существования многополярного геополитического и геоэкономического мира.
9. Раскройте положительные и отрицательные последствия в изменении геополитического положения России после распада СССР.
10. Назовите основные морские выходы современной России в зарубежный мир и сравните их с выходами СССР.
11. Охарактеризуйте основные внутренние проблемы, определяющие геополитическое поведение России в мире.
12. Почему раскол хартленда в его классическом понимании может привести к цепной реакции нарушения стабильности мирового масштаба? Если вы так не считаете, то приведите противоположные доводы, подтвержденные фактами.
13. Охарактеризуйте современное геополитическое положение России в системе существующих Больших пространств мира.
14. Дайте характеристику геополитических проблем России по секторам нового зарубежья: а) Балтия, б) Белоруссия, в) Черноморский сектор, г) Кавказ и Закавказье, д) оцените союз ГУАМ с позиций России, е) Средняя Азия и Казахстан (Центральная Азия).
15. Дайте характеристику основных геополитических проблем России в странах и коалициях стран дальнего зарубежья: а) Арктический сектор, б) Центрально-Восточная Европа, в) Китай, г) Япония, д) российско-американские отношения, е) Европейский Союз.

Использованная литература

1. *Бедрицкий А. В.* Империи и цивилизации//Русский геополитический сборник. 1998. № 3.
2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М., 1998.
3. *Богатуров А. Д., Кременюк В. А.* Российско-американские отношения: между конфронтацией и партнерством//США и внешний мир. Материалы IV научной конференции ассоциации изучения США. М., 1997.
4. *Болотин Б. М.* Международные сопоставления//Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 11.
5. Геополитическое положение России: представления и реальность/Под ред. В. А. Колосова. М., 2000.
6. *Ильин М.* Этапы становления внутренней геополитики России и Украины//Полис. 1998. № 3.
7. История Японии. 1868-1998. М., 1999. Т. 2.
8. *Най Дж.* Какой новый мировой порядок?//США: экономика, политика, идеология. 1992. № 2. С. 3-12.

5. Геополитическое положение современной России

9. Сахаров А. Д. Конвергенция, мирное сосуществование//Опыт словаря общего мышления/Под ред. М. Ферро, Ю. Афанасьева. М., 1989.
10. Соловьев В. Три разговора. М., 1991.
11. Трейвиш Л. Российская геополитика от Гостомысла до наших дней. Краткий обзор идей и фактов//Знание—сила. 1995. № 8.
12. Хлюпин В. Геополитический треугольник. Казахстан—Китай—Россия//Международный евразийский институт экономических и политических исследований. Вашингтон, 1999.
13. Цымбурский В. Л. Геополитика для «евразийской Атлантиды»//Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4.
14. Шишаев А. И. Наши дела с Европейским Союзом//Международная жизнь. 1999. № 10.
15. Яковенко И. Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999.

Раздел II. Политическая география

- Newton K.* Conflict avoidance and conflict suppression: the case of urban politics in the United States//K. R. Cox, ed. *Urbanization and Conflict in Market Societies*. London, 1978. P. 76-93.
- Short J. R.* *Political Geography*. Second Edition. London; New York, 1993.
- Taylor P. J., Flint C* *Political Geography, World-Economy, Nation-State and Locality*. Fourth Edition, Harlow, 2000.
- Wollmann H.* *Local Government Systems: From Historic Divergence Towards Convergence? Great Britain, France, and Germany as Comparative Cases in Point*//*Environment and Planning C: Government and Policy*, 2000. Vol. 18. P. 33-55.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- «Атомная дипломатия» 98-99
«Атомный клуб» 99,Ш2
Аккультурация 48
Анализ структурно-функциональ-
ный 253-254, 256-257
«Берлинская стена» 21, 95, 144
Бихевиоризм 253-255, 257
«Большое пространство» 66, 72, 74,
120, 223-225
Взаимопроникновение Моря и
Суши 83
«Внешний полумесяц» 56, 59, 70
«Внутренний полумесяц» 56, 59,92
Военно-стратегический паритет 216
Возраст этноса 167
Гегемония 117-118,208-209
американская 218
География
гуманистическая 253, 256—257,
270
«новая» политическая 249, 257—
259, 260, 263
политическая 239—254, 256, 273,
275-276, 282-285, 289-290, 297-
299, 311-312, 322
электоральная 252-253, 255, 259,
263, 266, 279-280, 284-287
Геополитика 9-10, 22-27, 29, 40-
41, 46, 54, 85, 87, 90, 123-125,
170-172, 230, 247, 258-259, 262
269-270, 283, 328, 371-372
«критическая» 269-270
«Геополитическая структура мира»
19, 51
Геопространство 19
Геоэкономика 21—22, 224
Глокализация 272
Государство
всеобщего благосостояния 415,
425-426
федеративное демократическое
221-222
Границы
«естественные» 302, 320
критические 328—329, 332
фронтальные 305, 314, 328
Группа «Геродота» 121 — 124
«Гуманитарная интервенция» 22
«Два блока — две культуры» 103
Декolonизация 184-187
Делимитация границ 301, 303, 309,
346, 348-350, 363
Демаркация границ 301, 303, 346,
349-350, 363
Демократия со-общественная 273
Держава
великая 43-44,106
второго порядка 106
Децентрализация 326, 381, 384,
402, 429, 437, 445, 460, 463
Дискурс политический 260, 266,
268-270, 273, 276
Доктрина
Монро 49
Соколовского 99
Евразийство 156, 161-162
«Железный занавес» 144
«Жизненное пространство» (Lebens-
raum) 38, 64, 83
Западничество 147—151
Идеализм в геополитике 29
Идентичность 243, 250, 258, 260-
261, 271, 274-276, 282, 293-294,
301, 313-314, 317-318, 321-326,
329-345, 347, 362-363, 369-372,
381, 385-386, 388-392, 402-405,
408-409, 429-430, 439, 447, 450,
458, 469
Идеократия 159
Идея национальная 11
Иконография 86-87, 251-252, 321,
323, 326

Предметный указатель

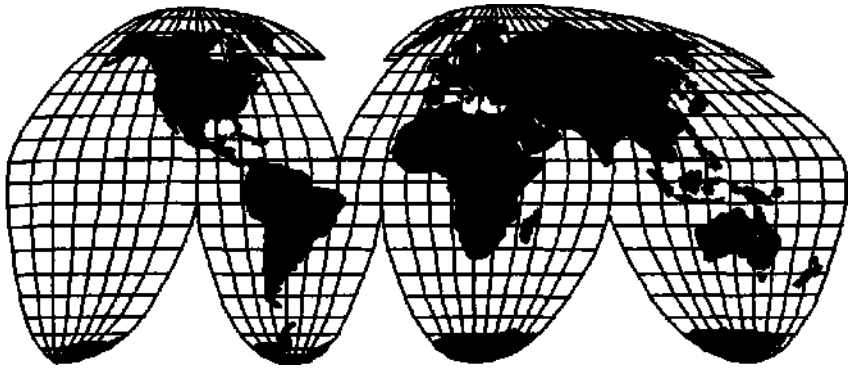
- Империализм 83, 142-143, 177, 187
Империя авторитарная 221
Евросоветская 75
Интересы (национальные, государственные, коалиционные) 23—24
Интернационализм либеральный 88
Иренология 33
Картография политическая 260
Коалиции региональные 446-447
«Континуум федерализма» 383—384, 398
Кодекс
 геополитический 26-27, 125-128, 130-133
 геополитический голлистский 131-132
 глобальный геополитический 126—131
 неприсоединения индийский 132—133
Коллектив территориальный 258, 276, 285-286, 288-289, 316, 318, 338, 368, 389-391, 407
Консоциализм 380, 395
«Континентальный блок» 69—70
Контроль интегрированный над территорией 90—92
 над геопространством 19
Концепция
 «динамического сдерживания» 97
 «морской силы» 52
 изоляциялизма 89
 места 259, 261, 263
 подавляющего государства 194—196
Космополитизм 12
Культурно-психологический феномен геополитики 10
Ламаркизм 37
Ландшафт политический 257, 332
Лимология 301-302, 311, 313
Макиавеллизм 34
Максимы Маккиндера 60
Манихейство 123
Месторазвитие 157
Мир
 многополюсный 217
 триполярный (тринарный) 98
 униполярный ПО
«Мировой порядок» 19, 32—33
Мировые гегемонии 208—209
Модель развития экспортно-ориентированная 224
Мондиализм 121
Морская сила государства 50
Морфополитика 42
«Москва—Третий Рим» 145—147
Мультикультурализм 272-274
Национал-большевизм 120, 163—164
Национализм 247, 279, 311-312, 314, 322-323, 344, 366-367, 372
Нация-государство (национальное государство) 321—322
Неоевразийство 165, 167
Неозападничество 169—170
Неоламаркизм 37
«Новые правые» 120-121, 74
Номос Земли 71—74
Округа специальные 444—445
Организации межкоммунального сотрудничества 443
Паназиализм 77
Панрегионализм 67—68
Панславизм 151-153
«Партизан Суши» 74
«Пассионарный толчок» 167
Пересечение ядерной черты 100
Подход
 контекстуальный 276, 278—281
 центро-периферический 27, 174
 экологический 253, 255—256
Полемология 33
Политика
 пограничная 348, 351, 354, 356
 сдерживания 104
Положение географическое 11, 37, 85, 359, 362
Поссибилизм 81
Постмодернизм 267, 270, 272

Предметный указатель

- Почвенничество 12
Пояс
 переходный 109
 разделенный 106, 109
Право наций на самоопределение 292, 295, 315-316, 321, 330, 369-370, 372, 376, 386-387
Представление геополитическое 123
Претензии территориальные 330, 348, 350
Принцип
 «анаконды» 52, 95, 169
 позиционный 82
Пространство 39
 геополитическое 11,95
 пограничное 348, 354, 364—365
 политико-географическое 242, 244, 252, 256, 260, 297
Противостояние Моря и Суши 49, 55, 73-74, 164-165
Процесс цивилизационный 81
Равновесие новое геополитическое 107
Разлом цивилизационный 16—17
Район
 геополитический 253, 296—297
 геостратегический 297
 политико-географический 291, 294-295
Районирование геополитическое 27
Расширение 45—46
Реализм в геополитике 29
Реальная политика (Realpolitik) 30, 88
Революционеры консервативные 120-121,164
Регион
 геополитический 106—109
 политический 292, 295
 трансграничный 326, 360—362
Регионализация 326, 361—362, 440, 448
Регионализм 257, 285, 383, 386, 409, 470
Рестаuration Мэйджи 75
Римленд 90-93, 96, 109
Свобода перемещения 45—46
«Сдвоенная модель Кондратьева—Валлерстайна» 210—213
Сепаратизм 247, 258, 349-350, 366-367, 370-371
Ситуация пограничная 307, 310, 325, 366-367
Славянофильство 147—150
Смена мировых порядков 209—210
Сотрудничество приграничное 350-351, 356, 358-362
Социал-дарвинизм 37
Споры территориальные 281, 296, 301, 304, 311, 366-367, 372, 374-375
Справедливость территориальная 386, 449
Средний ярус государств (буферные государства) 59
Стратегии геоэкономические 216, 224
Сфера геостратегическая 104
Теория
 домино 96
 инструменталистские 316, 445
 примордиалистские 248, 314—316, 321
 природных сред Четвертого мира 196-197
 Четвертого мира 5, 189—197
Территориальная монолитность 45—46
Территориальность 261, 268—270, 274-275, 312, 336, 387, 441
Территориально-политическая организация общества (ТПОО) 241, 244, 247, 259, 272, 289-290, 297, 379
Территориальные системы политического могущества 154—156
Территории—«ворота» 106, 110—
Типология народов 192—194

Предметный указатель

- Тип
колониальной зависимости 186—**187**
стран—метрополий 187—189
- ТНК (транснациональные компании) 225
- Топополитика 41—42
- Третий мир 96-97, 115, 268, 330, 380, 385, 395
- «Третий путь» 12,164
- «Третье пространство» 70
- Униполе глобальное 112
- Физиополитика 42
- Финляндизация 97
- Функции границ 302, 304-305, 307, 314, 318-319, 321-322, 325~326, 328, 334-335, 346-347, 353, 363, 365, 372
- Хартленд 54, 56-62, 93, 95,105, 157
- Хартлснд-римлспд 90, 92—95, 97
- «Холодная война» 113.
- Цивилизация 12-18, 328, 342, 368, 370-371
- Циклы
Кондратьева 203-206, 210-212
лидерства мировых держав **199**—203
мировой политики 207
- Экспансия 22
- Энтропия территории 107—109
- Эра колонизации
вторая конкурентная 181 — 184
вторая неконкурентная 180—181
первая конкурентная 178—180
первая неконкурентная 177—178
- Эра Колумбова 53
- Этногенез 166
- Эффект
«богатого нахлебника» 433, 448
места 287
«размазывания» (spill-over effect) 431, 433
соседства 280, 287

Раздел II

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ.

Теория и практика

Глава 1

РАЗВИТИЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И КОНЦЕПЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

1.1. Объект, предмет и структура политической географии

Термин *«политическая география»* начали использовать по крайней мере с XVIII в., понимая под ним совокупность сведений о политической организации государств, о новых территориях, включавшихся в мировое хозяйство или в национальные рынки. Однако говорить о политической географии как об особой дисциплине стало возможным лишь через много лет, когда в результате накопления разнообразной научной географической информации и по мере дифференциации наук стали формироваться представления о ее содержании, категориях и закономерностях.

Годом рождения современной политической географии можно условно считать 1897-й, когда появилась знаменитая книга **Ф. Ратцеля** *«Политическая география»*.

Для научного направления, претендующего на статус особой дисциплины, принципиально важно определить ключевое системообразующее отношение, которое она изучает, особые методологию и методы, систему категорий и проблематику. Нужно также дать дисциплине дефиницию.

На Западе политическая география долгое время определялась как наука, изучающая пространственные аспекты политических процессов, она лишалась, таким образом, собственного предмета исследований. Так, в известных американских учебниках конца **1960-х** — начала 1970-х годов ее определяли как:

- науку, изучающую пространственные аспекты международных отношений [de **Blj**, 1973];

Раздел II. Политическая география

- **размещенческий** подход к изучению власти и конфликтов [Сох..., 1974];
- пространственный анализ политических явлений [Kasperson and Minghi, 1969].

Несколько более конкретны определения, в которых целью политической географии названо изучение политических единиц, т.е. прежде всего государства. **Все** эти определения так или иначе опираются на широко известную работу крупного американского географа **Р. Хартшорна**, надолго предопределившую многие направления развития политической географии [Хартшорн, 1957]. Он считал ее задачей

изучение политических единиц (районов), задаваемых государственными или политико-административными границами, а также пространственных сходств и различий между такими единицами.

Позже известные американские географы **С. Козн** и **Л. Розенталь** [Cohen and Rosenthal, 1971] определяли политическую географию как науку о динамике и пространственных проявлениях политического процесса, под которыми они понимали действия, направленные на установление и поддержание контроля над политической единицей.

Другой американский географ, автор ряда учебников по политической географии **Н. Паундс** [Pounds, 1972] указывал, что ее предмет —

государство с точки зрения его генезиса, обеспеченности ресурсами, обусловленности конкретных географических форм.

Вслед за немецкими географами **К. Риттером** и **А. Геттлером** Хартшорн и его последователи фактически призывали своих коллег к изучению политической дифференциации пространства, причем лишь дифференциации *де-юре*, полагая, что только юридически закрепленные политические единицы объективны. Тем самым политическая география превращалась в «политическую хронологию».

Ряд географов стремился «географизировать» политическую географию — найти ей такую нишу среди наук, где она не могла

1. Развитие мировой политической географии...

бы быть подменена. Для этих географов типична точка зрения австралийского географа **Дж. Прескотта**, считавшего, что

политическая география изучает географические последствия политических решений, а также географические факторы, принимаемые во внимание при принятии таких решений (Prescott, 1972).

Несколько раньше группа видных американских географов определила политическую географию как науку, изучающую *взаимодействие географических ареалов и политического процесса* [Berry, Cohen and Minghi, 1965].

В нашей стране широкую известность получило предложенное **И. М. Маергойзом** определение политической географии как

«особой географической науки, изучающей территориальную расстановку (размещение, сочетание, соотношение) политических сил, главным образом, **классовых**» [Маергойз, 1971, с. 20].

Однако в этом определении упор сделан лишь на одну из трех функций научной дисциплины — *описание*. Реализация двух других функций — *объяснения и управления (или прогнозирования)* — возможна лишь при понимании всей сложной системы взаимосвязей политико-территориальных явлений между собой, а также с явлениями экономико-, историко-, социально-географическими и др., т.е. при анализе особых территориальных социально-экономических систем (ТСЭС), формирующихся в процессе исторического развития, и их динамики.

Более емки определения, трактующие политическую географию как науку о «*политико-территориальной организации общества в географическом пространстве*» [Горбачевич, 1976, с. 43] или «законах формирования и развития политико-территориальной организации общества, которая определяется в конечном счете способом производства» [Ягья, 1982, с. 61]. Под политико-территориальной организацией общества российский эконом и ко-географ В. С. Ягья понимает «*совокупность территориальной дифференциации политических явлений и управления территориальной структурой политики*». Однако если подразумевать под политико-территориальной (или территориально-политической) организацией общества (ТПОО) все взаимодействующие территориальные структуры, связанные с политической жизнью, то они явно

Раздел II. Политическая география

не сводятся лишь «к территориальной дифференциации политических явлений».

Как видно из, приведенной выше дефиниции, **Р. А. Горбачев** вплотную подошел к категории «**политико-географическое пространство**». Но разработана она была в советской литературе позже, в публикациях **Н. В. Каледина** и **К. Э. Аксенова** [Каледин, 1996; Аксенов, 1989, 1990].

Политико-географическое пространство — форма бытия политических феноменов и политико-географических объектов, их сосуществования, соразмерности, взаимного расположения, взаимодействия, интенсивности и т.п.

Физическое пространство проявляется в политико-географическом опосредованно, в виде количественных и качественных характеристик — таких, как соразмерность, протяженность, форма дифференциации, связность и мозаичность и т.п.

Отталкиваясь от представления о двуединой сущности политической географии как политической и одновременно географической науки, **Н. В. Каледин** предложил **деятельностную концепцию политической географии**, акцентирующую субъектно-объектную сторону политики как социального процесса, и показал суть политической географии как науки, имеющей целью выявить единство деятельностно-политического и географического факторов общественного развития. Базовой категорией у Н. В. Каледина выступает «*геополитическое отношение*», отражающее объективно существующую взаимосвязь между политической деятельностью и географическими условиями, в которых она протекает.

Итак,

политическая география занимается исследованием взаимодействия с интегральным геопространством политической сферы как одной из четырех сфер деятельности людей - экономической, социальной, политической и духовной.

Интегральное **геопространство** состоит из экономического, социального, культурного, политического и физического пространств. Их наложение создает дифференциацию интегрального геопространства — социально-экономических и природных условий деятельности: специализации и структуры хозяйства, расселения, количественных и качественных характеристик населения — его состава, уровня и образа жизни, политической культуры и

1. Развитие мировой политической географии...

самосознания (идентичности). Глубинная основа дифференциации геопространства — динамично развивающийся процесс территориального разделения труда.

Объект политической географии — *территориально-политические системы (ТПС) в их взаимодействии друг с другом и с географическим пространством.*

ТПС - объективно взаимосвязанные сочетания элементов политической сферы (политических и административных границ, центров управления, органов власти, партий, общественных движений и т.д.), функционирующие на определенной территории.

Политическая сфера общественной жизни включает;

- **политические отношения**, складывающиеся между социальными группами, нациями и этносами, политическими партиями, общественными движениями, государствами, местными органами власти и другими субъектами политической деятельности по поводу завоевания, удержания и использования политической власти;

- **систему социальных институтов**, реализующих различные функции политической власти (законодательные, исполнительные, судебные, принуждения и др.) — как государственных (центральные и местные органы государственного управления, международные правительственные организации), так и негосударственных (партии, профсоюзы, общественные движения, профессиональные объединения и т.п.);

- **деятельность**, посредством которой отдельные люди, социальные общности, в том числе территориальные, и социальные институты отстаивают свои политические интересы. К политической деятельности принадлежит организация, проведение и участие в выборах и референдумах, забастовках, демонстрациях, террористических акциях, вооруженной борьбе и других выступлениях, принятие **политических** решений, затрагивающих интересы социальных групп. Спектр субъектов политической деятельности постоянно расширяется и усложняется. Он включает отдельных людей, социальные группы, партии, общественные движения, государственные и международные организации, местные органы власти, нередко — экономические организации и предприятия **и** т.д.

Фундаментальная закономерность формирования географических условий и факторов политической деятельности — *несовпадение*

Раздел II. Политическая география

«собственного времени» изменения экономического, социального и политико-географического пространств. Наиболее динамично экономико-географическое пространство, по сравнению с которым, как правило, социально-географическое пространство более инерционно. Еще медленнее изменяются многие элементы политико-географического пространства. Так, давно не существующие политические границы прекрасно выражены в пространстве, прослеживаются и в культурном ландшафте, и в политическом сознании. Некоторые региональные политические культуры демонстрируют феноменальную устойчивость, сохраняясь порой на протяжении столетий вопреки огромным экономическим и социальным изменениям.

В системе географических наук политическая география, являясь составной частью социально-экономической географии, подобно страноведению, «синтезирует» выводы географии хозяйства, населения, культуры и т.д., а в определенной мере — и естественно-научных отраслей географии.

Вместе с тем политическая география как бы пронизывает, подобно географии населения, всю общественную географию. На стыках с каждой из общественно-географических дисциплин образуются зачатки новых научных направлений, которые представляют собой плоды их частной интеграции с политической географией (политическая геоэкология, политические факторы развития и размещения промышленности и т.д.). Политизация — одна из главных современных тенденций развития общественной географии.

Структура политической географии. Выделяются три основания классификации политико-географических исследований:

- по набору охватываемых элементов территориально-политической организации общества и субъектов политической деятельности;
- по масштабу объекта;
- по времени развития предмета и объекта.

Политическая география изучает *интегральные, многокомпонентные* и «отраслевые» территориально-политические системы, к числу которых, например, принадлежат:

- различные территориально-политические системы, входящие в территориально-политическую организацию общества — система государственных и административных границ, административных центров, избирательных округов и т.п.;

1. Развитие мировой политической географии...

- территориально-политические системы, возникшие в результате деятельности какого-либо класса ее субъектов или одного из субъектов — например, одной из партий, рабочего движения и т.п.;
- взаимодействия территориально-политических систем и других территориально-общественных систем — например, политических факторов развития городских агломераций, взаимосвязи политической напряженности и остроты экологической ситуации и др.

Деление на территориальные уровни исследований в нынешнем взаимосвязанном мире весьма условно (см. ниже раздел о масштабах исследования в политической географии). Можно тем не менее различать исследования на *макроуровне* (мир, крупные регионы), *мезоуровне* (страны) и *микроуровне* (отдельные провинции, местности и города, специфические в политическом отношении территории — анклавов, ареалы этнических меньшинств и др.). Кроме того, как и другие географические науки, политическую географию можно подразделить не только «вертикально», но и «горизонтально»: например, в качестве особой подотрасли можно различать политическую географию Мирового океана и его **акваторий**.

Политико-географические исследования делятся и по *исторической «глубине» исследований* (третье основание классификации). На стыке с исторической географией ведутся работы по политической географии более или менее отдаленного прошлого; существуют зачатки и прогнозной политической географии, в которой используются сценарные подходы.

1.2. Мировая и отечественная политическая география: основные концепции и идеи

Этапы развития мировой **политической географии** с конца XIX в.

Практический интерес к политической географии, соотношение в ней теоретических и прикладных направлений колебались в зависи-

мости от циклов развития мировой экономики, состояния международных отношений и эволюции географии в целом. Достаточно четко выделяются четыре этапа в ее развитии (табл. 14).

▶ **Первый** этап продолжался с конца 90-х годов XIX в. {с выхода «Политической географии» Ф. Ратцеля) примерно до начала Первой мировой войны. Он отмечен острой борьбой Англии

Этапы развития мировой политической географии

Этап и его примерная продолжительность, годы	Основные социальные процессы и исторические вехи	Основные общественные идеи и тенденции в развитии теории общественных наук	Преобладающий масштаб исследований	Авторы ключевых работ
1897-1914	<p>Имериалистическое соперничество Англии, США, Германии и других стран; бурная индустриализация и урбанизация; появление массовых левых партий; создание национальных государств</p> <p>Первая и Вторая мировые войны и вызванное ими геополитическое переустройство мира; образование СССР и формирование биполярного мирового геополитического порядка</p> <p>Быстрый промышленный рост и относительная социальная стабильность в наиболее развитых странах; геополитическое соперничество Востока и Запада; деколонизация; нарастание симптомов кризиса и появление вызовов гегемонии США к концу этапа</p> <p>Наступление постиндустриальной эпохи; интернационализация экономики и всей общественной жизни; распад СССР и социалистической системы</p>	<p>Социал-дарвинизм; «примордиалистские» теории формирования наций и национализм</p>	<p>Мир в целом, государство</p>	<p>Фридрих Ратцель, Халфорд Маккиндер, Андрэ Зигфрид</p>
1915–1949		<p>Органическая теория государства; теория «естественных» границ</p>	<p>Мир в целом и государство: слитность двух уровней Государство, мир в целом</p>	<p>Х. Маккиндер, И. Боумен, Ж. Ансель и др. Р. Хартшорн, С. Джонс, Ж. Готтманн</p>
1950-1973/75		<p>Господство позитивизма и быстрое внедрение количественных методов исследования; широкое распространение неомарксистских теорий; популярность «экологического подхода» в электоральных исследованиях</p>	<p>Все масштабы в органической взаимосвязи</p>	<p>Д. Харви, П. Тейлор, Дж. Эгню, Дж. О'Локлин, К. Кокс</p>
С 1973/1975		<p>Теории длинных циклов мирового экономического и политического развития</p> <p>И. Валлерстайна и П. Тейлора; структуралистская теория Э. Гидденса; концепция постмодернизма М. Фуко</p>		

1. Развитие мировой политической географии,.,

с Соединенными Штатами и Германией за господство в мире, бурными социально-политическими изменениями в наиболее развитых странах, вызванными ростом промышленности и урбанизацией, появлением массовых левых партий и укреплением идеологии национализма. В истории политической географии этот период выделяется *первой волной теоретических обобщений*, в числе которых выделяются труды **Ф. Ратцеля**, **Х. Маккиндера**, **А. Зигфрида** и других ученых.

► Продолжительный второй этап включает главным образом межвоенный период, но захватывает также и конец 40-х годов. Он вошел в историю политической географии прежде всего *многочисленными прикладными работами*, к которым можно отнести и труды, содержащие классические политико-географические описания с особым упором на такие темы, как государственные границы, состав и история формирования территорий различных государств, спорные районы, сепаратизм и т.п. К прикладным работам следует отнести и геополитические публикации тех лет, наиболее многочисленные в нацистской Германии, а также во Франции, Великобритании и в 1940-е годы — в США.

Политико-географы выдвигались на государственные посты, становились ближайшими советниками крупных политических деятелей. Так, выдающуюся роль в разработке концепции геополитического устройства Европы и мира после Первой мировой войны сыграл американский географ-либерал **Исайя Боумен**.

По окончании мировых войн в результате радикальных изменений карты мира, системы государственных границ и связанных с этим крупномасштабных миграций возникла большая потребность в конкретных политико-географических разработках. Известный пример — разработка французскими географами после Второй мировой войны плана размежевания между Италией и тогдашней Югославией в районе Свободной территории Триест. Это была сложная проблема из-за разной геополитической ориентации двух стран в условиях «холодной войны», этнически смешанного расселения, тесной взаимозависимости между городом и его окрестностями и гористого рельефа.

Для второго этапа характерна *слитность глобального и национального уровней анализа* (макро- и мезоуровней). В межвоенный период политическая география и геополитика рассматривались как необходимый элемент стратегии территориально-политической организации общества. Ее национальные концепции разрабатывались практически во всех ведущих державах. Органическая теория государства, уподоблявшая его живому организму, проходящему в сво-

Раздел II. Политическая география

ей эволюции обязательные стадии, сохраняла популярность и служила обоснованию «естественных» внешнеполитических целей, «естественных» границ и экспансии для их достижения.

По окончании Второй мировой войны поворот в международной политике к «холодной войне», сколачиванию военно-политических блоков и их глобальному противостоянию в условиях гонки вооружений потребовал теоретического и идеологического обоснования, а также практических разработок и стал новым стимулом создания геополитических концепций.

Успехи государства в конкурентной борьбе за доступ к природным ресурсам и зарубежным рынкам представлялись условием повышения уровня жизни внутри страны и социальной стабильности. В отличие от международной арены, рассматривавшейся как место непримиримой борьбы государств за свои интересы, во внутренней политике не усматривалось острых, органических противоречий.

Преобладали так называемые **примордиалистские взгляды** (см. более подробно об этом в главе 2) на национальное государство как на сообщество людей, объединенных кровным родством, историческим прошлым, языком и культурой, члены которого связаны взаимными обязательствами и должны выполнять в нем определенные функции, занимая соответствующее место в социальной иерархии.

• Третий этап продлился с середины 1950-х годов примерно до 1973–1975 гг. В эти годы экономика наиболее развитых стран, потреблявшая все больше импортного топлива и сырья, росла довольно быстрыми темпами, что позволило вести активную социальную политику и породило модель **«государства всеобщего благосостояния»**.

Несмотря на значительные изменения на политической карте мира в результате деколонизации и периодические международные кризисы, геополитическая ситуация отличалась относительной стабильностью, основанной на балансе сил между военно-политическими блоками, сформировавшимися вокруг США и СССР. В этот период политическая география была явно оттеснена на задний план быстро множившимися новыми направлениями общественной географии: геоурбанистикой, социальной географией, географией третичной сферы и др. Политическая география плохо вписывалась в позитивистскую парадигму развития географии. Не способствовало ее прогрессу также преобладание тенденции к дифференциации географии над интеграцией, замкнутость научного сообщества политико-географов.

1. Развитие мировой политической географии...

► Современный этап в развитии политической географии начался уже около 25 лет назад — примерно с середины 1970-х годов. Для политической географии эти годы ознаменовались резким оживлением. Возникла так называемая новая политическая география, резко отличающаяся от традиционной по степени теоретизации, органической взаимосвязью с социальной теорией в целом, широтой и характером проблематики. Подъем политической географии выразился в увеличении числа географов, специализирующихся в этой области, росте количества журналов, публикаций, международных конференций.

Поворот в судьбе политической географии не случайно совпал с качественным переломом в развитии мирового хозяйства, вехой которого считается нефтяной кризис 1973 г., положивший конец периоду экстенсивного роста производства, связанного с расширением эксплуатации природных ресурсов, и ставший началом постиндустриальной эры в истории западных стран. В западном обществе начались изменения, которые очень скоро затронули все сферы его жизни: структуру, организацию и размещение производства, региональное развитие, социальные отношения, условия и образ жизни, этические приоритеты и ценности, политические предпочтения. Эти сдвиги предъявили к политической географии новые требования, выветив такие ключевые проблемы, как *политическая роль государства и местных властей* (с конца 1970-х годов), *сущность современной геополитики* (с 1980-х годов), *политические аспекты транснациональных и глобальных проблем* (особенно с середины 1980-х годов) и др.

Таким образом, послевоенные годы охватывают разные этапы развития политической географии: конец второго — период расцвета прикладных исследований и большой актуальности этой области, третий этап — время относительного упадка, но и зарождения некоторых перспективных тенденций, и нынешний четвертый — возрождение на новой основе. Рассмотрим более подробно последние два этапа.

Мировая политическая география в 1950-х — начале 1970-х годов: застой и поиски путей обновления

Ядро западной политической географии 1950-х годов составило триединство концепций, разработанных Р. Хартшорном, С. Джонсом и Ж. Готтманном. В концепции Хартшорна, одного из наиболее крупных американских географов того времени, нашли свое наиболее полное воплощение

концепции Хартшорна, одного из наиболее крупных американских географов того времени, нашли свое наиболее полное воплощение

Раздел II. Политическая география

идеи функционализма. Он считал главной задачей политической географии — поиск соотношения между «**центростремительными**» и «**центробежными**» силами, действующими в каждом государстве и способствующими его целостности и могуществу или дезинтеграции. По мнению Хартшорна, политико-географ должен был также выявить ту «**ключевую идею**», без которой государству не удалось бы **сохранить лояльность большинства граждан**. Выражаясь современным языком, он ставил вопрос о значении для стабильности страны политической идентичности граждан, их лояльности своему государству, степени легитимности режима, находящегося у власти.

С этой идеей Хартшорна перекликались некоторые положения, высказанные Готтманном, намного предвосхитившие развитие географической науки. В изданной еще в 1952 г. книге он много внимания уделил роли *иконографии*: воплощению ключевой государственной идеи в государственных символах — **флаг**, **гербе**, **гимне**, идеологических атрибутах, с помощью которых в гражданах культивируются чувства национальной общности и **самидентификации** с государством. В качестве государственной идеи могут выступать возвращение утраченных территорий, объединение этнической группы в пределах одного государства, защита уязвимого участка государственной границы и др.

Согласно *теории «единого поля»* американского географа С. Джонса, впервые сформулированной в 1954 г., формирование **территориально-политических образований** включает пять взаимосвязанных этапов:

- возникновение ключевой, базисной идеи;
- принятие политического решения;
- движение людей, товаров, капиталов, идей;
- появление «поля напряженности», аналогичного физическим полям, в котором соотношение политических сил, выступающих за или против ключевой идеи, меняется от точки к точке;
- формирование политико-территориальной единицы.

Свою теорию Джонс иллюстрировал историей возникновения Израиля.

Помимо функционального подхода Хартшорна, в политической географии 1950–1960-х годов выделялось еще *три теоретических подхода*:

- **стратегический** (сопоставление военно-политических потенциалов стран и блоков);

1. Развитие мировой политической географии...

- **исторический** (изучение политической географии прошлого, генезиса современных государственных территорий и границ);
- **морфологический** (изучение политико-географической единицы с точки зрения формы ее территории, конфигурации границ и т.п.).

Большинство работ было посвящено *типологии государств* по военному, демографическому, экономическому потенциалу, зависимости от внешних рынков, вовлеченности в территориальные споры и претензии, *морфологии и другим характеристикам государственных границ, оценке их «выгодности»* (часто вне конкретного исторического контекста), географии «горячих точек» земного шара. Немало публикаций касалось *«исторических ядер» современных государств*, описаний их территориальной экспансии, консолидации государственной территории. Таким образом, в целом **доминировала** макрорегиональная тематика

Концепции Хартшорна—Джонса—Готтманна способствовали на определенном этапе *интеграции политической географии*, систематизации страноведческих политико-географических знаний. Однако эти концепции были недостаточно связаны с прогрессом в теории других общественных наук. Парадоксальным образом политическая география оказалась далека от сферы политики. Основной акцент делается на описание и интерпретацию различий между существующими де-юре политическими единицами, на их уникальность. При этом реальной дифференциации политико-географического пространства уделялось значительно меньше внимания. В объяснении нередко выпячивались *субъективные факторы в ущерб долговременным объективным*, в том числе роли экономических структур. Общественное развитие в рамках господствовавшей либеральной парадигмы рассматривалось как прямолинейный процесс развития и подразумевалось, что его траектория для всех стран одинакова: сельские общины, основанные на натуральном хозяйстве, должны пройти этап индустриализации и превратиться в сообщества потребителей по американской модели.

Хартшорн фактически исключил из сферы внимания **политической географии** региональный и локальный уровни анализа. Он декларировал, что раз провинции и районы являются составными частями государства, то их население ему лояльно и разделяет «государственную **идею**». Кто бы сегодня осмелился сделать такое заявление! Глобальный уровень также игнорировался: идея свободной

торговли, на которой основывался экономический рост Соединенных Штатов, казалась настолько очевидно благотворной, что ее политико-географические последствия не привлекали внимания. Государство было главным уровнем исследования; геополитические концепции сторонниками и последователями Хартшорна были отброшены как скомпрометированные Хаусхофером и нацизмом, а политическая география рассматривалась как академическая дисциплина, лишь косвенно связанная с политикой.

В итоге традиционность и неизменность тематики постепенно превратили политическую географию в *рутинное пополнение банка политико-географических описаний* все новыми частными случаями. Ввиду всего этого уже к середине 1960-х годов стала ощущаться потребность в новых значительных теоретических обобщениях и гипотезах. Значимость политической географии и ее популярность среди исследователей падали. Известный американский географ Б. Берри назвал ее в начале 1970-х годов «застойным болотом*», а англичанин Р. Мьюир озаглавил одну из своих статей – «Политическая география: дохлая утка или феникс?».

Кризис теории совпал со сменой не только объективных условий развития политической географии, но и парадигм во всей общественной географии. Наступил **период позитивистской «количественной революции»** [Джонстон, 1987]. Стремление найти количественно точные, верифицируемые, объективные географические законы оказалось несовместимым с традиционной политической географией ~ как в силу слабости ее теории, недостаточной определенности предмета, так и объективных трудностей, связанных с «квантификацией» политической информации.

Наиболее восприимчивыми к достижениям «количественной революции» оказались два раздела политической географии — электоральная география и типология стран по комплексу признаков. Выборы — уникальный источник политико-географической информации, так как представляют регулярную, территориально дробную, легко картографируемую и накапливаемую информацию. Естественно, все это привлекло внимание географов-позитивистов. Кроме того, на этом направлении политико-географы получили прекрасную возможность выйти из научной самоизоляции, так как к 1960-м годам в близкой области — электоральной социологии — сложились мощные научные школы с богатым теоретическим багажом. В результате электоральная география настолько оторвалась от других областей политической географии, что ее даже стали считать особой географической дисциплиной.

С появлением вычислительной техники и широким распространением **математико-статистических** методов в традиционных для политической географии типологиях стран открылись перспективы формализации таких понятий, как, например, **г е о п о л и т и ч е с к и й р е г и о н**. Пионерами таких расчетов стали не географы, а политологи, в частности американский политолог Б. **Рассет**, опубликовавший в 1967 г. широко известную книгу, посвященную количественной типологии стран мира.

Западная политическая география, однако, прошла через этап «количественной революции» еще быстрее, чем социально-экономическая география в целом.

Весьма скоро выяснилось, что в отсутствие убедительной теории самые изощренные расчеты не позволяют объяснить сложные политические процессы. Учета в моделях факторов расселения и соседства явно недостаточно для выявления причинных отношений. Поэтому **политико-географы** обратились прежде всего к современным философско-методологическим, политологическим, социологическим и экономическим концепциям.

Переход к «**новой**» политической географии как очередному историческому этапу ее развития был подготовлен внедрением в нее структурно-функционального анализа, использованием теории бихевиоризма, совершенствованием «экологического подхода» и появлением «гуманистической географии».

Структурно-функциональный анализ стал наиболее употребительным сначала опять-таки в электоральной географии, затем — в работах, посвященных соотношению политических сил в федерациях, роли и функциям местных органов власти. Большой отзвук в политической географии получила теория политической системы канадо-американского политолога Д. Истона, который представил ее в виде «**ч е р н о г о я щ и к а**». На «**входе**» — политические мотивации людей (общественное мнение, ожидания, идеология, материальные интересы), определяемые внешними и внутренними по отношению к государству условиями (от экологических до социальных), в свою очередь, обуславливающие требования граждан к политической системе, а на «**выходе**» — политические действия властей. Теория Истона была модифицирована английскими географами П. Тейлором и Р. **Джонстоном** в их книге **По** электоральной географии [Taylor, Johnston, 1979]. Исследованиям городских территориально-политических систем и местных

Раздел II. Политическая география

органов власти дали импульс работы крупного американского социолога **Т. Парсонса**, посвященные, в частности, функциям социально-политических систем.

Широкое признание среди географов получили труды выдающегося норвежского политолога **С. Роккана**. По Роккану [Rokkan, 1970], в процессе государственного строительства в Европе сталкивались силы, стоявшие на противоположных полюсах **двух «осей»** — **функциональной**, связанной с социальным делением общества, и **территориальной**, связанной с противостоянием между элитарными группами центра и периферии. Структурно-функциональный анализ был для политико-географов важным инструментом исследования, а его конкретные результаты зависели от понимания авторами роли государства в обществе, о чем мы будем говорить несколько позже. Порой абсолютизация структурно-функционального подхода вела политико-географов к пренебрежению процессами зарождения и эволюции рассматриваемых систем, чрезмерному акценту на механизмы устойчивости в ущерб процессам динамики.

Увлечение западных политико-географов **бихевиористским подходом** стало, особенно на первых порах, доказательством недопустимости редукционизма при объяснении политико-географических явлений — сведения их причин к какой-либо одной группе факторов, будь то экономические или психологические.

Приверженцы бихевиоризма в политической географии стремились установить зависимость между особенностями личности, ее ориентациями и политическим поведением. С помощью социологических опросов выяснялись источники получения людьми политически значимой информации — встречи с друзьями и знакомыми («социальные сети»), поездки для участия в митингах, чтение местных, региональных и общественных газет. Главной их целью было определение географической сферы контактов человека, связанных с его политическим поведением, а также «поток политического влияния» в пространстве, иначе говоря — выделение влияния фактора пространства на политику «в чистом виде».

Во многих исследованиях начала 1970-х годов **политико-географы — «бихевиористы»** занимались *абстрактным человеком в абстрактном пространстве*, не интересуясь ни социальной принадлежностью личности, ни характером расселения, ее доступом к информации, занятиями, характером поселения и т.д. Не случайно бихевиоризм с его упором на социально-психологические аспекты различий в политических взглядах людей от места к месту

1. Развитие мировой политической географии...

получил наибольшее распространение в США и Канаде с их **двух-или** квазидвухпартийной системой, при которой связь между социальными параметрами и политическим поведением менее очевидна. *Выводы*, полученные для сугубо локального масштаба исследования, неоправданно распространялись и на более высокие уровни. Эйфория от первых успехов «количественной революции» привела к пренебрежению качественными оценками.

Тем не менее использование бихевиористского подхода обогатило методическую палитру политической географии, углубило понимание процессов, происходящих на низших уровнях иерархии территориально-политических систем.

К тому же со временем бихевиористский подход стали применять вкупе с другими методами, полнее учитывать социальные параметры, и это привело к существенному **прогрессу**, например, в обосновании концепции географического места.

В большинстве стран Западной Европы, где сформировалась сложная партийно-политическая структура, большое распространение в **политико-географических** исследованиях, особенно электоральных, получил «**экологический подход**», предложенный еще в 1913 г. французским социологом и географом А. Зигфридом. Этот подход основан на сопоставлении различными методами социально-экономических показателей и результатов выборов, а также других политических явлений.

Таким образом, основное внимание уделяется не политической деятельности, процессам принятия решений индивидами и социальными группами, а уже сложившейся, зафиксированной выборами картине.

«Экологический подход*» совершенствовался несколькими поколениями западноевропейских, особенно французских, ученых, в частности учеником Зигфрида — маститым французским географом и политологом **Ф. Гогелем [Goguel, 1970]**, и сохраняет свою ценность и поныне.

В числе достоинств этой школы — тонкость **наблюдений** и внимание к малейшим местным особенностям политической жизни, районным сочетаниям политических сил на разных уровнях, глубокая историческая ретроспектива, без которой в условиях Европы с ее прочными традициями трудно понять сегодняшние реалии, богатая оснащенность картами.

Раздел II. Политическая география

Но как и всякий другой, «экологический подход» имеет свои *ограничения*. Он наиболее эффективен в исследованиях сельской местности, в которых столь удобен метод наложения карт, предложенный еще Зигфридом. В новых условиях, когда различия в аграрных отношениях становились все менее заметными, сокращалось влияние церкви и *территориальные контрасты* в нем, усилилась дифференциация внутри социальных групп, «экологический подход» уже не улавливал взаимосвязи социальных и политических параметров.

Поэтому с конца 1960-х годов, в результате соединения «экологического подхода» с идеями структурно-функционального анализа, в центр внимания ставились *не результаты выборов как таковые*, а обуславливающие размещение социальных групп *политические структуры*. Например, господство социалистов в Тулузе, контролировавших муниципалитет этого города непрерывно более 70 лет, объяснялось с помощью анализа созданной ими «избирательной машины».

Количественная революция в известной мере разграничила дальнейшую эволюцию «экологического подхода» в англо-американской и французской, а вместе с ней итальянской и западно-германской географии. Английские и американские географы интересовались прежде всего поиском количественных зависимостей между отдельными факторами, определяющими итоги выборов в разных районах, и гораздо шире применяли математико-статистические методы. В континентальной Европе, не игнорируя новых веяний, утверждали, что *из-за* сложности и мозаичности политико-географического пространства, исторических традиций, уходящих корнями в многовековое прошлое, эти методы способствовали лишь детализации и уточнению явлений, известных и ранее.

Группа политико-географов в начале 1970-х годов искала альтернативу «научной», слишком догматичной и абстрактной позитивистской географии на путях развития так называемой **гуманистической географии**, исходящей, в частности, из философии **э к з и с т е н ц и а л и з м а**. Гуманистическая география ставит во главу угла изучение устремлений, ценностей и целей социальных групп и отдельных людей.

В политической географии гуманистическое направление нашло отражение в концепции жизненного, или освоенного, пространства, определяемого как сфера непосредственного опыта, предшествующего принятию человеком рациональных решений и детерминирующего его мотивации.

Сторонники этого подхода считают фундаментальной категорией политической географии чувство самоидентификации с территорией, «государственную идею» (здесь, как мы видим, произошел возврат на новом витке к классическим положениям Хартшорна), исторический опыт жизни в общине и общинного самоуправления.

Подходы гуманистического направления в политической географии применяются, в частности, при изучении приграничных зон, политического прошлого других территорий с помощью обновленной *концепции политического ландшафта*. Под ним понимается отражение нынешней и бывшей политической принадлежности территории в характере землепользования, планировке и архитектуре зданий, поселений, памятниках, облике улиц и площадей. Элементы-символы политического ландшафта влияют на социализацию людей и формирование регионализма.

Однако использование бихевиоризма, структурно-функционального анализа и других социологических концепций лишь подготовило почву для так называемой «**новой**» **политической географии**, родившейся «в недрах» социальной географии,

1.3. «Новая» политическая география: истоки, проблематика, теория

Истоки и проблематика

Очередной виток в развитии мировой политической географии в значительной мере стал ответом на беспрецедентную интенсификацию потоков товаров, людей, капиталов, информации, энергии, загрязнителей природной среды между странами. Резко выросла их взаимозависимость. В результате ни одно даже самое мощное государство уже не может контролировать все источники воздействий на его экономику, социум и природную среду. Постепенно *пересматриваются функции государства в сфере национальной безопасности, экономики, социальных отношений*, еще недавно казавшиеся незыблемыми. Часть компетенций делегируется на другие — более высокие и низкие уровни власти, а часть их **де-факто** переходит ко все более многочисленным и влиятельным негосударственным субъектам политической деятельности — транснациональным компаниям, общественным движениям и т.д.

Кризис коммунистической идеи, распад сначала **социалистической системы**, а затем ее основы — Советского Союза и пос-

Раздел II. Политическая география

ледовавший за ними всплеск этнотерриториальных конфликтов и сепаратизма вызвал огромный интерес к *проблеме идентичности* (самосознания) населения и легитимности произошедших геополитических изменений в его глазах. Самоликвидация СССР — одного из двух главных полюсов глобальной геополитической системы — поставила острый вопрос: захотят ли и смогут ли США воспользоваться своим положением единственной сверхдержавы и эффективно реализовать (если не сказать — диктовать) свои интересы? В условиях нынешних быстротечных изменений объективно сильно вырос «социальный заказ» на территориально-политические исследования. Меняется и сама политическая география, которая становится более разнообразной, междисциплинарной и эклектичной.

Прорыв политической географии на новый уровень, принятый в конце 1970-х группой преимущественно английских и американских географов, в целом удался.

Об этом, в частности, говорят количественные и «организационные» показатели.

В 1982 г. был основан международный журнал *Political Geography Quarterly*, ныне — просто *Political Geography*, долгое время выходивший под редакцией П. Тейлора и Дж. О'Локлина (ныне — Д. Слейтера и Дж. О'Локлина). Опыт издания этого журнала оказался вполне удачным, о чем свидетельствует его неизменно высокая цитируемость не только среди географов, но и политологов. С четырех до десяти в год выросло число его номеров и увеличился их объем.

В 1983 г. на международной конференции в Оксфорде группа географов, призвавшая к разработке теории «новой» политической географии, выступила с инициативой повышения ее статуса в Международном Географическом союзе (МГС).

В 1984 г. на Международном Географическом конгрессе в Париже была образована исследовательская группа, в названии которой по настоянию советской делегации, опасавшейся термина «политическая география*» из-за ассоциаций с «буржуазной» геополитикой, был использован эвфемизм «политическая карта мира». В 1988 г. группа была преобразована в полноправную комиссию, успешно действующую и поныне (в Международной Ассоциации политических наук комитет по политической географии под руководством Ж. Лапонса и Ж. Готтмана начал работать еще раньше). В комиссии МГС состоит более 500 членов-корреспондентов почти из 80 стран. Несколько позже по инициативе Р. Беннетта была образована комиссия МГС

по общественной администрации (*public administration*), в которой работают в основном **политико-географы**, занимающиеся проблемами государственного устройства и управления.

С 1996 г. выходит международный журнал *Geopolitics and International Boundaries* (с 1998 г. — *Geopolitics*). Много политико-географических статей публикуется в международных журналах *Environment and Planning* серий **C и D**. В журнале *Progress in Human Geography* с 1977 г. практически ежегодно печатаются написанные известными авторами теоретические обзоры по политической географии. Регулярно появляются политико-географические статьи в таких международных журналах, как *Urban Geography* и *Applied Geography*, в наиболее авторитетных национальных журналах — *Annals of the Association of American Geographers* и *Transactions of the Institute of British Geographers*, Во Франции с 1976 г. издается широко известный журнал «Геродот» (*Herodote*), имеющий подзаголовок «Журнал по географии и геополитике». В Румынии начат выпуск журнала «Политическая география». В Польше ежегодно издаются на английском языке материалы общеевропейских тематических конференций, организуемых кафедрой политической географии университета в Лодзи, и т.д. Одним словом, во многом благодаря импульсу конца 1970-х — начала 1980-х годов политическая география приобрела за рубежом устойчивую репутацию уважаемой научной дисциплины.

Во многих странах за пределами Северной Америки и Западной Европы уже сформировались или успешно складываются политико-географические школы — например, в Китае, Индии, Японии, Корее, Бразилии, в большинстве стран Центральной и Восточной Европы и даже в Бенине. Комиссии МГС прилагают усилия по **расширению «географии политической географии»**. В ней пока явно доминируют англоязычные географы из США, Великобритании и Канады. 78% статей, опубликованных за 1982-1996 гг. в наиболее профильном политико-географическом журнале — *Political Geography* и посвященных конкретному региону, касались проблем только наиболее развитых регионов мира — США, Канады и Западной Европы.

Формирование «новой» политической географии неразрывно связано с существенными **изменениями в ее проблематике**.

Расширение сферы политико-географических исследований происходило как в результате изучения явлений, которыми традиционно занималась политология, так и «**политизации**» собственно географических проблем.

Раздел II. Политическая география

Важное место принадлежит проблемам **районов расселения этнических и религиозных меньшинств**, «городской» **политической географии** — эволюции крупных агломераций и социально-территориальных контрастов в них во взаимосвязи с территориальной расстановкой политических сил и деятельностью местных властей.

Новый импульс получили исследования по такой традиционной теме, как воздействие *государственных границ* на хозяйство, расселение, жизнь людей в приграничных районах.

Среди «**политических**» тем, которыми географы начали заниматься сравнительно недавно, — конфликты между претендентами на различные виды *использования природных ресурсов*, экологические конфликты, расстановка сил, выступающих за альтернативные решения по вопросам *охраны окружающей среды, региональной политики, распределения и пополнения государственного бюджета*.

В начале 1980-х годов в связи с процессами глобализации вновь увеличилось число исследований по **макрорегиональной** и глобальной проблематике. Особенно ярко это проявилось в публикации целой серии специальных мировых атласов политико-географической направленности. Родилось новое научное направление — **политическая картография**. Одно из ее принципиальных свойств — стремление создать модель политико-географического пространства и его восприятия политическими деятелями и другими людьми, выражением которого обычно служат анаморфозы и выбор специальных проекций,

Основой «новой» политической географии стало изучение взаимосвязей между «классической триадой» **«территория (границы) — государство — идентичность»**. К основным теоретическим достижениям современного этапа развития дисциплины относятся:

- теория «мировых систем» Валлерстайна-Тейлора;
- критическое переосмысление функций и роли современного государства, в том числе на основе теории государства Э. Гидденса;
- постмодернистские концепции и в особенности теория «конструирования» пространства в ходе общественного развития и роль в этом процессе политического дискурса¹;

¹ Понятие дискурса было разработано М. Фуко еще в 1960-х годах и включает в себя общественно принятые способы видения и интерпретации окружающего мира, а также действия людей и институциональные формы организации общества, вытекающие из такого видения (см.: *Миллер А. О дискурсивной природе национализма//Pro et Contra*, 1997. Т. 2 № 4. С. 141–151).

- концепция территориальности **Р. Сакка** и теории национальной и политической идентичности, развитые **Ф. Бартом**, **Э. Геллнером** и **Э. Хобсбаумом**;
- концепция географического места и контекстуальный подход, развитый **Дж. Эгню** и другими авторами; решение проблемы масштаба в политической географии.

Рассмотрим каждое из этих достижений по отдельности.

Теория «мировых систем» и политическая география Занимаясь политическими причинами социально-территориального неравенства и придя в этой связи к проблеме интернационализации производства и капитала, **политико-географы** начали изучать взаимосвязи между глобальным и национальным масштабом в политике. Одним из главных результатов **наэтом** направлении стала политико-географическая интерпретация теории «мировых систем», предложенной американским историком и экономистом **И. Валлерстайном** и основывающейся на теории «длинных волн» русского экономиста **Н. Д. Кондратьева** [Wallerstein, 1979; Taylor, 1993].

В соответствии с этой теорией уже к XVI в. сформировалась единая капиталистическая экономика, под влиянием которой развивались отдельные страны. В ней Валлерстайн выделил три главных элемента: (1) *единый мировой рынок*, (2) *наличие по крайней мере нескольких экономически мощных стран*, ни одна из которых не могла его политически контролировать в одиночку. Формирование мирового рынка стало возможным именно благодаря конкуренции товаров *множества стран*; (3) *трехзвенная иерархическая структура*: ядро — полупериферия — периферия. Она обеспечивает, с одной стороны, господство стран «ядра» над странами «периферии», с другой — гибкость всей конструкции за счет среднего звена, амортизирующего противостояние между «ядром» и «периферией», комбинирующего в себе признаки того и другого. В периоды структурной перестройки мирового хозяйства и связанной с ней перекройки политической карты мира изменения происходят именно за счет «полупериферии»: одни, принадлежащие к этой категории страны, переходят на верхнюю ступень их иерархии, другие, наоборот, деградируют до состояния «периферии».

Пропорции между звеньями этой трехчленной структуры, характерной и для других социальных и территориальных систем, Валлерстайн проследил на разных фазах «длинных волн» Кондра-

Раздел II Политическая география

твева, что позволило выявить перемещение мирового «ядра». В период господства западноевропейских стран, охвативший прошлое столетие, центр тяжести мировой экономики сместился из Великобритании в Германию, а затем, в наступившем в XX в. периоде «глобальной цивилизации», — на восток США. Ныне мировое «ядро» «дрейфует» по направлению к Азиатско-Тихоокеанскому региону, на запад США.

Теория **Валлерстайна—Тейлора** ввела в научный оборот идею о существовании структурных и исторических ограничений развития мировой экономики, препятствующих в пределах каждой фазы «длинных волн» преодолению обширной периферией своего зависимого статуса.

Эта теория прежде всего экономическая: отношения господства и подчинения в мировых системах основываются на территориальном разделении труда и специализации стран каждого из звеньев иерархии на производстве товаров определенной сложности и специфическом сочетании его факторов (в частности, цене рабочей силы).

Однако теория **Валлерстайна—Тейлора** справедливо получила высокую оценку и политико-географов, поскольку она:

- впервые органически связала все пространственные уровни политики: (1) *глобальный*, определяющий основные тенденции развития мирового хозяйства; (2) *национально-государственный*, или идеологический, опосредующий восприятие человеком действительности, осознание им реального мира, развивающегося по универсальным глобальным закономерностям, (3) *локальный* уровень непосредственного опыта человека, на котором он живет и работает;
- способствует теоретизации геополитики, делает ранее сугубо описательную категорию «политическая карта мира» научной;
- применима для всех уровней исследования, ибо трехзвенная пространственная структура, детально проанализированная Валлерстайном и его последователями, носит всеобщий характер

Важный вывод из теории **Валлерстайна—Тейлора** — доказательство ошибочности взгляда на мировое развитие как на некую единую траекторию, которую рано или поздно должны пройти все страны и районы.

Распространение теории **Валлерстайна—Тейлора** среди географов устранило в политической географии крен в сторону исследо-

1, Развитие мировой политической географии...

ваний на уровне отдельных стран, явно обозначившийся в 1970-е годы. Вдохновляющие перспективы открывает соединение теории «мировых систем» с **концепцией** географического места — **диалектическая** связка глобального и локального.

Джонстон и Тейлор предприняли попытку *вписать в широкий контекст теории «мировых систем» электоральную географию* и органически интегрировать ее в **«новую»** политическую географию. Вслед за многими политологами, социологами и философами Тейлор задается вопросом: почему демократические страны, где проводятся свободные выборы, ограничены почти исключительно мировым **«ядром»**? Почему в странах **«полупериферии»** и **«периферии»** режимы, законно избранные на основе свободного **волеизъявления** избирателей, если и приходят к власти, то, как правило, на короткий период, деградируя затем в авторитарные режимы или уступая им власть в результате переворотов? (Taylor, 1993].

Политико-географы и политологи пытаются отвечать на этот вопрос, рассчитывая корреляции критериев демократического режима (возможность соревновательности политических партий, высокая степень политической мобилизации ими населения, свобода действий для оппозиционных сил, стабильность) с экономическими и географическими переменными. Такие корреляции объяснили относительную ограниченность распространения демократических режимов лишь отчасти. В отдельных странах выявлялось несоответствие между сравнительно высоким уровнем социально-экономического развития и отсутствием свободы выражения политических взглядов. Тем не менее Тейлор утверждает, что в нынешних западных государствах реализованы основные принципы программы социал-демократов. Для нормального функционирования и обеспечения массовой поддержки государство перераспределяет между социальными группами значительную часть национального дохода. Естественно, продолжает Тейлор, большой эффект от этого может быть достигнут лишь в странах, находящихся на достаточно высоком уровне экономического развития, т.е. в странах мирового «ядра»*.

В странах **«периферии»** и **«полупериферии»**, в условиях нехватки средств для активной социальной политики, соревнование политических партий в борьбе за власть — лишь один из путей ее завоевания и контроля, и часто единственной практической возможностью для удержания власти остается подавление и преследование политических противников или же проведение клиенте-

Раздел II. Политическая география

листской политики подкармливания определенных социальных или территориальных групп населения.

Концепция Тейлора, несомненно, интересна и полезна, но все же несколько преувеличивает значимость экономических факторов и недооценивает роль политико-культурных и исторических. В самом деле, на государственном строе сильнейшим образом сказываются различия между индивидуалистской и коллективистской культурами — наиболее общие различия, характеризующие дихотомию между демократическим Западом и авторитарным Югом и отчасти Востоком.

Характерные черты *индивидуалистской культуры* — упор на личную инициативу, убеждение в том, что каждый должен сам заботиться о своем благополучии и благосостоянии семьи, чувство независимости от общественных институтов, вера в право на собственное мнение и независимую частную жизнь, в превосходство и универсальность этих ценностей.

Напротив, *коллективистская культура* предполагает убеждение в том, что сила человека — в принадлежности к определенным социальным группам или организациям: родственным кланам, этносам, партиям и др., вера в справедливость господствующих в обществе взглядов и авторитетов лидеров, стоящих во главе этих групп, законность права группы на контроль над частной жизнью человека и его взглядами, в обмен на лояльность тех, кто обеспечивает ему свою опеку.

Естественно, индивидуалистская и коллективистская культуры обуславливают и отношение человека к власти и государству — к допустимости и пределам социального неравенства, способам завоевания и удержания власти, формам политической борьбы и т.д. Важные **политико-культурные** рубежи основываются на отношении людей к неопределенности и риску в жизни. У жителей западных стран сформирована готовность к постоянным изменениям в конъюнктуре, сочетающаяся с определенной терпимостью и верой в силу законов, **ограничивающих** столкновение интересов установленными рамками. В других регионах, в частности на Востоке, распространены убежденность в незыблемости и рациональности существующих порядков, меньшая готовность к изменениям и нетерпимость к инакомыслию.

Таким образом, очевидно, что глубинные черты общественного сознания определяют значимость и сущность выборов в представительные учреждения по крайней мере не в меньшей степени, чем экономические факторы.

1. Развитие мировой политической географии...

Концепции государства
в политической **географии**

Один из создателей **геополитического** подхода к анализу функций государства крупный ан-

глийский политолог Э. Гидденс сравнил государство с *«контейнером власти»*. Государство регулирует внутри своих границ все сферы деятельности, и если масштаб проблем выходит за эти территориальные рамки, то оно стремится расширить свое влияние и продемонстрировать его за своими пределами. Тейлор [Taylor, 1994] развил эту аналогию.

На раннем этапе развития современные государства были действительно преимущественно **«контейнерами власти»**, обеспечивавшими военную безопасность своего населения. Затем они превратились еще и в *«экономические контейнеры»*, во все большей степени регулируя хозяйство, а **еще** позже, став национальными очагами формирующейся современной нации, — *«контейнерами наций»*. В XIX в. государства приобрели также и роль *«культурного контейнера»*, обеспечивая себе легитимность в глазах населения и культивируя для этого определенную систему социальных представлений об общности исторического прошлого и современных интересов всех жителей.

Кризис городов во второй половине 1970-х годов заставил географов обратиться к причинам усиления социальных **контрастов**. Изучая городские проблемы, они «вышли» на анализ регулирования государством и местными властями конкуренции между разными субъектами хозяйственной деятельности, крупными городскими, многозаводскими фирмами, мелкими предприятиями, государственными учреждениями и т.п. в борьбе за городские ресурсы — землю, благоприятную социальную среду и др. Это привело к растянувшейся на целое десятилетие дискуссии *о роли государства в обществе и в территориальных системах*, в ходе которой политическая география осваивала, с одной стороны, теории неоклассической политэкономии и политико-философские концепции либерализма, с другой — марксизм.

Принципиальным водоразделом, предопределившим методологию и позиции **политико-географов**, стало отношение к основным теоретическим концепциям, трактующим роль государства в современном западном обществе.

► Согласно **первой концепции**, главная задача государства — *предоставление гражданам услуг, которые не могут быть эффективно организованы на рыночных принципах*. Сторонники этой

Раздел II. Политическая география

концепции полагают, что географы должны анализировать, во-первых, территориальные различия в потребностях людей в предоставляемых государством услугах в зависимости от социальной и возрастной структуры населения и других факторов. Во-вторых, географы призваны выявить доступность услуг государства и эффективность его деятельности по их обеспечению.

На практике многие из работ, написанных в русле этой теории, носили технократический характер, сводили вопрос лишь к оптимизации размещения государственных служб, тогда как он тесно соприкасался с гораздо более глубокими проблемами соотношения социального равенства, социальной справедливости и эффективности хозяйства — извечной дилеммы любого общества.

▶ Вторая концепция — *неолиберализм*. Он особенно оживился в начале 1980-х годов, когда появилось множество работ, критически оценивающих экономическую деятельность государства как неоправданно скованную политическими мотивациями и потому неэффективную (например, об обусловленности государственных заказов, подрядов и инвестиций заинтересованностью находящихся у власти партий и политических деятелей в сохранении статус-кво или укреплении своих позиций).

▶ В соответствии с третьей концепцией государство — прежде всего *регулятор социальных конфликтов и распределения общественных благ*. Поэтому оптимизация размещения государственных служб, предоставляющих социальные услуги, и их приближение к местам, где в них существует наибольшая потребность, — важное средство ослабления напряженности в обществе. Для сторонников этой концепции местные органы власти играют особую важную роль, поскольку нередко выступают в качестве буфера, гасящего социальные противоречия еще «внизу». Особый акцент делается на поиск способов разрешения конфликтов через механизмы представительной демократии на разных уровнях — от локального до общенационального. Разрабатываются рецепты ликвидации социальных перекосов, возникающих в результате реализации крупных проектов и частных инициатив, с помощью государственных институтов.

Среди сторонников точки зрения на государство как активного участника социальных конфликтов выделяется *позиция радикальных географов, в основе взглядов которой — положения марксизма*. Анализируя те же проблемы городской политики и социального неравенства в городах, приверженцы радикальной географии до-

казали, что социальная дифференциация в расселении глубоко отражается в общественном сознании и способствует воспроизводству неравенства в интересах капитала, взвинчивающего цены на землю и жилье при надежно обеспеченной защите этих интересов в центральных и местных органах власти. Важнейшей стала категория доступности ресурсов и услуг как функция не только времени и расстояния, но и социальных ограничений, в свою очередь, зависящих от распределения власти внутри общества. Большое внимание сторонники неомарксистских подходов уделили пространственно-отраслевой перестройке мирового хозяйства, ее обусловленности процессами интернационализации производства и капитала и ее политико-географическим последствиям.

Радикальные географы верно увидели в политизации географии путь к тому, чтобы придать ей практическую, конструктивную направленность. Так, французские географы, объединяющиеся вокруг журнала «Геродот», считают одним из главных принципов общественной значимости географии учет классового характера использования пространства на разных территориальных уровнях, различий в соотношении политических сил. Лакост подчеркивал, что

в течение столетий география была по сути политической наукой, поскольку географы служили прямыми помощниками и консультантами правителей и политических деятелей, ибо практически всякое политическое решение имеет пространственное **выражение**.

Вместе с тем в некоторых работах географов, придерживавшихся неомарксистских взглядов, капиталистическое государство упрощенно трактуется лишь как орудие в руках монополий, а любое правительственное решение — как акция в их интересах. С такой позиции выполнены работы, в частности, о политической мотивировке размещения государственных инвестиций, взаимосвязи региональной политики и расстановки политических сил.

Постмодернизм и теории
**«конструирования»
пространства**

Согласно постмодернистским **концепциям** в географии, основывающимся на трудах французского философа М. Фуко и английского географа Д. Харви [Harvey, 1989], значимость, характер восприятия и использование человеком или социальной группой пространства не зафиксированы раз и навсегда, а меняются в зависимости от социальной практики. Последняя состоит не только из действий,

Раздел II. Политическая география

но и из политического дискурса в понимании Фуко, в ходе которого **распространяются** или укрепляются определенные социальные представления. Когда во время августовского путча 1991 г. защитники Белого дома строили баррикады, они прекрасно понимали, что собранные по окрестным дворам кучи металлолома не станут препятствием для бронетехники и вряд ли спасут их от пуль. Им было важно обозначить символическое пространство сопротивления — территорию, которую войска должны были атаковать.

Работами последних лет доказано, что дискурс играет огромную роль в формировании политической карты и, в более широком смысле, территориальности. Имеет значение даже **использование** определенных терминов. Если приводить примеры из опыта нашей страны, можно вспомнить, как в конце 1970-х годов из директивных органов поступило указание применять термин «развивающиеся страны», а не Третий мир. Тем самым подчеркивалось, что эти страны — не второстепенная часть глобальной геополитической системы, а самостоятельная структура, имеющая благоприятные перспективы. Позже, после распада СССР, украинское руководство всерьез настаивало, что нужно употреблять выражение «в Украине», а не «на Украине», и только так якобы правильно говорить о суверенной стране (тогда уж надо бы присоединиться к этим требованиям и Кубе).

Трудно переоценить символическое социально-психологическое и геополитическое значение топонимов. Так, по окончании войны немецкие названия городов, деревень, рек и т.п. в бывшей Восточной Пруссии в одночасье были заменены на русские. Переименованием занимались офицеры Генштаба. В начале 1970-х годов, после **советско-китайских** пограничных конфликтов, когда Китай претендовал на обширные территории в Сибири и на Дальнем Востоке, все топонимы там были русифицированы: *Иман* стал *Дальнереченском*, *Тетюхе* — *Дальнегорском* и т.п.

Символом особенности Эстонии в позднеперестроечный период, когда дискутировался «региональный **хозрасчет**» — провозвестник близкой независимости, стало бессмысленное в русском языке второе «н» в конце слова «**Таллинн**». Тогда же предпринимались попытки внедрить в русский язык транслитерацию самоназваний республик и их столиц (например, Ашгабад или **Хальмг-Танч**). Не было резона спрашивать ратующих за это блюстителей правильности русского языка, почему бы тогда не писать «**Пари**» вместо привычного Парижа или «**Ляйпцишь**» вместо Лейпцига и почему бы России не возмутиться тем, что французы называют ее столицу

«Моску», а итальянцы — «Моска». Ответ ясен — таков дискурс и императив формирования новой территориальности, государственности и границ.

В наше время, когда унаследованные от прошлого политические традиции постепенно теряют почву и общественное мнение повсеместно становится все более подверженным резким колебаниям, характер мирового геополитического порядка во многом определяют средства массовой информации (СМИ), способствующие его легитимизации в глазах избирателей. Так, именно **СМИ**, уделяя весной 1999 г. огромное внимание трагедии сотен тысяч албанских беженцев, сумели убедить общественное мнение западных стран в необходимости военной акции НАТО против Югославии. Например, во Франции в начале бомбардировок ее одобряли только 37—38% населения, тогда как к концу апреля — уже почти 70%.

Картина мира, которую рисуют СМИ, сильно отличается от реальной. Они отражают интересы политических и экономических элит своих стран, их внешнеполитические ориентации, восприятие **потенциальных** союзников и источников внешних угроз национальной безопасности. Решая, какое место уделить тому ли иному региону мира, **стране**, «горячей точке», СМИ вольно или невольно учитывают приоритеты государственной внешней политики, особенности восприятия и субъективные интересы читательской аудитории. То же наблюдается и на внутригосударственном уровне. Частота публикаций общенациональных российских газет о регионах России и их образ лишь отчасти коррелируют с объективной значимостью (численностью населения и экономическим потенциалом). Они в значительной степени определяются субъективными факторами, в том числе личностью и активностью губернатора, особенно если он рассчитывает на большое политическое будущее и ищет возможности для пропаганды своей деятельности в увязке с положительным имиджем **своего** региона [см.: Петров, Титков, 1998].

Таким образом, в каждой крупной стране, социальном и/или идеологическом сегменте ее общества складывается своя собственная, во многом мифологизированная картина мира. Иногда эти картины не только значительно разнятся, но и находятся в остром конфликте.

Вполне закономерно, что теория конструирования пространства способствовала возрождению интереса к геополитике, но на новой основе. Современная геополитика в принципе отличается от традиционной геополитики силы и тесно связана с политической географией. Широкую известность приобрела **критическая геополитика**, концепция которой предложена Дж. **О’Тоалом** [O’Thuatail, 1996].

Раздел II. Политическая география

Термин «критическая» означает признание ангажированности всей традиционной геополитики, обслуживавшей интересы определенных государств или политических сил, и невозможности полной беспристрастности исследователя. О'Тоал с позиций постмодернизма рассматривает геополитику как политический дискурс, в котором доминируют государственные деятели, заинтересованные в формировании служащего их целям специфического и упрощенного геополитического видения мира. Современная геополитика понимает национальную безопасность не только как военную, но и экономическую, экологическую, культурную и т.д. В отличие от традиционной геополитики силы, ее можно назвать *геополитикой взаимозависимости*. Государство более не воспринимается как единственный или бесспорно главный субъект политической деятельности на всех уровнях анализа.

О'Тоал выделяет «высокую» и «низкую» геополитику. **В ы с о к а я** геополитика, называемая также практической или формальной, создается дипломатами, государственными деятелями, политиками, экспертами всех уровней. **Н и з к а я**, или «популярная», геополитика складывается из набора мифов и социальных представлений о месте страны в мире, распространяемых системой образования, средствами массовой информации и официальной пропагандой, составляющих неотъемлемый элемент государственного строительства. Геополитическую нагрузку несут невинные, на первый взгляд, мультфильмы, карикатуры, мелькающие на экране телевизора картинки и даже поп-музыка [Dobbs, 2000]. Геополитика и формируемая в том числе на ее основе внешняя политика, еще недавно удел сильных мира сего, становятся элементами национального самосознания, и общественное мнение задает для нее все более жесткие рамки [Dijkink, 1998; O'Loughlin, 1999]. И «высокая», и «низкая» геополитика способствуют динамике территориальности людей и социальных **групп** и изменениям на политической карте мира.

Политико-географы признали, что они сами способствуют формированию политического дискурса и несут за него ответственность. Согласно современной теории познания, принципы которой внедрялись, хотя и с разных позиций, представителями радикальной и гуманистической географии, а ныне разделяются большинством географов, специалисты в области общественных наук не могут быть беспристрастными: каждый из них — продукт своего времени и своей социальной среды. Географ не имеет права

1. Развитие мировой политической географии...

считать результаты своей работы универсальным, объективным знанием — это всего лишь отражение его личного опыта.

Следовательно, и понятия, которыми он оперирует, представляют собой не объективные и извечные данности, а всего лишь средства для классификации предметов и явлений, меняющиеся в зависимости от обстоятельств, в том числе географических. Вовсе не абсолютны такие понятия, как *общество, государство, народ, нация, раса, страна*. Взять, например, черную и белую расы. Это совершенно разные понятия в Северной Америке и Бразилии, где метисов относят к «белым».

Создание и использование подобных категорий имеет вполне осязаемые и политически значимые пространственные последствия. Они — одна из основ идентичности человека, его представлений о том, что именно отличает социальную группу, с которой он себя отождествляет (своих), от других людей (чужих). На таких представлениях основывается отношение к национальным, религиозным, культурным, сексуальным и иным меньшинствам, маргиналам и т.п. Эти представления отражают диалектику самооценки и отношения к окружающему миру, в том числе отношение к вполне реальным географическим границам, например политическим и административным.

Постмодернистские подходы, по своей природе междисциплинарные, приводят к пересмотру многих традиционных понятий политической географии. Согласно постмодернистским взглядам в мире нет ничего жестко-исключительного, черно-белого, а существует неисчерпаемое разнообразие сочетаний и переходов от одного явления, процесса, периода к другому.

Политическое пространство
и геополитическое положение

Одно из ярких проявлений такого
подхода — дискуссия о понятии
политического пространства и гео-

политического положения. Еще с 1950-х годов политико-географы подчеркивают, что с появлением дальней бомбардировочной авиации, затем ядерного оружия, баллистических ракет и атомных подводных лодок с неограниченным радиусом плавания как средств его доставки ни одно государство мира не могло считаться неуязвимым. Геополитическое положение многих стран, расположенных вдали от традиционных театров военных действий, значительно изменилось. Пространство и время «сжалось», поскольку высокая скорость ракет оставляет вовлеченным в конфликт сторонам крайне мало времени для принятия решений.

Раздел II. Политическая география

В силу процессов глобализации значение государства как главного уровня территориально-политической организации общества продолжало снижаться и дальше. Ни одно государство фактически не обладает абсолютным суверенитетом над своей территорией², так как согласно нормам международного права оно должно пользоваться и распоряжаться ею так, чтобы не нанести ущерба соседям, другим странам и окружающей среде в глобальном масштабе.

Все большую роль в процессах глобализации играют нематериальные факторы — изменения в самосознании населения, в свою очередь, во многом объясняющиеся объективными экономическими причинами (см. ниже).

С появлением спутников связи и Интернета стало почти невозможно оградить какую-либо территорию от поступающей извне информации и идеологического воздействия. Виртуальное пространство становится политически осязаемым. Многие специфические в этническом и культурном отношении районы хотят большей самостоятельности и даже отделения. Вместе с тем состав населения многих регионов мира становится или и раньше был смешанным, и это не дает возможности провести жесткие, труднопроницаемые границы.

Требуется новая, гибкая территориально-политическая организация: лозунг *«Жить вместе порознь.»* стал знаменем времени. Происходящие в мире процессы описываются терминами «глокализация», «глокальный» — от глобального и локального. Иными словами, для каждого человека одновременно повышается роль глобальных (макро) и локальных (микро) факторов, определяющих условия его деятельности. Как полагает видный политолог Д. Элазар, в постиндустриальном мире для этого будут все более широко использоваться процедуры федерализма (см. гл. 3), и произойдет сдвиг от концепции суверенитета к концепции юрисдикции [см.: Elazar, 1999].

Концепции мультикультурализма

С постмодернизмом тесно связано использование в политической географии концепции мультикультурализма. Ее суть в том, что ни одна культура даже в рамках одного общества и одной этнической группы не бывает однородна. Всегда

² *Государственная территория* — это часть территории и акватории, находящаяся под суверенитетом определенного государства. Это означает, что в пределах государственной территории государство является высшей по отношению ко всем лицам и организациям властью, обеспеченной системой государственных органов. Государство владеет, пользуется и распоряжается своей **территорией**.

1. Развитие мировой политической географии...

есть субкультуры разных социальных слоев, мужчин и женщин, **национальных** и сексуальных меньшинств и т.п. Доминирование какой-либо одной субкультуры, рассматриваемой как стандартная, нормативная, есть результат целенаправленных действий ее носителей, облеченных политической властью, по искоренению или подавлению всего, что не вписывается в установленные ими **нормы**. Навязывая обществу свой дискурс, господствующие в обществе группы осуществляют свои властные стратегии.

Иными словами, понятие культуры относительно. На результат исследования влияет не только выбор объекта — конкретной версии культуры, но и восприятие мира самим исследователем, сформированным в определенной культуре. Действительно, *современная политическая география — это в основном дисциплина белых мужчин англосаксонского происхождения*. **Сторонники** концепции мультикультурализма в политической географии считают необходимым выявить подлинное многообразие общества, общие для разных групп угрозы и проблемы, связанные с единой природной и социальной средой обитания, жесткость социальных и территориальных границ и степень конкуренции между ними за экономические и социальные блага. Ставится задача определить истинную культуру прежде безгласных социальных групп, выявить политические и иные факторы, мешающие им выразить свое подлинное мнение, способствующие их дискриминации де-факто (даже если формально они имеют равные с другими группами гражданские права) и мешающие им участвовать в управлении.

Мультикультурализм на практике — это параллельное и независимое существование разных социальных групп и меньшинств, не препятствующее им **реализовывать** свои особые культурные цели, составляющее одну из основ так называемой **со-общественной** (co-societal) демократии [Лейпхарт, 1992].

В этом его коренное отличие от традиционных стратегий «плавильного котла», направленных на интеграцию всех групп в единую политическую нацию, объединенную единой культурой. Беда, однако, в том, что благородные устремления сторонников мультикультурализма часто приводят к углублению социальных границ между группами, усилению сегрегации, укреплению чувства национальной исключительности и повышению значимости коллективных прав за счет индивидуальных.

Раздел II. Политическая география

Концепция **мультикультурализма** привлекла особое внимание **политико-географов**, поскольку население многих крупных городов и районов мира становится все более разнородным в этническом и культурном отношении. Один из подходов состоит в *определении расселения и способов сосуществования различных социальных групп на территории*, другой — в *изучении различий в образе жизни*. Часто эти исследования связаны с анализом перспектив местного самоуправления на разных уровнях и его перестройкой на основе элементов **со-общественной** демократии и федерализма. В странах с переходной экономикой социальное многообразие общества только начинает проявляться и формы демократического представительства различных социальных групп лишь формируются. Так, в Польше предметом исследований стала реализация на политической сцене интересов национальных меньшинств (**украинцев**, белорусов, литовцев, немцев, евреев) и субэтнических групп (кашубов, мазурцев, силезцев и др.), многочисленных религиозных объединений, в том числе православных и особенно протестантских, молодежных и специфических профессиональных групп (духовенства, деятелей искусства и др.), сконцентрированных в определенных регионах.

Концепция территориальности и теории этнической и политической идентичности

Каждый из нас живет в определенном пространстве, времени и культуре. При этом пространство, в котором человек живет и действует,

организовано по иерархическому принципу. «Первичная» ячейка, которую мы занимаем, — это *пространство, окружающее наше тело*. Его размеры зависят от национальной культуры: известно, например, что в нашей стране люди, ведя деловой или доверительный разговор, приближаются друг к другу гораздо ближе, чем это принято в других странах. Каждый из нас живет также *в одном из городских кварталов или в каком-либо селении*, где обычно приобретаются продовольствие и другие товары повседневного спроса, расположена школа, в которой учатся дети, медицинское учреждение, оказывающее первичную помощь, и т.д. *В других кварталах города или района* могут располагаться место работы, предприятия торговли и услуг периодического пользования, живут родственники и друзья.

Подобным же образом можно определить и более высокие территориальные уровни:

- **область (регион);**

1. Развитие мировой политической географии...

- ареал проживания этнической группы;
- страна, государственные органы которой определяют законы, регулирующие основные сферы нашей деятельности;
- макрорегион, включающий несколько соседних и/или дружественных стран, континент;
- весьмир.

Таким образом, каждый человек в той или иной степени осваивает в течение своей жизни определенные иерархически организованные пространства, размеры и особенности которых зависят от его социального статуса, местной культуры и других факторов. Иными словами, отдельный человек и социальные группы людей обладают *территориальностью*. Американский географ Р. Сакк дал уже ставшее классическим ее определение: «попытка индивида или социальной группы контролировать или оказать влияние на людей, явления и взаимосвязи путем делимитации и контроля над географическим *ареалом*» [Sack, 1986, с. 19].

Пространство — не нейтральная для человека категория. Человек по-разному относится к разным территориям, и самоидентификация со многими из них играет важную роль в его сознании и поведении. Эти территории обозначались маркерами-символами еще в «**примитивных**» обществах. Сохранение природных памятников и исторических ландшафтов стало в эпоху глобализации элементом сопротивления нивелирующему воздействию массовой культуры. Поэтому разрушение этих маркеров идентичности посторонними силами (например, колониальными властями, переселенцами-колонатами) исключительно болезненно воспринимается местными сообществами. Многие люди остро переживают отсутствие привычного ландшафта и его символов: они с трудом адаптируются к переезду в иную местность, испытывая настоящий кризис идентичности, особенно — в результате насильственной депортации. Этим проблемам посвящено уже немало географических исследований. Анализ *территориальной идентичности человека (самоидентификации с определенной территорией)* стал одним из важнейших направлений политической и социальной географии.

Идентичность человека всегда многообразна. Каждый из нас отождествляет себя, например, с людьми своего пола, своей профессией, уроженцами своей местности или города. Территориальная идентичность — лишь один из видов самоидентификации людей с социальными группами. Она имеет все более сложную организацию: ее главные виды — политическая (или национальная,

Раздел II. Политическая география

если использовать термины, принятые в западной литературе) и этническая идентичности. Теории этнической и политической идентичности ныне широко используются в самых разных областях политической географии — в исследованиях государственной территории и границ, этнотерриториальных конфликтов и миграций, итогов выборов и политического дискурса. Имеется, например, уже много работ о символическом значении территории или географических мест как краеугольного камня территориальной идентичности [Newman and Paasi, 1998], политических границ как территориальных и социально-психологических маркеров разграничения «своих» и «чужих».

В исследованиях по территориальной идентичности можно различать *два подхода*:

Первый из них сфокусирован на изучении *ключевых признаков, определяющих сущность идентичности и, следовательно, позволяющих выявить ее территориальное ядро*, по мере удаления от которого эти признаки ослабевают. В пределах полосы, в которой признаки разных идентичностей выражены одинаково, проходит граница между этническими или культурно-географическими группами.

Второй подход, наоборот, нацелен на *изучение функций установленной границы как демаркационной линии между ареалами идентичностей, способствующей их ослаблению или укреплению*.

Проблема масштаба
в политической географии,
концепция места
и контекстуальный подход

Крупнейший советский экономико-географ Н. Н. Баранский писал о том, что «игра масштабами» — привилегия географии. Однако на более ранних этапах развития политической географии преобладал только один или два уровня анализа — *глобальный* и *отдельного государства*. Теперь уже можно с полным основанием утверждать, что изучение взаимосвязи между *глобальным, (макро)региональным, национальным* (государственным), *районным* и *локальными* уровнями и взаимодействия между происходящими на них разнообразными процессами действительно стало привилегией политической географии. Только «игра масштабами» позволяет правильно понять систему факторов, влияющих на политическую деятельность на разных уровнях, условия, мотивы и контекст, в котором принимаются политические решения. В качестве иллюстрации этого тезиса приведем пример урегулирования ситуации в Приднестровье.

/ . Развитие мировой политической географии...

Еще в 1990 г. поддержанные населением лидеры районов Молдавии вдоль **левого** берега Днестра, а также города Бендеры объявили о выходе из состава республики и образовании Приднестровской Молдавской республики (ПМР). Причиной стало принципиальное несогласие жителей левобережья с языковой политикой тогдашнего руководства Молдовы и его линии на объединение с Румынией. Конфликт далек от разрешения и через 10 лет после его начала. Его будущее зависит от локальных, **региональных** и глобальных факторов.

В числе *локальных факторов* — прежде всего тяжелый экономический кризис, который переживает Молдова, отодвигающий в глазах людей приднестровский кризис на задний план в **сравнении** с проблемами поиска работы и заработков. Кроме того, успех переговоров между Кишиневом и столицей ПМР Тирасполем о создании «общего **государства**» зависит от позиции другой специфичной в этническом и культурном отношении части Молдовы — Гагаузии. Она может потребовать в «общем государстве» тот же статус, что и Тирасполь, если, конечно, власти Республики Молдова согласятся на создание федеративного государства или конфедерации. Наконец, многое определяется внутривнутриполитической ситуацией в Кишиневе. Летом 2000 г. Молдова превратилась из президентской республики в парламентскую. Поскольку соотношение сил между фракциями парламента неустойчиво, на переговорах встал вопрос о надежном партнере и предсказуемости молдавской стороны.

На региональном уровне решение определяется ролью России и Украины как посредников и гарантов, а отчасти также и позицией Румынии, с которой Молдова установила особые отношения. Важно, что около 10% населения Приднестровья имеют российское гражданство. Россия остается главным внешнеторговым партнером и Молдовы, и Приднестровья.

В макрорегиональном (общеевропейском) и глобальном контексте решение конфликта зависит от отношений в геополитическом треугольнике Россия — страны СНГ — США (**НАТО**): проблемы расширения НАТО на восток, реализации программы «Партнерство во имя мира», давления на Россию Запада. Он требует вывести российские войска и эвакуировать склады боеприпасов бывшей советской 14-й армии с территории Приднестровья. Проблема заключается в том, чтобы избежать превращения Молдовы и некоторых других бывших советских республик в «серую» зону конфронтации между Россией и НАТО (Западом). Новая реальная или мифическая конфронтация вынудила бы страны Восточной Европы занять в ней жестко предопределенное место (*за* или *против*), вместо того чтобы **всем вместе** становиться полноправными участниками европейской интеграции.

Таким образом, только рассмотрение в совокупности и взаимодействии процессов на всех трех уровнях помогает реалистически оценить события в регионе.

Раздел II. Политическая география

Доказано, что масштаб — это не только методологически удобный прием политико-географического анализа и не данность, а продукт деятельности общества.

Тейлор выделяет *три основных масштаба* в политической географии:

- **локальный**, называемый также местом, под которым понимается поселение, близко расположенная группа поселений в пределах муниципалитета, город или его квартал. По Тейлору, локальный масштаб — это сфера личного опыта каждого человека;
- промежуточный уровень — **государство**, стремящееся смягчить глобальное воздействие на локальный уровень — среду повседневной жизни — и адаптировать население к мировым процессам;
- **глобальный** масштаб. Именно на глобальном уровне, по мнению Тейлора, и происходят главные экономические процессы, предопределяющие жизнь людей, поэтому его можно определить как «масштаб реальности».

Например, в эпоху «холодной войны» гонка вооружений между США и СССР способствовала созданию рабочих мест в городах США, в которых размещались предприятия, получавшие военные заказы. Государство стремилось распределять их по территории таким образом, чтобы сократить безработицу в проблемных городах и районах. После ослабления, а затем и прекращения глобального военного противостояния государство пыталось смягчить последствия сокращений в военной промышленности для отдельных поселений, распределяя субсидии предприятиям и социальные пособия. Тейлор также назвал этот масштаб государства идеологическим, поскольку оно отвлекает людей от глобального уровня, от которого в действительности все зависит, переключая их внимание на местные проблемы. Поэтому политическая самоорганизация людей (создание партий и общественных движений) происходит до сих пор почти исключительно на уровне государства, не выходя на более высокие уровни [см.: Flint, 1999; Taylor and Flint, 2000].

Занимаясь проблемой масштаба в политической географии, американский географ Джон **Эгню** разработал концепцию места [см.: Agnew, 1987] и так называемый контекстуальный подход. Его суть составляют две главные идеи.

► **Первая** идея состоит в том, что *место как первичная ячейка политического пространства служит ареной взаимодействия процес-*

1. Развитие мировой политической географии...

сов, протекающих на разных уровнях— от глобального до локального. Действующие там общественные институты (церковные приходы, профсоюзные организации, местные СМИ и др.) способствуют формированию в сознании людей определенных представлений о мире, на которые они опираются, пытаясь приспособиться к внешним импульсам, исходящим от глобального, национального или районного уровня.

► **Вторая** идея заключается в том, что *пространственное распределение политических процессов — от хода и итогов выборных кампаний до всплесков национализма и особенностей муниципальной политики— можно объяснить эффектом места (пространственным контекстом).* Контекст — это отражение исторических, экономических и иных особенностей места и его взаимосвязей с миром (например, положения данного места в системах «центр—периферия» на разных уровнях — глобальном, национальном, районном, городской агломерации). Депрессивные районы Великобритании расположены в стране, входящей в мировое «ядро», но на экономической и политической «периферии» своего государства. Контекст также объясняет, *каким образом географическое пространство модифицирует политическую деятельность* и, в частности, как оно опосредует воздействие высоких территориальных уровней на локальный уровень — *место.*

Концепции контекста и места получили наиболее широкое применение в работах по электоральной географии. Традиционный подход — объяснение пространственной вариации в результатах голосования каким-либо фактором. При этом делается допущение, что он одинаково влияет на решение избирателей по всей территории страны. В этом случае ячейки территории выступают только как условная сетка для сортировки информации и расчетов. При подходе, предложенном Эгню, пространство, преобразующее воздействие общенациональных факторов в соответствии с историей и социальными особенностями каждого места, само выступает в качестве переменной, учитываемой при анализе. Поясним это на примере.

Воздействие общенационального фактора — кризиса в угольной промышленности и постепенного закрытия правительством Великобритании **большинства** шахт в 1970-х — начале 1980-х годов в некоторых шахтерских поселках привело к усилению влияния лейбористов, тогда тесно связанных с настроенным на непримиримую борьбу профсоюзом горняков. В других поселках такого эффекта не наблюдалось, несмотря на

Раздел II. Политическая география

сходство социально-профессиональной структуры. Объяснить эти различия можно, лишь углубившись в историю мест: шахты в первой и второй группе поселков возникли в разное время, в них по-разному набирали рабочих и складывались разные традиции.

Хрестоматийный пример воздействия контекста на результаты голосования — так называемый *эффект соседства* (*neighborhood effect*), наблюдающийся и в России и впервые детально описанный в Великобритании. Его суть в том, что в районах традиционной поддержки той или иной партии часто наблюдается усиление голосования за нее по сравнению с ожидаемым при данной социальной структуре результатом [Весна-89, 1991]. Так, избиратели в лейбористских районах Великобритании, которые в других условиях обычно голосуют за консерваторов, следуют примеру своих соседей (откуда и название явления), и наоборот. Это объясняется и традициями, и социальной мобильностью (к примеру, дети шахтеров, ставшие мелкими собственниками или лицами свободных профессий, нередко сохраняли солидарность со своими соседями), и доминированием в общественной жизни поселения организаций, связанных с шахтерами и лейбористской партией и формирующих соответствующее общественное мнение. В России это также административное давление, понуждающее избирателей голосовать за нужную партию и ее кандидатов.

Контекстуальный подход разрешает извечное противоречие между двумя методологиями электоральной географии:

- между упором в объяснении пространственной вариации результатов голосования *социально-экономическими факторами*, а это чревато риском впасть в экономический детерминизм и слишком упростить действительную картину, и увлечением *этнокультурными факторами*, что также ведет к редукционизму;
- между использованием *статистических и социологических методов*. В первом случае результаты голосования сопоставляются с агрегированной по территориальным единицам социально-экономической статистикой, и следовательно, акцент делается на условия, в которых избиратели принимали решение отдать свой голос за определенную партию или кандидата. Во втором случае пространственная картина голосования объясняется социально-психологическими и индивидуальными особенностями избирателей с упором на процесс и мотивы принятия ими решений, для чего обычно нужна социологическая информация.

1. Развитие мировой политической географии...

Каждый из этих путей имеет свои достоинства и недостатки. Но только контекстуальный подход позволяет одновременно рассматривать факторы, влияющие на избирателя на всех уровнях — от глобального до локального, от крупных социальных и территориальных общностей (народ, социально-профессиональная группа, население района) до конкретного человека. Результаты исследований с применением контекстуального подхода доказывают, что политическая дифференциация территории — это не только географический результат непространственных по сути процессов.

Политическая деятельность — это пространственный процесс, разворачивающийся в особом политическом пространстве. Поэтому политическая география несводима лишь к географическим аспектам политологии, но представляет собой отдельную дисциплину, способную получать оригинальные результаты, а не только конкретизировать выводы политологов или социологов.

Политические особенности места — это синергетический эффект экономической деятельности и политико-культурных условий, в которых она протекала в разные исторические эпохи. Эгню выделяет следующие элементы территориального контекста (см.: Agnew, 1996):

- *меняющееся территориальное разделение труда*, которое выражается в пространственном распределении инвестиций, рабочей силы и средств производства. Каждый новый виток в его развитии оставляет на территории очередной экономической и культурный слой, создавая *индивидуальную историю каждого места*;
- *доступность места* или, в других терминах, его положение в сетях, по которым циркулирует информация и распространяются нововведения. В свою очередь, оно зависит от положения места в иерархии системы расселения, по отношению к государственным границам, лингвистическим рубежам, сетям коммуникаций, а также от уровня развития их технологии. Все эти факторы облегчают или затрудняют взаимодействие между местами;
- *напряженность в отношениях между местом и центром*, перераспределение государством средств между местами с целью поддержания доверия избирателей и легитимности режима;
- *различия между местами в половозрастной структуре населения, а также социальные и этнические различия*, их относительная

Раздел II. Политическая география

важность для данного места, роль в зарождении и деятельности местных политических движений и популярности лидеров;

- требования *местных политических движений* по вопросам развития страны, района и местности, а также касающиеся перспектив социальных и этнических **групп**;
- «*микроегеография повседневной жизни*», определяющая каналы взаимодействия между людьми и социальными группами, связанные с решением проблем жилья, школ, досуга и т.п., и чувство привязанности к своему месту (локальную идентичность) — «общность судьбы».

Таким образом, географический контекст и особенности места задают направление политической активности избирателей. Для количественной оценки значения контекста предложены статистические модели, позволяющие определить вклад особенностей региона в общее изменение распределения голосов между партиями от выборов к выборам.

1.4. Политическая география в бывшем СССР и России

В развитии отечественной политической географии, как и мировой, довольно отчетливо выделяется несколько этапов:

- **з а р о ж д е н и е** (примерно с конца XIX в. и до середины 1970-х годов);
- **н а к о п л е н и е** фактического материала, создание теоретических основ и освоение мирового опыта (с середины 1970-х до 1980-х годов);
- **а к т и в н о е о б н о в л е н и е** и **п р и б л и ж е н и е** к общественным запросам в стране.

Рассмотрим коротко основные вехи этих этапов и некоторые итоги политико-географических исследований последних лет.

Первый этап

Длительный период зарождения политической географии в нашей стране охватил почти три четверти века, в течение которых она пережила фундаментальные потрясения — Первую мировую войну и революцию, установление репрессивного сталинского режима и Вторую мировую войну, хрущевскую «оттепель» и многолетнее глобальное соперничество с Соединенными Штатами и их союзниками. Есте-

ственно, резко менялись и условия развития географической науки, и потребности в **политико-географических** разработках.

Несмотря на неоднократный радикальный передел политической карты Европы и мира в этот период и объективно высокую актуальность территориально-политических исследований, политическая география как особая дисциплина в этот период так и не сложилась. О ней в течение многих лет вспоминали лишь от случая к случаю. Главная причина — идеологические ограничения советского времени.

Политико-географические разработки по самой стране долгое время оставались под строгим табу (за исключением разве что частных вопросов административно-территориального деления в связи с экономическим районированием). Сыграли роль и ассоциации политической географии с «буржуазной», резко антикоммунистической и антисоветской геополитикой, особенно нацистской.

Тем не менее еще в *дореволюционных* трудах многих выдающихся русских географов — Н. П. Огарева (его районирование России включало и политико-географические элементы), В. П. Семенова-Тян-Шанского и других — были заложены основы отечественной политической географии. Территориальной дифференциации политической жизни общества уделяли немало внимания и советские географы *предвоенной поры* — А. С. Добров, Л. Я. Зиман, В. С. Клуфт, А. Г. Милейковский.

В *послевоенные годы* активными поборниками политической географии были крупнейшие советские географы **Н. Н. Баранский**, И. А. Витвер, И. М. Маергойз. Велись политико-географические исследования по отдельным зарубежным странам — Австрии (А. И. Мухин), ФРГ (О. В. **Витковский**); ими же была предпринята попытка разработать теоретические основы политической географии и обосновать ее место в рамках советской системы общественных наук.

Второй этап

С середины 1970-х годов положение начало меняться. Была выполнена **целая** серия исследований по политической географии зарубежных стран (Италии, Франции, США, Канады) (Московский и Ленинградский университеты). Хотя по-прежнему большая часть исследований выполнялась на основе относительно доступных материалов по выборам в странах Запада (С. Б. Лавров, Л. В. Смирнягин, К. Э. Аксенов, Н. В. Каледин, В. В. Лаврухин и др.), **круг** тем, разрабатывавшихся **политико-географами**, значительно расширился.

Раздел II. Политическая география

Появились исследования *по развивающимся странам*, потребовавшие разработки особой теории и методологии (Ю. Н. Гладкий, Ю. Д. Дмитриевский, Я. Г. Машбиц, В. С. Сухоруков, В. С. Ягья), начала активно формироваться *политическая география Мирового океана* (А. П. Алхименко, С. Б. Слевич и др.). В этой области благодаря коллективным усилиям географов, юристов-международников и экономистов было опубликовано несколько капитальных монографий (например, в серии «География Мирового океана»), имевших не только теоретическую, но и практическую ценность, поскольку они были ориентированы на обоснование интересов Советского Союза как ведущей океанской державы и путей их обеспечения.

В числе достижений этого периода следует отметить разработку типологических подходов в *электоральной географии* в сочетании с применением *математико-статистических* и картографических методов. Типологии имели целью выявить сочетания и соотношение влияния партий в разных районах, распределение избирателей в целом и электората отдельных партий по населенным пунктам разной людности и различных функций. На этой основе исследователи пытались установить долгосрочные тенденции влияния политических партий и найти объективные критерии политико-географического районирования.

Для 1980-х годов характерны попытки обогатить количественно-статистический анализ итогов голосования. Особое внимание уделялось:

- различиям в политической ситуации, в которой проводились выборы в разных районах;
- сдвигам в географии влияния партии в связи с изменением ее политических позиций и лозунгов;
- таксономии регионов-«бастионов» партий;
- контрастности и мозаичности в размещении сторонников разных политических сил;
- типам **соотношения** политической ориентации «ядер» и «периферии» городских агломераций.

Многообещающим представлялось изучение *прямых и обратных связей между политикой, хозяйством и экологической ситуацией*. Были рассмотрены взаимосвязи между размещением **ядерно-энергетического** цикла и политической географией, политико-географические факторы современной географии мирового хозяйства,

1. Развитие мировой политической географии...

разработаны карты, отражавшие воздействие общественного мнения на реализацию промышленных проектов.

Новыми темами для отечественной политической географии стали такие, как *воздействие этнокультурных различий, регионализма, географии влияния партий и других политико-географических факторов на региональное развитие и государственное устройство, происхождение и идейные основы федерализма.*

Все же многие направления политической географии не были представлены вовсе. Главное — у исследователей не было возможности заниматься политической географией не только зарубежных стран, но и самого Советского Союза.

Третий этап

Время для развертывания политико-географических исследований

России и бывшего СССР пришло неожиданно и стремительно. В конце 1980-х годов разразились первые этнические конфликты: в 1986 г. — в Алма-Ате, в 1988 г. — в Нагорном Карабахе. Нарастал риск столкновений на этнической почве и в других регионах СССР.

В конце 1988 г. было объявлено о первых альтернативных выборах народных депутатов СССР, назначенных на март 1989 г. В пионерной работе по изучению предвыборной кампании и выборов приняли участие географы из Института географии АН СССР и географического факультета МГУ.

В результате была издана первая в нашей стране монография по политической (электоральной) географии, в которой была предложена методика географического анализа предвыборных кампаний и выборов в специфических условиях СССР и России [Весна-89, 1991]. Необходимость тщательного анализа территориальных аспектов избирательной системы (деления территории на избирательные округа, распределения мандатов между субъектами федерации или районами) была осознана на всех политических уровнях и стала предметом дискуссий при разработке избирательного законодательства во многом именно благодаря публикациям географов. В дни выборов быстро стала привычной демонстрация на телевидении карт хода голосования.

Однако в истории политической географии главный итог трудного периода ее становления на рубеже 1980-х и 1990-х годов был в том, что сформировалась первая когорта политико-географов, взявшаяся за изучение многих острых и актуальных проблем политической географии отечества. Это исследовательские группы под руководством А. В. Березкина, Д. Б. Орешкина, Н. В. Петрова,

Раздел II. Политическая география

Л. В. Смирнягина, В. Е. Шувалова в Москве, К. Э. Аксенова — в Петербурге и др. В числе этих проблем:

- *электоральная география современной России*: политико-географические аспекты общенационального и регионального избирательного законодательства (деление территории на избирательные округа, распределение по ним мандатов и нормы представительства и др.); факторы, результаты и стабильность голосования на всех типах выборов, прикладные аспекты, связанные с избирательными технологиями (избирательные ресурсы партий и кандидатов, выбор одномандатных округов для баллотирования кандидатов, разработка стратегии и территориальная дифференциация избирательной кампании и др.);

- *этнотерриториальные конфликты*;
- политико-территориальные факторы *интеграции и дезинтеграции Российской Федерации* и отношений между федеральным центром и регионами;
- *ситуация в новых пограничных районах*.

Широкие и систематические исследования по *электоральной географии* были развернуты в 1990-е годы во многих научных учреждениях страны: в Институте географии РАН, на географических факультетах МГУ и Санкт-Петербургского университета, в Московском Фонде Карнеги, в некоторых региональных центрах. Накоплен огромный фактический материал: российские избиратели приняли участие уже в десятках общероссийских, региональных и местных выборов и референдумов. Его анализ дал возможность установить и учитывать в практике организации выборов и избирательных кампаний четкие закономерности поведения избирателей. В их числе:

- правило «центр — периферия»: за редкими исключениями, чем больше жителей в населенном пункте и чем ближе он расположен к крупному городу, тем более диверсифицированы его функции, тем больше в нем избирателей с более высоким уровнем образования и квалификации, тем выше доля голосов за правые партии. Внутрорегиональная вариация доли голосов за разные политические силы, как правило, значительно выше, чем межрегиональная;

- зависимость результатов голосования от особенностей региональной политической культуры, сформировавшейся в ходе длительного исторического развития. На итогах выборов в конце XX в. поразительным образом сказывались распространение и устойчивость традиционной крестьянской общины — мира, барщины и оброка,

перипетии освоения в прошлом веке территорий, относительно недавно присоединенных к России, и т.д. Но нынешняя региональная политическая культура — это, безусловно, и результат индустриализации и экономического развития республики или области в советское время, недавней динамики национального состава населения, соотношения в них крупных, средних и малых городов и т.п.;

- так называемый феномен контролируемого электората: в северокавказских и ряде других республик с высокой долей титульного населения исход выборов определяет позиция политической элиты, что вызывает значительные колебания процента голосов за разные политические силы;

- корреляция поведения избирателей с социально-экономическим положением и относительным благосостоянием, проявляющаяся, однако, лишь на локальном уровне. На уровне регионов в числе оппозиционных центральной власти областей имелись как сравнительно благополучные, так и резко депрессивные;

- «эффект друзей и соседей»: в России, как и в других странах, доля голосов за кандидата или за возглавляемое им избирательное объединение выше в регионах, с которыми связана его биография;

- «эффект места» (консолидированное голосование представителей всех социальных слоев за наиболее популярного в регионе кандидата или объединение);

- «отраслевого голосования»: повышенная поддержка кандидата или партии занятыми в какой-либо отрасли хозяйства, объединенными общими интересами, связанными, например, с экспортом их продукции и либерализацией внешней торговли.

Во второй половине 1990-х годов издано много справочников, монографий, статей, атласов по электоральной географии, весьма полезных для дальнейшего развития этого научного направления. Особенно следует выделить справочники Центральной избирательной комиссии при участии группы «Меркатор» Института географии РАН (например, **Выборы...**, 1996; **Выборы...**, 1997 и т.д.) и уникальные издания Московского центра Карнеги. В этом Центре начат выпуск «**Политических альманахов России**» (см., например, **Политический альманах...**, 1998), которые содержат как аналитические материалы о тенденциях изменения политических предпочтений российских избирателей по стране в целом, так и богатую информацию о социально-политической ситуации и выборах в каждом регионе. За «Альманахами» последовали ежегодные приложения к ним (см. Регионы России в 1998 г., 1999).

Раздел II. Политическая география

К концу 1990 г. была создана первая в своем роде база данных по актуализированному и латентным **этнотерриториальным конфликтам**. Информация по ним постоянно пополнялась, и к середине 1990-х годов в базе имелись сведения по примерно двумстам конфликтам (см., например, Глезер и др., 1991). Эта обширная информация послужила основой для серии карт и аналитических брошюр и статей. Этнотерриториальные конфликты были классифицированы по происхождению, типам субъектов, характеру их требований, степени актуализации, «симметричности». Различались конфликты, основывавшиеся на изменениях еще губернских границ в царской России и границ, установленных в советское время. Согласно принятым с первых лет советской власти взглядам, приоритет при территориально-государственном размежевании должен был отдаваться созданию экономически взаимодополняющих, самообеспечивающихся районов, хотя и с различавшимся в культурном и языковом отношении населением. Во многом именно поэтому были созданы северокавказские «коммуналки» — Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, а Северная Осетия получила выступ территории на плодородные равнины.

К прочим причинам конфликтов относятся сдвиги в расселении этнических групп, особенности истории присоединения этноареалов к России, сформированные за столетия стереотипы в национальных отношениях, изменения статуса политико-территориальных образований и их принадлежности союзным республикам. *Огромную роль в обострении этнической ситуации сыграли сталинские депортации 14 народов бывшего СССР, произвол при бесконечном переделе границ автономных образований.*

Соответственно причинам, требования, выдвигавшиеся в этнотерриториальных конфликтах, подразделялись на связанные с изменениями границ политико-территориальной единицы, ее передачей в состав другой республики, например, в Абхазии, Южной Осетии, созданием или восстановлением **государственности**.

По степени **актуализированности** выделялись конфликты, выразившиеся в следующем:

- в публикациях в местной прессе, извлекающей из анналов сложной истории многонациональных районов всякого рода казусы и прецеденты с целью укрепления этнической идентичности и политической мобилизации титульного населения;
- в требованиях общественных движений и партий;
- в территориальных претензиях на государственном уровне

1. Развитие мировой политической географии...

(в первые годы после распада СССР Латвия и Эстония имели их к России, а Молдова — к Украине). Эта стадия эскалации конфликта, впрочем, была вовсе не обязательной;

- в массовых выступлениях;
- в вооруженных действиях.

Продолжением этой работы в 1990-е годы стали попытки сопоставления **факторов интеграции и дезинтеграции** Российской Федерации по республикам, краям и областям. Эти исследования основывались на большом ряде количественных и качественных показателей, выраженных путем экспертной оценки в баллах и «взвешенных» по значимости [Петров, Трейвиш, 1995; Колосов, Петров, Трейвиш, 1996]. Сходная методика в это же время была применена для сравнения остроты этнополитической ситуации более чем в 200 этнических ареалах Европы и бывшего СССР на основе количественных и качественных показателей.

Новое порубежье страны привлекает большое внимание российских политико-географов. Внутренние административные границы России с ее ближайшими соседями после Беловежских соглашений превратились в государственные, что породило проблему длительной и болезненной адаптации прилегающих к ним районов к особенностям нового геополитического положения. Исследования географов показали, что эта адаптация связана с разрывом хозяйственных связей между предприятиями, трудностью ранее традиционного сбыта продукции в соседней республике, препятствиями для трудовых и бытовых поездок населения, часто связанного родственными узами, новыми проблемами в сфере образования и здравоохранения, специфической пограничной преступностью — контрабандой, коррупцией и др.

Исключительно благотворную роль для развития отечественной политической географии играет сотрудничество со специалистами в других общественных дисциплинах в междисциплинарных регионально-политических исследованиях, практическая работа с виднейшими политиками и политические консультации.

1.5. Концепция территориально-политической организации общества

О **территориально-политической организации общества** дает представление концепция места, предложенная Эгню, и теория мировых систем, которую в политической географии развивал Тейлор.

Раздел II. Политическая география

Эта концепция объединяет отдельные направления исследований в политической географии и их территориальные уровни и способствует ее интеграции с другими отраслями географии. Она отражает также **двуединство** политической географии как науки на стыке политологии и географии.

Термин **«территориальная организация»**, как известно, подразумевает как процесс, деятельность, так и ее результат.

Соответственно, территориально-политическая организация общества (ТПОО) представляет собой:

- воздействие на политическую деятельность присущих каждой территории или акватории условий и факторов этой деятельности, их взаимосвязи, взаимозависимости и соподчиненности;
- * сочетание двух видов территориально-политических систем (ТПС) - объективно складывающихся в ходе политической и иной деятельности (ТПС **д е - ф а к т о**) и системы политико-территориального деления и управления с его центрами как результата этой деятельности (ТПС **д е - ю р е**).

Таким образом, понятие ТПОО сочетает в себе и пространственные аспекты политической деятельности, и ее результаты — ТПС, т.е. объективно взаимосвязанные сочетания элементов политической сферы общества, функционирующие на определенной территории. Именно территориальные социально-экономические системы, по мнению многих отечественных географов, — объект социально-экономической географии в целом. Политическая география изучает территориально-политические системы — их элемент.

Различаются два основных типа ТПС.

• **Первый** — ТПС **де-юре**, функционирующие в установленных границах: государства, их союзы и внутренние политико-административных единиц, специальные зоны, создаваемые для решения практических задач, избирательные округа и т.п.

• **Второй** — объективно существующие ТПС **де-факто**, границы которых не совпадают с установленными. Главное отличие ТПС **д е - ю р е** от ТПС **д е - ф а к т о** — управляемость.

Основные категории ТПС обоих видов и соотношение между ними показано в табл. 15.

ТПС низшего ранга — **политико-географическое место**, которое можно определить как **минимальный пространственный носитель политико-географических различий, возникающий на основе спе-**

Виды и функции территориально-политических систем

Виды территориально-политических систем		Функции политико-географических мест де-факто
Территориально-политические системы де-юре	Территориально-политические системы де-факто (система политико-географических мест)	
1	2	<i>i</i>
1. Первичная самоуправляющаяся административно-территориальная единица (территориальный коллектив) — коммуна, сельсовет и пр.	Первичное политико-географическое место	Воспроизводство рабочей силы и первичная социализация человека; воспроизводство политической культуры; адаптация территории к общенациональным и глобальным воздействиям
2. Крупный город, городская агломерация, обладающая единым органом управления с делегированными ему полномочиями; административно-территориальная единица второго порядка (департамент, провинция, уезд и т.д.)	Локальная система политико-географических мест	Интеграция первичных политико-географических мест. Передача импульсов управления с общегосударственного уровня на уровень первичных политико-географических мест, диффузия политических инноваций; воспроизводство политической элиты
3. Крупная административно-территориальная единица первого порядка, субъект Федерации	Политико-географический район	Интеграция локальных систем политико-географических мест (городской и сельской местности, поселений разной людности и функций), регулирование устойчивости и изменчивости государственной политической системы; воспроизводство главных черт региональной политической культуры
4. Крупный субъект федерации; данное звено может в системе ТПС де-юре отсутствовать	Политический регион (например, Юг США, Средняя Азия в бывшем СССР)	Длительное однонаправленное воздействие на государственную систему и развитие всей страны

Раздел II. Политическая география

Продолжение табл. 15

1	2	3
5 Страна	Страна	Реализация самоопределения нации , воспроизводство капитала, генерация многофункциональных управляющих воздействии, адаптация к глобальным воздействиям , регулирование взаимодействия между суб- и наднациональным ТПС и др
6 Сообщество стран, образовавших экономический и (или) военнополитический союз или отсутствие данного звена в системе ТПС де-юре	Геополитический регион , геостратегический, культурный регион (например, арабские страны)	Регулирование взаимодействия между группой стран и мировым сообществом, а также между самими странами, входящими в союз , регулирование устойчивости и изменчивости политического развития в мире и международных отношений , воспроизводство коренных макрорегиональных черт политической культуры

цифического сочетания географических условий и факторов политической деятельности. Сформулированы следующие признаки и свойства политико-географического места.

- Низшая территориальная ячейка, в которой начинают проявляться местные особенности политической культуры как снятого опыта исторического прошлого.
- Политико-географическое место формируется на основе устойчивой территориальной общности людей — важнейшего элемента среды политической деятельности [Аксенов, 1990].

Существенно важно добавить также следующие признаки:

- Политико-географическое место — продукт длительного исторического пути, в ходе которого складывается специфика реализации им его главной социально-политической функции — пер-

1, Развитие мировой политической географии...

вичной социализации человека, формирования наиболее устойчивых компонентов его политической культуры — *политических ценностей и политической ориентации*³. Этот процесс происходит в ходе повседневной практики человека, протекающей в местных условиях, хотя и под влиянием факторов, генерируемых на гораздо более высоких **пространственных** уровнях, вплоть до глобального.

- По сравнению с системами высших рангов, на уровне политико-географического места политическая деятельность в большей мере мотивируется политическими интересами, связанными с *потреблением* — местным рынком жилья, обеспеченностью социальной инфраструктурой, благоустройством, состоянием окружающей среды и пр.

- На уровне **политико-географического** места весьма четко проявляется в качестве одного из существенных его признаков *локальная идентичность* — чувство принадлежности, привязанности **к** данному месту, мысленное его отграничение, обособление в сознании людей от других мест.

- Характерный признак политико-географического места, как, впрочем, и других ТПС, — *специфическое местоположение*, в том числе положение относительно других ТПС того же или более высокого ранга. В социально-экономическом плане функция политико-географического места — воспроизводство рабочей силы и в целом «человеческого **капитала**».

- Наконец, *политико-географическое место* — «кирпичик», из которого строятся системы более высокого уровня.

Из перечисленных признаков первичного политико-географического места вытекают и его главные специфические функции в иерархии территориально-политических систем де-факто: *воспроизводство локальных политических культур и адаптация социума ко всем более динамичным изменениям глобального и общегосударственного масштаба, прежде всего структурной перестройке экономики*. Инерционность политико-географического места — сильный буфер, смягчающий отрицательные стороны рыночных отношений,

³ Под *политическими ценностями* понимаются выработанные в процессе социализации общие социально-политические ожидания человека — его отношение к таким категориям, как **демократия**, социальная **справедливость**, стабильность, **традиции** и тд. *Политические ориентации* выражают отношение человека к политике и к конкретным действующим в ней политическим силам и институтам — государству, партиям, церкви и др. [Холодковский, 1979]

Раздел II. Политическая география

поэтому глубоко эшелонированная, многоступенчатая территориальная дифференциация политической культуры и всей политической жизни — необходимое условие деятельности современного **социально-рыночного** хозяйства.

Следующая ступень в иерархии ТПС соответствует **крупному городу или агломерации**, которые могут состоять из целой системы первичных политико-географических мест. Главная функция этой локальной ТПС — *генерация и диффузия политических нововведений* — новых моделей политического поведения, управления, политических идей. **Не случайно** политический водораздел между городом и сельской местностью — один из самых универсальных и присущ даже странам, достигшим высокой степени социально-территориальной однородности. **Формирование политической элиты и формулирование** политических идей возможно только в условиях высокодифференцированной социальной структуры, столкновения мнений и интересов, многообразия культур, обилия информации, т.е. только в крупном городе. В то же время столь значительная социальная разнородность может быть достигнута лишь в условиях специализации, разделения труда внутри самой городской системы. Поэтому крупный город включает в себя множество первичных **политико-географических** мест.

Политико-географические районы состоят из первичных политико-географических мест и (или) локальных систем политико-географических мест. В основе политико-географического района лежат следующие признаки:

- *взаимодополняемость разнофункциональных, а следовательно, и разнородных по социальной структуре ареалов* (городских, пригородных и сельских, горных и равнинных и т.п.);

- *общность исторического прошлого*, запечатлевшегося в сознании людей, и *политической культуры*, отражающей в снятом виде общий исторический опыт. Региональная идентичность сливается с этнической, если политико-географический район охватывает ареал расселения меньшинства. В этом случае национальная выраженность политико-географического района зависит от того, насколько политизировано национальное самосознание, какое отражение оно находит в политической культуре в целом;

- *сходство реакции жителей на внутренние (общегосударственные) и международные события и импульсы*, несмотря на внутренние различия в сочетании и соотношении политических сил (например, в городе и в сельской местности). На выборах это выража-

1. Развитие мировой политической географии...

ется в однонаправленности и сходстве сдвигов в уровне влияния партий.

Хотя *политико-географическое районирование* привлекает в последнее время все большее внимание, многие вопросы его теории еще неясны. Очевидно, что это должно быть, как отмечал Л. В. Смирнягин, районирование по «плавающим», т.е. разным в зависимости от приоритетности для данного района, признакам. Очевидно также, что иерархия политико-географических мест не может быть абсолютно строгой, и политико-географические районы могут резко отличаться по размерам. Сущность политико-географических районов зависит от длительности их существования, периода и факторов формирования. Более спорны предположения К. Э. Аксенова, что существуют политико-географические районы с незамкнутыми, как бы выклинивающимися границами, хотя ясно, что разделительная роль границ политико-географических районов различна в разных его частях.

Политический регион — крупная часть страны, длительный период выступающая единым фактором в **политической** жизни, включающая общую крупную узловую проблему и общее историческое прошлое. Политические регионы состоят, как правило, из нескольких районов **и**, по-видимому, существуют только в **крупных** странах. Примерами могут служить Средняя Азия в бывшем СССР, Юг в США, Юг в Италии.

Страна — связующее звено в иерархии не только обоих типов территориально-политических систем — де-факто и де-юре, но и остальных территориальных социально-экономических систем как наиболее целостная из них. *Государство остается, несмотря на бурные процессы интернационализации общественной жизни, наиболее сильным субъектом политической деятельности, определяющим взаимодействие суб- и интернациональных территориально-политических систем.* Государство в современных условиях играет важную роль в **экономике**, перераспределяя значительную часть валового национального продукта, что усиливает его политические функции. Наконец, многие современные страны — одноплатформенные, в них реализовано право наций на самоопределение; в других на протяжении их длительного существования далеко зашли процессы национальной интеграции, появились новые межэтнические общности. Поэтому самоидентификация со своей страной — обычно один из сильных компонентов политической культуры и страны — не только «формальные», но и реальные **ТПС**.

Раздел II. Политическая география

Деление мира на объективно существующие **геополитические регионы** издавна привлекало внимание **политико-географов** и **геополитиков** (см. разд. I), использовавших для этого самые разные критерии. Такими критериями могут служить:

- * наличие общей крупной и долголетней политической **проблемы** (например, противостояние арабских стран Израилю);

- наличие общих долговременных интересов, связанных с соседством: эксплуатацией природных ресурсов, **недопущением** чрезмерного загрязнения воздушного бассейна, внутренних морей и т.д.; транзитом грузопотоков и пассажиропотоков, проживанием на территории нескольких стран одного и того же этноса, обеспечением совместной обороны и созданием системы коллективной военно-политической безопасности и др.;

- культурная, региональная, этническая, расовая, языковая близость;

- * искусственность или естественность региональной системы границ, т.е. степени их соответствия реальному физическому, политическому, экономическому, социальному пространству;

- * интенсивность связей, мерой которых служат анализируемые в совокупности, в том числе: 1) объем и характер внешней торговли, включая соотношения экспорта и импорта, основных групп товаров; 2) особенности финансовых контактов (объем инвестиций, предоставляемых кредитов и выплат процентов по ним и др.); 3) объем и характер миграционных потоков; 4) политические взаимодействия (уровень и количество представительства; наличие территориальных споров и претензий, осложняющих двух- и многосторонние отношения; характер и число **заключенных** договоров); 5) развитие военных связей (включая наличие иностранных баз, прецедентов использования каких-либо объектов одной страны для действий против третьих стран и т.д.). В качестве дополнительных индикаторов можно использовать также число и размещение представительств промышленных компаний и банков, число авиарейсов, частоту публикаций в ведущих газетах двух стран друг о друге. Мерами связи могут выступать, кроме того, объемы транзитных транспортных потоков, иностранного туризма, трансграничный перенос загрязнителей природной среды [см.: Геополитическое положение России, 2000].

Следует различать геополитические районы, выделяемые на основе *критерия соседства и единства*, связанных с территориаль-

/. Развитие мировой политической географии...

ной смежностью проблем, и геополитические районы, основанные прежде всего на *критерии родства и взаимодействия культур*. Такие геополитические районы, естественно, далеко не обязательно состоят из определенных стран (например, франко- или испаноязычные страны).

Можно также выделять **геостратегически районы** — сферы, включающие несколько геополитических районов и не обязательно обладающие признаком смежности. В дополнение к признакам, характеризующим геополитические районы, их главный признак — принадлежность к глобальным военно-стратегическим системам.

Исходя из изложенных представлений, политическую географию можно определить как географическую дисциплину, изучающую территориально-политическую организацию общества, **закономерности** ее формирования и развития в конкретных исторических условиях

Чем в большей степени совпадают **территориально-политические системы де - ф а к т о и д е - ю р е**, тем большей управляемостью обладает политическая система в территориальном плане. Однако на практике эти системы совмещаются далеко не полностью, преимущественно на низших системах иерархии. В то же время

системы **д е - ю р е** не только отражают реально существующее политико-географическое пространство и **его** структуры, но и оказывают на них сильное обратное воздействие. Более того, они являются мощным фактором их формирования и изменения.

В этом состоит одна из фундаментальных закономерностей территориально-политической организации общества.

Несмотря на условность деления на территориальные уровни исследований в нынешнем взаимосвязанном мире, на каждом из них — **глобальном и макрорегиональном (надгосударственном)**, **государственном и субгосударственном** — сложились специфические соотношения и формы взаимодействия между объективно существующими и юридически закрепленными территориально-политическими системами.

Контрольные вопросы

1. Что такое политическая география⁹ Как определяли ее в 1960-1970-е годы" Приведите одно из современных определений. Какое из них вам кажется более точным?

Раздел II. Политическая география

2. Назовите основные этапы развития мировой политической географии. По каким критериям их можно выделить?
3. Какие три концепции служили основой зарубежной политической географии в 1950-е годы? Каким образом они взаимосвязаны?
4. Какое развитие получили в последние годы понятия «государственная идея» и «иконография»?
5. Какие теории подготовили появление «новой» политической географии? Какой вклад в развитие теории политической географии они внесли и каковы их слабые стороны?
6. Какие процессы в обществе обусловили появление «новой» политической географии?
7. Назовите основные черты «новой» политической географии. В чем отличие современного этапа развития мировой политической географии от предыдущих?
8. Какое влияние оказал марксизм на развитие современной политической географии?
9. Как связана теория «мировых систем» Валлерстайна--Тэйлора с политической географией?
10. Как отразились концепции постмодернизма в политической географии?
- П. Какое влияние оказывает политический дискурс на территориально-политическую организацию общества?
12. Какой вклад внесла «критическая геополитика» в развитие теории политической географии?
13. Каким образом применяется в политической географии теория мультикультурализма?
14. Раскройте понятие «территориальная идентичность».
15. В чем суть концепции места? Что такое контекстуальный анализ?
16. В чем, по вашему мнению, состоят основные достижения российской политической географии, особенно в последние годы?
17. Что такое территориально-политическая организация общества? Назовите ее элементы и охарактеризуйте взаимосвязи между ними.

Использованная литература

- Аксенов К. Э. Понятие места в политической географии и особенности пространственной организации власти в США//Известия ВГО. 1990. Т. 122. Вып. 1. С. 99–105.
- Весна-89. География и анатомия парламентских выборов в СССР/Под ред. В. А. Колосова, Н. В. Петрова и Л. В. Смирнягина. М., 1991.
- Выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации. 1995-1997. М., 1997.
- Выборы Президента СССР 1996 г. М., 1996.
- Геополитическое положение России: представления и реальность/Под ред. В. А. Колосова, М., 2000.

1. Развитие мировой политической географии...

- Глезер О. Б., Колосов В. А., Петров Н. В., Смирнягин Л. В., Трейвиш А. И.* Субъекты федерации: какими им **быть?**//Полис. 1991. № 4. С. 149–159.
- Горбачевич Р. А.* Актуальные вопросы политической географии//Экономическая география. К XXIII МГК. Л., 1976. С. 41–52.
- Джонстон Р. Дж.* География и географы. М., 1987.
- Каледин Н.В.* Политическая география. СПб., 1996.
- Колосов В. А., Петров Н. В., Трейвиш А.И.* Объективные и субъективные факторы дезинтеграционных тенденций в России (опыт количественной оценки)//Географические проблемы стратегии устойчивого развития природной среды и общества. М., 1996. С. 140–148.
- Колосов В.А., Трейвиш А.И.* Этнические ареалы современной России: сравнительный анализ риска национальных **конфликтов**//Полис. 1996. № 2. С. 47–55.
- Лавров С. Б.* Лев Гумилев. М., 2000.
- Лейпхарт А.* Со-общественная **демократия**//Полис. 1992. № 3.
- Маергойз И. М.* Некоторые вопросы политико-географического изучения капиталистических **стран**//Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. М., 1971. Вып. 1. С. 33–50.
- Миллер А.* О дискурсивной природе **национализма**//Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 141–151.
- Петров Н. В., Титков А.С.* Образы российских регионов в массовом **сознании**//Политический ежегодник России, 1998. М., 1999. С. 282–302.
- Петров И., Трейвиш А.* Региональный сепаратизм и дезинтеграция России: опыт измерения различных категорий риска/Под ред. Г. **Костинского**//Россия и СНГ: **дезинтеграционные** и интеграционные процессы. М.: Институт географии, Центр изучения российских земель журнала «Ваш выбор». 1995. С. 25–38.
- Политический альманах России, 1997*/Под ред. М. **Макфола** и Н. Петрова. М., 1998.
- Регионы России в 1998 г.*: Ежегодное приложение к «Политическому альманаху **России**»/Под ред. Н. Петрова. М., 1999.
- Хартшорн Р.* Политическая география//Американская география/Под ред. **Н. Н. Баранского**. М., 1957.
- Ягья В. С.* Методологические и методические основы **политико-географического** изучения развивающихся стран//Развивающиеся страны: проблемы экономической и социальной географии. Л., 1982. С. 60–79.
- Agnew J.* Place and Politics: The Geographical Mediation of State and Society. L., 1987.
- Agnew J.* Mapping politics: how context counts in electoral geography//Political Geography, 1996. Vol. 15. N9 2. P. 129–146.
- Berry B. J. L., Cohen S. B., Minigh J.* National Research Council Ad hoc Committee on Geography. Studies. Washington, 1965.
- Blij de H.* Systematic Political Geography. N.Y., 1973, second edition 1996.
- Brunel R., Eckert D., Kolossov V.*, sous la direction de. Atlas de la Russie et des **pays proches**. Paris, 1995.

Раздел II. Политическая география

- Cohen S. B., Rosenthal C. D.* A geographical model for political systems analysis// Geographical Review. 1971. Vol. 61. № 1. P. 5–31.
- Cox K. R., Reynolds D. R., Rokkan S.* Locational Approaches to Power and Conflict. N.Y., 1974.
- Dijkink G.* National Identity and Geopolitical Visions: Maps of Pride and Pain. London, 1996.
- Dodds K.* Geopolitics in a Changing World. Harlow, 2000.
- Elazar D. J.* Political science, geography, and the spatial dimension of politics// Political Geography. 1999. Vol. 18. № 8. P. 875–886.
- Goguel F.* Geographic des élections francaises sous la Troisième et la **Quatrième République**. P., 1970.
- Flint C.* Changing times, changing scales: world politics and political geography since 1890//G. Demko, W. B. Wood, eds. Reordering the World (2nd ed.). Boulder, CO, 1999.
- Harvey D.* The Condition of **Post-Modernity**: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford, 1989.
- Kasperson R., Minghi J.* The Structure of Political Geography. Chicago, 1969.
- O'Loughlin J.* Ordering the crush zone: Geopolitical games in post **Cold War** Eastern **Europe**// N. Kliot, D. Newman, eds. Geopolitics and Globalization: The Changing World Political Map. London, 1999.
- Newman D., Paasi A.* **Fences** and neighbours in the postmodern world: Boundary narratives in political geography, Progress in Human Geography, 1998.
- Prescott J. R. V.* Political Geography. London, 1972.
- Rokkan S.* Citizens. Elections, Parties. **Oslo, 1970.**
- Russett B. M.* International Regions and the International System: A Study in Political Ecology. Chicago, 1967.
- Sack R.* Human **Territoriality**: Its Theory and History. Cambridge, England, 1986.
- Taylor P. J.* Political Geography: **World-Economy**, Nation-State and Locality. 3rd Edition. London, 1993.
- Taylor P. J.* The state as container Territoriality in the modern world-system// Progress in Human Geography, 1994. Vol. 18. P. 151-162.
- Taylor P. J., Hint C.* Political Geography, **World-Economy**, Nation-State and Locality. Fourth Edition, Harlow, 2000.
- Taylor P. J., Johnston R. J.* Geography of Elections, N.Y., 1979.
- O'Thuatail G.* Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space. Minneapolis, MN, 1996.
- Wallerstein I.* The Capitalist World Economy. Cambridge, 1979.

Глава 2

ГРАНИЦЫ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО, НАЦИОНАЛЬНАЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

2.1. Лимология: традиционные подходы и методы географических исследований государственных границ

К сожалению, история человечества — это история войн, а большинство войн имело целью пересмотр границ. «*Lagéographie — da serf d'abord a faire la guerre*» — «География служит прежде всего для того, чтобы воевать» — примерно так можно перевести название нашумевшей книги французского политико-географа **И. Лакоста** — увы, вполне справедливое, по крайней мере, в течение долгих веков и до сравнительно недавнего времени.

Чтобы оправдать свои территориальные притязания и требования новых границ, правительства и политические деятели нуждались в их более или менее убедительном обосновании. Кроме того, пересмотр границ всегда влек за собой потребность в чисто прикладных исследованиях для их делимитации на карте и демаркации на местности, и здесь географы были практически незаменимы.

Не случайно международные организации и правительства мировых держав приглашают крупных географов в качестве экспертов для делимитации границ. Уже в наше время американский географ Гилберт Уайт и политико-географ М. А. Гласснер, а также английские политико-географы Дж. Блейк и Ю. Андерсон многократно участвовали в разрешении пограничных споров на Ближнем Востоке и между странами Аравийского полуострова, конфликтов, связанных с морскими границами, и т.д.

Географическая лимология, или наука о границах (от греческого слова «*лимес*» — граница)⁴, до последнего времени отличалась

⁴ Границы, конечно, — объект исследования многих географических, общественных и даже технических дисциплин (например, ими занимаются также специалисты по международному праву).

Раздел II. Политическая география

описательностью и явно страдала от недостатка теоретического осмысления бесчисленных конкретных исследований. Это не означает, однако, что попытки предложить теоретические рамки для изучения процессов формирования и эволюции международных границ вовсе не было.

Можно выделить **четыре теоретических подхода, используемых в географическом изучении границ**. Наиболее традиционный подход возник на основе многочисленных конкретных исследований и практических разработок, и его основные положения были сформулированы еще до Второй мировой войны.

► **Историко-картографический** подход. Его суть составляют следующие принципы.

- *Историзм: сопряженное изучение границ в пространстве и времени.* Чтобы оценить устойчивость политической границы и ситуацию в прилегающих к ней районах, нужно изучить историю ее формирования и возникновения. В мире очень мало границ, оставшихся неизменными в течение столетий (классический пример, да и то с определенными оговорками, — граница между Францией и Испанией, зафиксированная еще в XVII в. и проходящая по Пиренеям, считавшимся труднодоступным горным массивом из-за крутых склонов и малочисленности удобных для сообщения перевалов). Обычно границы «меандрировали», как реки, постоянно меняя свое направление. Если отобразить на карте их историю, то получается целый пучок пересекающихся или параллельных линий. Чем чаще менялась граница, чем она «моложе», тем, как правило, сильнее она влияет на жизнь окружающих территорий, тем большую роль играет во взаимоотношениях соседних стран.

- *Связь между государственным устройством, политическим режимом и конкретной внешнеполитической ориентацией государства, с одной стороны, и функциями границы — с другой.* Известный французский географ **Жак Ансель** писал еще в 1938 г., что нельзя изучать границу, игнорируя сущность государства: «Важна не оболочка, а то, что она окружает». При этом еще крупные географы первой половины XX в. подчеркивали, что лимология — междисциплинарная область знания и общественной практики.

- *Связь режима и функций границы, а часто и самого ее начертания с соотношением экономической, политической и военной мощи соседних стран.* Сильное государство нередко навязывало выгодные ему границы более слабому или просто присоединяло часть его территории. Если одно из соседних государств экономически

2. Границы, государственное строительство,...

значительно сильнее другого, то хозяйственный **«градиент»** между ними влияет на состав, направление и соотношение потоков в обе стороны, на положение в приграничных районах, «притягивающих» определенные отрасли хозяйства и сферы деятельности.

• *Недостижимость «естественных границ».* Заслугой Ансея и некоторых других **его** современников было опровержение весьма популярной среди западноевропейских политических деятелей **теории «естественных границ»**. Согласно этой теории, надежными, устойчивыми и безопасными могли считаться лишь границы, совпадавшие с «естественными» природными рубежами — горными хребтами, крупными реками и т.п. Это оправдывало экспансионистские устремления ряда государств и аннексии. *Разновидностью теории естественных границ можно считать обоснование необходимости максимально полного совпадения между государственными и этническими границами.* Этот взгляд продержался значительно дольше, и на нем фактически основывалось территориальное переустройство Европы после обеих мировых войн, в том числе связанное с массовыми переселениями людей и целых этнических групп.

• *Анализ структуры и тщательное картирование этнического состава и культурных особенностей населения, структуры и специализации хозяйства, природных ресурсов, рельефа и природы по обе стороны разграничительной линии между государствами.* Чтобы понять происходящие в приграничной зоне процессы, нужно знать, что разделяет граница, т.е. иными словами, насколько различается политическое пространство страны с физическим (физико-географическим), экономическим и социально-культурным. Только скрупулезный **историко-географический** и картографический анализ, изобретательная «игра масштабами» может помочь обосновать притязания государства на определенную территорию, доказать, что она является его неотъемлемой частью по историческим, этническим, природным и иным основаниям, служить документом для международной комиссии по делимитации границы.

Работы известных географов, занимавшихся политическими границами, полны карт разного масштаба. Яркий **пример** — труд Хартшорна, посвященный Верхней Силезии, в то время пограничному району между Германией и Польшей, основанный на анализе архивных **материалов**, переписей, выборов и референдумов, а также полевых исследованиях. Главной задачей автора было выяснить этническую принадлежность населения разных частей района, ее изменения и предпочтения жителей. Хартшорн сделал вывод, что исчерпывающего разграничения немецкого и польского населения в условиях смешанного расселения достичь невоз-

Раздел II. Политическая география

можно и из-за распространенности смешанных браков часть жителей принадлежит как к германской, так и к польской культуре.

Классическим образцом применения историко-картографического подхода стали работы американского политико-географа Дж. Минги, посвященные генезису, перемещению линии и функциям франко-итальянской границы и его культурным и хозяйственным последствиям. Особое внимание он уделил самому последнему изменению этой границы, произошедшему после Второй мировой войны, когда Франции отошла средняя и нижняя часть альпийской горной долины, по которой проходил кратчайший путь между Турином и Ниццей. Разрыв хозяйственных связей и прекращение железнодорожного сообщения на долгие годы привели к запустению этой территории, ожившей лишь в конце 1980-х годов [см.: Minghi, 1963].

Американский историк П. Салинс написал увлекательную и очень «географичную» книгу о долине Чердания в Каталонии, разделенной в 1659 г. по Пиренейскому договору между Францией и Испанией (франко-испанская граница по Пиренеям считается первой в мире границей современного типа). Он показал, каким долгим на самом деле был процесс превращения весьма неопределенной границы (скорее, пограничной полосы) на редкозаселенной горной территории, разделявшей этнически однородное каталонское население, в современную четко делимитированную, обозначенную на местности, математически точную линию [см.: Sahlins, 1989].

Однако довольно скоро стало ясно, что даже самые детальные и тщательно составленные карты не могут сами по себе способствовать разрешению территориальных споров.

Парадоксальным образом, попытки провести более точно совпадающие с природными, хозяйственными и социальными рубежами, а значит, и более «справедливые» границы нередко приводили лишь к обострению конфликта или превращали локальный конфликт в более широкий.

Значимость и доверие к географическим исследованиям подвигала их зачастую очевидная политическая ангажированность, особенно в случае этнотерриториальных конфликтов.

► **Классификационный подход** к изучению границ имеет не менее длительную историю, чем историко-картографический. Еще известный британский политик лорд Керзон, рассматривая морфологию границ, разделил границы на *астрономические* (проведенные по параллелям и меридианам), *математические* (например, по радиусу окружности с центром в каком-либо городе) и *референтные* (проведенные на определенном расстоянии от какого-либо географического объекта). Керзон также выделял границы *разделительные*

и *контактные*. Позднее были разработаны другие подробные классификации границ по многим основаниям. Особенно интересны и важны классификации границ по множеству признаков, в которых морфология не отрывается от содержания и функций.

Известны частные классификации границ по:

- **морфологии** («геометрические», «астрономические», извилистые, прямые и т.п.);
- **природным особенностям** (оро- и гидрографические и т.д.);
- **происхождению, истории и длительности существования** (см. пример Латинской Америки, рис. 10);
- **историческим условиям и последовательности возникновения** («послевоенные», компенсационные, «навязанные», колониальные, спорные и др.);
- **функциям** (соотношение барьерной, фильтрующей, контактной функций, а также функций отражения, регулирования, отделения и сопоставления).

Обарьерной, контактной и фильтрующей функциях границ уже не раз писали отечественные географы [см., например, сборник «Географические границы», 1982]. *Любая географическая граница выполняет контактные и барьерные функции, вопрос только в их соотношении.* Граница обладает *избирательной проницаемостью*: для некоторых потоков (категорий людей, товаров и т.п.) она прозрачна, для других, наоборот, представляет собой непреодолимый барьер. Например, многие страны мира запрещают ввоз физическими лицами растений, семян и даже продовольствия вообще. Иными словами, граница *фильтрует* потоки.

Под *отражением* понимается воспроизводство в функциях границ особенностей политического строя, государственного устройства, уровня экономического, социального и культурного развития страны. В самом деле, режим и функции границы в большей или меньшей степени соответствуют идеологии, стратегическим целям и экономическим возможностям страны на мировом рынке и рынке своих соседей. Страны с тоталитарными режимами обычно имеют границы с ярко выраженными барьерными функциями (так называемые фронтальные), имеющими сакральный характер («мы» и остальной враждебный мир), с особым режимом приграничной зоны.

Функция отделения состоит в дифференциации одной этнической, социальной или культурной группы от другой, сохранении и поддержании различий и разнообразия.

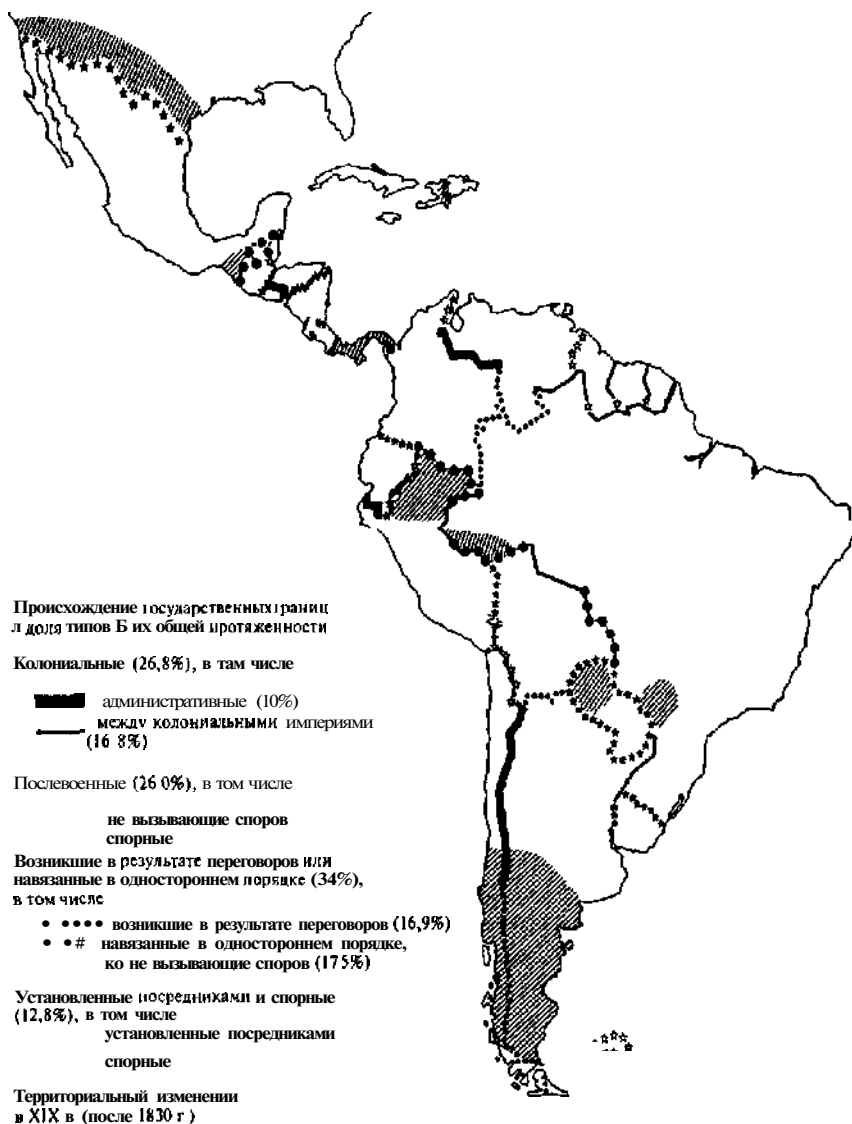

Рис. 10. Генезис государственных границ в Латинской Америке.

Источник *Foucher M L'invention des frontières* Paris, 1986

2 Границы, государственное строительство,...

Регулирующая роль границы заключается в поддержании определенного экономического режима, равновесия на государственной территории

Функция сопоставления выражается в том, что существование границ позволяет поддерживать в мировых экономических и других отношениях элементы конкуренции, в частности сопоставлять издержки, преимущества и невыгоды производства тех или иных товаров в разных странах

В числе *географических факторов, влияющих на соотношение барьерной и контактной функций границ, и глубину приграничной зоны*, можно выделить группу «*первичных*», среди которых:

- величина и компактность государственной территории, с чем связана ее средняя удаленность от границы,
- природные особенности приграничья;
- их обеспеченность природными ресурсами

К группе *производных* географических факторов можно отнести:

- экономико-географическое положение;
- уровень экономического развития,
- отраслевую структуру и взаимодополняемость хозяйства;
- этноконфессиональный состав населения и особенности его социальной психологии

От характера соседства двух стран, морфологии, природных особенностей, происхождения, «возраста» и условий возникновения, соотношения государственной границы с **социально-экономическими** рубежами (в частности этническими) зависит *пограничная ситуация*, складывающаяся на каждом конкретном участке. Весьма полную модель возможных пограничных ситуаций на границах гипотетической страны разработал известный французский географ и дипломат **М. Фуше** (рис 11)

► **Функциональный** подход в географическом изучении границ развивали несколько поколений исследователей, в основном уже в послевоенный период. Его, в частности, придерживался в своих многочисленных книгах, посвященных географии политических границ, австралийский географ **Дж. Прескотт**. Он критиковал своих предшественников за бесчисленные и «бесплодные» классификации границ, за «**неакадемическую**» предвзятость и отмечал, что местоположение и характер границы — результат действия ряда факторов, из которых многие — географические. Позднее он пред-

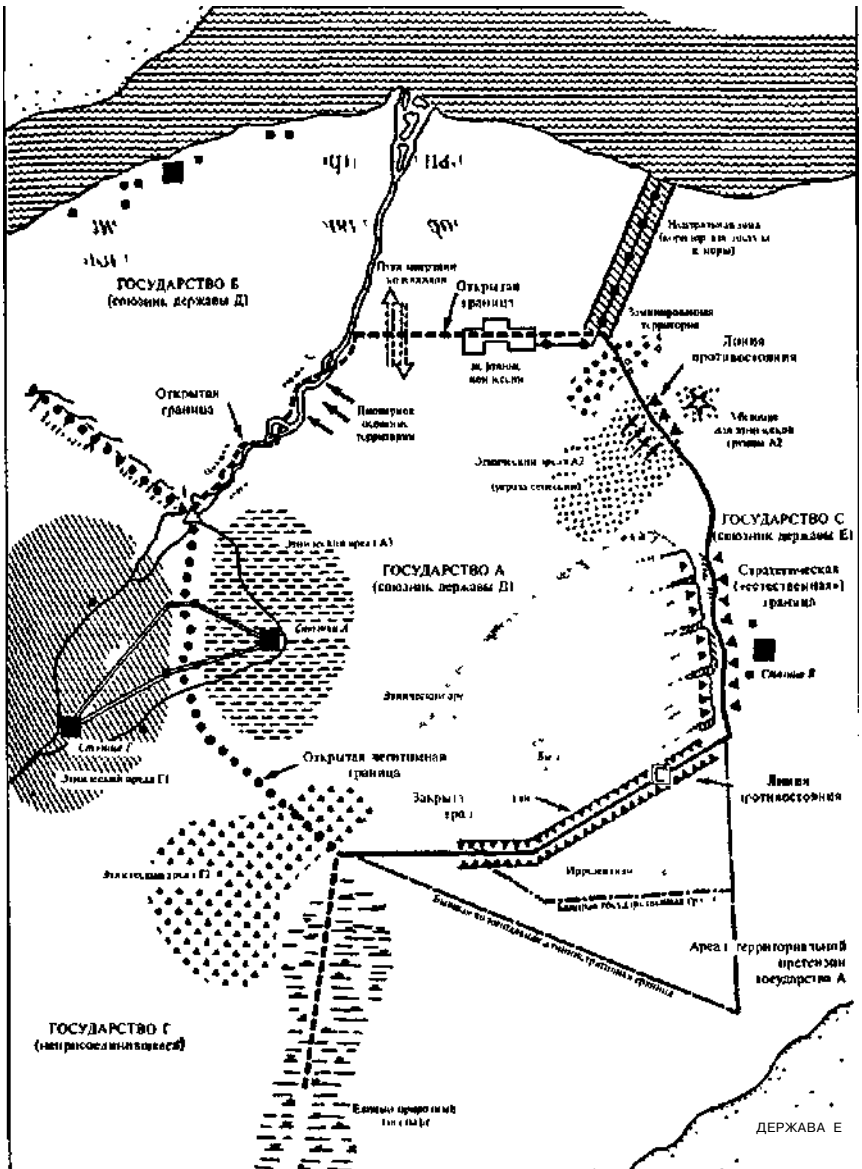

Рис. 11. Модель ситуаций на границах и в приграничных зонах М. Фусе (гипотетическая страна).

дожил модель изучения границы, представляющую собой своего рода матрицу.

Прескотт считал, что задача географа, с одной стороны, *изучить влияние на местоположение, делимитацию и демаркацию границы на местности различных компонентов географического ландшафта*. Такими компонентами могут быть характер рельефа, почв, гидрографической сети, размещение природных ресурсов, расселение различных социальных групп и т.д. — вплоть до распределения по территории мест-символов (например, германских кладбищ времен Первой мировой войны во Франции),

С другой стороны, должно быть исследовано *влияние границы на те же или примерно те же элементы ландшафта*. Естественно, граница обычно более заметно воздействует на население и его культуру, хозяйство, чем на компоненты природной среды [Prescott, 1987].

Во многих работах сторонников функционального подхода местоположение границы принимается как данность, и внимание фокусируется на ее проницаемости для разнообразных потоков в обе стороны и последствия существования границы как барьера для коммуникаций между прилегающими к ней районами, а также для взаимоотношений между граничащими странами.

Пожалуй, самым выдающимся образцом работы, выполненной в традициях функционального подхода, служат книги английского политико-географа Джона Хауза, посвященные границе между США и Мексикой, которую он долго изучал в экспедициях. Этот рубеж — едва ли не самый яркий пример «асимметричной* политической границы, разделяющей самую мощную промышленно развитую державу мира и значительно более слабую в экономическом отношении, хотя и тоже весьма крупную страну Латинской Америки.

Американо-мексиканская граница вообще относится к наиболее изученным и традиционно привлекает внимание исследователей — в США ею занимается целый институт, расположенный в Техасе. Хауз разработал специальную *методическую схему изучения приграничных взаимодействий* и детальную классификацию трансграничных потоков. Эту модель успешно применили многие географы в конкретных исследованиях.

Пусть A и B — две соседствующие державы; $A_1, A_2, \dots, B, B_2, \dots$, — их приграничные регионы. Ситуация в этих регионах формирует-

Раздел II. Политическая география

ся, согласно модели Хауза, под влиянием следующих отношений:

- « $A-B$ » ~ отношения на уровне государств, регламентируемые их центральными правительствами, которые должны исходить из общенациональных интересов;

- « $A-A_1, A_2$ » и « $B-B_1, B_2$ » — отношения каждого приграничного региона со своей столицей, зависящие от его места в национальной экономической и политической системе;

- « A_1-B_1 » и « A_2-B_2 » — межгосударственные «прямые» (минуя столицы) связи между сопредельными приграничными территориями, определяемые местными администрациями, исходящими из своих локальных интересов и возможностей;

- « $A_1-A_2-...$ », « $B_1, B_2-...$ » — отношения между приграничными районами в пределах каждой страны, в том числе их солидарность, умение отстаивать свои специфические интересы перед центральным правительством [House, 1982].

В дальнейшем Хауз усовершенствовал свою модель. Он доказывал, что ситуацию в приграничной зоне определяют структурные экономические и социальные факторы (в основном трансграничные взаимодействия, в большой степени зависящие от специализации хозяйства), восприятие и политическая культура населения, субъекты политической жизни (политические элиты, группы интересов, общественные движения, партии, лидеры...) и политические социальные институты, в том числе системы образования, здравоохранения и социального обеспечения.

Хауз подробно разработал типологию едва ли не всех возможных трансграничных взаимодействий — в области недвижимости, трудовых миграций, движения товаров и капиталов. Так, в числе трудовых взаимодействий он выделил миграции ежедневные (челночные), еженедельные, сезонные; легальные и нелегальные; профессиональные (квалифицированных специалистов). В области недвижимости — использование природных ресурсов, в том числе сельскохозяйственных земель и рекреационных, владение «вторыми жилищами» (дачами).

В отличие от своих более ранних работ Хауз большое внимание уделил нематериальным факторам и потокам — политической культуре, выраженной в том числе в коллективных представлениях, системе ценностей, мифах и стереотипах, «трансграничному» манипулированию общественным мнением на разных уровнях. По Хаузу, все эти структурные факторы и взаимодействия создают в приграничной зоне поле напряженности, отличающееся повышенной преступностью, отношениями зависимости, массовыми нарушениями гражданских прав, частотой разного рода соци-

2. Границы, государственное строительство,...

альных конфликтов. Власти приграничных районов пытаются регулировать напряженность, либо «спуская пар» в открытых конфликтах, либо сотрудничая с противоположной стороной.

► **Четвертый подход** к изучению государственных границ — **географо-политологический**. Он формировался скорее в политологии, чем собственно в географии и ознаменовал ее *сближение с наукой о международных отношениях*. Для политологов наиболее важным было изучить *влияние границ и их стабильности на состояние международных отношений*. Американские политологи **Дж. Герц** и **П. Диль** составили базу данных о 870 политических конфликтах, вызвавших изменение государственных границ с 1815 по 1990 г. [Goertz, Diehl, 1992]. На этой основе авторы построили регрессионную модель, объясняющую распределение **территориальных споров** во времени и пространстве. Выяснилось, например, что чем больше размер государственной территории страны и выше численность ее населения, тем больше в среднем она была подвержена изменениям границ.

Американские политологи Г. Старр и Б. Мост установили, что чем больше у страны соседей, тем чаще она участвовала в войнах [Starr and Most, 1989].

Вероятность быть втянутой в военные действия втрое выше у страны, имеющей воюющего соседа — иными словами, надежны границы только со стабильными и мирными странами (что, кстати, хорошо понимают в России).

Несмотря на важность этих и других подобных выводов, *политологи, однако, не склонны рассматривать связь между территорией и населением: их география, выражаясь языком Баранского, «нечеловеческая» («Человеска забыли!»)*. Опираясь данными по многим регионам и за длительные периоды, политологи не могли рассмотреть связь между природой государства и характером границ, между национализмом и пересмотром государственных рубежей.

В целом, несмотря на богатые исторические традиции, старая географическая лимология оказалась неспособной объяснить, почему в одних случаях даже совсем небольшое изменение государственной территории иногда вызывает в стране бурю страстей и приводит к территориальному спору, продолжающемуся **десятилетиями**, а в других — новые границы воспринимаются обеими сторонами как **окончательные** и не подвергаются сомнениям. Традиционная политическая география не смогла ответить, почему казавшиеся долгое

Раздел II. Политическая география

время мирными пограничные зоны вдруг в считанные дни превращаются в очаги кровопролитных конфликтов, почему правительства и общественное мнение так часто болезненно чувствительны ко всем вопросам, касающимся государственных границ.

Все известные подходы фактически объясняли феномен государственных границ политическими факторами, трактуя их как зеркало военной, экономической и иной мощи соседних государств. При этом сами эти государства рассматривались как неизменные данности, как «естественные» регионы,

а иногда и как почти мистические одушевленные существа, действующие как единое целое. Сущность и политика государств, равно как и иерархические отношения между ними на глобальном и **макрорегиональном** уровнях почти совершенно не принимались во внимание.

Характерно, что

практически никогда государственные и внутренние политические и административные границы, а также культурные рубежи не рассматривались как единая система,

что соответствовало жесткому разделению исследований по внешней и внутренней политике. Крайне редки были теоретические работы: в исследованиях границ на долгие десятилетия затянулся этап накопления первичного материала на основе многочисленных конкретных исследований.

Таким образом, еще в 1980-х годах стало ясно, что географическое изучение границ нуждается в свежих теоретических подходах и обновлении. Большой импульс этой традиционной области политической географии придали работы финского географа **А. Пааси**, посвященные границе между Россией (СССР) и Финляндией [Paasi, 1996]. Пааси, пожалуй, впервые поставил тему границ в центр теоретических дискуссий в общественной географии в целом. Он исходил из гипотезы о том, что

значение границы для жизни людей нельзя понять без анализа ее роли в общественном сознании, в человеческой «территориальности», самоидентификации человека с территориями разного ранга (страной, регионом, местностью) и, стало быть, в развитии национализма как одной из главных форм территориальной идеологии, как основы государственного строительства.

Этот подход опирался на новейшие достижения смежных общественных наук, особенно работы чешского антрополога **Ф. Барга** и английского политолога **Б. Андерсона** («послебартовскую» культурную антропологию и этнологию). Пааси показал, как общественные представления о коренном населении и его культуре, безопасности государства и внешних угрозах, исторические мифы и стереотипы влияли на отношение людей и политической элиты к конкретной границе. Ему в значительной степени удалось интегрировать ранее существовавшие в географической лимологии подходы. Работы Пааси, в свою очередь, послужили основой для новой теории политических границ, органично вписавшейся в общую теорию мировых систем.

2.2. Теория мировых систем, национальная и территориальная идентичность и география границ

Новые теоретические подходы **Первая предпосылка** нового политико-географического взгляда на границы состоит в том, что их ныне *нельзя изучать только на уровне страны*. Во все более взаимозависимом и интегрированном мире заметную роль играют **национальные** организации, например «единая Европа» (т.е. страны Европейского Союза), и в то же время в ответ на интернационализацию хозяйства и унификацию культуры пробуждается **региональное самосознание**. Поэтому можно утверждать, что ныне еще в большей степени, чем раньше, «**граница** границе — рознь». В самом деле, почему одни границы в течение долгого времени остаются «прозрачными» и спокойными, тогда как другие постоянно предстают в виде сложно преодолимого барьера?

Еще до распада Советского Союза **Фуше** выделил несколько **типов границ в зависимости от их соотношения с геополитическими рубежами**, возникшими в результате соседства трех видов политических образований — «империй» (Фуше имел в виду США и СССР), «нормальных» суверенных государств и «строящихся» государств. Под этим термином понимались государства со слабой общенациональной политической идентичностью, раздираемые противоречиями и не полностью контролирующие свою территорию. Соответственно, Фуше предложил различать границы между:

- двумя «империями»;

Раздел II. Политическая география

- «империей» и «нормальным» суверенным государством;
- «империей*» и «строящимся» государством;
- «нормальными» суверенными государствами;
- «нормальным» суверенным государством и «строящимся» государством;
- «строящимися» государствами.

Именно существование «империй», по мысли Фуше, предопределяло стойкость фронтальных границ. Но как показал опыт, и после распада СССР фронтальные границы не исчезли там, где геополитические рубежи совпадали с культурными, этническими и лингвистическими [Foucher, 1991].

Таким образом, политическая ситуация в приграничной зоне не может быть исчерпывающим образом объяснена особенностями границы между двумя странами. Важно также *место этой границы во всей системе мировых границ*. Барьерная функция границы сильнее, если она разделяет военно-политические или экономические блоки.

Вторая предпосылка заключается в том, что границы *невозможно изучать в отрыве от проблем идентичности* — самоидентификации человека с определенной социальной и/или территориальной группой, прежде всего этнической. Национализм всегда предполагает борьбу за территорию или защиту прав на нее. Националисты, как правило, мечтают о переделе политической карты — или путем расширения своей этнической территории, или за счет вытеснения из нее «чужаков». Территория занимает центральное место в так называемых **примордиалистских теориях нации** (от англ. *primordial* — изначальный, исконный).

В этих теориях выделяются *два подхода, основанных на различной трактовке природы человека*.

• Сторонники *природно-биологического подхода* считают возможным приложение **социобиологических** концепций к пониманию этнических феноменов. По их мнению, нации сформировались эволюционным путем на основе расширенных родственных групп и представляют собой общности на основе биологического происхождения. Нация, таким образом, основана на глубокой привязанности, коренящейся в кровных связях.

• Другой подход, называемый **эволюционно-историческим**, был принят многими немецкими, русскими и советскими антропологами и этнографами. Он исходит от представления **И. Гердера** о

2. Границы, государственное строительство, ...

народе как об общности, возникающей на основе единства крови и почвы. Согласно их концепции,

нация формируется из исторической этнокультурной общности людей, связанных определенной территорией, и является самоопределяющейся устойчивой общностью, представители которой объединены общими корнями и верой в совместное настоящее и будущее. Членов этой этнокультурной общности объединяют неизменные с незапамятных времен значимые характеристики (язык, религия, территория, культура, обычаи, образ жизни, менталитет, исторические корни).

Географические и геокосмические факторы определяют этногенез и по мнению **Л. Н. Гумилева**. Он рассматривал этнос как *биосоциальный организм, характеризующийся определенной длительностью существования, членимой на определенные периоды— молодости, зрелости, старости*. Формирование этноса Гумилев считал продуктом совокупного действия космических энергий и особенностей ландшафта (места развития), в котором протекал этногенез [Гумилев, 1989]. Однако в жизни наций порой случаются резкие и непредвиденные изменения, да и воззрения людей о том, что отличает их нацию от других, их представления о своих национальных интересах как немцев, французов или русских модифицируются со временем.

Примордиалистских взглядов, по сути, придерживались **К. Маркс** и **В. И. Ленин**. В широко известной статье «*О праве наций на самоопределение*» Ленин, развивая идеи Маркса, расположил признаки нации в следующей последовательности;

- единство территории, на которой живет народ;
- общность хозяйственных связей;
- общий язык;
- общность психологического склада, или специфические особенности культуры народа.

Духовную общность членов нации Ленин рассматривал лишь в последнюю очередь. Он считал, что человек от рождения принадлежит к определенной нации и о свободном выборе национальной принадлежности не может идти речи. Ленин полагал «неприемлемым определение состава наций вольной записью каждого гражданина, независимо от его местожительства, в любой национальный союз» [Полн. собр. соч., т. XVII, с. 92-95].

Раздел II. Политическая география

Он резко критиковал сторонников культурно-национальных автономий, отстаивавших право жителей многонациональных государств на свободный выбор школы и языка преподавания. И. В. Сталин, полностью принимая ленинскую концепцию нации, подчеркивал, что социальная общность перестает быть нацией, если не удовлетворяет хотя бы одному критерию ленинского определения.

Таким образом, сторонники **примордиалистских** концепций полагают, что *нации обладают измеримыми, осязаемыми характеристиками*. В самом деле, ведь можно с большей или меньшей точностью оконтурить территорию, на которой проживает этнос, подсчитать долю говорящих на его языке, проанализировать хозяйственные связи и особенности культуры.

Поэтому при формировании СССР однозначное территориально-политическое размежевание между этническими группами на основе измеримых характеристик превратилось в практическую задачу. Ленин поддерживал право нации на самоопределение, т.е. на государственное отделение от чуженациональных территориальных общностей, вплоть до образования самостоятельного национального государства. В то же время Ленин считал, что чем крупнее страна, тем лучше условия для решения рабочим классом своих интернационалистских задач, и на практике, по его мнению, вопрос о целесообразности отделения нации от СССР мог решаться только на высшем уровне руководящей рабочей партии.

Право наций на самоопределение теоретически лежало в основе государственного устройства СССР: официально предполагалось, что народы реализовали это право в рамках социалистической федерации, в которой для многих из них создавались государственные образования. Оставалось только решить, какие этнические группы имели право на свою республику или автономию, а какие подлежали ассимиляции или этнической интеграции, например предполагалось, что субэтнические группы грузин или русских интегрируются в единые социалистические нации, а затем провести границы каждого национального образования. В бывшей Российской империи при крайне сложном многонациональном составе населения и смешанном характере проживания многих этнических групп эта задача оказалась неразрешимой. Попытки провести жесткие границы между автономиями часто приводили к обострению национальных конфликтов.

В противоположность примордиалистским концепциям сторонники **инструменталистских** теорий нации понимают их как

2. Границы, государственное строительство,...

современные общности, объединяемые политическими интересами и значимыми характеристиками, созданными в недавнем прошлом, а их общие генеалогические и географические корни есть мифы, созданные для сближения современных общностей.

К данному типу теорий принадлежит господствовавшая в культурной антропологии до середины 1970-х годов выдвинутая американскими антропологами и социологами теория так называемого «плавильного котла» (*melting pot theory*). Они рассматривали этнические группы как пережитки доиндустриальной эпохи и считали, что значение этнических общностей и этнических чувств будет постепенно падать в ходе процессов урбанизации и модернизации, аккультурации меньшинств, структурной и языковой ассимиляции.

Согласно взглядам Барта и его последователей, национальное самосознание складывается в процессе социализации личности и человек вовсе не рождается с чувством общего с какой-либо группой этнического происхождения. Основные положения теории этнической идентичности четко сформулировал ведущий российский кий этнолог **В. А. Тишков**:

- этнические общности существуют на основе историко-культурных различий и являются социальными конструкциями, возникающими и существующими в результате целенаправленных усилий со стороны людей и создаваемых ими институтов, особенно со стороны государства. Суть этих общностей составляет разделяемое людьми представление о принадлежности к общности, или идентичность, а также возникающая на ее основе солидарность;
- границы общностей, образуемых на основе избранных культурных характеристик, и содержание идентичности подвижны и изменяются в историко-временном и ситуативном планах;
- создаваемая и основанная на индивидуальном выборе к групповой солидарности природа социально-культурных общностей определяется их целями и стратегиями, среди которых: организация ответов на внешние вызовы через групповую солидарность, общий контроль над ресурсами и политическими институтами, обеспечение социального комфорта в рамках культурно однородных сообществ [Тишков, 1997].

Состязательная и множественная природа идентичности выстраивается в итоге диалога и властных отношений между социальными

Раздел II. Политическая география

ми группами, между социальной группой и государством и между государствами.

Между собой конкурируют две формы групповой идентичности: по культуре (прежде всего этнические) и по политической лояльности (политические), отражающие существование наиболее мощных форм социальных группировок людей — этнических общностей и государственных образований.

Элиты в стремлении мобилизовать этническую группу на борьбу со своими противниками или с центральной государственной властью используют старые или мобилизуют новые «маркеры» — *групповые черты и символы, исторические мифы и социальные представления, отличающие ее от других, противопоставляющие «нас» («своих») «им», «чужим».*

Особенный размах процесс культурной дивергенции приобретает в том случае, если ему на службу поставлена государственная машина, как это произошло в республиках бывшего СССР. Ведущей силой в строительстве новых этнических идентичностей являются политические элиты, заинтересованные в своей легитимации, сохранении статуса, позволяющего им контролировать экономические и иные ресурсы группы.

Таким образом, именно в процессе национального и государственного строительства и в результате национальных конфликтов очень часто формируются новые границы, новые приграничные зоны и новые отношения между соседями. Следовательно, исходным пунктом исследований современных границ должно быть изучение возникновения и эволюции территориальных идентичностей.

Границы — это сравнительно недавние социальные конструкции, создающиеся сначала в социальных представлениях, а затем уже делимитируемые по карте

Если характер границы зависит от природы государства, то какие его характеристики наиболее важны? Каковы важнейшие цели и функции государства? Как характер границы связан с глобальными и международными проблемами? Чтобы ответить на эти вопросы, как мы уже отмечали, *нужно рассматривать границы сразу на нескольких уровнях— от глобального до локального*, хотя до сих пор уровень государства остается самым важным. Обычно в теории мировых систем анализируются три уровня (рис. 12а) — *глобальный, государственный* (или национальный) и *локальный*.

2. Границы, государственное строительство,...

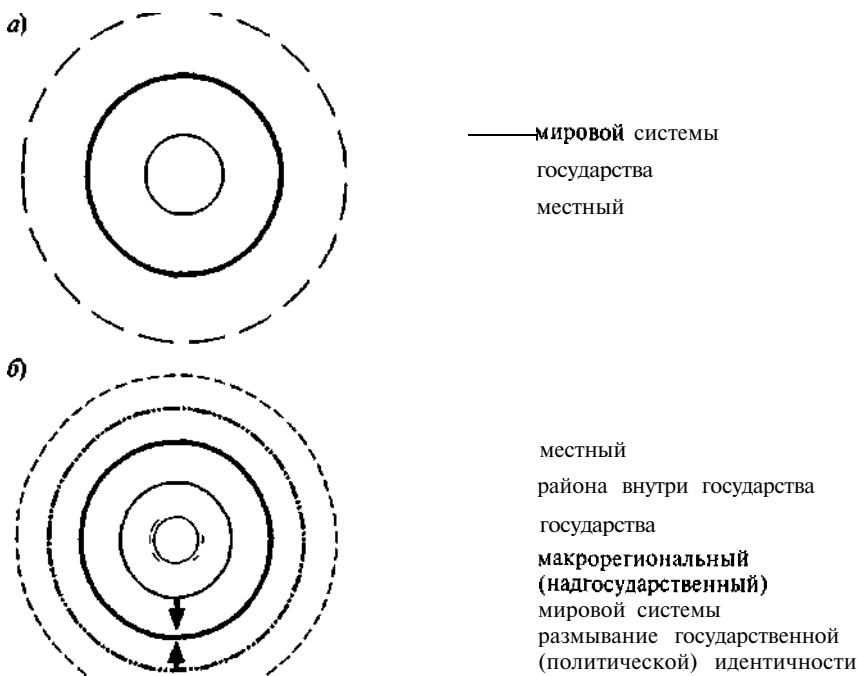

Рис. 12. Уровни анализа и типы политических границ согласно теории мировых систем.

Государственные и административные границы как единая система

Глобальный уровень. Интернационализация хозяйственной жизни и стремительный рост трансграничных потоков информации, товаров, капиталов, энергии, загрязнителей, мигрантов и туристов, расширение компетенций международных организаций и рост влияния трансграничных субъектов в разнообразных сферах деятельности (этнических и социальных движений, неправительственных организаций) *подрывает значение и меняет функции государственных границ, которые становятся все более «прозрачными»*. С этим очевидным фактом согласны все исследователи — различны лишь объяснения ими этого процесса.

Последователи Валлерстайна и Тейлора и другие *теоретики роста глобальной взаимозависимости фокусируют внимание на объек-*

Раздел II. Политическая география

тивных экономических факторах — таких, как углубление международного разделения труда, совершенствование коммуникаций и средств связи. Они интерпретируют результаты этого процесса как формирование глобальных сетей, в которых возникают отношения господства и подчинения и укрепляются структуры «центр—периферия». *Сторонники интеграционных теорий, напротив, подчеркивают ведущую роль в этом процессе субъективных факторов — политической воли и политических институтов.*

Как известно, глобальные экономические факторы ведут к относительному уменьшению реального суверенитета государств: некоторые авторы даже полагают, что национальное государство (*nation-state*) чуть ли не отмирает. Если в прошлом границы делились на «выгодные» и «невыгодные», «естественные» и «искусственные», что нередко служило основанием для территориальных претензий и даже агрессии, то ныне прогресс европейской и североамериканской интеграции привел к другой крайности — появлению мифа о *стирании государственных границ*, этих «шрамов истории». Ведь известен афоризм: всякая попытка разрушить миф — это способ создать один или несколько новых.

Однако интернационализация общественной жизни никогда не приведет к «безграничному» миру, или миру без границ. Наоборот, успех этого процесса прямо зависит от того, что мировое пространство разделено государственными границами на «отсеки»-страны и во все возрастающей степени — также районы и города, так как для движения капитала нужна «разность потенциалов» между территориальными единицами, в которых действует разное таможенное, фискальное, трудовое, экологическое и иное законодательство и гарантии местных властей.

Иными словами, мировая система нуждается в неравенстве, а государственные границы служат для их поддержания и увековечения. Но сами границы, в свою очередь, немислимы без легитимации — специфической идентичности людей, проживающих в их пределах.

Государственные границы — биоэтносоциальный инвариант общественной жизни [Raffestin, 1993], ибо она невозможна без границ, своего рода мембран, регулирующих обмен между этнической и/или государственной территорией и окружающей средой, без чего этой территории грозит хаос и «энтропия» людских и материальных ресурсов.

2. Границы, государственное строительство, ...

Рисунок мировых экономических связей подвержен быстрым и частым изменениям, вызываемым технологическими революциями в отдельных сферах деятельности, региональными кризисами, политическими факторами. Социально- и культурно-географические различия, включая различия и эволюцию идентичности, меняются значительно медленнее и остаются важнейшим фактором инерции, преемственности и стабильности в мировом развитии. Существует диалектическая взаимосвязь между переменами в мире и национальной иконографией. **Если баланс между инновациями и традициями нарушается, то это часто воспринимается как угроза национальной идентичности и вызывает парадоксальный эффект — усиление барьерной функции границ**, как это произошло, например, в конце 1970-х годов в шахском Иране. Тем не менее очевидна тенденция к глобализации и гомогенизации культуры, которая не признает границ и ускоряет эволюцию идентичностей.

Уровень государства. Выделяется три подхода к анализу соотношения государства и нации, от которых зависит и взгляд на эволюцию границ:

- *примордиалистский* (или «**прогрессивистский**»), сторонники которого рассматривают государство как средство и место реализации одного из основных прав человека — права этнической группы на самоопределение;

- *геополитический*, основы которого разработаны Гиденсом, согласно которому государство — это вместилище («**контейнер**») власти и оно стремится в условиях глобализации расширить свое влияние, чтобы взять под свой контроль воздействующие на него внешние факторы, а для этого нуждается в укреплении лояльности своих граждан;

- *неолиберальный*, сторонники которого также подчеркивают узость границ любого государства по сравнению с размахом современных экономических и иных проблем; в одиночку их неспособна решить ни одна страна. Следовательно, ни одно государство не может, опираясь только на свои силы, обеспечить удовлетворительный уровень благосостояния своим гражданам. Более того, чтобы справляться с вызовами извне (обвалами на мировых рынках, **экологическими** катастрофами и т.д.), правительства **многих** стран вынуждены прибегать к недемократическим методам управления.

Примордиалистский взгляд на этнос и государство служит, по сути, основой концепции нации-государства (национально однородного государства).

Раздел II. Политическая география

Согласно этой точке зрения, морфология и функции государственных границ сильно зависят от лояльности граждан своему государству — этнической или политической идентичности населения с обеих сторон, так как многие страны мира — многонациональные и многие народы не имеют своей государственности.

Приверженцы *геополитического подхода*, трактуя проблему границ, также *первостепенное внимание уделяют идентичности*, хотя и в косвенной форме, акцентируя роль самоидентификации человека с территорией на разных уровнях.

Сторонники *неолиберального подхода*, напротив, считают, что *политические границы и идентичности подвергаются в наше время сильной эрозии*.

Проблема идентичности неразрывно связана с анализом функций государства. В XX в. созданный в прошлом столетии идеал нации-государства, объединяющего более или менее однородную этническую группу с общим языком и культурой, легитимированного демократическими процедурами выборов, сильно поблек. Кровавые события во многих регионах мира показали его неосуществимость: этнических групп в мире всегда будет больше, чем государств, причем очень многие народы исторически делят свою территорию со своими соседями. Тем не менее, как продемонстрировали события последних лет в бывшей Югославии, этот идеал отчасти сохраняет свою привлекательность.

В наше время нация-государство представляет собой политическую территориальную единицу с четкими и признанными международным сообществом границами, в пределах которых население обладает определенной политической идентичностью, сформированной, как правило, националистически настроенными **политическими** элитами.

По выражению Харви, национализм представляет собой особый тип территориальной самоидентификации человека и территориальную форму идеологии. *Цель национализма — создать этническую идентичность, элементом которой являются определенные географические границы*. Неразрывная классическая триада политической географии «нация — территория — государство» возникла в Европе **в начале XIX в.**

Классический пример создания национального государства «сверху» на основе общегосударственной (политической) идентичности — история современной Франции. Эта страна превратилась в мощную европейскую державу только тогда, когда большинство ее

2. Границы, государственное строительство,...

населения, независимо от этнического происхождения — бретонцы, эльзасцы, **окситанцы**, каталонцы, баски, фламандцы и др. — начали осознавать себя французами. Это произошло на удивление недавно — лишь в 1870-х годах, когда:

- территория страны была окончательно **«скреплена»** прочными рыночными связями благодаря густой сети железных и других дорог («железнодорожный империализм»);
- появившиеся популярные ежедневные газеты представили публике образ единого французского народа;
- была создана система вторичной социализации человека через введение всеобщей воинской повинности и единую систему обязательного начального, а затем и среднего образования с общими для всех программами и преподаванием на нормативном французском языке (за разговоры в школе, например, на бретонском учеников наказывали);
- централизованные административная и церковная системы внедрили, выражаясь современным языком, ротацию кадров по всей стране, и выходца из Парижа могли назначить на административный пост в Бретани, и наоборот.

Как показывает пример Франции, *использование общего языка — одно из важнейших условий формирования политической и/или этнической идентичности*. Способствуя ее созданию, государство вырабатывает свою *иконографию* — систему символов, образов, национальных праздников, регулярных парадов, фестивалей, публичных церемоний, манифестаций и традиций — всего того, что может помочь сцементировать национальную солидарность и акцентировать различия между населением по обе стороны государственной границы.

Иконография также включает систему национальных стереотипов, через призму которых воспринимается отечественная история, территория и место страны в мире, ее «естественные» союзники и враги и благодаря которым создается геополитическая доктрина страны. Английский антрополог Б. Андерсон метко сказал, что

национализм нацелен внутрь, чтобы объединить нацию, и вовне, чтобы отделить нацию и ее территорию от соседних народов [Anderson, 1983].

Национальные стереотипы обязательно включают образы пространства: районы, входящие в государственную территорию в

Раздел II. Политическая география

национальном сознании, получают своего рода коды, а многие из них становятся национальными символами, как Косово для Сербии и отчасти Севастополь — для России.

Социологические опросы показали, что во всех социальных группах больше двух третей россиян считают, что Севастополь должен быть российским городом (к счастью, по данным других опросов, до 85% респондентов убеждены, что Россия не должна и не может вернуть территории, населенные русскоязычным населением, путем использования силы или принуждения). Тем не менее «ментальная» территория россиян еще включает Севастополь. Грузинское общественное мнение явно не согласится в обозримом будущем не считать Абхазию неотъемлемой частью Грузии. Примерно то же происходило во **Франции**. Французский электорат всегда полагал Эльзас и Лотарингию частью **Франции**. Однако он отказался в 1950-х годах рассматривать как французскую территорию Алжира, что облегчило правительству генерала Шарля де Голля **заключе-**ние соглашений в Эвиане, по которым эта страна обрела независимость.

Иногда стереотипные представления о территории развиваются в **«территориальную идеологию»**, оправдывающую **территориальные притязания к соседям и необходимость в дополнительном «жизненном пространстве»** (концепции «Великой Сербии» и «Великой Албании», «Великого Сомали» и «Великой **Венгрии**» и т.д.). Негативные национальные стереотипы укореняются особенно успешно, если национальные элиты ощущают угрозу территориальной целостности и культуре своего этноса, и эти представления становятся ключевыми элементами территориальной идентичности. Этническая и политическая идентичность порой играет гораздо большую роль в создании стабильного государства, чем общность расы, языка, религии. Знаменитая максима, приписываемая итальянскому государственному деятелю **д'Аджелио**, — «Мы создали Италию, теперь мы должны создать итальянцев» — сохраняет свою значимость для политических элит многих новых независимых государств. Без политической идентичности государство превращается в мозаику различных этнокультурных регионов.

Хотя этническая идентичность по-прежнему занимает центральное место в территориальной самоидентификации человека, ее роль постепенно падает. До сих пор иногда считают, что каждый гражданин должен иметь единственную этническую идентичность и жить в своем национальном государстве. Однако становится все более ясно, что многие, если не большинство из нас, идентифицируют себя сразу со многими территориальными и/или этническими общностями. Систему территориальных идентичностей можно пред-

2, Границы, государственное строительство,...

ставить в виде матрешки. Так, в Восточной Украине специалисты насчитывают до шести уровней этнической и территориальной идентичности (советскую, русскую, украинскую и несколько региональных).

Поскольку национальные, этнические, региональные и локальные идентичности часто накладываются друг на друга, а многие находятся в спящем состоянии, различные субъекты политической деятельности (центральные и местные органы власти, партии, лидеры) соревнуются в привлечении как можно большего числа сторонников, стараясь активизировать существующие или «разбудить» **«спящие»** идентичности.

Соотношение между различными этническими и территориальными **идентичностями** и их уровнями подвержены в наше время быстрым изменениям, что неминуемо ослабляет стабильность мировой системы политических границ.

Согласно структуралистской теории **Э. Гидденса**, функции государства ныне значительно усложнились. Оно стало связующим звеном между интегрирующейся мировой экономикой и местом, где протекает повседневная жизнь человека, где он живет и работает, своеобразным буфером, смягчающим удары мировой экономической стихии по занятости и благополучию конкретных поселений.

Однако государство-контейнер все больше дает утечку, подвергаясь давлению сразу и «сверху*», и «снизу». Давление «сверху» носит преимущественно экономический характер и связано с уменьшением возможности государства влиять на деятельность транснациональных корпораций, финансовые и другие условия функционирования своей экономики, формирующиеся на глобальном и макрорегиональном уровнях. Давление «снизу», с уровня районов, городов и других поселений вызвано главным образом растущей активностью этнических и региональных движений, развивающих идентичности, конкурирующие с официальной государственной. Национальное государство, таким образом, — теперь лишь один из пяти уровней мировой системы, хотя **по-прежнему** наиболее существенный (рис. 12б).

Ныне есть *еще два других, промежуточных уровня*, на которых действуют факторы, все заметнее влияющие на функции политических границ и ситуацию в приграничных зонах, хотя и в разной степени в различных частях мира, — *макрорегионов* (состоящих из групп стран и их частей) и *районов* (внутри стран).

Раздел II. Политическая география

Глобальная экономика зависит от существования не только государственных границ. Процессы глобализации создают новые идентичности. Наиболее известная из них складывается в Западной Европе, где экономическая интеграция развивается наиболее успешно. При этом усиление наднациональных институтов ЕС и создание *макрорегиональной* общеевропейской идентичности идет параллельно с созданием «Европы регионов».

Этот процесс выражается в широкой децентрализации и регионализации во всех **странах—членах** ЕС, опирающихся на старые *региональные* этнические и региональные идентичности. Они связаны не столько с **нынешними** административными единицами, сколько с давно упраздненными историческими провинциями, границы которых сформировались в докапиталистическом прошлом. Трансграничные регионы, как, например, знаменитый *Regio Basiliensis* (Базельский регион), привлекают особое внимание ответственных лиц ЕС и наделяются специальными полномочиями. Пользуясь ими, власти трансграничных регионов, располагающих собственными бюджетами, превращаются в самостоятельные субъекты политической деятельности. Эта тенденция еще более *ослабляет роль государственных границ*, часть функций которых переходит к границам макрорегиональным (всего ЕС), другая часть — региональным, что способствует *трансформации всей системы мировых границ*.

Уровень макрорегионов: пример Европы. Содержание наиболее значительной макрорегиональной идентичности — западноевропейской — уже давно занимает теоретиков, в том числе и географов. Хотя европейская идентичность пока еще относительно слаба и ее содержание, как свидетельствуют социологические данные журнала «Евробарометр», меняется от страны к стране, *общеевропейская иконография активно внедряется в странах Европейского Союза*. Приставка «евро-» стала уже привычной для жителей стран ЕС: так называется действующая с 1 января 1999 г. единая валюта; скоростной поезд «Евростар» за три часа доставляет пассажиров через тоннель под Ла Маншем из Лондона в Париж, где они имеют возможность сходить в единственный в Европе парк развлечений «Евродиснейленд»; в Брюсселе они могут посмотреть точные макеты знаменитых памятников архитектуры из всех стран ЕС в «Евродеревне»; повсюду распространяется общеевропейская газета «Euroreap» и т.д.

Ни у кого не вызывает сомнений, где проходят западные границы «Европы», с восточными же и отчасти с южными дело обстоит гораздо хуже. Какие страны имеют достаточный набор характеристик, чтобы претендовать на истинную «европейскость»,

2. Границы, государственное строительство, ...

а какие — нет? *На практике она определялась в 1990-е годы перспективами членства бывших социалистических стран в ЕС и НАТО.*

Не случайно почти все недавно обретшие независимость государства пытаются доказать свою принадлежность к Европе, пересматривая историю, ссылаясь на политиков, писателей, деятелей культуры прошлого — словом, используя все возможные аргументы. Так, некоторые украинские идеологи убеждены, что Украина — неотъемлемая часть Центральной Европы. Первый президент независимой Украинской Республики в 1918 г., академик АН СССР М. Грушевский писал, что «украинский народ принадлежит к западноевропейскому культурному кругу не только благодаря историческим связям, но уже в силу самого украинского национального характера» [цит. по: Украинская государственность..., 1996, с. 156].

По мнению некоторых львовско-киевских идеологов, чтобы стать истинно европейским государством, Украине надо скорее размежеваться с восточным соседом: они считают, что у Украины с Россией нет ни общих корней, ни общих интересов. Более того, только украинцы — древний и истинно славянский и, стало быть, европейский народ, а русские, поздняя помесь славянских племен с финно-угорскими и особенно тюркомонгольскими элементами, насильственно навязали украинцам свою азиатскую отсталость. Такого рода аргументы типичны и для дискуссий в других странах Центральной и Восточной Европы (Миллер, 1997).

Три страны (Польша, Чешская Республика и Венгрия) в 1997 г., несмотря на бурные протесты России, были приняты в НАТО. Еще многие, в том числе Болгария и страны Балтии, выстроились в длинную очередь. Объявлены первоочередные кандидаты на вступление в ЕС: это те же Польша, Чешская Республика, Венгрия, а также Словакия и Эстония. Если они действительно в скором времени будут приняты в ЕС, то должны будут подчиниться строгим мерам контроля над нелегальной миграцией, существующим в странах, подписавших Шенгенское соглашение, принять ограничения на внешнюю торговлю с третьими странами и т.д. Польша и Чешская республика уже ввели визовой режим для граждан России, в скором времени это собирается сделать Венгрия.

Другими словами, *на восточных рубежах новых членов ЕС могут возникнуть новые барьеры, их границы станут значительно менее прозрачными, а раскол Европы как минимум на два макрорегиона может быть закреплен*, хотя границы между ними смещаются на восток. При этом будут складываться драматические коллизии. Так, если к ЕС присоединится Румыния, то она будет вынуждена за-

Раздел II. Политическая география

крыть свою границу с Молдовой, что плохо согласуется с концепцией единой румынской нации, проповедуемой и в Бухаресте, и в Кишиневе (молдавские школьники изучают ныне историю и географию всей Румынии, а не только своей страны).

Доступная и понятная каждому теория Хантингтона объясняет существование в мире устойчивых геополитических разломов, совпадающих с границами между цивилизациями — самыми крупными геокультурными таксонами. Вслед за Хантингтоном, Й. Галтунг выделил семь специфичных в религиозно-культурном отношении макрорегионов и выдвинул гипотезу о том, что основные потоки товаров и услуг, рабочей силы и капиталов перемещаются внутри этих крупных ареалов и *не пересекают* их границ, служащих основными культурными «водоразделами» современного мира [Galtung, 1994]. Широкая дискуссия как в отечественной, так и в зарубежной печати уже достаточно ясно показала, что концепция Хантингтона слишком упрощенно трактует реалии современного мира и не соответствует действительности. Более того, она политически опасна, ибо оправдывает возрождение старой геополитики силы 1920–1930-х годов, ведет к абсолютизации и увековечению ныне существующих и исторически преходящих культурных и политических рубежей. Тем не менее трудно отрицать, что

существуют государственные границы, совпадающие с контрастными этническими, культурными и лингвистическими рубежами, и что они выделяются сильными барьерными функциями и конфликтностью, часто являются **фронтальными**.

Так, особой конфликтностью отличаются *границы между православными и мусульманскими районами* (например, в Боснии и других районах бывшей Югославии, на Кипре, Кавказе). Трудно также отрицать историческую роль, которую сыграла **граница** между восточным и западным христианством в Европе, хотя нельзя превращать ее в новый геополитический водораздел, не менее герметичный, чем пресловутый «железный занавес» в годы «холодной войны».

Американский политолог **К. Боулдинг** еще в 1962 г. выделил особый вид границ между макрорегионами — **критические границы**.

Они складываются в тех случаях, когда крупные державы стремятся защитить свои действительные или мнимые интересы за пределами своей государственной территории

Концепция Боулдинга связана с понятиями сферы влияния и сферы жизненных интересов. Так, до распада СССР и системы его

2. Границы, государственное строительство, ...

сателлитов, во Франции было принято считать, что ее восточная стратегическая граница не совпадает с государственной (по Рейну) и проходит по границе между ГДР и ФРГ, т.е. по Эльбе.

Каждая держава имеет за рубежом свой радиус действия, негласно более или менее признанный международным сообществом, ограничивающий район ее особой чувствительности, в котором она не терпит определенных акций других государств. *Доктрина Монро*, превратившая всю Латинскую Америку в «задний двор» США, или так называемая *доктрина Брежнева* — примеры концепций, обосновывавших критические границы в недавнем прошлом. Кубинский ракетный кризис 1962 г., едва не вызвавший Третью мировую войну, или военное вмешательство СССР в Афганистане в конце 1979 г. служили неотразимыми доказательствами действенности этих доктрин.

Крайне болезненная реакция Москвы на расширение НАТО на восток показывает, что особая чувствительность в пределах старых критических границ еще существует, даже если эти боли — фантомные (подобные болям, которые человек может испытывать от уже ампутированной ноги). В России исторически сильна психология «окруженной крепости» — опасения быть со всех сторон опоясанной враждебными или недружественными государствами, получить небезопасные в военно-стратегическом отношении фронтальные границы.

Один из самых неблагоприятных сценариев для Москвы — формирование непосредственно за ее западными границами так называемого *Балто-Понтийского пояса от Балтийского до Черного моря*, отделяющего ее от Европы. Возможность такого развития ситуации явно просматривалась в 1996-1999 гг. Но многое, если не главное, зависит здесь от самой России.

Уровень районов. Государственная идентичность подвергается эрозии из-за действия многочисленных факторов и внутри государственных границ. Совершенно очевидно, что

концепция национального государства, разработанная в специфических условиях Западной Европы XIX в. и подразумевающая создание единственной однородной нации, объединяемой общностью языка и культуры, экономическими связями и правовой системой, действующей в рамках четких и безопасных границ, не может быть применена к большинству стран мира,

поскольку они являются многонациональными и **поликультурными** и в них отсутствуют социальные и культурные предпосылки

Раздел II. Политическая география

слияния различных их специфических частей в стабильное унитарное государство.

Во многих случаях **государственная** идентичность не тождественна этнической, как, например, в Квебеке (Канада): ее более правильно называть политической идентичностью. Во многих странах эта идентичность слаба, если и вообще существует, что прямо связано с целостностью их территории и нерушимостью границ, Этническая идентичность не всегда связана с политической, навязанной в ряде стран Азии и Африки сверху колониальными властями. Множество попыток создать политическую идентичность в многонациональных государствах провалились или были остановлены на определенном этапе новыми тенденциями в **экономическом** и культурном развитии, как, например, в бывших Югославии, Чехословакии, Советском Союзе, Бельгии, где этнические идентичности стали значительно сильнее политической,

Многие территориальные претензии и проблемы спорных границ обосновываются правом наций на самоопределение, рассматриваемом как один из важнейших либеральных идеалов и прав человека. Требования **самоопределения** и ревизии границ опираются на причудливые комбинации социальных представлений, основывающихся на уже существовавших до создания наций этнолингвистических разломах и экономических и политических интересах элит, стремящихся манипулировать идентичностями.

Из этого вытекает простая политическая формула:

если нет стабильной политической идентичности, нет и устойчивых границ, стабильной государственной территории, нет стабильного государства в целом.

Действительность десятков стран Третьего мира подтверждает ее справедливость. Во многих странах хрупкая политическая идентичность не выдерживает конкуренции с конфликтными этническими идентичностями.

Одно из бесчисленных свидетельств отсутствия «вечных» идентичностей даже в стабильных и высокоразвитых странах — недавние успехи на выборах Лиги Севера в северных областях **Италии**, ставившей вопрос об отделении от итальянского государства новой страны Падании. В самом деле, задавали своим избирателям вопрос руководители Лиги, почему жители более богатой Северной Италии должны субсидировать из своего кармана относительно отсталый Юг — только потому, что они и их южные соотечественники называют себя итальянцами? Если так, то почему все итальянцы должны жить в одном государстве? В сентябре 2000 г. правительство самой крупной и самой богатой области Ломбардия выступи-

до с инициативой проведения весной 2001 г. регионального референдума. Предполагалось, что жители области дадут ее властям добро на проведение переговоров с центральным правительством о резком расширении полномочий, что может вызвать превращение Италии из формально унитарного государства в рыхлую федерацию.

Местный (локальный) уровень. Создание политической и этнической идентичности нельзя представлять исключительно как процесс, полностью регулируемый политическими элитами, полагающими, что они действуют в интересах всего населения, и направленный «сверху вниз». Этот процесс — двусторонний, и местные территориальные коллективы играют значительную роль в формировании и консолидации государства [Sahlins, 1989].

Жители долины Чердания — каталонцы, живущие по обе стороны франко-испанской границы, в течение долгого времени изобретательно манипулировали гражданством в своих собственных интересах, сохраняя свою каталонскую и местную идентичность. Они не считали себя ни французами, ни испанцами и оставались враждебными, как это часто бывает в сельской местности, ко всем чужакам, в том числе назначенным администрациями обеих стран чиновникам. Так, во время Первой мировой войны многие мужчины призывного возраста стали «испанцами*», чтобы избежать мобилизации. Восприятие границы этнически однородным населением по обе ее стороны значительно менялось со временем. Черданские **крестьяне** успешно «играли» на различиях между двумя понятиями суверенитета — юридическим и территориальным. В настоящее время все большую роль играет растущая автономия и экономическое влияние Каталонии, в которой у власти находится умеренно националистическое правительство.

Таким образом, политическая (национальная, или государственная) идентичность остается чрезвычайно важным элементом жизнеспособности государства и центральным звеном в иерархии территориальных **идентичностей** человека, но вовсе не единственным, а часто даже не главным. Исторически ее возникновению предшествовала локальная и региональная идентичность.

2.3. Государственные границы как часть мировой системы границ

Резкие культурные границы между **территориально-политическими** системами де-факто могут совпадать с современными государственными границами и границами между экономическими и

Раздел II. Политическая география

военно-политическими блоками, критическими границами (между территориально-политическими системами де-юре), а могут и не совпадать, рассекая территорию некоторых стран.

Новые политические границы на всех иерархических уровнях почти никогда не возникают на чистом месте и крайне редко «секут» старые. Чаще всего культурные границы преобразуются в границы «де-юре».

В свою очередь, «разжалованные* границы де-юре (т.е. официально закрепленные границы между юрисдикциями, разделяющие политические блоки, отдельные государства, их районы и провинции) не исчезают совсем. Обычно они прекрасно выражены в культурном и политическом ландшафте, а иногда даже визуально вполне различимы на **местности** (табл. 16, рис. 13).

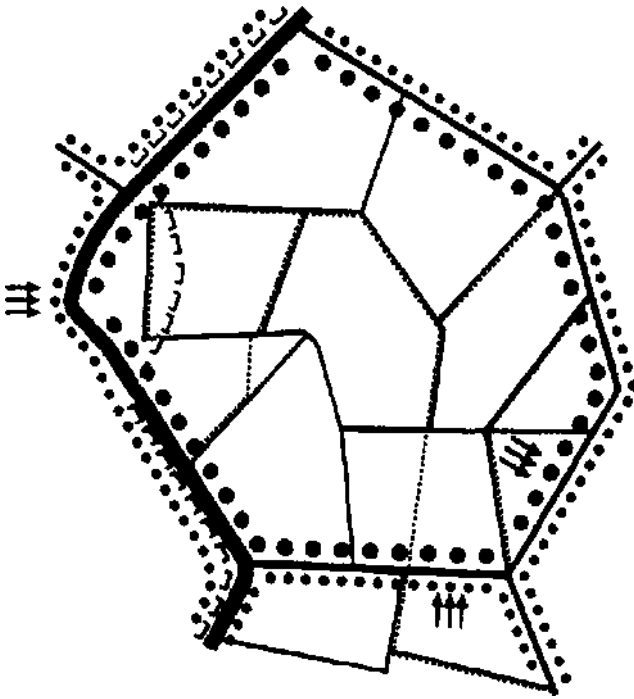
На рис. 13 приведена модель исторических изменений статуса границ. Сплошными линиями показаны различные виды границ

Таблица 16

Мировая система и система границ

Уровни	Политические единицы де-юре	Политические единицы де-факто
Макро-регионы	Региональные международные организации и блоки (например, ЕС, НАФТА , НАТО, СНГ, Организация арабских государств и др.)	Культурные (« цивилизационные ») макрорегионы (например, исламский мир, арабский мир, славянский мир, западно-христианский мир и др.)
Страны	Государство (должно иметь признанные и легитимные границы)	Политическая общность, основанная на относительно стабильной политической и/или этнической идентичности
Районы	Районы, провинции, земли и т.д.	Ареалы с особой региональной (культурной) этнической идентичностью внутри страны
Местности	Коммуны, муниципалитеты и т.п.	Ареалы дневных и недельных жизненных циклов людей

2. Границы, государственное строительство,...

А. Существующие политические границы (границы «де-юре»):

- ▬ а) между политическими блоками и странами, входящими в разные **межгосударственные** организации;
- ▬ б) государственные;
- ▬ Б) между субъектами **федераций** и провинциями внутри стран.

Б. Границы между ареалами идентичностей (культурно-политические рубежи «де-факто»)-

- ┌┐ а) между культурными («цивилизационными») макрорегионами;
- └┘ б) между ареалами государственных (политических) идентичностей.
- аа) существующих;
- аб) «строящихся»;
- ▬▬▬ в) между культурными (этнокультурными) районами внутри стран
- ▬▬▬ Стрелки — размывание идентичностей.

Рис. 13. Модель системы политико-административных и государственных границ и идентичностей в Восточной Европе (границы «де-юре»).

Источник: Kalossov V., O'Loughlin J. New borders for new world orders: territorialities at the fin-de-siecle//GeoJournal. 1998. Vol. 44. № 3

Раздел II. Политическая география

«де-юре»: фронтальные государственные границы между политическими блоками и странами, входящими в разные межгосударственные организации; «простые» государственные границы и политико-административные границы внутри стран. Как видно из рисунка, границы **«де-юре»** не всегда совпадают с культурно-политическими рубежами (или границами **«де-факто»**). Даже границы между культурными макрорегионами (**«цивилизациями»**) могут «сечь» государственную территорию страны. Но границы **«де-факто»** могут при определенных обстоятельствах (вследствие раскола страны или в результате значительных изменений в ее политическом режиме, связанных с трансформацией государственного устройства) вновь обрести официальный статус политико-административных или даже государственных.

Таким образом, происходит **перераспределение функций между границами**. Бывшие государственные границы становятся административными или культурными рубежами, так или иначе влияющими на жизнь общества, и наоборот. Культурная граница, или граница **«де-факто»**, выполняет прежде всего **внешние** функции контакта между культурами, тогда как границы **«де-юре»** — **внутренние**, обеспечивая суверенитет и территориальную целостность государства, социальную и этнокультурную интеграцию его населения. Государственные границы — это прежде всего линии раздела, символы независимости, физически выраженные в пространстве (пограничные посты и таможни, контрольно-следовые **полосы** и т.п.).

Прекрасный пример системной, органической взаимосвязи между внешними и внутренними границами, между границами **«де-юре»** и **«де-факто»** — современная Украина. Наиболее сильна украинская этническая идентичность, как известно, в западных областях, которые входили в состав одного с Россией государства лишь в течение короткого периода 1939-1991 гг., да и то за вычетом нескольких лет оккупации во время Второй мировой войны. Небольшая река **Збруч** отделяющая нынешние западные области от остальной части Украины, много лет служила границей между Российской и Австро-Венгерской империями. В советское время, после присоединения западных областей Украины к СССР, эта граница была **«разжалована»** в административную, отделяющую Тернопольскую область от Хмельницкой. Но это не только административный рубеж, но и ярко выраженная культурная граница между районами Украины — Подолом и Галицией, прекрасно видный, например, на любых электоральных картах.

2. Границы, государственное строительство,...

Достаточно пересечь Збруч, и разница в культурном ландшафте видна невооруженным глазом: на **галицийской** стороне бросаются в глаза многочисленные часовни, распятия на **перекрестках**, храмы, принадлежащие униатской и католической церквям. Многие села похожи своими примыкающими друг к другу двухэтажными домами скорее на небольшие центрально-европейские городки («местечки»). Эти дома, в которых до войны, как правило, проживало преимущественно польское и еврейское население, разительно отличаются от традиционных украинских хат к востоку от Збруча, окруженных палисадниками и огородами.

Другой классический пример сохранения в культурном и политическом ландшафте ныне не существующих государственных границ — Польша. В этой стране на всех выборах выявляются значительные различия в поведении избирателей между районами на западе, переданными этой стране после Второй мировой войны и заселенными выходцами из Галиции и бывшего польско-советского порубежья, восточными воеводствами, входившими когда-то в состав Российской империи, и юго-западными, территория которых принадлежала Австро-Венгрии.

Впрочем, в истории, конечно, случалось, что новые государственные границы не совпадали с членением культурного пространства. Но в любом случае, даже когда государства присоединяли к себе новые территории вопреки воле их жителей, государственная граница быстро трансформируется в культурную, в «**шрам истории**» на карте страны или региона. Существование единого правового, экономического и информационного пространства в пределах государственных границ делает свое дело.

II Перераспределение функций между границами в силь-
|| ной степени зависит от сдвигов в идентичности населения.

Как мы уже отмечали, самоидентификация человека с определенной территорией — этнической и/или политической — всегда носит иерархический характер. Обычно человек ощущает себя одновременно и гражданином своей страны, и жителем одного из ее регионов, и жителем своего поселения или местности. При этом разные уровни территориальной идентичности могут играть разную роль — подчиненную или господствующую. Если в каком-либо регионе местная этническая или этнокультурная идентичность усиливается за счет общенациональной, политической, это грозит территориальной целостности страны. *Абсолютно неизменных, вечных идентичностей не существует.* Государство и полити-

Раздел II. Политическая география

ческие элиты должны постоянно бороться за лояльность граждан, изыскивать все новые «маркеры», отличающие «своих» от «чужих» и составляющие основу территориальности людей, поскольку восприятие «своей» и «чужой» территории есть важнейшая часть их идентичности. Обычно в стране конкурируют несколько концепций политической идентичности, соответствующих разным внутри- и внешнеполитическим ориентациям.

Этническая, или, точнее сказать, этнотерриториальная идентичность — лишь один из видов иерархически соподчиненных идентичностей, причем не самый важный. Если она приобретает слишком большой вес в самоидентификации целой социальной группы, значит, общество нездорово.

Например, согласно исследованиям московских этносоциологов, в Северной Осетии этнический компонент идентичности у представителей титульного народа наивысший среди многих обследованных этнических групп. В этом — прямой результат напряженной обстановки в республике, наводненной беженцами-осетинами, покинувшими свои дома в Южной Осетии (входящей в состав Грузии) в результате грузино-южноосетинской войны, спровоцированной первым «демократическим» президентом З. Гамсахурдиа, а также конфликта с Ингушетией по поводу территориальной принадлежности Пригородного района [Дробижева и др., 1996].

Главные виды территориальной идентичности — этническая и национальная (политическая, государственная), могут быть в гармонии, но нередко находятся в остром конфликте, от исхода которого зависит система политических границ. Иногда идентичность меняется крайне медленно, но в критических обстоятельствах сдвиги в ней могут произойти за считанные месяцы.

Так, многие политологи пытались объяснить, как могло случиться, что около 3/4 электората Украины проголосовало на референдуме 17 марта 1991 г. за сохранение Советского Союза, а всего через семь с половиной месяцев, 1 декабря, те же 3/4 высказались за независимость этой страны, и административные границы между Украиной и Россией превратились в государственные. Два мощных фактора действовали в одном направлении: большинство избирателей, по крайней мере в Восточной и отчасти в Южной и Центральной Украине, стремилось избежать угрозы голода, исходившей, согласно распространенному тогда представлению, от России, а правящая консервативная номенклатурная верхушка — непредсказуемости политики Кремля, захваченного «демократами», и угрозы лишиться власти и привилегий. Таким образом, пропаганда временной коалиции националистов и коммунистической номенклатуры, про-

тивопоставлявшая жителей Украины {«нас»} — «другим» в «голодной» России и, конечно, в далеких в культурном отношении республиках Средней Азии и Закавказья, оказалась весьма эффективной.

Выделяется четыре типа этнической идентичности:

- *моноэтнический* — только с одной этнической группой;
- биэтнический или множественный (одновременно с двумя или несколькими группами);
- *маргинальный*: слабая или нестабильная самоидентификация с двумя или более этническими группами и «шатание» между ними, что может привести к полному отторжению, отбрасыванию человеком этнической идентичности — к так называемому этническому нигилизму. Космополитизм может рассматриваться как форма маргинальной идентификации;
- *панэтнический*, т.е. сильная идентификация с группой, которая включает множество этнических групп (например, восточно- или южнославянская, арабская и т.п.) [Pirie, 1996].

Глобализация и, в частности, усиление международных миграций ведут к увеличению доли смешанных браков и, соответственно, числа людей с двойной или даже множественной идентичностью. Иногда разные этнотерриториальные идентичности мирно сосуществуют в сознании человека, но порой вступают в острый конфликт, заставляя своего носителя делать нелегкий выбор или приводя его к кризису (например, в бывшем СССР или бывшей Югославии, где последние переписи фиксировали сотни тысяч так называемых югославов, не относивших себя ни к одной этнической группе).

2.4. Динамика идентичностей, государственное строительство и границы в бывшем СССР

Особенности территориальных *В бывшем СССР биэтническая, множественная и маргинальная идентичность получила широкое распространение благодаря многочисленным смешанным бракам, особенно в районах, расположенных в этнически разнородных пограничных зонах (например, в украинском и российском Донбассе, на Северном Кавказе), или в районах и городах, быстро выросших в ходе индустриализации или освоения новых районов и притягивавших мощные потоки мигрантов из разных частей страны. Так, в*

Раздел II. Политическая география

Приднестровье около половины населения происходит от смешанных браков. В Донецкой области родители 55% новорожденных в начале 1990-х годов также принадлежали к разным национальностям, чаще всего это были русские и украинцы. В Казахстане до распада СССР около 1/5 всех браков заключалось между лицами разных национальностей и т.д. На постсоветском пространстве насчитываются многие миллионы людей, имеющих двойную или множественную идентичность.

В России множественная идентичность типична, к примеру, для районов расселения казаков, большинство из которых отличает себя от русских, но вместе с тем полагает себя одновременно и русскими. Многие россияне, происходящие от смешанных браков, не могут полностью отказаться от своей русской идентичности, от принадлежности к миру русского языка и культуры. Кем, например, может себя чувствовать родившийся в Баку сын армянина и азербайджанки, выросший в русскоязычном окружении, а затем из-за армяно-азербайджанского конфликта вынужденный переехать в Россию? Наиболее естественный ответ — советским человеком!

Неудивительно, что *«советская» идентичность* значительной части граждан не только России, но и других бывших союзных республик не исчезла после распада СССР, а продолжает существовать, хотя и в большинстве случаев не носит идеологической окраски, а лишь отражает материальные неурядицы, ностальгию по былой стабильности, отсутствию межнациональных конфликтов и границ между советскими республиками.

Люди с советской идентичностью по-прежнему отождествляют себя со всей территорией бывшего СССР, и в их сознании общие для новых независимых государств границы сохраняют смысл. По опросам ВЦИОМ, в 1989 г. не русскими, а именно советскими людьми считали себя 30% всех русских, а в космополитических российских столицах — Москве и Ленинграде (Петербурге) — 38% [Дробижева и др., 1996]. В постсоветский период, согласно многим опросам, доля русских с советской идентичностью колеблется в зависимости от района в пределах от 10 до 30%. В целом по России в 1997 г. 12,4% респондентов все еще чувствовали себя советскими людьми, а еще почти четверть не смогли толком ответить, кто они такие. Другими словами, более 40% российского населения не могли или не хотели идентифицировать себя со страной, в которой они живут. Это означает, что перед российским государством стоят серьезные задачи строительства общенациональной политической

2. Границы, государственное строительство,...

идентичности. На каких принципах она должна основываться, еще не до конца ясно. Одни полагают, что современная РФ — преемница старой России, а почти 75 лет советской истории были лишь трагической ошибкой, с последствиями которой нужно бороться, другие выступают за преемство с бывшим СССР, третьи — и со старой Россией, и с СССР, четвертые выступают за поиск нового пути, не связанного прямо ни со старой Россией, ни с СССР. Не случайно в конце 2000 г. в российском обществе развернулась острая дискуссия о государственных символах — иконографии.

В других бывших советских республиках группа населения с «советской» идентичностью включает большую часть русскоязычных жителей, не принадлежащих к «главной» (титульной) национальности, независимо от их этнического происхождения. Эта новая идентичность со старым названием «русскоязычные» основывается на общности статуса, рода занятий (русскоязычные жители большинства республик проживают главным образом в городах и заняты в промышленности, науке, здравоохранении и образовании) и особенно образования и культуры. Все русскоязычные, как правило, не владеют государственным языком и одинаково страдают от повсеместного форсированного перехода на него, отсутствия или резкого сокращения возможностей получить образование на русском языке, дискриминации в государственных учреждениях.

Согласно концепции либерального национализма, естественный ход истории приводит к образованию национального государства и, следовательно, политическая идентичность развивается на базе этнической. Однако гораздо чаще государства, а не нации создают одновременно и политическую, и этническую идентичность.

Перед руководителями новых независимых государств в бывшем СССР объективно встала задача сплочения разнородного в этническом и культурном отношении населения в политические нации — превращение их в лояльных граждан своей новой страны, разделяющих ее национальные символы, имеющих единые представления о ее истории и границах, традиционных союзниках и потенциальных внешних угрозах.

Кроме того, для многих республик — Украины, Молдовы, Казахстана и др. актуальна задача сплочения не только меньшинств, но и самой титульной нации, поскольку в силу исторических причин у ее различных региональных групп не сложилось общего представления о своей нации.

Раздел II. Политическая география

Пути государственного и национального строительства в бывшем СССР

Существует два принципиально различных пути государственного строительства.

• *Построение национального государства титульной (или «главной») этнической группы по европейским образцам XIX в.*

• *Формирование государства всего населения страны, вне зависимости от его этнической или культурной принадлежности, что предусматривает меры по охране прав меньшинств и сохранению их языков, культуры и традиций.*

В первом случае основой национального государства служит одна из этнических групп. С точки зрения географии, опорой такого государства обычно служит район, который был в наименьшей степени подвержен влиянию центра и был позже включен в состав империи. В условиях бывшего СССР это чаще всего относительно отсталые сельские районы.

Во **втором** случае общенациональное государство, обеспечивающее приоритет индивидуальных интересов над групповыми (т.е. в том числе любой этнической группы), ищет поддержку всего народа, независимо от национальной принадлежности граждан. Конфликт между группировками политической элиты, пытающимися реформировать свою страну по иностранным моделям, и теми, кто отстаивает ценности традиционной культуры, сопротивляясь волнам модернизации, типичен не только для постсоветского пространства. В этом случае конфликт между центром и периферией совпадает с конфликтом между группами, занимающими в обществе доминирующие и подчиненные позиции.

Заявляя о своей приверженности второму, современному пути, на практике руководство многих постсоветских государств принимает меры, ущемляющие интересы меньшинств.

Государства используют в строительстве национальной и политической идентичности имеющиеся в их распоряжении мощные средства:

- политику в области функционирования языков;
- систему образования;
- регулирование деятельности средств массовой информации;
- пересмотр взглядов на историю;
- экономические рычаги и региональную политику.

Языковая политика служит одним из самых эффективных средств укрепления старых или создания новых **идентичностей**. В Молдове, 340

2. Границы, государственное строительство,...

Узбекистане, Эстонии и Грузии для 70–80%, а в бывших автономных республиках РСФСР — для 35–45% лиц титульной национальности именно язык был в 1970–1980-х годах основой этнической идентичности. Неудивительно, что пришедшие (или во многих случаях, скорее, оставшиеся у власти) к власти политические элиты в новых независимых государствах повели широкомасштабную кампанию по сокращению использования русского языка, полагая, что его употребление противоречит формированию лояльного отношения к новому государству.

Только в Белоруссии и с 2000 г. в Киргизии русский признан вторым государственным языком. В других странах законодательными и административными средствами он целенаправленно вытесняется из едва ли не всех сфер деятельности. Это аргументируется восстановлением справедливости и устранением перекосов, возникших за долгие десятилетия, когда русский как язык межнационального общения в бывшем СССР имел неоспоримые преимущества. Действительно, расширение применения титульных языков в новых независимых государствах вполне закономерно. Однако функционирование языков — исключительно деликатная сфера, и форсированные, а тем более насильственные действия, ущемляющие законные интересы меньшинств, недопустимы. Во всяком случае, перестройка языковой сферы — процесс медленный, ибо русский неминуемо будет играть важную роль во многих республиках еще долгие годы.

Так, в Украине в 1999 г. 39% населения говорили только на русском языке и 40% — только на украинском. Русский язык оставался предпочтительным почти для половины населения страны. Доля тех, кто говорит только или чаще всего на русском, убывает приблизительно на 1% в год.

В Казахстане русский является языком предпочтения для 70% населения. Таким образом, для значительной части казахов, как и для многих украинцев, русский — родной язык. Многие казахи в северных областях, где в основном сосредоточено русскоязычное население, поддерживают предложение о придании русскому статуса второго государственного языка (от 49% в Кустанайской области до 60–65% в прочих). Такое положение воспринимается как риск раскола страны по этнокультурным разломам между регионами.

Между тем языковая ситуация не имеет прямого отношения к политической идентичности. По данным опросов в Украине, 62% респондентов летом 1999 г. высказались за независимость страны, и только 38% из них были этнические украинцы, говорящие **исключительно** или преимущественно на украинском языке. То есть большинство русскоговорящих и русских по этнической самоидентификации были вполне лояльными гражданами, разделявшими украинскую политическую идентичность.

Раздел II. Политическая география

Из других средств строительства этнической идентичности останемся на **системе образования, распространении и укоренении с ее помощью исторических мифов и стереотипов**. В национальном строительстве как аргумент для обоснования **исключительных** прав на свою территорию, хранящую символы героического прошлого, обычно используется общность происхождения и исторических судеб этнической группы. Политические элиты многих стран Центральной и Восточной Европы придерживаются, по выражению румынского писателя Ф. Тома, *«слезоточивых» концепций национальной истории*. В произведениях сторонников этих концепций воспевается славное, по большей части средневековое историческое прошлое титульных народов, представляемых безвинными жертвами происков органически враждебных соседних держав, в трагических битвах против которых родился целый сонм национальных героев, все как один павших в неравной борьбе.

Более поздние периоды рисуются исключительно как темная эра иностранной оккупации и неустанных схваток за национальное освобождение. Как точно отметил американский политолог М. фон Хаген, эти взгляды проповедуются с тем же догматизмом, что и теория марксизма-ленинизма в годы социализма. Более того, этим чаще всего занимаются те же люди, что всего несколькими годами раньше ревностно отстаивали ленинские принципы, преподавая историю партии или научный коммунизм.

Героизация национальной истории с целью придать ореол великомученика своему народу, подчеркнуть **его** исключительность, прямо или скрыто противопоставляющая **его** «пришельцам, не помнящим родства», *типична для всего постсоветского пространства*.

В российской Республике Саха, к примеру, выдвинута идея особой якутской северной цивилизации и самоуважения якутского народа, добившегося выдающихся успехов в области образования, культуры и науки. Действительно, доля лиц с высшим образованием и имеющих ученую степень на 1000 человек среди представителей титульной национальности заметно выше, чем среди многих других народов России, в том числе русских, но это вряд ли бы стало возможным без трансфертов из других регионов страны, подготовки студентов из Якутии в ведущих университетах и т.п.

Конфликтная ситуация складывается, когда национальные мифы и стереотипы, культивируемые элитами соседних стран или этнических групп, противоречат друг другу.

2. Границы, государственное строительство,...

Так, официально одобренная и абсолютно доминирующая историческая школа в современной Украине провозглашает **Галицийско-Волынское княжество** и затем **Великое герцогство Литовское** единственными наследниками Киевской **Руси—Украины** и прямыми предшественниками украинского государства. **В то же** время традиционная российская и советская школа, позиции которой разделяет значительная часть (если не большинство) западных историков, считает Киевскую Русь, поддерживавшую тесные связи с другими странами Европы, общей исторической родиной трех восточнославянских народов — украинцев, русских и белорусов, что служит одним из аргументов для включения их в европейский культурный мир. Разумеется, в России также имеет хождение множество исторических мифов, многие из которых упорно культивировались при советской власти — например, об осознанной исторической миссии русских царей как «собирателей земель русских».

Национальные мифы проповедаются в школьных и вузовских учебниках, картах и атласах. *Огромную роль играет переход на титульный язык преподавания.* Крайний случай — Латвия и Эстония, где в государственных учебных заведениях вообще нельзя получить высшее образование на русском языке, а в Латвии запланирован переход на титульный язык и среднего образования. Но и в других странах число русских школ сокращается. В Украине, например, число учеников в них за 1992–1997 гг. уменьшилось с 50,0 до 36,4%. В Киеве в 1991 г. было 135 украинских и 129 русских школ, а в 1999 г. их осталось только 10.

Использование в национальном и государственном строительстве **экономических рычагов и региональной политики** облегчается сложившимся разделением труда между районами с разными пропорциями титульного населения и этнических меньшинств, которое часто определялось природными факторами. В Казахстане сформировалось разделение труда, с одной стороны, между европейским и казахским населением и, с другой, между казахами, живущими в северных, центральных и южных областях. Во многих новых независимых государствах русское и русскоязычное население сконцентрировано в городах и занято главным образом в обрабатывающей промышленности, испытывающей упадок, тогда как титульное население — в сельской местности. В результате его интенсивных миграций в города усиливается конкуренция за рабочие места, жилье, различные привилегии между **«своими»** и **«чужими»**, что способствует укреплению идентичности и политической мобилизации с обеих сторон.

Раздел II. Политическая география

Таким образом, нетитульное население испытывает на себе одновременно последствия национального и государственного строительства и экономического кризиса. Часто невозможно различить, какие из них объясняются преднамеренной дискриминацией властей, а какие — естественными последствиями экономического спада.

Главный протагонист национализма — постсоветская этническая бюрократия. В полном соответствии с положениями классической теории «инструментального национализма» — национализма как инструмента в руках политической элиты — игра на этнотерриториальной идентичности стала в 1990-е годы для республиканских элит в РФ отличным средством воздействия на федеральный центр для выбивания нужных решений и привилегий.

Руководители республик представляли себя политически умеренными посредниками между радикальными националистическими движениями и центром. Отношения между центром и регионами превратились в объект конкуренции между олигархическими группами, а региональные legislatures — в место формирования общей позиции между чиновниками и местным бизнесом, создания альянсов для противостояния сильным московским финансовым группировкам. Чем более автономны были республиканские руководители от Москвы, тем более силен их контроль над государственной собственностью, землей и природными ресурсами. Не случайно относительная численность чиновничества в российских республиках существенно больше, чем в собственно русских областях. Все эти процессы облегчают узурпацию власти титульной элитой и ее использование во благо лишь титульной этнической группы.

|| В этих условиях естественный путь для России — культивировать двойную идентичность: культурно-этническую и политическую.

Несмотря на многие трудности и проблемы⁵, такая двойная, не взаимоисключающая идентичность уже стала возникать еще в советское время, и этот процесс отчасти стихийно продолжается и теперь: вспомним различие между понятиями «русские» и «россияне».

⁵ Российский исследователь А. Миллер отмечал, что почти невозможно найти какой-нибудь национальный символ, который бы принадлежал российской политической нации, но не был бы в то же время этнически русским (Миллер, 1997).

2. Границы, государственное строительство,...

Социологические опросы показывают, что в России на базе использования русского языка и общих культурных традиций в стране *уже давно* сложилась сильная общероссийская гражданская идентичность — не только среди русских, но и многочисленных представителей других народов, живущих за пределами своих территориальных образований или вовсе их не имеющих, и даже среди значительной части титульных народов в «своих» республиках. Воплощение формулы двойной идентичности потребует постепенной **деэтнизации** государства на всех уровнях и разгосударствления **этничности**, не ставя, впрочем, под сомнение границы существующих республик.

Таким образом, на постсоветском пространстве происходят интенсивные сдвиги в территориальной идентичности. Незавершенность процессов государственного строительства накладывает сильный отпечаток и на систему границ в постсоветском пространстве, в том числе и на государственные границы России с ее новыми соседями — бывшими советскими республиками.

Полноценное государство в постсоветских странах еще не сформировалось, поскольку:

- значительная часть населения, а в отдельных районах — большинство жителей еще не ассоциируют себя с новой государственно-политической общностью (политической нацией), создание которой предполагает консенсус о ценностях общего гражданства между всеми социальными, этническими и региональными группами;
- общество глубоко расколото на тех, кто выиграл и проиграл в результате экономических преобразований, и государство еще не добилось полной легитимности, для чего требуется, чтобы с ним идентифицировала себя не только титульная этническая группа, но и большинство всех национальных меньшинств;
- участие граждан в управлении государством часто недостаточно, так как оно не добилось территориальной целостности, национального единства и политической стабильности;
- механизм распределения материальных ресурсов и привилегий в обществе не признается справедливым многими важными субъектами политической деятельности и государство не обеспечивает равного доступа граждан к общественным благам (в частности, регионы не согласны с действующей системой трансфертов).

2.5. Новое пограничье России: генезис, морфология и современные проблемы

Уникальность новых границ Распад социалистической системы в 1989 г. и последовавший вскоре распад ее краеугольного камня — СССР вызвал появление большого числа новых стран и обширного нового приграничья. Протяженность новых границ одной только России составила около 13 тыс. км. Примечательно, что общая длина границ бывшего СССР и РФ почти одинаковая — соответственно около 62 тыс. и 61 тыс. км. Граница со странами Балтии составляет 1025 км, со странами СНГ — свыше 12 тыс. км. Новые российские границы не оформлены с точки зрения международного права. Хотя работы по их делимитации ведутся (в частности, к 2000 г. на российско-украинской границе они были близки к завершению), большая их часть еще впереди. Нужно произвести соответствующие съемки, оформить их результаты документально и передать в ООН. Только после этого возможны работы по демаркации границы на местности.

После распада СССР новые российские границы оказались не только не оформленными в договорно-правовом отношении, но и не прикрыты в войсковом плане. Ведь за пределами России после распада СССР остались почти третья часть пограничных войск, от 30 до 40% сухопутных, морских и авиационных сил, а также наиболее оборудованные в инженерно-техническом отношении юго-западные участки с развитой инфраструктурой и системой пропуска (80% имевшихся в СССР контрольно-пропускных пунктов). В результате возможности пограничных войск сократились почти наполовину.

Россия по-прежнему стоит перед дилеммой: с одной стороны, необходимость укрепления экономической и иной безопасности требует и укрепления новых государственных границ. Различные темпы экономических преобразований, углубляющиеся различия в правовом пространстве, очевидно разные геополитические ориентации объективно способствуют усилению барьерной функции границ.

С другой стороны, ни Россия, ни большинство новых государств на ее рубежах не могут позволить себе колоссальные затраты, которых требует обустройство границ. Об их масштабах дают приблизительное представление следующие цифры. По данным Федеральной пограничной службы (ФПС) на конец 1995 г., инженерное обустройство 1 км границы в среднем стоило 200 тыс. долларов, строи-

2. Границы, государственное строительство,...

тельство одной пограничной заставы через каждые 15–20 км — 1000-1200 тыс. долларов; итого: 2-3 млрд долларов на саму границу плюс 5-7 млрд — на сооружение застав.

Поэтому некоторые внешние границы бывшего СССР сохраняют ряд функций, общих для нескольких стран СНГ. Российские пограничники оставались в 2000 г. на рубежах Таджикистана с Афганистаном и Армении с Турцией и Ираном.

Таким образом, Россия — уникальная страна, поскольку имеет вынесенные на рубежи бывшего СССР таможенные (в Белоруссии) и иные границы, в том числе в страну, непосредственно с ней не граничащую (Таджикистан).

Только в Таджикистане России с трудом удалось разделить бремя охраны этих беспокойных границ с пограничниками Казахстана, Киргизии и Узбекистана, хотя через Таджикистан открывается прямой доступ не только к среднеазиатским республикам и Российской Федерации.

Внешние угрозы

Для российской идентичности крайне важно восприятие характера и **остроты внешних угроз**, исходящих от различных участков границы. Сегодня Россия граничит с **16** иностранными государствами. Практически каждое из них имеет или имело в свое время территориальные претензии к России.

В Финляндии существуют силы, которые могут реанимировать вопрос о присоединении к ней Карелии и Карельского перешейка. Эстония официально отказалась от территориальных претензий к России, но там найдется немало политиков, готовых вновь претендовать на возвращение к границам, зафиксированным Тартуским мирным договором 1920 г., т.е. присоединение к ней Печорского района Псковской области и Кингисеппского района Ленинградской области (района Ивангорода). Подавляющее **большинство** населения этих районов всегда составляли русские: ныне из 41 тыс. жителей эстонцев лишь около **1,5** тыс. При этом Печорский район имеет для русской идентичности особое значение, поскольку там расположен один из древнейших городов Руси Изборск и **Псково-Печорский** православный монастырь, история которого насчитывает более 500 лет.

По сходным основаниям Латвия претендовала на Пыталовский район Псковской области (около 1300 кв. км, или 2% от территории Латвии). В январе 1992 г. латышский парламент принял

Раздел II. Политическая география

соответствующее постановление. Железнодорожный поселок **Пыталово** появился на карте России в 1860 г. и относился к Псковской губернии. По Рижскому договору **1920 г.**, **Пыталово** вместе со всей волостью вошло в состав Латвии, а с 1944 г. эта территория, в соответствии с волеизъявлением населения, возвращена России. Латышей в районе практически нет.

В трудах ряда современных украинских авторов настойчивой темой звучит несправедливость нынешних российско-украинских границ, якобы навязанных РСФСР и СССР Украине и не совпадающих с этническими, а также и украинско-польской границы, проведенной под нажимом СССР исключительно в пользу Польши, хотя никогда в истории Украина не существовала в столь широких границах, как теперь. Подчеркивается, что обширные районы Брянской, Воронежской, Ростовской областей, а также значительная часть Краснодарского и Ставропольского краев представляют собой украинскую этническую территорию, где, согласно переписи **1926 г.**, имелись районы чисто украинские и со смешанным населением, а всего проживало 5100 тыс. украинцев (66% населения этих территорий), подвергшихся насильственной ассимиляции и депортации.

Граница с Казахстаном менялась в различных районах по нескольку раз, что дает основания для территориальных претензий радикальным силам. Так, когда-то в нынешний Казахстан входили Омск, часть Оренбургской области и Башкирии. Китай претендовал на значительную часть Хабаровского края. Хотя подписано российско-китайское соглашение о делимитации границы, имеющее большое политическое значение, линия границы на двух важных участках, в том числе в районе острова Большой Тарабаровский около Хабаровска, до сих пор не согласована. Япония, как известно, требует отдать ей четыре острова Курильской гряды.

В «*Основах пограничной политики Российской Федерации*» сформулированы *11 угроз национальным интересам и безопасности России в пограничном пространстве*. Поэтому естественно дифференцировать обширную новую российскую границу по характеру и остроте угроз, используя их определение, данное в официальном документе, лишь объединив некоторые пункты.

Всего рассматривается девять видов угроз (табл. 17):

- территориальные притязания к России (1);
- **неопределенность** международно-правового оформления границы (2);

2. Границы, государственное строительство, ...

Таблица 17

Типология регионов нового пограничья по характеру внешних угроз

Регионы (области)	Типы угроз								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Ленинградская	1	2	3	1	2	1	1	5	5
Санкт-Петербург	2	2	1	2	2	1	1	1	1
Псковская	2	2	3	1	3	1	1	1	5
Калининградская	1	1	2	1	3	1	5	5	4
Смоленская	1	1	1	2	3	2	1	4	1
Брянская	1	1	1	2	4	2	3	4	5
Курская	2	2	2	2	4	3	3	4	3
Белгородская	3	3	2	2	5	4	2	4	5
Воронежская	3	3	2	2	3	3	4	3	3
Ростовская	3	4	3	3	5	5	4	5	5
Краснодарский	3	5	2	2	2	4	3	3	3
Карачаево-Черкесия	3	1	2	1	1	1	1	1	1
Кабардино-Балкария	3	2	2	1	1	1	1	1	1
Северная Осетия	5	5	4	2	1	1	1	5	2
Ингушетия	1	5	4	2	1	1	1	2	2
Чечня	5	5	4	2	1	1	1	2	2
Дагестан	4	3	3	3	2	1	1	5	3
Астраханская	2	2	2	4	3	2	1	3	3
Волгоградская	2	2	1	5	1	1	2	2	2
Саратовская	2	1	1	5	1	1	1	2	2
Оренбургская	1	2	2	3	3	2	2	4	4
Челябинская	1	1	1	4	4	2	2	3	3
Курганская	1	1	1	3	2	1	3	4	4
Тюменская	1	1	1	4	1	1	1	2	2
Омская	2	1	1	4	4	3	3	5	5
Новосибирская	1	1	1	5	3	2	3	3	3
Алтайский край	2	2	1	5	3	3	3	5	5
Республика Алтай	2	1	1	2	1	1	1	2	2

- нестабильность и напряженность обстановки в приграничье, связанная с отсутствием делимитации и демаркации границы (3);
- проявления в районах этнического и регионального сепаратизма, межнациональных и религиозных противоречий (4);
- расхищение национальных богатств и активизация контрабандной деятельности (5);

Раздел II. Политическая география

- нестабильность социальной обстановки и неконтролируемая миграция вследствие резкого снижения жизненного уровня в соседних странах (6);
- трансграничная организованная преступность, терроризм, неконтролируемая торговля оружием и наркотиками (7);
- региональные вооруженные конфликты вблизи границы России (8);
- риск природных и техногенных катастроф и трансграничный перенос загрязнителей (9).

Острота этих угроз была оценена экспертным путем в баллах (от 1 до 5) на основании многих исследований по каждой из 47 пар границ российских регионов и регионов бывших союзных республик. При этом наличие территориальных претензий и неопределенность правового статуса границ как фоновые показатели были оценены по двухбалльной системе, проявления сепаратизма и межрегиональных противоречий, региональные вооруженные конфликты, терроризм и нелегальная торговля оружием и наркотиками как наиболее опасные угрозы — по пятибалльной, остальные — по трехбалльной.

Таким образом, было произведено «взвешивание» опасности угроз. Суммирование баллов, набранных каждой из пар границ, показало, что наиболее беспокойные из новых российских границ — между Дагестаном и Азербайджаном (первое место), Краснодарским краем и Абхазией, Северной Осетией, Чечней и Западной Грузией (бывшей Юго-Осетинской автономной областью).

Примерно одинаковые баллы — у границ между российскими регионами и странами Балтии и южнорусскими и восточноукраинскими областями, но набор угроз в них разный, хотя для той и другой границы характерны серьезные последствия отсутствия международно-правового статуса, проблемы делимитации и демаркации, угрозы безопасности России, наносимые контрабандным вывозом цветных металлов и других товаров [см.: Колосов, Туровский, 1999].

В передовых странах граница для прилегающих к ней районов — давно уже не источник угроз им самим и стране в целом, а одна из основ благосостояния, фактор притяжения высокодоходных и инновационных сфер деятельности. Поэтому необходима и иная типология границ, *«позитивная»* — по перспективам и основным направлениям приграничного сотрудничества. Ее основаниями могут быть:

- перспективы совместного использования находящихся в приграничной зоне природных ресурсов;
- **комплиментарность** хозяйства приграничных регионов;
- возможности использования гуманитарных ресурсов, например, культурного и образовательного потенциала крупного города, расположенного вблизи границы;
- совместное использование рекреационного потенциала приграничных территорий;
- необходимость в совместных (коллективных) мерах по охране окружающей среды (например, трансграничных речных бассейнов), созданию и поддержке существующих заповедников, принятию мер по предотвращению рисков природных и техногенных катастроф, неблагоприятных и опасных природных явлений;
- возможности создания зон свободной торговли или свободного предпринимательства в приграничной полосе;
- возможности предоставления особого статуса приграничным районам с обеих сторон границы;
- необходимость в принятии любых других мер ad hoc, например, регулировании трансграничных систем расселения.

Пограничная политика, к сожалению, на многих направлениях остается заложницей большой политики. Например, каково будущее российско-грузинской границы в районе Сочи, если остается неопределенным статус Абхазии? Пограничное сотрудничество и деятельность пограничных служб в этих условиях становятся амортизатором, смягчающим на местном уровне последствия мер, принимаемых «наверху». Одна из долговременных задач — *сформулировать выгоды, которые может извлечь каждая область и каждый район из своего нового, приграничного положения*. Было бы целесообразно создать в ареалах интенсивного трансграничного взаимодействия (например, в порубежье украинского и российского Донбасса) «точечные», небольшие свободные экономические зоны.

Проблемы приграничных регионов и пограничная политика

Специфические интересы приграничных регионов можно условно разделить на экономические и гуманитарные. *Экономические интересы*

связаны прежде всего с установлением *особого режима для предприятий, традиционно связанных с партнерами на приграничной территории соседней страны*. Без создания живой и самовоспроизводящейся ткани сотрудничества, т.е. субъектов экономической деятельности по обе стороны границы, объединенных общими

Раздел II. Политическая география

хозяйственными интересами, невозможно запустить его экономический механизм, и любые экономические решения останутся большей частью благими пожеланиями. Для оживления предприятий в приграничной зоне существует целый ряд средств:

- освобождение от ввозных и вывозных пошлин, НДС, акцизных и других сборов;
- определение перечня продукции, вывоз которой в пределах местных квот возможен без пошлин и на основе местных лицензий;
- облегчение создания совместных предприятий и финансово-промышленных групп;
- упрощение таможенного оформления грузов, переправляемых в соответствии с договорами, заключенными между предприятиями приграничных районов двух стран;
- создание гарантированных условий трансграничных взаиморасчетов и взаимозачетов, отсутствие препятствий для финансовых потоков, для чего можно учреждать специальные совместные банки, и др.

Гуманитарные интересы заключаются, **во - п е р в ы х**, в облегчении режима пересечения границы для жителей приграничных территорий. Этого добиться легче, поскольку такая практика широко распространена во многих странах и регионах. Укреплению взаимного доверия и добрососедства способствует совместный пограничный и таможенный контроль.

Во - в т о р ы х, для жителей районов по обе стороны границы важно обеспечить равные права в сфере здравоохранения, образования, культуры и спорта. Иными словами, если в больнице приграничного поселка, допустим, нет специализированного кардиологического отделения, то гражданин должен быть уверен, что его примут в таком отделении, расположенном неподалеку, но по другую сторону границы, и т.п.

В - т р е т ь и х, администрации приграничных регионов добиваются освобождения своих жителей от применения к ним норм и квот на перемещение через границу продуктов, произведенных в личных хозяйствах, на провоз личного имущества и нетоварных партий грузов.

В - ч е т в е р т ы х, в условиях проницаемых границ важное место в контактах соседних областей занимает сотрудничество правоохранительных органов. Преступники не будут ждать, пока мес-

2, Границы, государственное строительство, ...

тные прокуратуры направят в свои столицы запрос на привлечение к их задержанию соответствующих органов соседней страны.

О том, какие сложные проблемы встали перед службами, контролирующими трансграничные потоки, можно судить по данным Таможенного комитета о российско-украинской границе в середине 1990-х годов. Таможенные пункты там уже тогда существовали или оборудовались практически на всех дорогах с твердым покрытием и действовали на магистральных железнодорожных **коммуникациях**. Однако помимо 35 основных дорог, где **были** обустроены комплексные пункты (пограничная, таможенная и другие службы), насчитывалось около 400 объездных путей, делавших российско-украинскую границу действительно «прозрачной» от таможенного контроля: на брянском направлении — до 120, белгородском — 80, ростовском — до 200. Ведь каждый приграничный населенный пункт России связан с украинскими поселениями грунтовыми дорогами. По этим дорогам, по подсчетам специалистов, бесконтрольно пересекали границу до 75% транспортных средств, вывозивших материальные ценности. С тех пор пограничные службы обеих сторон предприняли дополнительные меры по усилению контроля границы — вдоль нее **патрулируют** мобильные группы и т.п. Однако все полевые дороги перекрыть трудно.

Узкая полоса районов и поселений, непосредственно прилегающих к границе, особенно сильно пострадала от превращения внутренней политико-административной границы в государственную. Едва ли не классическим примером трудностей, с которыми сталкивается новое пограничье, стали районные центры **Чертково** (север Ростовской области) и Меловое (**Луганская** область) с населением соответственно 11 тыс. и 6 тыс. человек. Эти поселки практически срослись — их разделяет только линия железной дороги **Москва—Ростов** (примечательно, что вокзал находится на российской стороне, а грузовые склады — на украинской).

К *производственным* проблемам этих поселков можно отнести размещение отдельных подразделений и целых предприятий на территории соседней страны. В значительной мере отсюда проистекали таможенные **сложности** — например, с завозом скота на **мясоперерабатывающий** комбинат, который принадлежит России, но оказался разрезан на две части границей. Одной из острейших стала проблема *обмена трудовыми ресурсами между приграничными районами*, когда люди жили по одну, а работали по другую сторону границы. Злободневны и *социально-бытовые* проблемы, связанные с границей, — *совместное использование коммунально-бытовой и социальной инфраструктуры* (источников водоснабжения, больниц, школ и пр.), которая не всегда «задублирована» с той и другой стороны.

О значении барьерной функции государственной границы говорит простой пример: телефонный звонок из Черткова в Меловое стоит в шесть раз больше, чем в пределах Черткова.

Раздел II. Политическая география

Разумеется, со временем многие проблемы решаются, но местные бюджеты на это явно не рассчитаны. В целом не вызывает сомнения, что региональные и центральные власти должны оказать приграничным районам помощь в адаптации к их новому геополитическому положению и что они должны располагать специальным льготным режимом. Только как определить на практике *глубину пограничного пространства*? Должен ли льготный режим распространяться только на жителей пятикилометровой приграничной полосы, установленной в законе об охране государственной границы? Или же охватывать приграничные административные районы? Или, того больше, целиком субъекты федерации? Очевидно, что последний вариант нереален: российские края и области — огромные и разнообразные территории, которые нельзя целиком отнести к приграничным.

Решение этой проблемы — одна из основ пограничной политики. Вряд ли возможно учесть все извивы границ или найти исчерпывающий компромисс между интересами различных субъектов и разных видов деятельности. Для поиска оптимальных управленческих решений и разработки законодательных актов нужна объективная информация, отражающая всю сложность реальной картины.

Такую информацию призван дать, в числе прочего, анализ конкретной географической ситуации вдоль границы (линейное измерение) и изучение трансграничных потоков физических лиц, транспортных средств, грузов, энергии, загрязнителей, информации и т.д. (поперечное, точечное измерение).

Критериями для типологии границы по географической ситуации могут быть (по Колосову, Криндачу и Трейвишу):

- природные особенности — наличие на данном участке границы естественных препятствий;
- характер системы расселения с обеих сторон границы, что особенно важно для недавно возникших приграничных зон;
- «симметричность» расположения населенных пунктов, непосредственно прилегающих к границе (находящихся в пятикилометровой приграничной зоне);
- характер транспортной сети вблизи границы — число {плотность в расчете на единицу длины границы) автомобильных и железных дорог, пересекающих границу, в том числе с пограничными

2. Границы, государственное строительство,...

ми переходами; число (плотность) транзитных дорог, обеспечивающих кратчайший доступ из одного населенного пункта в другой через территорию соседней страны (частный случай — дороги, проходящие по линии границы). При этом следует различать дороги между двумя российскими поселениями через территорию соседней страны и, наоборот, дороги между двумя «зарубежными» населенными пунктами, «секущие» границу. Конфигурация дорожной сети в немалой степени определяет ситуацию на данном участке границы.

На основе этих критериев выделяется *два типа границы — с экстенсивным и интенсивным взаимодействием. Первый* из них включает *глухие границы, проходящие по природным барьерам* (например, по рекам, водоразделам); *глухие без ясно выраженного природного барьера*, разделяющего мало используемые территории (поля, леса и т.п.), и *асимметричные, или полуглухие* (в тех случаях, когда в приграничной полосе с одной стороны есть одиночный населенный пункт).

Второй тип можно подразделить на границы: *с повышенным локальным взаимодействием* (с обеих сторон границы находятся два одиночных населенных пункта, соединенных дорогой через линию границы); *пересекающие единую полосу сельского расселения*, расположенную на проходящей через границу транспортной оси, как правило, с пограничным переходом; *пересекающие единую городскую систему расселения* со многими дорогами, проходящими через границу, в том числе транзитными.

В связи с изменением геополитического положения России возросла *нагрузка на пограничную службу*, которая должна пропускать людские и транспортные потоки между бывшими союзными республиками. Российская пограничная статистика не в полной мере сопоставима с советской — изменились границы, изменилась и сетка пограничных округов. Тем не менее показательно, что в 1990 г. бывшую советскую границу пересекло 27,8 млн человек, а российскую в 1995 г. — уже 47,4 млн! Но и эта цифра, конечно же, намного занижена.

Поток людей и транспортных средств через границу нарастал лавинообразно, но весьма неравномерно во времени и пространстве. В наибольшей степени увеличилось число лиц, пересекших **советско-китайскую** границу, — в 2,4 раза всего за пять лет. Это даже больше, чем рост потока через западную границу бывшего Союза, хотя и там он вырос значительно — в 1,7 раза на участке

Раздел II. Политическая география

бывшего Западного пограничного округа (Белоруссия, Украина, Молдавия) и более чем в 1,5 раза — Прибалтийского.

Все это привело к еще большему доминированию в потоках людей западного направления, что ясно отражало внутривнутриполитические сдвиги и изменения во внешнеполитической ориентации страны в западноевропейском и в целом западном направлении. На долю западных пограничных округов приходится свыше 9/10 лиц, пропущенных через границу.

Международное сотрудничество и режим границ

Очевидный путь решения проблемы новых границ и пограничья — *сотрудничество между пограничными*

службами и приграничное сотрудничество в широком смысле. Речь идет об *освоении* новых российских границ — не только об их поэтапном обустройстве, но и урегулировании проблем, появившихся в результате трансформации советских административных границ в государственные и налаживании жизни населения приграничных территорий, выявлении их нового экономического потенциала, связанного с использованием пограничного положения, и проведении в этих целях специальной государственной пограничной политики.

Российская Федерация инициировала и подписала ряд много- и двусторонних соглашений о совместной охране границ с партнерами по СНГ.

Наиболее важные документы — Концепция и Соглашение о сотрудничестве в охране границ *стран—участниц* СНГ со странами, не входящими в Содружество, были приняты в мае 1995 г. президентами Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Киргизстана, России и Таджикистана. Официальной целью российской политики было восстановление совместной системы охраны границ во главе с Объединенным командованием пограничных войск и совместными региональными командованиями, а также создание единого визового пространства и единого режима для граждан третьих стран. Однако Украина и Азербайджан не поддержали этих документов. Несколько позже Туркмения ввела визовый режим для граждан России и других стран СНГ.

К 2000 г. ситуация на ряде участков новой российской границы осложнилась. Афганские фундаменталисты — талибы захватили районы, непосредственно прилегающие к Таджикистану. В результате возросла угроза распространения боевых действий на территорию бывшего СССР, риска неконтролируемой транспортировки

2. Границы, государственное строительство,...

оружия и наркотиков, перемещения беженцев и нелегальных мигрантов из Афганистана и других третьих стран не только в Таджикистан, но и в другие страны СНГ. Вызывают тревогу сообщения о том, что чеченские сепаратисты используют территории Грузии и Азербайджана, хотя их власти отрицают такие факты.

В 2000 г. Россия вышла из Бишкекского соглашения о безвизовом перемещении граждан в СНГ. В декабре 2000 г. по инициативе России введен визовой режим с Грузией. Вопрос о сохранении безвизового режима или его отмене РФ намерена отныне решать на двусторонней основе с каждой страной СНГ. Одна из причин — усиление контроля за перемещением рабочей силы. В целом режим границы для России — серьезный рычаг давления на ее соседей, миллионы граждан которых легально и нелегально работают на ее территории. Ясно, что если будет принято решение установить визовой режим на всех новых границах страны, то это потребует крупных вложений в пограничную инфраструктуру.

Наиболее радикальным и прогрессивным путем решения пограничных проблем было бы создание странами СНГ *сначала таможенного, а затем в перспективе и экономического союза*. Российское руководство пыталось сделать определенные шаги в этом направлении. Подписанный весной 1996 г. Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях между Россией, Беларуссией, Казахстаном и Киргизией предусматривает создание условий для свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и граждан четырех стран, а также гармонизацию их законодательств, совместную борьбу с организованной преступностью и международным терроризмом. Заключение тогда же Договора об экономическом союзе между Россией и Беларуссией ознаменовало новый этап в интеграции в этом «мини-СНГ». Впрочем, многие специалисты скептически оценивали перспективы реализации этих документов ввиду потерь российского бюджета из-за снижения таможенных поступлений. В любом случае формирование единого таможенного пространства протекает медленно, противоречиво и наталкивается на серьезные субъективные политические сложности. Имеются и существенные объективные проблемы, связанные с разными экономическими интересами партнеров, последствиями финансового кризиса 1998 г. и т.д. Поэтому таможенники вновь появляются то на одной, то на другой границе.

Тем не менее в октябре 2000 г. было принято решение о создании Евразийского экономического союза в составе пяти стран, входящих в Таможенный союз, что ознаменовало решимость их

Раздел II. Политическая география

руководства активизировать его деятельность. Россия заявила о намерении сохранить безвизовый режим для его членов.

Приграничное сотрудничество может сыграть большую роль в адаптации приграничных районов России и других стран СНГ к их новому геополитическому положению. Региональные политические и экономические элиты приграничных областей с первых месяцев после распада СССР **ощущали** необходимость в поддержании хозяйственных и гуманитарных связей. Они заключали двусторонние договоры о сотрудничестве между администрациями регионов. В 1993 г. был создан Совет приграничных областей, включающий ныне 18 регионов России, Украины и Белоруссии, причем не только примыкающих к границе. С российской стороны — Белгородская, Брянская, Воронежская, Курская, Ростовская, Тульская области, а также Краснодарский край; с украинской — Донецкая, Запорожская, Луганская, Полтавская, Сумская, Харьковская, Черниговская области и г. Севастополь, с белорусской — Гомельская, Могилевская и Витебская области. Их главы проводят регулярные совещания для обсуждения насущных вопросов.

Приграничные регионы претендовали на разделение полномочий с федеральным центром в регулировании внешнеэкономической деятельности на их территории и в сфере охраны государственной границы и экономических интересов государства, в частности на координацию деятельности пограничных и таможенных служб, право самостоятельно открывать временные пункты пропуска и, при согласовании с соответствующими органами, принимать решения о перемещении через границу машин, механизмов, материальных ресурсов, рабочей силы, необходимых для работ на приграничных территориях в рамках двусторонних соглашений.

Большим успехом Совета явилось подписание 27 января 1995 г. Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о **сотрудничестве** приграничных областей. Соглашение обязывает стороны содействовать развитию сотрудничества между приграничными областями и устранять препятствия для перемещения товаров и услуг, произведенных за счет местных ресурсов и предназначенных для потребления на этих территориях. Главное — создать правовую инфраструктуру для укрепления прямых связей между предприятиями.

Таким образом, приграничное сотрудничество может стать локомотивом, который может вытянуть весь комплекс связей между исторически столь тесно связанными странами, и в определенной мере буфером, амортизирующим сложности отношений на межгосударственном уровне. В зарубежном мире накоплен богатый опыт

2. Границы, государственное строительство,...

приграничного сотрудничества, который может быть использован центральными и местными властями России.

2.6. Опыт развития трансграничных районов в западноевропейских странах

Под **трансграничным районом** обычно понимается охватывающая части территорий двух или нескольких соседних стран социально-экономическая система, характеризующаяся определенным единством природной первоосновы и/или расселения, трудовых и культурно-бытовых связей населения, хозяйства, инфраструктуры, нередко также исторических, этнических и культурных традиций

В настоящее время в ЕС официально выделяются трансграничные районы Льеж — Хассельт — Маастрихт — Аахен (Бельгия, Нидерланды, ФРГ), Твенте — Восточный Гельдерланд — Вест-мюнстерланд (Нидерланды — ФРГ), Лондондерри — Донегал (Ирландия, Великобритания), Саар — Северный Люксембург — Северная Лотарингия (ФРГ — Люксембург — Франция), Долларт — Эмс (Нидерланды — ФРГ) и др.

Одни из наиболее развитых трансграничных районов в мире — Женевский и Базельский, и именно их опыт в значительной мере положен в основу недавно принятых документов ЕС и Совета Европы.

Формирование *Базельского трансграничного района* связано с историей города и его географическим **положением**. Длительное время рост Базеля в южном направлении сдерживали склоны Юры, в северном и западном — границы Швейцарии. В послевоенный период быстрое промышленное развитие и либерализация таможенного режима способствовали расширению агломерации, в том числе и за пределы национальной территории. Ныне Базельский район (общая численность населения — свыше 500 тыс. человек) включает 5 швейцарских коммун, 5 французских и 13 германских.

Развитию *Женевского трансграничного района* способствует морфология границ Швейцарии. Кантон Женева вошел в состав конфедерации в 1815 г. До этого Женевская республика была отрезана от своих швейцарских союзников участком территории Франции, однако с тех пор образовавшийся на ее основе кантон связан с основной частью страны узким, шириной на отдельных участках всего 2 км коридором Версуа. Граница кантона Женева с Францией состав-

Раздел II. Политическая география

ляет более 102 км, с другими кантонами — всего 4. Трансграничные связи Женевы асимметричны: в кантон прибывает ежедневно несколько тысяч фронтальеров⁶ из Франции. Частично соседние коммуны Франции превратились в спальные районы, а их сельское хозяйство ориентировано на обслуживание богатой Женевы. Женевский трансграничный район включает пять кантонов Швейцарии, семь департаментов Франции и итальянскую область Валле-д'Аоста.

Под приграничным сотрудничеством в Западной Европе понимается совместное решение хозяйственных и иных проблем местными органами власти соседних районов на основе напрямую заключаемых между ними соглашений. Его история насчитывает уже около 40 лет. Еще в 1963 г. в Базельском трансграничном регионе образованы Рабочая группа и Комитет по содействию ей, сфера деятельности которых распространяется на 1109 коммун во всех трех соседних странах. В Женевском регионе действует региональная комиссия по трансграничному сотрудничеству, решившая, в частности, трудные вопросы налогообложения фронтальеров и перераспределения части выплачиваемых ими налогов в Швейцарии в пользу соседних французских департаментов Эн и Верхняя Савойя. Кантон Женева, французский район Рона-Альпы и власти г. Лиона согласовывают свою экономическую и социальную политику, **совместно регулируют землепользование.**

В формировании международно-правовой инфраструктуры приграничного сотрудничества, соответствующей достигнутому уровню европейской интеграции, выделяется три этапа.

Первый этап начался с создания в 1969 г. Европейской Ассоциации трансграничных районов (ЕАТГ), что положило начало координации деятельности властей этих районов, способствовало осознанию их особых интересов и официальному их признанию органами ЕС.

Второй этап наступил в результате подписания в 1980 г. в Мадриде **странами—членами** Совета Европы Рамочной конвенции по трансграничному сотрудничеству территориальных коллективов. Конвенция, в частности, установила, что заинтересованные страны могут подписывать соглашения, регулирующие рамки и формы, в которых могут сотрудничать местные власти приграничных районов. В 1984 г. в соответствии с этой конвенцией пересмотрен статус ЕАТГ.

⁶**Фронтальерами** называют людей, совершающих ежедневные трудовые поездки (от дома к месту работы и обратно) через границу.

2, Границы, государственное строительство, ...

Отсчет третьего этапа развития приграничного **сотрудничества** можно вести с принятия в 1985 г. Европейской хартии местного самоуправления и в 1986 г. — Хартии Сообщества по регионализации, нашедших отражение в реформе Европейских структурных фондов с января 1989 г., предусматривавшей специальные меры по развитию трансграничных районов.

В том же году в Декларации о приграничном сотрудничестве в Европе Совет Европы заявил об особом приоритете их развития и необходимости скорейшей разработки его программ, охватывающих различные аспекты экономической, социальной и культурной жизни на уровне регионов и низовых административных единиц и при участии не только местных властей, но и других юридических лиц, а также специального раздела международного права. В 1990 г. были приняты региональные программы **INTERREG**, касавшиеся также и трансграничных регионов и составившие отчасти юридические рамки для деятельности созданных в них институтов.

Региональные и местные власти стран, подписавших указанные документы, имеют право напрямую заключать соглашения с местными властями соседних стран, касающиеся информации друг друга о своей деятельности (первый шаг), взаимодействия в области экономики, охраны среды, инфраструктуры, в социальной сфере, но особенно — в территориальном планировании и регулировании землепользования.

Принятие названных документов подвело итог важнейшему в новейшей истории Европы периоду глубокой структурной перестройки и интернационализации мирового хозяйства после кризиса 1973-1974 гг., который привел к коренным изменениям функций регионов в хозяйственном и культурном пространстве **промышленно** развитых стран.

Более глубокое разделение труда и специализация одних районов на сложных управленческих функциях и **НИОКР**, с одной стороны, и исполнительских, производственных — с другой, открытие границ для свободного передвижения товаров, капиталов и людей вызвали усиление конкуренции между районами за привлечение инвесторов, что, наряду с социально-политическими причинами, потребовало передачи им новых полномочий, более четкого разделения компетенций между центральными и региональными властями. Районы, расположенные по обе стороны границ, получили возможность сообща использовать свой потенциал

Раздел II. Политическая география

и преимущества нового географического положения в едином экономическом пространстве ЕС, что и было предусмотрено в Хартии Сообщества по регионализации и в других документах.

Для этого были необходимы новые формы территориально-политической организации, возрождения старой или формирования новой идентичности жителей трансграничных районов. Институтуальная организация таких районов, по мысли их идеологов, должна быть гибкой, соответствовать степени реальной интеграции и конкретным ситуациям.

Цель политики Совета Европы и ЕС в отношении приграничья — способствовать дальнейшему его превращению из периферийных районов с неблагоприятным положением в границах государственных территорий в связующие элементы хозяйства объединенной Европы и двигатель ее интеграции, реализации этнокультурной идентичности жителей многих трансграничных районов, «задавленной» национальными государствами.

Западноевропейские страны по-разному отнеслись к названным документам. Рамочную конвенцию ратифицировало большинство **стран—членов** Совета Европы. Некоторые из них, в первую очередь Германия с ее федеративным государственным устройством, попытались как можно полнее реализовать их, воспользоваться преимуществами, которые она получает благодаря положительному балансу трансграничных трудовых поездок. Более того, принципы этих документов применяются германскими землями и крайзами, граничащими не только со странами ЕС, но и Польшей и Чешской Республикой. Документы о приграничном сотрудничестве с местными властями этих стран были подписаны землями **Мекленбург, Бранденбург, Саксония** и Бавария, причем за основу был взят опыт сотрудничества земель Северный Рейн-Вестфалия и Нижняя Саксония с провинциями Нидерландов.

Однако некоторые страны подписали конвенцию с существенными оговорками, в том числе Испания и Франция. Это не мешает их приграничным регионам и коммунам успешно развивать приграничное сотрудничество, действуя на неформальной основе, иногда на основе частного права. Остается острой проблема юридического непризнания совместно созданных органов трансграничных регионов национальными законодательствами.

2.7. Будущее мировой системы политических границ

Границы в будущем:
линии или зоны?

Изменения территориальных
идентичностей в результате транс-
формации мировой системы глу-

боко затрагивают функции государственных границ. В результате процессов интернационализации общественной жизни контактная функция границ активизируется. *Главной проблемой становится не локализация линии границы, ее демаркация и делимитация, а ее функции.* Используя концепцию основных форм общественной практики Харви, можно сказать, что материальные потоки и иные взаимодействия, обеспечивающие общественное воспроизводство и особенно воспроизводство «человеческого капитала» (качество трудовых ресурсов), все больше определяют свойства государственных границ [Harvey, 1989].

Другими словами, это означает, что территориальная экспансия более не рассматривается как средство увеличения влияния и мощи государства. Человеческий капитал и инновационность экономики — таковы самые важные факторы общественного прогресса, подъема благосостояния населения, а вовсе не обладание месторождениями полезных ископаемых или плодородными сельскохозяйственными землями.

Международное сообщество выработало определенный кодекс поведения на международной арене, не признающий агрессии, интервенции и использования силы в международных отношениях и для защиты прав родственного меньшинства (к большому сожалению, его действенность была поставлена в 1999 г. под сомнение в ходе кризиса в Косово).

Со времен Великой Французской революции демаркированные на местности границы государств служили также рубежами их законодательного, налогового, административного, экономического и политического пространства, средством регулирования трансграничных потоков товаров, капиталов и людей. Растущая прозрачность границ, особенно в отношении товарных потоков, свидетельствует о том, что

«тотальные» или «интегральные» закрытые границы становятся «дифференцированными», в разной степени проницаемыми для разных потоков, видов и субъектов деятельности.

Раздел II. Политическая география

Государство устанавливает для них разные границы (часто проходящие по разным рубежам). Они становятся все более сложно организованным и тонким фильтром, сортирующим трансграничные потоки. В результате разные социальные группы и виды деятельности получили «свои» границы и «свои» приграничные зоны. Так, для крупных предприятий таможенные сборы, пограничные формальности и потери времени для оформления грузов не играют заметной роли, тогда как для малых или средних они остаются серьезным препятствием, заставляющим их ориентировать свою деятельность на внутренний или местный рынки. Для бизнеса крупных компаний государственные границы не составляют значительных препятствий. Для них границы — просто удобные разделительные линии между этническими, лингвистическими и культурными ареалами.

Государственная граница не является только линией, очерчивающей пределы государственной территории и территориальных вод. Развитие транспорта, средств связи и международной торговли порождает появление границ далеко в глубине государственной территории ~ например, вокруг международных аэропортов, вокруг специальных таможенных и свободных экономических зон.

Границы в Мировом океане представляют собой целую систему (границы территориальных вод, экономических зон...). Таким образом, приграничные зоны охватывают не только пространства, прилегающие к границам с соседними государствами.

В целом система границ эволюционирует от единственных рубежных линий — к множеству, от линий — к зонам, от физических границ — к культурным, от непроницаемых барьеров — к линиям взаимодействия.

Таким образом, вдоль границы создается особый тип пространства, характеризуемый разной интенсивностью взаимодействия между соседними странами, в том числе интенсивностью трансграничных потоков.

Пограничное пространство может быть определено как социально-географическая зона вдоль границы или вокруг пункта в глубине территории страны, в пределах которой наблюдаются пограничные процессы и явления. Эти процессы и явления связаны с интересами соседних стран и взаимодействием между их экономическими, культурными, правовыми и политическими системами (см.: Кудияров, 1996).

2. Границы, государственное строительство,...

Пограничное пространство, или зона, характеризуется *протяженностью* (длиной), *шириной* (глубиной) и *насыщенностью* (плотностью).

Из этого определения следует, что чем дальше от границы и чем сильнее барьерная функция границы, тем, как правило, меньше интенсивность пограничных процессов и явлений — насыщенность пограничного пространства. Понятно также, что глубина пограничного пространства неодинакова. Поскольку оно формируется в результате взаимодействия экономического, культурного и других пространств соседних стран и носит, следовательно, интегральный характер, его рубежи представляют собой результирующую между границами зон взаимодействия «частных» пространств. Иными словами, границы экономических взаимодействий не совпадают с границами культурных контактов и т.д.

Активизация контактных функций границ привела к появлению четырех их основных типов (табл. 18).

В мире **доминируют полупроницаемые границы**. Границы *соединяющего типа* сформировались пока только в Северной Америке и Западной Европе, где, по-видимому, скоро возникнут и *интеграционные границы*. Границы между странами СНГ быстро эволюционировали от соединяющего типа к полупроницаемому. В СНГ имела и еще в принципе сохраняется возможность обойти этапы развития границ и приграничных районов, пройденные развитыми странами, но нерешенность задач государственного строительства, неотъемлемый элемент которого — создание системы границ, часто вступает в противоречие с интеграционными тенденциями, вследствие чего барьерные функции усиливаются.

Парадоксальным образом *регионом мира с самыми молодыми границами еще до распада Чехословакии, Югославии и СССР был Старый Свет*: «Европа — это машина по деланию границ», — писал Фуше [Foucher, 1991]. Если посмотреть на карту, отображающую все государственные границы, существовавшие в Европе, например, с XVI в., то весь запад материка кажется покрытым сплошной паутиной линий. Заключительный Акт Хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству, торжественно подписанный руководителями всех европейских государств, а также США и Канады в 1975 г., вовсе не зафиксировал нерушимых, «вечных» границ, как тогда предполагалось. Последствия многочисленных Перекроек европейской политической карты, происходивших волнами — после Первой и Второй мировых войн, после 1989 г.,

Внутренняя политика
по отношению
к приграничным
районам

<p>Идеологические и политические противостояние, национализм как государственная политика, изоляционизм, территориальные споры и претензии</p>	<p>Закрытость, интенсивные военные приготовления, высокая концентрация войск, пограничные инциденты и конфликты</p>	<p>Практическое отсутствие каких-либо обменов, закрытой в ходе деятельности воеваным целям, отток коренного населения</p>	<p>Ощущение коренным населением своей особенными сохранение в его памяти конфликтов прошлого, чувств несправедливости, часто — широкое распространение ирредентистских и/или сепаратистских настроений; значительные различия между коренным населением и мигрантами, прибывающими в целях поддержания особого режима</p>	<p>Особое внимание «центра» в связи с военными приготовлениями в целях предотвращения конфликта сепаратизма и ирредентизма, поддержания особого режима</p>
<p>Урегулирование на государственном уровне территориальных конфликтов, наличие договорной базы отношений, попытки реализовать объективные интересы, связанные с соседством, наряду с сохранением груза прошлого,</p>	<p>Сохранение повышенной милитаризованности и особого режима, частичная и асимметричная проницаемость границ, регулируемая системой ограничений</p>	<p>Ограниченные взаимодействия генерируются в основном на межгосударственном уровне</p>	<p>То же, начало формирования «интернационалистской» культуры среди слов, извлекающих выгоду из приграничных контактов? Нередко вытывают, связанных, как правило, с освоением «центра» признать ко-ренное население этнокультурным меньшинством и предоставить специальные права</p>	<p>Господство централизма и/или отсутствия специальной политики; реализация отдельных проектов, связанных, как правило, с освоением природных ресурсов</p>

Раздел II. Политическая география

сильно сказываются в хозяйственных и политических ландшафтах практически всех европейских стран.

Территории и политические **границы**, не контролируемые **суверенными** государствами

Неотъемлемым элементом системы политических границ в современном мире стали внутренние, существующие де-факто политические

рубежи между неконтролируемыми суверенными государствами территориями (НТ) и остальной частью суверенных государств.

На привычных всем нам политических картах каждое государство окрашено определенным цветом: Франция по традиции — розовым, Великобритания — зеленым, Германия — коричневым и т.д. Но порой границы на этих картах обманчивы: в начале 1990-х годов 27 государств не контролировали полностью свою территорию, из них 14 — хронически, на протяжении десятилетий. В их числе — Либерия, Сомали, Судан, Мьянма, Афганистан и многие другие. Похоже, что существование непризнанных государств (или НТ) стало неотъемлемым элементом мирового геополитического порядка. В 1945–1990 г. в 4] стране мира были развязаны гражданские войны. При этом в 15 странах часть территории была оккупирована иностранными **вооруженными** формированиями. Хотя в 1989–1996 г. число текущих вооруженных конфликтов несколько сократилось, в 1996 г. в 24 странах велось 27 войн. В результате через всю Евразию — от бывшей Югославии до Гималаев — протянулся целый архипелаг территорий, официально находящихся под юрисдикцией какой-либо страны, но на самом деле полностью управляемых собственными властями или же лидерами партизанских армий, полевыми командирами, наркобаронами и местными вождями. Многие никем не признанные республики существуют десятилетиями.

Конкретными причинами возникновения НТ чаще всего были острый национальный конфликт (например, на Кипре) и гражданская война, в которую нередко вовлекаются иностранные державы. Со временем все большую роль в их существовании начинают играть экономические интересы местных лидеров.

Источники существования НТ разные: иногда это *примитивное потребительское сельское хозяйство*, но чаще — *криминальная экономика: производство и торговля наркотиками, контрабанда, перепродажа оружия, отмывание денег* («Золотой треугольник» в Азии, часть Колумбии, контролируемая Медельинским наркокартелем).

2. Границы, государственное строительство, ...

По мнению российского экономиста **А. И. Неклессы**, для ряда НТ характерна деградирующая трофейная экономика, основанная на проедании ресурсов, доставшихся от предшествующих эпох и добываемых в результате нападения на соседей. Для социальной организации этих территорий часто свойствен возврат к архаическим, клановым формам, иррациональное, агрессивное поведение целых социальных групп [**Неклесса**, 1995]. Неконтролируемые территории можно найти в гетто крупнейших городов мира, куда не отваживается заглядывать даже полиция.

Неудивительно, что *неконтролируемые территории втянуты в длительные международные конфликты*, один из источников которых — их неурегулированный политический статус. Яркий пример непризнанного государства — Турецкая Республика Северного Кипра, созданная в ходе турецкой агрессии в 1974 г. и существующая в основном благодаря массивному турецкому военному присутствию. Турция — единственная страна, признавшая Северный Кипр.

Неконтролируемые территории можно разделить на несколько типов.

- *Квазигосударства*, обладающие всеми атрибутами нормального государства, власти которых полностью контролируют свою территорию. Это, например, Приднестровская Молдавская Республика, Абхазия, Нагорный Карабах, Турецкая Республика Северного Кипра. Многие квазигосударства уделяют большое внимание государственному строительству и, в частности, созданию своей особой **идентичности**, необходимой для легитимации их территории и **границ**. Квазигосударства стремятся к полному международному признанию и вступлению в ООН, обычно обосновывая свои требования этнокультурной спецификой населения, правом народов на самоопределение, относительной экономической самостоятельностью, длительностью существования де-факто в нынешних границах.

- Неконтролируемые территории, представляющие собой *мозаику районов с неустойчивыми границами*, находящихся под контролем местных князьков — крупных земельных собственников, полевых командиров, криминальных лидеров и т.п. Если у них в течение какого-то времени есть общие интересы, эти лидеры могут сотрудничать между собой, но могут и вести войну всех против всех. Примеры таких геополитических «черных дыр* — Гарм, Северный Афганистан, **Шан**, северные районы Камбоджи, юг

Раздел //. Политическая география

Судана, юг Анголы, Сьерра-Леоне, значительная часть Колумбии и др.

НТ могут быть классифицированы и по другим основаниям, например *происхождению и функциям*. Так, выделяются НТ, возникшие в результате:

* самоопределения региона с особой этнической или этнокультурной структурой населения (Северный Кипр, Палестина);

* распада многонационального государства (Абхазия, Приднестровье и др.);

• гражданской войны и/или иностранного вооруженного вмешательства (Северный Афганистан, Босния);

• деятельности криминальных и террористических группировок («Золотой треугольник», часть Колумбии).

Можно также классифицировать НТ по времени существования, числу и характеру субъектов политической деятельности, экономической основе, геополитической роли и т.п.

Число непризнанных государств растет, несмотря на сопротивление существующих стран. Ведь многие законные государства — многонациональные, а следовательно, и сами подвержены риску сепаратизма.

В этом — свидетельство явного разрыва между масштабами нивелирующих культурные особенности стран и регионов мирохозяйственных процессов, давно переросших рамки отдельных государств, и социокультурного разнообразия мира.

Большинство НТ расположено вдоль геополитических «разломов» — на рубежах между цивилизациями; западно- и восточнохристианской, между христианскими цивилизациями и исламским миром. Однако причины событий вокруг НТ никоим образом не могут быть сведены к «столкновению между цивилизациями», в терминах С. Хантингтона. Цивилизации основываются не только на религиозной общности, но и на сложном комплексе идей и представлений, лежащих в основе культуры, социальной практики и международных отношений.

Непризнанные государства и другие неконтролируемые центральными властями территории появляются чаще всего в районах с этнически смешанным населением, самосознание (идентичность) которого носит сложный и переменчивый характер.

2. Границы, государственное строительство,...

Такие районы типичны для бывшего порубежья между империями, рассматривавшими их как стратегические плацдармы. На протяжении веков они находились под контролем то одной, то другой стороны, что приводило к возникновению сложных смешанных **идентичностей**, которые, в свою очередь, становились объектом манипуляций заинтересованных политических сил и держав.

Эти районы называют лимитрофами. По мере удаления от ядра цивилизации ее признаки постепенно ослабевают, и наоборот, все более заметными становятся свойства соседней цивилизации. Районы, в которых сочетаются признаки обеих или даже нескольких цивилизаций, уподобляются проливам между островами. Народы, проживающие в этих проливах, постоянно вынуждены защищать свою идентичность против «наступающей суши» — ядер соседних цивилизаций, вследствие чего «проливы» отличаются особой конфликтностью [Шымбурский, 2000]. Подобный «пролив» отделяет российское **цивилизационное** ядро от центра западно-христианской, или европейской, и мусульманской цивилизаций.

Распад СССР и фактический уход России из большей части лимитрофа и связан с возникновением на ее рубежах ареала геополитической нестабильности и нескольких непризнанных государств. Однако попытки геополитического прогноза на основе концепции лимитрофа возвращают нас к традиционной геополитике силы. Безусловно, возникновение НТ нельзя объяснить только соперничеством между крупными державами: международное сообщество в принципе всегда выступает против сепаратизма.

Одним из непризнанных государств до недавнего времени была Чечня. Восстановление конституционного порядка в Чеченской Республике еще далеко не завершено и стоило стране двух войн.

Россия глубоко вовлечена в конфликты, связанные и с остальными четырьмя непризнанными республиками на территории бывшего СССР. Это — Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровская Молдавская Республика — ПМР.

Абхазия и Южная Осетия непосредственно примыкают к российским границам, а события в других прямо затрагивают российские интересы. В непризнанных республиках проживает немало граждан РФ. Больше всего их в Приднестровье, где российское гражданство имеют около 75 тыс. человек. Россия — главный, а в некоторых случаях и единственный участник политического уре-

Раздел /I. Политическая география

гулирования конфликтов вокруг непризнанных республик и гарант прекращения огня.

Сценарии эволюции
мировой системы границ

Неолиберальный сценарий предусматривает линейную эволюцию всех границ — от отчуждающих до интеграционных — благодаря влиянию процессов интернационализации и либерализации экономики, новым технологиям и развитию коммуникаций, растущему благосостоянию населения по обе стороны каждой пары соседних стран. Кроме того, осознание людьми опасностей обострения глобальной экологической, энергетической и других проблем стимулирует развитие международного сотрудничества, в том числе мирное разрешение территориальных споров на основе международного права между соседними странами или, по крайней мере, преодоление противоречий на основе отделения экономических и идеологических функций границы. Неолиберальные теоретики склонны полагать, что эксцессы национализма и абсолютизации права наций на самоопределение удастся преодолеть путем демократизации политической жизни «вширь» (в «новых» странах) и «вглубь».

Реалистический сценарий основывается на убеждении, что враждебные отношения между соседними странами могут быть улучшены и «замороженные» приграничные зоны оттают, поскольку объективные эгоистические интересы каждой страны будут диктовать более широкое использование для решения пограничных проблем рациональных переговорных механизмов.

Но делать чрезмерно оптимистические выводы явно преждевременно. **Национализм** остается ключевым элементом иерархии территориальных идентичностей, и таким образом, отношения между населением и территорией далеки от рациональных, основанных преимущественно на экономических принципах и соображениях безопасности. Территория и границы сохраняют свою символическую, эмоциональную роль для многих людей.

Недавние события в бывшей Югославии показали, что еще рано списывать в архив чисто территориальные мотивы в духе традиционной геополитики силы в политическом и военно-стратегическом планировании ведущих государств. Поскольку применение ядерного оружия невозможно, старые геополитические аргументы о важности контроля над стратегическими коридорами и горными перевалами, проходимыми для тяжелой военной техники, сохраняют определенную значимость и даже были подтверждены в ходе

2. Границы, государственное строительство,...

войн в бывшей Югославии, между Грузией и Абхазией, когда абхазские части получили по горным тропам подкрепления с Северного Кавказа.

Территория сохраняет определенную роль как ресурс, как экологический резерв (например, для размещения «грязных» производств или военных полигонов, которые должны быть удалены от районов с плотным расселением), а также как вместилище потенциальных запасов полезных ископаемых и как резерв сельскохозяйственных земель, в которых многие страны, особенно горные и находящиеся в аридном поясе, испытывают острый дефицит.

Нельзя забывать и о том, что теоретические дискуссии, увы, касаются главным образом

«интеграционных», открытых, мирных и хорошо делимитированных и признанных международным сообществом границ, которые пролегают в основном в Европе и Северной Америке и составляют всего 8% общей протяженности сухопутных государственных границ в мире.

Только на страны Азии и Африки приходится около 2/3 их протяженности (табл. 19), и именно в странах этих континентов при проведении границ нужды и чаяния населения были проигнорированы. Даже в Европе только 2% протяженности сухопутных

Таблица 19

География государственных границ в мире

Регион	Протяженность, км	Доля в протяженности, %	Число пар соседних стран (границ)	Доля в числе пар соседних стран, %	Доля в населении, %
Африка	80423	36	106	40	11.3
Азия	67424	30	64	24	58.3
Америка	52752	23	40	15	14.0
Европа	25836	11	55	21	16.4
Всего	226435	100	265	100	100

Примечание: таблица составлена до распада СССР, Чехословакии, Югославии и Эфиопии.

Источник: Foucher, 1991.

Раздел If. Политическая география

границ до распада социалистической системы были легитимированы голосованием избирателей на референдумах. Около 42% всей длины сухопутных границ в Африке — астрономические и геометрические, т.е. проведены по параллелям и меридианам, равноудаленным линиям и т.п., без какого-либо соответствия социальным реалиям.

Границы на Черном континенте были навязаны африканцам колониальными властями: около 20% нынешних сухопутных границ проведены британской администрацией, около 17% — французской, как правило, при полном игнорировании этнического, экономического и социально-культурного пространства [Foucher, 1991]. Если до настоящего времени насилие относительно редко применялось в Африке для решения территориальных споров, то только потому, что большинство правительств признало мудрость знаменитого решения Организации Африканского Единства о **не**рушимости постколониальных границ, принятого в 1964 г.

Пессимистический сценарий предусматривает дезинтеграцию многих нынешних государств по этническому принципу. *Самая апокалиптическая версия пессимистического сценария — борьба за самоопределение «большинства меньшинств» в странах Азии и Африки.* Например, в ряде стран насчитывается по несколько сотен народов (см. табл. 7). Можно себе представить, что произойдет, если все они начнут бороться за самоопределение. К сожалению, в пользу пессимистического сценария говорит то, что социальная модернизация (индустриализация, урбанизация, повышение среднего уровня образования) нередко ведет, как во многих бывших республиках Советского Союза и автономиях самой России, к повышению конкуренции между титульными группами и «мигрантами» за власть, контроль над ресурсами, престижные и лучше оплачиваемые рабочие места, жилье, землю. Эта конкуренция порождает вспышки радикального национализма, так как «титульные» политические и интеллектуальные элиты используют в борьбе за экономические блага групповую солидарность и идентичность как средство политической мобилизации этнических групп. Похожей была траектория развития фундаменталистских движений в Иране, Алжире и некоторых других арабских странах.

Риск распада государств зависит от многих факторов:

- геополитических (расколу способствует расположение районов с преобладанием меньшинств на периферии государственной территории, вблизи ареала, заселенного родственной этнической группой);

2. Границы, государственное строительство,...

- демографических (абсолютной численности меньшинства и его доли в населении страны в целом и административного района, в котором оно проживает, степени его **территориальной** концентрации, доли среди городских жителей);
- исторических (наличия у меньшинства опыта собственной государственности или автономии, «стажа» вхождения в нынешнее государство и др.);
- экономических (уровня урбанизации, валового дохода на душу населения относительно среднего по стране, сальдо миграций как показателя экономического положения: значительное сальдо миграций — как положительное, так и отрицательное — обычно ведет к усилению этнополитической напряженности);
- культурных (доли меньшинства, говорящей на родном языке, различий в вероисповедании с большинством);
- политических (уровня политической мобилизации меньшинства, в том числе наличия и влиятельности националистических партий и движений, других проявлений национализма).

Оценка риска дезинтеграции современных европейских государств на основе количественных и качественных показателей, отражающих перечисленные факторы, показала, что он наиболее велик в **порубежье** между наиболее и наименее развитыми, между мусульманскими и православными странами и регионами бывшего СССР [см.; Колосов и **Трейвиш**, 1996]. Распад де-юре даже одного государства чреват, как еще раз показали события в бывшей Югославии, тотальным пересмотром всей территориально-политической организации и системы границ в Европе.

Остаются политической реальностью **территориальные споры**, и вызванные ими вооруженные конфликты не могут быть исключены в ближайшем будущем. Хотя эффективность принятых международным сообществом правовых процедур урегулирования территориальных конфликтов, установления и поддержания мира там, где было применено насилие, возрастает, они явно недостаточны, чтобы положить конец кровопролитным приграничным войнам. В то же время применение силы для принуждения участников территориальных конфликтов выполнять решения международных организаций остается исключительно острой и противоречивой проблемой в международной политике.

Границы как таковые редко служат причиной войны — чаще всего они определяют факторы, способствующие возникновению конфликта. Слабые государства с небольшой государственной тер-

Раздел II. Политическая география

риторией обычно имеют более протяженные границы по отношению к своей площади и имеют меньше возможностей оказывать влияние на своих соседей. Так, партизанские движения в Южной Африке в 1970-1980-х годах имели базы на территории соседних стран, названных «**прифронтовыми**», увеличивая тем самым риск распространения военных действий.

Националистические движения остаются мощной силой во многих регионах мира.

Принцип ничем не ограниченного права наций на самоопределение находится в очевидном противоречии с другим основополагающим принципом международного права — недопустимостью нарушения территориальной целостности и нерушимости границ суверенных государств.

Это главные факторы, заставляющие сомневаться в осуществимости неолиберального и даже реалистического сценариев эволюции системы мировых границ. Поэтому важно определить районы наиболее высокого риска дестабилизации, в том числе обострения территориальных и пограничных конфликтов, особенно в зонах контакта между наиболее развитыми и развивающимися странами, и в целом — сильных экономических, социальных и культурных градиентов. Как измерить эти градиенты и оценить риски — предмет дальнейших актуальных исследований.

Контрольные вопросы

1. Охарактеризуйте традиционные **теоретические** подходы к исследованию государственных границ в политической географии.
2. Назовите различные основания типологии государственных границ и приведите примеры.
3. В чем заключаются достоинства и недостатки функционального подхода к изучению государственных границ? Остается ли он актуальным?
4. Как связаны теория мировых систем и современные подходы к изучению границ?
5. Почему политические границы в мире (государственные и политико-административные) образуют единую систему?
6. Назовите основные различия между **примордиалистскими** и **инструменталистскими** теориями нации. Какое отражение они нашли в политической географии и, в частности, в изучении государственной территории и границ?
7. Что такое территориальная идентичность? Приведите примеры иерархической структуры территориальной идентичности.

2. Границы, государственное строительство,...

8. Какие методы используются современными государствами и политическими элитами для укрепления или создания территориальных **идентичностей** и как процессы национального и государственного строительства отражаются на системе политических границ и положении в приграничных районах?
9. Каковы особенности современных государственных границ России? В чем состоят проблемы нового российского **пограничья**?
10. Охрана каких участков государственных границ России вам представляется наиболее важной для предотвращения угроз национальной безопасности страны? Почему?
11. Что такое пограничное пространство и как определить его глубину?
12. Охарактеризуйте изменения функций границ нашей страны со странами СНГ в связи с эволюцией этой организации и отношений между Россией и ее членами.
13. Что, по вашему мнению, может почерпнуть Россия из опыта трансграничного сотрудничества между странами Западной Европы? Что такое трансграничный район?
14. Какие изменения происходят в мировой системе границ под влиянием процессов глобализации?
15. Что представляют собой неконтролируемые современными государствами территории и как они возникают?
16. Каково, по вашему мнению, будущее мировой системы государственных границ? Какие намечаются сценарии ее эволюции?

Использованная литература

- Географические границы*/Под ред. Б. М. Эккеля. М., 1982.
- Гумилев Л. И.* От Руси до России. М., 1989.
- Дробизжева Л., Акаев А., Коротеева В., Солдатова Г.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. М., 1996.
- Колосов В. А., Трейвиш А. И.* Этнические ареалы современной России: сравнительный анализ риска национальных конфликтов//ГТолис. 1996. № 2. С. 47-55.
- Колосов В. А., Туровский Р. Ф.* Типология новых российских границ//Известия РАН, сер. Географическая, 1999. № 5. С. 40-48.
- Кудяров В.* Пограничные пространства России//Границы России. 1996. № 2. С. 77-83.
- Миллер А. И.* О дискурсивной природе национализма//Pro et Contra. 1997. Vol. 2. № 14. С. 141-152.
- Мироненко И. С., Вардомский Л. Б.* К проблеме изучения границ экономико-географических систем//Географические границы/Под ред. Б. М. Эккеля. М., 1982. С. 38-46.
- Некlessа А. И.* Крах истории или контуры Нового мира?//Мировая экономика и международные отношения, 1995. № 12.
- Тишков В. А.* Идентичность и культурные границы//Идентичность и кон-

Раздел // Политическая география

- ФЛИКТ** в постсоветских государствах/Под ред. М. Олкотт, В. Тишкова и А. Малашенко. М., 1997. С. 15–43.
- Украинская государственность в XX веке, Киев, 1996.
- Цымбурский В. Л. Россия — Земля — Великим Лимитрофом. М., 2000.
- Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983.
- Foucher M. Fronts et frontières. Un tour du monde géopolitique. Paris, 1991.
- Galtung J. Coexistence in Spite of Borders: On the Borders in the Mind// W. Galluser, ed. Political Boundaries and Coexistence. Bern, 1994. P. 5–14.
- Goertz G., Diehl P. F. Territorial Changes and International Conflicts. N.Y., 1992.
- Harvey D. The Condition of Post-Modernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford, 1989.
- House J. W. Frontier on the Rio Grande: A Political Geograpy of Development and Social Deprivation. Oxford, 1982.
- Kolossov V., O'Loughlin J. New Borders for New World Orders. Territorialities at the fm-de-siecle//GeoJournal, 1998. Vol. 44. № 3. P. 259–273.
- Kolossov V., O'Loughlin J. Pseudo-States as Harbingers of a New Geopolitics: The Example of the Trans-Dniestr Moldovan Republic (TMR)//D. Newman, ed. Boundaries, Territories and Postmodernity. London, 1999. P. 151–176.
- Minghi J. V. Boundary Studies in Political Geography. Annals, Association of American Geographers. 1963. Vol. 53. P. 407–428.
- Paasi A. Territories, Boundaries and Conciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. Chichester, 1996.
- Pirie P. S. National Identity and Politics in Southern and Eastern Ukraine// Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. P. 1079–1104.
- Prescott J. R. V. Political Frontiers and Boundaries. London, 1987.
- Raffestin C. Autour de la fonction sociale de la frontière//Identités, Espaces, Frontières. Paris, 1993. P. 157–164,
- Sahlins P. Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenées. Berkeley, CA., 1989.
- Starr H., Most B. Inquiry, Logic, and International Politics. Columbia, 1989.

Глава 3

ФЕДЕРАЛИЗМ В ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

3.1. Понятие и формы современного федерализма

Что такое федерализм? Почему нынешнее российское государство — **ф е д е р а ц и я**? Только ли потому, что оба его предшественника — СССР и РСФСР, **границы** которой унаследовала Россия, были федерациями? Обязательно ли столь многонациональное и столь обширное по **территории** государство должно быть федерацией? Каких целей можно достичь, используя мировой опыт строительства федеративных государств, а какие — недостижимая утопия?

При всей неповторимости России и ее претензиях на «особый» путь исторического развития, есть ли в мире какие-либо федерации, более всего похожие на нее по размаху внутренних различий и противоречий, по своим государственным институтам? Их опыт мог бы пригодиться России и, возможно, дать ответ на sacramентальный вопрос, а жизнеспособна ли нынешняя форма российского государственного устройства, можно ли создать полноценные субъекты федерации на базе бывших советских автономий, краев и областей. К какому типу федеративных государств принадлежит нынешняя Россия? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно прежде всего определить, что такое **ф е д е р а л и з м** и какие государства считать федеративными.

Определения федерализма, данные отечественными и зарубежными авторами, основываются главным образом на трех критериях — наличии:

- двухзвенной территориальной структуры государственного управления;
- хотя бы одной сферы деятельности, в которой низшее, региональное звено не зависит от высшего, общенационального;

Раздел II. Политическая география

- гарантий самостоятельности двух уровней управления в пределах их **компетенций**.

К этому можно добавить, что главный критерий истинно федеративного государства — использование прежде всего территориального принципа в организации равного политического представительства граждан на региональной основе или, иными словами, конституционное обеспечение участия регионов в процессе принятия решений в общенациональном центре и права регионов на сохранение своей **«особости»**. Этот принцип в федерации может быть нарушен лишь посредством применения чрезвычайных конституционных процедур (никоим образом не просто большинством голосов в парламенте или решением исполнительного органа).

Из этого вытекают два важных следствия.

Во - п е р в ы х, в настоящей федерации центр не имеет права ликвидировать или изменять границы субъектов федерации.

Во - в т о р ы х, нормальное функционирование федеративного государства возможно лишь на основе партнерства, постоянного поиска компромиссов, приверженности переговорному процессу, проявления взаимной терпимости и признания законных специфических интересов как центром — у субъектов федерации, так и субъектами — у центра и у друг друга.

Федеративный процесс имеет, таким образом, *ярко выраженное политико-культурное измерение*. Для того чтобы объективно существующее этнокультурное и/или региональное разнообразие страны нашло отражение в политическом процессе и структурировало его, нужна специфическая политическая культура, способствующая сотрудничеству между индивидами и основными социальными группами (*pillars*). Такое сотрудничество называют консоциализмом (*consocialism*).

Из этого можно было бы сделать вывод, что только демократические государства могут быть настоящими федерациями, ибо лишь демократическая форма правления может обеспечить нормальную процедуру переговоров между центром и членами федерации. Однако это не так. Федерализм всегда использовался в ряде стран Третьего и бывшего второго (социалистического) мира. *Федеральное мышление встречается и в культурах, основанных на коллективизме и иерархической организации общества*. Координация интересов регионов и центра вполне может протекать, например, в форме соглашения между политическими элитами, которые могут при этом преследовать цели:

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

- сохранения культурной (национальной) идентичности своей группы (региона);
- восстановления исторической справедливости к ней;
- устранения последствий неравномерного регионального развития;
- улучшения практики федеративного процесса и институтов федерализма.

Одно из емких и лаконичных определений федерализма гласит, что эта форма государственного устройства представляет собой *территориальную стратегию социального контроля для обеспечения сосуществования различных этносов и/или регионов* [Enloe, 1977]. Энциклопедический словарь «Федерализм» определяет его по формальным признакам как

государственность, в основе которой лежат «формирование государственного пространства как единого целого из территорий членов (субъектов) **федерации...**; субъекты федерации обычно наделяются учредительной властью, обладают ограниченным суверенитетом, включая принятие собственной конституции; компетенция между федерацией и ее субъектами разграничивается союзной конституцией; каждый субъект имеет свою правовую и судебную системы; одновременно существует единое федеративное гражданство и гражданство союзных единиц» [Федерализм, 1997, с. 244–245].

«Истинная» федерализация отличается от **д е ц е н т р а л и з а ц и и** в унитарном государстве тем, что последняя *не уничтожает иерархии «центр — периферия», тогда как в федеративном государстве нет контролирующих и подчиненных центров*, а есть лишь большие или меньшие арены политической деятельности. Суть федерализма — в разных управленческих функциях, реализуемых на разных политических аренах и в разных целях.

Сформулировано десять вопросов, первые четыре из которых позволяют отличить, с одной стороны, федерацию от конфедерации, а шесть остальных, с другой — федерацию от унитарного государства [Duchacek, 1986]:

- Имеют ли центральные власти исключительный контроль над внешней политикой и обороной страны?
- Имеются ли конституционные гарантии против сепаратизма и распада государства?

Раздел II. Политическая география

- Зависит ли деятельность центральных властей от одобрения и материальных ресурсов отдельных частей государства?
- Кто обладает правом окончательного принятия поправок к конституции?
- Обладают ли составные части государства гарантиями территориальной целостности и нерушимости границ?
- Обеспечены ли гарантии равного представительства всех составных частей государства, независимо от их реального веса, в одной из палат парламента и их участие в принятии решений на общегосударственном уровне?
- Имеются ли независимые судебные системы на общегосударственном уровне и в составных частях государства?
- Имеется ли общегосударственная судебная инстанция, располагающая правом контроля над общегосударственной исполнительной властью и исполнительной властью в регионах?
- Сохранили ли региональные власти полномочия, которые общегосударственная конституция не отвела центральной власти? Существенны ли эти полномочия или носят второстепенный характер?
- Достаточно ли четко разделение компетенций между центральными и региональными властями?

Исходя из этой анкеты, Россия, безусловно, не конфедерация, поскольку стратегические решения принимаются центральными властями. По последним шести критериям Россия является де-юре федеративным, а не унитарным государством (безусловно отрицателен лишь ответ на седьмой вопрос, но ведь далеко не во всех федерациях мира субъекты имеют независимые судебные системы).

Однако не все государства, которые их конституции определяют как федеративные, полностью соответствуют перечисленным критериям. В то же время множество государств, основные законы которых воздерживаются от дефиниции их как федеративных, имеют типичные признаки федерации. Поэтому более правильное и более краткое следующее определение федерализма.

«Федерализм - институциональное соглашение о форме суверенного государства, отличающееся от других государств только тем, что его региональные единицы, согласно конституционно утвержденным процедурам, участвуют в процессе принятия решений центральным правительством» [King, 1982]

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

Федерализм определяют также как специфически открытую и неماжоритарную форму организации политической и культурной жизни граждан в многокультурных обществах или как форму политического компромисса между составляющими суверенное государство социально-(национально-)территориальными группами.

Федерациями, согласно конституции, являются 24 страны мира, в том числе такие крупнейшие, как Индия, США, Бразилия, Россия. В них сосредоточено около трети мирового населения и находится более 300 государственных образований.

Еще 22 государства юридически не являются федерациями, но их государственное устройство включает элементы федерализма. С географической точки зрения, эти квазифедерации могут быть подразделены на:

- малые островные государства — Антигуа и Барбуда, Фиджи, Папуа—Новая Гвинея, Соломоновы острова, Вануату—Новые Гебриды;
- западноевропейские демократические государства с длительными традициями регионализма — Великобритания, Италия, Испания, Нидерланды, Португалия, Финляндия;
- многонациональные страны Азии, Африки с компактно проживающими меньшинствами — Бирма, Гана, ЮАР, Намибия, Судан, Танзания. Эти квазифедерации основаны на соглашениях между их составными частями, имеющих конституционную силу.

Многоликость федерализма

В современном взаимозависимом мире принципы федерализма используются очень широко и не только на государственном уровне. «*Континуум федеративности*» становится все более длинным. «*Взрыв федерализма*» происходит и на уровне местных властей (федерациями можно назвать объединения муниципалитетов, например, в границах городских агломераций), проявляется и на надгосударственном уровне (в конфедерацию, по сути, превращается Европейский Союз), и в деятельности негосударственных организаций [Elazar, 1996].

Большая популярность принципов федерализма объясняется новой парадигмой в развитии мирового сообщества, которое становится все более взаимозависимым, сочетая разнообразие и единство, связанное с функционированием многочисленных сетей — распространением информации, финансовых потоков, товаров, энергии и т.п.

Раздел //. Политическая география

Взаимозависимый, «федерализирующийся» мир заменяет мир самодостаточных, более или менее однородных наций-государств, в **которых** власть концентрируется в единственном центре.

Принципы федерализма применены в **конституционных** соглашениях, связавших с метрополиями ассоциированные государства и территории. Таковых насчитывается 24; их общая площадь — 2,44 млн кв. км, население — более 13 млн человек. Федеративные соглашения встречаются в двух формах: 1) *ассоциированных государств*, в которых или основное, или присоединившееся государство могут в одностороннем порядке разорвать союз в соответствии с процедурами, установленными в учредительном акте; 2) *федераций*, в которых любое изменение в их внутреннем устройстве может быть осуществлено только при условии взаимного согласия обеих сторон.

|| Таким образом, четкой границы между федерациями и
|| **не-федерация** ми нет.

Легче сказать, какие государства не являются федеративными, чем дать исчерпывающее определение «настоящей» федерации. Разнообразие форм государственного устройства представляет собой континуум — от наиболее до наименее федеративных.

Федерализм — чрезвычайно многообразное понятие. Это:

- **форма** государственного устройства;
- политическая идеология и практика, сплав доктрин, убеждений, традиций и прагматических соображений;
- **социо-культурный** феномен;
- постоянный процесс поиска компромиссов между федеральным центром и субъектами федерации. Без такого процесса невозможно существование федеративного государства, поскольку суть федерализма — примирение стремления к единству (а следовательно, определенной централизации) и к разнообразию — самостоятельности и децентрализации. Поэтому конфликт между интересами федерации и ее членов, в частности по бюджетным проблемам, неизбежен и естествен, и нормальное функционирование федеративного государства предполагает действие эффективной системы сдержек и противовесов, позволяющих урегулировать столкновения между «центром» и «периферией».

Известный исследователь федерализма Д. Элазар различает федерализм как **средство разрешения противоречий между стремле-**

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

ниями к единству и разнообразию или межнационального примирения и федерализм как цель, как тип общества и государства, построить которые стремятся его отцы-основатели, учитывая характер политической культуры граждан. Соответственно и федеративный процесс, и устойчивость федеративного государства в первом и во втором случае разные. В качестве примера федерализма, используемого как средство разрешения противоречий, можно привести многонациональные федерации в Третьем мире — Нигерию и Индию. В качестве второго примера стран, в которых общество и государство организованы на принципах федерализма, — Швейцарию или США.

В недавней истории было немало случаев, когда федеративные структуры существовали в отсутствие федеративного процесса — в бывшем СССР, ряде стран Латинской Америки при диктаторских режимах.

Одним из критериев соответствия содержания федеративного государства его форме может служить соотношение людности федеральной столицы и других главных городов страны: гипертрофия столицы указывает на высокую концентрацию управленческих функций, свойственную централизованным политическим системам. Напротив, в полицентричных государствах — классических федерациях федеральная столица мало выделяется на фоне других крупных городов, например Берн, Берлин, Дели, или же она специально создана для выполнения своих функций, как Вашингтон, Оттава, Канберра, Бонн, Бразилиа.

В России исключительная гипертрофия Москвы — не столько по людности, сколько по экономическим и политическим функциям, парадоксальным образом усилившаяся в постсоветский период, явно не способствует укоренению традиций федерализма.

Между тем выполнение столичных функций каким-либо городом в федерациях — результат политического компромисса [Dikshit, 1975; Knight, 1981; Paddison, 1983] и в некотором смысле свидетельство доверия субъектов федерации друг другу и общему центру, одна из основ специфического «федералистского» менталитета.

Федерализм — это а социально-культурный феномен. Граждане федераций не мыслят свое государство иначе как федеральным. Другими словами, в иерархии территориальных идентичностей жителей федеративного государства должна быть высоко развитая региональная, а не только национальная (государственная) компонента. Значение социально-культурной составляющей федерализма в последние десятилетия, особенно по мере набравших темпы про-

Раздел II. Политическая география

цессов глобализации и интернационализации хозяйства, намного выросло.

В условиях глобализации общественной жизни федеративная форма государственного устройства, призванная найти баланс между централизацией и разнообразием, становится особенно актуальной, а социально-культурная составляющая федерализма приобретает первостепенную роль.

В России, за исключением «автономий», региональные идентичности слабы, что заметно осложняет складывание федерализма и «снизу», и «сверху». Удастся насчитать всего несколько природно-культурных регионов, рубежи которых не совпадают с административными границами, как, например, Мещера или Поморье. В этом, безусловно, сказывается не только наследие нетерпимого отношения к любым формам региональной самобытности в советскую эпоху, но и вообще культурные особенности России, в которой высокоцентрализованное государство сложилось еще несколько веков назад, до формирования современных наций (см. работы Л. В. Смирнягина). В сознании населения порой отсутствует понятие о федерализме. Все же «здоровый» регионализм, необходимый для федеративного государства, пусть и в рамках административных границ («псковские мы») в собственно русских областях, может быть стимулирован и возрожден.

Федерализм и социальная
(территориальная)
справедливость

В идее федерализма заложен потенциальный глубокий конфликт из-за несовместимости представительства регионов с представительством граждан.

Законодатель должен решить, что первично и на каком территориальном уровне — территориальное представительство или представительство граждан. Ведь территориальное представительство — это привилегия, оно идет дальше признания гражданских прав: одни социальные группы получают право на самоопределение, другие — нет. Неизбежно встают вопросы: *какие именно группы нужно поддерживать, предоставляя им право на территориальное самоопределение? На каком территориальном уровне? Кто имеет право это решать?* Федерализм, как правило, хуже учитывает интересы компактно проживающих и пестрых по составу городских групп, чем жителей сельской местности. Непозволительно смешивать право «исторических», «титულных» и т.п. общин на самоопределение с индивидуальными правами всех жителей территории.

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

Этот конфликт особенно актуален для многокультурных сообществ, в том числе для России, где существует то, что британский исследователь Р. Тарас назвал «*matrioshka nationalism*», и каждый субъект федерации — как бы еще одна федерация в миниатюре. Почему казаки, которые, по самым оптимистическим для них подсчетам, составляют в Ростовской области не более четверти населения, требуя восстановления Области Войска Донского, претендуют на решение всех принципиальных для территории вопросов? Почему татары должны решать все на своей этнической территории — в Татарстане, в то время как их решения затрагивают интересы всех, кто там проживает? Разнообразие не должно влечь за собой неравенства и социальной несправедливости. Федерализм отрицает диктат и гегемонию большинства, но чреват установлением *тирании меньшинства*, по крайней мере, в отдельных регионах, что наблюдается в некоторых российских республиках, например Адыгее, где титульной элите удалось конституционно закрепить привилегии коренного населения (право на половину мест в парламенте и др.).

Федерализм и национальный вопрос

Из определений федерализма ясно, что эта форма государственного устройства чаще всего используется во внутренне гетерогенных странах, а конкретнее — в странах с пестрым национальным составом населения и компактно размещенными этническими меньшинствами. *В таких странах федерализм служит чаще всего не столько целью создания общества на определенных принципах, сколько средством сохранения территориальной целостности.* Именно как средство поддержания единства эта форма государственного устройства была избрана в многонациональных странах (Индия, Пакистан, Нигерия, Индонезия, бывшая и нынешняя Югославия) и в странах с конфликтом между двумя главными нациями (Канада, Бельгия, бывшая Чехословакия).

Между тем федерализм, как показал исторический опыт, вовсе не может служить панацеей для решения «национального вопроса».

Есть, с одной стороны, устойчивые многонациональные федерации (Швейцария, Малайзия), однако с другой, федерализм не только не служит гарантией единства, но, наоборот, в определенных условиях может подорвать его. *Территориальность питает,*

а не удовлетворяет требования общин, так как дает этническим и конфессиональным меньшинствам набор мощных политических рычагов для реализации своих политических интересов, облегчает региональным политическим элитам доступ к материальным ресурсам. Жестко фиксируя этнолингвистические границы, федерализм создает и укрепляет триаду *«территория, государство, идентичность»* — основу национального государства, что может усилить групповую мобилизацию и сепаратистские устремления.

Известно, что практическое воплощение принципов национально-территориальной автономии в бывших СССР, Югославии, а также Чехословакии стало бомбой замедленного действия, в конце концов взорвавшей эти государства. Похоже, тот же процесс происходит теперь в Бельгии после начала так называемых конституционных реформ, превративших эту страну в федерацию и жестко закрепивших лингвистическую границу между валлонской и фламандской общинами. В Украине националистические силы не на жизнь, а на смерть боролись против предложения о федерализации страны, реализация которого действительно могла подорвать и без того крайне хрупкий баланс между ее регионами.

Известно также, что федеративными являются и относительно однородные по этнокультурному составу населения страны. Во всяком случае, страны, в которых нет значительных компактно проживающих меньшинств — Германия, Австрия, Австралия, США, ОАЭ, Венесуэла, Мексика, Бразилия, Аргентина.

Россию, строго говоря, нельзя с полным правом отнести ни к *сравнительно* однородным в этнокультурном отношении, ни к многонациональным странам. С одной стороны, доля в населении русских — главного по численности этноса превышает 80%, что соответствует представлениям о государствах, рассматриваемых как этнически однородные. С другой — этнические ареалы и вся история многих народов связаны с нынешней территорией России, что, безусловно, заставляет считать ее многонациональной страной (Валентей, 1996). Не случайно и по праву во время памятной дискуссии в Верховном Совете о названии страны в начале 1992 г. представители республик категорически настаивали на том, чтобы было принято наименование «Российская Федерация», а не просто **Россия**.

Этнокультурные конфликты чаще всего становятся причинами реформ государственного устройства.

3, Федерализм в территориально-политической организации общества

Трудно назвать страну, которая бы не знала в последние 20–30 лет этнотерриториальных конфликтов и в которой не было бы принято мер по изменению статуса отдельных регионов или не предлагалось проектов изменения государственного устройства и/или перекройки политико-административной карты.

Факторы возникновения и развития этнокультурных **конфликтов** представлены в табл. 20, где отражены их объективные и субъективные предпосылки, возможная эскалация требований меньшинства и реакция большинства (центральных властей). Среди объективных предпосылок выделяется *характер расселения меньшинства, изменение его доли и численности в населении*.

В последние годы **наблюдается** значительное превышение смертности над рождаемостью русского населения практически во всех городах и районах Северного Кавказа, резко контрастирующее с высоким естественным приростом титульных народов северокавказских республик. Несмотря на приток русских мигрантов, это стало одной из решающих причин вытеснения русских не только из сельской местности, но и из столиц этих республик, из районов, ранее населенных преимущественно русскими и присоединенных в послевоенные годы к республикам, а также к расширению **этнической** территории титульных народов на территорию собственно русских краев и областей. Быстротечность этого процесса значительно повышает потенциал этнотерриториальных конфликтов в регионе [Белоэров, 2000].

В табл. 20 детализирована градация этнополитических движений и требований. Эти движения можно условно разделить на:

- **регионалистские**, выступающие за реформы в рамках существующей системы государственного устройства и добивающиеся признания культурной самобытности своего района;
- **автономистские**, ставящие своей целью введение или расширение самоуправления либо создание федерации (конфедерации);
- **сепаратистские**, требующие объединения групп определенной национальности в границах одного государственного образования, ее возрождения, изменения государственных границ или создания нового независимого государства.

Национальный конфликт — практически идеальная основа для политической мобилизации всех слоев и социальных групп. Отток населения связывается с сокращением численности этнической группы, **уменьше-**

	МЕНЬШИНСТВО	БОЛЬШИНСТВО						
Объективные факторы	<ol style="list-style-type: none"> 1. Численность, территориальная концентрация и доля этнокультурного меньшинства в населении. 2. Характер размещения меньшинства по отношению к государственным границам; городам и культурным леситрам («городские» и «сельские» меньшинства). 3. Наличие родственного движения или диаспоры в зарубежных странах, в том числе соседних. 4. Характер естественного движения меньшинства в его ареале в сравнении с другими группами. 5. Баланс и этнический состав миграций в регионе, в котором сосредоточено меньшинство. 6. Региональное развитие и уровень благосостояния в регионе. 7. Наличие политических и социальных институтов, в том числе университетов, театров и т.д. 8. Границы автономии, субъекта федерации, администрации в целом, наличие территориальных претензий 	<p>Идентичность, особенно истории и формирования государственной территории, солидарной культуры. Позиция интеллигентной элиты, общественных движений и партий</p>						
Субъективные факторы	<p>Идентичность, особенности истории, культуры, стереотипов. Наличие творческой интеллигенции, общественных движений и партий. Позиция местных властей</p>	<p>Идентичность, особенности истории и формирования государственной территории, солидарной культуры. Позиция интеллигентной элиты, общественных движений и партий</p>						
Развитие конфликта	<p>ТРЕБОВАНИЯ</p> <p><i>Конкретные прова</i> признание; доступ к распределению, участие в принятии политических решений</p>	<p>РЕАКЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ НА ТРЕБОВАНИЯ МЕНЬШИНСТВА</p> <p><i>Права территориальной общности</i>: предоставление привилегий (налоговые льготы и т.п.); децентрализация; регионализация; автономизация, создание федерации; создание конфедерации; независимость (присоединение к другому государству)</p> <table border="1" data-bbox="721 451 913 690"> <thead> <tr> <th data-bbox="721 690 913 738">Тип</th> <th data-bbox="721 451 913 690">В экономической сфере</th> <th data-bbox="721 177 913 451">В политической сфере</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td data-bbox="721 738 913 771">Игнорирование, отказ, упрямство, компромисс (удовлетворение; увеличение субъекта требований); достижение (компромисса)</td> <td data-bbox="721 771 913 820">Учет в общей экономической и региональной политике; разработка специальных экономических программ; децентрализация экономической политики</td> <td data-bbox="721 820 913 902">Выделение в особую административную единицу; расширение компетенций ее властей; перекройка границ; реформа государственного устройства</td> </tr> </tbody> </table>	Тип	В экономической сфере	В политической сфере	Игнорирование, отказ, упрямство, компромисс (удовлетворение; увеличение субъекта требований); достижение (компромисса)	Учет в общей экономической и региональной политике; разработка специальных экономических программ; децентрализация экономической политики	Выделение в особую административную единицу; расширение компетенций ее властей; перекройка границ; реформа государственного устройства
Тип	В экономической сфере	В политической сфере						
Игнорирование, отказ, упрямство, компромисс (удовлетворение; увеличение субъекта требований); достижение (компромисса)	Учет в общей экономической и региональной политике; разработка специальных экономических программ; децентрализация экономической политики	Выделение в особую административную единицу; расширение компетенций ее властей; перекройка границ; реформа государственного устройства						

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

ние распространенности языка интерпретируется как утрата идентичности. Долгое время центральные власти разных стран пытались решить эти проблемы средствами обычной региональной политики, основывавшимися на технократических критериях подъема эффективности экономики и разрабатываемыми в центре. Изменения государственного устройства и политико-административных границ обычно требуют сложных конституционных процедур и высокой степени политического согласия в стране. Поэтому многие политические проекты не были реализованы. Так, не однажды дебатировались проекты политико-территориального переустройства Канады и ФРГ. Тем не менее в государственном устройстве многих стран произошли значительные изменения.

В Великобритании в 1998 г. состоялись референдумы в Уэльсе и Шотландии, на которых избиратели высказались за «деволюцию», т.е. формирование представительных органов и наделение новыми полномочиями региональных властей. В Швейцарии, «образцовой» конфедерации, длительное время не знавшей национальных конфликтов, развернулось движение за автономию франкоязычной части кантона Берн (население — около 60 тыс. человек), закончившееся в 1979 г. после 19 референдумов (!) созданием нового кантона Юра. Даже для Италии, 98% населения которой составляют итальянцы, вполне реальна перспектива стать федеративным государством в результате движения за автономию в северных областях, возглавляемого партией «Лига Севера», а в худшем случае — раскола. Правда, Европейский Союз служит, по выражению А. Трейвиша, в отличие от бывшего СССР, своеобразной ловушкой для районов-«беглецов». Дальше «большой Европы» им бежать все равно некуда, а в ней границы открыты.

3.2. Классификация федераций

Подходы к исследованию феномена федерализма столь же многообразны, сколь и его природа — политические, правовые, экономические, социологические, географические... Соответственно, можно найти множество оснований для классификации современных федераций, например, по:

- генезису;
- длительности существования;
- связи с национальными, этнокультурными и иными территориальными различиями в составе населения;
- равноправию субъектов федерации;

Раздел II. Политическая география

- динамике различий в их демографическом и экономическом потенциале;
- характеру идентичности;
- соотношению факторов интеграции и дезинтеграции, «симметричности»;
- институциональному устройству;
- масштабу и характеру выравнивания экономических диспропорций между регионами;
- уровню политической мобилизации (этно)региональных групп населения;
- мерам, принимаемым для предотвращения сепаратизма и сепаратизма, и т.д.

Можно различать *федерации, созданные снизу, на основе соглашения между элитами их составных частей, отражающими этнокультурную и иную дифференциацию территории* (в этом случае можно анализировать характерные этапы становления и развития федеративных отношений), и *сверху, по решению общегосударственной элиты, реализующей определенный политический проект*. В первом случае вновь возникающая политическая идентичность граждан федерации накладывается на уже существующие национальные (региональные) идентичности, во втором — национальная идентичность, как правило, развивается в конкуренции с политической.

Россию, как всегда, «аршином общим не измерить». С одной стороны, ее федерализация — явный результат давления снизу. Вспомним историю сравнительно далекую — первые послереволюционные годы, когда **ПОД** давлением мощных национальных движений были созданы многие нынешние республики, и совсем недавнюю — «парад суверенитетов*» и реальный риск дезинтеграции страны в **1991–1993** гг. С другой стороны, в большинстве собственно русских регионов федерализм насаждается сверху и остается чуждым местной политической культуре. Поскольку русских регионов больше, федерализм в России — все же в основном политический проект властей.

Среди причин формирования федераций выделяются:

- геополитические (чаще всего — совместное противостояние внешней угрозе, учет особенностей сорасположения составных частей страны по отношению к третьим странам — союзникам и потенциальным противникам);

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

- экономические (реализация выгод объединения государственных территорий и создание более широкого рынка);
- этнотерриториальные и нетерриториальные (признание прав компактно размещенных или дисперсных этнических или иных общин, устранение допущенных к ним исторических несправедливостей);
- необходимость политической мобилизации социально-территориальных групп населения.

Федеративные государства классифицируются также *по степени асимметрии отношений между центром и членами, неравенству членов федерации де-юре (в статусе), соотношению факторов, способствующих и противодействующих автономии регионов.*

В числе факторов дезинтеграции обычно фигурируют предшествующий опыт государственности, различия в экономической структуре, географически обусловленная изолированность регионов, региональные экономические интересы, этнические различия.

Выделяется *три теоретические модели федерализма: американская, швейцарская и канадская.*

• В американском понимании федерализма суверенитет принадлежит народу и различные уровни властей осуществляют только те полномочия, которые им делегированы народом, Американский подход к федерализму — **инструментальный**: важны результаты, которые можно получить с помощью федерализма, а не сам по себе процесс поиска согласования интересов для поддержания единства.

• Швейцария — первая современная федерация, построенная на этнолингвистической основе. Но все же заметим, Швейцарии «повезло», поскольку этнолингвистические границы в ней не совпадают с религиозными: в некоторых германоязычных кантонах большинство — протестанты, в других — католики. При этом границы между кантонами далеко не всегда следуют этнолингвистическим. Многочисленность субъектов федерации, отсутствие концентрации общин в крупных государственных образованиях изначально служили гарантом против конфликтов (рис. 14). Кроме того, для швейцарской модели характерна деполитизация потенциально конфликтных проблем путем делегирования полномочий на максимально низкий уровень — округов, коммун, а не кантонов.

• Канадская модель основывается не только на принципе создания многокультурного общества, но и на представлении о

Раздел II. Политическая география

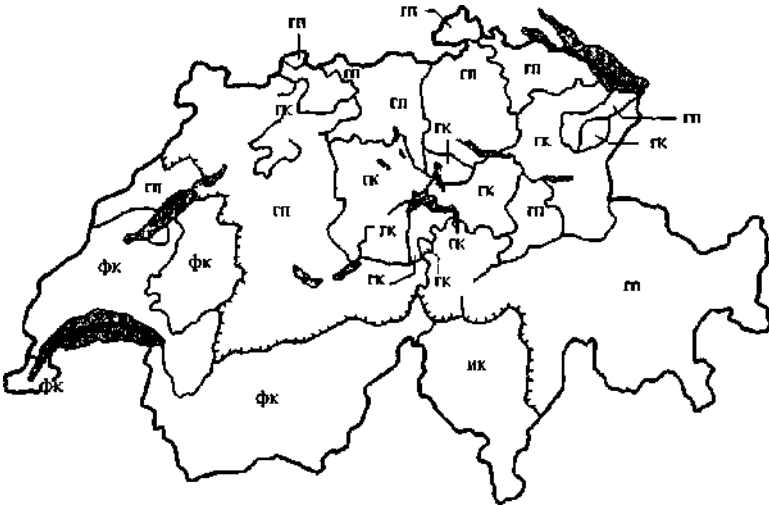

Рис. 14. Границы между районами распространения языков и религий и политико-территориальное деление Швейцарии.

1 — границы кантонов; 2 — граница кантонов с германоязычным большинством
Доминирующие языковые и религиозные группы в кантонах: ф — франкоязычная; и — италиязычная; г — германоязычная; к — католики; л — протестанты.

том, что федеральная система может сочетаться с парламентским режимом вестминстерского типа.

Несмотря на различия между моделями федераций, меры, которые в них предпринимаются для разрешения «вертикальных» и «горизонтальных» конфликтов (между центром и субъектами и между самими регионами) и противодействия дезинтеграционным силам, имеют много общего. Их можно подразделить на:

- *усиление централизации.* Так, даже в такой децентрализованной федерации, как США, в последние годы много писали о принудительном федерализме: принятии федеральных законов о том, что должны делать штаты, и нефинансируемых сверху федеральных программ (например, программ борьбы с бедностью в президентство Дж. Буша-старшего), трактуемом как отход от доктрины

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

разделения **компетенций**, отчасти отражающее зависимость штатов от федеральных фондов;

- умиротворение одной из сторон конфликта, ведущее часто к росту асимметричности во **внутрифедеральных** отношениях (одни субъекты становятся более равными, чем другие, — что и происходило в России в первые годы после распада СССР);

- изменение числа и границ субъектов — средство, используемое в федеративных государствах Третьего мира;

- введение немажоритарных государственных институтов;

- консоциализм — делегирование компетенций на максимально более низкий территориальный уровень самоуправления, что должно приводить к **деполитизации** проблем (швейцарская модель). Но в многонациональных государствах это средство пригодно лишь в случаях, когда этнические элиты реально контролируют власть в своих регионах. Важно, что любое меньшинство должно иметь право вето по важным вопросам, свою институциональную или территориальную автономию.

Россия — федерация совсем молодая, и ее политические элиты явно не достигли согласия в том, на каком уровне нужно поддерживать баланс между интересами центра и регионов. Власти на ходу пытаются овладеть специфическим арсеналом политических средств, позволяющих регулировать этот баланс. Пожалуй, самое сложное сейчас для них — это консоциализм, искусство маневрирования компетенциями, умение рационально распределять их между центром, регионами и местами.

Наконец, федерации можно классифицировать по формальным, но тем не менее имеющим очевидное политическое значение **признакам** — *численности субъектов федерации и размаху различий в их территории, населении и развитии* (табл. 21 и 22). Для современной России эта проблема имеет особое значение, так как при обосновании необходимости реформы политико-территориального деления и государственного устройства России часто ссылаются на огромные различия в территории, численности населения и экономическом потенциале ее субъектов.

Что касается территории, то, как показывает табл. 21, Российская Федерация не составляет исключения. Даже в небольшой Швейцарии самый крупный по площади кантон больше самого малого почти в 200 раз, а в Германии разница в территории между Бременом и Баварией — 175 раз. Сопоставим с российским, а иногда даже больше его разрыв в площади регионов в крупных странах, в

Т а б л и

№	И	Чис елю	Чис	Федератив		суда		Юс	Юс	Юс	Юс
				Горь	Юс	Юс	Юс				
1	4	443,4	39,2	3,58			1				
5	4	568,0	31,3	72			8				
5	5	1530,7	31,2	8,51			9				
		70,5	17,6	75			5				
		19,2	15,0	46			6				
7		2765,1	5,1	89			=				
		2525,5	5,9	15			5				
1		244,9	98,6	61			6				
		0,3	3,5	3			3				
		16,8	57,9	1,4			2				
		56,0	58,4	5			4				
3	8	155,8	4,4	15			3				
3	3	280,0	9,0	10			4				
	1	7,1	1,9	92			3				
		307,6	1,2	152			1				

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

которых столица выделена в особый округ, — Индии, США, Австралии, Канаде. В США (даже без учета федерального округа Колумбия) этот разрыв больше российского и составляет 487 раз. И все же в большинстве федераций разрыв не превышает первых десятков раз. Более того, территория субъектов РФ варьирует гораздо сильнее, чем во всех остальных федерациях мира, — коэффициент вариации превышает 17%, тогда как в других федерациях — не более 5—7, и только в США (без округа Колумбия) он достигает 8,4%. Иными словами, в России много очень мелких, по масштабам страны, и очень крупных субъектов федерации. Однако нет никаких доказательств, что более крупные юрисдикции всегда более эффективны, чем малые. Единственное, что можно утверждать — это то, что в определенных условиях экономически более эффективны крупные единицы, а в других — малые.

Более важны данные о людности регионов. Разница в населении Москвы и Эвенкийского автономного округа примерно такая же, как и в территории между Адыгеей и Якутией — около 400 раз. Больше (и намного) только различия в населении между регионами Индии. Даже в крупных странах амплитуда колебаний в демографическом потенциале субъектов федерации значительно, на порядок меньше, чем в России: в США, например, 66 раз, Австралии — 36, Мексике — 31, Канаде — всего 19 и только в Бразилии — 144. При этом нет связи между размером федерации и размахом различий в людности ее субъектов: так, в Швейцарии он довольно велик — 85 раз. По вариации численности населения между регионами Россия сопоставима с Индией, США и Бразилией; во всех остальных федерациях регионы распределяются по населению значительно равномернее.

В табл. 22 приведены данные о размахе внутренних различий в уровне социально-экономического развития в некоторых федерациях (наша задача здесь — именно сопоставление различий, а не сравнение абсолютного уровня душевых доходов, или ВВП, на душу населения в разных странах). *По размаху различий между самым богатым и самым бедным субъектом федераций Россия опять-таки не имеет аналогов*: в 1994 г. разница в среднедушевых денежных доходах между Москвой и Ингушетией составляла более 10,5 раза. Если взять среднедушевые денежные доходы, взвешенные по прожиточному минимуму в регионе, то разница будет несколько скромнее — 6,5 раза, что все-таки существенно выше, чем в других промышленно развитых федерациях, а также в Индии. Надо также учесть, что в России значительная часть доходов никак не

**Внутренние различия в уровне экономического развития
в некоторых федерациях**

Страны	Средняя величина, долл.	Коэф. вариации	Абсолютный размах вариации	Минимальный показатель	Максимальный показатель
Индия*	5583	1,73	3,68	265S	3769
Канада*	22801	0,88	1,02	15838	16175
ФРГ*	40838	1,48	3,51	22489	78898
Австрия*	197	0,67	2,27	127	289
Швейцария**	3421,00	1,25	2,41	23512	56550
США***	13866	0,99	1,80	10716	19336
Австралия****	12433	0,29	1,37	10999	15077
Югославия*****	35218,00	2,92	1,52	28490	43297
Россия*****	188,0	4,98	10,55	65,5	691,1

* ВВП на душу населения в Индии — в 1992 г., Канаде — в 1993 г., ФРГ — в 1995 г., Австрии — в 1989 г.

** Душевой доход (Volkseinkommen) в 1987 г.

*** Располагаемый личный душевой доход в 1993 г. в ценах 1987 г.

**** Доход на одного члена семьи в 1987 г.

***** Душевой доход в 1992 г.

***** Среднедушевой денежный доход в 1994 г.

учитывается — в частности, в северокавказских республиках, занимающих нижние строчки рейтинга регионов, что сильно влияет на амплитуду колебаний. Драматически выше в России, чем в других федерациях, и вариация уровня социально-экономического развития. Даже регионы Индии развиты более равномерно. Самые незначительные различия в уровне развития регионов — в Австрии.

Табл. 23 дает некоторое представление о многообразии институтов и устройства федеративных государств — «континууме федерализма». Однако практически во всех федерациях, кроме Микронезии, действует двухпалатный парламент, причем верхняя палата состоит из представителей регионов, избираемых непосредственно населением или местной legislaturой, или назначаемых. При этом есть федерации, в которых даже в верхнюю палату парламента члены федерации делегируют неравное число депутатов (ОАЭ, Малайзия, Канада). Субъекты большинства федераций располагают собственными органами судебной власти и legislaturой; несколько

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

В меньшем числе федераций субъекты располагают своей конституцией. Главы регионов большей части федеративных государств избираются населением.

На одном из концов спектра форм федеративного устройства — несомненно, Пакистан, одна из наиболее централизованных федераций, в которой центральное правительство широко вмешивается в жизнь провинций и существуют огромные диспропорции в уровне экономического развития и политическом весе субъектов. В этой стране губернаторы и члены высших судов провинций назначаются президентом. Исполнительная власть в провинциях осуществляется правительством и главным министром, назначаемым губернатором. Центральное правительство или губернатор как представитель центра могут по конституции взять на себя функции правительства любой провинции. Президент имеет право на основе собственного указа на срок до шести месяцев передавать полномочия провинциальной однопалатной легислатуры федеральному парламенту. Центр неоднократно пользовался своими широкими полномочиями. Например, в Белуджистане в феврале 1973 г. и декабре 1975 — июне 1976 гг. президентское правление было введено в связи с борьбой против сепаратистов в этой провинции.

Федеративный парламент Пакистана — двухпалатный. В верхней палате — Сенате все провинции представлены поровну — по 14 депутатов, в нижней палате — Национальном Собрании — провинции, федеральный округ и районы племен (управляются непосредственно центром) представлены пропорционально численности населения, и, следовательно, большей перевес имеют многонаселенные штаты. Так, Пенджаб имеет 115 мест, Синд — 46, а Белуджистан — только 11. Политическое неравенство отражает разительные диспропорции в экономических возможностях провинций. В 1980-х годах на провинции Пенджаб и Синд приходилось соответственно 54 и 40% крупных промышленных предприятий, дававших 39,7 и 53,4% промышленной продукции страны, тогда как доля Белуджистана составляла только 0,6 и 0,7%.

На другом конце спектра, в числе «децентрализованных» федераций находится, например, Австралия, каждый штат которой избирает двух- или однопалатную легислатуру, имеет Верховный Суд. Палата представителей федерального парламента избирается пропорционально численности населения, но права малонаселенных территорий гарантированы тем, что штат не может быть согласно конституции представлен менее чем пятью депутатами. Федеральная столичная территория имеет два мандата, а Северная территория — один. Федеральное правительство не может вмешиваться в компетенции штатов. Они весьма широки; штатам запрещено конституцией лишь формировать собственную армию, облагать налогом любую собственность, принадлежащую союзу, и выпускать собственную валюту.

Таблица

И	Вид	я	Наименование	наименование	и
Чис	Федер		здания	наименование	и
лар	цар		взрос	сфера	и
			субъект	бизнес	и
			субъект	интер	и
			субъект	интер	и

2
 2
 2
 2
 1

2
 2
 2
 2
 1

2
 *
 1

е
 х

3.3. Типы федераций в современном мире и некоторые особенности России как федеративного государства

Всякая типология условна, особенно когда речь идет об огромном разнообразии исторически сложившихся и нынешних факторов, влияющих на формирование федераций и их институтов в современном мире. Куда отнести, например, Индию? С одной стороны, эта страна — одна из немногих в Азии и Африке, в которых в течение всего периода после освобождения от колониальной зависимости действует режим парламентской демократии, где высоко развиты институты самоуправления в регионах, в каждом из которых сложилась своя политическая система.

С другой стороны, в Индии имеются колоссальные внутренние различия, индийская федерация чрезвычайно асимметрична, во многих ее штатах центр во имя сохранения единства неоднократно вводил президентское правление, а в государственном устройстве, в том числе и в наборе и границах субъектов, возможны крупные подвиги.

И все-таки можно выделить несколько типов федераций, характерных специфическими траекториями развития. На 24 конституционные федерации набирается не менее чем семь типов, к каждому из которых тяготеют формально унитарные государства, использующие в своем устройстве принципы федерализма (рис. 15).

• **Западноевропейский тип** — Германия, Австрия, Бельгия, Швейцария: старые западноевропейские демократии, связанные (Бельгия, Швейцария) или не связанные с национальной структурой населения, с длительными традициями самоуправления или независимой государственности составных частей, устойчивым соотношением между политической и этнической идентичностью. К этому же типу можно отнести многие западноевропейские государства — Испанию, Великобританию, Финляндию, Италию и др.

• **Североамериканский тип** — США, Канада, Австралия: старые англоязычные «переселенческие» федерации, созданные «снизу» в ходе строительства либеральной демократии, мало связанные с этническими и иными социальными различиями, с устойчивой политической идентичностью, высокой децентрализацией государственной власти.

• **Латиноамериканский тип** — Мексика, Аргентина, Венесуэла, Бразилия: старые «переселенческие» федерации, созданные «сверху» в результате распада испанской и португальской империй из частей их колоний, не связанные с этническими различиями

Раздел II. Политическая география

ями, асимметричные, с большим числом субъектов и высокой централизацией государственной власти, сочетающейся с развитыми институтами самоуправления в субъектах. Многочисленность регионов и асимметричность федерации — создание новых равноправных субъектов из территорий или путем деления «старых» штатов, особенно в районах нового освоения, — традиционно использовались в латиноамериканских странах как клапаны для регулирования внутрифедеральных отношений и социальной напряженности.

• **Островной тип** — Федеративные Штаты Микронезии, Сент-Китс и Невис, Коморские острова: молодые островные федерации, созданные в результате распада колониальных империй, асимметричные и слабоинтегрированные.

• **Афро-азиатский тип** — Индия, Малайзия, ОАЭ, ЮАР: молодые, но устойчивые централизованные федерации, созданные «сверху» на базе компромисса между элитами существовавших прежде феодальных государств и/или национальными элитами регионов, ставших субъектами федерации, высокоасимметричные, с сильными различиями в потенциале регионов, как правило, с сохранением существенных элементов авторитарного правления в центре и на местах. ЮАР, в которой процесс государственного строительства после слома режима апартеида еще не завершен, сочетает признаки «афро-азиатского» и «переселенческого» типов, регионы, основывающиеся на прежнем размежевании между независимыми бантустанами и традиционными историческими провинциями, возникшими в ходе освоения территории европейскими переселенцами.

• **Нигерийский тип** — Нигерия, Пакистан, Эфиопия, Мьянма: молодые высокоцентрализованные федерации с неустойчивыми авторитарными режимами, возникшие в результате деколонизации. Принципы федеративного устройства использованы в них центральными властями («сверху») как средство сохранения единства разнородных в этническом, социальном и экономическом отношениях регионов. Это федерации асимметричные, со слабыми и формальными институтами самоуправления на местах, узаконенным частым вмешательством центра в дела регионов, вплоть до коренной перекройки границ между ними.

В Нигерии, в которой наиболее полно воплощены особенности этого типа федераций, пытались создать территориальную, а не этническую федерацию, состоящую из примерно одинаковых

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

штатов, и проводить политику равного распределения постов в центральном правительстве, чтобы избежать гегемонии какой-либо этнической, региональной или племенной группы. Но экономические противоречия в отношениях между штатами совпадали с этническими, что уже трижды вызывало коренную перекройку политико-административных границ. Нигерийские власти хотят использовать плюсы федерализма, избежав его минусов.

Даже конституция определяет нигерийскую федерацию как «высокоцентрализованную». Список компетенций федеральной власти включает более 60 пунктов. Штаты не имеют собственного гражданства, своей конституции, не могут выступать в качестве субъектов международного права, не обладают правом выхода из федерации. Их исключительная компетенция — уголовное, гражданское и процессуальное законодательство, тогда как к совместной компетенции федерального центра и штатов относятся вопросы экономического развития, сбор налогов и распределение доходов, энергетика, высшее образование.

Российский федерализм:
была ли модель?

Нынешний российский федерализм чрезвычайно эклектичен, сочетая многие элементы из советского и даже имперского наследия с новейшими заимствованиями

из опыта либеральных демократий и собственными «наработками». Россию, наряду с Югославией, можно отнести к уникальному **«постсоциалистическому»** типу. Обе эти страны — молодые многонациональные федерации с глубокими внутренними этническими и социально-экономическими различиями, унаследовавшие асимметричность и использование в государственном устройстве принципа национально-территориальной автономии и диспропорции в соотношении политической (общегосударственной) и этнической **идентичности** граждан от своих исторических предшественников. К этому же типу принадлежала и бывшая СФРЮ.

Асимметричность «постсоциалистических» федераций заключается, в частности, в сосуществовании национальных и обычных регионов, в строительстве федерации одновременно **«снизу»**, как реакции на требования прежде всего **«национальных»** субъектов и средства сохранения единства, и **«сверху»**, как политического проекта верхов, в особенности в отношениях с чисто русскими регионами.

Используя асимметричные отношения как средство борьбы с сепаратистскими и **регионалистскими** тенденциями, российское руководство не раз балансировало на опасной грани быстрой и

Раздел II. Политическая география

хаотичной трансформации централизованной федерации в аморфную договорную конфедерацию: так было в период подготовки Федеративного договора, да и после его подписания в 1992—1993 гг., когда регионам в обмен на лояльность беспорядочно раздавали льготы и они провозглашали себя республиками, но центростремительные тенденции в целом оказывались сильнее.

Эта асимметричность отчасти объясняется объективными причинами — сосуществованием в границах одного государства регионов, находящихся на разных исторических стадиях развития общества — от доиндустриальных до постиндустриальных.

В России можно встретить самые разные типы политической культуры — от традиционалистской до различных разновидностей западной либерально-демократической.

Варируются и представления о том, каким должен быть российский федерализм. Носит ли он «этнический» или «территориальный» характер? Является ли политическим идеалом общества или средством сохранения единства страны? Структурой государственного управления или перестройки отношений между Москвой и регионами на новых началах? Имеет ли естественный, опирающийся на определенные традиции прошлого характер или навязан сверху? Служит ли целью государственного строительства или представляет спонтанную реакцию на текущие события и сиюминутные нужды? Ответы на эти вопросы в разных частях России дают разные, и соответственно в субъектах РФ устанавливаются разные политические режимы. Что немислимо в Москве или Петербурге, то вполне подходит для Калмыкии или Тувы. Естественно, следовательно, что есть риск возврата к авторитарному правлению, перехода к локальным деспотиям, феодализации страны и чрезмерного ослабления федеральной власти.

Поэтому столь важна для России *реинтеграция на новой основе*— культурной, экономической и политической. В политической сфере, на фоне сокращения циркуляции центральной печати и наметившейся тенденции к преимущественному развитию местных студий телевидения, особенно важно сохранение общенациональной политической сцены с общегосударственными политическими актерами — партиями и движениями.

Избирательный закон, введенный накануне выборов в Государственную Думу 1995 г., стимулирует по крайней мере формальное членство местных политических деятелей в федеральных партиях. Однако в России **пока** на основе общеэкономических, террито-

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

риальных, отраслевых и иных интересов сформировались лишь кланы, легко переходящие от поддержки одной партии к другой (хотя и в определенных пределах).

Реинтеграция и «национализация» в новых условиях — безусловно, необходимый этап развития федерализма в России — и потому, что возник он в значительной мере как реакция на риск дезинтеграции на рубеже 1980—1990-х годов, и потому, что политические элиты еще долго будут нащупывать его специфически российские формы. Недаром утверждается, что федерализм — более подходящая стадия на ранних или критических этапах существования государства, когда региональная идентичность становится сильнее общегосударственной [Smith, 1996]. На этом пути возможны попятные движения, возврат к централизаторским тенденциям, но пути назад нет, и общее поступательное движение неизбежно и в долго- и среднесрочном плане вряд ли обратимо.

Принцип территориальной целостности и нерушимости границ субъектов федерации — необходимый элемент настоящего федерализма, но в ряде государств он пришел в несоответствие с реалиями.

В этой связи звучат призывы к перекройке субъектов Российской Федерации, их более или менее насильственному укрупнению. Частные изменения, разумеется, могут произойти, но возможность более или менее значительного передела собственно «русской» части России, по-видимому, существовавшая в конце 1991 — начале 1992 г., была безвозвратно упущена.

Федерализм в Советском Союзе существовал как структура, набор институтов, но не как *процесс* — реальная практика согласования демократических интересов республик. Тем не менее было бы крайне ошибочно, а с позиций строительства федеративного государства в современной России и опасно утверждать, что наследие СССР как федерации сводится лишь к более или менее искусственным политическим границам в постсоветском пространстве, этнотерриториальным и другим этническим конфликтам.

Прежде всего, в России имелся опыт местного самоуправления на основе системы земства (см. главу 4), хотя и неизвестно, насколько его история сохранилась в коллективной исторической памяти народа. Далее, «искусственный» федерализм в СССР, как, впрочем, и в бывшей Югославии, и в Чехословакии, да и в ряде других многонациональных федераций, создал национальные политические элиты, а отчасти — и национальную интеллигенцию —

Раздел II. Политическая география

движущую силу национал-патриотизма и современных процессов строительства национальной и политической идентичности. «Федерализм создает региональные политические элиты там, где их прежде не существовало, рабочие места в управлении для региональных группировок, больше возможностей для переговоров о перераспределении власти...» [Smith, 1996].

Каждая политико-территориальная единица в бывшем Советском Союзе имела строго регламентированное право иметь собственные государственные ведомства, в том числе и внешнеполитические, пусть и рудиментарные, собственную Академию наук, национальные киностудии и оперные театры (союзные республики, кроме РСФСР) или **собственные** институты, занимавшиеся национальным языком, литературой, искусством (автономии), из которых, как правило, вышли многие лидеры национальных движений.

Опыт государственности, хотя бы и в такой ограниченной форме, как в бывших Югославии и СССР, имеет первостепенное значение в мобилизации этнических и/или региональных групп населения, в формировании их идентичности, а следовательно, и в эволюции политико-территориальной организации стран и целых регионов.

Да и в таких почти мононациональных, собственно русских регионах, как Приморье, до сих пор слышны ссылки на опыт эфемерной Дальневосточной республики. Поэтому как бы ни повернулись московские власти к нынешним субъектам РФ, какими бы слабыми многие из них ни были, каким бы противоречивым ни был исторический опыт федерализации последних лет, его уже невозможно вычеркнуть из истории российских регионов. Если и удастся «росчерком **пера**» отнять у регионов их действительную или мнимую самостоятельность, то только силовыми методами, при условии ликвидации демократии в России вообще.

Более или менее длительное существование административных, а тем более — политических границ между субъектами федерации, пусть даже поначалу и искусственных, не связанных ни с каким реальным членением территории, по данным многочисленных исследований как европейских, так и американских географов, оказывает значительное воздействие на сознание и, в частности, на электоральное поведение людей. *Между людьми, проживающими в пределах одного субъекта федерации или одной административной единицы, создается общность интересов*, и соседние сельские общины, разделенные политико-административной границей, часто

3. Федерализм в *территориально-политической* организации общества

голосуют совершенно по-разному — так же как центры соответствующих штатов или земель. Закрепление сначала в Федеративном договоре, а затем в Конституции административного деления, стабилизировавшегося на большей части территории России, с 1950-х годов способствует развитию или воссозданию региональной идентичности, хотя процесс этот весьма медленный.

Федерализм, по всей видимости, — теперь уже неизбежный путь развития российской государственности и в силу разнообразия природных и социально-экономических условий на огромной территории страны, национального состава населения многих регионов, и в силу уже приобретенного исторического опыта, т.е. и по морфологическим, и по генетическим причинам.

История нашего века знает несколько случаев распада федераций (Пакистан, СССР, Югославия, Чехословакия) и преобразования федеративных государств в унитарные (в многонациональных развивающихся странах). Несмотря на то что Россия унаследовала многие генетические особенности Советского Союза, у нее есть реальные шансы избежать дезинтеграции, поскольку ее «внутренняя **национальная**» оболочка гораздо больше интегрирована в экономическом и культурном отношении, чем большинство бывших республик, и экономические и культурные рубежи, как правило, не совпадают с границами субъектов федерации. Реальный федерализм может быть одним из средств сохранения целостности страны, хотя и далеко не единственным.

Во многих регионах России необходимо целенаправленное «культуривание» здорового регионализма, местного патриотизма, федеральной ментальности. Опыт работы по формированию политической и территориальной идентичности имеется во многих федеративных странах. Если в России федерализм будет развиваться и «сверху», и «снизу», на основе полезного опыта других федеративных стран, то ничто не мешает ей, несмотря на неблагоприятные стартовые условия, в достаточно короткой исторической перспективе стать «нормальной» федерацией.

Контрольные вопросы

1. Что такое федерализм? Как трактуют этот термин?
2. Какие проблемы стран с **федеративным** государственным устройством изучает политическая география?

Раздел II. Политическая география

3. По каким критериям можно отличить страну с федеративным государственным устройством от унитарной и конфедерации?
4. Какие принципы федерализма используют в территориально-политической организации общества на локальном и наднациональном уровнях и почему?
5. Каково соотношение основных принципов федерализма и территориальной справедливости?
6. На каких принципах урегулируют конфликтные ситуации между федеральным центром и субъектами федерации и между субъектами федерации? Какие политические институты для этого создаются?
7. Назовите страны, которые по конституции имеют федеративное государственное устройство.
8. Охарактеризуйте основные типы федераций в современном мире.
9. В чем, по вашему мнению, состоит специфика государственного устройства России как федеративной страны?
10. Какие основные проблемы государственного строительства стоят сейчас перед Россией как федерацией?

Использованная литература

- Белозеров В. С.* Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. Ставрополь, 2000.
- Бородулина Н. А.* Факторы перераспределения бюджетных средств между федеральным центром и **регионами**//*Известия РАН. Серия геогр.* 1995. № 6.
- Валентей С.* Российские реформы и российский федерализм//*Федерализм.* 1996. № 23-36.
- Федерализм.* Энциклопедический словарь. М., 1997.
- Dikshit P.* The Political Geography of Federalism. Delhi, 1975.
- Duchacek I.* The Territorial Dimension of Politics. Within, Among and Across Nations. Boulder and London, 1986.
- Elazar D.* From Statism to Federalism//A Paradigm Shift. International Political Science Review. 1996. Vol. 17. № 4. P. 417-429.
- Enloe C.* Internal Colonialism, Federalism and Alternative State Development Strategies. *Publius.*, 1977. Vol. 7. № 4. P. 145-160.
- King D. N.* Why do local authority rate boundaries differ?//*Public Administration.* 1982. Vol. 51. P. 165-173.
- Knight D.* Choosing Canada's capital. Conflict Resolution in a Parliamentary System. Ottawa, 1981.
- Paddison R.* The Fragmented State, The Political Geography of Power. Oxford, 1983.
- Smith G., ed.* Federalism: The Multiethnic Challenge. London; New York, 1996.

Глава 3

ФЕДЕРАЛИЗМ В ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

3.1. Понятие и формы современного федерализма

Что такое федерализм? Почему нынешнее российское государство — **ф е д е р а ц и я**? Только ли потому, что оба его предшественника — СССР и РСФСР, **границы** которой унаследовала Россия, были федерациями? Обязательно ли столь многонациональное и столь обширное по **территории** государство должно быть федерацией? Каких целей можно достичь, используя мировой опыт строительства федеративных государств, а какие — недостижимая утопия?

При всей неповторимости России и ее претензиях на «особый» путь исторического развития, есть ли в мире какие-либо федерации, более всего похожие на нее по размаху внутренних различий и противоречий, по своим государственным институтам? Их опыт мог бы пригодиться России и, возможно, дать ответ на sacramентальный вопрос, а жизнеспособна ли нынешняя форма российского государственного устройства, можно ли создать полноценные субъекты федерации на базе бывших советских автономий, краев и областей. К какому типу федеративных государств принадлежит нынешняя Россия? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно прежде всего определить, что такое **ф е д е р а л и з м** и какие государства считать федеративными.

Определения федерализма, данные отечественными и зарубежными авторами, основываются главным образом на трех критериях — наличии:

- двухзвенной территориальной структуры государственного управления;
- хотя бы одной сферы деятельности, в которой низшее, региональное звено не зависит от высшего, общенационального;

Раздел II. Политическая география

- гарантий самостоятельности двух уровней управления в пределах их **компетенций**.

К этому можно добавить, что главный критерий истинно федеративного государства — использование прежде всего территориального принципа в организации равного политического представительства граждан на региональной основе или, иными словами, конституционное обеспечение участия регионов в процессе принятия решений в общенациональном центре и права регионов на сохранение своей **«особости»**. Этот принцип в федерации может быть нарушен лишь посредством применения чрезвычайных конституционных процедур (никоим образом не просто большинством голосов в парламенте или решением исполнительного органа).

Из этого вытекают два важных следствия.

Во-первых, в настоящей федерации центр не имеет права ликвидировать или изменять границы субъектов федерации.

Во-вторых, нормальное функционирование федеративного государства возможно лишь на основе партнерства, постоянного поиска компромиссов, приверженности переговорному процессу, проявления взаимной терпимости и признания законных специфических интересов как центром — у субъектов федерации, так и субъектами — у центра и у друг друга.

Федеративный процесс имеет, таким образом, *ярко выраженное политико-культурное измерение*. Для того чтобы объективно существующее этнокультурное и/или региональное разнообразие страны нашло отражение в политическом процессе и структурировало его, нужна специфическая политическая культура, способствующая сотрудничеству между индивидами и основными социальными группами (*pillars*). Такое сотрудничество называют консоциализмом (*consocialism*).

Из этого можно было бы сделать вывод, что только демократические государства могут быть настоящими федерациями, ибо лишь демократическая форма правления может обеспечить нормальную процедуру переговоров между центром и членами федерации. Однако это не так. Федерализм всегда использовался в ряде стран Третьего и бывшего второго (социалистического) мира. *Федеральное мышление встречается и в культурах, основанных на коллективизме и иерархической организации общества*. Координация интересов регионов и центра вполне может протекать, например, в форме соглашения между политическими элитами, которые могут при этом преследовать цели:

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

- сохранения культурной (национальной) идентичности своей группы (региона);
- восстановления исторической справедливости к ней;
- устранения последствий неравномерного регионального развития;
- улучшения практики федеративного процесса и институтов федерализма.

Одно из емких и лаконичных определений федерализма гласит, что эта форма государственного устройства представляет собой *территориальную стратегию социального контроля для обеспечения сосуществования различных этносов и/или регионов* [Enloe, 1977]. Энциклопедический словарь «Федерализм» определяет его по формальным признакам как

государственность, в основе которой лежат «формирование государственного пространства как единого целого из территорий членов (субъектов) **федерации...**; субъекты федерации обычно наделяются учредительной властью, обладают ограниченным суверенитетом, включая принятие собственной конституции; компетенция между федерацией и ее субъектами разграничивается союзной конституцией; каждый субъект имеет свою правовую и судебную системы; одновременно существует единое федеративное гражданство и гражданство союзных единиц» [Федерализм, 1997, с. 244–245].

«Истинная» федерализация отличается от **д е ц е н т р а л и з а ц и и** в унитарном государстве тем, что последняя *не уничтожает иерархии «центр — периферия», тогда как в федеративном государстве нет контролирующих и подчиненных центров*, а есть лишь большие или меньшие арены политической деятельности. Суть федерализма — в разных управленческих функциях, реализуемых на разных политических аренах и в разных целях.

Сформулировано десять вопросов, первые четыре из которых позволяют отличить, с одной стороны, федерацию от конфедерации, а шесть остальных, с другой — федерацию от унитарного государства [Duchacek, 1986]:

- Имеют ли центральные власти исключительный контроль над внешней политикой и обороной страны?
- Имеются ли конституционные гарантии против сепаратизма и распада государства?

Раздел II. Политическая география

- Зависит ли деятельность центральных властей от одобрения и материальных ресурсов отдельных частей государства?
- Кто обладает правом окончательного принятия поправок к конституции?
- Обладают ли составные части государства гарантиями территориальной целостности и нерушимости границ?
- Обеспечены ли гарантии равного представительства всех составных частей государства, независимо от их реального веса, в одной из палат парламента и их участие в принятии решений на общегосударственном уровне?
- Имеются ли независимые судебные системы на общегосударственном уровне и в составных частях государства?
- Имеется ли общегосударственная судебная инстанция, располагающая правом контроля над общегосударственной исполнительной властью и исполнительной властью в регионах?
- Сохранили ли региональные власти полномочия, которые общегосударственная конституция не отвела центральной власти? Существенны ли эти полномочия или носят второстепенный характер?
- Достаточно ли четко разделение компетенций между центральными и региональными властями?

Исходя из этой анкеты, Россия, безусловно, не конфедерация, поскольку стратегические решения принимаются центральными властями. По последним шести критериям Россия является де-юре федеративным, а не унитарным государством (безусловно отрицателен лишь ответ на седьмой вопрос, но ведь далеко не во всех федерациях мира субъекты имеют независимые судебные системы).

Однако не все государства, которые их конституции определяют как федеративные, полностью соответствуют перечисленным критериям. В то же время множество государств, основные законы которых воздерживаются от дефиниции их как федеративных, имеют типичные признаки федерации. Поэтому более правильное и более краткое следующее определение федерализма.

«Федерализм - институциональное соглашение о форме суверенного государства, отличающееся от других государств только тем, что его региональные единицы, согласно конституционно утвержденным процедурам, участвуют в процессе принятия решений центральным правительством» [King, 1982]

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

Федерализм определяют также как специфически открытую и неماжоритарную форму организации политической и культурной жизни граждан в многокультурных обществах или как форму политического компромисса между составляющими суверенное государство социально-(национально-)территориальными группами.

Федерациями, согласно конституции, являются 24 страны мира, в том числе такие крупнейшие, как Индия, США, Бразилия, Россия. В них сосредоточено около трети мирового населения и находится более 300 государственных образований.

Еще 22 государства юридически не являются федерациями, но их государственное устройство включает элементы федерализма. С географической точки зрения, эти квазифедерации могут быть подразделены на:

- малые островные государства — Антигуа и Барбуда, Фиджи, Папуа—Новая Гвинея, Соломоновы острова, Вануату—Новые Гебриды;
- западноевропейские демократические государства с длительными традициями регионализма — Великобритания, Италия, Испания, Нидерланды, Португалия, Финляндия;
- многонациональные страны Азии, Африки с компактно проживающими меньшинствами — Бирма, Гана, ЮАР, Намибия, Судан, Танзания. Эти квазифедерации основаны на соглашениях между их составными частями, имеющих конституционную силу.

Многоликость федерализма

В современном взаимозависимом мире принципы федерализма используются очень широко и не только на государственном уровне. *«Континуум федеративности»* становится все более длинным. *«Взрыв федерализма»* происходит и на уровне местных властей (федерациями можно назвать объединения муниципалитетов, например, в границах городских агломераций), проявляется и на надгосударственном уровне (в конфедерацию, по сути, превращается Европейский Союз), и в деятельности негосударственных организаций [Elazar, 1996].

Большая популярность принципов федерализма объясняется новой парадигмой в развитии мирового сообщества, которое становится все более взаимозависимым, сочетая разнообразие и единство, связанное с функционированием многочисленных сетей — распространением информации, финансовых потоков, товаров, энергии и т.п.

Раздел //. Политическая география

Взаимозависимый, «федерализирующийся» мир заменяет мир самодостаточных, более или менее однородных наций-государств, в **которых** власть концентрируется в единственном центре.

Принципы федерализма применены в **конституционных** соглашениях, связавших с метрополиями ассоциированные государства и территории. Таковых насчитывается 24; их общая площадь — 2,44 млн кв. км, население — более 13 млн человек. Федеративные соглашения встречаются в двух формах: 1) *ассоциированных государств*, в которых или основное, или присоединившееся государство могут в одностороннем порядке разорвать союз в соответствии с процедурами, установленными в учредительном акте; 2) *федераций*, в которых любое изменение в их внутреннем устройстве может быть осуществлено только при условии взаимного согласия обеих сторон.

|| Таким образом, четкой границы между федерациями и
|| **не-федерация** ми нет.

Легче сказать, какие государства не являются федеративными, чем дать исчерпывающее определение «настоящей» федерации. Разнообразие форм государственного устройства представляет собой континуум — от наиболее до наименее федеративных.

Федерализм — чрезвычайно многообразное понятие. Это:

- **форма** государственного устройства;
- политическая идеология и практика, сплав доктрин, убеждений, традиций и прагматических соображений;
- **социо-культурный** феномен;
- постоянный процесс поиска компромиссов между федеральным центром и субъектами федерации. Без такого процесса невозможно существование федеративного государства, поскольку суть федерализма — примирение стремления к единству (а следовательно, определенной централизации) и к разнообразию — самостоятельности и децентрализации. Поэтому конфликт между интересами федерации и ее членов, в частности по бюджетным проблемам, неизбежен и естествен, и нормальное функционирование федеративного государства предполагает действие эффективной системы сдержек и противовесов, позволяющих урегулировать столкновения между «центром» и «периферией».

Известный исследователь федерализма Д. Элазар различает федерализм как **средство разрешения противоречий между стремле-**

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

ниями к единству и разнообразию или межнационального примирения и федерализм как цель, как тип общества и государства, построить которые стремятся его отцы-основатели, учитывая характер политической культуры граждан. Соответственно и федеративный процесс, и устойчивость федеративного государства в первом и во втором случае разные. В качестве примера федерализма, используемого как средство разрешения противоречий, можно привести многонациональные федерации в Третьем мире — Нигерию и Индию. В качестве второго примера стран, в которых общество и государство организованы на принципах федерализма, — Швейцарию или США.

В недавней истории было немало случаев, когда *федеративные структуры существовали в отсутствие федеративного процесса* — в бывшем СССР, ряде стран Латинской Америки при диктаторских режимах.

Одним из критериев соответствия содержания федеративного государства его форме может служить *соотношение людности федеральной столицы и других главных городов страны*: гипертрофия столицы указывает на высокую концентрацию управленческих функций, свойственную централизованным политическим системам. Напротив, в полицентричных государствах — классических федерациях федеральная столица мало выделяется на фоне других крупных городов, например Берн, Берлин, Дели, или же она специально создана для выполнения своих функций, как Вашингтон, Оттава, Канберра, Бонн, Бразилиа.

В России исключительная гипертрофия Москвы — не столько по людности, сколько по экономическим и политическим функциям, парадоксальным образом усилившаяся в постсоветский период, явно не способствует укоренению традиций федерализма.

Между тем *выполнение столичных функций каким-либо городом в федерациях — результат политического компромисса* [Dikshit, 1975; Knight, 1981; Paddison, 1983] и в некотором смысле свидетельство доверия субъектов федерации друг другу и общему центру, одна из основ специфического «федералистского» менталитета.

Федерализм — это а социально-культурный феномен. Граждане федераций не мыслят свое государство иначе как федеральным. Другими словами, *в иерархии территориальных идентичностей жителей федеративного государства должна быть высоко развитая региональная, а не только национальная (государственная) компонента*. Значение социально-культурной составляющей федерализма в последние десятилетия, особенно по мере набравших темпы про-

Раздел II. Политическая география

цессов глобализации и интернационализации хозяйства, намного выросло.

В условиях глобализации общественной жизни федеративная форма государственного устройства, призванная найти баланс между централизацией и разнообразием, становится особенно актуальной, а социально-культурная составляющая федерализма приобретает первостепенную роль.

В России, за исключением «автономий», региональные идентичности слабы, что заметно осложняет складывание федерализма и «снизу», и «сверху». Удастся насчитать всего несколько природно-культурных регионов, рубежи которых не совпадают с административными границами, как, например, Мещера или Поморье. В этом, безусловно, сказывается не только наследие нетерпимого отношения к любым формам региональной самобытности в советскую эпоху, но и вообще культурные особенности России, в которой высокоцентрализованное государство сложилось еще несколько веков назад, до формирования современных наций (см. работы Л. В. Смирнягина). В сознании населения порой отсутствует понятие о федерализме. Все же «здоровый» регионализм, необходимый для федеративного государства, пусть и в рамках административных границ («псковские мы») в собственно русских областях, может быть стимулирован и возрожден.

Федерализм и социальная
(территориальная)
справедливость

В идее федерализма заложен потенциальный глубокий конфликт из-за несовместимости представительства регионов с представительством граждан.

Законодатель должен решить, что первично и на каком территориальном уровне — территориальное представительство или представительство граждан. Ведь территориальное представительство — это привилегия, оно идет дальше признания гражданских прав: одни социальные группы получают право на самоопределение, другие — нет. Неизбежно встают вопросы: *какие именно группы нужно поддерживать, предоставляя им право на территориальное самоопределение? На каком территориальном уровне? Кто имеет право это решать?* Федерализм, как правило, хуже учитывает интересы компактно проживающих и пестрых по составу городских групп, чем жителей сельской местности. Непозволительно смешивать право «исторических», «титულных» и т.п. общин на самоопределение с индивидуальными правами всех жителей территории.

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

Этот конфликт особенно актуален для многокультурных сообществ, в том числе для России, где существует то, что британский исследователь Р. Тарас назвал «*matrioshka nationalism*», и каждый субъект федерации — как бы еще одна федерация в миниатюре. Почему казаки, которые, по самым оптимистическим для них подсчетам, составляют в Ростовской области не более четверти населения, требуя восстановления Области Войска Донского, претендуют на решение всех принципиальных для территории вопросов? Почему татары должны решать все на своей этнической территории — в Татарстане, в то время как их решения затрагивают интересы всех, кто там проживает? Разнообразие не должно влечь за собой неравенства и социальной несправедливости. Федерализм отрицает диктат и гегемонию большинства, но чреват установлением *тирании меньшинства*, по крайней мере, в отдельных регионах, что наблюдается в некоторых российских республиках, например Адыгее, где титульной элите удалось конституционно закрепить привилегии коренного населения (право на половину мест в парламенте и др.).

Федерализм и национальный вопрос

Из определений федерализма ясно, что эта форма государственного устройства чаще всего используется во внутренне гетерогенных странах, а конкретнее — в странах с пестрым национальным составом населения и компактно размещенными этническими меньшинствами. *В таких странах федерализм служит чаще всего не столько целью создания общества на определенных принципах, сколько средством сохранения территориальной целостности.* Именно как средство поддержания единства эта форма государственного устройства была избрана в многонациональных странах (Индия, Пакистан, Нигерия, Индонезия, бывшая и нынешняя Югославия) и в странах с конфликтом между двумя главными нациями (Канада, Бельгия, бывшая Чехословакия).

Между тем федерализм, как показал исторический опыт, вовсе не может служить панацеей для решения «национального вопроса».

Есть, с одной стороны, устойчивые многонациональные федерации (Швейцария, Малайзия), однако с другой, федерализм не только не служит гарантией единства, но, наоборот, в определенных условиях может подорвать его. *Территориальность питает,*

а не удовлетворяет требования общин, так как дает этническим и конфессиональным меньшинствам набор мощных политических рычагов для реализации своих политических интересов, облегчает региональным политическим элитам доступ к материальным ресурсам. Жестко фиксируя этнолингвистические границы, федерализм создает и укрепляет триаду *«территория, государство, идентичность»* — основу национального государства, что может усилить групповую мобилизацию и сепаратистские устремления.

Известно, что практическое воплощение принципов национально-территориальной автономии в бывших СССР, Югославии, а также Чехословакии стало бомбой замедленного действия, в конце концов взорвавшей эти государства. Похоже, тот же процесс происходит теперь в Бельгии после начала так называемых конституционных реформ, превративших эту страну в федерацию и жестко закрепивших лингвистическую границу между валлонской и фламандской общинами. В Украине националистические силы не на жизнь, а на смерть боролись против предложения о федерализации страны, реализация которого действительно могла подорвать и без того крайне хрупкий баланс между ее регионами.

Известно также, что федеративными являются и относительно однородные по этнокультурному составу населения страны. Во всяком случае, страны, в которых нет значительных компактно проживающих меньшинств — Германия, Австрия, Австралия, США, ОАЭ, Венесуэла, Мексика, Бразилия, Аргентина.

Россию, строго говоря, нельзя с полным правом отнести ни к *сравнительно* однородным в этнокультурном отношении, ни к многонациональным странам. С одной стороны, доля в населении русских — главного по численности этноса превышает 80%, что соответствует представлениям о государствах, рассматриваемых как этнически однородные. С другой — этнические ареалы и вся история многих народов связаны с нынешней территорией России, что, безусловно, заставляет считать ее многонациональной страной (Валентей, 1996). Не случайно и по праву во время памятной дискуссии в Верховном Совете о названии страны в начале 1992 г. представители республик категорически настаивали на том, чтобы было принято наименование «Российская Федерация», а не просто **Россия**.

Этнокультурные конфликты чаще всего становятся причинами реформ государственного устройства.

3, Федерализм в территориально-политической организации общества

Трудно назвать страну, которая бы не знала в последние 20–30 лет этнотерриториальных конфликтов и в которой не было бы принято мер по изменению статуса отдельных регионов или не предлагалось проектов изменения государственного устройства и/или перекройки политико-административной карты.

Факторы возникновения и развития этнокультурных конфликтов представлены в табл. 20, где отражены их объективные и субъективные предпосылки, возможная эскалация требований меньшинства и реакция большинства (центральных властей). Среди объективных предпосылок выделяется *характер расселения меньшинства, изменение его доли и численности в населении*.

В последние годы наблюдается значительное превышение смертности над рождаемостью русского населения практически во всех городах и районах Северного Кавказа, резко контрастирующее с высоким естественным приростом титульных народов северокавказских республик. Несмотря на приток русских мигрантов, это стало одной из решающих причин вытеснения русских не только из сельской местности, но и из столиц этих республик, из районов, ранее населенных преимущественно русскими и присоединенных в послевоенные годы к республикам, а также к расширению этнической территории титульных народов на территорию собственно русских краев и областей. Быстротечность этого процесса значительно повышает потенциал этнотерриториальных конфликтов в регионе [Белоэров, 2000].

В табл. 20 детализирована градация этнополитических движений и требований. Эти движения можно условно разделить на:

- **регионалистские**, выступающие за реформы в рамках существующей системы государственного устройства и добивающиеся признания культурной самобытности своего района;
- **автономистские**, ставящие своей целью введение или расширение самоуправления либо создание федерации (конфедерации);
- **сепаратистские**, требующие объединения групп определенной национальности в границах одного государственного образования, ее возрождения, изменения государственных границ или создания нового независимого государства.

Национальный конфликт — практически идеальная основа для политической мобилизации всех слоев и социальных групп. Отток населения связывается с сокращением численности этнической группы, **уменьше-**

	МЕНЬШИНСВО	БОЛЬШИНСВО						
Объективные факторы		<ol style="list-style-type: none"> 1. Численность, территориальная концентрация и доля этнокультурного меньшинства в населении. 2. Характер размещения меньшинства по отношению к государственным границам; городам и культурным лесиграм («городские» и «сельские» меньшинства). 3. Наличие родственного движения или диаспоры в зарубежных странах, в том числе соседних. 4. Характер естественного движения меньшинства в его ареале в сравнении с другими группами. 5. Баланс и этнический состав миграций в регионе, в котором сосредоточено меньшинство. 6. Региональное развитие и уровень благосостояния в регионе. 7. Наличие политических и социальных институтов, в том числе университетов, театров и т.д. 8. Границы автономии, субъекта федерации, административной единицы, в которой сосредоточено меньшинство (степень легитимности, совпадение с этнокультурным ареалом, наличие территориальных претензий) 						
Субъективные факторы	Идентичность, особенности истории, культуры, стереотипов Наличие творческой интеллигенции, общественных движений и партий; Позиция местных властей	Идентичность, особенности истории и формирования государственной территории, солидарность культуры; Позиция интеллигентной элиты, общественных движений и партий						
Развитие конфликта	ТРЕБОВАНИЯ Коллективные протесты; доступ к распределению, участие в принятии политических решений	РЕАКЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ НА ТРЕБОВАНИЯ МЕНЬШИНСВА Права <i>территориальной общности</i> ; предоставление привилегий (налоговые льготы и т.п.); децентрализация; регионализация; автономизация, создание федераций; создание конфедерации; независимость (присоединение к другому государству)						
		<table border="1"> <thead> <tr> <th>Тип</th> <th>В экономической сфере</th> <th>В политической сфере</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Игнорирование, отказ, упрямство, компромисс (удовлетворение; ущемление субъекта требований); достижение компромисса)</td> <td>Учет в общей экономической и региональной политике; разработка специальных экономических программ; децентрализация экономической политики</td> <td>Выделение в особую административную единицу; расширение компетенций ее властей; перекройка границ; реформа государственного устройства</td> </tr> </tbody> </table>	Тип	В экономической сфере	В политической сфере	Игнорирование, отказ, упрямство, компромисс (удовлетворение; ущемление субъекта требований); достижение компромисса)	Учет в общей экономической и региональной политике; разработка специальных экономических программ; децентрализация экономической политики	Выделение в особую административную единицу; расширение компетенций ее властей; перекройка границ; реформа государственного устройства
Тип	В экономической сфере	В политической сфере						
Игнорирование, отказ, упрямство, компромисс (удовлетворение; ущемление субъекта требований); достижение компромисса)	Учет в общей экономической и региональной политике; разработка специальных экономических программ; децентрализация экономической политики	Выделение в особую административную единицу; расширение компетенций ее властей; перекройка границ; реформа государственного устройства						

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

ние распространенности языка интерпретируется как утрата идентичности. Долгое время центральные власти разных стран пытались решить эти проблемы средствами обычной региональной политики, основывавшимися на технократических критериях подъема эффективности экономики и разрабатываемыми в центре. Изменения государственного устройства и политико-административных границ обычно требуют сложных конституционных процедур и высокой степени политического согласия в стране. Поэтому многие политические проекты не были реализованы. Так, не однажды дебатировались проекты политико-территориального переустройства Канады и ФРГ. Тем не менее в государственном устройстве многих стран произошли значительные изменения.

В Великобритании в 1998 г. состоялись референдумы в Уэльсе и Шотландии, на которых избиратели высказались за «деволюцию», т.е. формирование представительных органов и наделение новыми полномочиями региональных властей. В Швейцарии, «образцовой» конфедерации, длительное время не знавшей национальных конфликтов, развернулось движение за автономию франкоязычной части кантона Берн (население — около 60 тыс. человек), закончившееся в 1979 г. после 19 референдумов (!) созданием нового кантона Юра. Даже для Италии, 98% населения которой составляют итальянцы, вполне реальна перспектива стать федеративным государством в результате движения за автономию в северных областях, возглавляемого партией «Лига Севера», а в худшем случае — раскола. Правда, Европейский Союз служит, по выражению А. Трейвиша, в отличие от бывшего СССР, своеобразной ловушкой для районов-«беглецов». Дальше «большой Европы» им бежать все равно некуда, а в ней границы открыты.

3.2. Классификация федераций

Подходы к исследованию феномена федерализма столь же многообразны, сколь и его природа — политические, правовые, экономические, социологические, географические... Соответственно, можно найти множество оснований для классификации современных федераций, например, по:

- генезису;
- длительности существования;
- связи с национальными, этнокультурными и иными территориальными различиями в составе населения;
- равноправию субъектов федерации;

Раздел II. Политическая география

- динамике различий в их демографическом и экономическом потенциале;
- характеру идентичности;
- соотношению факторов интеграции и дезинтеграции, «симметричности»;
- институциональному устройству;
- масштабу и характеру выравнивания экономических диспропорций между регионами;
- уровню политической мобилизации (этно)региональных групп населения;
- мерам, принимаемым для предотвращения сепаратизма и сепаратизма, и т.д.

Можно различать *федерации, созданные снизу, на основе соглашения между элитами их составных частей, отражающими этнокультурную и иную дифференциацию территории* (в этом случае можно анализировать характерные этапы становления и развития федеративных отношений), и *сверху, по решению общегосударственной элиты, реализующей определенный политический проект*. В первом случае вновь возникающая политическая идентичность граждан федерации накладывается на уже существующие национальные (региональные) идентичности, во втором — национальная идентичность, как правило, развивается в конкуренции с политической.

Россию, как всегда, «аршином общим не измерить». С одной стороны, ее федерализация — явный результат давления снизу. Вспомним историю сравнительно далекую — первые послереволюционные годы, когда **ПОД** давлением мощных национальных движений были созданы многие нынешние республики, и совсем недавнюю — «парад суверенитетов*» и реальный риск дезинтеграции страны в **1991–1993** гг. С другой стороны, в большинстве собственно русских регионов федерализм насаждается сверху и остается чуждым местной политической культуре. Поскольку русских регионов больше, федерализм в России — все же в основном политический проект властей.

Среди причин формирования федераций выделяются:

- геополитические (чаще всего — совместное противостояние внешней угрозе, учет особенностей сорасположения составных частей страны по отношению к третьим странам — союзникам и потенциальным противникам);

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

- экономические (реализация выгод объединения государственных территорий и создание более широкого рынка);
- этнотерриториальные и нетерриториальные (признание прав компактно размещенных или дисперсных этнических или иных общин, устранение допущенных к ним исторических несправедливостей);
- необходимость политической мобилизации социально-территориальных групп населения.

Федеративные государства классифицируются также *по степени асимметрии отношений между центром и членами, неравенству членов федерации де-юре (в статусе), соотношению факторов, способствующих и противодействующих автономии регионов.*

В числе факторов дезинтеграции обычно фигурируют предшествующий опыт государственности, различия в экономической структуре, географически обусловленная изолированность регионов, региональные экономические интересы, этнические различия.

Выделяется *три теоретические модели федерализма: американская, швейцарская и канадская.*

• В американском понимании федерализма суверенитет принадлежит народу и различные уровни властей осуществляют только те полномочия, которые им делегированы народом, Американский подход к федерализму — **инструментальный**: важны результаты, которые можно получить с помощью федерализма, а не сам по себе процесс поиска согласования интересов для поддержания единства.

• Швейцария — первая современная федерация, построенная на этнолингвистической основе. Но все же заметим, Швейцарии «повезло», поскольку этнолингвистические границы в ней не совпадают с религиозными: в некоторых германоязычных кантонах большинство — протестанты, в других — католики. При этом границы между кантонами далеко не всегда следуют этнолингвистическим. Многочисленность субъектов федерации, отсутствие концентрации общин в крупных государственных образованиях изначально служили гарантом против конфликтов (рис. 14). Кроме того, для швейцарской модели характерна деполитизация потенциально конфликтных проблем путем делегирования полномочий на максимально низкий уровень — округов, коммун, а не кантонов.

• Канадская модель основывается не только на принципе создания многокультурного общества, но и на представлении о

Раздел II. Политическая география

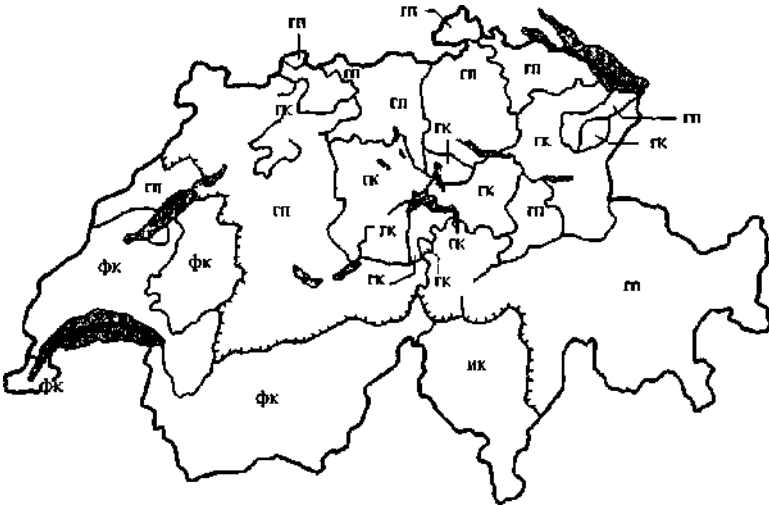

Рис. 14. Границы между районами распространения языков и религий и политико-территориальное деление Швейцарии.

1 — границы кантонов; 2 — граница кантонов с германоязычным большинством
Доминирующие языковые и религиозные группы в кантонах: ф — франкоязычная; и — италиязычная; г — германоязычная; к — католики; л — протестанты.

том, что федеральная система может сочетаться с парламентским режимом вестминстерского типа.

Несмотря на различия между моделями федераций, меры, которые в них предпринимаются для разрешения «вертикальных» и «горизонтальных» конфликтов (между центром и субъектами и между самими регионами) и противодействия дезинтеграционным силам, имеют много общего. Их можно подразделить на:

- *усиление централизации.* Так, даже в такой децентрализованной федерации, как США, в последние годы много писали о принудительном федерализме: принятии федеральных законов о том, что должны делать штаты, и нефинансируемых сверху федеральных программ (например, программ борьбы с бедностью в президентство Дж. Буша-старшего), трактуемом как отход от доктрины

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

разделения **компетенций**, отчасти отражающее зависимость штатов от федеральных фондов;

- умиротворение одной из сторон конфликта, ведущее часто к росту асимметричности во **внутрифедеральных** отношениях (одни субъекты становятся более равными, чем другие, — что и происходило в России в первые годы после распада СССР);

- изменение числа и границ субъектов — средство, используемое в федеративных государствах Третьего мира;

- введение немажоритарных государственных институтов;

- консоциализм — делегирование компетенций на максимально более низкий территориальный уровень самоуправления, что должно приводить к **деполитизации** проблем (швейцарская модель). Но в многонациональных государствах это средство пригодно лишь в случаях, когда этнические элиты реально контролируют власть в своих регионах. Важно, что любое меньшинство должно иметь право вето по важным вопросам, свою институциональную или территориальную автономию.

Россия — федерация совсем молодая, и ее политические элиты явно не достигли согласия в том, на каком уровне нужно поддерживать баланс между интересами центра и регионов. Власти на ходу пытаются овладеть специфическим арсеналом политических средств, позволяющих регулировать этот баланс. Пожалуй, самое сложное сейчас для них — это консоциализм, искусство маневрирования компетенциями, умение рационально распределять их между центром, регионами и местами.

Наконец, федерации можно классифицировать по формальным, но тем не менее имеющим очевидное политическое значение **признакам** — *численности субъектов федерации и размаху различий в их территории, населении и развитии* (табл. 21 и 22). Для современной России эта проблема имеет особое значение, так как при обосновании необходимости реформы политико-территориального деления и государственного устройства России часто ссылаются на огромные различия в территории, численности населения и экономическом потенциале ее субъектов.

Что касается территории, то, как показывает табл. 21, Российская Федерация не составляет исключения. Даже в небольшой Швейцарии самый крупный по площади кантон больше самого малого почти в 200 раз, а в Германии разница в территории между Бременом и Баварией — 175 раз. Сопоставим с российским, а иногда даже больше его разрыв в площади регионов в крупных странах, в

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

которых столица выделена в особый округ, — Индии, США, Австралии, Канаде. В США (даже без учета федерального округа Колумбия) этот разрыв больше российского и составляет 487 раз. И все же в большинстве федераций разрыв не превышает первых десятков раз. Более того, территория субъектов РФ варьирует гораздо сильнее, чем во всех остальных федерациях мира, — коэффициент вариации превышает 17%, тогда как в других федерациях — не более 5—7, и только в США (без округа Колумбия) он достигает 8,4%. Иными словами, в России много очень мелких, по масштабам страны, и очень крупных субъектов федерации. Однако нет никаких доказательств, что более крупные юрисдикции всегда более эффективны, чем малые. Единственное, что можно утверждать — это то, что в определенных условиях экономически более эффективны крупные единицы, а в других — малые.

Более важны данные о людности регионов. Разница в населении Москвы и Эвенкийского автономного округа примерно такая же, как и в территории между Адыгеей и Якутией — около 400 раз. Больше (и намного) только различия в населении между регионами Индии. Даже в крупных странах амплитуда колебаний в демографическом потенциале субъектов федерации значительно, на порядок меньше, чем в России: в США, например, 66 раз, Австралии — 36, Мексике — 31, Канаде — всего 19 и только в Бразилии — 144. При этом нет связи между размером федерации и размахом различий в людности ее субъектов: так, в Швейцарии он довольно велик — 85 раз. По вариации численности населения между регионами Россия сопоставима с Индией, США и Бразилией; во всех остальных федерациях регионы распределяются по населению значительно равномернее.

В табл. 22 приведены данные о размахе внутренних различий в уровне социально-экономического развития в некоторых федерациях (наша задача здесь — именно сопоставление различий, а не сравнение абсолютного уровня душевых доходов, или ВВП, на душу населения в разных странах). *По размаху различий между самым богатым и самым бедным субъектом федераций Россия опять-таки не имеет аналогов*: в 1994 г. разница в среднедушевых денежных доходах между Москвой и Ингушетией составляла более 10,5 раза. Если взять среднедушевые денежные доходы, взвешенные по прожиточному минимуму в регионе, то разница будет несколько скромнее — 6,5 раза, что все-таки существенно выше, чем в других промышленно развитых федерациях, а также в Индии. Надо также учесть, что в России значительная часть доходов никак не

**Внутренние различия в уровне экономического развития
в некоторых федерациях**

Страны	Средняя величина, долл.	Коэф. вариации	Абсолютный размах вариации	Минимальный показатель	Максимальный показатель
Индия*	5583	1,73	3,68	265S	3769
Канада*	22801	0,88	1,02	15838	16175
ФРГ*	40838	1,48	3,51	22489	78898
Австрия*	197	0,67	2,27	127	289
Швейцария**	3421,00	1,25	2,41	23512	56550
США***	13866	0,99	1,80	10716	19336
Австралия****	12433	0,29	1,37	10999	15077
Югославия*****	35218,00	2,92	1,52	28490	43297
Россия*****	188,0	4,98	10,55	65,5	691,1

* ВВП на душу населения в Индии — в 1992 г., Канаде — в 1993 г., ФРГ — в 1995 г., Австрии — в 1989 г.

** Душевой доход (Volkseinkommen) в 1987 г.

*** Располагаемый личный душевой доход в 1993 г. в ценах 1987 г.

**** Доход на одного члена семьи в 1987 г.

***** Душевой доход в 1992 г.

***** Среднедушевой денежный доход в 1994 г.

учитывается — в частности, в северокавказских республиках, занимающих нижние строчки рейтинга регионов, что сильно влияет на амплитуду колебаний. Драматически выше в России, чем в других федерациях, и вариация уровня социально-экономического развития. Даже регионы Индии развиты более равномерно. Самые незначительные различия в уровне развития регионов — в Австрии.

Табл. 23 дает некоторое представление о многообразии институтов и устройства федеративных государств — «континууме федерализма». Однако практически во всех федерациях, кроме Микронезии, действует двухпалатный парламент, причем верхняя палата состоит из представителей регионов, избираемых непосредственно населением или местной legislaturой, или назначаемых. При этом есть федерации, в которых даже в верхнюю палату парламента члены федерации делегируют неравное число депутатов (ОАЭ, Малайзия, Канада). Субъекты большинства федераций располагают собственными органами судебной власти и legislaturой; несколько

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

В меньшем числе федераций субъекты располагают своей конституцией. Главы регионов большей части федеративных государств избираются населением.

На одном из концов спектра форм федеративного устройства — несомненно, Пакистан, одна из наиболее централизованных федераций, в которой центральное правительство широко вмешивается в жизнь провинций и существуют огромные диспропорции в уровне экономического развития и политическом весе субъектов. В этой стране губернаторы и члены высших судов провинций назначаются президентом. Исполнительная власть в провинциях осуществляется правительством и главным министром, назначаемым губернатором. Центральное правительство или губернатор как представитель центра могут по конституции взять на себя функции правительства любой провинции. Президент имеет право на основе собственного указа на срок до шести месяцев передавать полномочия провинциальной однопалатной легислатуры федеральному парламенту. Центр неоднократно пользовался своими широкими полномочиями. Например, в Белуджистане в феврале 1973 г. и декабре 1975 — июне 1976 гг. президентское правление было введено в связи с борьбой против сепаратистов в этой провинции.

Федеративный парламент Пакистана — двухпалатный. В верхней палате — Сенате все провинции представлены поровну — по 14 депутатов, в нижней палате — Национальном Собрании — провинции, федеральный округ и районы племен (управляются непосредственно центром) представлены пропорционально численности населения, и, следовательно, большей перевес имеют многонаселенные штаты. Так, Пенджаб имеет 115 мест, Синд — 46, а Белуджистан — только 11. Политическое неравенство отражает разительные диспропорции в экономических возможностях провинций. В 1980-х годах на провинции Пенджаб и Синд приходилось соответственно 54 и 40% крупных промышленных предприятий, дававших 39,7 и 53,4% промышленной продукции страны, тогда как доля Белуджистана составляла только 0,6 и 0,7%.

На другом конце спектра, в числе «децентрализованных» федераций находится, например, Австралия, каждый штат которой избирает двух- или однопалатную легислатуру, имеет Верховный Суд. Палата представителей федерального парламента избирается пропорционально численности населения, но права малонаселенных территорий гарантированы тем, что штат не может быть согласно конституции представлен менее чем пятью депутатами. Федеральная столичная территория имеет два мандата, а Северная территория — один. Федеральное правительство не может вмешиваться в компетенции штатов. Они весьма широки; штатам запрещено конституцией лишь формировать собственную армию, облагать налогом любую собственность, принадлежащую союзу, и выпускать собственную валюту.

Таблица

И	Вид	я	Наименование	наименование	и
Чис	Федер		здания	наименование	и
лар	цар		взрос	сферы	и
			субъект	бизнес	и
			субъект	интер	и
			субъект	интер	и

2
 2
 2
 2
 1

2
 2
 2
 2
 1

2
 *
 1

е
 х

3.3. Типы федераций в современном мире и некоторые особенности России как федеративного государства

Всякая типология условна, особенно когда речь идет об огромном разнообразии исторически сложившихся и нынешних факторов, влияющих на формирование федераций и их институтов в современном мире. Куда отнести, например, Индию? С одной стороны, эта страна — одна из немногих в Азии и Африке, в которых в течение всего периода после освобождения от колониальной зависимости действует режим парламентской демократии, где высоко развиты институты самоуправления в регионах, в каждом из которых сложилась своя политическая система.

С другой стороны, в Индии имеются колоссальные внутренние различия, индийская федерация чрезвычайно асимметрична, во многих ее штатах центр во имя сохранения единства неоднократно вводил президентское правление, а в государственном устройстве, в том числе и в наборе и границах субъектов, возможны крупные подвиги.

И все-таки можно выделить несколько типов федераций, характерных специфическими траекториями развития. На 24 конституционные федерации набирается не менее чем семь типов, к каждому из которых тяготеют формально унитарные государства, использующие в своем устройстве принципы федерализма (рис. 15).

• **Западноевропейский тип** — Германия, Австрия, Бельгия, Швейцария: старые западноевропейские демократии, связанные (Бельгия, Швейцария) или не связанные с национальной структурой населения, с длительными традициями самоуправления или независимой государственности составных частей, устойчивым соотношением между политической и этнической идентичностью. К этому же типу можно отнести многие западноевропейские государства — Испанию, Великобританию, Финляндию, Италию и др.

• **Североамериканский тип** — США, Канада, Австралия: старые англоязычные «переселенческие» федерации, созданные «снизу» в ходе строительства либеральной демократии, мало связанные с этническими и иными социальными различиями, с устойчивой политической идентичностью, высокой децентрализацией государственной власти.

• **Латиноамериканский тип** — Мексика, Аргентина, Венесуэла, Бразилия: старые «переселенческие» федерации, созданные «сверху» в результате распада испанской и португальской империй из частей их колоний, не связанные с этническими различиями

Раздел II. Политическая география

ями, асимметричные, с большим числом субъектов и высокой централизацией государственной власти, сочетающейся с развитыми институтами самоуправления в субъектах. Многочисленность регионов и асимметричность федерации — создание новых равноправных субъектов из территорий или путем деления «старых» штатов, особенно в районах нового освоения, — традиционно использовались в латиноамериканских странах как клапаны для регулирования внутрифедеральных отношений и социальной напряженности.

• **Островной тип** — Федеративные Штаты Микронезии, Сент-Китс и Невис, Коморские острова: молодые островные федерации, созданные в результате распада колониальных империй, асимметричные и слабоинтегрированные.

• **Афро-азиатский тип** — Индия, Малайзия, ОАЭ, ЮАР: молодые, но устойчивые централизованные федерации, созданные «сверху» на базе компромисса между элитами существовавших прежде феодальных государств и/или национальными элитами регионов, ставших субъектами федерации, высокоасимметричные, с сильными различиями в потенциале регионов, как правило, с сохранением существенных элементов авторитарного правления в центре и на местах. ЮАР, в которой процесс государственного строительства после слома режима апартеида еще не завершен, сочетает признаки «афро-азиатского» и «переселенческого» типов, регионы, основывающиеся на прежнем размежевании между независимыми бантустанами и традиционными историческими провинциями, возникшими в ходе освоения территории европейскими переселенцами.

• **Нигерийский тип** — Нигерия, Пакистан, Эфиопия, Мьянма: молодые высокоцентрализованные федерации с неустойчивыми авторитарными режимами, возникшие в результате деколонизации. Принципы федеративного устройства использованы в них центральными властями («сверху») как средство сохранения единства разнородных в этническом, социальном и экономическом отношениях регионов. Это федерации асимметричные, со слабыми и формальными институтами самоуправления на местах, узаконенным частым вмешательством центра в дела регионов, вплоть до коренной перекройки границ между ними.

В Нигерии, в которой наиболее полно воплощены особенности этого типа федераций, пытались создать территориальную, а не этническую федерацию, состоящую из примерно одинаковых

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

штатов, и проводить политику равного распределения постов в центральном правительстве, чтобы избежать гегемонии какой-либо этнической, региональной или племенной группы. Но экономические противоречия в отношениях между штатами совпадали с этническими, что уже трижды вызвало коренную перекройку политико-административных границ. Нигерийские власти хотят использовать плюсы федерализма, избежав его минусов.

Даже конституция определяет нигерийскую федерацию как «высокоцентрализованную». Список компетенций федеральной власти включает более 60 пунктов. Штаты не имеют собственного гражданства, своей конституции, не могут выступать в качестве субъектов международного права, не обладают правом выхода из федерации. Их исключительная компетенция — уголовное, гражданское и процессуальное законодательство, тогда как к совместной компетенции федерального центра и штатов относятся вопросы экономического развития, сбор налогов и распределение доходов, энергетика, высшее образование.

Российский федерализм:
была ли модель?

Нынешний российский федерализм чрезвычайно эклектичен, сочетая многие элементы из советского и даже имперского наследия с новейшими заимствованиями

из опыта либеральных демократий и собственными «наработками». Россию, наряду с Югославией, можно отнести к уникальному **«постсоциалистическому»** типу. Обе эти страны — молодые многонациональные федерации с глубокими внутренними этническими и социально-экономическими различиями, унаследовавшие асимметричность и использование в государственном устройстве принципа национально-территориальной автономии и диспропорции в соотношении политической (общегосударственной) и этнической **идентичности** граждан от своих исторических предшественников. К этому же типу принадлежала и бывшая СФРЮ.

Асимметричность «постсоциалистических» федераций заключается, в частности, в сосуществовании национальных и обычных регионов, в строительстве федерации одновременно **«снизу»**, как реакции на требования прежде всего **«национальных»** субъектов и средства сохранения единства, и **«сверху»**, как политического проекта верхов, в особенности в отношениях с чисто русскими регионами.

Используя асимметричные отношения как средство борьбы с сепаратистскими и **регионалистскими** тенденциями, российское руководство не раз балансировало на опасной грани быстрой и

Раздел II. Политическая география

хаотичной трансформации централизованной федерации в аморфную договорную конфедерацию: так было в период подготовки Федеративного договора, да и после его подписания в 1992—1993 гг., когда регионам в обмен на лояльность беспорядочно раздавали льготы и они провозглашали себя республиками, но центростремительные тенденции в целом оказывались сильнее.

Эта асимметричность отчасти объясняется объективными причинами — сосуществованием в границах одного государства регионов, находящихся на разных исторических стадиях развития общества — от доиндустриальных до постиндустриальных.

В России можно встретить самые разные типы политической культуры — от традиционалистской до различных разновидностей западной либерально-демократической.

Варируются и представления о том, каким должен быть российский федерализм. Носит ли он «этнический» или «территориальный» характер? Является ли политическим идеалом общества или средством сохранения единства страны? Структурой государственного управления или перестройки отношений между Москвой и регионами на новых началах? Имеет ли естественный, опирающийся на определенные традиции прошлого характер или навязан сверху? Служит ли целью государственного строительства или представляет спонтанную реакцию на текущие события и сиюминутные нужды? Ответы на эти вопросы в разных частях России дают разные, и соответственно в субъектах РФ устанавливаются разные политические режимы. Что немислимо в Москве или Петербурге, то вполне подходит для Калмыкии или Тувы. Естественно, следовательно, что есть риск возврата к авторитарному правлению, перехода к локальным деспотиям, феодализации страны и чрезмерного ослабления федеральной власти.

Поэтому столь важна для России *реинтеграция на новой основе*— культурной, экономической и политической. В политической сфере, на фоне сокращения циркуляции центральной печати и наметившейся тенденции к преимущественному развитию местных студий телевидения, особенно важно сохранение общенациональной политической сцены с общегосударственными политическими актерами — партиями и движениями.

Избирательный закон, введенный накануне выборов в Государственную Думу 1995 г., стимулирует по крайней мере формальное членство местных политических деятелей в федеральных партиях. Однако в России **пока** на основе общеэкономических, террито-

3. Федерализм в территориально-политической организации общества

риальных, отраслевых и иных интересов сформировались лишь кланы, легко переходящие от поддержки одной партии к другой (хотя и в определенных пределах).

Реинтеграция и «национализация» в новых условиях — безусловно, необходимый этап развития федерализма в России — и потому, что возник он в значительной мере как реакция на риск дезинтеграции на рубеже 1980—1990-х годов, и потому, что политические элиты еще долго будут нащупывать его специфически российские формы. Недаром утверждается, что федерализм — более подходящая стадия на ранних или критических этапах существования государства, когда региональная идентичность становится сильнее общегосударственной [Smith, 1996]. На этом пути возможны попятные движения, возврат к централизаторским тенденциям, но пути назад нет, и общее поступательное движение неизбежно и в долго- и среднесрочном плане вряд ли обратимо.

Принцип территориальной целостности и нерушимости границ субъектов федерации — необходимый элемент настоящего федерализма, но в ряде государств он пришел в несоответствие с реалиями.

В этой связи звучат призывы к перекройке субъектов Российской Федерации, их более или менее насильственному укрупнению. Частные изменения, разумеется, могут произойти, но возможность более или менее значительного передела собственно «русской» части России, по-видимому, существовавшая в конце 1991 — начале 1992 г., была безвозвратно упущена.

Федерализм в Советском Союзе существовал как структура, набор институтов, но не как *процесс* — реальная практика согласования демократических интересов республик. Тем не менее было бы крайне ошибочно, а с позиций строительства федеративного государства в современной России и опасно утверждать, что наследие СССР как федерации сводится лишь к более или менее искусственным политическим границам в постсоветском пространстве, этнотерриториальным и другим этническим конфликтам.

Прежде всего, в России имелся опыт местного самоуправления на основе системы земства (см. главу 4), хотя и неизвестно, насколько его история сохранилась в коллективной исторической памяти народа. Далее, «искусственный» федерализм в СССР, как, впрочем, и в бывшей Югославии, и в Чехословакии, да и в ряде других многонациональных федераций, создал национальные политические элиты, а отчасти — и национальную интеллигенцию —

Раздел II. Политическая география

движущую силу национал-патриотизма и современных процессов строительства национальной и политической идентичности. «Федерализм создает региональные политические элиты там, где их прежде не существовало, рабочие места в управлении для региональных группировок, больше возможностей для переговоров о перераспределении власти...» [Smith, 1996].

Каждая политико-территориальная единица в бывшем Советском Союзе имела строго регламентированное право иметь собственные государственные ведомства, в том числе и внешнеполитические, пусть и рудиментарные, собственную Академию наук, национальные киностудии и оперные театры (союзные республики, кроме РСФСР) или **собственные** институты, занимавшиеся национальным языком, литературой, искусством (автономии), из которых, как правило, вышли многие лидеры национальных движений.

Опыт государственности, хотя бы и в такой ограниченной форме, как в бывших Югославии и СССР, имеет первостепенное значение в мобилизации этнических и/или региональных групп населения, в формировании их идентичности, а следовательно, и в эволюции политико-территориальной организации стран и целых регионов.

Да и в таких почти мононациональных, собственно русских регионах, как Приморье, до сих пор слышны ссылки на опыт эфемерной Дальневосточной республики. Поэтому как бы ни повернулись московские власти к нынешним субъектам РФ, какими бы слабыми многие из них ни были, каким бы противоречивым ни был исторический опыт федерализации последних лет, его уже невозможно вычеркнуть из истории российских регионов. Если и удастся «росчерком **пера**» отнять у регионов их действительную или мнимую самостоятельность, то только силовыми методами, при условии ликвидации демократии в России вообще.

Более или менее длительное существование административных, а тем более — политических границ между субъектами федерации, пусть даже поначалу и искусственных, не связанных ни с каким реальным членением территории, по данным многочисленных исследований как европейских, так и американских географов, оказывает значительное воздействие на сознание и, в частности, на электоральное поведение людей. *Между людьми, проживающими в пределах одного субъекта федерации или одной административной единицы, создается общность интересов*, и соседние сельские общины, разделенные политико-административной границей, часто

3. Федерализм в *территориально-политической* организации общества

голосуют совершенно по-разному — так же как центры соответствующих штатов или земель. Закрепление сначала в Федеративном договоре, а затем в Конституции административного деления, стабилизировавшегося на большей части территории России, с 1950-х годов способствует развитию или воссозданию региональной идентичности, хотя процесс этот весьма медленный.

Федерализм, по всей видимости, — теперь уже неизбежный путь развития российской государственности и в силу разнообразия природных и социально-экономических условий на огромной территории страны, национального состава населения многих регионов, и в силу уже приобретенного исторического опыта, т.е. и по морфологическим, и по генетическим причинам.

История нашего века знает несколько случаев распада федераций (Пакистан, СССР, Югославия, Чехословакия) и преобразования федеративных государств в унитарные (в многонациональных развивающихся странах). Несмотря на то что Россия унаследовала многие генетические особенности Советского Союза, у нее есть реальные шансы избежать дезинтеграции, поскольку ее «**внутренняя национальная**» оболочка гораздо больше интегрирована в экономическом и культурном отношении, чем большинство бывших республик, и экономические и культурные рубежи, как правило, не совпадают с границами субъектов федерации. Реальный федерализм может быть одним из средств сохранения целостности страны, хотя и далеко не единственным.

Во многих регионах России необходимо целенаправленное «культуривание» здорового регионализма, местного патриотизма, федеральной ментальности. Опыт работы по формированию политической и территориальной идентичности имеется во многих федеративных странах. Если в России федерализм будет развиваться и «сверху», и «снизу», на основе полезного опыта других федеративных стран, то ничто не мешает ей, несмотря на неблагоприятные стартовые условия, в достаточно короткой исторической перспективе стать «нормальной» федерацией.

Контрольные вопросы

1. Что такое федерализм? Как трактуют этот термин?
2. Какие проблемы стран с **федеративным** государственным устройством изучает политическая география?

Раздел II. Политическая география

3. По каким критериям можно отличить страну с федеративным государственным устройством от унитарной и конфедерации?
4. Какие принципы федерализма используют в территориально-политической организации общества на локальном и наднациональном уровнях и почему?
5. Каково соотношение основных принципов федерализма и территориальной справедливости?
6. На каких принципах урегулируют конфликтные ситуации между федеральным центром и субъектами федерации и между субъектами федерации? Какие политические институты для этого создаются?
7. Назовите страны, которые по конституции имеют федеративное государственное устройство.
8. Охарактеризуйте основные типы федераций в современном мире.
9. В чем, по вашему мнению, состоит специфика государственного устройства России как федеративной страны?
10. Какие основные проблемы государственного строительства стоят сейчас перед Россией как федерацией?

Использованная литература

- Белозеров В. С.* Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. Ставрополь, 2000.
- Бородулина Н. А.* Факторы перераспределения бюджетных средств между федеральным центром и **регионами**//*Известия РАН. Серия геогр.* 1995. № 6.
- Валентей С.* Российские реформы и российский федерализм//*Федерализм.* 1996. № 23-36.
- Федерализм.* Энциклопедический словарь. М., 1997.
- Dikshit P.* The Political Geography of Federalism. Delhi, 1975.
- Duchacek I.* The Territorial Dimension of Politics. Within, Among and Across Nations. Boulder and London, 1986.
- Elazar D.* From Statism to Federalism//A Paradigm Shift. International Political Science Review. 1996. Vol. 17. № 4. P. 417-429.
- Enloe C.* Internal Colonialism, Federalism and Alternative State Development Strategies. *Publius.*, 1977. Vol. 7. № 4. P. 145-160.
- King D. N.* Why do local authority rate boundaries differ?//*Public Administration.* 1982. Vol. 51. P. 165-173.
- Knight D.* Choosing Canada's capital. Conflict Resolution in a Parliamentary System. Ottawa, 1981.
- Paddison R.* The Fragmented State, The Political Geography of Power. Oxford, 1983.
- Smith G.,* ed. Federalism: The Multiethnic Challenge. London; New York, 1996.

Глава 4

ГЕОГРАФИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Основные понятия

Государственное устройство страны тесно связано с ее административно-территориальным делением (АТД), так как и территориальные органы государственной власти и управления, и органы местного самоуправления (если они есть) действуют в границах определенных территориальных единиц.

Самоуправлением называется относительно независимая деятельность какой-либо общественной организации на основе правил (статуса, норм), принятых ее членами, совместным ведением ими общих для них дел, в том числе на основе собственного бюджета

Самоуправление основывается на определенных ценностях, передаваемых от поколения к поколению, и бывает *двух типов*:

- производственное, создаваемое коллективами, ведущими совместную **производственно-профессиональную** деятельность и разделяющими некоторую политическую или иную программу;
- территориальное, если основой организации выступает **территориальная общность** людей или территориальный коллектив⁸, объединенный общими интересами, связанными с совместной жизнью и деятельностью в пределах территории с законодательно зафиксированными границами — **административно-территориальной единицей** (АТЕ) и, как правило, политической культурой, носителями которой является большинство из них.

⁸ Под территориальным коллективом юристы понимают совокупность людей, постоянно проживающих на определенной территории, границы которой установлены государственным актом и в пределах которой действует **избираемый** ее населением орган государственной власти и общественного самоуправления [Траппин, 1984, с. 10].

Раздел II. Политическая география

Местное самоуправление — связующее звено между гражданским обществом и государством. Оно необязательно создается на всех уровнях: на некоторых из них функционируют только государственные органы. *Местное самоуправление не является территориальным подразделением государства*, хотя на многих этапах исторического развития и во многих странах, включая и Россию, правящие режимы хотели превратить его в полностью подконтрольные им придатки на местах.

В отличие от местного самоуправления, территориальные органы государственной власти подчиняются **соответствующим** органам административно-территориальной единицы (АТЕ) более высокого ранга или же центральным институтам (министерствам и т.п.); ими руководят назначаемые чиновники, а не представители населения.

Основа государственного устройства страны — административно-территориальное деление имеет обычно несколько иерархических уровней. Оценка оптимальности АТД зависит от принципиального политического выбора и характера местного самоуправления.

Если законодатель отдает приоритет представительству людей, личностей, а не территориальных общностей со специфическими для каждой из них интересами, то степень совпадения административных границ с реальным социальным членением пространства, их соотношение с системой расселения и т.п. не имеют значения.

Не столь важны также четкость иерархии единиц АТД, размах их различий в людности и хозяйственном потенциале. Такой подход, в идеальной степени соответствующий теоретическим представлениям о гражданском обществе, возможен лишь при отсутствии межрайонных противоречий.

Обычно же АТД должно выполнять более разнообразные функции.

- Обеспечение контроля центральных властей над местами, что предполагает сбор и передачу информации «снизу вверх» и приказов центра «сверху **вниз**», доступность мест из общегосударственного центра и региональных центров; противодействие консолидации сепаратистских и регионалистских сил, относительную легкость мобилизации сил и средств в случае военных действий и других чрезвычайных ситуаций и т.д.
- Обеспечение сбора налогов.

4. География административно-территориального деления...

- Размещение органов власти и государственного управления, соответствующего наилучшему выполнению двух первых функций.
- Обеспечение государственного регулирования разных сфер жизни общества.
 - Стимулирование освоения новых районов.
 - Территориальная организация государственных служб — санитарной, почтовой, пожарной и др.
 - Организация деятельности муниципального хозяйства.
 - Формирование основы демократического местного самоуправления.
 - Обеспечение представительства мест в центральных законодательных и представительных органах (единицы АТД обычно служат основой для распределения депутатских мандатов и нарезки сети избирательных округов и т.п.).

Очевидно, что последние две функции находятся в противоречии с первыми четырьмя. Выполнение этих функций требует, чтобы *АТД основывалось на узловом районировании, структурах типа «центр— периферия»*. Поэтому важное значение приобретают строгость иерархии единиц АТД, пропорции между ними в численности населения и экономическом потенциале.

Единицы АТД в унитарных государствах не должны быть настолько крупными и сильными, чтобы оспаривать прерогативы центра. Не случайно, например, в бывших **«малых»** союзных республиках (Латвии, Азербайджане и др.) в советское время не было областей, хотя, скажем, Гянджа (бывший **Кировобад**) вполне мог бы стать, как и до революции, областным центром. Б то же время число единиц АТД не может превышать некоего порога, за которым управление теряет свою эффективность; число единиц первого порядка практически ни в одной стране не превышает 50-55. Большую роль для АТД играет баланс местных интересов.

4.1. Возникновение и типы систем АТД и местного самоуправления в промышленно развитых странах

История европейских промышленно развитых стран убеждает, что, несмотря на национальные особенности и огромные различия между ними в темпах экономических и социальных изменений, в эволюции систем их АТД наблюдалось много общего. В западноевропейских странах базовыми АТД еще в средние века стали коммуны, сформировавшиеся вокруг приходов католической

Раздел If. Политическая география

церкви. Они стали осуществлять элементарные административные функции — регистрацию рождений, браков и смертей, учет населения.

В эпоху Реформации и католической реакции сформировался принцип «*cuius regio eius religio*» — «кто правит, тот и выбирает религию». Иными словами, владетель территории определял официальное вероисповедание своих подданных и, таким образом, характер административного устройства.

В Южной и Центральной Европе, где католическая церковь в основном сохранила свои позиции, сохранилась и связь между церковью и государством, а стало быть, дольше просуществовало средневековое АД, медленнее развивались представительные институты, отношения между центральными властями и регионами нередко были конфликтными. Напротив, на преимущественно протестантском севере и западе Европы администрация была отделена от церкви, и реформы АД начались сравнительно рано.

По мнению известного британского политико-географа Р. Беннета, *в развитии АД и местного самоуправления в Европе можно выделить шесть этапов* [Bennett, 1989].

- На первом этапе, в XVI–XVIII, а в некоторых районах — еще с XIII в. зарождаются существенные элементы местного самоуправления, возникают законодательные гарантии определенных прав территориальных общин. Особенно высоким уровнем самоуправления выделялись города.

- Второй этап наступил после Великой Французской революции (1789) и характеризовался широкими реформами сложившегося в средние века АД.

- Третий этап, начавшийся после прокатившейся по Европе в 1848 г. волны революций, проявился прежде всего на обширных пространствах Австро-Венгерской империи и германских государств и выражался в адаптации старого деления к новым реалиям, в том числе заимствовании некоторых элементов французской системы.

- Четвертый этап настал после Первой мировой войны и отличался радикальной перекройкой не только политической, но и политико-административной карты Европы после развала Австро-Венгрии и революции в России.

- Пятый этап начался в результате нового витка радикальных изменений на политической карте по окончании Второй мировой войны. Его основными чертами были административные реформы в бывших социалистических странах и эксперименты в бывшем

4. География административно-территориального деления...

СССР, направленные на приспособление **государственного** устройства к политическому строю и экономическим и технологическим изменениям.

• Шестой этап, точкой отсчета которого можно считать рубеж **1960-х и 1970-х** годов — *это новая волна* административных реформ, которые прокатились по всей Европе и были нацелены на решение сходных проблем, возникших повсеместно — необходимости укрупнить территориальные единицы первого порядка или создать их ассоциации, а также приспособить административные рубежи к реальным границам функциональных районов, сложившихся вокруг крупных городов. На низовом уровне ставилась задача укрупнить мелкие низовые административные единицы, в том числе сельские, или по крайней мере стимулировать сотрудничество между ними.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов наступил седьмой этап, связанный с постсоциалистической перестройкой АД и местного самоуправления — возвращением к его национальным историческим традициям, адаптацией к бурным экономико-технологическим и социальным изменениям последней четверти XX в.

Существует несколько оснований для типологии местного самоуправления.

В о - п е р в ы х, его системы различаются по политической роли и компетенциям. Органы местного самоуправления могут играть важную роль в функционировании государства, особенно с 1960-х — 1970-х годов, когда в результате развития «государства всеобщего благосостояния» на Западе они стали напрямую перераспределять значительную часть **ВНП**. При этом, однако, их значение в политической жизни не всегда велико, они могут быть относительно «деполитизированы» (классическим примером до недавнего времени являлась Великобритания).

Имеются и обратные примеры: экономические и иные функции органов местного самоуправления могут быть не столь существенны по сравнению с территориальными подразделениями государственной администрации, однако борьба за контроль над ними составляет важнейшую часть общенациональной политической жизни. Партии не жалеют сил и средств для победы на местных выборах, их исход может определить карьеру политических деятелей и т.п. Такова действительность Франции, Италии и некоторых других стран.

В о - в т о р ы х, сильно различается институциональная организация местного самоуправления. Имеется много типологий по соот-

Раздел II. Политическая география

ношению полномочий совета и мэра (или наемного менеджера), структуре муниципалитетов. Наиболее общий характер носит типология систем местного самоуправления, предложенная Беннетом. Он выделил *три главных их типа* по особенностям распределения полномочий между государством и органами местного самоуправления.

Дуалистической называется такая система, при которой функции разделены «по вертикали», т.е. государство и органы местного самоуправления имеют свои исключительные сферы компетенций, и государство прямо не вмешивается в решение местных дел.

Горизонтальной именуется система, при которой государство в лице его представителей или территориальных подразделений центральных ведомств занимается местными делами наряду с органами самоуправления, а нередко и прямо контролирует их.

Смешанная система в разных пропорциях сочетает элементы первых двух и, в свою очередь, включает множество подтипов.

Дуалистическая система почти «в чистом виде» исторически сложилась в Англии и в странах, которые были ее колониями. Эту страну обычно считают колыбелью современного парламентаризма, имеющего в ней многовековые традиции. Сакральность и незабываемость парламента как общественного института парадоксальным образом сочеталась в Англии с многочисленными изменениями административных границ на всех уровнях, в других европейских странах существующих часто веками, совершаемыми по указам того же парламента, **ВОЛЬНОГО** перекраивать административную карту страны.

Местные органы власти независимы от центральных в пределах своих весьма широких компетенций. Со времен Британской империи политическая элита страны традиционно была озабочена общенациональными проблемами — «высокой» политикой, оставляя столь же «скучные», сколь и неприятно острые в эпоху индустриализации и урбанизации вопросы землепользования, жилья, водоснабжения, транспорта и т.п. в удел «низкой» местной политике.

Для британской системы характерны две основные черты. **Во-первых**, в отличие от континентальной Европы, центральные власти *не создали в Англии каких-либо общегосударственных институтов, имеющих региональные подразделения.*

4. География административно-территориального деления...

Во-вторых, парламент устанавливает лишь общие законодательные рамки работы местных органов самоуправления, никак не ограничивая их повседневную **деятельность**. В итоге британскую систему можно назвать унитарной и высоко децентрализованной [Wollmann, 2000].

Ее основы были заложены законом 1835 г., который **предоставил** местным советам графств, избираемым мужским населением, право устанавливать и взимать местные налоги. В 1880–1890 гг. создано двухзвенное АТД, просуществовавшее до 1970-х годов. Ликвидированы, наконец, пережитки феодальной системы в виде привилегий некоторым **территориальным** единицам, но сохранены средневековые границы графств, не изменявшиеся до 1972 г. В 1894 г. образовано 535 городских, 472 сельских округа и 270 **городов-графств**. Избираемые советы графств были призваны обеспечить представительные функции в низовом звене.

В результате изменений функций органов местного самоуправления в XX в. они превратились в основной источник обеспечения населения социальными и коммунальными услугами, контролируя такие жизненно важные сферы, как образование, жилищное строительство, социальное обеспечение. В результате доля расходов этих органов в ВВП возросла с 5,1% в 1900 г. до 18% в 1975 г. Однако увеличилась и зависимость местного самоуправления от финансирования из государственных источников. Возможность решением парламента изменить границы компетенций административно-территориальных единиц ярко проявилась в последних реформах АТД.

В США и Великобритании действует принцип «**позитивного регулирования**» — *«**дозволено все, что не запрещено**»*. В законодательстве есть некое неприкосновенное ядро, составляющее основу местного самоуправления. Как правило, это:

- прежде всего, **регулирование землепользования** (или устройство территории);
- **планирование** в области градостроительства;
- **образование**;
- обеспечение населения **коммунальными услугами** — учреждениями здравоохранения, системой водоснабжения, канализацией, местным транспортом, кладбищами, дорогами и др.;
- **контрольные функции** — санитарные, в области дорожного движения, ветеринарии, пожарной и экологической безопасности и др.

Раздел II. Политическая география

Горизонтальная система первоначально сформировалась во Франции под влиянием Великой Французской революции и последовавших за ней реформ Наполеона. До этого времени Франция делилась на довольно крупные исторические провинции, некоторые из которых постоянно служили оплотом для политических деятелей, пытавшихся оспорить власть короля. Новое государственное устройство было средством ослабить контрреволюционные местные элиты и крупных землевладельцев. В то же время якобинцы, исповедовавшие принцип «единой и неделимой республики», стремились укрепить центральную власть.

В декабре 1789 г. страна была поделена на 80 департаментов, в свою очередь, делившихся на кантоны. Однако унаследованные от средневековья границы примерно 43 тыс. городов и приходов были оставлены в неизменности. Независимо от их размеров и населения, все они получили статус коммун, что отражало уравнительный дух революции. Во всех коммунах были созданы советы, которые избирались частью мужского населения, чьи доходы превышали определенный ценз.

Муниципальный совет избирал мэра, наделенного, согласно принципу разделения властей, исполнительными функциями и единолично возглавлявшего администрацию коммуны. Было установлено различие между собственно муниципальными компетенциями и полномочиями, делегированными на места центральными властями и осуществляемыми мэром как их представителем. Первоначально эти функции включали регистрацию актов гражданского состояния и охрану общественного порядка (полицию).

Наполеон резко усилил централизацию власти, начатую в годы революции, и превратил департаменты в подразделения государственной администрации на местах под руководством назначаемого центром префекта. Советники и мэры в коммунах также назначались сверху. Он окончательно ликвидировал феодальные привилегии и ввел новую систему сбора налогов, резко сократившую возможности коррупции, положив начало современным принципам организации профессиональной местной администрации.

Еще в XIX в. централизм французского государства был существенно смягчен. Уже при Июльской монархии была восстановлена выборность советников мужским населением, затем отменены имущественные цензы. При Наполеоне III советы коммун вновь стали выбирать мэров, были учреждены выборные посты глав де-

4. География административно-территориального деления...

партаментов, коммуны получили более широкую самостоятельность. Таким образом, местные администрации стали представительными органами, хотя и под строгим контролем центра.

Главными чертами французской системы долгое время оставалось осуществление административных функций территориальными подразделениями государственной администрации — под руководством префекта в департаментах или чисто техническими государственными службами, входившими в систему центральных министерств (например, мостов и шоссе).

В обязанности префектов входил надзор за законодательной, финансовой и иной деятельностью местных представительных органов.

Особую роль и престиж приобрел во Франции *пост мэра*. Многие руководители городов и коммун происходят из старых семей местной элиты, располагают широкими связями и переизбираются на свою должность иногда на протяжении десятилетий, что позволяет говорить о «муниципальных монархиях». К тому же для Франции до недавнего времени было характерно так называемое аккумулятивное мандатов: мэры коммун могут избираться в высшие представительные органы, вплоть до Национальной Ассамблеи (парламента), занимать посты в правительстве. Многие политические деятели рассматривали руководимые ими коммуны как свои вотчины, политический контроль над которыми позволял им вновь и вновь выдвигать свои кандидатуры в парламент и на высокие государственные посты. Так, бывший премьер-министр Ж. Шабан-Дельмас более 45 лет подряд являлся мэром Бордо — одного из крупнейших городов Франции. Ж. Руайе, бессменный депутат, бывший министр в ряде правительств, с большим отрывом побеждал на всех выборах мэра г.Тура с 1959 до середины 1990-х годов и т.д. В 1988 г. половина депутатов Национальной Ассамблеи были одновременно и мэрами коммун. Лишь с 1985 г. стало можно претендовать только на два мандата (один — на местном уровне и один — на общенациональном).

На принципах, заложенных Великой Французской революцией, и по сей день основывается государственное устройство Франции и ряда других стран, где они получили распространение и **признание** еще в эпоху наполеоновских войн — *Италии, Бельгии, Нидерландах*, на территории нынешних *Словении и Хорватии*. Эти

Раздел II. Политическая география

принципы были также использованы в *Испании, Португалии, Турции*. В самой Франции департаменты, созданные более двух веков назад, существуют и поныне в основном в тех же границах (их число позже возросло до 95). Однако в результате реформы, принятой в начале 1980-х годов, государственное устройство Франции претерпело существенные изменения (см. п. 4.4).

Смешанные системы сформировались в *Скандинавских странах* и приняты также в *федеративных государствах* — например, в *Германии, Австрии, Швейцарии*. Элементы смешанных систем существуют в отдельных частях *Испании* и *Бельгии*, фактически ставших федерациями. В этих странах центральное правительство имеет серьезные рычаги воздействия на органы местного самоуправления в провинциях, включая назначение ответственных лиц, но низовые единицы располагают собственными исключительными компетенциями.

Типичный пример смешанной системы — *германская*. Еще в начале XIX в. на нынешней территории Германии существовало множество герцогств, княжеств и других государственных образований. Ряд городов в течение столетий сохранял статус свободных и напрямую подчинялся императору Священной Римской империи. Они объединялись в союзы, наиболее известный из которых — Ганзейский.

После наполеоновских войн во многих германских государствах были приняты законы о муниципальном самоуправлении. Пример подала Пруссия, многое позаимствовавшая у Франции. Однако в отличие от Франции, самоуправление было законодательно учреждено лишь в городах, а обширные сельские районы все еще находились под контролем земельной аристократии. На выборах в местные советы, участвовать в которых могли только мужчины, были к тому же установлены имущественные цензы. Местное самоуправление было задумано как неполитический институт и рассматривалось как часть государственной администрации.

Со второй половины XIX в. муниципалитеты принимают на себя контроль за многими сферами — водоснабжением и канализацией, городским планированием и общественным транспортом и др., причем покрывают большую часть расходов из собственных доходов. Началось развитие местного самоуправления и в сельской местности, но оно шло особым путем: были созданы советы в сельских крайзах, состоявшие поначалу преимущественно из земельных собственников. Центральными властями назначался гла-

4. География административно-территориального деления...

ва администрации, осуществлявший делегированные государством на места функции и надзиравший за законностью решений **советов**.

Веймарская конституция 1919 г. учредила во всех землях полномасштабное местное самоуправление и ввела всеобщее и полное избирательное право на местных выборах, что политизировало их и привело к участию в них политических партий. Большое влияние социал-демократов, выступавших за активную социальную политику, вызвало рост значимости местных властей. В то же время росла их финансовая зависимость от государства.

В современной ФРГ местное самоуправление входит в компетенцию земель. Его модели, принятые в странах, входивших в разные зоны оккупации, значительно различаются. В бывшей британской зоне, например в Северном **Рейне-Вестфалии**, по примеру Англии в муниципалитетах используется система «совет — нанятый им менеджер», в бывшей американской зоне (Баден-Вюртемберг и Бавария) — «совет — избранный населением **мэр**», в бывшей французской зоне оккупации (например, в **Рейнланд-Пфальце**) — «совет — избранный им мэр». Однако мэру во всех случаях принадлежат исполнительные функции, и он рассматривается как представитель государства. В 1968—1977 гг. практически во всех землях Западной Германии прошли реформы АТД.

После воссоединения Германии в конце 1990 г. и воссоздания земель на территории бывшей ГДР ее АТД было преобразовано по западногерманскому образцу. Однако в последние месяцы своей деятельности парламент ГДР успел принять закон о местных референдумах как форме прямой демократии. Соответствующие законы были затем приняты во всех землях как Восточной, так и Западной Германии. На референдум могут быть вынесены любые вопросы местного самоуправления, кроме вопросов финансов и бюджета. Парламент бывшей ГДР выступил также за прямые выборы мэров. По ее примеру мэры ныне избираются непосредственно населением во всех землях, а в некоторых землях избираются также и **Главы** администраций. Более того, в восточногерманских и некоторых других землях избиратели теперь имеют право отозвать мэра путем референдума. Так, в восточногерманской земле Бранденбург после 1993 г. 10% мэров были смещены таким образом со **своих постов**.

Раздел II. Политическая география

4.2. Территория и **местное** самоуправление

ПЛОДОМ многовековой эволюции системы АДТ в промышленно развитых странах стала, во-первых, *его сложность и многоступенчатость*. В большинстве стран существует трех-, а в некоторых — **четырёх-** и пятиступенчатая иерархия ячеек АДТ (табл. 24). Например, Франция подразделяется на регионы, департаменты, округа, кантоны и коммуны, Италия — на области, провинции и коммуны, Нидерланды — на провинции, округа, коммуны (рис. 16). Сложность системы АДТ заключается и в том, что *на некоторых уровнях органы самоуправления отсутствуют*, а действуют лишь администрации, назначаемые центральными или вышестоящими властями. Как говорят юристы, такие единицы АДТ не являются территориальными **коллективами**.

Таблица 24

**Структура административно-территориального деления
и распределение его элементов по людности
в некоторых странах Западной Европы**

Страна	Площадь, тыс. кв. км	Уровни АДТ	Распределение коммун по числу жителей, %
Франция	549	26 регионов, 95 департаментов, 3 заморские территории, около 36,5 тыс. коммун	Менее 0,5 тыс. - 61,0; 0,5-1,0 тыс. - 18,0; 1-5 тыс. - 16,7 ; 5-10 тыс. - 2,2 ; 10-50 тыс. - 1,8 ; более 50 тыс. - 0,3
Италия	301	20 областей 105 провинций около 8 тыс. коммун	Менее 1 тыс. - 22,0; 1-10 тыс. - 62,0; 10-50 тыс. - 8,0; более 50 тыс. - 8,0
Велико- британия	255	Англия, Уэльс, Шотландия, Северная Ирландия; 57 графств; 481 округ, в т.ч. 36 метрополитен- ских и 333 неметрополи- тенских	Метрополитенские округа: 100-200 тыс. - 22,0; 200-500 тыс. - 69,5; более 500 тыс. - 8,5. Неметрополитенские округа: менее 40 тыс. - 3,7; 40-100 тыс. - 62,6; 100-200 тыс. - 31,0; более 200 - 2,7

4. География административно-территориального деления.,

организации межкоммунального сотрудничества

Амстердам

границы провинций

границы 62 регионов

границы муниципалитетов

Рис. 16. Современное административно-территориальное деление Нидерландов.

Раздел II. Политическая география

В федеративных государствах нередко только часть территориальных единиц одного и того же уровня признается территориальными коллективами, а другие ~ нет. Система территориальных коллективов по-разному строится в разных субъектах федерации. Так, Аляска делится в отличие от остальных штатов США не на графства, а на округа. Только примерно в трети штатов континентальной части США (преимущественно на северо-востоке) графства подразделяются на тауны и тауншипы. В ФРГ в землях Саар и Шлезвиг-Гольштейн округов нет, а в землях Гамбург и Бремен органы управления наделены функциями, принадлежащими обычно коммуна.

В распоряжение органов местного самоуправления поступают крупные суммы. Во Франции в 1998 г. их бюджет составил 58,1% государственного бюджета, или 9,2% ВВП страны (государственный бюджет — 20,0%). Прямые и косвенные поступления органов местного самоуправления составили 6,3% ВВП. Большая часть этих средств в 1998 г. была израсходована низшими территориальными коллективами — коммунами (59,3%). На долю департаментов приходится 30,6%; на долю районов — всего 10,1%, хотя доля коммун в 1990-х годах несколько сократилась, а департаментов и районов — выросла. Если же вычесть военные расходы, то вес местного самоуправления во французском обществе будет еще выше — более 2/3 госбюджета. Общее число занятых в органах местного самоуправления и на контролируемых ими предприятиях и учреждениях — около 1200 тыс. человек, или 52% общего числа рабочих и служащих общественного сектора.

Расходы органов местного самоуправления складываются из трех источников:

- налоговых поступлений;
- дотаций государства;
- кредитов.

Рост потребностей в условиях ограниченности маневра между этими тремя источниками накладывает на деятельность муниципалитетов жесткие рамки: размеры налогов контролируются законом и, кроме того, повышение их — мера непопулярная и грозит провалом на выборах мэру или партии у власти. Размеры займов также контролируются государством либо через специально созданные для кредитования местных властей банки, либо иными путями.

4. География административно-территориального деления...

Дотации государства лимитированы, На практике расходы чаще всего на несколько процентов превосходят доходы, и в конечном итоге баланс достигается за счет дотаций. **Основной источник доходов местного самоуправления — местные налоги**, включающие, как правило, подоходный налог, налоги на продажи, на недвижимость и специальные налоги. Соответствие местной налоговой базы необходимым расходам отчасти определяется потребностями людей, которые значительно варьируют от места к месту.

Потребности населения зависят от половозрастной и социальной структуры, особенностей занятости. Расходы муниципалитета выше, если в населении сравнительно велика доля детей (содержание школ — одна из основных статей расходов) или пожилых людей, нуждающихся в медицинском обслуживании и иных социальных льготах. Объективно выше потребности в расходах муниципалитета в депрессивных районах.

Рост потребностей и узость собственной налоговой базы в условиях государства всеобщего благосостояния, в котором государство или органы местного самоуправления субсидировали многие услуги и социальные программы, привели к тому, что муниципалитеты все шире прибегали к займам у государственных или частных банков, что сокращало свободу их действий.

В Великобритании государственные субсидии достигали в 1970-х годах 144% по отношению к местным налогам. Особенно тяжелая финансовая ситуация сложилась в крупных городах, в которых разнообразие и сложность проблем совпадали со слабостью финансовой базы. В конце 1970-х — начале 1980-х годов речь шла о возможном банкротстве таких городов, как Нью-Йорк. Потребовалось пересмотреть саму концепцию отношений государства, местных органов власти и граждан.

Расходы органов местного самоуправления определяются сложным переплетением противоречивых факторов, в том числе географических, определяющих налоговую базу органов местного самоуправления. Главный среди местных налогов — налог на недвижимое имущество, величина которого тесно связана с характером землепользования.

Налоговая база — результат территориального разделения труда, размещения различных сфер деятельности и специализации населенных мест.

Опыт показывает, что налоговые поступления от промышленных и торговых зон в два-три раза превышают расходы охваты-

вающих их муниципалитетов, В преимущественных селитебных зонах складывается обратное соотношение.

В расходах высших звеньев территориальных коллективов доля текущих затрат, как правило, существенно меньше, но выше доля инвестиций, особенно за счет перераспределения средств среди низших звеньев. В расходах низших территориальных коллективов преобладают текущие нужды, съедающие до 2/3 бюджета и более; остальное приходится на инвестиции и выплату процентов по задолженностям.

Расходы органов местного самоуправления, естественно, зависят от их компетенций. Различаются три вида компетенций: *добровольные* (обычно в области культуры, спорта, благоустройства), *обязательные* и *порученные* (по законам, принимаемым более **ВЫСОКИМИ** властями или общегосударственными органами; их доля, как правило, растет). В ФРГ к порученным делам, которые, строго говоря, по закону не входят в компетенцию коммун и делегированы «сверху», относятся полицейские функции, строительный и промышленный надзор, надзор за бездомными, учет численности населения и некоторые другие. Делегирование полномочий «сверху» иногда служит средством хотя бы временно переложить на коммуны часть государственных расходов.

Компетенции в какой-либо сфере редко разделяются полностью. Обычно используется ступенчатая шкала.

Так, полномочия в области транспорта распределяются между районами, департаментами и коммунами Франции следующим образом. На уровне района разрабатывается генеральная схема развития транспорта, проектируются и строятся аэропорты, речные каналы и порты, заключаются соглашения с Национальным обществом железных дорог (государственным). Департаменты высказывают мнение о генеральной схеме, на ее основе разрабатывают планы развития сети дорожных услуг вне городов, одобряют тарифы на перевозки, организуют и финансируют подвоз школьников, высказывают мнение о конкретных проектах, предложенных районами. Коммуны рассматривают все перечисленные планы и проекты и высказывают по ним свое мнение, заключают с властями департамента соглашения по транспорту, планируют и сооружают порты для малых прогулочных судов, организуют работу портовой **полиции**.

И в бывших социалистических странах, и на Западе, где долгое время **исповедывали** концепцию «государства всеобщего благосостояния», территориальные подразделения центральных властей или часто органы местного самоуправления взяли на себя ответственность за обеспечение многих потребностей населения

4. География административно-территориального деления...

(или, как выражаются западные специалисты, стали предоставлять людям все более разнообразные социальные услуги). Они стали отвечать за охрану общественного порядка (муниципальная полиция) и пожарную охрану, водоснабжение и канализацию, вывоз и утилизацию отходов, образование и здравоохранение, общественный транспорт, строительство жилья для малоимущих, контроль за состоянием окружающей среды и т.п. Понятно, что потребовалось разработать модели для рационального размещения и управления этими службами. Оптимальное АТД — это действительно отчасти техническая проблема.

Выделяется три типа *прикладных географических задач*, связанных с местным самоуправлением:

- размещение и облегчение доступности в пределах коммуны или объединения коммун пунктов, куда люди обращаются за получением помощи или какой-либо услуги (поликлиники, школы, библиотеки и т.п.);
- размещение центров, откуда специалисты выезжают для оказания населению помощи или услуг (например, пожарные депо или полицейские участки) таким образом, чтобы максимально сократить время в пути до любой точки на территории коммуны;
- размещение центров сетей коммунальной инфраструктуры (например, мусороперерабатывающие заводы или очистные станции).

Решение этих проблем имеет, разумеется, чисто *технические критерии эффективности*. Можно **оптимизировать** размер объектов коммунальной инфраструктуры исходя из численности, плотности и размещения населения. Наиболее значимы технические критерии, когда речь идет об объектах, при создании которых возможна экономия на масштабах (например, электроподстанций, очистных сооружений). Однако техническая эффективность вовсе не линейно возрастает с увеличением размера объекта. Слишком крупный мусороперерабатывающий завод рискует превратиться в сильнейшего загрязнителя среды. Кроме того, разные объекты имеют и различный оптимальный радиус действия — следовательно, нельзя определить даже теоретически наилучшие административные границы путем наложения оптимальных сфер действия разных объектов — пожарных депо и трансформаторных станций, например.

Раздел II. Политическая география

Важное значение имеют *принципы организации общественных служб, в том числе территориальные*. Различаются по:

- *отраслевому принципу* (для управления каждой службой на всех уровнях создаются особые подразделения);
- *целевому* (создание подразделений для решения определенной задачи);
- *профессиональному* (подразделения, объединяющие специалистов в какой-либо сфере, например, инженеров коммунального хозяйства);
- *территориальному* (подразделения, специализированные на управлении каким-либо ареалом или типом территории).

Чтобы избежать излишних затрат, ненужной конкуренции и дублирования служб, неоправданных различий в финансировании различных служб на разных территориях и территориального неравенства, на практике используются сочетания разных принципов организации.

Экономическая эффективность общественных служб зависит от:

- рационального распределения полномочий в управлении различными сферами деятельности и распределении ресурсов между уровнями власти — центральным, региональным, местным;
- внешних факторов (например, интенсивности бесплатного пользования приезжими услугами, оплачиваемыми муниципалитетом);
- эластичности спроса на услугу в зависимости от цены. Обычно спрос на услугу падает по мере повышения на нее цены. Но есть услуги, спрос на которые мало зависит от цены — например, водоснабжение. Другие услуги (или службы) должны быть централизованы или составляют «естественную монополию» по социальным соображениям — например, санитарно-эпидемиологический контроль, почта, железные дороги (попытки их приватизации в развитых странах не были успешными). Такие службы должны находиться в общественном секторе — под контролем местных или центральных властей.

Однако и эти задачи не могут быть решены чисто технократическими методами — нельзя игнорировать *социальные критерии* — социальный характер пространства. Математические модели подходят для оптимизации размещения предприятий частного сектора — минимизации издержек и максимизации прибыли, но менее

4. География административно-территориального деления...

пригодны, когда нужно принимать во внимание различия в расселении разных социальных групп, расовые проблемы и т.д. У разных групп населения разные потребности. В США можно, например, разработать оптимальный маршрут школьных автобусов, подвозящих учеников, чтобы сократить время в пути и затраты. Но придется учесть, что родители в благополучных пригородах, скорее всего, будут активно протестовать против такой оптимизации, когда узнают, что автобус будет подбирать и маленьких жителей гетто.

Однако решение, казалось бы, технических коммунальных проблем часто упирается в политику — в «непроходимые» границы между муниципальными образованиями или в вопрос, кто пользуется социальной услугой, кому она должна быть в первую очередь доступна.

4.3. Устойчивость и изменчивость административно-территориального деления: противоречие между стабильностью административных границ и динамизмом общественного развития

Системы АД и местного самоуправления обладают еще большим консерватизмом, чем другие элементы государственного устройства. Всякий институт государства быстро обретает механизмы самовоспроизводства и саморазвития. Рост армии чиновников, занятых в управлении на местах, объясняется не только объективным усложнением этой сферы, развитием коммунального хозяйства, децентрализацией и расширением компетенций местного самоуправления, но и бюрократизацией многих его звеньев. Впрочем, АД и должно быть устойчивым. Всякая его ломка чревата крупными проблемами для граждан и хозяйства.

Вместе с тем относительная неизменность АД неминуемо вступает в противоречие с прогрессом в технологии, экономике, социальной структуре и идентичности людей. Поиск соотношения устойчивости и динамики АД, преемственность в эволюции его сетки — непростая задача. *Наращение противоречий между стабильностью АД и развитием общества порождается четырьмя группами проблем:*

- урбанизацией и эволюцией узловых экономических районов;
- технологическим прогрессом и структурными изменениями в экономике;

Раздел II, Политическая география

- изменениями в идентичности (самосознании) и потребностях людей, их отношении к участию в управлении муниципальными делами;
- пересмотром роли государства в решении социальных проблем, появлением новых подходов в его финансировании.

В странах разных типов эти проблемы проявлялись по-разному и на разных этапах исторического развития, однако, так или иначе, они носят универсальный характер. Рассмотрим их по отдельности.

Урбанизация. Рост городов привел к возникновению огромных различий в численности населения, экономическом, а стало быть, и налоговом потенциале низовых административных единиц. В большинстве стран Запада коммуны — самые старые территориальные коллективы, где сложились многовековые традиции общинного самоуправления. Какой бы малой ни была численность населения коммуны, она, как правило, сохраняет определенную, хотя часто и формальную самостоятельность. Права коммун на целостность их территории считаются неотъемлемыми. Территория коммуны может быть изменена лишь с согласия населения либо при одобрении вышестоящих выборных органов. Если такого одобрения нет, то необходимо специальное решение высших законодательных или исполнительных органов (например, во Франции — Государственного Совета).

Поэтому уже на первом этапе урбанизации — «точечного» роста городов — отток населения из сельской местности и ее обезлюдение привели к быстрому росту числа мелких коммун, уменьшению среднего числа их жителей, углублению разрыва между основной массой мелких сельских коммун и небольшим числом крупных и сверхкрупных городских.

До начала 1970-х годов около 80% коммун в Западной Европе насчитывали менее 5 тыс. жителей, а более 65% — менее 1000. В Бельгии более 2/3, а во Франции — более 60% коммун имеют менее 500 жителей. Велики различия и между ячейками АТД более высокого уровня. В самом крупном департаменте Нор во Франции перепись 1999 г. зарегистрировала 2555,0 тыс. жителей, в самом малом — Лозер — лишь около 73,5 тыс. Понятно, что функции формально равноправных коммун резко различаются. Более того, мелкие коммуны просто не в состоянии выполнять положенные функции без сотрудничества друг с другом или с более крупными соседями.

4. География административно-территориального деления...

Для городских муниципалитетов быстрый приток населения поставил множество неотложных проблем, связанных с землепользованием, строительством дешевого жилья, инфраструктурой, общественным транспортом, требовавших крупных затрат, и поиском источников их покрытия. Концентрация рабочих мест в городах привела к появлению массовых ежедневных трудовых поездок, усугубивших финансовые трудности городов из-за так называемого «*эффекта размазывания*» (*spill-over*). Проводя большую часть дня в городе, маятниковые мигранты пользуются его инфраструктурой (например, дотируемым чаще всего городским транспортом), а налоги платят по месту жительства. В итоге расходы городского бюджета как бы «размазываются» по обширной территории, не принося ожидаемого результата.

На этапе *субурбанизации* города «**выплеснулись**» далеко за пределы своих официальных границ, центральные их части нередко деградировали, становясь фокусами концентрации беднейших слоев населения, иммигрантов, национальных меньшинств, молодежи, еще не нашедшей своего места на рынке труда. Более состоятельные семьи переселялись в спокойные и благополучные пригороды, что способствовало углублению финансовых трудностей муниципалитетов. Прежние административные проблемы сохранились, но, кроме того,

обострилась необходимость сложной координации деятельности коммун и даже целых провинций, чьи территории полностью или частично входят в состав единой городской агломерации или функционального узлового района.

Агломерации оказались разделены между десятками и даже сотнями административно-территориальных единиц. В метрополитенских ареалах Нью-Йорка и Чикаго их более 1000, Филадельфии — около 850, Питтсбурга — около 700. В среднем 33 самых крупных метрополитенских ареала США были к началу 1980-х годов раздроблены на 268 административных единиц каждый. Большой Милан включает около 600 коммун. На рис. 17 хорошо видно несоответствие административных границ Стокгольма и реальных рубежей его агломерации.

В итоге решения, принимавшиеся в одной части агломерации, могли затрагивать интересы жителей другой без их согласия. Происходило распыление средств из-за дублирования городских служб, создававшихся «для себя» в разных частях единого города, сниже-

4. География административно-территориального деления...

ние их эффективности из-за недостаточных масштабов и ограничения радиуса действия, отсутствия общегородского планирования и координации. Из-за этого, в свою очередь, *углублялись различия в уровне обеспечения населения городскими службами и их качестве, нарушался баланс между потребностями населения и финансовой базой муниципалитета.*

Кроме того, уровень обеспечения населения коммунальными услугами зависит и от того, *какие политические силы находятся у власти в каждом муниципалитете*, какие отношения они поддерживают с соседями, граничит ли муниципалитет с крупным или малым территориальным образованием (если с крупным, то можно подключиться к его сетям, если с малыми — приходится создавать свои). Социал-демократы и в целом левые силы были (во всяком случае, в теории) более склонны увеличивать расходы на социальные нужды, субсидировать услуги для более бедной части населения, тогда как либералы — вкладывать средства в инфраструктуру. Таким образом, и в чисто политической сфере, казалось бы, подтверждалось правило — *чем больше административных единиц, тем более глубоко социальные различия.*

На деле, однако, все оказывалось сложнее. Группа британских географов провела тщательное исследование зависимости бюджетных расходов английских муниципалитетов от партийного контроля над муниципалитетами, устранив при этом влияние других многочисленных факторов (демографической и социальной структуры населения и его доходов и др.). Оказалось, что *рамки, в которых муниципалитет может маневрировать средствами, чрезвычайно узки*: львиную долю занимают расходы, которые практически не поддаются урезанию или объективно необходимы (ремонт школ, окончание ранее начатого строительства, выплата долговых обязательств и т.п.). Исследование показало, что победа консерваторов или лейбористов на местных выборах почти не оказывает влияния на расходы муниципалитетов на душу населения. Однако более тонкий анализ статей расходов может обнаруживать различия в распределении средств. Даже небольшие различия в нем подчас имеют значительный социальный эффект. Лейбористские муниципалитеты больше расходовали на жилье и образование, чем те, что находились под контролем консерваторов.

Как бы то ни было, в эпоху субурбанизации уже упомянутый «эффект размазывания» дополнился новыми аспектами: *жители зажиточных пригородов*, работающие в центральном ядре агломерации, превратились для его властей в богатых нахлебников, по-

Раздел II Политическая география

сколько пользовались всеми благами, оплачиваемыми муниципалитетом, не компенсируя это своими налогами Правда, поездки жителей пригородов в центр способствуют росту оборота расположенных там предприятий торговли и сферы услуг, а тем самым и росту взимаемых городскими властями налогов Тем не менее, по подсчетам американских специалистов, каждый житель пригородов, приезжающий на работу в Нью-Йорк, «стоил» его муниципалитету ежегодно 21 тыс долларов, а в Вашингтоне — 23 тыс [Шомина, 1986]

Не избежала подобных проблем и Западная Европа Агломерация Брюсселя расположена в трех районах, фактически превратившихся в субъекты федерации, — двуязычном районе Брюссель, состоящем из 19 коммун и охватывающем историческое ядро города, Фландрии и Валлонии Более половины занятых в районе Брюссель ежедневно приезжают из-за его пределов

Население Брюсселя долгое время сокращалось за счет выезда в пригороды наиболее состоятельной его части, в том числе многочисленных чиновников, занятых в руководящих органах Европейского Союза и НАТО В столице концентрируются мигранты (их доля возросла с 16,1% в 1971 г до более чем 30% в конце 1990-х), преимущественно из стран Магриба и Турции, и другие малоимущие слои В результате и средний, и медианный доход на душу населения относительно среднего по стране неуклонно уменьшался (в 1975 г — соответственно 117,5 и 105,4%, в 1989-м — 103,8 и 97,3%) Одновременно дальние пригороды, особенно на юге агломерации, в Валлонии, становились еще богаче В то же время душевые расходы брюссельских коммун, более чем на 1/3 финансирувавшиеся за счет коммунальных налогов, были на 40% выше, чем в Валлонии, и на 70% — чем во Фландрии Уровень коммунальных налогов в районе Брюссель намного выше, чем на периферии агломерации (рис 18 и 19)

Проведенный нами анализ эволюции доходов населения, уровня местных налогов — подоходного и на недвижимость — с 1970 по 1990 г в 59 коммунах Брюссельской агломерации показал растущую поляризацию доходов и уровня коммунального налогообложения Усиление роли провинции Брабант — промежуточного административного уровня между все более усиливавшимися районами и коммунами (провинции не являются в Бельгии территориальными коллективами) — могло бы стать выходом из положения Однако из-за извечной напряженности в отношениях между франко- и нидерландоязычной общинами провинция была разде-

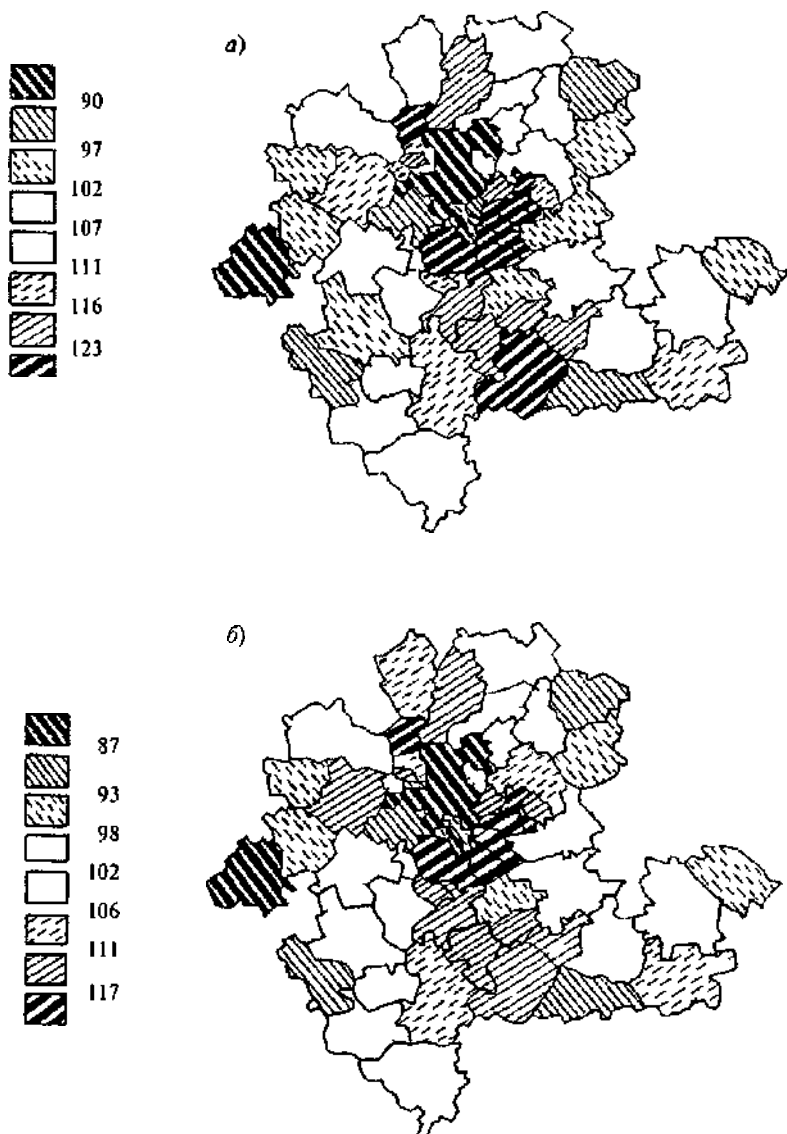

Рис. 18. Доход на душу населения в Брюссельской агломерации в 1978 г (а) и 1988 г (б) (франков, в ценах 1971 г)

Раздел II. Политическая география

Рис. 19. Часть подоходного налога на физических лиц, налагаемая коммунарами в 1981 г. (а) и 1988 г. (б).

4. География административно-территориального деления...

лена между районами Фландрия и Валлония. В этих условиях выходом может стать сочетание дальнейшей децентрализации — ослабление роли центрального правительства наряду с укреплением «Европы регионов» и функций Брюсселя как столицы ЕС.

Субурбанизация на фоне консерватизма сетки АТД закрепила социальную сегрегацию. Во многих штатах США минимальный порог для образования территориального коллектива — всего 500 жителей. До 1900 г. города могли довольно легко расширяться за счет сельских территорий, и в этом были заинтересованы фирмы по торговле недвижимостью и строительные компании. Однако затем жители богатых пригородов захотели оградить себя от социальных катаклизмов городских центров и сохранить низкие налоги, и законодатели практически всех штатов приняли нормы, резко затруднившие рост городских территорий. К ним могут быть относительно легко присоединены лишь территории вдоль автострад или вокруг обслуживающего их аэропорта. Поэтому городские территории росли очень медленно и иерархически приобретали причудливую, с отрогками и эксклавами форму. В соответствии с законодательством многих штатов изменение административных границ происходит лишь после одобрения большинством населения на референдуме.

Администрации богатых пригородов принимают всевозможные меры, чтобы сохранить качество жизни и *предотвратить проникновение на их территории бедных слоев населения*, что неминуемо приведет к снижению цен на недвижимость. Так, в части штата Коннектикут, входящей в агломерацию Нью-Йорка, 75% земли входят в зону, в которой можно продавать участки не менее чем в 1 акр. Нередко регламентируется также характер застройки, чтобы удорожить ее стоимость. Казалось бы, разумный принцип приближения средних школ к жилью приводит к воспроизводству социальной и расовой сегрегации, с чем без особых успехов пытались бороться, составляя такие маршруты подвоза учеников автобусами, которые охватывали «белые» и «черные» кварталы (тауншипы) [Сох, 1973; Short, 1993; Taylor and Flint, 2000].

В бывших социалистических странах также возникло несоответствие между подлинными размерами города и его официальными границами. Но вопрос решался относительно просто: время от времени принималось постановление о расширении городской территории. Так, территория Москвы была резко увеличена в 1960 г., когда ее рубежи были раздвинуты до строившейся Московской кольцевой автодороги (МКАД) и в них включены несколько городов Московской области и обширные сельские пространства. В 1984 г.

Раздел II. Политическая география

Москва протянула свои «щупальца» вдоль некоторых магистралей уже и за МКАД, хотя новое увеличение ее площади вызвало неодобрительные отзывы многих специалистов, полагавших, что следовало более интенсивно использовать городскую территорию путем выноса непрофильных для столицы предприятий, складов, замены высоковольтных ЛЭП подземными кабелями и т.п. Расширение территории города повлекло за собой дальнейшее увеличение протяженности коммуникаций, затрат времени москвичами на поездки к месту работы, сокращение лесопаркового защитного пояса. Это решение трактовалось как победа лобби столичного строительного комплекса: проще и дешевле вести поточное строительство жилья «в чистом поле», чем маневрировать на ограниченных площадках, оставшихся внутри города.

На современном этапе **«контрурбанизации»** дисперсность размещения населения и рабочих мест еще более возрастает. Все более ценятся качество окружающей среды, особенности городской среды, характерные для малого города. Постиндустриальная экономика вызвала резкое увеличение доли рабочих мест на мелких предприятиях в сфере услуг, в том числе особенно в так называемых производственных — в консалтинге, дизайне, рекламе, маркетинге, аудите, связанных телекоммуникационными сетями, и даже на дому. Эпицентры экономического роста сместились в удобно расположенные малые города и сельские поселения, а также в деловую часть некоторых крупнейших («мировых») городов — центров управления глобализирующейся экономикой.

Все это, с одной стороны, затруднило, а с другой — сделало менее актуальным или, во всяком случае, *сильно изменило потребности в координации деятельности сотен и тысяч коммун, входящих в узловые районы вокруг крупных городов.* Более того, изменения в социальной структуре жителей и их **ментальности** сделали стратегическое планирование в рамках обширных территорий политически неприемлемым.

Технологический прогресс и структурные изменения в экономике. Мы начали рассмотрение противоречий между тенденциями общественного развития и стабильностью АТД с урбанизации, но очевидно, что характер расселения на каждом историческом этапе связан с экономическими сдвигами и технологическими инновациями в промышленности, на транспорте, в связи, торговле.

На раннем этапе урбанизации систему поселений в густонаселенных районах Европы связывали пассажирское *железнодорож-*

4. География административно-территориального деления...

ное сообщение и трамвай. Так, территория Бельгии была пронизана трамвайными линиями, в том числе междугородными, что позволило рабочим жить в небольших городах и сельской местности и сохранило традиционную планировку городов с **односемейными** домами в двух-трех уровнях, окруженными небольшими участками. С этим связана и приверженность бельгийцев сохраняющимся веками мелким коммуна́м. Однако в большинстве стран именно на этом этапе урбанизации росли крупные городские промышленные агломерации. В промышленности ведущую роль играли крупные предприятия, поскольку большая единичная мощность агрегатов, например в черной металлургии, обеспечивала высокую экономическую эффективность.

На ход более поздних этапов урбанизации огромное влияние оказала *автомобилизация*, позволившая значительно отдалить жилье от рабочих мест, вынести за границы крупных городов торговые и развлекательные центры, изменившая модели потребления и образ жизни в развитых странах. В Центральной и Восточной Европе, в том числе в России, автомобилизация началась гораздо позднее и в меньших масштабах. Производственная и территориальная концентрация промышленности была выше, что, наряду с другими важными причинами, способствовало продолжению роста **«точечных»** крупных городов, укреплению структур типа «центр — периферия» в АТД.

Современное развитие *телекоммуникаций* еще больше ослабляет зависимость между размещением фокусов экономической жизни и расселением.

Изменения в идентичности и потребностях людей и их отношении к участию в управлении муниципальными делами. Чувство единства интересов, принадлежности к территориальной общности жителей страны, района, города, местности — одна из основ местного самоуправления, причем ее роль возрастает. От нее зависит заинтересованность в местном самоуправлении, легитимность, а следовательно, и эффективность деятельности администрации. Для нынешней ситуации в развитых странах характерны *три тенденции*.

Растущий индивидуализм, вызывающий отчуждение людей от крупных административных единиц, стремление отгородиться от «чужих» проблем границами своих коммун. Представители среднего класса стремятся жить в изолированных, социально однородных и строго контролируемых ими общинах. Крайним выражением такого подхода стали так называемые *gated communities* («общины за воротами») в США — огороженные со всех сторон поселения,

Раздел II. Политическая география

в которые не только ограничивается доступ посторонних (например, нельзя въезжать на джипах), но регламентируются многие аспекты повседневной жизни. Их жители выступают резко против каких-либо проектов, не связанных с обслуживанием их непосредственных нужд — от промышленных предприятий до торговых центров. Побеждает психология *NIMBY* — «*not in my backyard*'» («только не на моем дворе!»). Людей все чаще волнует, что **делается** в их квартале (*neighborhood*), а до города в целом с его сложными проблемами, бедными и бездомными, автомобильными пробками и неадекватной инфраструктурой им мало дела. **Этому** же способствуют сдвиги в технологиях предоставления традиционных муниципальных услуг, их передача частному сектору. Другой стороной медали является рост интереса обитателей изолированных общин к деятельности низовой административной единицы (более активное участие в выборах и т.п.); рост этнического и регионального самосознания и усиление региональной идентичности часто в ущерб национальной (государственной), способствующей регионализации.

Пересмотр всего комплекса отношений между человеком и местной администрацией. *Правам личности все чаще отдается приоритет в сравнении с интересами территориальной общности.*

Потребности людей растут и, что особенно важно, постоянно диверсифицируются. Органы власти на разных уровнях, как правило, неспособны быстро и адекватно реагировать на изменения в потребностях. В эпоху «государства всеобщего благосостояния» на Западе и при социализме в Центральной и Восточной Европе они взвалили на себя ответственность за многие сферы жизни общества, и бремя расходов оказалось чаще всего непосильным. Социальные программы и деятельность коммунальных служб приносились в жертву интересам политиков и партий, падала их эффективность. Ныне предполагается, что слишком сильная финансовая зависимость местного самоуправления от центральной власти, с одной стороны, и людей от государственных органов — с другой, подавляет местную и частную инициативу, общественную самоорганизацию (низовую демократию). В деятельности местного самоуправления, в частности в городах, упор переносится от прямого контроля над деятельностью разных коммунальных служб на создание необходимых условий для проявления частной или групповой инициативы в соответствующих сферах и регулирование рынка услуг. Это создает предпосылки для уменьшения занятых в управлении и роли местных властей

4. География административно-территориального деления. .

вообще и опять-таки повышает жизнеспособность, казалось бы, раньше обреченных мелких коммун.

Таким образом, суть проблемы адаптации АД к социальным изменениям заключается в том, что пространство деятельности людей в ходе быстрого технологического прогресса непрерывно меняется

Это касается всех его пространственно-временных циклов — ежедневных (поездки на работу), еженедельных (проведение **уик-энда**, поездки во второе жилище), жизненных (переезды, связанные с изменениями в семейном положении) и др. Имея в виду возрастающую роль телекоммуникаций, американский географ **Б. Берри** назвал наше время эпохой телемобильности. *Следовательно, модифицируется территориальность людей — самоидентификация с конкретным местом жительства, населенным пунктом, районом, их заинтересованность в местном самоуправлении.*

Пространство деятельности, в котором протекают процессы социализации, социального воспроизводства людей, в котором они выступают как потребители товаров, услуг, городской среды, — **это** и есть территориальная основа демократического участия в управлении. Система административных границ, унаследованных от прошлых исторических эпох или созданных на основе технических и бюрократических критериев оптимального административного районирования, отстает от технологических и социальных изменений — они либо гораздо уже пространства деятельности (как в крупных городах в период субурбанизации), либо шире его. *В этом состоит определенная угроза демократии, социальной устойчивости общества*

Поэтому вполне естественно, что мысль специалистов по территориальному управлению и особенно географов долгое время была направлена на то, чтобы в максимально возможной степени *совместить функциональные границы* городских узловых районов (границы де-факто) с *границами административных единиц* (де-юре). Выдающийся шведский географ **Т. Хагерstrand** предложил приблизить административные границы к рубежам пространства деятельности людей, а точнее — пространственно-временных циклов, из которых складывается их жизнь. На этих идеях была основана американская *концепция стандартного метрополитенского статистического ареала (СМСА)*, ограничивающего зону, в которой не менее 15% самостоятельного населения работает в центральном городе. На них ориентировалась реформа АД в Великобритании, предпринятая в 1974 г. —

Раздел II. Политическая география

одна из самых радикальных в Европе. Наконец, на нее во многом опиралась теория административного районирования в СССР и многих других бывших социалистических странах.

Однако сразу выявились трудности применения этого подхода: невозможность постоянного приспособления административных границ к **реальным** социальным рубежам, трудности в выборе критериев их определения. Действительно, если взять критерий СМСА, 1 5% самостоятельного населения — это очень небольшая его часть, и к тому же оно составляет только 40—60% всех жителей. Пространственно-временные циклы, связанные с ежедневными поездками на работу, — важная часть деятельности населения, но далеко не единственная. Иными словами, *жизненное пространство большинства населения агломерации много уже границ СМСА*

Если придерживаться **двухзвенного** административного деления, то можно взять за основу его границ два вида деятельности населения — например, трудовую и потребление товаров и услуг — но каких? Безусловно, можно выбрать некие более или менее естественные лимиты, связанные с различными потребностями человека — например, трудовые поездки обычно сходят на нет за пределами изохроны двухчасовой доступности; продукты питания, предметы первой необходимости приобретаются невдалеке от дома, школы также не могут быть расположены слишком далеко от места жительства и т.д. Но каким потребностям отдать приоритет — не вполне ясно.

Другой подход к определению административных границ — *выделение примерно одинаковых и «оптимальных» по численности населения территориальных ячеек, но его применение наталкивается на ту же проблему поиска критериев.*

В большинстве европейских стран в основном сохраняется АТД, сложившееся в результате волны реформ АТД, прошедших по всей Европе в 1970-х — начале 1980-х годов. Некоторые обусловившие их факторы актуальны и сегодня.

4.4. Реформы АТД: географические предпосылки и последствия

Главными направлениями реформ 1970-х — начала 1980-х годов были:

- приближение АТД к границам функциональных городских районов;

4, География административно-территориального деления...

- укрупнение территориальных ячеек — низовых административных единиц;

- * укрупнение единиц основного деления {первого порядка} — создание административных регионов.

Укрупнение низовых ячеек. Радикальное решение проблемы — ликвидация мелких старых коммун и создание на их месте новых территориальных коллективов. В результате изменений АДЧ число коммун сократилось в Финляндии с 600 до 327, ФРГ — с 24,5 тыс. до 8,5 тыс., Бельгии — с 2500 до 596, Дании — примерно с 1400 до 275. Но во многих странах слияние коммун весьма ограничено. Во Франции, например, где принят ряд законов, стимулирующих слияние мелких коммун, с 1955 по 1971 г. оно затронуло всего 864 коммуны и привело к исчезновению 462 коммун. После 1971 г. слияние коснулось еще около 2 тыс. коммун, но все же их доля не превысила и 10% общего их числа [Драго, 1982]. И поныне в стране насчитывается около 36 тыс. коммун.

В Великобритании в ходе почти 20-летних дебатов британские географы предлагали положить в основу сети АДЧ *крупный город с его полем тяготения* — *городской район*, для чего потребовалось бы перекроить все старые административные границы. Однако в принятом проекте за основу взяты старые границы, хотя число территориальных ячеек сокращено примерно на треть. Одна из главных особенностей действующего деления — образование метрополитенских графств на территории 6 крупных агломераций. Эта реформа считается одной из наиболее радикальных и стала возможной лишь благодаря дуалистической системе управления, принятой в Великобритании. Укрупнение низовых административных единиц отражало и озабоченность правительства тем, что в самых мелких из них всегда больше шансов быть избранными имели радикалы и некоторые местные советы превратились, как тогда выражались, в «маленькие Москвы» («*little Moscovs*»).

В других странах широко применяются гибкие способы объединения коммун без потери ими самостоятельности. Такой путь — создание организаций межкоммунального сотрудничества в двух формах — *добровольных целевых соглашений и создания надкоммунальных единиц*, иногда в обязательном порядке на основе закона. В последнем случае каждая коммуна остается автономной, но делегирует часть полномочий общему для них органу, состоящему из представителей объединяющихся коммун или на основе косвенных многоступенчатых выборов.

Раздел II. Политическая география

В ФРГ в **надкоммунальные** объединения входят большинство коммун. Они становятся субъектами планирования, **им** передаются полномочия, изъятые из компетенций коммун. Для агломераций, занимающих более 20% территории страны, создаются «объединения городов», заменяющие крайзы. Эти **«двухступенчатые»** органы являются одновременно и союзом коммун, и коммуной.

Постоянное отставание доходов от потребностей заставляет органы местного самоуправления искать возможности для

«экстернализации» расходов — избавления от некоторых трат и ответственности за соответствующую сферу путем перевода ее на частную основу.

Такую возможность дают, в частности, специальные округа. Они также позволяют упростить систему АД общей компетенции. В США им делегируются прежде всего функции в области среднего образования (школьных округов — более 16 тыс.), но также санитарии, здравоохранения, жилищного строительства, библиотечного дела, водоснабжения и т.д. [Short, 1993]. Большинство специальных округов никак не связано с границами низовых территориальных единиц и подчиняется напрямую штатам. Только 14% специальных округов совпадают с единицами **общей** компетенции. Некоторые округа устанавливают собственные целевые налоги, в них общим голосованием населения избираются советы. Органы управления других избираются путем косвенных выборов.

К недостаткам специальных округов можно отнести огромную разницу в налогообложении между ними. Например, в школьных округах США расходы в расчете на одного ученика различаются во много десятков раз. Кроме того, затруднен демократический контроль за деятельностью даже тех округов, которые управляются выборными органами.

Дробность и усложненность территориального управления отчасти имеет политический смысл — ослабить политическую борьбу, отстранить низкооплачиваемую часть населения от участия в ней.

«В самом деле, — писал английский исследователь К. Ньютон, — политические различия легче выразить, когда социальные группы действуют в рамках одной политической системы и одних и тех же политических институтов, но эта задача осложняется, когда эти группы разделены политическими границами и не выступают на одних и тех же выборах, не борются за контроль над одними и теми же выбор-

4. География административно-территориального деления...

ными органами, не ведут дискуссии об одном и том же муниципальном бюджете» [Newton, 1978, p. 84].

В итоге в городских агломерациях США органы местного самоуправления и специальные округа реализуют главным образом интересы жителей богатых пригородов.

При укрупнении административно-территориальных единиц и создании надкоммунальных объединений, таким образом, есть риск снижения уровня муниципальной демократии. Не случайно меры по укрупнению коммун сопровождались децентрализацией в ряде наиболее крупных коммун — созданием квартальных советов в Риме, Милане, Париже, Марселе и Лионе. Создание меж- и надкоммунальных объединений чревато развитием бюрократического государственного управления в ущерб представительным учреждениям.

В большинстве стран, даже с дуалистической системой организации местного самоуправления, *контроль за деятельностью органов местного самоуправления — важнейший политический ресурс*. Он может использоваться оппозиционными силами для противостояния партиям и силам, находящимся у власти в центре. Это противостояние стало предметом так называемой *инструменталистской теории местных органов власти*. Правительства активно используют рычаги воздействия на них:

- регулирование их деятельности нормативными актами, утверждение планов и бюджетов, установление лимитов на местные налоги, прямой контроль через своих чиновников;
- передача части функций и соответствующего финансирования центральным государственным институтам и/или государственным или частным компаниям;
- санкции, вплоть до роспуска законно избранных советов. Наиболее известный случай — роспуск в 1986 г. консервативным правительством М. Тэтчер Совета Большого Лондона и еще шести советов других городов, возглавляемых лейбористами. Эти советы были восстановлены только после возвращения лейбористов к власти в 1997 г.

Создание крупных регионов путем объединения административно-территориальных единиц первого порядка — объективная потребность нынешнего этапа социально-экономического развития. На Западе она возникла и по экономическим, и по политическим причинам еще в 1970-х годах.

Раздел II. Политическая география

Политические причины заключались в активизации местного капитала и создании так называемых *региональных коалиций* и связанных с ним политических сил как реакция на процессы глобализации мировой экономики.

Стадии подъема циклов Кондратьева сопровождаются волной инвестиций, распределение которых происходит в соответствии со специфичными для нее закономерностями. Так, на этапах ранней индустриализации основная часть инвестиций направлялась в угольные и железорудные бассейны и в районы, хорошо обеспеченные водой и гидроэнергией, в которых развивалась текстильная промышленность. Известный британский географ Д. Мэсси уподобила волны инвестиций геологическим отложениям [Massey, 1984]. В одних районах слой таких отложений заметно гуще, чем в других (обычно это столичные регионы). Иногда «древнейшие» отложения выходят на поверхность (депрессивные районы, как правило, малопривлекательные для инвесторов в последние десятилетия), в других, наоборот, старые слои перекрыты новейшими осадочными породами (это районы современных высокотехнологических отраслей). Каждый район или город, таким образом, имеет «в анамнезе» свою уникальную траекторию развития, которая во многом объясняет особенности местной политической культуры и формирования локальной элиты.

Согласно Мэсси, современный кондратьевский цикл ставит местный капитал перед выбором трех альтернатив:

- ответить на вызов конкурентов из других районов, **выигрывающих** от притока новых инвестиций и, в свою очередь, увеличить вложения в производство, чтобы поднять его эффективность. Но, как правило, для этого приходится сокращать социальные издержки;
- перенести производство в другие регионы или страны с более благоприятными факторами производства (в частности, с более дешевой рабочей силой);
- создать «коалицию развития» на месте, т.е. объединить усилия местных производителей, не принадлежащих крупным транснациональным компаниям, местных властей и ведущих социальных сил (партий, профсоюзов, общественных организаций), убедив их затянуть пояса и попытаться создать более привлекательные условия для инвесторов, изменить имидж региона или города и противостоять вызовам глобализации. Такие коалиции особенно характерны для США.

4. География административно-территориального деления...

При этом состав и природа таких коалиций должны гибко меняться в зависимости от обстоятельств и не попадать под влияние консервативных сил, обычно занимающих сугубо оборонительную, а стало быть, проигрышную в итоге позицию. К примеру, в депрессивном районе подобная коалиция не должна идти на поводу у металлургических компаний, стремящихся оттянуть неизбежный конец, а пытаться активно реструктурировать промышленность и хозяйство в целом.

Отсюда дилемма для региональных или местных властей. Можно поставить *во главу угла интересы повышения потребления*, рискуя проиграть другим странам и регионам стратегическое соревнование за инвестиции в глобальном масштабе. Но можно и *отдать приоритет накоплению*, мобилизуя граждан как потребителей, однако рискуя вызвать социальное недовольство.

Эта дилемма встала перед региональными властями и в целом политическими элитами уже довольно давно, с середины 1970-х годов, когда западная экономика успешно справилась с энергетическим кризисом и встала на путь ускоренной интернационализации. Этот период вполне логично совпал с подъемом *политической активности населения периферийных районов*, особенно специфичных в этнокультурном отношении. Наиболее богатые из них не хотели больше в условиях жесткой конкуренции делиться со своими соседями через общегосударственные механизмы перераспределения, в бедных ситуация обострилась из-за свертывания старых отраслей.

Так или иначе, «этнические предприниматели», пытаясь укрепить этническую и/или региональную идентичность, всегда активно разыгрывают экономическую карту, подчеркивая подлинное или мнимое ущемление интересов региона центральными властями. Отсюда — требование передачи регионам реальных полномочий, связанных с хозяйственным, социальным и культурным развитием, создания крупных регионов, особенно охватывающих ареал расселения национального или культурного меньшинства, и наделения его представительными органами.

В то же время и центральные власти воспользовались этими тенденциями для того, чтобы передать социальные задачи властям регионов и оздоровить бюджет.

II Таким образом, возникла общая заинтересованность в
II регионализации — «снизу» и «сверху».

Раздел II. Политическая география

К числу стран, в которых теория и практика регионализации имеет особенно длительную и сложную историю, относится Франция. Однако только в 1982 г., после прихода на пост президента Ф. Миттерана, регионы стали полноценными территориальными коллективами наряду с департаментами и коммунами. При этом финансовая база регионов была задумана таким образом, чтобы их бюджет наполнялся в основном из собственных источников. В 1980–1990-х годах региональные власти действовали весьма успешно.

Реформы АТД, как правило, сопряжены с изменением механизма межрайонного перераспределения налоговых средств. Однако, как уже отмечалось в предыдущей главе, этот механизм нуждается в периодическом пересмотре, ибо в противном случае может оказаться, что «бедные» районы платят «богатым». Во Франции, например, разработаны процедуры, позволяющие передавать часть налогов в пользу преимущественно селитебных поселений, т.е. противодействовать эффекту «богатого нахлебника».

В - п е р в ы х, перераспределение части средств, поступающих от налога с оборота, в пользу селитебных коммун производится через специально создаваемые надкоммунальные объединения в соответствии с величиной этого налога на душу населения.

В - в т о р ы х, этим объединениям передаются компетенции в области жилищного строительства и градостроительства и других важных социальных областях. Коммуны, входящие в объединение, обязуются согласовывать ставки некоторых налогов и налоговые скидки.

В - т р е т ь и х, создаются механизмы перераспределения на уровне вышестоящих органов власти, например, специальные фонды, которыми распоряжаются генеральные советы департаментов. 40% фондов получают слабые коммуны, у которых налоговая база недостаточна в сравнении с потребностями, 60% — коммуны, в которых проживает часть рабочей силы, занятой на крупных предприятиях богатых коммун. При этом последним возвращается часть отчислений, если какой-либо процент работающих живет в той же коммуне. Однако поскольку отчисления в департаментский фонд рассчитываются по прогрессивной шкале, компании стремятся сократить или избежать их, разбивая производство на несколько формально независимых предприятий.

Возражая против сложившейся системы компенсаций, представители заинтересованных коммун не без основания утверждают, что более высокие налоговые поступления в бюджет индуст-

4. География административно-территориального деления...

риальных коммун — не более чем возмещение их жителям за худшие экологические условия и другие неудобства.

Необходимость перераспределения налоговых поступлений ставит важную в теоретическом и практическом отношении проблему *территориальной справедливости*. Эта многогранная проблема включает такие аспекты, как определение приемлемых границ неравенства между территориальными коллективами и пути компенсации изначального неравенства в условиях их деятельности, права территориального коллектива и пути компенсации неравенства в распоряжении природными ресурсами и связанной с ними рентой. Важно правильно соотнести заинтересованность центра в определенных функциях территории и возражения против этого самой территориальной общности людей.

Территориальная справедливость может рассматриваться как равный доступ граждан в разных территориальных ячейках к услугам и другим благам в соответствии с потребностями (*уравнительный подход*). Но есть и другая точка зрения, подразумевающая некоторую степень неравенства в связи с разной эффективностью хозяйства регионов, их разным вкладом в общую копилку.

По-видимому, наиболее справедливым можно считать подход, обеспечивающий *выравнивание бюджетов регионов в зависимости от усилий, требующихся для получения одинакового экономического результата в разных условиях*. Наконец, при выравнивании диспропорций в условиях самоуправления нужно предусмотреть *компенсацию определенным регионам за их чрезмерно узкую специализацию* на какой-либо отрасли в интересах всего общества, из-за чего сужается спектр социальных ролей для человека, он лишается должного выбора профессии и путей в жизни, нередко вынужден мигрировать [Смирнягин, 1990].

В законодательстве зарубежных стран обычно предусмотрены возможности *преодоления крайних проявлений эгоизма* со стороны органов местного самоуправления. Например, в ФРГ городские власти в городе-крайзе или в городском объединении коммун могут принудить их администрацию согласиться со своим решением на основании *«общественной целесообразности»*.

Во Франции имеются законодательные процедуры, позволяющие государству или районным властям вторгнуться в святая святых местного самоуправления — землепользование, объявив какую-либо зону *«землями, представляющими общественный интерес»*, и таким образом реализовать нужный, но непопулярный проект. Одна-

Раздел If. Политическая география

ко затрагиваемым коммунам предоставляется существенная материальная компенсация, по поводу которой возможен торг.

Медленное течение реформ АТД связано и с заботой государства о преемственности его сеток, надлежащем восприятии преобразований общественным мнением, предпочтением косвенных, стимулирующих мер принудительным. Реформа АТД — сложный процесс, часто выдвигающийся в число приоритетных в политической жизни. Частично это вызвано *политической заинтересованностью в стабильности АТД, служащего основой сети избирательных округов.*

Известна закономерность: чем дольше сохраняются границы округа, тем сильнее тенденция голосовать за кандидата одной и той же партии — известного в регионе политического деятеля. Во Франции до реформы избирательного закона 1986 г. насчитывалось 25 округов, границы которых не менялись по крайней мере с 1927 г. (три — даже с 1875 г.). В них, как правило, не только от выборов к выборам избирался один и тот же кандидат правой партии, но и после его смерти или ухода из политической жизни его мандат переходил к его детям или ставленникам.

4.5. Россия: геополитические потрясения и волны административных реформ

для эволюции АТД России характерно *чередование периодов стагнации, реформ, как правило, весьма радикальных, проводившихся «сверху», резко и внезапно, без серьезной подготовки общества, и контрреформ* [Анимица, Тертышный, 1998]. Эти реформы были связаны:

- прежде всего с геополитическими изменениями, «пульсацией» территории страны — почти неуклонным ее расширением на протяжении XVIII—XIX вв., сокращением в первые годы советской власти и последующим частичным восстановлением в результате гражданской и Второй мировой войны, а также освоением редкозаселенных территорий на севере и востоке;
- с изменениями идентичности этнических групп в стране, ставшей многонациональной еще в XVI в., внутренней национальной политики государства. Она, в свою очередь, переплеталась с внешней политикой и геостратегией, поскольку Россия была отделена от других центров силы широкими «проливами» с этнически пестрым населением, в пределах которых «меандрировали» государственные границы, разделявшие близкородственные группы;

4. География административно-территориального деления...

- * с каждым новым витком направляемых сверху экономических реформ, призванных в очередной раз попытаться догнать передовые страны в уровне развития технологии и производства, прежде всего во имя повышения боеспособности вооруженных сил;
- с изменениями политического режима — волнами либерализации, сменявшимися периодами реакции, сильно влиявшими на организацию местной власти и особенно развитие местного самоуправления.

В этом параграфе рассматриваются главным образом изменения собственно АТД в увязке с организацией местной власти и самоуправлением без учета многочисленных и важных изменений в числе, составе и статусе «национальных» территориальных единиц, хотя отделить эти изменения можно только условно.

Допетровская история
местного самоуправления
и административно-
территориального деления

*Российское местное самоуправление
имеет почти столь же длительную
историю, как и западноевропейское:*
его истоки восходят к феодальным
городам-республикам Новгороду и

Пскову (XI—XII вв.), государственное устройство которых было сходным с другими европейскими вольными городами. В этих республиках вече, в котором могли участвовать только свободные горожане, избирало должностных лиц и самого князя. Собственно города состояли из концов (районов), которые, в свою очередь, делились на улицы и сотни. Каждый конец пользовался значительной степенью самоуправления, и его жители избирали своих представителей.

Русские земли пользовались немалой автономией вплоть до XVII в. Центральная власть и сословия взаимодействовали через **сословно-представительные** учреждения — земские соборы. К XVI в. сформировались уезды — наиболее значимые АТЕ, делившиеся на волости. Однако единой системы АТД не было, поскольку земли (княжества) складывались, как и в Западной Европе, на протяжении веков из системы вассальных владений.

Новые административные единицы возникали на территориях, отвоеванных у Золотой Орды и ее наследников. В результате княжества резко различались по территории и населению, имели причудливые, неудобные границы, множество «островков» — эксклавов, удаленных от основной территории порой на сотни километров. Главной задачей выборных лиц было распределение налоговых платежей, оброка и повинностей.

Раздел II. Политическая география

Реформы Ивана Грозного (1547—1584) способствовали формированию централизованного государства. Были организованы земства, задачей которых было не столько самоуправление, сколько исполнение указов свыше. Но города могли пользоваться определенной автономией, откупившись от власти особым («посошным») ежегодным налогом. В годы опричнины — террора против всех, кого можно было подозревать в стремлении к некоторой самостоятельности — прогрессивные начала реформ были выхолащены. Канун Смутного времени характеризовался борьбой земского начала против активных тенденций к централизации, исходивших от царской администрации.

В период войн против иноземных захватчиков и гражданских конфликтов *в Смутное время земства стали практически единственной реальной политической силой* в России и возглавили борьбу за восстановление российского государства. На общенациональном Земском соборе в 1613 г. был избран первый царь из династии Романовых. Однако в дальнейшем укрепление абсолютизма привело к постепенному сокращению роли земств и переходу к бюрократическому государственному управлению территориями через воевод и систему приказов (министерств). Тем не менее ростки местного самоуправления не были полностью уничтожены. Разверткой и сбором податей по-прежнему занимались выборные местными сообществами лица.

Реформы Петра I

*Основы современного АД России
были заложены Петром I, упразд-*

нившим прежние феодальные территориальные единицы. Целью петровских реформ была дальнейшая централизация управления государством и концентрация власти в руках монарха. В 1708 г. Петр образовал восемь огромных генерал-губернаторств (почти столько же, сколько сейчас федеральных округов). Однако довольно быстро оказалось, что столь крупными территориальными единицами трудно управлять, и еще при жизни Петра они были разделены. В 1719 г. число губерний было увеличено до 11, сами они разделены на провинции (их насчитывалось 47, затем 50), а позже — на дистрикты. В 1713 г. при назначаемых царем губернаторах, в чьи функции входили как гражданское управление, судебное производство, так и командование всеми войсками на территории губернии, были учреждены избиравшиеся дворянами 8-12 постов ландратов, просуществовавшие, однако, только до 1719 г.

При Петре I была изменена и система городского управления.

4. География административно-территориального деления...

В отличие от Западной Европы, русский город был прежде всего государственной крепостью и средоточием функций управления, поэтому и управление им организовывалось «сверху» [Анимица, Тертыйный, 1998]. К исходу Петровской эпохи (1718-1724) в российских городах по остзейскому образцу были созданы магистраты, избиравшиеся на посадских сходах и заведовавшие делами торгово-промышленного населения. Нечего и говорить, что все «подлое» население, занятое по найму или на черных работах, в выборах участвовать не могло. В задачи магистратов входило также составление «описаний» (переписей) городов и промыслов. Мирские сходы в городах занимались разверсткой податей.

В 1727 г. число и границы губерний были уточнены, а магистраты переданы в подчинение губернаторам. Некоторые изменения в сетку АД вносились и позже, вплоть до знаменитой екатерининской реформы 1774–1775 гг. Ее целью было расширение прав территориальных органов управления и вовлечение в их деятельность местного дворянства.

Преобразования Екатерины II *Реформа Екатерины II оказала огромное влияние на государственное устройство России.* Были разработаны достаточно четкие критерии деления страны на губернии и уезды, учитывавшие расселение, интересы обороны, состояние экономики и транспорта, Специальные комиссии готовили доклады по границам и устройству каждой будущей губернии, «защищавшиеся» на заседаниях под председательством самой императрицы. Поэтому с осуществлением реформы не спешили — оно растянулось до 1785 г. Было установлено, что численность населения губерний должна быть от 300 до 400 тыс. душ мужского пола, а уездов — 20-30 тыс. Губернские и другие административные центры должны были иметь хорошую транспортную доступность из столицы, что было призвано способствовать эффективной прямой и обратной связи и облегчать мобилизацию в случае войны. Многие губернии оказались вытянутыми вдоль Волги, игравшей в то время роль незаменимой транспортной магистральной.

Созданные еще в XVIII в. губернии в центральной части страны, коренной России, просуществовали вплоть до преобразований после революции 1917 г. Более того, даже *нынешние границы областей нередко следуют рубежам, начертанным более двух веков назад.* Установлено, что 54% границ областей Центрального района повторяют губернские границы. Они устоялись в сознании насе-

Раздел II. Политическая география

ления, закреплены в системе расселения, дорожной сети и даже в экологическом каркасе территории — ведь пограничные между областями зоны отличаются разреженностью дорожной сети и пониженной освоенностью. Все это в немалой степени результат всегда свойственной России высокой централизации, способствовавшей росту прежде всего административных центров, значительно опережавших остальные города [Лаппо, 1997], и формированию вокруг них узловых районов, господству структур «центр—периферия».

По екатерининскому закону, в стране было установлено двухчленное АД «губерния—уезд», причем управление всеми учрежденными губерниями было организовано по единому образцу. Все-го к 1785 г. насчитывалось 41 наместничество (так поначалу назывались новые губернии), 3 губернии и одна область на правах наместничества.

К 1796 г. число губерний возросло до 51. Губернаторы по-прежнему назначались высочайшим указом и могли участвовать в работе Сената с правом голоса. Впервые перед местным управлением была поставлена задача не только быть проводниками указов центральной власти, но и оказывать населению социальные услуги — строить больницы, богадельни, школы и т.п. Часть состава губернских учреждений выбиралась по сословиям — именно с екатерининской реформы в России стали возрождаться земства.

Города впервые стали самостоятельными административными единицами, в них при назначаемых городничих снова появились выборные, хотя и подконтрольные, магистраты, избиравшиеся купечеством и мещанством. Изданная в 1785 г. «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», установившая понятие городского общества, стала первым законом о местном самоуправлении. В эти общества включались жители города вне зависимости от сословной принадлежности. Критериями служило постоянное проживание в городе, владение недвижимостью, занятие торговлей или ремеслом или служба в учреждении. Городское общество получило право избирать (хотя и по высокому имущественному цензу и под строгой опекой правительственных чиновников) собрание городских обывателей, действовавшее наряду с магистратами. Городам было предписано иметь планы застройки, утверждавшиеся императрицей.

Павел I инициировал новый виток укрупнения губерний, однако его наследник Александр I восстановил с некоторыми изменениями екатерининскую сетку АД. Она менялась в основном на периферии империи, и в целом число губерний медленно увеличивалось.

4, География административно-территориального деления...

Конец XIX — начало XX в.:
реформы и реакция

Новый виток реформ последовал вскоре после прихода к власти Александра II и был органически связан с освобождением крестьян. Они были подготовлены бурными дискуссиями в российском обществе и распространением идей общественного самоуправления и земства как его специфической российской формы.

Знаменитый закон 1861 г., отменявший крепостное право, сохранил нормы об организации крестьянского самоуправления на уровне села и волости, которые раньше управлялись лицами, избранными на сходах — в селах непосредственно, в волости — делегатами от каждых 10 дворов. Волостной старшина и волостное правление занимались не только разверсткой податей и рекрутским набором, но и вопросами призрения, землепользования, благоустройства, другими хозяйственными делами и даже обладали некоторыми полицейскими функциями.

1 января 1864 г. Александр II подписал *Положение о губернских и уездных учреждениях*. Для своего времени оно было весьма передовым.

Впервые земские учреждения стали самостоятельными в рамках своих полномочий общественными институтами, а не частями аппарата государственного управления. Губерния и уезд стали равноправными в пределах своих компетенций, а не соподчиненными территориальными единицами.

Положение основывалось на принципе всеобщего, а не сословного представительства. Все гласные (депутаты) губернских и уездных земских собраний были выборными, правда, в результате не прямого, а многоступенчатого косвенного голосования от трех курий — землевладельцев, преимущественно дворян, городских обывателей, главным образом, купечества, и сельских крестьянских **общин**. Право голоса имели лица не моложе 25 лет.

Хотя деятельность земств достаточно плотно контролировалась властями (губернатор и министр внутренних дел утверждали соответственно председателей уездной и губернской земских управ — исполнительных органов, решения по ряду вопросов, особенно финансовых, требовали утверждения государственными чиновниками), полномочия земств были весьма обширны, и круг их постоянно расширялся, достигнув к началу XX в. 25 сфер деятельности. Наиболее значительных успехов земства достигли в развитии народного образования и здравоохранения; в их работе принимало участие много **подвижников—сторонников** идей служения народу, про-

Раздел II. Политическая география

светительства, гражданской активности. Они видели в создании земств важный шаг к принятию либеральной конституции и демократизации всего российского **общества**. Появились высокопрофессиональные специалисты в местном управлении [Зубов, 1998].

В июне 1870 г. было принято **новое** и в целом прогрессивное *Городское положение, развивавшее зачатки самоуправления в городах*. Оно также основывалось на принципе всеобщего, а не сословно-корпоративного представительства, разделения распорядительной и исполнительной властей, создав условия для подъема промышленности и городского коммунального хозяйства. Серьезными недостатками Положения были не только значительный имущественный (налоговый) ценз, но организация выборов городских дум по трем разрядам, определявшимся по ранжированному списку плательщиков городских налогов. Немногочисленная группа наиболее состоятельных лиц, уплачивавшая треть всей суммы, получала право **из**брать треть гласных; те, кто внес в городскую казну следующую треть, также имели право делегировать треть гласных и т.д. В результате абсолютное большинство горожан было лишено всякого представительства — не только наемные рабочие, число которых быстро росло, но и социально активные слои интеллигенции. Однако набор компетенций городских дум и управ постоянно ширился.

Как всегда бывало в России, за волной реформ после убийства Александра II народовольцами 1 марта 1881 г. последовал период реакции. Новые законы, принятые Александром III в 1889-1892 гг., значительно урезали права местного самоуправления и были направлены на их *превращение в исполнительные придатки администрации губернаторов*. Земские служащие стали государственными, и им были присвоены чиновничьи чины (весьма низкие). Соответственно губернатор мог отныне назначать и смещать земских служащих, приостанавливать решения земских собраний и т.д. В городах налоговый ценз был заменен драконовским имущественным: *право избирать городские думы имели менее 1% горожан*. Сократилась их свобода в распоряжении своими бюджетами. Решения дум вступали в силу только после их утверждения губернатором или министром внутренних дел. Губернатор мог отдать распоряжение, исполнение которого оплачивалось городом. Земские собрания и городские думы рассматривались правительством как звено государственного управления и все больше превращались в простых исполнителей принятых им решений [Анимица, Тертышный, 1998].

Единой общегосударственной системы земств так и не было создано. Проект закона о земстве после долгих мытарств в Думе **зас-**

4. География административно-территориального деления...

трыл в Государственном Совете. Земские учреждения отсутствовали в волостях. В Сибири, пограничных и отдаленных губерниях земств не было вообще. Думы значительных городов безуспешно ходатайствовали о придании своим поселениям статуса уездных земств, ссылаясь на почти полное отсутствие своих представителей в губернских собраниях и явно недостаточное — в уездных. Исключительно негативную роль сыграло стремление правительства любой ценой сохранить господство дворянского сословия в земских собраниях.

Вместе с тем в России возникла самобытная система местного самоуправления и административно-территориального деления, основанная на глубоких исторических традициях, хотя российское общество не смогло (не успело?) реализовать заложенный в ней потенциал демократического развития. Одним из несомненных достоинств этой системы была гибкость — учет этнических и культурных особенностей населения, сложившихся в специфических географических условиях структуры хозяйства и т.д.

Административно-территориальное деление **России** в начале XX в.

Территория Российской империи продолжала почти непрерывно расширяться. В нее в XIX в. были включены часть нынешнего Северного

Кавказа, Закавказье, Средняя Азия, левобережье Амура. Естественно, на новых территориях формировались новые губернии, края, **генерал-губернаторства** и наместничества, делившиеся на области. В состав России вошли Бухарское и Хивинское ханства. Росло число административных единиц, уточнялись их границы, но при этом административное деление центральной части оставалось весьма стабильным [Тархов, 2000].

К 1913 г. в Российской империи насчитывалось 77 губерний, в том числе 49 — управляемых по Общему учреждению, 4 — сибирских, 10 — царства Польского, 7 — кавказских и 8 — финляндских; 18 областей, из них 5 — кавказских, 3 — туркестанских, 5 — «степных», 4 — сибирских, Закаспийская и Войска Донского, один округ в составе Кавказского края (Закатальский) и остров Сахалин, а также 4 города, не входившие в состав губерний и выделенные в градоначальства — Петербург, Одесса, Севастополь, Керчь—**Еникале**.

В Польше и Финляндии на базе их конституций и законодательства возникли особые системы местного самоуправления. В прибалтийских губерниях наряду с общероссийскими продолжа-

Раздел II, Политическая география

ли действовать традиционные корпоративные и местные учреждения. Народы Средней Азии, Закавказья, Сибири и Дальнего Востока имели собственные традиционные органы управления и самоуправления, в деятельность которых царские чиновники практически не вмешивались. Например, в Хивинском и Бухарском ханствах еще в начале XX в. в соответствии с местными законами и обычаями преступникам **публично** отсекали головы.

На многих территориях, уже давно вошедших в состав российского государства, также сложились особые модели местного управления. Например, в казачьих регионах принималась во внимание приверженность людей к демократическим методам управления, широкое распространение коллективного (**юртового**) землепользования, специфика быта и культуры. Высшие чиновники казачьих областей и округов (отделов) назначались военным министерством, но на уровне станиц и хуторов казаки сами избирали атаманов и главным органом местной власти были сходы → казачьи круги. На Урале земства были слабо развиты и наряду с общероссийской администрацией существовали административные горнозаводские округа. «Горные» власти обладали не только производственными, но и административными и социальными функциями.

Вполне понятно, что *к началу XX в. АДД во многом не удовлетворяло требованиям времени*. Прежде всего, быстрое укрепление этнической идентичности экономически наиболее продвинутых народов империи вызвало резкое недовольство границами губерний, игнорировавшими этнические рубежи.

Так, компактный регион расселения татар на Средней Волге был разделен на пять губерний. Развитие промышленности ускорило рост центров угольно-металлургических районов, городов с выдающимся экономико-географическим положением (в устьях рек у портов, на пересечении магистралей и т.п.), далеко не все из которых были губернскими столицами. Например, торгово-промышленный и портовый центр Ростов-на-Дону сильно обогнал столицу Области Войска Донского Новочеркасск, который оставался городом купцов, чиновников и студентов, а текстильный **Иваново-Вознесенск** не уступал в развитии губернскому Владимиру. Частичные изменения сетки губерний на окраинах державы происходили, но по политическим и иным причинам они были явно не достаточны, чтобы адаптировать систему АДД к социальным и экономическим потребностям времени. Назрели крупные изменения, реализованные уже в советский период,

4. География административно-территориального деления...

Советский период: борьба **отраслевого** и территориального **принципов** управления *Первые десятилетия советской эл-сти стали периодом почти непре-рывных экспериментов с АТД, при-званным соответствовать новой организации местной власти через посредство Советов, заменивших земства и другие институты прежней власти.*

Эволюция АТД стала результатом борьбы между сторонниками территориального и отраслевого принципов управления и представляло собой чередование волн укрупнения и нового дробления регионов. Его теоретической основой стала господствовавшая долгие годы среди специалистов идея о том, что оптимальное АТД должно основываться на иерархии объективно существующих экономических районов разного порядка, которую нужно выявить.

Критериями являлись комплексность и взаимодополняемость структуры хозяйства различных частей района, наличие природных ресурсов и других предпосылок развития в будущем. Полагали, что в этом случае будут созданы наилучшие условия для управляемости территории и удобства для людей. **Как** видим, еще задолго до появления трудов западных географов советские специалисты, хотя и в иной форме, фактически пришли к идее совмещения административных границ с рубежами пространства деятельности населения.

Нетрудно заметить, что принципы советского АТД соответствовали концепции руководящей роли партии в сферах общественной жизни. Именно поэтому советское АТД приняло *тотальный характер*: большинство государственных и общественных структур, кроме армии и государственных монополий вроде железной дороги, гражданской авиации и т.д., *строилось в соответствии с иерархией АТД и партийных комитетов: область (край, автономная республика)— город— район*. Понятно, что общество легче контролировать из «естественных» или специально создаваемых (в районах нового освоения) административных центров. **В административном районировании принимались во внимание также этническая структура расселения и политические соображения** — наличие городских, особенно промышленных центров, призванных играть руководящую роль по отношению к сельской местности. При этом экономическим критериям должен был принадлежать приоритет. Однако на практике все выглядело несколько иначе, чем в теории.

Раздел II. Политическая география

После непродолжительного периода военного коммунизма, отмеченного исключительной централизацией государственной власти, был взят курс на сращивание государственной власти с общественным самоуправлением в лице Советов, которые становились посредниками между наркоматами, центральной властью и населением. Переход к НЭПу был невозможен без определенной децентрализации.

В эволюции АТД в советский период выделяется шесть этапов.

- **Первый этап** (с 1917 г. и примерно до 1924 г.) развития советского АТД и местной власти был ознаменован прежде всего образованием большинства национально-государственных образований. Это было время многочисленных слияний и новых разукрупнений только что созданных республик. В 1924 г. вместо уездов был учрежден район как базовая административная единица, через которую должна была осуществляться «диктатура пролетариата» — руководство всей жизнью общества — как производственной, так и иными сферами деятельности. На этом уровне должны были быть сосредоточены основные организационные функции партии. Одновременно происходило постепенное разукрупнение царских губерний за счет выделения регионов с преобладанием национальных меньшинств или этнически пестрым населением и промышленных **областей**. Старые губернии сосуществовали с советскими областями.

- **Второй этап** (1924–1930 гг.) характеризовался попыткой создания крупных краев на основе экономических районов. XII съезд партии принял решение о переходе к трехзвенному административному районированию — область, округ, район. Эксперимент с созданием таких краев начался с Урала и Северного Кавказа. На Урале из пяти прежних губерний была образована Уральская область, делившаяся на 16 округов, 205 районов и 984 волости. Северный Кавказ был объединен в границах края, делившегося на семь автономных областей и 15 округов. Продолжалась постепенная ликвидация губерний, уездов и волостей. К 1926 г. уже вполне сформировалась система партийно-государственного руководства территориями через систему местных советов, которые получили свои бюджеты. В январе 1929 г. постановлением ВЦИК все еще остававшиеся к тому времени губернии были ликвидированы и преобразованы в края и области. Всего в районах с относительно однородным русским населением было создано шесть крупных областей, по территории значительно превышающих нынешние, а в районах, включавших более или менее компактные ареалы наци-

4. География административно-территориального деления...

ональных меньшинств — семь краев, подразделявшихся на АССР, автономные области и области. Некоторые АССР составляли особые государственные образования.

В том же году Сталин фактически совершил государственный переворот, в результате которого окончательно утвердился режим его единоличной власти. Он опасался чрезмерного влияния руководителей столь крупных и экономически мощных территориальных единиц, как, скажем, Уральский край. Кроме того, при столь обширных и поэтому более самостоятельных административных единицах труднее было аккумулировать в центре средства, необходимые для форсированной индустриализации.

* *Третий этап*, длившийся с 1930 г. до начала Великой Отечественной войны, стал периодом централизации власти, мобилизации средств для реализации амбициозных планов развития тяжелой и военной промышленности, укрепления отраслевого принципа управления и, соответственно, разукрупнения **краев**. Именно на этом этапе была образована большая часть ныне существующих российских областей. Эти изменения шли постепенно, но определенный их этап ознаменовало принятие в 1936 г. новой Конституции, которая предусматривала в РСФСР 17 АССР. **Ею** было упразднено в РСФСР семь краев, взамен которых учреждено много областей.

Кардинальные изменения происходили и на более низких уровнях АД. В 1930 г. было решено отказаться от округов и заменить их районами (кроме малонаселенных отдаленных территорий). Одновременно районы были разукрупнены, и их число в 1937 г. составило более 3300. В то же **время** коллективизация вызвала, наоборот, укрупнение волостей: часть из них упразднялась, другие преобразовывались в районы. В том же 1930 г. были приняты постановления ЦИК СССР, во многом определившие современную структуру местной власти в России. Советы в городах с населением более 50 тыс. и некоторые менее крупные, но важные центры обрели самостоятельность и были подчинены непосредственно республиканским ЦИК, краевым или областным исполкомам. К некоторым из них были при этом присоединены и окружающие более мелкие города, поселки и сельские территории, если они были традиционно тесно связаны. Города служили рынками сбыта сельскохозяйственной продукции, а их учреждения обслуживали население окрестных селений. **В некоторых случаях сельский район сохранялся, но подчинялся городскому Совету, в других сохранялись и городской, и районный Советы, причем городской подчинялся районному.**

В 1930 г. были введены первые ограничения на прописку и ли-

Раздел II. Политическая география

митировано передвижение сельских жителей, что должно было закрепить их за своими селами. В 1931 г. было принято постановление, регулировавшее деятельность сельсоветов. Завершилось сращивание Советов с партийно-государственным аппаратом. Отделы исполкомов делились на две категории: непосредственно подчиненные председателю (их деятельность касалась организации деятельности местной власти) и двойного подчинения — председателю («по горизонтали») и соответствующим отделам вышестоящих советов и отраслевым министерствам («по вертикали»). Ко второй категории относилось большинство отделов, в том числе ведавшие планированием и финансами.

• **Четвертый этап** (1941 — 1957/58 гг.) стал временем крупных изменений для многих национально-государственных образований, связанных с депортацией их титульного населения сталинским режимом (1941—1944 гг.), ликвидацией части из них (Крымской и Чечено-Ингушской АССР), преобразованием или изменением границ других. Это был также период новых разукрупнений областей. Так, Карачаево-Черкесская АО превратилась после депортации карачаевцев в Черкесскую АО в составе Ставропольского края, а часть ее территории была передана Грузии. Часть территории Чечено-Ингушской АССР вошла в состав новообразованной Грозненской области, включившей также Шелковской и Надтеречный районы Ставропольского края, населенные преимущественно казачками. Другие части были поделены между Дагестаном, Северной Осетией и Грузией. Чеченские и ингушские топонимы были заменены русскими, осетинскими и грузинскими. Северной Осетии был, в частности, передан весь город Орджоникидзе (Владикавказ), до войны бывший единственной в Советском Союзе общей столицей Северной Осетии и Чечено-Ингушетии.

В 1957 г. репрессированные народы были реабилитированы, и им было разрешено возвратиться на родину. Однако территориальная реабилитация была далеко не полной. Не была восстановлена государственность немцев Поволжья и крымских татар, а границы восстановленных автономий не везде совпали с довоенными, что послужило причиной кровавых конфликтов в постсоветский период, например, между Северной Осетией и Ингушетией по поводу Пригородного района близ Владикавказа. Населенные чеченцами-ауховцами Хасавюртский и Новолакский районы, ныне входящие в Дагестан, куда были насильственно перемещены лакцы, в 1999 г. стали ареной войны между вторгшимися туда чеченскими формированиями и федеральными войсками.

4, География административно-территориального деления...

Четвертый этап отмечен также *дальнейшим разукрупнением российских областей и укреплением вертикали управления*, особенно в годы войны. В 1943-1944 гг. в РСФСР было создано 14 новых областей. На Дальнем Востоке сформировали Магаданскую область, которой передали Чукотский АО, а Амурскую область вывели из Хабаровского края. В 1954 г. образовали сразу пять областей (Арзамасскую, Балашовскую, Белгородскую, Каменскую и Липецкую). Однако уже в 1957 г. Арзамасская, Балашовская, Каменская, а также Великолукская область были ликвидированы, поскольку их центры оказались слишком слабы, чтобы выполнять функции областной столицы.

В отличие от них в Липецке именно в эти годы развернулось строительство крупнейшего металлургического комбината, что резко ускорило его рост. Успешно развивался и Белгород. Тогда же, в 1952—1953 гг., был поставлен опыт с введением областного деления в Татарии и Башкирии (а также в ряде союзных республик), но новорожденные области оказались слишком невелики и их быстро упразднили. В 1956 г. стала самостоятельной Камчатская область с Корякским АО.

• Главным содержанием *пятого этапа* (1957/58—1965 гг.) была попытка частичного перехода на территориальный принцип управления экономикой и образования совнархозов. Перекосы в социальной сфере заставили руководство страны вновь задуматься о *преимуществах территориального принципа управления* и децентрализации некоторых полномочий, что должно было способствовать оживлению производства товаров народного потребления, услуг и в целом подъему уровня жизни. Совнархозы (советы народного хозяйства) были образованы сначала в границах экономических районов для управления крупной промышленностью и строительством (до 1962 г.), что стало новой попыткой реализации идеи сближения экономического и административного районирования. В ведении совнархозов находились предприятия, дававшие $\frac{3}{4}$ всей промышленной продукции страны. Затем из ведения совнархозов было изъято крупное строительство, и они были разукрупнены. Практически все республики, края и области получили свои совнархозы: в 1962 г. их насчитывалось 100, в том числе 67 — в РСФСР.

Однако страна вновь начала отставать в развитии важнейших отраслей промышленности, без которых нельзя было добиться военного паритета с Западом — химической, электронной. Потребовалось новое напряжение усилий, концентрация средств, возможная в то время только в условиях отраслевого управления. Сме-

Раздел II. Политическая география

нилось руководство страны, и эксперимент с совнархозами был прекращен. Он, однако, практически не был связан с изменением числа и границ АТЕ первого порядка: происходившие сдвиги носили частный характер.

На этом же этапе *продолжалось начатое несколько ранее* (в 1954 г.) *укрупнение районов*, число которых сократилось в 2,4 раза. В сельской местности в результате коллективизации реальными хозяевами стали не сельсоветы, а колхозы и совхозы, главные и часто единственные работодатели и распорядители **финансовыми** и материальными ресурсами. Волна укрупнения колхозов вполне закономерно вызвала и кампанию по *укрупнению сельсоветов*, число которых уменьшилось в 1,8 раза.

На пятом этапе (1965–1991 гг.) АТД в целом *стабилизировалось*. Господствовал и укреплялся *отраслевой принцип управления*. Происходившие в АТД изменения носили частный характер и затрагивали лишь среднеазиатские республики, в которых быстро росло население. Вносились также корректировки во внутрорегиональное административное деление: в РСФСР медленно, но непрерывно увеличивалось число районов. В конце 1980-х годов РСФСР делилась, помимо автономных республик, автономных областей, краев, областей и города Москвы, на более чем 1830 административных районов, 1030 городов, около 400 городских районов, 2200 поселков городского типа и более чем 23 тыс. сельских советов.

Жесткая вертикальная система руководства экономикой входила во все большее противоречие с задачами комплексного и сбалансированного развития регионов, рационального использования природных, материальных и трудовых ресурсов, подъема уровня жизни граждан, охраны окружающей среды.

« Хозяйство было ориентировано на достижение оптимальных условий деятельности отдельных отраслей, а не общества в целом.

Отраслевые министерства стремились сократить свои издержки. Поскольку руководитель крупного ведомства имел, как правило, больший политический вес и влияние, чем первый секретарь обкома и уж тем более председатель облисполкома, то *хозяйственные решения принимались в интересах ведомств, а не территорий*. Каждое министерство, как крупное феодальное хозяйство или частная компания, стремилось к автаркии и, вместо того чтобы организовать кооперацию, развивало внутри своей системы все вспомогательные производства. Оно ориентировалось не на комплекс-

4. География административно-территориального деления...

ную переработку сырья, а извлечение только тех компонентов, за производство которых несло ответственность, стремилось разместить новые мощности там, где они могли быть быстро освоены, где уже имелись кадры, инфраструктура и т.д. В результате возникали такие чудовищные очаги загрязнения окружающей среды, как, например, комплекс нефтехимических производств в Уфе.

Располагая гораздо большими по сравнению с местными властями ресурсами, министерства были заинтересованы в наращивании производства, а вовсе не в строительстве жилья и социальной инфраструктуры, всегда остававшемся для него второстепенной задачей (так называемый остаточный принцип). О слабости Советов в сравнении с ведомствами красноречиво говорит тот факт, что местным властям принадлежала всего четверть жилого фонда городов, тогда как министерствам — около половины. Финансовая база местных Советов оставалась ограниченной и не менялась на протяжении десятилетий: так, доля всех самостоятельных местных бюджетов в государственном бюджете СССР составляла в 1940 г. 17,2%, в 1950-м — 16,0%, в 1975-м — 17,9%. Если на уровне областей или крупнейших городов местные власти еще располагали определенными возможностями для маневра ресурсами, то в других городах и районах руководство могло располагать главным образом дотациями, выделяемыми им «сверху», из которых состояло 2/3 бюджета, что сковывало их инициативу и порождало иждивенческие настроения [Анимица, Тертышный, 1998].

Партийно-государственное руководство отдавало себе отчет в этих пороках управления и периодически делало попытки повысить роли местных Советов как хозяев территории и координаторов деятельности предприятий союзного и республиканского подчинения, активизировать инициативу снизу. При этом, однако, не шло и речи о принципиальных реформах административно-командной системы, поэтому принимавшиеся меры носили в основном паллиативный характер.

Местное самоуправление и административно-территориальное деление в постсоветской России: пути и перспективы

дителями Советов. Незадолго до распада СССР, в 1990 г. повысило свой статус большинство автономных образований и был принят со-

В период между декабрем 1991 г. и декабрем 1993 г. развитие АТД и местного самоуправления в России определялось главным образом борьбой за власть между президентской администрацией и руко-

Раздел II. Политическая география

державший для того времени много новаций закон «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР». После августовского путча 1991 г. главы администраций краев и областей стали назначаться президентом РСФСР (позже — РФ), а они, в свою очередь, назначали глав городов и районов. Таким образом, по политическим причинам была вновь укреплена общегосударственная вертикаль исполнительной власти.

В результате попытки переворота в сентябре—октябре 1993 г. вплоть до вступления в силу принятой на декабрьском референдуме Конституции местного самоуправления в России не существовало, так как Советы всех уровней были упразднены.

Тем самым была окончательно ликвидирована советская система управления. В то же время система АД осталась фактически прежней. Границы республик, краев и областей в связи с их превращением в полноправные субъекты РФ согласно Федеративному договору 1992 г., вошедшему затем в Конституцию, «окостенели».

Хотя при реформировании АД действует золотое правило «если можно не менять, нужно не менять», в сложившейся системе накопилось много недостатков, и оно, несомненно, будет постепенно эволюционировать. Среди *недостатков*:

- усложненность иерархической структуры;
- неравноправие административно-территориальных единиц одного уровня: например, есть города областного и районного подчинения, районы, подчиняющиеся непосредственно области, и внутригородские районы в крупных городах;
- чрезмерная дробность и нарушение во многих случаях оптимального соотношения в численности административных единиц разных иерархических уровней;
- слабость многих районных центров и даже центров субъектов федерации.

На 1 января 2000 г. в РФ насчитывалось 1087 городов, 2022 поселка городского типа, 24 307 сельских советов, сельских округов и волостей, 1868 районов и 325 городских районов и округов. Если в среднем на один субъект РФ (кроме Москвы и Петербурга) приходится 21 административный район и 7 городов областного подчинения, то в Московской области, например, насчитывается 39 районов и 55 городов областного подчинения (в сумме

4. География административно-территориального деления...

94 единицы — многократно больше оптимальных 10–15), в Башкортостане — 74, Алтайском крае — 71, Краснодарском крае — 66 и т.п. Естественно, что при таком многообразии административно-территориальных единиц они резко отличаются по всем социально-экономическим параметрам. Усиливается мозаичность социально-экономического пространства, удорожается управленческий аппарат. В маломощных районах ввиду финансовой и кадровой слабости заведомо затруднено развитие местного самоуправления.

В современной России внутрирегиональные различия часто намного больше межрегиональных.

Только 40% райцентров обладают статусом города, а в более чем половине райцентров насчитывается менее 10 тыс. жителей, чего явно недостаточно для выполнения административных функций даже на уровне района. В ряде регионов городов среди райцентров еще меньше [Акименко и др., 1996].

АТД ныне — прерогатива субъектов федерации. Некоторые из них уже устанавливают свое деление, отличное от унаследованного советского, существующего в большинстве республик и областей. Например, в Свердловской области введены округа как промежуточное звено между областью, городами и районами. Однако нужны общероссийские законодательные рамки реформ **внутри**-регионального АТД, иначе страна может столкнуться с трудностями из-за разнobia в числе, уровне и компетенциях административно-территориальных единиц.

По этим и многим другим причинам для нынешнего, седьмого этапа до сих пор характерна неопределенность. С одной стороны, в действующей Конституции прямо записано, что местное самоуправление не входит в систему органов государственной власти. В августе 1995 г. принят закон РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской **Федерации**». Он не увязывает территориальную организацию местного самоуправления с АТД, но и не исключает такую увязку.

Иными словами, закон основывается на «поселенческом», а не административно-территориальном принципе местного самоуправления. Введено понятие «муниципальное образование»: им может быть район, волость, село, группа сел, микрорайон или жилой комплекс в городе.

Муниципальное образование имеет собственность, бюджет и выборные органы.

С другой стороны, дискуссии о государственном устройстве России, начавшиеся в переломные годы (1990—1992), продолжаются, а в некоторые периоды (например, в связи с избранием нового президента в 2000 г.) даже активизируются. Некоторые их участники убеждены, что России самоуправление вообще не нужно. В таких субъектах РФ, как Татарстан и Удмуртия, действие закона о местном самоуправлении необоснованно распространяется только на сельские населенные пункты.

Формирование межрегиональных ассоциаций регионального взаимодействия, а затем федеральных округов, наряду с итогами дискуссий последних лет, показывает: не исключено, что «маятник» эволюции российского АТД продолжит свое движение. На очереди — волна укрупнения или создания «над-» или «межрегиональных» административных единиц — возможно, ими станут образованные в 2000 г. федеральные округа. Как бы то ни было, опыт свидетельствует, что средний размер единицы основного деления в России колебался вокруг неких «естественных» оптимальных значений, что, вероятно, связано с транспортной проницаемостью пространства и конфигурацией системы крупных городов. Не случайно *столь устойчиво АТД Европейской части России: 42 старые губернии в той или иной форме (области, края, АССР или нынешние республики) существовали и в советский период, и после распада СССР, продолжая более чем 200-летние традиции своих предшественников [Тархов, 2000]*).

В мировой практике накоплен богатый опыт административно-территориальных преобразований, выработаны некоторые их принципы, которые можно сформулировать следующим образом.

- *Смежность.* Единицы АТД должны быть **смежными**: «островков», отдаленных от основной территории коридорами или естественными барьерами, далеко выдающихся выступов не должно быть вовсе или они должны быть сведены к минимуму.
- *Компактность.* Единицы АТД должны иметь компактную форму,
- *Пропорциональность.* Число единиц АТД каждого ранга должно вписываться в «коридор оптимальности»; различия их по территории, численности населения, хозяйственному потенциалу не должны быть слишком велики, но вместе с тем АТД должно соответствовать степени освоенности и плотности населения территории.

4. География административно-территориального деления...

- *Преемственность.* Границы АТД должны по возможности не нарушать сложившихся границ, что сохраняет инфраструктуру, в том числе систему коммуникаций, обеспечивает сопоставимость информации.

- *Соответствие идентичности.* Заведомо искусственные границы, не считающиеся с историческими традициями и культурными различиями, будут отвергнуты населением и нанесут ущерб социальной стабильности. Из этого вытекает, что любые реформы могут быть эффективными только тогда, когда проводятся демократическим путем (в том числе путем «саморайонирования» населения).

- *Необходимость «критической массы».* Единицы АТД должны быть достаточно «мощными», чтобы обеспечить финансовую базу местному самоуправлению, а население — подходящим набором услуг. В странах с более развитой социальной и транспортной инфраструктурой административный центр может располагаться не в главном центре. Для России и многих других, особенно учитывая традиции централизма, «критическую массу», т.е. материальную возможность выполнять управленческие функции, должен иметь и административный центр.

- *Взаимодополняемость.* В единицах АТД, особенно высших рангов, должны быть соблюдены пропорции между богатыми и бедными районами, узкоспециализированными населенными пунктами и территориями с диверсифицированными функциями. Это должно способствовать территориальной справедливости, обеспечить более равную доступность социальных услуг, повысить кризисоустойчивость хозяйства.

- *Гибкость и адаптивность.* АТД должно сравнительно легко приспособливаться к изменениям в обществе — сдвигам в технологиях, экономике, расселении, потреблении, учитывать и изменения в территориальной структуре хозяйства — например, ход освоения новых районов.

Один из главных уроков изучения реформ АТД состоит в крайне осторожном отношении к проектам всяких изменений административных границ. Проработка этих проектов с географической точки зрения основывается на:

- *анализе истории сдвигов в ЛТД* за длительный период, устойчивости конкретных участков современных административных границ, выявлении «островков» тяготеющей к главным центрам тер-

Раздел II. Политическая география

ритории, никогда не менявшей свою административную принадлежность, устойчивости выполнения административных функций городами, т.е. естественно-исторической основы административного районирования;

- *изучении сеток ведомственного деления страны* (военных округов, железных дорог, округов по управлению энергохозяйством и т.п.), совокупность которых отражает реальное хозяйственное, транспортное и социальное членение территории;
- *сопоставлении имеющихся сеток отраслевого и интегрального экономического, социального и иных видов районирования;*
- *изучении ареалов тяготения важнейших городов* — в первую очередь трудовых и иных поездок населения;
- *анализе социально-культурной оснащенности городов* разного ранга для выполнения функций административных центров в узловых районах;
- *решении комплекса социально-географических задач*, включающего выявление культурно-географических различий в стране, регионализма, **территориальных** различий в условиях и уровне жизни, барьерности существующих **административных** границ и др.

Вряд ли можно сомневаться, что укрепление экономики страны заставит если не в общегосударственном масштабе, то на уровне субъектов федерации более активно обратиться к поискам форм государственного устройства и гибкого административно-территориального деления, соответствующих российским традициям и мировому опыту.

Контрольные вопросы

1. Какова взаимосвязь между АДТ и местным самоуправлением? Каковы функции АДТ в территориально-политической организации общества?
2. Охарактеризуйте основные этапы развития АДТ и местного самоуправления в Европе.
3. Какие типы систем местного самоуправления сложились в развитых странах? Назовите их особенности. В каких странах они получили развитие?
4. Каковы географические проблемы изучения финансовых основ местного самоуправления?
5. Проанализируйте соотношение географических факторов устойчивости и изменчивости АДТ на примере какой-либо зарубежной страны.
6. Какое влияние оказывала урбанизация на АДТ и местное самоуправление на разных этапах его эволюции и в разных типах стран?

4. География административно-территориального деления...

7. Каково соотношение территориальной идентичности и местного самоуправления?
8. Каковы были главные направления реформ АТД в развитых странах и чем они были вызваны?
9. Как соотносятся тенденции регионального развития, пути эволюции региональной идентичности и создание крупных регионов (регионализация) в Европе?
10. Что такое территориальная справедливость? Как это понятие может применяться в России?
11. С какими общественными процессами и событиями были связаны реформы АТД в Российской империи и бывшем СССР?
12. Охарактеризуйте основные черты системы АТД и местного самоуправления в дореволюционной России. В чем могут заключаться элементы их преемственности с современной Российской Федерацией?
13. Назовите этапы эволюции АТД в бывшем СССР.
14. Каковы современные проблемы и пути совершенствования АТД и развития местного самоуправления в России?
15. Каковы пути географического изучения АТД и местного самоуправления?

Использованная литература

- Акименко А., Алексеев А., Лавров А., Шувалов В.* Пути к совершенной модели государственного устройства//Федерализм. 1996. № 2. С. 127—144.
- Анимича Е. Г., Тертышный А. Т.* Местное самоуправление: история и современность. Екатеринбург, 1998.
- Драго Р.* Административная наука. М., 1982.
- Зубов А.* Будущее российского федерализма//Знамя. 1996. № 3. С. 172—188.
- Лаппо Г. М.* География городов, М., 1997.
- Смирнягин Л. В.* Концепция территориальной справедливости в западной географии//Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. М., 1990. Вып. 10.
- Тархов С. А.* Изменение административно-территориального деления России за последние 300 лет//География. 2000. № 51—52.
- Транин А. А.* Административно-территориальная организация капиталистического государства. М., 1984.
- Шомина Е. С.* Контрасты американского города. М., 1986.
- Bennett R., ed.* Territory and Administration in Europe. London; New York, 1989.
- Cox K. R.* Conflict, Power and Politics of the City: A Geographic View. New York, 1973.
- Glezer O., Kolossov V., Petrov N.* Ethnoterritorial Conflicts in the Former USSR. Durham, 1992.
- Massey D.* Spatial Division of Labour. London, 1984.

Раздел II. Политическая география

Newton K. Conflict avoidance and conflict suppression: the case of urban politics in the United States//*K. R. Cox, ed.* Urbanization and Conflict in Market Societies. London, 1978. P. 76-93.

Short J. R. Political Geography. Second Edition. London; New York, 1993.

Taylor P. J., Flint C. Political Geography, **World-Economy**, Nation-State and Locality. Fourth Edition, **Harlow**, 2000.

Wollmann H. Local Government Systems: From Historic Divergence Towards Convergence? Great Britain, France, and Germany as Comparative Cases in **Point//Environment** and Planning C: Government and Policy, 2000. Vol. 18. P. 33-55.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
------------------	---

Раздел I

ГЕОПОЛИТИКА.

Модели и процессы формирования геополитического пространства мира

Введение. О понятии «геополитика».....	9
Глава 1. Историография классической и современной зарубежной геополитической мысли.....	29
1.1. Реалистическая и идеалистическая традиции в геополитике.....	29
1.2. Геополитические идеи первопроходческого значения.....	34
1.3. Основоположники геополитических представлений.....	36
1.4. Ревизионистские геополитические западные теории.....	87
1.5. Представление о геополитических кодах.....	125
Глава 2. Обзор российской геополитической мысли.....	138
2.1. Основные вехи гражданской и геополитической русской истории: между Западом и Востоком.....	138
2.2. Идеология «Москва — Третий Рим» как выражение русского мессианства.....	145
2.3. Западничество и славянофильство.....	147
2.4. Панславизм.....	151
2.5. Основные геополитические идеи В. П. Семенова-Тян-Шанского.....	154
2.6. Геополитическая концепция евразийства.....	156
2.7. Краткий обзор тенденций в современных геополитических исследованиях в России.....	162
Глава 3. Формирование геополитического пространства мира с эпохи Великих географических открытий.....	174
3.1. Геополитика и понятие империализма.....	174
3.2. Четыре эры империалистической заокеанской экспансии.....	177
3.3. Деколонизация.....	184
3.4. О теории Четвертого мира.....	189
Глава 4. Теоретические проблемы мировых геополитических циклов.....	199
4.1. Длинные циклы развития мировой геополитики Дж. Модельского и В. Томпсона.....	201

Оглавление

4.2. Циклы гегемонии П. Тейлора.....	208
4.3. Сдвоенная модель Кондратьева—Валлрстайна для анализа геополитических гегемоний.....	210
Глава 5. Геополитическое положение современной России.....	X\5°
5.1. Мир после «холодной войны»: однополюсный или многополюсный?.....	215
5.2. Внутренние условия формирования геополитического кода России.....	218
5.3. Модель геополитического положения России.....	223

Раздел II

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ.

Теория и практика

Глава 1. Развитие мировой политической географии и концепция территориально-политической организации общества.....	239
1.1. Объект, предмет и структура политической географии.....	239
1.2. Мировая и отечественная политическая география: основные концепции и идеи.....	245
1.3. «Новая» политическая география: истоки, проблематика, теория.....	257
1.4. Политическая география в бывшем СССР и России.....	282
1.5. Концепция территориально-политической организации общества.....	289
Глава 2. Границы, государственное строительство, национальная и территориальная идентичность.....	301
2.1. Лимнология: традиционные подходы и методы географических исследований государственных границ.....	301
2.2. Теория мировых систем, национальная и территориальная идентичность и география границ.....	313
2.3. Государственные границы как часть мировой системы границ.....	331
2.4. Динамика идентичностей, государственное строительство и границы в бывшем СССР.....	337
2.5. Новое пограничье России: генезис, морфология и современные проблемы.....	346/
2.6. Опыт развития трансграничных районов в западноевропейских странах.....	359
2.7. Будущее мировой системы политических границ.....	363
Глава 3. Федерализм в территориально-политической организации общества.....	379
3.1. Понятие и формы современного федерализма.....	379

Оглавление

3.2. Классификация федераций.....	391
3.3. Типы федераций в современном мире и некоторые особенности России как федеративного государства.....	402
Глава 4. География административно-территориального деления и местное самоуправление.....	411
4.1. Возникновение и типы систем АД и местного самоуправления в промышленно развитых странах.....	413
4.2 Территория и местное самоуправление.....	422
4.3 «Устойчивость» и изменчивость административно-территориального деления: противоречие между стабильностью административных границ и динамизмом общественного развития.....	429
4.4. «Формы АД: географические предпосылки и последствия.....	442
4.5. Россия: геополитические потрясения и волны административных реформ.....	450
Яр, (метный указатель).....	473

1

Учебное издание

1

Владимир Александрович Колосов
Николай Семенович Мироненко

1

ГЕОПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

1

Редактор **Р. С. Берлянт**
Корректор **А. А. Барина**
Художник **Д. А. Сенчагов**

2

Компьютерная верстка **О. С. Коротковой**

2

ИД № 00287 от 14.10.99

Подписано к печати 23.01.2001. Формат 60x90¹/₆.
Гарнитура Тайме. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 30.
Тираж 5000 экз. Заказ № 2659.

-

1

Издательство «Аспект Пресс»
111398 Москва, ул. Плеханова, д. 23, корп. 3.
e-mail: info@aspectpress.ru
www.aspectpress.ru
Тел. 309-11-66, 309-36-00

2

1

с

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200 г. Можайск, ул. Мира, 93.